
ИМЛИ
РАН
1932

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 4 (38). 2025

Published since 2016

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2025. № 4 (38)

Издается с 2016 г.

16+

Литературный факт: научный журнал. –2025. – № 4 (38). – 512 с.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67296 от 30 сентября 2016 г.

Редакция

Главный редактор
Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Заместитель главного редактора
Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)
Алена Эдвартовна Исаханян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *М.Л. Андреев* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лощилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Foscari, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1
Тел: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
Сайт: http://litfact.ru/

© 2025, ИМЛИ РАН

Literaturnyi fakt [Literary Fact]. No. 4 (38). 2025. 512.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296, September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany / St. Petersburg, Russia), *Mikhail L. Andreev* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA, USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia), *Mikhail V. Stroganov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatnin* (University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi* (University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3, Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel), *Lazar S. Fleishman* (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schruba* (Milan University, Milan, Italy)

Address: Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia
Phone: 8 (495) 690-50-30
E-mail: editor@litfact.ru
www.litfact.ru

© 2025. IWL RAS

Содержание

Литературный факт. 2025. № 4 (38)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Е.А. Есенина. О неизвестной редакции романа Вс. Иванова «Кремль» 8
М.Ю. Ульянов, Я.Д. Чечнёв. «Лунное» стихотворение Чжан Жосюя в Студии китайской поэзии издательства «Всемирная литература» (1919)..... 25

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

А.Д. Ивинский. М.Н. Муравьев в начале 1780-х гг. (по материалам РО ИРЛИ) 52
М.А. Фролов Письма и поэтические автографы Поликсены Соловьевой из архива Николая Гудзия 79
Переписка В.П. Семенова-Тян-Шанского с И.А. Буниным. *Вступительная статья, подготовка текста и примечания М.А. Семенова-Тян-Шанского* 87
Т.М. Горяева. «Путешествие души». Документы М.В. Матюшина в архиве Н.И. Харджиева..... 157

БИОГРАФИКА

Д.Н. Кожачкина. Эпистолярное наследие и художественное творчество Елены Гуро: деконструкция автобиографического мифа писательницы 197
М.А. Габалла. Забытые имена русской эмиграции. Штрихи к творческой биографии В.В. Корсака-Завадского 235

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

В.А. Мильчина. Энтомологическая утопия Шарля Нодье 261
А.Л. Топорков. История одной литературной мистификации: мифические книги и магические предметы, спрятанные в Сухаревой башне 289
Л.В. Суматохина. Всеволод Иванов в работе над романом «Эдесская святыня»: эволюция замысла 330
В.Е. Багно. Репутация русской литературы за рубежом и русский текст мировой культуры: К постановке проблемы 347

ЭТЮДЫ О ПУШКИНЕ

С.Ю. Павлова. О мольеровском источнике утраченного сочинения юного Пушкина 358
А.В. Дубровский. Пушкинские автографы в коллекции П.Я. Дашкова (по материалам архива)..... 375
А.Г. Разумовская. «Последний приют» Пушкина глазами странствующих очевидцев 396
А.В. Сысоева. Идеологический поворот середины 1930-х гг. в «оборонной критике»: война, патриотизм и Пушкин 415
Д.М. Цыганов. Из истории академической серии «Литературное наследство»: «Пушкинский» том (т. 16–18) 434

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

О.А. Богданова. Г.И. Чулков и Комиссия по изучению Достоевского в ГАХН..... 471
Хенрик Баран. Александр Парнис — исследователь Хлебникова. К 60-летию литературной деятельности..... 497

Contents

Literary Fact. 2025, no. 4 (38)

FROM LITERARY HERITAGE

Ekaterina Esenina. On the Unknown Version of Vsevolod Ivanov's Novel *The Kremlin* 8

Mark Ulyanov, Yakov Chechnev. Zhang Ruoxu's "Lunar" Poem at the Chinese Poetry Studio of the World Literature Publishing House (1919) 25

MEMOIRS. LETTERS. DAIRIES

Alexander Ivinskiy. Mikhail Muravyev in the Early 1780s (Based on Materials of the Department of Manuscripts of the Institute of Russian Literature) 52

Maxim Frolov. Letters and Poetic Autographs of Polixena Solovieva from the Archive of Nikolai Gudziy 79

Correspondence between Valery Semenov-Tyan-Shansky and Ivan and Vera Bunins. *Introductory article, text preparation, and notes by M.A. Semenov-Tyan-Shansky* 87

Tatyana Goryaeva. "Journey of the Soul." Mikhail Matyushin's Documents in Nikolay Khardzhiev's Archive 157

BIOGRAPHICA

Darya Kozhachkina. Elena Guro's Letters and Literary Works: Deconstruction of the Writer's Autobiographical Myth 197

Mai A.G. Gaballah. Forgotten names of Russian Emigration. Some Details on Veniamin Korsak-Zavadsky's Biography 235

ARTICLES. NOTES. REPORTS

Vera Milchina. The Entomological Utopia of Charles Nodier 261

Andrey Toporkov. The Story of One Literary Mystification: Mythical Books and Magical Objects Hidden in the Sukharev Tower 289

Lyubov Sumatokhina. Vsevolod Ivanov and His Work on the Novel *The Edessa Icon*: the Evolution of the Idea 330

Vsevolod Bagno. The Reputation of Russian Literature Abroad and the Russian Text of World Culture: Towards the Formulation of the Problem 347

STUDIES ON PUSHKIN

Svetlana Pavlova. About Moliere's Source of the Lost Work of Young Pushkin 358

Alexander Dubrovskii. Pushkin's Autographs in the Collection of Pavel Dashkov (Based on Archival Materials) 375

Aida Razumovskaya. "The Last Refuge" of Alexander Pushkin Viewed by Wandering Eyewitnesses 396

Anastasia Sysoeva. The Ideological Turn of the mid-1930s in the "Defense Criticism": War, Patriotism and Pushkin 415

Dmitry Tsyganov. From the History of the Literary Heritage Academic Series: The Pushkin Volume (Vols. 16–18) 434

FROM SCOLAR HERITAGE

Olga Bogdanova. Georgy Chulkov and the Commission for the Study of Dostoevsky in the GAKhN 471

Henryk Baran. Aleksandr Parnis, Khlebnikov Scholar. For the 60th Anniversary of His Literary Work 497

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Л итературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-08-24
https://elibrary.ru/RSGTQQ

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

О неизвестной редакции романа Вс. Иванова «Кремль»

© 2025, Е.А. Есенина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00107 «Из литературного наследия Всеволода Иванова конца 1920-х – начала 1960-х гг.» (https://rscf.ru/project/25-28-00107/).

Аннотация: В статье впервые рассматривается редакция романа Вс. Иванова «Кремль» из семейного архива писателя, которая датируется концом 1950-х – началом 1960-х гг. Неизвестная ранее редакция сопоставляется с первой, созданной писателем в 1928–1930-х гг. и при жизни Иванова не опубликованной. В статье нами употребляется термин «редакция» по отношению к этим текстам, несмотря на их существенные отличия. Стилистически и сюжетно перед нами два разных текста; мотив, объединяющий редакции романа «Кремль», — это противостояние новой власти и людей, связывающих себя с православной верой. Для творческой манеры Иванова было характерно создание нескольких вариантов произведений, резко отличающихся друг от друга (в частности, романы «Кремль», «Сокровища Александра Македонского»). Для характеристики первой редакции «Кремля» исследователи употребляют дефиницию «экспериментальный роман», что отражает особенности повествовательной структуры текста, отход от основ классической русской прозы. В редакции 1950-х–1960-х гг. Иванов возвращается к классическому типу повествования. В статье представлены архивные материалы, проясняющие историю неосуществившейся публикации романа в журнале «Красная новь». Несмотря на свой декларируемый атеизм, писатель на протяжении долгих лет интересовался историей мировых религий, в частности много размышлял о роли православия в России, и это отразилось в сюжете обеих редакций романа «Кремль», а также и в других текстах автора.

Ключевые слова: Вс. Иванов, роман «Кремль», неизвестная редакция, борьба с религией в СССР, антирелигиозная пропаганда, экспериментальный роман.

Информация об авторе: Екатерина Александровна Есенина — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-3783-5971

E-mail: katerinazinova@gmail.com

Для цитирования: *Есенина Е.В.* О неизвестной редакции романа Вс. Иванова «Кремль» // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 8–24. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-08-24

Замысел романа Вс. Иванова «Кремль», по воспоминаниям вдовы писателя, относится к 1922–1924 гг. [5, с. 524]. В исследовательских работах, посвященных произведению, за ним закрепилась дефиниция «экспериментальный роман» (см.: [11; 13; 14]). Данное определение отражает особенности повествовательной структуры текста, отход от основ классической русской прозы. Говоря о романе «Кремль», изначально важно отметить, что произведение имело несколько редакций, которые можно назвать так лишь условно, поскольку тексты резко отличаются друг от друга. Об этой особенности Иванова редактировать текст говорит М. Черняк, посвятившая диссертационное исследование вышеуказанным романам: «…изменение фразы вело к изменению ритма текста, поэтому, по мнению автора, нужно не исправлять слова, а создавать иной вариант фразы, фрагмента текста. Отмеченная особенность творческой индивидуальности Вс. Иванова и является причиной существования множества вариантов его произведений» [11, с. 27]. Такова была ситуация и со многими другими произведениями Иванова (например, роман «Сокровища Александра Македонского» насчитывал пять редакций, написанных в разной стилевой манере (см.: [2]) и даже с написанием автобиографии: зафиксированы сведения, что Иванов на первых порах писал каждый раз новую автобиографию, не похожую на предыдущую, аргументировав это тем, что «ему скучно повторять одно и то же»[1].

Роман «Кремль» (первая редакция 1929–1930-х гг.) анализируется в диссертации М.А. Черняк [11], в монографиях Л.А. Гладковской[2], Л.П. Якимовой [14], в статьях А.В. Белинкова [1], А.М. Эткинда [13]; о творческой истории романа рассказывает вдова писателя Т.В. Иванова в статье «Писатель обгоняет время» [5]. В 2023 г. при передаче

[1] *Иванова Т.В.* Перелистывая страницы… // Всеволод Иванов — писатель и человек. М.: Сов. писатель, 1975. С. 357–443.

[2] *Гладковская Л.А.* Жизнелюбивый талант. Творческий путь Всеволода Иванова. Л.: Худож. лит., 1988. 304 с.

части семейного архива писателя в ОР ИМЛИ и составлении его описи были обнаружены две редакции романа, которые предположительно относятся к концу 1950-х − началу 1960-х гг. Эти тексты являются совершенно новым материалом для исследований. В настоящей работе, наряду с рассмотрением первой редакции романа, мы остановимся на анализе одной из этих редакций, которую выбрали в качестве наиболее цельной.

В 1929 г. Вс. Иванов с женой совершали поездку по приволжским городам — Ростову, Угличу, Ярославлю. В центре их внимания были старинные кремли и ярославская мануфактура — то, что составит потом сюжетную основу первой редакции романа. Иванов уже тогда начал интересоваться историей мировых религий и, в частности, много думал о роли православной церкви в жизни общества. Особой интенсивности размышлений способствовала обстановка того времени: «грабежи, аресты, голод, кощунства, вскрытия мощей, первые новомученики — зверски умерщвленные священники, епископы, митрополиты» [7, с. 568]. В 1918–1920 гг. с целью дискредитации церкви проводятся кампании по вскрытию мощей (вскрытие рак с мощами Александра Свирского, Тихона Задонского, Митрофана Воронежского), в газетах появляются многочисленные статьи об обмане верующих священнослужителями [6]. В 1918 г. на страницах газеты «Правда» А. Коллонтай призывает к ликвидации православных монастырей[3], в следующей своей статье под красноречивым названием «Попы еще работают» говорит о необходимости развития естественных наук с целью «подкосить старые суеверия, выбить фундамент из-под ног религиозного мышления»[4]. В это же время власть вводит запрет на деятельность синодальной типографии в Петрограде. С 1917 г. в России при непосредственном участии новой власти началось движение за «обновление» российской церкви с целью установления тесного сотрудничества с государством. На тот момент патриархом Московским был Тихон, не желавший мириться с большевистскими зверствами. В результате уже в 1918 г. патриарха арестовывают (однако вскоре под давлением общественности отпускают), после этого большевики несколько раз организовывают покушения на него. В 1922 г. произошел раскол, в результате которого «Русская Церковь была разделена на патриаршую во главе со святителем Тихоном и обновленческую» [7, с. 576]. Этот исторический факт отражен в рассказе Иванова «Счастье епископа Валентина» (1927), в котором писатель показывает чело-

[3] Правда. 1918. 10 нояб.

[4] Правда. 1918. 29 дек.

века в столкновении личных, простых устремлений, (тихая мирная жизнь, общение с природой, Богом) и навязанных ему задач (борьба с «тихоновщиной», служение «живой церкви»). Писатель пытался понять, какова роль церкви в сохранении нравственной культуры и к чему может привести разрушение веры. Поэтому мотив, который объединяет все редакции романа «Кремль», — это противостояние новой власти и людей, связывающих себя с православной верой.

Работа над первой редакцией была окончена в 1929 г., после чего автор отдал часть романа (пролог и первые пять глав) для печатания в журнал «Красная новь», но получил отказ. Разыскания Е.А. Папковой в РГАЛИ показали, что в фонде Г.А. Санникова, который в 1927–1930 гг. заведовал редакцией журнала, имеются протоколы заседания редколлегии этого периода, проясняющие историю публикации романа «Кремль». Сохранился проспект, где перечислены произведения, которые должны были быть опубликованы в 1928 г. — это новые романы М. Горького и роман Вс. Иванова «Кремль»[5]. Спустя год было принято решение «сдать в Госиздат объявление о подписке на 1929 г. с указанием, что с первой книжки начнутся печатанием роман Вс. Иванова “Кремль”, отрывок из романа Гладкова “Энергия” и повесть К. Федина “Старик”»[6]. Однако публикация романа Иванова так и не состоялась. Причины отчасти понятны из чернового протокола № 10 заседания редколлегии «Красной нови». В нем указывается на то, что Иванов «психологически чув<ствует>, что удар по П<ильняку> есть и по нему»[7]. На заседании присутствовал Б. Волин, который своей статьей «Недопустимые явления»[8] открыл литературную кампанию осуждения Б. Пильняка за публикацию романа «Красное дерево» в «издательстве берлинских белогвардейцев»[9] (см.: [10]). В начале сентября 1929 г., во время нападок литературной общественности на Пильняка, Иванов решился выступить со словами примирения («…мне кажется <…>, Пильняк напутал, ошибся… По-моему, здесь какое-то недоразумение»[10]), что вызвало негативную реакцию членов редколлегии.

[5] РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. 417. Л. 14.

[6] Там же. Л. 35.

[7] РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. 417. Л. 13.

[8] Литературная газета. 1929. 26 авг. С. 1.

[9] Имеется в виду издательство «Петрополис», созданное в 1922 г. как филиал петербургского одноименного издательства 1918 г., а в 1924 г. ставшее самостоятельным и публиковавшее также А. Ахматову, О. Мандельштама, Е. Замятина, И. Бунина, М. Алданова, В. Ходасевича и пр.

[10] Литературная газета. 1929. 9 сент. С. 1.

В итоге роман Иванова был напечатан уже после смерти писателя — в 1981 и 1990 гг. В 1981 г. произведение вышло со значительными купюрами и под редакторским названием «Ужгинский кремль»[11]. Издание 1990 г. было освобождено от редакторской правки и поэтому считается наиболее авторитетным [4].

В газете «Правда» 9 декабря 1934 г. была напечатана примечательная заметка, из которой видно, что писатель после неудачи с публикацией не оставил своего замысла, а пытался, несколько видоизменив, реализовать его, чтобы в итоге произведение было напечатано:

> Я вздумал написать роман о православии и русском сектантстве. Мой роман создавался параллельно крушению религии в пределах бывшей Российской империи. Я наблюдал своих героев, бросаемых революцией в самые странные положения. Действие романа протекает в уездном кремле, откуда и название романа. В кремле находится центр защиты православия и патриаршества России. Епископ Гурий — главный герой романа, человек честолюбивый и умный; в числе прочих своих задач хочет напечатать Библию. История печатания Библии позволяет автору романа развернуть картину страны времен 1925–36 годов... <…> В середине 1935 года я надеюсь начать печатание романа «Кремль»[12].

Из этих слов мы понимаем, что замысел двух редакций 1950-х–1960-х гг. родился еще в 1930-е годы: в качестве главного героя появляется епископ Гурий с его задачей печатания Библии. Писатель отходит от экспериментальной стилистики рубежа 1929–1930-х гг. и создает произведение, в котором фигурируют уже другие герои. Уходит противостояние «кремль» — «мануфактуры», противостояние религии и власти, и на смену ему приходит новый герой, представитель священного сана. Задача, которую мы перед собой ставим, — сравнить редакции 1929–1930-х гг. и 1950–1960-х гг., проследить, как поменялся замысел автора, в связи с чем и как изменились вместе с тем формально-стилевые особенности произведения.

Содержание первой редакции романа «Кремль» напрямую связано с теми процессами, которые происходили в стране в 1920–1930-е гг. Смена социальных парадигм, противостояние старого и нового — это отражено в главной сюжетной оппозиции «Кремль» — «мануфактуры». Пространство в произведении также

[11] *Иванов Вс.* Ужгинский Кремль, М.: Худож. лит., 1981. 384 с.

[12] Правда. 1934. 9 дек.

четко поделено на две части: по одну сторону реки Ужги находится старинный кремль, с некоей группой людей, пытающихся издать Библию на русском языке; по другую сторону располагаются мануфактуры, стремящиеся создать новую жизнь, но понимают они ее «столь же вульгарно <…>, как церковники религию» [5, с. 514]. На стороне кремля создается «религиозно-православное общество», которое по сути своей напоминает хлыстовскую секту [13]. Религиозная проблематика присутствует во всех редакциях «Кремля», она также возникает и в других произведениях писателя, например, в рассказе «В святую ночь» (1915). Рассказ построен по принципу антитезы: Ангел Смерти в нем противостоит Ангелу Мира. Возникает мотив богооставленности человека. Ангел Мира просит остановить кровопролитие в мире, но Ангел Смерти торжествует. Несмотря на свой декларируемый атеизм, Иванов на протяжении жизни активно интересовался историей мировых религий, особенно выделяя при этом буддизм, что нашло отражение, в частности, в повести «Возвращение Будды» (1922). Религию Иванов рассматривал как фактор, определяющий исторические пути общества, как оплот нравственных ценностей: «Существует огромный, дорогостоящий организм — православная церковь. Существует, несмотря на то, что всеми учеными совершенно точно и бесспорно доказано, что церковь — вздор, а вера в бога — бессмыслица, но пусть церковь — вздор, она существует. Существует потому, что больше всех говорит о добре»[13].

Однако в «Кремле» эта тема развивается особым, пародийно-сатирическим образом. Людьми, далекими от истинного Бога, изображаются не только жители мануфактур, но и представители так называемого религиозно-православного общества. Издание Библии церковники рассматривают лишь как средство борьбы за власть, и лидером в этом вопросе становится Агафья — героиня, воплощающая в себе все плотское, греховное, образ которой разрушает идеал матери («не великая мать, а, оказывается, великая б…» [4, с. 236]. Священное писание в действительности ей не знакомо: «Она смотрела в Евангелие, пытаясь прочесть эту книгу, которую она, кажется, и в детстве не читала, но, прикрываясь которой пыталась она владеть Кремлем. Она устала. Книга ей не понравилась» [4, с. 236]. Совершенно обезбоженными изображены и люди, работающие в мануфактурах. Это строители новой жизни, которые живут в казармах, в маленьких каморках-клетках. Грязь, несчастье,

[13] *Иванов Вс.* Переписка с А.М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М.: Сов. писатель, 1985. 477 с.

озлобленность — в таких словах описывается их жизнь. Среди них выделяется герой по фамилии Вавилов. Он и становится во главе борьбы с Кремлем.

По точному определению литературоведа А. Эткинда, «в романе “Кремль” хаотически действуют множество неразличимых между собой персонажей. В ста главах романа эти герои появляются и, сделав нечто — <…> исчезают без следа и памяти. Почти все они обозначены безличными именами, как, например, И.П. Лопта, Е.М. Чаев <...>, некие “пять-петров”» [13]. Действительно, следить за ходом романного сюжета достаточно сложно за счет большого количества персонажей и постоянно сменяющих друг друга, часто не мотивированных ничем действий. Эткинд предполагает, что это может быть связано с задачей писателя показать историю как «движение масс, а не одиночек» — идеей, которая была весьма созвучна эпохе. Ощущение хаотичности происходящих событий усиливается и за счет композиционного построения романа: он разделен на сто глав, многие из которых внутри себя также имеют несколько частей (вплоть до двадцати), при этом после девятой главы сразу следует шестьдесят первая. Произведение лишено психологизма в изображении героев, череда их поступков описывается механистично, вследствие этого стиль повествования напоминает такую технику, как автоматическое письмо сюрреалистов. Предложения лаконичны, часто представляют собой констатацию фактов, полны лексических повторов: «Рука нашла его руку. Он пожал ее. Да, он любит Л. Овечкину. Раздался смех, а затем гудок. Он обернулся. Это была Зинаида» [4, с. 255]; «Он гудел упрямо. Вавилов почувствовал, что смеется. Овечкина держала его за руку. Он руководил погрузкой» [4, с. 255]. А. Эткинд проводит параллель между стилем романа и древнерусскими летописями и говорит о том, что «…“Кремль” вполне революционным путем разрушает новеллистическую традицию как таковую...» [13]. Мысль о возвращении романа начала XX в. к летописным истокам была высказана О. Мандельштамом в статье «Конец романа»: «Очевидно, силою вещей современный прозаик становится летописцем, и роман возвращается к своим истокам — к «Слову о полку Игореве», к летописи, к агиографии, к Четьи-Минеи» [8, т. 2, с. 205]. Одним из самых ярких моментов, иллюстрирующих связь романа Иванова с древнерусской стилистикой, является плач-причитание Агафьи, напоминающий читателю плач Ярославны из «Слова о полку Игореве»: «И поднялась луна — волжское солнышко, и обращаюсь я к ней: “…Ты скажи мне, братец, волжское солнышко, про чужую сторонушку, так ли там трусят, и так ли там смелы Ага-

фьюшки, и такая ли у них дума — вековая болезнь о боге? Не вместе ли вы, православные, которые теперь от меня отступают, не вместе ли приходили в поздний вечер на всенощную в собор, не вместе ли по иконам ставили свечи…”» [4, с. 132]. Пародийно вписывается в контекст 1920-х гг. фольклорный персонаж — семиглавый дракон, который вступает в бой с героем Измаилом и после этого ведет с ним беседу: «Я извиняюсь перед вами, Измаил. Конечно, шутки мои были неуместны. И вы вправе обладать дерзостью большей, чем напостовцы. Ты не можешь бороться за революцию, но предупреждаю тебя, что при самом благоприятном случае я вылезу. Что же касается срубленных голов, то это даже удобно, меньше табака потребуется, а то сам знаешь, какой табак сейчас отвратительный вырабатывают, не додерживают, с пылью» [4, с. 127].

Действительно, в первой редакции «Кремля», на наш взгляд, отразились поиски Ивановым новой романной формы, поиски в области обновления романного языка, что было вполне в духе того времени — кризисного для романного жанра. Особенность повествовательной манеры, близкой жанру сказа, отмечает А.В. Белинков:

> Главное свойство этого произведения, абсолютно преобладающее над всеми остальными и на все остальное распространившееся и определившее его жанр, — это стилистически-интонационные построения. <…> Очень близкое явление мы знаем в сказе, то есть в жанре, возникшем именно в связи с характером, принадлежностью и адресом речи. В романе всем правит речь, генеральным речевым мотивом оказывается высоко поднятая мерность библейского стиха: людей убивают и насилуют, они рождаются и гибнут, любят и предают, а голос романа ровен, как голос летописца [1, с. 150].

Л. Якимова в своем исследовании высказывает предположение, что «Кремль» Иванова восходит к так называемой производственной прозе («Цемент» (1925) Ф. Гладкова, «Гидроцентраль» (1930) М. Шагинян и др.). В ней, как правило, действие завязывается с приходом в трудовой коллектив нового человека, каким и является Вавилов. Его появление связано с основным конфликтом в произведении, противоборством двух общин: «церковников» и жителей мануфактур. Однако в отличие от типа рабочего-коммуниста, он очень не уверен в себе, поглощен различными страхами и мыслями о суициде, спокойно наблюдает за тем, как разрушаются древние храмы ради нужд построения новой пролетарской культуры [14].

В 2023 г. в семейном архиве Вс. Иванова были обнаружены две более поздние редакции романа «Кремль». Первый текст представляет собой автограф с авторской правкой, озаглавленный «От первой книги Моисеевой до книги Неемии», второй текст — машинопись с несколькими случаями авторской правки, без заглавия. Автограф и машинопись, включая сходные фрагменты, например сцену у реки с «дьяволицей», рассказ о биографии епископа Гурия, во многом различаются между собой. Эти тексты лежали в папке, на которой был указан 1929 г. Однако вместе с ней были обнаружены и две другие папки. На одной написано: «“Кремль”. (Материалы к варианту 1960 г.) Апрель 1960. Переделкино», на другой, поверх зачеркнутого названия «“Кремль”. Роман. 1929 г.», Ивановым сделана запись: «Черновики. 1960 г.». Была обнаружена также обложка папки, на которой имеется зачеркнутая автором запись «“Кремль”. 1958. Роман». В первых двух папках содержатся разного рода выписки, наброски к роману, среди которых имеется газета «Комсомольская правда» 1960 г., где рядом с газетным фельетоном под названием «Скандал в “святом семействе”»[14] рукой Иванова написано «Кремль». В фельетоне высмеивается покойный архиепископ Мелетий (1859–1934) из старообрядцев, не пожелавший даже на смертном одре открыть тайну спрятанных им денег: «Пропадом пропали мои деньги!.. Никому не скажу, где зарыл»[15]. Здесь мы видим явную параллель к образу протоирея Лексиевского из машинописной редакции романа, и мотиву спрятанных им сокровищ, что является аргументом в пользу датировки текста 1960-м г. «Ему и трудно было говорить от слабости, которая им овладевала все больше и больше, <…> и жалко, наверное, было рассказывать о тех камнях, которые ему доверили, хотя и велено было сразу же по приезде передать и сообщить о сокровищах церкви молодому архиерею и хранить их вместе. <…> — Я спрятал, — сказал протоирей»[16] (Л. 71).

В редакциях романа, представленных автографом и машинописью, главным героем является епископ Гурий, у которого среди прочего есть задача печатания Библии. Однако облик Гурия в них разный: в рукописном тексте Гурий предстает хитрым, хладнокровным стяжателем, в машинописном — правдоискателем. В рамках настоящей статьи нами анализируется первый из названных текстов,

[14] Комсомольская правда. 1960. 12 июня.

[15] Там же.

[16] Иванов Вс. Кремль. Семейный архив Всеволода Иванова. Далее в тексте статьи это произведение цит. по машинописи из семейного архива Вс. Иванова с указанием номера листа. [Архив не пронумерован]

представленный авторизованной машинописью, как наиболее цельный по сюжетной структуре, хотя нельзя с уверенностью сказать, что именно он был первым написан автором.

Новая версия «Кремля» создавалась Ивановым в обстановке усиления гонений на церковь. После военного времени, когда вследствие нависшей над страной опасности правительство изменило религиозную политику (были освобождены из лагерей многие священнослужители, начали открываться приходы и пр.), при Хрущеве был утвержден план под названием «Мероприятия по укреплению атеистического воспитания населения» [7]. Снова были закрыты многие храмы, из учебников истории изымалась любая информация, касающаяся темы православной веры. В этой обстановке Иванов снова возвращается к своему роману, но кардинально меняет его. Время действия — 1920-е годы, НЭП, место действия — город Костов. Композиционно текст делится на пятнадцать глав, в нем несколько сюжетных линий. Центральная линия связана с представителем духовенства — епископом Гурием. Если в редакции 1929 г., где среди героев тоже присутствует епископ Гурий, он не выделяется на фоне остальных многочисленных персонажей, то в поздней редакции Гурий представлен как классический романный герой с психологическими мотивировками, подробной биографией. Автор рассказывает о становлении Гурия: с детства строгий мальчик, аскет, ждавший «озарения», в конце 1915 г. получивший звание врача и в это же время постригшийся в монахи. Он сам для себя определяет жизненную задачу:

> После заседания, на котором Собор принимал воззвание о помощи и о молитвах восточных патриархов, дабы помогли спасти они церковь от коммунистов, молодой архимандрит подошел к председательствующему и сказал:
>
> — Благословите, святой отец, поехать на Восток. Желаю поклониться мощам, побывать на Афоне и рассказать о бедствиях России, которую ожидает нечто подобное игу мусульманском» (Л. 43).

Однако и там он не находит истины: «В страданиях откроется подлинный бог, — подумал Гурий, — а не в этих жирных обителях и не среди этих лживых монахов» (Л. 44). И возвращается в Россию, в Москву, так как «страданий больше всего в Москве» (Л. 44). Герой решает вести некую тайную борьбу: «Он выбрал несколько юношей, <…> и ради послушания направил их в город Костов <…> Его юноши должны были вступить на советскую службу, в партию,

в профсоюзы, — всюду, куда он не пожелает, и нести послушание, негласно и тайно помогая церкви…» (Л. 45). Гурий называет их «тайными христианами», и в том, чтобы приобщить к этому объединению как можно больше людей, он видит путь к всеобщему спасению.

Описываемое Ивановым явление, как известно, имело место в СССР в 1920-е–1980-е гг. и именовалось «катакомбной церковью» [12]. В это время в «подполье» ушли многие верующие, которые вследствие несогласия с новой политикой оказались на нелегальном положении и для которых совершение религиозных обрядов из-за закрытия значительной части храмов стало невозможным. К подобным «тайным» христианам в настоящей редакции относятся профессор Основа, Реньжин, Никон Ильиных, Василий Шубин, Федор Дягтерев. Именно Основа и Реньжин приносят Гурию из Москвы, от Святейшего синода, известие о том, что надо начинать дело печатания Ветхого и Нового заветов по новой орфографии, пустить Библию в народ. И задача Гурия — собрать на это средства. Гурию говорят, что в Москве это сделать невозможно из-за более пристального внимания новой власти: «Что это такое — почему Библия, когда, скажем, к примеру, Ленина не успеваем печатать» (Л. 116). Таким образом, мы видим, что мотив печатания Библии в связи с противостоянием власти является общим для первой редакции романа и для редакции 1950–1960-х гг. В последней уже совершенно открыто говорится о борьбе против социализма: «…Германия и Англия с их демократическими правительствами, помогут разбить рабочий класс и социализм…» (Л. 130). Епископ Гурий в беседе с профессором Основой и Реньжиным полагает, что борьба возможна лишь силами религиозного движения: «Я говорю опять же о христианстве, но истолкованном по-новому, по более высокому, но более талантливому» (Л. 129). Это он и пытается воплотить в жизнь, становясь идейным лидером тайного христианского общества и обращая в веру упомянутых выше персонажей. Тяжелобольного Никона Ильиных он выхаживает в больнице, после чего посвящает в «тайные». Епископ научает его, как привлекать людей в их общество, чтобы «разбросить дальше сети» и в итоге стать «утешителями народа» (Л. 144). Судья Василий Шубин, жалуясь епископу на тяготы семейной жизни, говорит о том, что ушел бы в монастырь, «да жалко, распустили их» (Л. 146). Шубина Гурий также привлек к «тайным», познакомившись с ним, когда тот был безработным и устроив его работать на завод. При этом и Никон, и Василий Шубин так или иначе остаются людьми сомневающимися, не устойчивыми в вере. Важно отметить, что

в отличие от первой редакции романа «Кремль», где мы не видим практически ни одного истинно верующего героя, в анализируемой редакции 1950–1960-х гг. все же есть люди, ищущие Бога. Прежде всего это, разумеется, сам епископ Гурий, а также Елизавета — героиня, которую мы встречаем на первых страницах романа и которая поначалу воспринимается Гурием как искушение дьявола, поскольку, выходя из реки, она предстает перед ним в обнаженном виде. Она тверда в своей вере, не готова отречься от Бога, несмотря на уговоры молодого Василия Волкова, влюбленного в нее: «Кого ж ты любишь?» — «А бога» (Л. 99). Слова Елизаветы о сущности веры и сущности советской власти из диалога с Волковым («Наша власть, чтобы побольше помогать несчастным. Я ведь против советской власти ничего не имею, но она помогает счастливым» — Л. 100) перекликаются с фрагментом из книги воспоминаний А.К. Воронского «За живой и мертвой водой» (1927). В ней автор разговаривает с умирающей сестрой Лялей, и та произносит такие слова: «Социализм для здоровых и крепких. Он не для нас, убогих и сирых, обиженных и умирающих» [3, с. 71]. Вс. Иванов был знаком с Воронским с 1921 г., сохранилась их переписка (см.: [18]), поэтому вполне вероятно, что процитированный фрагмент из воспоминаний является источником слов Елизаветы из поздней редакции романа «Кремль».

В этой редакции Иванов критически осмысляет события, связанные с революцией, говорит об изменениях в культурной, духовной жизни общества послереволюционной России. С одной стороны, в произведении дается неприглядный портрет некоторых представителей духовенства. Православная церковь словами Гурия характеризуется как «спившаяся», из чего он делает вывод о том, что «церковь должна сбирать богоносцев, сбирать их на громадную и новую идею…» (Л. 129). При этом и о правительстве говорится как о «правительстве дьявола»: «Мы постоянно воюем с дьяволом, а если правительство открыто признает, что оно за дьявола, то волей-неволей, мы и воюем с ним. Религиозным оружием, конечно» (Л. 131). Карикатурно описан протоирей Лексиевский, самозабвенно предающийся винопитию и чревоугодию. «Это была старая церковь, жадная, брюхастая, плотоядная, вся увешанная орденами, в шелковых ризах и цветных мантиях. Она любила попить, поесть, хоры которой пели молитвы богу, так же успешно пели при ней песни цыганские…» (Л. 69). Нэпманы представлены как «новые люди, жульничеством вышедшие и приобретшие богатство…» (Л. 36). Повествование прерывается своего рода исторической справкой о политике нэпа.

С фигурой протоирея Лексиевского связана одна из главных интриг редакции 1950–1960-х гг. С этим героем в текст входит мотив спрятанных сокровищ. В результате драки протоирей оказывается при смерти и перед кончиной открывает епископу тайну о том, что у него дома хранятся сокровища церкви. При этом дает ему понять, что Гурий специально назначен в город Костов, чтобы охранять эти ценности. Гурий находит двенадцать ящиков с сокровищами в хлеву у протоирея и молитвой благодарит Бога за оказанное ему доверие в деле возвращения сокровищ церкви.

Можно сказать, что Епископ Гурий в этом случае является единственным положительным героем, однако к такому образу автор пришел не сразу. В так называемой промежуточной рукописной редакции конца 1950-х – начала 1960-х гг. он предстает хладнокровным стяжателем, которого занимает не только дело печатания Библии, но и мысли об обогащении. В машинописной редакции Гурий во мраке окружающей жизни видит путь к спасению лишь через борьбу с грехом, в котором погрязли и сторонники религии, и ее противники, а также через борьбу с «правительством дьявола». Финал романа остается открытым: Гурий смотрит вдаль и думает о том, что одному ему не по силам будет «выдержать эту выдумку с “тайными”» (Л. 158), а дальше будет только тяжелее, так как партия вскоре, по заветам Ленина, «будет выкорчевывать всякую смуту» (Л. 158). Надежд на раскол партии нет, «такие организации так не разваливаются, и дьявол силен» (Л. 158). Но от одной только мысли, что Гурий борется с неземными дьявольскими силами, ему становится легче на душе.

Какую же роль образ кремля играет в поздней редакции романа? Если в первой редакции он был в основе идейной оппозиции произведения (кремль — мануфактуры), то в редакции 1950–1960-х гг. он, по большей части, оказывается фоном, на котором происходят события. В середине романа автор в нескольких строках описывает кремль провинциального приволжского города Костова и то, какие изменения в нем произошли:

> В 1913 году многие церкви городская костовская дума сломала и надстроила там сараев и складов <…> Теперь в Кремле склады леса, сена, хлеба, остатки монастырской типографии <…> В митрополичьих покоях, наиболее древних, со сводами, расписанными потолками, устроен музей, лежат в стеклянных шкафах ризы, мантии митрополитов костовских, митры, книги, которые некогда печатались в Костове, одежды рыцарей… (Л. 60)

Говорится также о том, что «вообще город забыл о Кремле и начальство туда редко заглядывает, только перед Пасхой и Рождеством, когда организуется в Кремле антирелигиозная выставка…» (Л. 61). И в Москву, и в областной центр из города идут успокоительные известия о том, что «религиозники убывают, а безбожники пребывают» (Л. 61). И действительно, эта редакция романа Иванова населена в основном безбожниками и почти стерты границы между представителями духовенства (Лексиевский, его жена Ксения Афанасьевна, любившая «все плотское») и нэпманами, для которых не существует никаких нравственных границ (Василий Волков, состоящий в связи с женой протоирея и убивающий его в ходе драки). Надежда возлагается лишь на Гурия, который в одиночестве идет сквозь «дантов ад» российской послереволюционной действительности и готов бороться дальше, хотя и осознает непомерную тяжесть поставленной перед собой задачи.

Итак, работа Вс. Иванова над романом «Кремль» растянулась на многие годы. Потерпев неудачу с публикацией, писатель не оставил свой замысел, а возвращался к нему снова. В результате радикальной переработки возник новый «Кремль», и стилистически, и сюжетно не похожий на роман в его первоначальном виде. В первой редакции противостояние двух общин, представителями которых являются Агафья и Вавилов, заканчивается апокалиптическим наводнением в конце: поднявшаяся вода от запущенной на реке электростанции начинает затоплять мануфактуры, и жители, ища спасения, переплывают на лодках на другой берег, на сторону «религиозников». После этого между ними начинается побоище, которое в итоге останавливает Агафья. Очевидно, Иванов расценивал религию и власть как две главные силы современности, и исторический контекст 1950–1960-х гг. (очередной этап борьбы власти с религией) снова подвигнул его начать работу над романом, но на материале 1920-х гг. В силу особенностей своего творческого метода писатель создает по сути новый текст, где сохраняется оппозиция «религия» — «власть», но действуют другие персонажи: епископ Гурий, пытающийся «религиозным оружием» бороться с тем, что принесло с собой новое время; протоирей Ликсиевский, олицетворяющий собой все пороки представителей церкви, жаждущий обогащения; Елизавета, которую не прельщают обещания молодого нэпмана Волкова и которая является олицетворением истинной веры. В первой редакции конфронтация «религиозников» и жителей мануфактур завершается открытой битвой, в которой нет победителей. В поздней редакции в финале романа создается ощущение устремленности

в будущее: Гурий думает о том, что, несмотря на все трудности, ему стоит продолжать борьбу. За время работы над романом «Кремль» Ивановым была собрана целая библиотека по истории православия. Интересным образом в нем сочетались, с одной стороны, атеизм, с другой стороны — неподдельный интерес к истории религий, который сохранялся у него до конца жизни. Первая редакция романа «Кремль» была полностью опубликована, как уже было упомянуто, в 1990 году; поздняя редакция 1950–1960-х гг. еще ждет встречи с читателем.

Литература

1. *Белинков А.В.* О романе Вс. Иванова «Кремль» // *Белинков А.В.* Распря с веком. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 146–151.

2. *Быстрова О.В.* [Вступ. статья к роману Вс. Иванова «Сокровища Александра Македонского»] // Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 515–524.

3. *Воронский А.*К. За живой и мертвой водой. М.: Common Place, 2019. 496 с.

4. *Иванов Вс.* Кремль. У: Романы. М.: Сов. писатель, 1990. 528 с.

5. *Иванова Т.В.* Писатель обгоняет время // *Иванов Вс.* Кремль. У: Романы. М.: Сов. писатель, 1990. С. 512–526.

6. *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М.: Изд. Крутицкого подворья; О-во любителей церковной истории, 2005. 437 с.

7. *Лисовой Н.Н., Аннин А.А., Первушин М.В.* Христианство: век за веком: Очерки по истории христианской Церкви. М.: Даръ, 2011. 638 с.

8. *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. 464 с.

9. Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 783 с.

10. *Пильняк Б.А.* Письма: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

11. *Черняк М.А.* Романы Вс. Иванова «Кремль» и «У» в творческой эволюции писателя: дис. … канд. филол. наук. СПб., 1994. 221 с.

12. *Шкаровский М.*В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964-х годах. М.: Крутицкое подворье, 2005. 424 с.

13. *Эткинд А.М.* Жить у Кремля и писать не для печати: романы Всеволода Иванова 1930-х годов // Revue des Études Slaves. 1999. Vol. 71, fasc. 3–4. P. 633–648.

14. *Якимова Л.П.* «При жизни произведен в классики…»: Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20–30 годов XX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 256 с.

Research Article

On the Unknown Version of Vsevolod Ivanov's Novel *The Kremlin*

© 2025. Ekaterina A. Esenina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-28-00107 "From the Literary Legacy of Vsevolod Ivanov of the Late 1920s – Early 1960s" (https://rscf.ru/project/25-28-00107/).

Abstract: The article examines the version of Vsevolod Ivanov's novel, *The Kremlin*, discovered in the writer's archive in 2023, and proposes its dating, i. e., the late 1950s and early 1960s. The previously unknown version is compared with the first, which was created by the writer in the 1928−1930s and was not published during Ivanov's lifetime. In the article, we use the term "version" in relation to these texts, despite their significant differences. Stylistically, these are distinct texts; the trope uniting the versions is the confrontation between the new government and people who identify with the Orthodox faith. Ivanov's creative manner was characterized by the creation of several work's versions that sharply differ from each other (in particular, the novels *Kremlin* and *Alexander the Great's Treasures*). To characterize the first edition of the Kremlin, researchers use the definition "experimental novel," which reflects the text's narrative structure and a rejection of the foundations of classical Russian prose. In the 1950s–1960s version, Ivanov chose a classic type of narrative. Archival materials are introduced into scientific use, clarifying the history of the unrealized *Kremlin* publication in the *Krasnaya Nov'* journal. Despite Ivanov's declared atheism, the writer was interested in the history of world religions for many years. In particular, he reflected a lot on the role of Orthodoxy in Russia, and these reflections influenced the plot of both *The Kremlin* versions, along with other texts.

Keywords: Vsevolod Ivanov, *The Kremlin*, the unknown version of *The Kremlin*, struggle against religion in the USSR, anti-religious propaganda, experimental novel.

Information about the author: Ekaterina A. Esenina, PhD in Philology, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-3783-5971

E-mail: katerinazinova@gmail.com

For citation: Esenina, E.A. "On the Unknown Version of Vsevolod Ivanov's Novel 'The Kremlin'." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 8–24. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-08-24

References

1. Belinkov, A.V. "O romane Vs. Ivanova 'Kreml''." ["About Vs. Ivanov's Novel 'The Kremlin'."] Belinkov, A.V. *Raspria s vekom* [*Struggle with the Century*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, pp. 146–151. (In Russ.)

2. Bystrova, O.V. “Vstupitel’naia stat’ia k romanu Vs. Ivanova ‘Sokrovishcha Aleksandra Makedonskogo’.” [“Introductory Article to the Novel ‘Treasures of Alexander the Great’.”] *Neizvestnyi Vsevolod Ivanov: Materialy biografii i tvorchestva* [*“Unknown Vsevolod Ivanov: Biography and Work Materials”*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010, pp. 515–524 (In Russ.)

3. Voronskii, A.K. *Za zhivoi i mertvoi vodoi* [*For Living and Dead Water*]. Moscow, Common Place Publ., 2019. 496 p. (In Russ.)

4. Ivanov, Vs. *Kreml’. U: Romany* [*The Kremlin. U: Novels*]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1990. 528 p. (In Russ.)

5. Ivanova, T.V. “Pisatel’ obgoniaet vremia” [“The Writer Overtakes Time”]. Ivanov, Vs. *Kreml’. U: Romany* [*The Kremlin. U: Novels*]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1990, pp. 512–526. (In Russ.)

6. Kashevarov, A.N. *Pravoslavnaia Rossiiskaia Tserkov’ i Sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)* [*Orthodox Russian Church and the Soviet State. 1917–1922*]. Moscow, Krutitskoe podvor’e Publ.; Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii Publ., 2005. 437 p. (In Russ.)

7. Lisovoi, N.N., A.A. Annin, and M.V. Pervushin. *Khristianstvo: vek za vekom: Ocherki po istorii khristianskoi Tserkvi* [*Christianity: Century After Century. Essays on the History of the Christian Church*]. Moscow, Dar Publ., 2011. 638 p. (In Russ.)

8. Mandel’shtam, O.E. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [*Collected Works: in 2 vols.*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 464 p. (In Russ.)

9. *Neizvestnyi Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva* [*Unknown Vsevolod Ivanov. Life and Work Materials*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. 783 p. (In Russ.)

10. Pil’niak, B.A. *Pis’ma: v 2 t.* [*Letters: in 2 vols.*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. (In Russ.)

11. Cherniak, M.A. *Romany Vs. Ivanova “Kreml’” i “U” v tvorcheskoi evoliutsii pisatelia* [*Vsevolod Ivanov’s Novels “The Kremlin” and “U” in His Creative Evolution: PhD Dissertation*]. St. Petersburg, 1994. 221 p. (In Russ.)

12. Shkarovskii, M.V. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov’ pri Staline i Khrushcheve: Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964-kh godakh* [*Russian Orthodox Church Under Stalin and Khrushchev: State-church Relations in the USSR During 1939–1964*]. Moscow, Krutitskoe podvor’e Publ., 2005. 424 p. (In Russ.)

13. Etkind, A.M. “Zhit’ u Kremlia i pisat’ ne dlia pechati: romany Vsevoloda Ivanova 1930-kh godov” [“Live at the Kremlin and Write not for Print: Novels by Vsevolod Ivanov of the 1930s”]. *Revue des Études Slaves*, vol. 71, fasc. 3–4, 1999, pp. 633–648. (In Russ.)

14. Iakimova, L.P. *“Pri zhizni proizveden v klassiki…”: Vsevolod Ivanov v istoriko-literaturnom kontekste 20–30 godov XX veka* [*“During the Lifetime He Was Made into Classics...”: Vsevolod Ivanov in the Historical and Literary Context of the 1920s–1930s*]. Novosibirsk, Siberian Brunch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. 256 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 30.03.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 30.03.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-25-51
https://elibrary.ru/SBTZPK

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

«Лунное» стихотворение Чжан Жосюя в Студии китайской поэзии издательства «Всемирная литература» (1919)

© 2025, М.Ю. Ульянов, Я.Д. Чечнёв
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-78-10046 «Восточные литературы в издательских и культурно-просветительских проектах А.М. Горького 1920-х гг. (по рукописным источникам издательства “Всемирная литература”, журнала “Восток” и “Секции исторических картин”)» (https://rscf.ru/project/24-78-10046/).

Аннотация: Цель настоящей статьи — ввести в научный оборот первый поэтический перевод на русский язык знаменитого стихотворения эпохи Тан (618–907) — «Чунь Цзян хуа юэ е» (春江花月夜) Чжан Жосюя (張若虛, 660–720). Этот перевод, выполненный летом 1919 г. Н.П. Колпаковой (1902–1994), представляет собой важный историко-литературный памятник, созданный в сотрудничестве с выдающимся синологом В.М. Алексеевым (1881–1951), который подготовил для нее подстрочник. Работа осуществлялась в рамках Студии китайской поэзии при издательстве «Всемирная литература» — уникального проекта эпохи военного коммунизма и раннего нэпа, направленного на знакомство русскоязычного читателя с шедеврами мировой культуры. Обнаруженный в личном фонде В.М. Алексеева (СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 2. Д. 221. Л. 5–5 об.) рукописный вариант перевода под названием «Весенней порой на реке в цветочную лунную ночь» является ценным свидетельством раннего этапа формирования советской школы перевода китайской классической поэзии. В статье подробно исследуются исторические обстоятельства создания перевода, его лингвистические и стилистические особенности, а также степень соответствия оригиналу. Особое внимание уделяется поэтическим приемам, использованным Н.П. Колпаковой для передачи образности танской лирики. Публикация и анализ данного перевода не только расширяют представления о развитии отечественного востоковедения в переломный

период конца 1910 – начала 1920-х гг., но и вносят вклад в изучение истории культурных связей между Россией и Китаем.

Ключевые слова: Чжан Жосюй, «Весенней порой на реке в цветочную лунную ночь», издательство «Всемирная литература», китайская поэзия, В.М. Алексеев, Н.П. Колпакова, 張若虛, 春江花月夜.

Информация об авторах: Марк Юрьевич Ульянов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9544-1671

E-mail: ulm@mail.ru

Яков Дмитриевич Чечнёв — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9439-0430

E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

Для цитирования: *Ульянов М.Ю., Чечнёв Я.Д.* «Лунное» стихотворение Чжан Жосюя в Студии китайской поэзии издательства «Всемирная литература» (1919) // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 25–51. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-25-51

Цель настоящей статьи — введение в научный оборот и разбор первого поэтического перевода на русский язык стихотворения поэта эпохи Тан (618–907) Чжан Жосюя (張若虛, 660–720) «Чунь Цзян хуа юэ е» (春江花月夜), выполненного летом 1919 г. Н.П. Колпаковой (1902–1994) с подстрочника выдающегося отечественного синолога В.М. Алексеева (1881–1951) в рамках Студии китайской поэзии горьковского издательства «Всемирная литература». Ее история, состав слушателей, поэтические опыты участниц освещены в недавней работе [6].

Смысл организации Студии заключался в приобщении незнакомых с китайской лирикой слушателей к литературным достижениям Поднебесной через перевод отобранных В.М. Алексеевым фрагментов из поэтов танской эпохи (618–907 гг.). Перед участниками ставилась задача отыскать подходящий размер и ритм, выстроить порядок слов в строке (до и после цезуры), минимизировать число русских слов, приблизиться к числу иероглифов в оригинале, сохранив силу художественного высказывания при работе с подстрочником, предложенным самим ученым. Одна из целей эксперимента — понять границы допустимого: когда перевод еще можно считать переводом, а когда начинаются стихи на тему, подражания.

Важнейшая задача, которую решал ученый в своих поэтологических работах (включая магистерскую диссертацию 1916 г. «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту»), — поиск путей понимания

китайского поэтического текста на лексическом уровне, способов проникновения в систему образов и идейный план стихотворений. Для китаеведения это одна из наиболее сложных задач, решение которой остается актуальным и сейчас. Поэтому направления поисков, отраженные в трудах В.М. Алексеева, имеют большую научную ценность для филологов и практическую — для переводчиков китайской поэзии.

К корпусу отдельных стихов, переданных разными размерами, примыкает полностью переведенное В.М. Алексеевым и обработанное в будущем известной фольклористкой Н.П. Колпаковой названное стихотворение Чжан Жосюя.

Уроженец г. Янчжоу (пров. Цзянсу) Чжан Жосюй в начале VIII в. входил в группу поэтов из нижней части Янцзы «Четверо мужей из У» (*У чжун сы ши*, 吳中四士): Хэ Чжичжан (賀知章, 659–744), Чжан Сюй (張旭, 675–750), Бао Жун (包融, конец VII – первая треть VIII в.). Почти все его произведения утрачены. Сохранились два стихотворения. Первое — одно из самых важных поэтических произведений эпохи Тан, его название в переводе В.М. Алексеева звучит так: «Весенней порой на реке в цветочную лунную ночь». В нем Чжан Жосюй, по словам Е.А. Серебрякова, «тонко передал восторг перед величием и тайной мироздания и понимание беспредельности собственного внутреннего мира» [5, с. 53].

Название второго стихотворения — *Дайда гуй мэн хуань* (代答閨夢還). Буквальный перевод: «Вместо ответа на желание женщины увидеть во сне [его] возвращение». В комментарии к произведению Н.С. Гумилева «Поэт» («Я слышал из сада, как женщина пела…») М.Д. Эльзон отметил: «Перевод ст-ния Чжан Жо-Сюя» [3, с. 583]. Выскажем осторожное предположение, что из двух текстов китайского автора подразумевался, по-видимому, второй, поскольку при сопоставлении «Поэта» с содержанием «Весенней порой на реке в цветочную лунную ночь», переведенном Н.П. Колпаковой (см. далее), становится очевидной разница в их содержании.

Анализ оригинального текста китайского произведения *Дайда гуй мэн хуань* свидетельствует, что стихотворение «Поэт» не имеет прямого отношения к китайскому оригиналу. Вместо этого оно представляет собой диалог с европейской литературной традицией, в частности с творчеством французской писательницы Жюдит Готье (Judith Gautier, 1845–1917), автора сборника «Нефритовая книга» («Le Livre de Jade», 1867). Одиннадцать стихотворений из этого сборника легли в основу сборника Гумилева «Фарфоровый павильон». В своем переводе стихотворения Готье «Un Poète regarde la lune» Гумилев

практически полностью сохранил оригинальные образы, используя лаконичный и выразительный стиль. Единственным значительным изменением стало сокращение пассажа о летучих мышах, которые в тексте Готье создают динамичную и слегка готическую атмосферу. В оригинале: «Les chauves-souris le traversent de temps en temps et me font brusquement baisser les paupières» («Летучие мыши время от времени пересекают его [серебряный луч луны, доходящий до глаз] и заставляют меня внезапно опустить веки») [9, с. 110]. У Гумилева этот мотив упрощен и интегрирован в контекст природных препятствий, мешающих созерцанию луны: «Ни ветви дерев, ни летучие мыши / Не скроют меня от него». Такое изменение смягчает драматический эффект оригинала, подчеркивая более сдержанную и созерцательную интонацию, характерную для поэтического стиля Гумилева.

Комментарий Н.С. Гумилева, помещенный в первом и втором издании книги «Фарфоровый павильон» (1918; 1922), свидетельствует о том, что он, помимо трудов К.К. Имболе-Юара (Camille Imbault-Huart, 1857–1897), Ж. Готье и А. Уэйли (Arthur Waley) [4, с. 194–196], тщательно изучил книгу «Поэзия эпохи Тан» («Poésies de l'époque des Thang», 1862) французского синолога-литературоведа маркиза Леона д'Эрве де Сен-Дени (Léon d'Hervey de Saint-Denys, 1822–1892). В ней представлен первый перевод на европейский (французский) язык стихотворения Чжан Жосюя «Весенней порой на реке в цветочную лунную ночь» под названием «Весна, река Цзян, луна» («Le printemps, le Kiang, la lune») с подзаголовком «Цветы и ночь» («Les fleurs et la nuit») [10, p. 253–256]. Учитывая это, можно предположить, что Гумилев как слушатель и редактор литературных переводов Студии китайской поэзии [6], мог обратиться с просьбой к В.М. Алексееву взять именно этот текст для разбора. Основанием послужила рекомендация заведующего редакцией «Всемирной литературы» А.Н. Тихонова расширить занятия Студии, высказанная после обсуждения первого отчета ученого на заседании редакционной коллегии Восточного отдела 1 августа 1919 г.:

> В.М. Алексеев читает отчет о своей «Студии китайской поэзии» за истекшие 1/2 месяца <…>. Н.С. Гумилев по поводу этого отчета заявляет, как участник «Студии», что лекции и занятия в ней принесли свою пользу, возбудив среди русских поэтов, на ней присутствующих, интерес, беседы и стремление усвоить новые поэтические подходы. <…> А.Н. Тихонов отмечает, что «Студия» очень близко подходит к практическим занятиям, намеченным «Студией всемирной литературы» и что, поэтому, желательно было бы расширить

занятия «Студии» и продолжить ее дальше. Н.С. Гумилев присоединяется и высказывает пожелание, чтобы в «Студии» *были изложены не только краткие четверостишия, но и целые поэмы*[1]. Ал<ексеев> отвечает на эти пожелания согласием (Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. Ф. А.Н. Тихонова. Оп. 2.Ед. хр. 256. Л. 1 об.).

В.М. Алексеев, испытавший при подготовке своей диссертации «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). “Ши цинь”. Тан Сыкун Ту чжуань» (Пг., 1916) влияние русского поэта [1, с. 279], был хорошо знаком как со сборником «Фарфоровый павильон», так и с книгами Ж. Готье и Л. д’Эрве де Сен-Дени, поэтому он вполне мог поддержать предложение Н.С. Гумилева взять именно «Весенней порой на реке в цветочную лунную ночь» Чжан Жосюя для разбора. Для ученого это был повод самостоятельно приблизиться к пониманию текста стихотворения и проверить недочеты перевода Л. д’Эрве де Сен-Дени.

В 1970 г. стихотворение Чжан Жосюя впервые в европейской традиции стало предметом формального анализа с применением методологии Р.О. Якобсона. Его выполнил французский поэт китайского происхождения Франсуа Чен (程抱, François Cheng, род. 1929). Он также дал филологический перевод произведения на французский язык [8, p. 27–28].

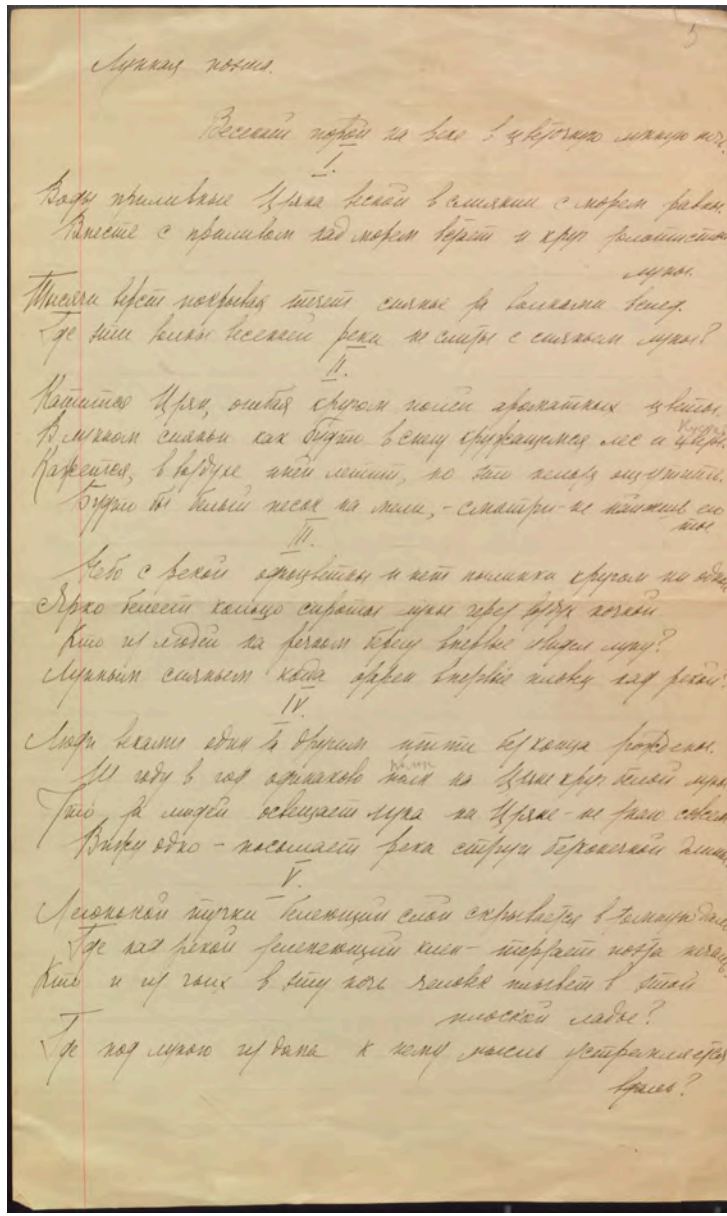
Первый русский литературный перевод стихотворения с подстрочника В.М. Алексеева был выполнен Н.П. Колпаковой в 1919 г.; он обнаружен нами в фонде ученого (СПбФ АРАН. Ф. 820. Оп. 2. Д. 221. Л. 5–5 об.).

Перед тем как обратиться к тексту Н.П. Колпаковой, необходимо сказать о переводе названия стихотворения Чжан Жосюя. Оно, по-видимому, было предложено В.М. Алексеевым: «Весенней порой на реке в цветочную лунную ночь», — что выглядит довольно поэтично с небольшой оговоркой: сочетание «цветочная ночь» звучит не очень естественно[2]. Если рассматривать название как поэтическую строку: *Чунь Цзян хуа юэ е*, 春江花月夜, — то возможен и такой перевод: «Весенней порой на реке Янцзы[3] в прекрасную лунную

[1] Здесь и далее курсив наш. — *М.У., Я.Ч.*

[2] Ф. Чен обратил внимание на то, что порядок опорных слов, составляющих заглавие стихотворения, в переводах различных авторов варьируется. См. примеры шести переводов на английский, французский и немецкий языки: [6, p. 50].

[3] Цзян и Янцзы суть названия одной и той же реки (первое — транскрипция, второе — перевод на русский язык). Далее при анализе строф стихотворения слова «Река» и «Янцзы» рассматриваются как синонимичные, отражая китайскую традицию, где Янцзы часто именуется «Длинной рекой» или просто «Рекой». Предложение писать «Река» с заглавной буквы оправдано, поскольку подчеркивает ее уникальность и культурное значение, подобно реке Ганг в Индии, которая также воспринимается как «Река» в абсолютном смысле.

Лунная поэма.

Весенний поэт на небе в скорбную лунную ночь.

I.

Вокруг пылающие Цезаря весной в сияньи с морем равны.
Вместе с прилавом над морем берег и хруст фелюгинской
муры.
Тихий берег покрывал тихий сильно от сияния белый.
Где ваш белый весенний рояль по синим с сильным муром?

II.

Кашмирской Цезарь, опять скорбной полон драгоценных
в белый
В лунном сильны как бурно в ночь окружающий лес и
Кипарис.
Карнавалей, в воздухе ваш летит, но вам нельзя мне
Будто бы белый песок на земле, - синагоги не нужны
сию
III.

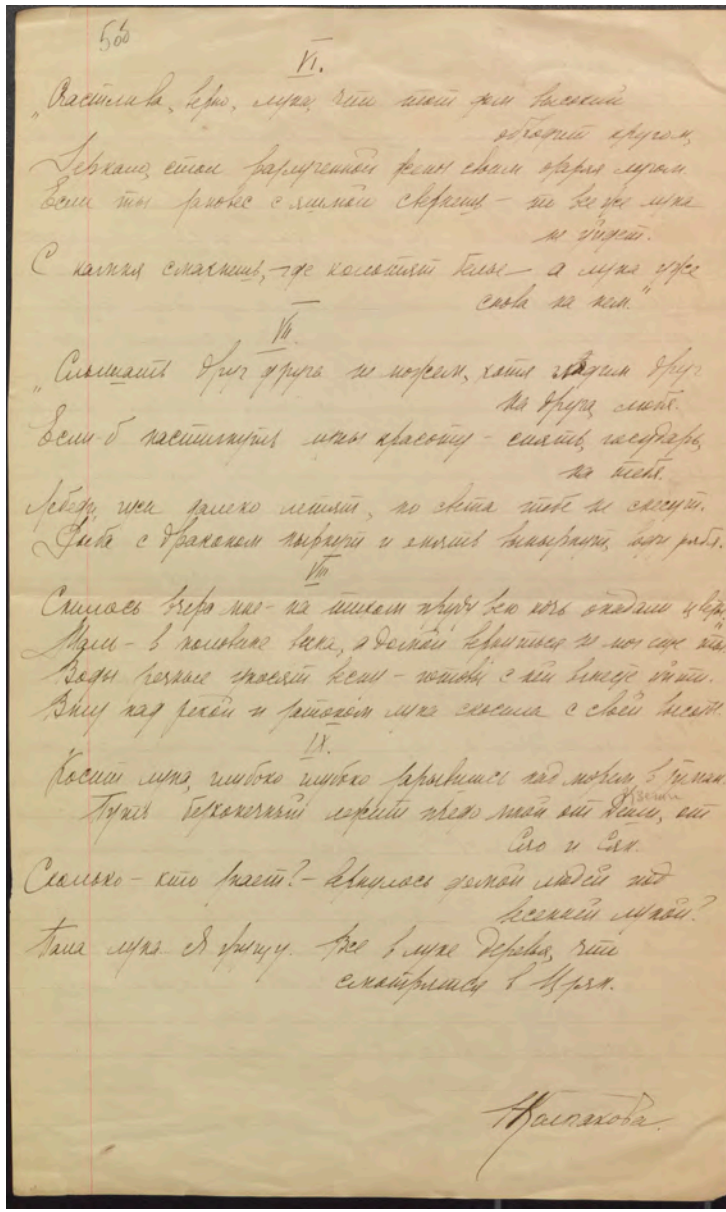
Небо с весной открывается и нет пилигрима с муром на
Ярко белеет каждую скрипка муры через берег полей
Кто не людей на реяном небу весенне видел муру?
Лунным сильным небе берег открыт плоть над рекой?

IV.

Лунный весны одно в одном плетет без конца фарфоры.
И идут в сад оранжево пали на Цезаря хруст белой муры.
Тихо, от людей вскипевает муры на Цезаре - не рано сейчас.
Вокруг одно - посмотрел река старую берегового дыма.

V.

Легонькой тучки белеющий свой скрывается в вечном дыме.
Где над рекой фелюгинской плеч - открывает пояса плеч.
Кто и не глаз в ту ночь весной плывет в белой
лунной ладье?
Где под луной муравья к небу плывет увеличивается
брызг?

Автограф стихотворения Чжан Жосюя «Чунь Цзян хуа юэ е» (春江花月夜) *в переводе Н.П. Колпаковой*
Autograph manuscript of Zhang Ruoxi's poem "Chun Jiang Hua Yue Ye" (春江花月夜), *translated by Natalia Kolpakova*

ночь». Здесь слово *хуа* (букв. *цветок*, 花) имеет значение «красивый», «прекрасный». Однако нельзя не принять во внимание и наблюдение Л. д'Эрве де Сен-Дени, который высказал гипотезу о появлении самого этого произведения и его заглавия:

> Nous avons vu précédemment que, dès l'antiquité, les Chinois avaient pratiqué parfois le jeu des bouts-rimés. Cette pièce nous offre le spécimen d'un autre exercice littéraire qui consiste à faire une pièce, sur un titre donné, formé de plusieurs mots sans suite entre lesquels il faut établir une complète liaison d'idées, en maintenant l'unité du sujet.
>
> (Ранее мы видели, что с древних времен китайцы играли в буриме. Это произведение представляет собой образец другого литературного упражнения, состоящего в составлении пьесы по заданному из нескольких слов без определенной последовательности *заглавию*. Между ними было необходимо установить полную связь идей, сохраняя при этом единство предмета, обозначенного в заголовке) [10, p. 256].

Если это предположение верно, то название стихотворения надо переводить по иероглифам: «Весна, река Янцзы, цветы, луна, ночь».

Проведенный Ф. Ченом формальный анализ показал, что стихотворение Чжан Жосюя может быть разделено на три части:

> Et c'est en suivant la lune dans ses étapes successives que nous allons analyser le poème. Nous pensons pouvoir marquer une coupure entre les quatre premières strophes (Première Partie) et les quatre strophes suivantes (Deuxième Partie); la dernière strophe (Troisième Partie) gagne à être analysée à part.
>
> (Следуя за луной в ее последовательных фазах, мы и будем анализировать это стихотворение. Нам кажется, что можно провести различие между первыми четырьмя строфами (1-я часть) и последующими четырьмя строфами (2-я часть); последняя строфа (3-я часть) заслуживает отдельного рассмотрения) [8, p. 52].

Далее, при анализе перевода Н.П. Колпаковой мы будем придерживаться предложенного разделения: 1-я часть — строфы I–IV, 2-я часть — строфы V–VIII, 3-я часть — строфа IX.

В стихотворении описаны картины окружающего пейзажа, а также чувства и мысли, которые рождались в сознании поэта во время движения луны по ночному небосводу: ее восхождение над рекой, нахождение в точке «парения» над землей и заход в предрассветном

тумане. Созерцание состояний природы побудило поэта к философским размышлениям и онтологическим обобщениям.

Мастерство Чжан Жосюя заключалось в том, что он искусно изобразил увиденное, создав ясную картину, тонко оперируя категориями поэтического пространства и времени: то приближая, то отдаляя объекты, то ускоряя, то замедляя его течение. При этом автор умело вплел в повествование лирический мотив — разлуку с дорогой ему женщиной.

Анализируя существующий перевод стихотворения, мы ориентируемся на то, насколько автору подстрочника (В.М. Алексееву), удалось выявить, а Н.П. Колпаковой литературно обработать, воплотить и донести образную систему оригинала; как глубоко они осмыслили эстетическую концепцию автора и сумели через это передать творческий замысел. Мы не утверждаем, что полностью постигли их интерпретацию, однако современные лексикографические источники, справочники, электронные ресурсы и специализированная литература в совокупности значительно упрощают работу над переводом поэтического текста.

Обратимся к анализу (текст перевода стихотворения набран с автографа — (см. илл. на С. 30–31) в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации):

Воды приливные Цзяна весной в слиянии с морем равны.
Вместе с приливом над морем встает и круг золотистый луны.
Тысячи верст покрывая, течет сиянье за волнами вслед.
Где эти волны весенней реки не слиты с сияньем луны?

Катится Цзян, огибая кругом полей ароматных цветы.
В лунном сиянье, как будто в снегу кружащемся, лес и [цветы][4] кусты.
Кажется, в воздухе иней летит, но это нельзя ощутить.
Будто бы белый песок на мели, — смотри, не найдешь его ты.

Небо с рекой одноцветны, и нет пылинки кругом ни одной.
Ярко белеет кольцо сироты луны через воздух ночной.
Кто из людей на речном берегу впервые увидел луну?
Лунным сияньем когда озарен впервые пловец над рекой?

[4] Некоторые слова в тексте исправлены рукой В.М. Алексеева, варианты надписаны карандашом. Далее в таких случаях первое слово (чернилами) мы берем в квадратные скобки.

Люди веками один за другим идти без конца рождены.
Из году в год одинаково [полн] по́лон на Цзяне круг белой луны.
Что за людей освещает луна на Цзяне — не знаю совсем.
Вижу одно — посылает река струи бесконечной длины.

Легонькой тучки белеющий слой скрывается в томную даль.
Где над рекой зеленеющий клен — терзает поэта печаль.
Кто и из чьих в эту ночь человек плывет в этой плоской ладье?
Где над луною из дома к нему мысль устремляется вдаль?

«Счастлива, верно, луна, что тот дом высокий обходит кругом,
Зеркало, стол разлученной жены своим озаряя лучом.
Если ты занавес с яшмой свернешь — то все же луна не уйдет.
С камня смахнешь, где колотят белье, — а луна уже снова на нем».

«Слышать друг друга не можем, хотя глядим друг на друга любя.
Если б настигнуть луны красоту — сиять, государь, на тебя».
Лебеди, гуси далеко летят, но света тебе не снесут.
Рыба с драконом нырнут и опять вынырнут, воду рябя.

«Снилось вчера мне — на тихом пруду всю ночь опадали цветы.
Жаль — в половине весна, а домой вернуться не мог еще ты».
Воды речные уносят весну — готовы с ней вместе уйти.
Вниз над рекой и затоком луна скосила с своей высоты.

Косит луна, глубоко-глубоко зарывшись над морем в туман.
Путь бесконечный лежит предо мной от [Деши] Цзеши, от Сяо и Сян.
Сколько — кто знает? — вернулось домой людей под весенней луной?
Пала луна… Я грущу. Все в луне деревья, что смотрятся в Цзян.

Строфа I

Перевод Н.П. Колпаковой	**Оригинал**[5]	**Подстрочный перевод**[6]
1. Воды приливные Цзяна весной в слиянии с морем равны.	1 春江潮水連海平	1. Весна. Накатывающиеся воды Реки сливаются в морскую гладь,
2. Вместе с приливом над морем встает и круг золотистый луны.	2 海上明月共潮生	2. Над этим «морем» полная луна, она с приливом вместе рождена.

[5] Публ. по: [6, p. 26].

[6] Здесь и далее подстрочный перевод стихотворения выполнен М.Ю. Ульяновым.

3. Тысячи верст покрывая, течет сиянье за волнами вслед. 4. Где эти волны весенней реки не слиты с сияньем луны?	3 灩灩隨波千萬里 4 何處春江無月明	3. Отражающая ее свет гладь воды тянется на многие тысячи *ли*, 4. В каких же частях весенней Реки нет света луны?!

Стихотворение начинается с указания сезона. Время года — важный индикатор поэтического настроения — спокойствия, поскольку весна в долине главной реки китайского Юга — это прохладная, а значит умиротворенная пора: нет ливней, ветров и изнурительных полевых работ. Начальные строки задают настроение 1-й части стихотворения — покой от завораживающего ночного пейзажа Янцзы при свете полной луны. Выбранный прием, как мы увидим далее, приведет к контрасту и усилит эмоциональное воздействие, поскольку с течением времени станет ясным тот факт, что умиротворение природы не оказывает должного влияния на сердце поэта, а, напротив, усиливает тревожные мысли и печаль.

В строфе I обозначено начало действия стихотворения: поэт фиксирует стремительный переход дня в ночь; в субтропиках, где протекает Янцзы (у Н.П. Колпаковой: Цзян), темнота наступает очень быстро.

Первые две строки сложны для понимания и перевода. Ключевые иероглифы нельзя передавать по их основному словарному значению. Заметим, что использованное в переводе Н.П. Колпаковой выражение: *Воды приливные Цзяна* — стилистически неприемлемо, ведь слово *прилив* ассоциируется с морем, тогда как Янцзы — река. Упоминаемое далее в строке слово *море* является метафорой, а не указанием на природный объект. А слово *чао* (潮), основное значение которого *прилив*, здесь обозначает заметные в сумерках речные волны, которые накатываются на берег. Т. е. слово показывает движение вод реки не столько вниз по течению (при восходе луны и ночью это не так заметно), сколько в сторону того места, откуда автор видит водную гладь.

В литературной обработке Н.П. Колпаковой подстрочника В.М. Алексеева представлена иная система образов — результат другого видения пространства, которое, в свою очередь, порождает идеи, отсутствующие в оригинале: к образу реки добавлено море. Для ученого было важно показать, что когда весной Янцзы впадает в море, то их воды уравниваются в своем величии. Поэтому во второй строке сказано, что луна встает именно над морем. В результате возникает вопрос о точке обзора поэта, который, как следует из текста,

должен располагаться где-то в дельте Янцзы, откуда можно было бы видеть и реку, и море. Но на это нет указания в стихотворении, да и родной город поэта находится на значительном удалении от тех мест.

Предложенное в поэтическом переводе сочетание образов маловероятно. По мере восхождения луны сгущается и ночная тьма, поэтому масштаб пространства, которое можно увидеть глазом, сокращается, его наиболее удаленные контуры стираются, исчезают, как, например, противоположный берег реки. Автор показывает, как этот визуальный эффект возникает синхронно с восхождением луны. Слово *море* здесь, очевидно, является синонимом выражения: *бескрайняя водная гладь* — как в строках русского романса «Славное море — священный Байкал»: Байкал — это не море, но его можно сравнить с морем, как и воды реки Янцзы ночью.

Тема лунного света (как он меняет восприятие окружающего мира) — главная в произведении. Чжан Жосюй показывает, что восхождение луны способствует преломлению очертаний объектов природы, которые оказываются в освещенном пространстве. И тогда река становится морем, а обычное набегание речных волн на берег — приливом, и чем выше ночное светило, тем это визуальное ощущение сильнее, отчетливее. Изменяются не только внешние объекты, но и эмоциональное восприятие мира. Поэт оказывается не просто один на один с луной, но и самой крупной рекой в Китае, принявшей образ бескрайнего моря.

Во второй строке литературной обработки Н.П. Колпаковой использован неудачный цветовой эпитет — *золотистый*: в оригинале луна полная, но ее цвет никак не обозначен, только из контекста видно, что свет ее сияния бело-ледяной, поэтому точнее был бы эпитет *серебряный*. Слово *золотистый* рождает ощущение тепла, что противоречит смыслу строки у Чжан Жосюя. Очевидно, что в переводе вольно или невольно был использован поэтический штамп, навеянный русской поэзией рубежа XIX–XX вв.: «И вмиг отвернется, и будет душою вдали, / И будет молчать под луной в *золотистой* пыли…» («Она как русалка» К.Д. Бальмонта); «С *золотистой* лунной лаской / Сходят робкия виденья <…>» («Усталость» Вяч. Иванова); «Мы солнца смертельно-горячего / не знаем, не видели; / но мы знаем его отражение, — / мы тихую знаем луну. / Влажная, кроткая, милая, чистая, / ночью серебряной вся *золотистая*, / она — как русалка — добрая…» (1-ая песня русалок из драмы «Святая кровь» З.Н. Гиппиус).

От поверхности воды вблизи берега взгляд поэта вслед за лунным светом устремляется вдаль, и оказывается, что гладь растягивается на многие метры вперед. Отсюда удивленное и восторженное восклицание в конце строфы. Н.П. Колпакова передает его посредством риторического вопроса, снижая тем самым поэтическую силу. Возглас Чжан Жосюя вводит в стихотворение философскую тему. Состояние природы отвечает медитативности лирической мысли, которая прерывается неожиданным наблюдением в финале строфы.

Свет луны освещает широкое пространство реки, но не все: что-то должно остаться скрытым во мраке ночи. Внешний мир и внутреннее состояние человека тесно связаны, но между ними нет гармонии. Умиротворенность и величие природы порождают чувство тревоги и печали. В следующих строфах будет также показано (высветлено) то, что беспокоит поэта и чему он придает большое значение. Пока же он переживает восторг от увиденного.

Строфа II

Перевод Н.П. Колпаковой	**Оригинал**	**Подстрочный перевод**
5. Катится Цзян, огибая кругом полей ароматных цветы.	5 江流宛轉繞芳甸	5. Воды Янцзы извилистыми изгибами текут вдоль лугов, покрытых цветами,
6. В лунном сиянье, как будто в снегу кружащемся, лес и цветы.	6 月照花林皆似霰	6. Луна освещает густо растущие цветы, которые в ее сиянье напоминают крупинки смерзшегося снега.
7. Кажется, в воздухе иней летит, но это нельзя ощутить.	7 空裏流霜不覺飛	7. В воздухе неуловим парящего инея полет[7],
8. Будто бы белый песок на мели, — смотри, не найдешь его ты.	8 汀上白沙看不見	8. На речном островке белый песок стал невидим.

Ночью свет луны выбеливает окрестности. Поэт сравнивает увиденное со снегом. Он — южанин, снег для него редкое явление природы. Сочетание иероглифов *фандянь* (芳甸) обозначает поле, полное цветов и растений. Автор видит на нем цветы, которые в лунном свете напоминают снежную крупу: *сянь* (霰) обозначает состояние снега, замерзшего до состояния, чем-то схожего с рус-

7 Во времена, когда жил автор, в Китае полагали, что иней, как и снег, падает с неба, поэтому называли его *люшуан* (流霜), т. е. парящий иней.

ской крупчаткой. В ледяной белизне лунного света кружащийся в воздухе иней незаметен. Как и белый песок на одном из речных островов. Белое при белом свете становится невидимым. Т. е. лунный свет не обозначил, а спрятал что-то (в данном случае — песок) или исказил вид привычных вещей — цветов / кустов (обычно по весне теплых, душистых, красивых), превратив их в снежную крупу — нечто холодное, непривычное глазу автора-южанина. Мороз рождает неприятные ощущения у лирического субъекта, но природа очень красива и необыкновенна. В этом суть метафоры — восхищение необычностью, которая завораживает и остраняет происходящее.

В оригинальном тексте образ «снежных» цветов не вызывает у поэта обонятельных ассоциаций. В то же время в переводе Н.П. Колпаковой появляется эпитет *ароматный*, который вступает в противоречие с мотивом мороза, приглушающего запахи. Выбор слова свидетельствует о возможном влиянии предшествующей поэтической традиции. Действительно, этот штамп активно эксплуатировал С.Я. Надсон в 1880-е гг.: «И с каждою новой слезою / Внизу, в *ароматном* саду, / Мерцая, светляк загорался / И небо роняло звезду» («Грезы»); «А сегодня я нежусь за пышным столом / В *ароматном* венке из цветов» («Слишком много любви, дорогие друзья…»); «Посмотри в глаза мне, милый, веселее! / Эта ночь пьяна, пьяна и *ароматна*» («Посмотри в глаза мне, милый, веселее!»).

Второе, что привносит Н.П. Колпакова, — образ леса, которого нет в оригинале. Слово *линь* (букв. *лес*, 林) в сочетании с *хуа* (букв. *цветы*, 花) — это метафора (как слово *море* в строфе I), означающая скопления густорастущих цветов. Таковы визуальные преломления, вызванные лунным светом: река бескрайняя, как море, цветы густые, как лес.

При подготовке перевода, видимо, сказалось влияние литературной традиции рубежа веков, где рядом с полем, лугом возникает и лес. Также и со словом *снег*: в русской поэзии первые ассоциации — *метель*, *вьюга*. К тому же эти природные явления играли ключевую роль в актуальном поэтическом контексте 1918–1919 гг., перед организацией Студии В.М. Алексеева, а именно в поэме сотрудника издательства «Всемирная литература» А.А. Блока «Двенадцать», законченной в январе 1918 г.: «Завивает ветер / Белый снежок. / Под снежком — ледок. / Скользко, тяжко, / Всякий ходок / Скользит — ах, бедняжка!»

Так поэтическая традиция родной культуры может увести переводчика в сторону от традиции оригинального произведения.

Строфа III

Перевод Н.П. Колпаковой	Оригинал	Подстрочный перевод
9. Небо с рекой одноцветны, и нет пылинки кругом ни одной.	9 江天一色無纖塵	9. Река Янцзы и Небо одного цвета, в воздухе ни пылинки,
10. Ярко белеет кольцо сироты луны через воздух ночной.	10 皎皎空中孤月輪	10. На нем только чисто-белое совершенно одинокое лунное колесо.
11. Кто из людей на речном берегу впервые увидел луну?	11 江畔何人初見月	11. На берегу Реки какой человек первым увидел луну?
12. Лунным сияньем когда озарен впервые пловец над рекой?	12 江月何年初照人	12. Луна над Рекой в каком году впервые осветила человека?

В этой строфе развивается идея белизны и чистоты. *Нет пылинки кругом ни одной* означает совершенно чистый свет и вид; здесь усиливается метафора невидимости падающего с неба инея (снега). Напоминающие снежную крупу цветы и берег островка (песок) подчеркивают совершенную чистоту сияния луны, в зените достигшей величины *лунного колеса* (*юэлунь*, 月輪). В следующей строке возникает и цветовое обозначение самого́ лунного света — безукоризненно белый, чисто-белый, *белый-белый* (*цзяоцзяо*, 皎皎). Н.П. Колпакова, как уже отмечалось, в строфе I охарактеризовала луну *золотистой* — здесь это противоречие особенно заметно.

Перевод 9-ой строки стилистически неудачен, предложение состоит из двух фраз, связь между которыми неясна. В оригинале упоминание пылинок подчеркивает совершенную чистоту света, у Н.П. Колпаковой небо и река оказываются всего лишь одноцветными, а пылинки (как бы третье действующее лицо) не нарушают эту гармонию. Далее, *колесо* луны, ставшее в переводе *кольцом*, *ярко белеет*, что не подчеркивает чистоту луны, а говорит о цвете и силе света.

В оригинале возникает тема одиночества — пока только небесного светила, висящего над рекой. Но слово *сирота* в десятой строке перевода Н.П. Колпаковой, привнесенное для того, вероятно, чтобы подчеркнуть наличие темы, вызывает комический эффект (неодушевленный природный объект наделяется социальными свойствами).

11-ая строка задает новую тему. В ней вводится образ первого человека, увидевшего красоту луны. Автор стихотворения спрашивает о начале начал — вечности, протяженности бытия людского рода, относительности временной линии отдельного субъекта. Ночь в лунном сиянии — это и миг (ночь быстротечна), и сопричастность к вечному. Так к теме огромного пространства, на которое проливает свой свет луна, добавляется тема огромной временной протяженности этого явления, которое значительно больше одной человеческой жизни. Но тем не менее точкой отсчета остается человек, точнее, поэт с его особым взглядом на мир. Антропоцентризм характерен для танской поэзии, в ней (в отличие от прозы) темы обыденного, повседневного, человеческого преобладают над мифическими, божественными, сверхъестественными.

В финале перевода строфы Н.П. Колпаковой совершенно неожиданно появляется образ ночного пловца, освещенного лунным светом. В результате смутно оформленный вопрос поэта о начале начал (встреча человека с луной) оказывается искажен романтикой ночного купания после изнурительной дневной жары (обратим внимание, что Студия китайской поэзии издательства «Всемирная литература» работала летом 1919 г.).

Учитывая, что фигура ночного пловца мужская, возникает ассоциация с распространенной практикой подглядывания за купальщиками, которая нашла отражение в русской поэзии, и самого купания с юной «нимфой»: «Сие купание пастушку охлаждает, / А пастуха оно пыланьем побеждает» («Мелита» А.П. Сумарокова); «Люблю тебя, месяц, когда озаряешь / Толпу шаловливых красавиц, идущих / С ночного купанья домой!» («Купальщицы» А.Н. Майкова); «Мы вместе плаваем в пруду. Дразня, / Она одна уходит в заводь, / Увы, она искуснее меня, / Я песни петь привык, не плавать!» («Купанье» Н.С. Гумилева).

Строфа IV

Перевод Н.П. Колпаковой	**Оригинал**	**Подстрочный перевод**
13. Люди веками один за другим идти без конца рождены.	13 人生代代無窮已	13. Жизнь людей переходит из поколения к поколению непрерываясь,
14. Из году в год одинаково полн на Цзяне круг белой луны.	14 江月年年祇相似	14. Луна над Рекой из года в год остается похожей сама на себя.

15. Что за людей освещает луна на Цзяне — не знаю совсем.	15 不知江月待何人	15. Неизвестно, луна над Рекой дожидается какого человека,
16. Вижу одно — посылает река струи бесконечной длины.	16 但見長江送流水	16. А взору доступно только то, что Янцзы несет потоки воды.

В этой строфе развивается тема вечности и бесконечности. Род человеческий бесконечен, с каждым поколением приходят новые люди любоваться лунным светом, а сама луна и река Янцзы неизменны.

Образ первого человека, наблюдавшего луну, служит метафорой, подчеркивающей краткосрочность человеческой жизни на фоне вечности реки и луны. Строки 15 и 16 стихотворения Чжан Жосюя остались неясными для Н.П. Колпаковой, что привело к искажению смысла финала первой части произведения. Вместо философского обобщения, в интерпретации возникают образы людей, освещенных луной, и поэта, который замечает бесконечно длинные потоки (*струи бесконечной длины*). Это смещает акцент с философского размышления на описание непонятного природного явления.

Далее, переходим ко 2-й части стихотворения.

Строфа V

Перевод Н.П. Колпаковой	**Оригинал**	**Подстрочный перевод**
17. Легонькой тучки белеющий слой скрывается в томную даль.	17 白雲一片去悠悠	17. Белое облачко уплывает в темень и становится едва различимым,
18. Где над рекой зеленеющий клен — терзает поэта печаль.	18 青楓浦上不勝愁	18. Остаюсь на берегу, поросшем кленами, в тяжелой грусти.
19. Кто и из чьих в эту ночь человек плывет в этой плоской ладье?	19 誰家今夜扁舟子	19. Кто сегодня ночью на лодке уплывает?
20. Где над луною из дома к нему мысль устремляется вдаль?	20 何處相思明月樓	20. Где находится [та], о которой тоскую в разлуке, находясь на смотровой башне, освященной этой луной?

В этой строфе наконец упомянуто место, где находится поэт: он созерцает реку и луну с площадки *смотровой башни* (*лоу*, 樓) и видит, что внизу на лодке уплывает некая женщина. С ее образом

связана лирическая тема любви-разлуки, которую Чжан Жосюй мастерски вводит, прибегая в восемнадцатой строке к скрытой цитате из стихотворения «Призывание души» (*Чжаохунь*, 招魂) древнего сборника южной поэзии «Чуские строфы» (*Чуцы*, 楚辞), являющегося наряду с «Каноном стихов» (*Шицзин*, 詩經) предтечей китайской поэтической традиции. Упоминание береговой линии, покрытой кленами, навеяно финалом названного произведения:

湛湛江水兮上 有枫 目极千里兮伤春	*Чжаньчжань Цзян шуэй си шан ю фэн* *Му цзи цяньли си шан чунь синь*	Бегут-струятся воды Реки, Наверху — клены. Все, что видишь на тысячу *ли*, — Ранит этой весною сердце [7, с. 145].

Для китайского читателя очевидны параллели с приведенной цитатой уже по тому, какие топосы и мотивы названы: река — Янцзы (Цзян), струящаяся вода, виды по берегам. Смысл фразы: скорбное прощание и призыв вернуться.

Образ женщины и связанный с ним круг ассоциаций, в том числе интертекстуальных, раскрывает прагматику описания движения луны в предыдущих строфах — воды реки разлучают людей и рождают грустные мысли о потерянном. А появление этого небесного светила вновь наводит на размышления о бесконечности времени и пространства. Если так, то как долго продлится расставание? Лодка уплывает в ту часть ночного пейзажа, которая скрыта от взора, погружена во тьму. Значит ли это, что разлука окажется вечной? Эта мысль исчезнет с рассветом в финале стихотворения. Тоскливое настроение усиливается за счет риторических вопросов. Силуэт женщины, который наблюдает поэт, находится так далеко, что даже лунный свет не может его осветить.

В переводе Н.П. Колпаковой потерян смысл строфы, он оказался затемнен романсово-надсоновскими заимствованиями: томная даль, зеленеющий клен, терзающая печаль. Чуть позже о категории подобных поэтических штампов с беспощадной ясностью напишет С.А. Есенин в знаменитом «Черном человеке»: «Может, с толстыми ляжками / Тайно придет “она”, / И ты будешь читать / Свою дохлую томную лирику?»

При переводе пропал женский образ, отсюда неясно, чем вызвана грусть. Важный образ *белого облачка* (*байюнь*, 白雲), означающий чиновника, удалившегося от службы, превращен в *легонькую тучку*. В результате теряется и прямое значение: *белое облачко* в данном

случае — это то, как поэт видит лодку, которая уплывает и скрывается в темноте.

Здесь прослеживается параллель с началом стихотворения. Облачко-лодка — ответ на вопрос строфы I: *В каких же частях весенней Реки нет света луны?!* (четвертая строка подстрочного перевода), — вот куда не попадает лунный свет, он может освещать тысячи *ли*, но женщина в лодке, любимый человек, т. е. самая важная фигура в данный момент жизни, оказывается скрытой.

Строфа VI

Перевод Н.П. Колпаковой	Оригинал	Подстрочный перевод
21. «Счастлива, верно, луна, что тот дом высокий обходит кругом,	21 可憐樓上月徘徊	21. Как чудесна бродящая над смотровой башней луна,
22. Зеркало, стол разлученной жены своим озаряя лучом.	22 應照離人妝鏡台	22. Которой приходится освещать уехавшей [женщины] туалетный столик с зеркалом.
23. Если ты занавес с яшмой свернешь — то все же луна не уйдет.	23 玉戶簾中捲不去	23. Полог над украшенной дверью не опущен,
24. С камня смахнешь, где колотят белье, — а луна уже снова на нем».	24 擣衣砧上拂還來	24. Подставка для отбития одежды не протерта.

Возникает новая тема — оставленное жилище некой важной для поэта женщины. Луна высвечивает бытовые детали, по которым можно понять его к ней отношение, и внутреннее состояние. Поэт видит какую-то комнату и предметы, с которыми ассоциируется женский быт: столик с зеркалом, полог над дверью. Все свидетельствует о том, что женщина покинула дом недавно: столик пустой, полог не опущен, подставка для битья одежды (традиционный инструмент для глажки в эпоху Тан) не протерта; все несет следы ее пребывания. Причина разлуки не называется.

Возникает вопрос: кем может быть эта женщина? Напрашивается мысль, что она — супруга или куртизанка. Однако возможен и другой, довольно неожиданный вариант. Если предположить, что деталь из оригинала — подставка для битья одежды (*дао и чжэнь*, 擣衣砧) — не случайна, то именно она способна стать ключом к разгадке. В китайской традиции этот предмет связан с повседневным бытом женщин, включая знатных, а в поэзии эпохи Тан он превра-

щается в символ любви и заботы о мужчине. Об этом свидетельствует широко известное в китайской культуре предание о Цюй Юане (屈原, IV–III вв. до н. э.) — первом лирическом поэте, чьи произведения вошли в сборник «Чуские строфы». Его мать умерла очень рано, он остался со своей сестрой Ню Сюй, которая была старше его на десять лет. Ню Сюй была добродетельной женщиной, глубоко любила его. Цюй Юаню любовь сестры заменила любовь матери. Хотя в его доме были слуги, Ню Сюй сама стирала одежду брата, тем самым показывая, что остальные не смогут так хорошо позаботиться о нем. *Камень* (*дао и*, 擣衣) — место, где Ню Сюй выполняла свою работу. Эта ключевая для оригинала стихотворения бытовая деталь относится к числу тех, которым русские поэты-акмеисты придавали повышенное значение. Если принять во внимание неслучайное упоминание *дао и*, то в стихотворении речь идет о недавно покинувшей поэта старшей сестре, которая заменила ему мать и была так же дорога, как Цюй Юаню Ню Сюй.

Появление *камня* в поэтическом переводе Н.П. Колпаковой означало бы не только верное понимание оригинала, но и вероятную редакторскую руку Н.С. Гумилева, ценившего бытовые детали, В строфе, однако, китайская домашняя обстановка оказалась загадочной и неуловимой, *дао и* превращен в обычный камень, на котором *колотят белье*.

Динамика мысли оригинала оказалась сбита, постепенное развитие темы грусти от того, что дом и поэт оказались покинуты близкой женщиной, у Н.П. Колпаковой превращена в какие-то пятнашки с лунным светом, как будто речь идет о солнечном зайчике — чем-то веселом. Мажорный тон строфы задается словом *счастлива* в 21-ой строке, тогда как в оригинале — противоположное настроение. В результате смысловая связь с предыдущими строфами утрачивается.

О непонимании происходящего свидетельствует также суперэкзотизм — *занавес с яшмой* в 23-ей строке. Сложно представить, как куски сложно поддающейся обработке породы оказались подвешены к циновке? И каким образом можно свернуть эту конструкцию? Вероятно, здесь оказались перепутаны яшма с нефритом. Неразличение двух минералов, обозначаемых в китайском языке одним иероглифом *юй* (玉), — стандартная ошибка переводчиков. Первая груба и используется при изготовлении тяжелых предметов (столешниц, подставок для ламп), второй же — культовый в китайской культуре материал, применявшийся с бронзового века для изготовления предметов, подчеркивавших власть и высокий социальный

статус. В стихотворении он явно употреблен в значении *украшенный, орнаментированный*.

Строфа VII

Перевод Н.П. Колпаковой	Оригинал	Подстрочный перевод
25. «Слышать друг друга не можем, хотя глядим друг на друга любя.	25 此時相望不相聞	25. «В то время мы еще можем видеть друг друга, но уже не можем слышать друг друга,
26. Если б настигнуть луны красоту — сиять, государь, на тебя».	26 愿逐月華流照君	26. Я хотела бы, проследовав за светом луны, осветить тебя, господин».
27. Лебеди, гуси далеко летят, но света тебе не снесут.	27 鴻雁長飛光不度	27. Дикие гуси летят вдоль протяженного лунного света, но не могут вылететь за его пределы,
28. Рыба с драконом нырнут и опять вынырнут, воду рябя.	28 魚龍潛躍水成文	28. Рыба и земноводные твари плещутся, порождая на воде рябь.

В строфе VII наблюдается явная ретардация: женщина в лодке уплыла еще в V строфе, поэту видны только ее очертания. Здесь вновь обращение к этому образу, который дополнен воображаемыми репликами. Возникает своеобразное двухголосие: эта и следующая строфа начинаются со слов женщины, а заканчиваются словами поэта. В ее словах тема лунного света достигает своего апофеоза. Она готова вместе с лучами вернуться к лирическому герою и подобно луне светить ему.

27-я и 28-я строки — меняют план, переключают зрителя на общую картину над рекой. Поэт возвращается к теме безбрежности лунного света, который не распространяется только на него и женщину в лодке. В пейзаже произошли изменения: спокойствие водной глади оказалось нарушенным оживлением водных обитателей — рыб и различных земноводных.

В поэтическом переводе вновь утрачен смысл строфы. Непонятно, кто на кого *глядит любя* и как двое могут видеть мимику друг друга на большом расстоянии ночью. Двадцать шестая строка странно звучит, как будто это не перевод, а автоматическое письмо сюрреалистов. Гротескность строфы усилена образом *дракона*, явно неуместным в контексте упоминания речных обитателей. Иероглиф *лун* (龍) здесь не предполагает перевода в своем первом значении.

Строфа VIII

Перевод Н.П. Колпаковой	Оригинал	Подстрочный перевод
29. «Снилось вчера мне — на тихом пруду всю ночь опадали цветы.	29 昨夜閒潭夢落花	29. «Вчера ночью мне снилось, как в пруд опадали цветы,
30. Май — в половине весна, а домой вернуться не мог еще ты».	30 可憐春半不還家	30. Жаль, что к середине весны не вернусь домой».
31. Воды Реки весной вот-вот начнут выходить из берегов,	31 江水流春去欲盡	31. Воды Реки весной вот-вот начнут выходить из берегов,
32. А луна, клонясь к западу, начнет садиться по касательной за берег реки.	32 江潭落月復西斜	32. А луна, клонясь к западу, начнет опускаться по касательной за берег реки.

Двухголосие продолжается и в этой строфе. Из прямой речи женщины узнаем, что поэт был покинут, но не навсегда, а на какой-то сравнительно непродолжительный срок, может быть, на несколько недель или месяцев. Она сожалеет, что не сможет приехать к середине весны, чтобы полюбоваться с ним завершением цветения деревьев. Опасения его напрасны, тоска скоро развеется. Пока же весна продолжается, приближается разлив Янцзы, а ночь, навеявшая тревожные мысли, проходит, луна садится.

Далее, переходим к 3-й части стихотворения.

Строфа IX

Перевод Н.П. Колпаковой	Оригинал	Подстрочный перевод
33. Косит луна, глубоко-глубоко зарывшись над морем в туман.	33 斜月沉沉藏海霧	33. По касательной луна тяжело скрывается в тумане, который висит над водной гладью,
34. Путь бесконечный лежит предо мной от Деши, от Сяо и Сян.	34 碣石瀟湘無限路	34. Расстояние между горой Цзеши и реками Сяо и Сян бесконечно велико.
35. Сколько — кто знает? — вернулось домой людей под весенней луной?	35 不知乘月幾人歸	35. Неизвестно, сколько людей воспользовалось лунным светом, чтобы вернуться домой,
36. Пала луна… Я грущу. Все в луне деревья, что смотрятся в Цзян.	36 落月搖情滿江樹	36. Заходящая луна может развеять чувства, которые недавно наполняли [поэта], подобно тому, как река вдоволь снабжает водой [растущие вдоль ее берегов] деревья.

Финал стихотворения — заход луны в туманную дымку над водной гладью. Поэт сравнивает траекторию светила, его путь по небосклону с расстоянием от горы Цзеши (碣石), расположенной в провинции Хэбэй недалеко от побережья Бохайского залива на северо-восточной окраине Поднебесной, до реки Сяо (названы два участка: нижний — *Сяошуй*, 瀟水 и верхний — *Сянцзян*, 湘江). В литературной традиции это выражение означает, что дорога длинная и лежит очень далеко от мира людей. Таким образом подчеркивается нездешнее происхождение луны, смысл бытия которой отличен от человеческого и лежит за пределами понимания.

В 35-ой строке вновь встречаем отсылку к содержанию других строф, а именно — к словам женщины в строфе VII, где она хотела с лунным светом вернуться назад. Поэт верил им в разгар ночи, сейчас же, когда луна заходит, их смысл начинает казаться неправдоподобным. Начало нового дня возвращает поэта в обычное состояние, и все разнообразие пережитых эмоций также неизбежно должно исчезнуть вместе с завораживающим светом серебряного диска.

Заключение

Разбор первого русского поэтического перевода стихотворения Чжан Жосюя «Весенней порой на реке в цветочную лунную ночь» показал, что мы имеем дело с плодом работы творческой студии, которая в разгар Гражданской войны с ее неразберихой, разрухой, голодом действовала благодаря героическим усилиям подвижников, энтузиастов, стремившихся сохранить небольшое пространство чистой литературы и культуры. Без поэтических опытов Н.П. Колпаковой и В.М. Алексеева нельзя рассуждать о состоянии отечественной синологии в переходный период, каким безусловно является время становления советской власти.

Говоря об оценке перевода в целом, можно отметить, что переводчик подстрочника и автор поэтической адаптации постарались передать содержание стихотворения и придать ему форму художественного высказывания. Им удалось отразить определенную часть содержания, передать некоторое настроение. Текст перевода интересен как документ культуры своей эпохи, как попытка синолога-профессионала решить сложную научную и филологическую задачу — перевод одного из шедевров раннесредневековой китайской поэзии, а также как подход поэта-любителя к передаче средствами русской метрики своеобразия оригинала.

В начале XX в. в отечественной синологии еще не было накоплено достаточно опыта и знаний в сфере изучения и перевода средневековой китайской поэзии. К тому же следует помнить, что в то время не было современных словарей (В.М. Алексеев станет инициатором создания «Большого китайско-русского словаря» — непременного инструмента каждого российского китаиста), справочной литературы, не говоря уже про возможности, которые предоставляет Интернет.

Поучительными являются не только достижения такого мастера, как В.М. Алексеев, но и упущения. Крайне важно и само его устремление искать формы поэтического перевода шедевров китайской классической поэзии. Текст стихотворного перевода Н.П. Колпаковой несет печать эпохи, а именно увлечение русской поэзией рубежа XIX–XX вв., штампы из которой повторены в тексте. Возникшие в сознании переводчика (и, вероятно, автора подстрочника) при создании поэтического перевода лирические заимствования иной традиции стали препятствием при попытке воссоздать систему образов автора, навязывали свои чуждые оригиналу обертона. При детальном разборе видно, что такого рода отклонения от китайского оригинала в сторону «русскости» не просто нарушали, но и разрушали образную ткань произведения, «все движение поэтической мысли стихотворения, его <...> “лирический сюжет”» [2, с. 15].

Для своего времени подстрочный перевод выполнен на высоком уровне, хотя, как мы увидели, он далеко небезупречен — его нельзя идеализировать. Критика и уточнения (в которых мы не всегда можем быть уверены) не уничижают образ В.М. Алексеева как выдающегося ученого, напротив, вызывает восхищение, как много он смог понять и как смог найти приемлемую форму выражения содержания сложнейшего поэтического текста на русском языке.

Литература

1. *Баньковская М.В.* Василий Михайлович Алексеев и Китай. Книга об отце. М.: Вост. лит., 2010. 487 с.

2. *Вацуро В.Э.* Записки комментатора. СПб.: Академический проект, 1994. 347 с.

3. *Гумилев Н.С.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. 632 с.

4. *Кузнецова О.А.* Сборник Н. Гумилева «Фарфоровый павильон. Китайские стихи»: история создания и источники текста // Русский модернизм: Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст: коллективная монография. СПб.: АРТ БУК, 2022. С. 189–198.

5. *Серебряков Е.А.* Классическая поэзия // Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. М.: Вост. лит., 2008. Т. 3. С. 43–75.

6. *Чечнёв Я.Д., Ульянов М.Ю.* Студия китайской поэзии издательства «Всемирная литература»: В.М. Алексеев и Н.С. Гумилев // Русская литература. 2025. № 3. С. 204–220. DOI: 10.7868/S3034591X0131-6095-2025-3-204-220.

7. Чуские строфы. Избранные произведения в переводах Марины Кравцовой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. 352 с.

8. *Chi-Hsien C.* [*Cheng F.*] Analyse formelle de l'œuvre poétique d'un auteur des Tang. Zhang Ruo-xu. Paris; La Haye: Mouton & Co., 1970. 135 p.

9. Le livre de jade / poésies traduites du chinois par Judith Gautier. Paris: F. Juven, 1902. 279 p.

10. Poésies de l'époque des Thang. (VIIe, VIIIe et IXe siècles de notre ère) / Traduites du Chinois pour la première fois [avec] une étude sur l'art poétique en Chine et des notes explicatives par le Marquis d'Hervey-Saint-Denys. Paris: Amyot, 1862. 413 p.

Research Article

Zhang Ruoxu's "Lunar" Poem at the Chinese Poetry Studio of the World Literature Publishing House (1919)

© 2025. Mark Yu. Ulyanov, Yakov D. Chechnev
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-78-10046 "Oriental Literatures in the Publishing and Cultural-Educational Projects of A.M. Gorky in the 1920s (Based on Manuscript Sources of the Publishing House 'World Literature,' the magazine 'Vostok' and the 'Section of Historical Pictures')" (https://rscf.ru/project/24-78-10046/).

Abstract: The purpose of this article is to introduce into academic circulation the first poetic translation into Russian of the renowned Tang dynasty (618–907) poem Chun Jiang Hua Yue Ye (春江花月夜) by Zhang Ruoxu (張若虛, 660–720). This translation, completed in the summer of 1919 by N.P. Kolpakova (1902–1994) represents a significant historical and literary monument, created in collaboration with the eminent sinologist V.M. Alekseev (1881–1951), who provided a literal translation for her. The work was carried out as part of the Chinese Poetry Studio at the World Literature Publishing House, a unique project of the military communism and early NEP era aimed at introducing Russian-speaking readers to masterpieces of world culture. The handwritten version of the translation, titled "In Springtime on the River in a Moonlit Night of Flowers," discovered in V.M. Alekseev's personal archive (St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 820. Inventory 2. File 221. Pages 5–5v), serves as valuable evidence of the early formation of the Soviet school of Chinese classical poetry translation. The

article thoroughly examines the historical context of the translation's creation, its linguistic and stylistic features, and its fidelity to the original. Special attention is given to the poetic techniques employed by N.P. Kolpakova to convey the imagery of Tang poetry. The publication and analysis of this translation not only enhance our understanding of the development of Russian Oriental studies during the pivotal period of the late 1910s to early 1920s but also contribute to the study of the history of cultural ties between Russia and China.

Keywords: Zhang Ruoxu, *The Moon over the River on a Spring Night*, World Literature Publishing House, Chinese Poetry, Vasiliy Alekseyev, Natalya Kolpakova, 張若虛, 春江花月夜.

Information about the authors: Mark Yu. Ulyanov, PhD in History, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9544-1671

E-mail: ulm@mail.ru

Yakov D. Chechnev, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9439-0430

E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

For citation: Ulyanov, M.Yu., and Ya.D. Chechnev. "Zhang Ruoxu's 'Lunar' Poem at the Chinese Poetry Studio of the World Literature Publishing House (1919)." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 25–51. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-25-51

References

1. Ban'kovskaia, M.V. *Vasilii Mikhailovich Alekseev i Kitai. Kniga ob ottse* [*Vasiliy Mikhaylovich Alekseyev and China. On Father*]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2010. 487 p. (In Russ.)

2. Vatsuro, V.E. *Zapiski kommentatora* [*Commentator's Notes*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 347 p. (In Russ.)

3. Gumilev, N.S. *Stikhotvoreniia i poemy* [*Poems*]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1988. 632 p. (In Russ.)

4. Kuznetsova, O.A. "Sbornik N. Gumileva 'Farforovyi pavil'on. Kitaiskie stikhi': istoriia sozdaniia i istochniki teksta" ["N. Gumilyov's Collection 'Porcelain Pavilion. Chinese Poems': The History of Creation and Sources of the Text"]. *Russkii modernizm: Poetika. Tekstologiia. Istoriko-literaturnyi kontekst: kollektivnaia monografiia* [*Russian Modernism: Poetics. Textology. Historical and Literary Context: A Collective Monograph*]. St. Petersburg, ART BUK Publ., 2022, pp. 189–198. (In Russ.)

5. Serebriakov, E.A. "Klassicheskaia poeziia" ["Classical Poetry"]. *Dukhovnaia kul'tura Kitaia. Entsiklopediia: v 5 t.* [*Chinese Spiritual Culture Encyclopaedia: in 5 vols.*], vol. 3. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2008, pp. 43–75. (In Russ.)

6. Chechnev, Ia.D., and M.Iu. Ul'ianov. "Studiia kitaiskoi poezii izdatel'stva 'Vsemirnaia literatura': V.M. Alekseev i N.S. Gumilev" ["The Chinese Poetry Studio of the World Literature Publishing House: Vasiliy Alekseyev and Nikolai

Gumilev”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2025, pp. 204–220. DOI: 10.7868/S3034591X0131-6095-2025-3-204-220 (In Russ.)

7. *Chuskie strofy. Izbrannye proizvedeniia v perevodakh Mariny Kravtsovoi* [*Chu Ci. Selected Works Translated by Marina Kravtsova*]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2022. 352 p. (In Russ.)

8. Chi-Hsien, Cheng. [Cheng, François.] *Analyse formelle de l’œuvre poétique d’un auteur des Tang. Zhang Ruo-xu.* Paris, La Haye, Mouton & Co., 1970. 135 p. (In French)

9. *Le livre de jade*, poésies traduites du chinois par Judith Gautier. Paris, F. Juven, 1902. 279 p. (In French)

10. *Poésies de l’époque des Thang. (VIIe, VIIIe et IXe siècles de notre ère)*, traduites du Chinois pour la première fois [avec] une étude sur l’art poétique en Chine et des notes explicatives par le Marquis d’Hervey-Saint-Denys. Paris, Amyot, 1862. 413 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025.
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025.
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 08.02.2025.
Approved after reviewing: 16.06.2025.
Date of publication: : 25.12.2025

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-52-78
https://elibrary.ru/SMNQFY

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no.4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

М.Н. Муравьев в начале 1780-х гг. (по материалам РО ИРЛИ)

© 2025, А.Д. Ивинский
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук в рамках проекта «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.).

Аннотация: Статья посвящена анализу литературной позиции М.Н. Муравьева в начале 1780-х гг. В центре нашего внимания — письма писателя к родным, которые хранятся в РО ИРЛИ. В данной работе мы публикуем шесть из них; данные материалы позволяют приблизиться к реконструкции круга светских и литературных знакомств Муравьева и, как следствие, поставить вопрос о возможных причинах начавшегося в середине 1780-х гг. восхождения его по социальной лестнице. Мы предполагаем, что именно широкая сеть связей (в это время он общался, например, с М.Ф. Соймоновым, Л.А. Нарышкиным, Я.И. Булгаковым, Ф.Г. Кариным, Д.И. Фонвизиным, Д.И. Хвостовым и др.) позволила молодому поэту напечататься в журнале Екатерины II и Е.Р. Дашковой «Собеседник любителей российского слова» и, вероятно, предопределила тот факт, что именно ему позднее было предложено занять пост воспитателя Константина и Александра Павловичей. При этом отдельно мы останавливаемся на некоторых аспектах взаимоотношений Муравьева и Г.Р. Державина и публикуем неизвестное стихотворение Муравьева «Ответ Мельнику», которое было обнаружено в ОР РГБ.

Ключевые слова: М.Н. Муравьев, история русской литературы XVIII в., Г.Р. Державин, Д.И. Хвостов, Екатерина II, эпистолярий.

Информация об авторе: Александр Дмитриевич Ивинский — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9007-3996
E-mail: ivinskij@gmail.com
Для цитирования: *Ивинский А.Д.* М.Н. Муравьев в начале 1780-х гг. (по материалам РО ИРЛИ) // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 52–78. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-52-78

О М.Н. Муравьеве в начале 1780-х гг., несмотря на то что это был один из ключевых периодов в его жизни, мы знаем, на удивление, очень немного[1]. Показательно, что даже лучший биограф писателя практически ничего не написал об этом времени: «22 сентября 1774 мы видим его уже сержантом гвардии, а 1 января 1782 года — уже прапорщиком»[2]; ср.: «до 1782–84 года любовная лирика Муравьева вообще очень бедна»[3]. Скороговоркой ограничился и В.А. Западов: «В 1778 М. с 10 февр. по 3 июня находился в отпуске, в 1780 он вообще почти весь год провел в отпуске» [1, с. 309]. Пропуская этот, на первый взгляд, бедный на события период, исследователи либо анализируют публикации Муравьева 1778 г. в «Санктпетербургском вестнике» и размышляют о его роли в т. н. «львовско-державинском кружке»[4], либо сразу переходят к середине 1780-х, когда Муравьев был назначен «в кавалеры» к Константину Павловичу, а немного позднее и учителем к обоим великим князьям, в т. ч. и к будущему

[1] Хотя академическая биография писателя до сих пор не написана, а рукописное наследие в полной мере не опубликовано, биография и творчество Муравьева многократно привлекали внимание исследователей (см.: *Жинкин Н.П.* М.Н. Муравьев: По поводу истекшего столетия со времени его смерти // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.: ИОРЯС АН, 1913. Т. 18. Кн. 1. С. 1–80; *Кулакова Л.И.* М.Н. Муравьев // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1939. Вып. 4. С. 4–42; *Кулакова Л.И.* Н.И. Новиков в письмах М.Н. Муравьева // XVIII век. Л.: Наука, 1976. Сб. 11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. С. 16–23; *Кулакова Л.И.* Поэзия М.Н. Муравьева // *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 5–52; *Лазарчук Р.М.* Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 19 с.; *Фоменко И.Ю.* Из прозаического наследия М.Н. Муравьева // Русская литература. 1980. № 3. С. 119–126; *Фоменко И.Ю.* Проза М.Н. Муравьева. Из истории русской прозы последней трети XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. 180 с.; *Фоменко И.Ю.* М.Н. Муравьев и проблема индивидуального стиля // На путях к романтизму. Л.: Наука, 1984. С. 52–70; 1; 2; 10; 12; 14; 15; 16; 19)

[2] *Жинкин Н.П.* М.Н. Муравьев: По поводу истекшего столетия со времени его смерти. С. 12.

[3] Там же. С. 13.

[4] Об этом кружке см.: *Майков Л.Н.* Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1889, с. 252; [18; 13], ср. ценные замечания В.Н. Топорова: «<…> принципы подобных объединений никогда не были строгими и едиными. Речь шла обычно о целой гамме вариаций, об интересе к разному, об эстетической терпимости в достаточно широких границах. Позиция Муравьева, который в львовско-державинском кружке был одним из самых молодых и доброжелательных участников, была, насколько об этом можно судить, благожелательной и во всяком случае терпимой, т. е. положительно-приемлющей. В самых разных поэтах и их поэтических произведениях он умел находить интересное и полезное, каким бы разным оно ни оказывалось» [19, кн. 2, с. 921].

императору Александру I[5]. Таким образом, несколько лет жизни Муравьева практически «выпали» из поля зрения ученых, и могло бы возникнуть подозрение, что это было временем «затишья», «скучной» службы, лишенной значимых событий, однако, кажется, подобное предположение будет поспешным.

Письма Муравьева 1780–1781 гг. к родным[6] позволяют до некоторой степени восполнить эти лакуны: как мы увидим ниже, Муравьев активно укреплял старые знакомства и делал новые, причем не только в литературном, но и придворном мирах.

Карьера Муравьева была неразрывно связана с восхождением по социальной лестнице всей его семьи, сравнительно большого клана Муравьевых, и, конечно же, в первую очередь, его отца. Так, например, из писем, хранящихся в ИРЛИ, мы можем узнать, что Н.А. Муравьев встречался с князем А.А. Вяземским (письмо от 11 марта 1780 (№ 262. Л. 1 об.)), «обедал у И.И. Шувалова» (письмо от 29 марта 1781 (№ 262. Л. 44 об.), «был у руки Государыни» (письмо от 1 февраля 1781 (№ 262. Л. 13 об.)). В письме от 18 февраля 1781 г. Муравьев так резюмировал успехи отца при дворе: «Из прошедшего нашего письма вы видели, что виц-губернаторам было повещено о их приезде ко двору и батюшке было бы надобно быть у Государыни вчерась. Но утреня у ней долго продлилась, и после того тотчас должно было убираться к обедне, так она изволила выслать сказать, чтоб г. виц-губернаторы Тверской и Владимирской, взявши последующих за ними двух их товарищей, приехали завтра. Итак, сегодни батюшка имел счастие говорить с Государынею и с таким успехом, как батюшка лучше не желал бы. Князю Вяземскому, которой вышел к Государыне в то время, как батюшка вышел, изволила сказать Государыня (как после пересказывал М.Ф. Полторацкой), что батюшка показался ей бодр» (№ 262. Л. 23).

---

[5] Ср.: *Жинкин Н.П.* М.Н. Муравьев: По поводу истекшего столетия со времени его смерти. С. 17; см. также: [1, с. 310; 12, с. 46].

[6] К эпистолярию Муравьева регулярно обращались историки русской литературы; наиболее значимый вклад в его изучение – публикация Л.И. Кулаковой и В.А. Западовым писем 1777 – начала 1778 гг. (Письма русских писателей XVIII в. Л.: Наука, 1980. С. 259–377). В данной статье мы обратились к более позднему периоду жизни Муравьева и продолжаем, таким образом, серию наших работ, посвященных сбору, публикации и предварительному комментарию писем поэта, которые хранятся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга [4; 5; 6; 7; 8]. В центре нашего внимания – письма, которые Муравьев отправил отцу Н.А. и сестре Ф.Н. Муравьевым в 1780–1781 гг. и которые хранятся в ИРЛИ РАН (РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 261. Л. 1–60; РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 262. Л. 1–52). В этих двух единицах хранения находим 26 и 30 писем, соответственно; самое раннее письмо в данной подборке датировано 23 июля 1779 г., а самое позднее — 13 июля 1781 г. Мы отобрали для данной публикации шесть писем, которые, с нашей точки зрения, наиболее показательны для обсуждаемой темы. Далее в основном тексте указываются только ед. хр. (№) и лист рукописи.

Муравьев и сам активно участвовал в социальной жизни; так, например, он встречался с сенатором, президентом Берг-коллегии, родственником Н.А. Львова М.Ф. Соймоновым (письмо от 18 января 1781 (№ 262. Л. 3 об.)); сенатором, прокурором Адмиралтейств-коллегии, человеком, близким князю А.А. Вяземскому, и своим будущим тестем Ф.М. Колокольцевым (письмо от 28 января 1781 (№ 262. Л. 11 об.)); братом известного поэта, масона и куратора Московского университета П.М. Херасковым (письма от 7 (№ 261. Л. 5) и 21 января 1781 (№ 262. Л. 7)); известным дипломатом Я.И. Булгаковым (письмо от 21 января 1781 (№ 262. Л. 7)) и др. Еще в середине 1779 г. Муравьев общался на балу с С.Г. Зоричем, бывшим фаворитом Екатерины II: «В 6 часу после обеда пошли мы в рощу, в Китайскую галерею, где вдруг наехало более ста персон и открылся бал. Тут одно намерение, одно, чем все двигалось, было веселье. Скакали, бегали. Как я рад был танцевать! Со мной говорил Зорич, который был тут из ревностнейших танцовщиков» (письмо от 19 июля 1779 (№ 261. Л. 1 об.)).

Разумеется, он был знаком и со знаменитым екатерининским «балагуром» Л.А. Нарышкиным, опекуном его двоюродного брата И.М. Муравьева (с 1801 — Муравьева-Апостола):

> Упражнение Льва Ал.<ександровича> <Нарышкина> было вытаскивать из кучи зрителей, которых сбежалось множество, несколько немок и сажать их в галерее. Часу в двенадцатом пошли в покои ужинать. Я ничего не говорю об иллюминации рощи и пр.<очее>. Марина Осиповна[7] весьма много говорила об Ив.<ане> Матв.<еевиче> <Муравьеве> за ужином и хвалила его Брюсше[8] и Марье Павловне[9]. После стола был фейерверк. Я наслаждался тут, кажется, истинным весельем. У Васильева[10] я был, который принял меня с обыкновенным своим добродушием, расспрашивал о вашем состоянии (письмо от 19 июля 1779 (№ 261. Л. 1 об. – 2))[11].

[7] Нарышкина Марина Осиповна (1741–1800) — жена Л.А. Нарышкина.

[8] Брюс Прасковья Александровна (1729–1786) — жена Я.А. Брюса, сестра П.А. Румянцева.

[9] Нарышкина Мария Павловна (1728–1793) — вдова С.К. Нарышкина, дочь П.Ф. Балк-Полева, статс-дама императрицы Елизаветы Петровны.

[10] Вероятно, Васильев А.И. (1742–1807) — русский государственный деятель; в 1770-е гг. работал в Экспедиции о государственных доходах.

[11] Ср. в письме от 1 апреля 1781 г.: «Тут же видел я и маленького Ивана Матвеевича <Муравьева>, разряжена в прекрасном кафтане. Кланялся со Львом Александровичем <Нарышкиным>, который, кажется, что вымолвил мне что-то мимоходом» (№ 261. Л. 19 об. – 20). Об И.М. Муравьеве см., напр.: [11, с. 203–224].

Особо отметим, что приемы у Нарышкиных были среди лучших и наиболее известных в тогдашнем Петербурге:

> Первыми аристократическими домами тогда в Петербурге признавали царские чертоги следующих сановников: графа Разумовского, князя Голицына, князя Потемкина, вице-канцлера графа Остермана, князя Репнина, графов Салтыкова, Шувалова, Брюса, Строганова, Панина, двух Нарышкиных, Марьи Павловны Нарышкиной. Приемы у этих вельмож бывали почти ежедневно; на вечерах у них гремела музыка, толпа слуг в галунах суетилась с утра до вечера[12].

Молодой писатель, не без плохо скрываемого самодовольства, слабо прикрытого ритуальными эпистолярными формулами, в письме к отцу Н.А. Муравьеву от 20 мая 1781 отмечал, что положение его в столице постепенно становилось все более устойчивым:

> Без особливых стараний нравиться я нахожу с некоторого времени столько людей, ко мне снисходительных, расположенных находить во мне достоинства, которых не имею, что я имею причины остерегать свое самолюбие. Никогда, однако, не был я менее достойным благоприятия людей. Свидетельствует леность моя делать и думать. Основательнее есть для меня честолюбие; не подать вам причины оскорбления и оправдать, если можно, любовь родителя. Но к сему требуется некоторое возвышение души (№ 261. Л. 41–41 об.).

Делясь петербургскими новостями и слухами с отцом, Муравьев не раз демонстрировал погружение в жизнь двора, по-видимому, для него это было знаком принадлежности к миру, закрытому для посторонних; вот, например, отрывок из письма от 29 мая 1781 г.: «На сих неделях представлена была в Сарском селе французская комедия «Le Journaliste», которая будто сочинителем имеет Государыню <Екатерину II>[13]» (№ 261. Л. 46 об.).

---

[12] *Пыляев М.И.* Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. С. 220.

[13] Действительно, в конце апреля 1781 г. пьеса «Le Journaliste» была поставлена в столице: «Во время высочайшего присутствия в театре представлена была французская комедия «Журналист», которая началась по пополудни с 7-го часа, кончилась балетом на исходе 9-го часа <…>» (Камер-фурьерский церемониальный журнал 1781 года. СПб., 1890. С. 228). Пьеса с таким названием была опубликована в 1768 г. под псевдонимом Monsieur Sincère (Le Journaliste. Comédie en un acte et en prose, meilleure a lire qu'a être représentée, par Monsieur Sincère. Paris: Chez Jean Furet, 1768. 47 p.). Ее автором был

Крепли и литературные связи Муравьева. В письмах этого периода не встречаются имена М.М. Хераскова, Н.А. Львова или Н.И. Новикова, как это было в письмах 1776–1778 гг. (см. об этом [4; 8]), но это не означает, конечно, что эти люди потеряли свое значение для Муравьева. Отбор фактов в письмах диктовался во многом самим жанром: сообщать хотелось о *новом*, а не о том, что было и так хорошо известно адресату. Поэтому, предполагаем, так часто Муравьев писал о Д.И. Хвостове, с семьей которого был знаком Н.А. Муравьев. Сблизились молодые поэты, по-видимому, еще в первой половине 1778 г.; см. отрывок из письма Муравьева к Н.А. и Ф.Н. Муравьевым от 12 июня:

> Я уж здесь присовокупил к своим знакомствам двух молодых людей весьма хорошего поведения. Это Г. Микулин и Хвостов. Так мило иметь сообщество! кажется что тогда занимаемся мы более и сами собою, когда причины любить себя усугублены[14].

Тогда, в конце 1778 г., Муравьева волновала мысль о том, что он мог быть принят хоть в каком-то сообществе. Теперь же все иначе: он был знаком практически со всем литературным миром, печатался в «Санктпетербургском вестнике», строил многочисленные литературные планы, о чем, в частности, свидетельствует сохранившаяся в ОР РГБ его «Записная книга»[15]. Хвостов ему был близок хотя бы в силу возраста, он был вхож в его дом, знаком с его родителями, так что нет ничего удивительного в том, что в начале 1780-х гг. они продолжили регулярно и тепло общаться. Вот, например, отрывок из письма от 18 февраля 1781 г.: «А ко мне теперь только присылает Д.И. Хвостов, недавно сюды приехавший, чтоб я к нему пришел. Такие приключения заслуживают место в письме, затем что происходит тогда как пишешь» (№ 262. Л. 24 об.). А в письме от 5 апреля 1781 г. Муравьев писал: «От обеду <Д.И.> Хвостова уехал, остался обедать у Ник.<олая> Львовича <Батюшкова>, в чьей карете я ездил, ибо пешком ходить нет способу. После обеда проводил у Ивана

Ж.Ф. де Бастид (текст произведения, а также краткую информацию о сочинителе см.: *De Bastide Jean-Franç*. Publication d'une comédie contemporaine inédite accompagné d'une notice par M. Frédéric Faber. Bruxelles: Fr.-J. Olivier, libraire-éditeur, 1880. 41 p.).

[14] ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 51. Л. 53. О Муравьеве и Хвостове см.: [10]. См. также: [27].

[15] *Муравьев М.Н*. Записная книга — стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе 1771–1803 (ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1).

Матвеевича <Муравьева> большого[16] и, по слову своему, ужинал у Хвостовых, куда я зван сегодни опять обедать» (№ 261. Л. 21 об.). В письме от 22 апреля 1781 г. Муравьев снова говорил о Хвостовых: «Я не вижу дней: столь скоро проходят они посещениях моих. Не можно идти мимо Хвостовых, чтоб быть не позвану» (№ 262. Л. 31 об.). Из письма от 17 мая мы узнаем, что «Хвостов, Карин меня отрывают часто. У сего последнего обедаю почти всякий день, quelques bel ésprits ou soi-disants tels. Комедия, клуб дополняют упражнения мои» (№ 261. Л. 40 об.). Отметим, что Муравьев ведет вполне аристократическую жизнь, посвящая свободное время дружескому общению, театру и клубу — тяготы воинской службы, о которых регулярно он жаловался в письмах 1776 г., забыты. Письмо от 13 июля 1781 г. — яркое свидетельство близости отношений Муравьева и Хвостова:

> Иван Михайлович Хвостов и Вера Григорьевна <Хвостовы> позволили мне писать с собою к вам. Я писал прежде и со удовольствием повторяю, что во все время их пребывания был я принят в их доме и был каждый день со всеми отличениями милости, каких желать можно. Я чувствую истинную потерю в отсутствии Дмитрия Ивановича <Хвостова>, которого дружба и обхождение составляли одно из приятнейших упражнений моих. В то же почти время отъезжает Федор Григорьевич Карин, братец Веры Григорьевны, и вам уже известно участие, которое он во мне принимает (№ 261. Л. 59–59 об.).

Возможно, именно благодаря Хвостову Муравьев познакомился с Ф.Г. Кариным: автор «Легковерного» был племянником знаменитого мецената, литератора и бонвивана[17]. У Карина, в свою очередь, Муравьев получил возможность пообщаться с Н.П. Николевым:

> Третьего дни обедал я у Г.<осподина> Карина, где также обедал и Николев, московский bel esprit, приехавший сюды за тяжбою

[16] Иван Матвеевич Муравьев старший — сын Матвея Артамоновича младшего, брат З.М. Муравьева, двоюродный брат М.Н. Муравьева, квартирмейстер Измайловского полка.

[17] О Карине см.: *Саитов В.И.* Федор Григорьевич Карин. Один из малоизвестных писателей второй половины XVIII века. СПб.: Ред. журн. «Библиограф», 1893. 23 с. Отметим, что статья В.И. Саитова оказалась незаслуженно забыта, однако представляет значительный научный интерес и во многом не утратила своей актуальности: так, например, до Г.А. Гуковского именно он писал о «сумароковской школе» (не используя этого словосочетания), о влиянии творчества А.П. Сумарокова на литературную «молодежь»; он же высказал плодотворную гипотезу о лингвистической программе Карина, которая опередила будущие поиски Н.М. Карамзина.

с новой трагедией и комедией, двумя худыми стряпчими (№ 261. Л. 26–26 об.)[18].

В это же время Муравьев начал общаться с Д.И. Фонвизиным — вряд ли можно говорить о сколько-нибудь близких отношениях: возраст и социальный статус явно создавали для этого серьезные препятствия. Тем не менее, если в 1780 г. Муравьев с откровенной гордостью сообщал отцу о разговоре с автором «Бригадира», то в 1781 г. он уже был гостем в его доме. Вот отрывок из письма от 11 марта 1780 г. (см. Письмо <1> в Приложении к данной статье):

> Я все тот же еще маленький педант, испросивший себе привилегию лениться за скрепою муз. Вечер прошедшего понедельника имел я удовольствие слышать в клубе славный духовный концерт или песнь: Stabat mater etc, сочинения Перголезева. И другое удовольствие для моего тщеславия — разговаривал с Д.И. Фонвизиным, bel esprit des plus hupés de la ville[19].

А в письме от 31 мая 1781 г. он писал сестре Ф.Н. Муравьевой о том, что первый раз пришел к Фонвизину и что — лестная мысль для начинающего писателя — оказался с маститым автором по одну сторону литературных баррикад:

> Вчерась был я еще в первый раз у Фонвизина, несмотря на то, что давно был знаком ему и имел его позволение ходить к себе. И говорено об Эстампах. Между Петербургских писателей междуусобная брань. К Фонвизину пишет Ал.<ександр> Сем.<енович> Хвостов послание[20], в котором его пародирует. Некто Арсеньев, покровительствуемый Княжниным, трудится над несколькими сатирами против Николева, Карина, двух Хвостовых, где par parenthese и я буду иметь свое место. Но я, en dépit d'Arseniev[21], считаю себя очень счастливым, если буду честный человек, достойный тебе нравиться.

[18] См. Письмо <4> в Приложении к данной статье. О московских литературных и академических связях Муравьева, о его вступлении в «Вольное российское собрание» нам уже приходилось писать [7].

[19] Перевод В.П. Степанова: «Одним из самых плодовитых остроумцев в столице» (*Степанов В.П.* Полемика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л.: Наука, 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 207).

[20] Речь о произведении А.С. Хвостова «Послание к творцу Послания, или Копия к оригиналу» (1781), в котором действительно пародировалось «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д.И. Фонвизина.

[21] Перевод: «Несмотря на Арсеньева».

Будь здорова, кланяйся сестрицам и люби меня (см. Письмо <6> в Приложении).

Таким образом, Муравьев оказался в одном ряду с Фонвизиным, Кариным, Хвостовыми и Николевым и противопоставлен Арсеньеву, покровительствуемому Я.Б. Княжниным[22].

Итак, мы видим, что связи Муравьева в начале 1780-х гг. крайне разнообразны и сложны. За пять-шесть лет в столице он благодаря не только своей семье, но и личным талантам выстроил отношения в придворном, академическом и литературном мирах. При этом он стремился к выстраиванию и сохранению отношений с самыми разными людьми в диапазоне от Хераскова и Львова до Петрова и Хвостова.

Именно благодаря этой стратегии, как нам представляется, произошел подлинный прорыв если не в творчестве Муравьева, то уж точно в литературной карьере — публикация «Письма к ***» в первой части «Собеседника любителей российского слова»[23], главного литературного журнала данного периода. При этом отметим, что текст Муравьева закрывал номер, который открывался, как хорошо известно, «Фелицей» Г.Р. Державина[24]. Вряд ли подобное редакторское решение было случайным: два начинающих автора создавали своеобразную смысловую рамку номера. Выскажем предположение, что Державин и Муравьев могли выдвигаться двором на первый план, во многом символизируя ту литературную революцию, которую совершили Екатерина II и Е.Р. Дашкова (об этом подробнее см.: [3]). Разумеется, ключевую роль в этом процессе императрица оставляла за собой, но журнал мыслился как место консолидации близких, идеологически и эстетически, литературных сил, а ключевые авторы эпохи должны были выполнять на себя функцию посредников между двором и элитой. Показательно, что именно со страниц «Собеседника» началось стремительное восхождение

[22] Об этой полемике см.: *Степанов В.П.* К истории литературных полемик XVIII в.: («Обед Мидасов») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 131–146; *Степанов В.П.* Полемика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л.: Наука, 1986. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. С. 204–229; о скрытой полемике Муравьева с Княжниным нам приходилось писать: [9].

[23] Собеседник любителей российского слова. СПб.: Иждивением Императорской Академии наук, 1783. Ч. 1. С. 157–159.

[24] Оде Державина предшествовало короткое «Предуведомление» (Собеседник. Ч. 1. С. 3–4), а стихотворению Муравьева — послание издателей, в котором они призывали читателей присылать в журнал свои сочинения (Там же. С. 160–161). Структурная симметрия сохраняется: внешняя «рамка» — два материала от издателей, внутри — сочинения Державина и Муравьева. Свой успех Муравьев развил во втором номере «Собеседника», напечатав стихотворение «Время» (Там же. Ч. 2. С. 129–130).

по социальной лестнице обоих писателей. Державин, как человек более опытный, уже продемонстрировавший некоторые свои управленческие навыки во время Пугачевского восстания, двигался быстрее и последовательно занял посты правителя Олонецкого и Тамбовского наместничеств, кабинет-секретаря императрицы, сенатора, президента Коммерц-коллегии и министра юстиции. Муравьев был моложе и неопытнее, поэтому отставал, но позиция учителя внуков Екатерины II позволила ему в итоге сыграть заметную роль в истории русской культуры: бригадир Измайловского полка, сенатор, он дослужился до товарища министра народного просвещения и попечителя Московского университета и Московского учебного округа, и, возможно, если бы не ранняя смерть, поднялся бы и выше.

В истории взаимоотношений Муравьева и Державина много лакун. Недавно К.Ю. Лаппо-Данилевский снова обратился к одной из записей Муравьева, посвященной «Фелице»: «1783 мая 23. Державин, может быть, первый испытал между нами персифлаж в оде к Фелице: довольно остроумно, довольно счастливо и свободно. “Ода к соседу” и прочее»[25]. Исследователь полагает, что «заметка указывает на отношение Муравьева к львовско-державинскому кружку извне, на его непосвященность в предысторию публикации «Фелицы», неплохо известную нам со слов Державина (как известно, эту оду, написанную в 1782 г., Державин после совещания с Львовым и Капнистом решил «запереть», и она находилась год под спудом» [13, с. 249]. И далее: «Как нетрудно заметить, знаменитая ода, обсуждавшаяся участниками кружка еще в рукописи, стала знакома Муравьеву лишь после ее напечатания, а характеристика «Фелицы» как персифлажа не имеет аналогов в ее трактовках участниками кружка» [13, с. 249]. Соглашаясь в принципе с тем, что Муравьев не был членом львовско-державинского кружка, мы, тем не менее, не готовы утверждать, что реплика о персифлаже может рассматриваться как доказательство незнакомства поэта с текстом «Фелицы» или отстраненности от жизни кружка. Скорее, сильным аргументом оказываются слова самого Державина о том, что текст находился «год под спудом» после обсуждения его с Львовым и Капнистом. Означает ли это, правда, что Львов или сам Державин не могли показать текст Муравьеву или рассказать о нем? По крайней мере, у нас нет данных, чтобы делать какие-то определенные выводы.

[25] ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 30. Л. 39. Об этой записи см.: *Западов В.А.* Державин и Муравьев // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР П.Н. Беркова. С. 245–253; [13]; критику концепции Западова см.: [17].

Я.К. Грот, например, указывал, что друзья опасались, что ода, содержавшая многочисленные намеки на вельмож, могла повредить автору[26]. Однако объяснение может быть и совершенно иного порядка: представление об особом значении «Фелицы», текста, к чтению которого могли быть допущены только посвященные, — явный анахронизм: очевидно, ни Львов, ни сам Державин не могли знать, что эта ода сыграет такую роль в литературной политике Екатерины II, поэтому они могли не показывать ее Муравьеву или другим заинтересованным лицам просто потому, что не верили в ее успех (или, по крайней мере, в *такой* успех). Отметим также, что вокруг «Фелицы» в «Собеседнике» начала вполне сознательно конструироваться особая мифология[27], которая затем приобрела канонический вид благодаря Е.Р. Дашковой (напомним хрестоматийно известные слезы императрицы при чтении стихотворения)[28]. Возвращаясь же к вопросу о «членстве» Муравьева в львовско-державинском кружке, мы не уверены, что этот вопрос вообще имеет первостепенное значение. Если Муравьеву и пришлось испытать «болезненную застенчивость» [13, с. 249], то справился он с нею без особого труда, тем более, что она в какой-то мере отражала избранную им манеру поведения, в основе которой лежала сдержанность, исключавшая «бесстыдную нахальчивость», и избрал стратегию светской экспан-

[26] *Грот Я.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по исторических документам. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1880. С. 296.

[27] Державину и его оде посвятили свои восторженные стихи В. Жуков («Сонет к сочинителю оды к Фелице» (Собеседник. Ч. 5. С. 46)), М.В. Сушкова («Письмо Китайца к татарскому мурзе» (Собеседник. Ч. 6. С. 5–8)), О.П. Козодавлев («Письмо к татарскому мурзе» (Собеседник. Ч. 8. С. 1–8)), Е.И. Костров («Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы» (Собеседник. Ч. 10. С. 25–30)), анонимных «Княгине Е.Р. Дашковой» (Собеседник. Ч. 6. С. 20) и «К другу моему» (Собеседник. Ч. 7. С. 40). Совершенно особое положение заняла статья Козодавлева «Исторические, философические и критические рассуждения о причинах возвышения и упадка книги <…> Собеседника любителей российской словесности», напечатанную в последнем номере «Собеседника». Он писал, что «лет с тридцать тому назад» российский Парнас был представлен всего двумя, хотя и великими авторами. Слава их была безгранична, но, переместившись в «вечное жилище», они не оставили здесь «законных по себе наследников». Традиционные оды стали скучны читателям, они больше не привлекают такого интереса, как прежде, и «служат пищею мышам и крысам». Все меняется в конце 1782 г., когда Державин сочиняет свою оду. Поэт читает ее «некоторому молодому россиянину» (т. е. Козодавлеву), которого она «восхитила до слез», однако она «довольно долгое время пребывала в карманах» покровителей и любителей искусства и оставалась неизвестной государыне. Лишь в начале 1783 г. «помянутый россиянин» показывает «сие сочинение начальнице Парнаса», т. е. княгине Дашковой, а она, «красоты и истины, находящиеся в сей оде, почувствовав, решилася приказать ее напечатать». Далее исчисляются основные причины успеха журнала, среди которых отмечается как талант Татарского Мурзы, так и блистательные произведения, принадлежащие императрице («Записки касательно российской истории» и «Были и небылицы») (Собеседник. Ч. 16. С. 3–13; об этом подробнее см.: [3]).

[28] «На другое утро рано императрица посылает за ней. Дашкова застает ее прослезившеюся, с журналом в руках. «Кто, — спросила она, — автор «Фелицы», который меня так тонко знает?» (*Грот Я.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по исторических документам. С. 297–298).

сии, постоянного расширения связей и, как следствие, возможностей, не растворяясь при этом в политике отдельных кружков или групп. Мы предполагаем, что Муравьев вполне сознательно не стал учеником ни Хераскова, ни Новикова, ни Львова, при этом регулярно поддерживая с ними связи. Так, например, близкое общение с Майковым не мешало ему дорожить оценками Петрова, а «Сатира I» Капниста не помешала его отношениям с Н.П. Николевым или Хвостовыми. Это обеспечило Муравьеву возможность лавировать между разными группами, оставаясь для всех одновременно «своим» и «чужим», сохраняя независимость. История с публикациями в «Собеседнике» кажется особенно показательной. Так, мы не знаем, кто именно помог Муравьеву напечататься в журнале императрицы, претендентов на эту роль немало: это могли быть с равным успехом и Нарышкин, который, как мы указывали выше, был опекуном брата поэта, и Николев, воспитанник Е.Р. Дашковой, и Фонвизин, и Львов, и московские историки А.А. Барсов и Х.А. Чеботарев, которые, по-видимому, помогли ему в 1776 г. вступить в «Вольное российское собрание» и которые снабжали Екатерину II материалами для «Записок касательно российской истории», ключевого текста всего издания. Само количество предположений говорит, как кажется, о том, что Муравьев к этому периоду сформировал целую сеть важных знакомств, которые определили его биографию.

Отдельный вопрос: когда Муравьев познакомился с Державиным? Сейчас у нас на него нет определенного ответа. В.А. Западов полагал, что это могло произойти в 1781–1782 гг., впрочем, кажется, не приведя документальных подтверждений своему утверждению: «Муравьева Державин не называет в числе людей, близких ему в 1779 г. Так как в 1779–1780 гг. Муравьев большую часть времени провел в Твери, сближение между ними вероятней всего отнести к 1781–1782 гг.»[29]. Мы можем, по крайней мере, с уверенностью утверждать, что Муравьев хорошо знал К.Я. Бастидон, первую жену Державина и подругу его сестры Ф.Н. Муравьевой, часто упоминал ее в письмах к родным [19, кн. 2, с. 536–537]. И в дальнейшем, кажется, Державина и Муравьева объединяли не столько литературные, сколько семейные и служебные вопросы. Так, уже будучи правителем Тамбовской губернии, Державин общался с С.М. Луниным, мужем Ф.Н. Муравьевой, сестры М.Н. Муравьева. Позднее он пытался помочь попавшему в опалу Державину.

[29] *Западов В.А.* Державин и Муравьев // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР П.Н. Беркова. С. 248.

Таким образом, Муравьев и Державин были людьми одного круга, биографически их связывало многое, однако это не позволяет определенно говорить о степени их расположения друг к другу. При этом человеческая близость не исключала сложных литературных игр, а иногда и полемических откликов. Так, например, В.Н. Топоров указал, что «в 1787 г. Державин по курьезному поводу, относящемуся к предыдущему году, пишет шутливое стихотворение с тем же заглавием, что и Муравьев, — «Желание зимы» (опубликовано в «Санктпетербургском Вестнике» 1778 г., 2, 403); тождество заглавий объясняется творческим соревнованием трех поэтов — Державина и Львова, как бы принявших вызов первого — Муравьева, хотя его стихотворение и заглавие его послужили лишь поводом для этого дружеского обмена своим видением зимы» [19, кн. 2, с. 479][30].

В подтверждение того, как мало мы по-прежнему знаем об отношениях больших русских поэтов последней трети XVIII в., приведем текст Муравьева, который, кажется, еще не привлекал внимание исследователей. В 1790 гг. Державин приятельствовал с Ф.М. Колокольцевым, тестем М.Н. Муравьева, ему он посвятил небольшую стихотворную шутку «Мельник» (1799). В «Записной книге», которая хранится в ОР РГБ, Муравьев записал своеобразный ответ на это произведение. Приведем оба текста, сначала державинский, а затем муравьевский.

Мельник

Вечор мне красные девицы
Мешок пшеницы принесли:
«Ведь расклюют же даром птицы;
Возьми, старинушка, смели».
Бела пшеница и румяна,
И так была полна зерном,
Что вмиг пришла охота рьяна:
Я ну молоть всем животом.
Молол я пристально, трудился,
Ночь целую провел без сна;
Но что ж? — как ни потел, ни бился,
Не расколол я ни зерна.
Смеясь мне девушки в назолу,
Пеняли: «Что ж не мелешь, дед?»
— «А вы», сказал я, «для помолу
Пришли, как жернов не берет» [31].

[30] Об этом стихотворении и поводе к его написанию см.: *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 381–382.

[31] *Державин Г.Р.* Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.: Изд.

Ответ Мельнику[32]

Пшеницу белую, румяну
Пытался дедушка молоть:
Наделал девушкам изъяну,
Зерна не мог он расколоть.
Теперь у жорнова хлопочет:
«Извольте мельника прислать».
Ну, кто с добра ума захочет?
За дедом зерны подбирать?
А если мельник дал и промах
И не смолол пшена мешок,
В палатах знают и хоромах,
Что есть за ним такой зарок:
И кто каков был в колыбели,
Таков и в темной ров пойдет;
Хоть красны девки пожалели,
Что жорнов больше не берет
«Ведь расклюет же зерны птица
И пригодился бы помол.
А если куколь, не пшеница —
Так хорошо, что не смолол[33].

Возможно, будут найдены и другие примеры прямой или скрытой полемики Муравьева с Державиным, и история их взаимоотношений будет написана.

Итак, Муравьев в начале 1780-х гг., как нам представляется, решил основные проблемы своей литературной и, как следствие, светской карьеры. Заручившись поддержкой своих первых менторов (Хераскова, Новикова, Львова), он, не порывая с ними, расширил сеть знакомств, сблизившись с кругом Карина и познакомившись ближе с Фонвизиным и, видимо, Державиным. Это позволило ему напечататься в «Собеседнике» и обратить на себя внимание Дашковой и Екатерины II. Без этого он, скорее всего, не смог бы занять тяжелую для него, но значимую роль воспитателя будущего императора.

Имп. Акад. наук, 1865. Т. 2: Стихотворения. Ч. II. С. 264–265.

[32] Пометка Муравьева: «1799 Авг<уста> 10».

[33] ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1. Л. 85.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Орфография источника приведена к современным нормам: мы ставим пробелы между словами и частицами «ли» или «ж»; «е» заменили на «э» (например, вместо «ето» печатается «это»); «не» с глаголами пишем раздельно и т. д. Кроме того, мы сочли необходимым упростить и привести к современным принципам пунктуацию Муравьева, которая подчас настолько непоследовательна, что чрезвычайно затрудняет чтение: так, мы выделяем запятыми обращения, вводные слова, причастные и деепричастные обороты, а также ставим запятые в сложных предложениях; убираем лишние запятые, особенно те, которые отделяют подлежащее и сказуемое; названия выделяем курсивом. При этом, сознавая неоптимальность данного решения, мы оставили некоторые особенности письменной речи Муравьева, которые не мешают восприятию его текстов (например, «сегодни», «матушка сестрица» без дефиса, «маскерад» и др.). Кроме того, мы не приводили к современной норме вставки на французском языке. В угловые скобки заключены предположительные прочтения и дописанные части сокращенных слов.

<1>
1780 года марта 11 дня С<анкт->Петер<бург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! В прошедший понедельник писал я довольно по-кавалерски. Если бы я продолжал, легко бы заключить было можно, что я упоен восторгом военной науки и буду скоро иметь роту драгун. Ничего не бывало. Я все тот же еще маленький педант, испросивший себе привилегию лениться за скрепою муз. Вечер прошедшего понедельника имел я удовольствие слышать в клубе славный духовный концерт или песнь: Stabat mater etc, сочинения Перголезева[1]. И другое удовольствие для моего тщеславия — разговаривал с Д.И. Фонвизиным, bel esprit de plus hupés de la ville. Вторник препроводил я в гостях, а батюшка — у К.<нязя А.А.> Вяземского. Вчерась у нас обедал маленький Иван Матвеевич[2]. Сегодни обедал также у нас Николай Ф.<едорович> <Муравьев>[3], который упражнялся весь день в покупке двух аглинских сервизов, самых полных, для Твери и для Бернова. Покупка около сотни рублей. Положите, что что-нибудь и прихвастано. Сенька представлял стряпчего, когда по росписи какую-нибудь штуку хотели отставить. Теперь идет укладка сервизов. Я два дни как читаю сочинение г.<осподина> Palissot

de Montenoy[4], великого гонителя на нынешних философов, и не принимаю на себя траура рассуждать о том, что читаю. Я не помню, уведомлял ли я тебя, матинька, что Вас.<илий> Андр.<еевич> Приклонский[5] здесь, и недели две-три он должен, как он говорит, видеть отъезд своего шурина в Константинополь, чтоб после вступить в управление всей его экономии[6]. Вчерась приехала Александра Григорьевна Батюшкова[7], но мы еще ее не видали. Павел Львович <Батюшков>[8] в отпуску. Все наши здоровы. Дай бог, чтоб к подтверждению счастия нашего ты была здорова и весела. Пора, сударыня, вам приехать, я цалую ручку твою. Прощай. Матушка сестрица Любовь Федоровна[9]. Если прошлый раз списание мое к вам было немножко ветрено, так этому позвольте быть очень важну. Я составляю усердные желания вашего благополучия. Но я, не имея теперь довольно красноречия, чтоб благодарить вас как надобно за удовольствия, которые вкушает сестра моя в вашей приятной дружбе. Сказывают, что московский знатный клуб претерпел некоторые бедствия и наша княгиня, которая в числе директрис, замешена в раздорах. Милостивому государю моему Ивану Петровичу <Вульфу>[10] и милостивой государыне Анне Федоровне[11] приношу нижайшее почтение.

РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 262. Л. 1–2 об.

[1] Перголезе Д.Б. (1710–1736) — итальянский композитор и музыкант; самое известное сочинение — кантата Stabat Mater.

[2] Муравьев Иван Матвеевич (1762–1851) — писатель и дипломат, принял фамилию «Муравьев-Апостол», сын М.А. Муравьева ст., двоюродный брат М.Н. Муравьева, отец известных декабристов.

[3] Муравьев Николай Федорович — сын Федора Артамоновича Муравьева, двоюродный брат М.Н. Муравьева.

[4] Палиссо Ш. де Монтенуа (1730–1814) — французский писатель, известный противник Д. Дидро и энциклопедистов. Вероятно, сочинение, которое читал М.Н. Муравьев, — «Petites lettres sur de grands philosophes» (1757).

[5] Приклонский Василий Андреевич (1746–1789) — выпускник Московского университета (1762), служил в Измайловском полку (1762–1767), первый директор Тверского дворянского училища (1779–1781).

[6] Шурин Приклонского — Яков Иванович Булгаков (1743–1809), известный русский дипломат; в мае 1781 г. Екатерина II назначила его чрезвычайным посланником и полномочным министром в Оттоманской порте.

[7] Батюшкова Александра Григорьевна (1750–1795) — жена Н.Л. Батюшкова, мать К.Н. Батюшкова.

[8] Батюшков Павел Львович (1765–1848) — служил в Семеновском полку (1770–1780 гг.), позднее член Военной коллегии, сенатор, брат Н.Л. Батюшкова.

[9] Муравьева Любовь Федоровна — двоюродная сестра М.Н. Муравьева.

[10] Вульф Иван Петрович (1741–1814) — родственник М.Н. Муравьева, был женат на Анне Федоровне Муравьевой (ум. 1793), владелец имения Берново в Тверской губернии, в котором часто жили Муравьевы и их друзья и знакомые, позднее Орловский губернатор (1798–1800).

[11] Анна Федоровна Вульф (даты жизни неизвестны) — дочь Ф.А. Муравьева, двоюродная сестра М.Н. Муравьева.

<2>
1781 года 11 февр.<аля> С<анкт->Петерб<ург>

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Прости мне писанное пред этим письмо. Действие его невозвратимо, ежели оно служило вас опечалить. Напротив того, твои два милые, прекрасные письма, которые вчерась мы получили вдруг, писаны в таком расположении, такою душою, которое счастие свое, светлость, доброту знает сообщать другим. Я ничего не имею противоположить нежным выражениям любви твоей, кроме совершенного, внутренно чувствуемого отрицания похвал твоих, недостоинством моим отображаемых. Счастлив, кто, получая такие одобрения, не воспящается своею совестью принять их! Сколько я радуюсь этому постоянству, с которым прилепилась ты к учению италианского языка! Праздность тем приятнее чувствуется, ежели есть промежутки труда, должности, которые исполнить должно, некоторые степени совершенства, к которым достигнуть надобно. На всяком языке мысль и чувствование имеют некоторую особливую физиономию. И нашему самолюбию приятно иметь ближайшие сведения о образе мыслить разных народов. Ты можешь быть учительницею Катерины Ивановны[1]. Тем лучше, ежели говорит по италиански Г<осподин> Масмежан <?>. Голдония[2] должно читать, так как ты говоришь, матинька, для запасения большого изобилия слов, фраз, употребляемых в обыкновенном разговоре. У Метастазия[3], как он к натуре ни близок, все говорит Герой. Твое об нем рассуждение, у думаю, решение вкуса. Италия забавляется шутами и пренебрегает истинную комедию, учительницу нравов. Гольдони написал тьму комедий из нужды, по контракту, а когда автор какой написал тысячу комедий, говорит Вольтер, так можно уверять заподлинно, что он не написал ни одной хорошей. Пороки Голдониевы должно приписать худому вкусу Италии, к которому он применялся. Ибо ему не отрицают комического духа. Может быть, общество в Италии не таково, как оно во Франции. Другие нравы, другие предрассуждения, иное правление и природа. Так и картины оного не могут походить друг на друга. Но мое лучшее звание не есть

педанта, когда я говорю с тобою. Будь спокойна, здорова, весела, уверена, что тебя любят и чувствуют твое доброе сердце. Прощай. Матушка сестрица Любовь Федоровна! Я воображаю довольно живо счастие, которое я имел в обхождении вашем. С большим бы еще удовольствием говорил я с вами, нежели теперь пишу, если бы вы сидели возле этого столика, на канапе, как сиживали в Твери. Однако не с меньшею правдою я осмеливаюсь уверять вас в дружбе моей и просить вашей. Николушка[4] вчерась у Апрелева[5], сегодни у Мордвинова на балах и с Зах.<аром> М.<атвеевичем>[6]. И я приношу всепокорнеейшее почтение и благодарность милостивому государю моему Ивану Петровичу и милостивой государыне Анне Федоровне <Вульф>. Кланяйтесь детушкам.

РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 262. Л. 19–20 об.

[1] Возможно, речь идет о Е.И. Вульф (1773–1832), дочери И.П. Вульфа и Анны Федоровны Муравьевой, позднее жене П.М. Полторацкого и матери А.П. Керн.

[2] Гольдони К. (1707–1793) — известный итальянский драматург.

[3] Метастазио П. (1698–1782) — известный итальянский драматург и либреттист.

[4] Муравьев Николай Федорович — сын Федора Артамоновича Муравьева, двоюродный брат М.Н. Муравьева.

[5] Лицо не установлено.

[6] Муравьев Захар Матвеевич (1759–1832) — артиллерийский офицер, сын М.А. Муравьева мл., двоюродный брат М.Н. Муравьева.

<3>
<б/д, б/м>

Матушка сестрица, голубушка, душа моя Федосья Никитична! Ты приказываешь писать к себе, ты вырываешь чувствование из сердца холодного, неблагодарного брата! Я ничего тебе не ответствовал о переводе Вертера[1]. Это вина была моего рассеяния, малого союзу идей моих, когда пишу, а отнюдь не умышленное молчание. Читаючи твое уведомление, я чувствовал почтение, которое внушает к себе разумная и чувствительная особа, умеющая обращать свое уединение и самую скуку в пользу и удовольствие. *Страдания юного Вертера* переведены одною здешнею дамою и напечатаны. Но издание книги не есть никому запрещение переводить ее, если она нравится, еще столько раз, сколько угодно. *Вертер* писан с сею меланхолическою живописью, иногда величественною, сильного и волнующего сердца. Гомера всякий день читают и переводят, все,

кои достойны его чувствовать. Размышлять, повторять размышления о сей натуре, пред глазами нашей лежащей, есть удовольствие для каждого, кто имеет сердце. Разговаривать с дарованиями, самой испытывать себя в перенесении красот их на свой язык, своим выражением есть вкушать одно из чистейших удовольствий просвещенного человека — только бы труд, которым оно снискивается, согласовался со вкусом особы. Как красота, разум имеет своих обожателей. Но самолюбие есть побуждение и преткновение в упражнениях разума. К.<няжна> Катерина Сергеевна[2], я думаю, самолюбива, но со всею разборчивостью пола и сердца. Надобно читать и писать для себя и для тех, которых любишь. Я не должен тебе давать в этом правил, после соблазну своих примеров и той, у которой учиться благопристойности есть моя должность. Михайло Иванович[3] есть мой старший во всем, без уподобления, полагаю, что он простит мне сие выражение самолюбия, которым я включаю себя без оговорки в его последователи. Он судья, что касается до вкусу. И, конечно, более добросердечие и дружба, нежели учтивость, будут управлять его советами. Письмена непристойны только глупости и невежеству. Истинно разумный человек, вместо того, чтоб вредить ими своей должности, выводит из них новые побуждения и способы исполнять ее. Письмен нет без нравов и добродетели. Толпа существует презрительных писателей, употребивших дарования на унижение добродетелей. Другие без призвания и способности писали то, что никто не читал. Но сие не опровергает письмен: сие только доказывает, что, как во всем на свете, так и в них есть злоупотребление. Я своими диссертациями служу, может быть, этому также доказательством, хотя и не хочу. Ты знаешь более меня свой город и маленькие его интересы. Но ты будешь писать не для него, и подлое злоречие может столько же тебе сие в худо поставить, сколько запретить здраво мыслить.

РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 262. Л. 51–52 об.

[1] «Страдания молодого Вертера» (1774) — известный роман И.В. Гете.

[2] Урусова Екатерина Сергеевна (1747 – после 1817) — двоюродная сестра М.М. Хераскова, поэтесса.

[3] Вероятно, Веревкин Михаил Иванович (1732–1795) — поэт, прозаик, драматург, с 1785 г. — член Академии Российской.

<4>

1781 года апреля 12 дня С.<анкт->Пет.<ербург>

Милостивой государь батюшка!

Никита Артемонович!

Сегодни письма я не получаю ни из Твери, ни из Торжка. Я не могу дождаться известий о вашем прибытии. Приписываю сие молчание образованию после приезду вашего в Бернове. Дай бог, чтобы первое письмо, которое получу от вас, подтвердило мои чаяния. Сие письмо пишу я в школе, где я дежурю. Несмотря на возложенную должность, вымышляю способы быть на сегодняшнем концерте в клобе. В субботу был там маскерад. Река еще не прошла, но дни четыре стоят у нас настоящей весны. У Льва Ал.<ександровича Нарышкина>[1] на святой неделе кушала ввечеру Государыня. Противу дома были качели и сборное место черни всего города. Прося бога о даровании вам здравия и благополучия, с чувствованиями благодарности и повинности пребываю

Милостивой государь батюшка!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Кажется, нет сомнения, что вы теперь с батюшкою, что вы столько же обрадованы его присутствием, сколько приятно ему жить опять с вами. Я стараюсь утверждать себя в этой утешительной мысли, чтоб не воображать вас иначе как веселой, один образ существовать, достойный вас. Прошу поцеловать за меня Любовь Федоровну: ежели ее нет с тобою, так en idée. Третьего дни обедал я у г.<осподина> Карина[2], где также обедал и Николев[3], московский bel esprit, приехавший сюды за тяжбою с новой трагедией и комедией, двумя худыми стряпчими. Более всего будь здорова. Прощай.

РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 261. Л. 25–26.

[1] Нарышкин Лев Александрович (1733–1799) — обер-шталмейстер, литератор, человек, близкий Екатерине II, опекун И.М. Муравьева.

[2] Карин Федор Григорьевич (1739–1800) — русский писатель, переводчик; аристократ, покровительствовавший многим писателям.

[3] Николев Николай Петрович (1758–1815) — русский поэт и драматург, член Академии Российской; родственник Е.Р. Дашковой.

<5>

1781 года апреля 29 дня С.<анкт->Пет.<ербург>

Милостивой государь батюшка!

Никита Артемонович!

Чтоб не пропустить почты, случая говорить с вами, пишу я строки сии. Прошу бога о здравии вашем, сестрицыном; уверен, что вы бы только благополучны были, а я уж не буду позабыт вами. Мое дело в том, чтоб посещать театры, судить косо и криво о сочинителях. Признаюсь, что эдакое упражнение не разнствует от праздности. Может быть, и я буду важною особой, полезною государству. Теперь нет. Письмо к Тимофею Ивановичу[1] отнесено. Александр Андреевич[2] обещал справиться о том, что вы изволите к нему писать. Вчерась у него обедал князь Вяземский[3]. И его Сиятельство имел я честь видеть вчерась в вольном театре на представлении *Мельника*, очень худой оперы комической[4]. Их разногласие с Неплюевым[5], как Окулина <так!> Ефремовна сегодни мне сказывала, все еще продолжаются. Вчерась была свадьба Шегарова[6]. Николай Федорович в почетных людях на ней, в шафирах. Впрочем, с глубочайшим почтением прошу родительского благословения и есмь

Милостивой государь батюшка!

ваш нижайший сын и слуга

М. Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вы хотели меня оскорбить, изображая оставление клавесинов, но я скрепляюсь не верить, чтоб вы позабыли музыку. Неужто не сыщется избранника, кто бы хоть чудо настроил? Славный город, где клавесины хоть будь, хоть нет. Прошу Любовь Федоровну не предать меня забвению, быть здоровою, веселою и любить Федосью Никитишну. Пусть же за последнее рассердится! Будьте умны, как змии, и здоровы, как Афанасий Матвеевич[7].

РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 261. Л. 37–38.

[1] Тутолмин Тимофей Иванович (1740–1809) — русский военный и государственный деятель; в 1777–1784 гг. — правитель Тверского наместничества.

[2] Вероятно, Волков Александр Андреевич (1736–1783) — брат Анны Андреевны Муравьевой, известный переводчик и драматург; в 1762 г. — член комиссии по коронации Екатерины II, в 1767 г. — депутат Комиссии нового Уложения, с 1773 г. — статский советник, директор Императорского фарфорового завода.

[3] Вяземский Александр Алексеевич (1727–1793) — князь, государственный деятель, генерал-прокурор Сената.

[4] «Мельник — колдун, обманщик и сват» — комическая опера в трех действиях по пьесе А.О. Облесимова, впервые поставленная в 1779 г.

[5] Вероятно, Неплюев Николай Иванович (1731–1784) — вице-президент Коммерц-коллегии, сенатор.

[6] Вероятно, Шагаров П.Ф. — переводчик, сержант Семеновского полка.

[7] Вероятно, Брянчанинов Афанасий Матвеевич (?–1786) — вологодский помещик, писатель, служил в Семеновском полку, адресат посланий М.Н. Муравьева.

<6>

1781 года мая 31 д.<ня> С.<анкт->П<етер>бург

Милостивой государь батюшка!

Никита Артемонович!

На другой день отправления последнего письма моего был я у Александра Андреевича[1], который, для получения обстоятельного ответа, приказал мне приходить к себе в воскресенье. Был вчерась, и он ответствовал, что представления от Наместника[2] нет о Смирнове. Что от Палаты об нем может быть принято представление, и есть примеры других Палат. Но для успеху дела надежнее, если представлять будет Наместник. Затем, что без того должно упрашивать князя Алекс.<андра> Ал.<ексеевича Вяземского>. Я не могу довольно изобразить ласки Александра Андреевича и усердия, которые которое к вас показывает. На сих днях К.<нязь> Ал. Михайлович Голицын[3], сказывают, подавал челобитну об отставке, которая не имела своего действия. Государыня изволила слагать с него некоторые должности. Но он оставши<е>ся хотел лучше все исправлять. Прежде получения письма сего вы изволите увидеть Александра Николаевича Львова[4], который нарочно ко мне заходил, чтоб иметь обо мне известие. Вчерась видел я Ванюшку[5] с Львом Александровичем[6] в Летнем саду. В Сарском саду будучи, писал он какое-то письмо к Миледи… которое изволила читать и хвалить Государыня. Прося родительского благословения и наполнен благодарности и глубокого почтения есмь навсегда

Милостивой государь батюшка!

ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вчерась был я еще в первый раз у Фонвизина, несмотря на то, что давно был знаком ему и имел его позволение ходить к себе. И говорено об эстампах. Между петербургских писателей междуусобная брань. К Фонвизину пишет Ал.<ександр> Сем.<енович> Хвостов[7] послание, в котором его пародирует. Некто Арсеньев[8], покровительствуемый Княжниным, трудится над несколькими сатирами против Николева, Карина, двух Хвостовых,

где par parenthese и я буду иметь свое место. Но я, en dépit d'Arseniev, считаю себя очень счастливым, если буду честный человек, достойный тебе нравиться. Будь здорова, кланяйся сестрицам и люби меня.

РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 261. Л. 47–48 об.

[1] Безбородко Александр Андреевич (1747–1799) — крупный государственный деятель, канцлер Российской империи.

[2] Сиверс Яков Ефимович (1731–1808) — русский государственный деятель; с 1764 г. — генерал-губернатор Новгородского наместничества.

[3] Голицын Александр Михайлович (1718–1783) — генерал-фельдмаршал, в 1780–1783 гг. — санкт-петербургский генерал-губернатор.

[4] Львов А.Н. (около 1758–1822) — майор и асессор Тверской гражданской палаты (1787–1794).

[5] И.М. Муравьева.

[6] Нарышкиным.

[7] Хвостов А.С. (1753–1820) — дипломат и литератор, двоюродный брат Д.И. Хвостова.

[8] Вероятно, имеется в виду А.И. Арсеньев (1750–1840) — литератор, автор сочинения «Обед Мидасов» (об этом см.: [29]).

Литература

1. *Западов В.А.* Муравьев М.Н. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 305–313.

2. *Зорин А.Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.

3. *Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины II: журнал «Собеседник любителей российского слова». М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 120 с.

4. *Ивинский А.Д.* Из эпистолярного наследия М.Н. Муравьева: письма 1778 года к отцу (по материалам ОПИ ГИМ) // Новое литературное обозрение. 2018. № 6 (154). С. 171–191.

5. *Ивинский А.Д.* Письма М.Н. Муравьева С.М. и Ф.Н. Луниным 1789 г. (по материалам ОПИ ГИМ) // AvtobiografiЯ: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa. 2018. № 7. С. 193–247.

6. *Ивинский А.Д.* М.Н. Муравьев и Д.И. Хвостов: проблема успеха при дворе Екатерины II // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 43–54.

7. *Ивинский А.Д.* Из писем М.Н. Муравьева 1776 г.: А.А. Барсов, В.И. Майков, М.М. Херасков и «Вольное российское собрание» // Литературный факт. 2023. № 2 (28). С. 25–51. https://doi. org/10.22455/2541-8297-2023-28-25-51

8. *Ивинский А.Д.* М.Н. Муравьев в письмах к отцу и сестре 1778–1779 гг. // Екатерина II и русская литература. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 172–267.

9. *Ивинский А.Д.* М.Н. Муравьев, Я.Б. Княжнин, Вольтер и Лефран де Помпиньян // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 85–95.

10. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания. СПб.: Наука, 1994. 282 с.

11. *Киянская О.И.* «Либеральствующий аристократ»: к биографии Ивана Муравьева-Апостола // Россия и современный мир. 2022. № 1. С. 203–224.

12. *Кунц Е.В.* М.Н. Муравьев — реформатор, попечитель, наставник, поэт. М.: Новый хронограф, 2018. 328 с.

13. *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Львовско-державинский литературный кружок (участники, хронология) // XVIII век. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2024. Сб. 31. С. 228–264.

14. *Пашкуров А.Н., Мясников О.В.* М.Н. Муравьев: Вопросы поэтики, мировоззрения и творчества. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2003. 128 с.

15. *Росси Л.* К вопросу о соотношении эпистолярной и художественной прозы в России в последней четверти XVIII века // Slavica Tergestina. 1994. Вып. 2. С. 91–115.

16. *Росси Л.* Сентиментальная проза М.Н. Муравьева (Новые материалы) // XVIII век. СПб.: Наука, 1995. Сб. 19. С. 114–146.

17. *Росси Л.* Что такое «перепутаж?» (Державин, Муравьев и одна литературная легенда) // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 284–286.

18. *Росси Л.* М.Н. Муравьев и Н.А. Львов в 1770-е гг.: К характеристике кружковых объединений в последней четверти XVIII века // Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. Сб. 3. С. 287–299.

19. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2001–2007. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века. М.Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. Кн. 1–3.

20. *Фоменко И.Ю.* М.Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770–начала 1780-х годов // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета. М.: Археографичекий центр, 1997. С. 102–126.

Research Article and Publication of Archival Documents

Mikhail Muravyev in the Early 1780s (Based on Materials of the Manuscripts Department of the Institute of Russian Literature)

© 2025. Alexander D. Ivinskiy
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was financially supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2024-549 by April 23, 2024) “Russian and European Classical Texts in the 21st Century: Preparing Digital Academic Editions with Commentaries.”

Abstract: The article is devoted to the analysis of Mikhail Muravyev's literary position in the early 1780s. Our focus is on the writer's letters to his family, which are kept in the Manuscripts Department of the Institute of Russian Literature (St. Petersburg). In this paper, we publish six of them; these materials allow us to approach the reconstruction of Muravyev's circle of court and literary acquaintances, and as a result, raise the question of possible causes of his ascent up the social ladder that began in the mid-1780s. We assume that it was precisely a wide network for connections (at that time he communicated, for example, with Mikhail Soymonov, Lev Naryshkin, Yakov Bulgakov, Fedor Karin, Denis Fonvizin, Dmitry Khvostov, and others) allowed the young poet to be published in the magazine of Catherine II and Ekaterina Dashkova "Interlocutor of lovers of the Russian Word," which probably predetermined the fact that it was he who was later offered the post of tutor to Konstantin and Alexander Pavlovich. At the same time, we focus on some aspects of the relationship between Muravyev and Gavriil Derzhavin and publish Muravyov's unknown poem "The Answer to the Miller," which was discovered in the Russian State Library (Moscow).

Keywords: Mikhail Muravyev, history of Russian Literature of 18th century, G.R. Derzhavin, D.I. Khvostov, Catherine II, epistolary.

Information about the author: Alexander D. Ivinskiy, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9007-3996

E-mail: ivinskij@gmail.com

For citation: Ivinskiy, A.D. "Mikhail Muravyev in the Early 1780s (Based on Materials of the Manuscripts Department of the Institute of Russian Literature)." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 52–78. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-52-78

References

1. Zapadov, V.A. "Murav'ev M.N." ["Muravyev M.N."]. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII v.* [*Dictionary of Russian Writers of the 18th Century*], issue 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 305–313. (In Russ.)

2. Zorin, A.L. *Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [*The Appearance of a Hero: From the History of Russian Emotional Culture in the Late 18th and Early 19th Centuries*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 568 p. (In Russ.)

3. Ivinskii, A.D. *Literaturnaia politika Ekateriny II: zhurnal "Sobesednik liubitelei rossiiskogo slova"* [*Catherine II's Literary Policy: The Journal "Interlocutor of Lovers of the Russian Word"*]. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom" Publ., 2012. 120 p. (In Russ.)

4. Ivinskii, A.D. "Iz epistoliarnogo naslediia M.N. Murav'eva: pis'ma 1778 goda k ottsu (po materialam OPI GIM)" ["From M.N. Muravyov's Epistolary Heritage: Letters of 1778 to His Father (On Materials from the Department of Written Sources at the State Historical Museum)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 154, no. 6, 2018, pp. 171–191. (In Russ.)

5. Ivinskii, A.D. "Pis'ma M.N. Murav'eva S.M. i F.N. Luninym 1789 g. (po materialam OPI GIM)" ["Letters from M.N. Muravyov to S.M. and F.N. Lunin, 1789

(Based on Materials from the State Historical Museum)"]. *AvtobiografiJa: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa*, no. 7, 2018, pp. 193–247. (In Russ.)

6. Ivinskii, A.D. "M.N. Muravyov i D.I. Khvostov: problema uspekha pri dvore Ekateriny II" ["M.N. Muravyov and D.I. Khvostov: The Problem of Success at the Court of Catherine II"]. *Izvestiia Rossiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, vol. 82, no. 4, 2023, pp. 43–54. (In Russ.)

7. Ivinskii, A.D. "Iz pisem M.N. Murav'eva 1776 g.: A.A. Barsov, V.I. Maikov, M.M. Kheraskov i 'Vol'noe rossiiskoe sobranie'." ["From the Letters of Mikhail Muravyev of 1776: A.A. Barsov, V.I. Maykov, M.M. Kheraskov and 'Free Russian Assembly'."] *Literaturnyi fakt*, no. 2 (28), 2023, pp. 25–51. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-28-25-51 (In Russ.)

8. Ivinskii, A.D. "M.N. Murav'ev v pis'makh k ottsu i sestre 1778–1779 gg." ["M.N. Muravyov in Letters to His Father and Sister, 1778–1779"]. *Ekaterina II i russkaia literature* [*Catherine II and Russian Literature*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 172–267. (In Russ.)

9. Ivinskii, A.D. "M.N. Murav'ev, Ia.B. Kniazhnin, Vol'ter i Lefran de Pompi'ian" ["Muravyev, Kniazhnin, Voltaire and Le Franc de Pompignan"]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, vol. 83, no. 5, 2024, pp. 85–95. (In Russ.)

10. Kochetkova, N.D. *Literatura russkogo sentimentalizma: Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniia* [*Literature of Russian Sentimentalism: Aesthetic and Artistic Searches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 282 p. (In Russ.)

11. Kiianskaia, O.I. "'Liberal'stvuiushchii aristocrat': k biografii Ivana Murav'eva-Apostola" ["'Liberal Aristocrat': On the Biography of Ivan Muravyov-Apostol"]. *Rossiia i sovremennyi mir*, no. 1, 2022, pp. 203–224. (In Russ.)

12. Kunts, E.V. *M.N. Murav'ev — reformator, popechitel', nastavnik, poet* [*M.N. Muravyov — Reformer, Patron, Mentor, Poet*]. Moscow, New Chronograph Publ., 2018. 328 p. (In Russ.)

13. Lappo-Danilevskii, K.Iu. "L'vovsko-derzhavinskii literaturnyi kruzhok (uchastniki, khronologiia)" ["Lvov-Derzhavin's Literary Circle (Patricipants, Chronology)"]. *XVIII vek* [*18th Century*], coll. 31. Moscow, St. Petersburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2024, pp. 228–264. (In Russ.)

14. Pashkurov, A.N., and O.V. Miasnikov. *M.N. Murav'ev: Voprosy poetiki, mirovozzreniia i tvorchestva* [*M.N. Muravyov: Questions of Poetics, Outlook and Work*]. Kazan, Kazan Federal University Publ., 2003. 128 p. (In Russ.)

15. Rossi, L. "K voprosu o sootnoshenii epistoliarnoi i khudozhestvennoi prozy v Rossii v poslednei chetverti XVIII veka" ["On the Relationship Between Epistolary and Fiction Prose in Russia in the Last Quarter of the 18th Century"]. *Slavica Tergestina*, issue 2, 1994, pp. 91–115. (In Russ.)

16. Rossi, L. "Sentimental'naia proza M.N. Murav'eva (Novye materialy)" ["M.N. Muravyov's Sentimental Prose (New Materials)"]. *XVIII vek* [*18th Century*], coll. 19. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, pp. 114–146. (In Russ.)

17. Rossi, L. "'Chto takoe pereputazh?' (Derzhavin, Murav'ev i odna literaturnaia legenda)" ["'What is pereputazh?' (Derzhavin, Muravyev and One Literary Legend)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 27, 1997, pp. 284–286. (In Russ.)

18. Rossi, L. "M.N. Murav'ev i N.A. L'vov v 1770-e gg.: K kharakteristike kruzhkovykh ob'edinenii v poslednei chetverti XVIII veka" ["M.N. Muravyev and N.A. Lvov in 1770s: On the Characteristics of Circle Associations in the Last Quarter of the 18th Century"]. *Genii vkusa: N.A. L'vov. Materialy i issledovaniia* [*Genius of Taste: N.A. Lvov. Materials and Research*], coll. 3. Tver, Tver State University Publ., 2003, pp. 287–299. (In Russ.)

19. Toporov, V.N. *Iz istorii russkoj literatury* [*From the history of Russian literature*], vol. 2: Russkaia literatura vtoroi poloviny XVIII veka. M.N. Murav'ev. Vvedenie v tvorcheskoe nasledie [Russian Literature of the Second Half of the 18th Century. M.N. Muravyov. Introduction to Creative Heritage], book 1–3. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001–2007. (In Russ.)

20. Fomenko, I.Iu. "M.N. Murav'ev o chtenii: iz rabochikh tetradei kontsa 1770 – nachala 1780-kh godov" ["M.N. Muravyov on Reading: From Workbooks of the Late 1770s – Early 1780s"]. *Rukopisi. Redkie izdaniia. Arkhivy. Iz fondov biblioteki Mokovskogo universiteta* [*Manuscripts. Rare Editions. Archives. From the Collections of the Moscow University Library*]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr Publ., 1997, pp. 102–126. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 30.04.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 30.04.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт. 2025. № 4 (38)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-79-86
https://elibrary.ru/SOSWUJ

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Письма и поэтические автографы Поликсены Соловьевой из архива Николая Гудзия

© 2025, М.А. Фролов
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Публикатор выражает благодарность заведующему Отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова А.Л. Лифшицу за содействие в ознакомлении с материалами архива Н.К. Гудзия.

Аннотация: Публикация вводит в научный оборот два неопубликованных письма поэтессы, прозаика, переводчицы, художницы П.С. Соловьевой (Allegro), адресованных историку литературы, педагогу Н.К. Гудзию. Письма относятся к осени 1918 г. и отражают один из труднейших периодов в биографии Соловьевой (бедственное материальное положение и серьезные проблемы со здоровьем). Помимо содержащихся в них биографических сведений, большой интерес представляют упоминания о предполагавшемся, но не состоявшемся сотрудничестве Соловьевой с редакцией литературно-политического и научного ежемесячника «Родная земля» (Киев). В первом письме содержится свидетельство о неизвестном переводческом труде Соловьевой — переводе романа французского писателя Алена-Фурнье «Le Grand Meaulnes» («Большой Мольн», 1913). Особая литературная ценность второго из публикуемых писем заключается в том, что оно содержит автографы двух стихотворений Соловьевой — «Темно» и «Больная девушка», а точная датировка письма является косвенным основанием для датировки поэтических текстов. В публикации этих стихотворений в предсмертной книге Соловьевой — «Последние стихи» (1923) — их датировка, равно как и всех остальных стихотворений, была опущена. В письмах Соловьевой также перечислены лица из ее ближайшего окружения.

Ключевые слова: П.С. Соловьева, Н.К. Гудзий, М.А. Волошин, Ален-Фурнье, «Родная земля».

Информация об авторе: Максим Андреевич Фролов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы

им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9694-6583

E-mail: maximfam@mail.ru

Для цитирования: *Фролов М.А.* Письма и поэтические автографы Поликсены Соловьевой из архива Николая Гудзия // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 79–86. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-79-86

Осенью 1918 г. в Киеве вышел в свет первый и оставшийся единственным номер литературно-политического и научного ежемесячника «Родная земля». В числе авторов этого примечательного и по составу сотрудников, и по жанрово-тематическому разнообразию напечатанных в нем текстов издания оказался литературовед Николай Каллиникович Гудзий (1887–1965), опубликовавший две рецензии — на второй том редактируемой М.О. Гершензоном серии «Русские пропилеи» (1916) и книгу А.С. Пругавина «Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий» (1918). Именно в это время он, будучи приват-доцентом Киевского университета и преподавателем нескольких киевских гимназий, был откомандирован в Симферополь, где преподавал до конца 1921 г. (года своего отъезда в Москву) в должности профессора в Таврическом (Крымском) университете [1, с. 425]. По всей вероятности, ученый был хорошо знаком с издателем «Родной земли» Д.М. Одинцом и редактором А.К. Елачичем, поскольку в сентябре 1918 г. М.А. Волошин в переписке именно с Гудзием интересовался судьбой своей поэмы «Протопоп Аввакум», которая вскоре была опубликована в том же номере «Родной земли» [4, с. 174–175]. Более того — ему, очевидно, приходилось не раз выступать в роли посредника между редакцией и авторами, о чем свидетельствуют материалы личного архива Гудзия, составившие настоящую публикацию[1].

Поэтесса, прозаик, переводчица, автор книг для детей, художница Поликсена Сергеевна Соловьева (псевд. Allegro; 1867–1924), вместе со своей подругой, детской писательницей, издателем Наталией Ивановной Манасеиной (1869–1930), проводившая с 1902 г. каждое лето в Коктебеле и входившая в близкий круг Волошина, в описываемое нами время переживала один из наиболее трудных периодов своей жизни. Начавшиеся серьезные проблемы со здоровьем, революция и Гражданская война, почти полное отсутствие средств к существованию, редкие случайные литературные заработ-

[1] В эти же годы Гудзий был членом Комиссии по тарификации лекторов по вопросам искусства Симферополя, а Волошин — ее председателем (РГАЛИ. Ф. 2355. Оп. 1. Ед. хр. 134).

ки, поиски постоянного места работы (преподаватель литературной студии, заведующая Литературной секцией Наробраза, лектор, библиотекарь и т. д.) — вот чем были наполнены ее последние годы [5, с. 761], проведенные вынужденно и неотлучно в Крыму, в Коктебеле и Феодосии (1917–1923) [3, с. 591, 593]. К осени 1918 г. относятся два письма Соловьевой к Гудзию, которые свидетельствуют о том, что редакцией «Родной земли» ей было предложено сотрудничество в будущих номерах журнала в качестве поэта и переводчицы.

В первом письме названы имя французского писателя Алена-Фурнье (Alain-Furnier; наст. имя Анри Фурнье; 1886–1914) и его роман «Le Grand Meaulnes» («Большой Мольн», 1913). Упоминание о приложенной к письму и пересылаемой с оказией «рукописи» (установить ее содержание и местонахождение не представляется возможным) в тесном соседстве с краткими сведениями об Алене-Фурнье заставляет нас предположить, что Соловьевой был выполнен перевод романа, полный или фрагментарный, а значит, была предпринята и попытка напечатать его (вероятнее всего, не в журнале, а отдельным изданием), которая оказалась безуспешной. Роман был опубликован на русском языке лишь в 1960 г. в переводе М.Н. Ваксмахера.

Во втором письме Соловьева благодарит Гудзия за полученный денежный перевод. Нельзя сказать с полной уверенностью, был ли это аванс за перевод «Le Grand Meaulnes» или за поэтические публикации в «Родной земле» — на последней странице, среди имен будущих авторов, «лиц, сообщивших о своем желании участвовать в журнале», одним из первых упомянуто литературное имя Соловьевой — Allegro. Не исключено, что это могло быть и вознаграждение за участие в крымских изданиях — во втором номере альманаха «К искусству!» (издание Литературно-артистического кружка, Феодосия) за 1919 г. и в составленном А.Б. Дерманом сборнике «Страницы лирики: Избранные стихотворения современных русских поэтов» (Симферополь, 1920), который открывало стихотворение Соловьевой «Петербург» («Мне снятся жуткие провалы…»). Завершается письмо автографами двух стихотворений Соловьевой — «Темно» и «Больная девушка», которые она рассчитывала увидеть на страницах будущих номеров «Родной земли». Но этим планам также не суждено было осуществиться — впервые оба стихотворения были напечатаны в предсмертной книге Соловьевой «Последние стихи» (1923), подготовленной к печати и изданной усилиями ее неравнодушных друзей, коллег-литераторов [6, с. 58–59]. Тексты автографов имеют несколько незначительных отличий в пунктуации от печатных текстов и одно важное смысловое. В автографе стихотворения

«Больная девушка», в седьмой строке читаем: «Ты осталась, но другая…», а в опубликованном тексте — «Ты очнулась, но другая…»[2]. При этом автограф хранит следы правки с «очнулась» на «осталась». Следует также учитывать, что в последней прижизненной книге Соловьевой все тексты были напечатаны без датировок, в то время как точная временная отнесенность письма может косвенно указывать, по крайней мере, на год написания стихотворений.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова (Ф. 7. К. 6. Оп. 2. Ед. хр. 138). Ответные письма Гудзия, по-видимому, не сохранились — в описи фонда П.С. Соловьевой в Отделе рукописей РНБ (Ф. 723) они не значатся.

1.

Коктебель
19 сентября / 2 октября 1918 г.

Многоуважаемый Николай Каллиникович, очень благодарю Вас за письмо и пользуюсь первым же случаем, чтобы переслать Вам рукопись. Пишу только несколько строк, т. к. Михаил Флорианович Гутовский[1], любезно согласившийся исполнить мое поручение, сейчас уезжает.

Живем мы без особых перемен, прихварываем, как полагается. Пока сидим в Коктебеле, а потом предполагаем (располагает Бог) переехать в Феодосию, если удастся найти помещение.

Хочу напомнить Вам то, что уже говорила: Alain Furnier — молодой писатель, написавший один роман «La grand Molne» и убитый в самом начале войны, в первую же битву французов с немцами.

Нат<алия> Ив<вановна>[2], Екат<ерина> Мих<айловна>[3], Ник<олай> Вас<ильевич>[4] и я шлем Вам приветы и наилучшие пожелания.

Письма мне можно адресовать до половины октября сюда, а потом: Феодосия. Дурантевская улица. Александре Михайловне Петровой[5]. Свой дом. Для передачи мне.

До свиданья. Спасибо еще раз.

П. Соловьева.

Автограф. На конверте указан киевский адрес Гудзия и допущена ошибка в написании его фамилии, что указывает на недостаточно близкое знакомство:

---

[2] *Соловьева П. (Allegro)*. Последние стихи. М.: Гос. изд-во, 1923. С. 15.

Назарьевская улица, д. № 1, кв. 10. Николаю Каллиниковичу Гутзий. От П.С. Соловьевой из Коктебеля.

[1] Неустановленное лицо.

[2] Н.И. Манасеина.

[3] Екатерина Михайловна Манасеина (1895 [по др. данным: 1889] – 1955 [по др. данным: 1957]), дочь Н.И. и М.П. Манасеиных, в 1916–1918 гг. — актриса Александринского театра в Петрограде.

[4] Предположительно, Николай Васильевич Павлов (1893–1942?), литератор, пианист, актер петроградских театров, в том числе Александринского, в 1921 г. — заведующий подотделом искусств Отдела народного образования Крымревкома. См. сводку биографических материалов о нем [2, с. 837–840].

[5] Александра Михайловна Петрова (1871–1921), педагог, преподавательница Феодосийского женского училища, собирательница этнографических материалов; друг семьи Волошиных с 1894 г. Дом Петровой был одним из культурных центров Феодосии, который посещали литераторы, художники, музыканты — со многими из них у нее установились дружеские отношения.

2.

Коктебель 6 / 19 } ноября 1918 г.

Многоуважаемый Николай Каллиникович, очень благодарю Вас за все хлопоты. Получено переводом 238 р. 10 к., а также книжка первая «Родной земли». Внешность ее производит приятное впечатление, а внутрь не имела еще возможности заглянуть, т. к. Н<аталия> И<вановна>[1] всегда набрасывается на новые книги, как приезжие на хлеб, а я — во второй очереди.

Мы все еще в Коктебеле. Холодно, но лучше, чем в городе. Молодежь наша мечтает о Харькове, мы — о Севастополе, но, вероятно, эти мечты останутся неосуществленными. Во всяком случае, о перемене адреса сообщу Вам своевременно. Желая искренно служить «Родной земле», шлю два стихотворения, может быть, пригодятся. Все мы Вас приветствуем и часто вспоминаем. Если увидите Байковых[2], кланяйтесь им от нас, пожалуйста.

До свиданья. Желаю Вам всего прекрасного.

П. Соловьева

Темно.

Я тебя увидал в вечереющем парке.
Ты скользнула по мне темным золотом глаз.
Ночи были темны, дни — осенни и ярки.
Помню встречи, слова… Каждый день, каждый час.
И тебя полюбил я на долгую муку,
Был на веки ужален печалью твоей.

Но зачем вспоминать? Вечер темен. Дай руку
И безмолвно дойдем до заветных дверей.

Больная девушка.

Приходила, уходила,
Бедный белый зайчик мой.
Подвиг, радость, злая сила
В речи путались живой.
Тяжкой поступью пугая,
Подошел безумья час.
Ты осталась, но другая,
Свет не умер, но погас.
Как сердитый голубь сизый,
Бьешь ты раненым крылом
И улыбкой Монны Лизы
Помнишь, помнишь о былом.
Кто виновен, что без света
Ты свершаешь крестный путь,
Кто виновен — в жизни этой
И грядущей проклят будь.
А тебе — благословенья,
Боль тернового венца…
Мы не знаем, где свершенья,
Мы не ведаем конца.

Поликсена Соловьева
(Allegro)

Автограф. П. ш.: Коктебель. 20.11.18. На конверте: Симферополь. Новый город, Пироговская ул., д. № 3, кв. мирового судьи Дульветова. Николаю Каллиниковичу Гудзий. От П.С. Соловьевой. Феодосия, Коктебель, дача Манасеиной.

[1] Н.И. Манасеина.

[2] Очевидно, речь идет о семье Александра Александровича Байкова (1870–1946), ученого-химика, металловеда, в 1918–1923 гг. последовательно — преподавателя, профессора, ректора Таврического (Крымского) университета (последний пост покинул фактически в 1921 г.).

Литература

1. *Артамонов Ю.А.* Гудзий Николай Каллиникович // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2006. Т. 13. С. 424–426.

2. Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888–1972 / сост. А.Л. Соболев, Р.Д. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с.

3. *Волошин М.* Собр. соч. М.: Эллис Лак, 2011. Т. 10 / сост. А.В. Лаврова; подгот. текста и коммент. К.М. Азадовского, В.П. Купченко, А.В. Лаврова, Г.В. Петровой. 832 с.

4. *Волошин М.* Собр. соч. М.: Эллис Лак, 2013. Т. 12 / сост. А.В. Лаврова; подгот. текста Н.В. Котрелева, А.В. Лаврова, Г.В. Петровой, Р.П. Хрулевой; коммент. А.В. Лаврова, Г.В. Петровой. 992 с.

5. *Глебов Ю.И., Сапожков С.В.* Соловьева Поликсена Сергеевна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 759–762.

6. *Калло Е.А.* Четыре имени в русской поэзии // Sub rosa: Аделаида Герцык, София Парнок, Поликсена Соловьева, Черубина де Габриак / вступ. ст. Е.А. Калло; сост., подгот. текстов и коммент. Т.Н. Жуковской, Е.А. Калло. М.: Эллис Лак, 1999. С. 3–74.

Research Article and Publication of Archival Documents

Letters and Poetic Autographs of Polixena Solovieva from the Archive of Nikolai Gudziy

© 2025. Maxim A. Frolov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Acknowledgments: The publisher expresses gratitude to A.L. Lifshits, the head of the Department of Rare Books and Manuscripts of the Scientific Library of Lomonosov Moscow State University, for assistance in accessing materials from the N.K. Gudziy archive.

Abstract: The publication introduces two unpublished letters of the poetess, prose writer, translator, and artist P.S. Solovieva (Allegro), addressed to the literary historian, teacher N.K. Gudziy, into scientific circulation. The letters date back to the autumn of 1918 and reflect one of the most difficult periods in Solovieva's biography (poor financial situation and serious health problems). In addition to the biographical information contained in them, of great interest are the references to Solovieva's supposed but failed collaboration with the editors of the literary, political, and scientific monthly *Native Land* (*Rodnaya Zemlya*) (Kyiv). The first letter contains evidence of Solovieva's unknown translation work — a translation of the novel by the French writer Alain-Fournier, *Le Grand Meaulnes*. The special literary value of the second of the published letters lies in the fact that it contains autographs of two of Solovieva's poems, "Dark" and "Sick Girl," and the exact dating of the letter is an indirect basis for dating the poetic texts. In the publication of these poems in Solovieva's deathbed book, *The Last Poems* (1923), their dating, as well as that of all the other poems, was omitted. Solovieva's letters also list people from her immediate circle.

Keywords: P.S. Solovieva, N.K. Gudziy, M.A. Voloshin, Alain-Fournier, *Native Land*.

Information about the author: Maxim A. Frolov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-9694-6583

E-mail: maximfam@mail.ru

For citation: Frolov, M.A. "Letters and Poetic Autographs of Polixena Solovieva from the Archive of Nikolai Gudziy." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 79–86. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-79-86

References

1. Artamonov, Iu.A. "Gudzii Nikolai Kallinikovich" ["Gudziy Nikolay Kallinikovich"]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [*Orthodox Encyclopedia*], vol. 13. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2006, pp. 424–426. (In Russ.)

2. *Venetsiia v russkoi poezii. Opyt antologii. 1888–1972* [*Venice in Russian Poetry. Anthology Experience 1888–1972*], comp. by A.L. Sobolev and R.D. Timenchik. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 1104 p. (In Russ.)

3. Voloshin, M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 10, comp. by A.V. Lavrov, texts prep. and comm. by K.M. Azadovsky, V.P. Kupchenko, A.V. Lavrov, and G.V. Petrova. Moscow, Ellis Lak Publ., 2011. 832 p. (In Russ.)

4. Voloshin, M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 12, comp. by A.V. Lavrov, texts prep. by N.V. Kotrelev, A.V. Lavrov, G.V. Petrova, R.P. Khruleva; comm. by A.V. Lavrov, and G.V. Petrova. Moscow, Ellis Lak Publ, 2013. 992 p. (In Russ.)

5. Glebov, Iu.I., and S.V. Sapozhkov. "Solov'eva Poliksena Sergeevna" ["Solovieva Polixena Sergeevna"]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 5. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 759–762. (In Russ.)

6. Kallo, E.A. "Chetyre imeni v russkoi poezii" ["Four Names in Russian Poetry"]. *Sub rosa: Adelaida Gertsyk, Sofiia Parnok, Poliksena Solov'eva, Cherubina de Gabriak* [*Sub Rosa: Adelaide Gertsyk, Sofia Parnok, Polixena Solovieva, Cherubina de Gabriak*], introd. by E.A. Kallo, comp., texts prep. and comm. by T.N. Zhukovskaya and E.A. Kallo. Moscow, Ellis Lak Publ., 1999, pp. 3–74. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.01.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 11.01.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-87-156
https://elibrary.ru/QZNMJO

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no.4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Переписка В.П. Семенова-Тян-Шанского с И.А. и В.Н. Буниными

Вступительная статья, подготовка текста и примечания М.А. Семенова-Тян-Шанского

© 2025, М.А. Семенов-Тян-Шанский
Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия

Благодарности: Автор пользуется случаем принести глубокую благодарность внукам В.П. Семенова-Тян-Шанского Майклу Гейну и его брату Николасу Гейну за неоценимую помощь.

Аннотация: В статье впервые публикуется переписка И.А. Бунина с Валерием Петровичем Семеновым-Тян-Шанским (1871–1968). В.П. Семенов-Тян-Шанский — юрист, государственный деятель, мемуарист, художник, видный представитель первой русской эмиграции. Его переписка с И.А. Буниным охватывает период с 1926 по 1953 гг.; к ней примыкает переписка В.П. Семенова-Тян-Шанского с В.Н. Буниной после смерти И.А. Бунина. Переписка содержит важные биографические материалы о И.А. Бунине, о семье Семеновых-Тян-Шанских, об истории русского зарубежья. Публикация содержит не опубликованных ранее материалы из семейного архива. Переписка с В.П. Семеновым-Тян-Шанским послужила для Бунина источником сведений, вошедших в его мемуарный очерк «Семеновы и Бунины». Одна из важных тем переписки связана с судьбой и творческим наследием старшей сестры В.П. Семеновым-Тян-Шанского Ольги Петровны Семеновой и ее посмертно опубликованной книги «Жизнь Ивана»; замысел Бунина написать об Ольге Петровне, к которому он несколько раз возвращался в своих письмах, остался нереализованным. Важный эпизод переписки связан с подготовкой доклада о творчестве Бунина, который Валерий Петрович сделал весной 1933 г. по просьбе Русского академического объединения в Финляндии. В ответ на просьбу помочь в подготовке доклада Бунин прислал Валерию Петровичу пачку рецензий, отобранных Верой Николаевной. Доклад был прочитан в июне 1933 г. и затем повторен в декабре 1933 г. уже после награждения Бунина Нобелевской премией; текст доклада заслужил высокую оценку

самого Бунина, откликнувшегося на его присылку теплым письмом. Доклад не был опубликован (в «Журнале содружества», издававшемся в Выборге при участии В.П. Семенова-Тян-Шанского, было помещено только его краткое резюме); текст доклада подготовлен к публикации и планируется к печати в одном из следующих номеров «Литературного факта».

Ключевые слова: Валерий Семенов-Тян-Шанский, Иван Бунин, Вера Бунина, «Издательство имени Чехова», Русское зарубежье, издательская деятельность, архив писателя.

Информация об авторе: Михаил Арсеньевич Семенов-Тян-Шанский — независимый исследователь, доктор физико-математических наук, историк культуры России XIX–XX вв., г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: semenov@pdmi.ras.ru

Для цитирования: Переписка В.П. Семенова-Тян-Шанского с И.А. и В.Н. Буниными / вступ. ст., подгот. текста и примеч. М.А. Семенова-Тян-Шанского // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 87–156. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-87-156

Валерий Петрович Семенов-Тян-Шанский родился в Санкт-Петербурге 17 декабря (по старому стилю) 1871 г. в семье выдающегося русского ученого-географа и государственного деятеля Петра Петровича Семенова (почетную приставку Тян-Шанский он получил вместе со всем нисходящим потомством в 1906 г. в ознаменование 50-летия своего знаменитого путешествия). Окончил 8-ю классическую гимназию (1891) и юридический факультет Петербургского университета (1895). Как и его сестра Ольга и брат Вениамин, Валерий в отрочестве начал заниматься рисованием у художника-акварелиста Н.А. Гоголинского. Впоследствии, уже в эмиграции, занятия акварелью сделались его второй профессией[1].

По рекомендации отца Валерий Петрович в 1895 г. поступает на службу во 2-й департамент Правительствующего Сената, ведавший делами сельского населения России, в котором служил и сам Петр Петрович. Через четыре года он становится помощником обер-секретаря, затем обер-секретарем 2-го департамента Сената, а в 1910 г. занимает должность товарища обер-прокурора, одновременно входя в состав Совета Министра юстиции. При Временном правительстве Валерий Петрович, продолжая занимать должность товарища обер-прокурора 2-го департамента Сената, в мае 1917 г., как представитель Министерства юстиции, был привлечен к участию в работе Главного земельного комитета, разработал план земельной реформы в России. Службу в Сенате Валерий Петрович завершил, приняв участие в его последнем чрезвычайном собрании 30 октября

[1] См. о нем: [4].

В.П. Семенов в группе российских участников Всемирной Выставки (Париж, 1900 г.). Сидят в центре Г.И. Радде и П.П. Семенов-Тян-Шанский. В.П. Семенов стоит 2-й слева. Фото О. Брессона (Париж).
© Фонд наследия П.П. Семенова-Тян-Шанского
V.P. Semenov in the group of Russian participants at the World Exhibition (Paris, 1900). Sitting in the center: G.I. Radde and P.P. Semenov-Tyan-Shansky. V.P. Semenov is standing 2nd from the left. Photo by A. Bresson (Paris).
© P.P. Semenov-Tyan-Shansky Heritage Foundation

1917 г., после октябрьского переворота, заявившем о незаконности новой власти.

В 1896 г. Валерий Петрович под руководством отца участвовал в организации Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. Спустя 4 года он вместе с отцом участвует в устройстве российского отдела на Всемирной выставке 1900 г. в Париже. Павильоны России на выставке имели огромный успех. Французское правительство отметило заслуги В.П. Семенова, наградив его орденом Почетного легиона.

С началом Русско-японской войны Валерий Петрович был приглашен управлять делами Комитета императрицы Марии Федоровны по попечительству семей призванных в ряды армии на Дальний Восток, а во время Первой мировой войны он вошел в состав Татьянинского Комитета под покровительством великой

княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных действий.

После кончины П.П. Семенова-Тян-Шанского в 1914 г. Валерий Петрович активно занимался сохранением наследия отца. Он участвовал в передаче его знаменитой коллекции картин Императорскому Эрмитажу; вместе со старшими братьями Андреем и Вениамином он готовил к изданию два первых тома мемуаров отца — «Детство и юность» и «Путешествие в Тянь-Шань». При этом Валерий Петрович специально ездил в Москву, где работал в сенатском архиве, добывая сведения об истории рода Семеновых вплоть до XIV в.

После роспуска Сената Валерий Петрович начал работу в размещенном в здании Сената историческом архиве, занимаясь подготовкой и передачей туда бумаг двух департаментов Сената. Во время красного террора 1 сентября 1918 г. он был арестован и некоторое время находился в заключении в Дерябинских казармах в Гавани. Одновременно с Валерием Петровичем были арестованы несколько его сослуживцев по Сенату. Все они, кроме Валерия Петровича, были расстреляны без суда во вторую ночь после ареста. Неделей раньше — и еще до формального начала красного террора — в Кронштадте был расстрелян или утоплен двоюродный брат Валерия Петровича Ю.В. Десятовский. Арестованный вместе с ним племянник Валерия Петровича М.Д. Семенов-Тян-Шанский чудом уцелел. Свое собственное освобождение Валерий Петрович также приписывал «чудесному стечению обстоятельств»[2]. После еще одного ареста стало понятно, что дальнейшее пребывание в Петрограде становится смертельно опасным. В конце 1918 г. или начале 1919 г. Валерий Петрович вместе с женой и двумя детьми нелегально перебрался в Финляндию, где он еще в начале века купил для своей семьи небольшую дачу на оз. Сайма. По семейному преданию, его 18-летний сын, уехавший отдельно от родных, вплавь перебрался через уже замерзавшую Вуоксу. После переезда в Финляндию Валерий Петрович по приглашению В.Д. Кузьмина-Караваева, его сослуживца по Сенату, бывшего в 1919 г. министром снабжения Северо-западного правительства, был назначен его заместителем и некоторое время занимался продовольственным обеспечением Северо-Западной армии[3].

[2] *Шаховской М.* К 95-летию В.П. Семенова-Тян-Шанского // Возрождение. Париж, 1966. № 180. С. 108–111.

[3] Там же. С. 110.

Первые годы жизни в Финляндии Валерий Петрович провел на Сайме; он пробовал заняться предпринимательством — лесной торговлей, но успеха не имел. Живя на Сайме, Валерий Петрович приютил у себя небольшую колонию русских беженцев — бежавшего в 1921 г. из Петрограда племянника и вдову своего сослуживца по Сенату Н.И. Хрущеву. Единственным положительным результатом его коммерческой деятельности стало знакомство с молодым английским инженером и предпринимателем Рудольфом Гейном, представлявшим в Финляндии лесоторговую фирму своего отца[4]. В 1924 г. 20-летняя дочь Валерия Петровича Елена вышла за него замуж и уехала в Англию. После отъезда дочери Валерий Петрович перебрался в Выборг и еще через несколько лет в Гельсингфорс. Финансовое положение его было в эти годы достаточно трудным. Живя в Выборге, Валерий Петрович активно участвовал в жизни русской эмиграции в Финляндии как член Русского Академического объединения и Совета Русской колонии; он входил также в состав редакции выходившего в Выборге ротапринтного «Журнала содружества». Ему принадлежит, в частности, опубликованная в этом журнале одна из первых работ о ГУЛАГе «Что такое концентрационный лагерь», основанная, как он писал, «главным образом, на свидетельских показаниях тех вполне достоверных свидетелей, которые лично прошли через “концлагерь” и волею счастливой судьбы вырвались...»[5].

Родство с Буниными, о котором Петр Петрович подробно написал в своих мемуарах, всегда интересовало Семеновых, которые гордились своей связью с Анной Петровной Буниной, знаменитой первой русской поэтессой, родной сестрой бабушки Петра Петровича, как и более отдаленным и недостаточно прослеженным родством Семеновых с Василием Андреевичем Жуковским. Гордились они и отдаленным родством с Иваном Алексеевичем Буниным; брат Валерия Петровича Андрей называл его в своих письмах лучшим поэтом современной России[6]. В сентябре 1917 г. вскоре после выхода из печати 1-го тома мемуаров Петра Петровича Валерий Петрович послал этот том Бунину при следующем письме:

---

[4] Перед революцией отец Р. Гейна предполагал, что сын будет вести дела фирмы в России, поэтому он основательно выучил русский язык. Впоследствии, во время войны и в первые послевоенные годы, Р. Гейн работал в Британском посольстве в Москве.

[5] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Что такое концентрационный лагерь // Журнал содружества. 1935. № 2 (26). С. 5–8; № 4 (28). С. 7–12.

[6] См. письмо А.П. Семенова-Тян-Шанского В.П. Шнейдер от 16 декабря 1921 г. [11, с. 464].

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич.

Читая Ваши стихотворения, я прочел и Ваши автобиографические заметки, в которых Вы, между прочим, вскользь упоминаете о Вашем свойстве или родстве с Грот[7]. Позвольте Вам послать 1 том мемуаров моего покойного отца, где Вы найдете немало сведений не только о Вашем родстве с Грот, но и с нами, Семеновыми, и с Жуковским, а также прочтете не лишенные интереса строки о Вашей родственнице, «Российской Сафо», поэтессе Буниной, крестной матери моего отца.

В надежде на то, что в наше тяжелое для всякого интеллигентного человека время посылаемая книга, может быть, доставит Вам несколько часов душевного отдыха, т. к. даст возможность совершить небольшое путешествие в тот мир, для которого наступил уже суд истории,

Остаюсь искренне Вас уважающий

В. Семенов-Тян-Шанский[8].

Через год, в июле 1918 г. брат Валерия Петровича Андрей снова послал И.А. Бунину, бывшему тогда в Одессе, мемуары Петра Петровича. Мы не знаем, получил ли Бунин эти посылки, но без сомнения, оказавшись затем в эмиграции, он уже не имел к ним доступа. Однако через несколько лет Бунин разыскал адрес Валерия Петровича и послал ему свои книги вместе с теплым письмом. Это несохранившееся письмо открывает переписку, продолжавшуюся (с перерывом во время Второй Мировой войны) почти 28 лет.

Одна из важных тем возникшей переписки связана с судьбой и творческим наследием еще одного члена семьи Семеновых — старшей сестры Валерия Петровича. Ольга Петровна Семенова (1863–1906) — единственная дочь Петра Петровича, талантливая художница, этнограф-собиратель[9]. Ее работы сохранились в собрании Русского музея и Третьяковской галереи. Детские годы Ольги Петровны протекали в чисто домашней обстановке типичной большой культурной русской семьи. От отца она

[7] В «Автобиографической заметке» (1915) И.А. Бунин писал: «О роде Буниных я кое-что знаю. Род этот дал замечательную женщину начала прошлого века, поэтессу А.П. Бунину, и поэта В.А. Жуковского (незаконного сына А.И. Бунина); в некотором родстве мы с братьями Киреевскими, Гротами, Юшковыми, Воейковыми, Булгаковыми, Соймоновыми <...>» (*Бунин И.А.* Автобиографическая заметка (Письмо к С.А. Венгерову) // *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 4 т. / сост. Н.М. Любимов. М.: Правда, 1988. Т. 1. С. 3–16). Бунин мог читать письма А.П. Буниной, опубликованные в «Русском Архиве» К.Я. Гротом; его мать Н.П. Грот (рожд. Семенова) — родная сестра Петра Петровича.

[8] Цит. по: [10, с. 217–222].

[9] Об Ольге Петровне Семеновой см.: [6, с. 316–331; 5, с. 25–35].

унаследовала любовь к жизни в деревне, к природе, имея, так же как и другие члены семьи, крепкие «корни в земле»[10]. В течение десяти лет Ольга Петровна собирала материалы, легшие в основу книги «Жизнь Ивана. Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний», которая стала главным делом ее недолгой жизни. Эта неординарная книга, дающая яркую и глубокую картину жизни русской деревни накануне Первой мировой войны и революции, заслуживает особенного внимания. Жизнь среднестатистического Ивана, от его рождения до женитьбы, обрисованная без прикрас, производит очень сильное впечатление. Материалы Ольги Петровны помогают понять корни исторических потрясений и бед, обрушившихся вскоре на русскую деревню. Преждевременная смерть от тяжелой сердечной болезни оборвала эту работу. Книга была подготовлена к печати ее ближайшей подругой В.П. Шнейдер, известным специалистом по народному искусству, и напечатана посмертно в 1914 г. в Записках Императорского Русского географического общества. Читателю, знакомому с «Жизнью Ивана», бросается в глаза сходство нарисованной в ней картины, в которой соединились трезвый подход исследователя-этнографа, его любовь к своим героям и предчувствие надвигающейся катастрофы, со взглядом проницательного и бескомпромиссного художника, каким был Бунин в своем изображении русской деревни. Сам Бунин очень высоко оценил эту книгу, присланную ему Валерием Петровичем. Его замысел написать об Ольге Петровне, к которому он несколько раз возвращался в своих письмах, остался нереализованным. За год до смерти Бунин отослал Валерию Петровичу уцелевшую во время войны в его парижской квартире книгу, написав в одном из последних писем: «Все надеюсь написать о Вашей прекрасной, чудесной сестре. Я вообще медленно погибаю» (см. письмо <32> ниже).

Весной 1932 г. Русское Академическое объединение в Финляндии попросило Валерия Петровича сделать доклад о творчестве Бунина. В ответ на просьбу помочь в подготовке этого доклада Бунин прислал ему пачку рецензий, отобранных Верой Николаевной. Доклад был прочитан в июне 1933 г. и затем повторен и частично опубликован в декабре 1933 г., уже после награждения Бунина Но-

[10] Выражение «корни в земле» восходит к самому П.П. Семенову-Тян-Шанскому. См. по этому поводу воспоминания старшего брата Валерия Петровича Вениамина [13, т. 1, с. 114].

белевской премией[11]. В июне 1933 г. Валерий Петрович отослал его Бунину, отозвавшемуся теплым письмом: «Вчера получил и прочел Вашу речь обо мне. Очень благодарю Вас. Прекрасно написано. Об одном жалею. Много моих юношеских вещей, коих я очень стыжусь теперь» (см. письмо <16> ниже).

Возобновившаяся после окончания войны в последние годы жизни Бунина переписка Валерия Петровича с Буниным достигает новой степени откровенности и драматизма. Последнее письмо Валерия Петровича Бунину написанное за месяц до его смерти осталось неотправленным. После смерти Бунина Валерий Петрович обменялся несколькими письмами с его вдовой Верой Николаевной Буниной. Вместе с Верой Николаевной они систематизировали копии писем Валерия Петровича Бунину, сохранившиеся в его архиве, и копии писем Бунина, которые были пересланы Валерию Петровичу Верой Николаевной; все эти письма и их копии были позже переданы в составе ее архива в Бунинскую коллекцию в Русском архиве Лидса (Leeds Russian Archive). Вместе с тем все эти документы сохранились также и в личном архиве Валерия Петровича. Основная часть его архива была передана в 1960-е гг. в Бахметевский архив (Columbia University Rare Book and Manuscript Library) в Нью-Йорке, но копии этих документов сохранялись и в домашнем архиве.

Все письма Бунина печатаются по фотокопиям автографов (письмо 32, продиктованное Буниным, по фотокопии авторизованной машинописи с рукописными вставками Бунина). Письма В.П. Семенова-Тян-Шанского печатаются по фотокопиям машинописных копий, присланных В.Н. Буниной. Письма В.Н. Буниной печатаются по фотокопиям авторизованной машинописи (с правкой рукой В.Н. Буниной); письмо 41 — по фотокопии автографа. Все перечисленные документы находятся в семейном архиве внука Валерия Петровича Майкла Гейна (Michael Gane, 1928–2025), предоставившего их автору публикации, и публикуются с разрешения правообладателя архива Айалы Каспи (Ayalah Caspi).

Все архивные документы приводятся в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации.

[11] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* И.А. Бунин и его творчество // Журнал Содружества. 1933. № 12. С. 2–5; 1934. № 1. С. 3–10.

ПРИЛОЖЕНИЕ

<1>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
11 сентября 1925 г. Выборг

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Очень тронут был Вашим письмом от 1 сентября и присылкой двух книг, «Господин из Сан-Франциско» и «Роза Иерехона». Совершенно откровенно скажу, что после бегства из России я не получил ни от кого из своих друзей (а их у меня достаточно и на родине, и за границей) такого теплого, простого и задушевного письма, как Ваше.

Вы спрашиваете, чем я связан с Выборгом. Сейчас ничем, кроме как вопросом материальным. Конечно, я с радостью переехал бы в Париж, в котором лет 25 назад приходилось работать, который любит и моя жена[1], бывавшая в нем неоднократно. Но пока это желание наше невыполнимо по тем же материальным соображениям. Если Вам не удастся найти мемуары моего отца[2], напишите мне. Я постараюсь Вам достать их у моей дочери (в Лондоне) — конечно, только для прочтения Вами лично, так как дочь очень дорожит этим единственным экземпляром, уцелевшим в нашей семье. Хотелось бы переиздать эти мемуары, но пока — все это мечты. Да не хватает и 2-го тома, который в рукописи, а частью уже отпечатанный, остался на родине, но, по моим сведениям, уцелел.

Как ни плохо слежу я за литературой, все же читал некоторые из Ваших вещей, напечатанных в присланных Вами книгах, в частности, «Господина из Сан-Франциско». Продолжаю наслаждаться чтением Ваших произведений (полное собрание сочинений в издании Маркса). Хотя я слишком скромного о себе мнения как ценителе литературы, но все же скажу, что многие Ваши произведения, говорю о прозе, я ставлю в отношении глубины психологического анализа совершенно наравне с произведениями Достоевского, а в художественном отношении, в том числе и в отношении языка, — даже много выше. У каждого, конечно, есть свои индивидуальные особенности, отражающиеся и в произведениях, и разница между Вашими произведениями та, что Вы берете, по большей части, типы и картины из жизни деревни, а Достоевский из города, притом у Вас есть простота рассказа и сюжета, а у Достоевского их сложность, иногда даже запутанность. Ваши наблюдения и Ваши выводы для русского человека [довольно пессимистичны] далеко не идеалистичны, но в них много, увы, даже очень много правды. Не знаю,

читали ли Вы как-нибудь очень начерно написанную моею покойною сестрою Ольгою картинку — характеристику русского мужика средней полосы России под заглавием «Жизнь Ивана»? Смерть, а отчасти авто-скептика помешали сестре закончить это произведение, но после ее смерти оно все же в сыром виде напечатано было, если не ошибаюсь, в Записках Географического Общества. К сожалению, переживания последних десятилетий так затемняют память, что я не могу с точностью установить, в каком именно году этот набросок появился в печати, думаю, что в 1907–1908 годах[3]. Мне кажется, что Ваши взгляды на русского мужика средней полосы России почти совпадают со взглядами сестры.

Сегодня я послал Вам заказною бандеролью, по Вашему летнему адресу, мое произведение «Разрушение русской грамоты». Оно написано мной в сотрудничестве с В.Н. Крестьяновым[4], человеком очень способным, интересным собеседником и моим приятелем, с которым, однако, мы часто не сходимся на взглядах, например, политических, хотя мы оба монархисты. Послал статью я Вам, а не Петру Бернгардовичу[5], так как я нахожу, что последнему посылать единственный экземпляр произведения рискованно — он человек далеко не аккуратный. Если по прочтении Вы найдете, что лучше разбить статью на отдельные статейки (для газеты), я могу это сделать по тем черновым наброскам, которые у меня остались, так как все равно придется текст несколько перерабатывать. Если бы Вы нашли, что кое-что надо у меня изменить, добавить или выпустить, я буду чрезвычайно благодарен Вам за всякие указания.

Очень надеюсь, что Вы не оставите меня своими письмами, а также сообщите мне Ваш парижский адрес и время Вашего переезда в этот город. Еще раз сердечно благодарю Вас за книги и теплое письмо, принесшее мне отрадное чувство близости человека, родного по духу и крови.

Сердечно жму Вашу руку.

Искренне Ваш, Валерий Семенов-Тян-Шанский

P.S. Отчего здесь нигде нельзя достать «Возрождение»?

В.С.

---

[1] Первая жена В.П. Семенова-Тян-Шанского — К.И. Кольцова (1871–1961).

[2] Воспоминания П.П. Семенова-Тян-Шанского были подготовлены к печати и изданы Валерием Петровичем летом 1917 г.: Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского: [в 4 т.]. Пг.: Изд. семьи, 1917.

[3] Книга «Жизнь Ивана» была подготовлена к печати В.П. Шнейдер и опубликована посмертно в 1914 г.: *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // Записки Императорского Рос-

сийского Географического Общества по отделению этнографии. Т. 39. СПб., 1914. 136 с. Обзор этой работы был сделан В.П. Шнейдер вскоре после смерти Ольги Петровны, в декабре 1906 г. в заседании Отделения этнографии Географического Общества (*Шнейдер В.П.* Памяти О.П. Семеновой // Известия Императорского Российского Географического Общества. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. Т. 13. С. 41–61).

[4] Владимир Николаевич Крестьянов (1871–1946) — юрист по образованию, писатель. Перед революцией занимал должности товарища прокурора и прокурора окружного суда. После революционных событий 1917 г. выехал из России в Финляндию. Многие годы бедствовал и изредка читал лекции в различных обществах. В 1928 г. устроился рабочим на фарфоровую фабрику в Гельсингфорсе, но из-за травмы потерял трудоспособность. Жил на пенсию, выплачиваемую Страховым обществом, и на пособие от Городского управления. Со студенческих лет занимался литературой: писал стихи (псевд. Вл. Топтыгин), рассказы, новеллы, пьесы, позднее — воспоминания. Умер в Финляндии.

[5] Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — русский либерал, философ, политический и общественный деятель, один из авторов сборника «Вехи» (1909). Эмигрировал в 1921 г., издавал журнал «Русская мысль» (1921–1926), затем газету «Возрождение» (1925–1927).

<2>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
22 февраля 1926-го г. 3 rue de Lubeck, Paris XVI

Дорогой Валерий Петрович, пожалуйста, извините за молчание — очень долго был болен. Теперь лучше и спешу написать Вам два слова. Все Ваши письма получил, принял к сведению и благодарю Вас за них. Завтра, послезавтра напишу Вам подробнее. Сердечно Ваш Ив. Бунин.

<3>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
22 марта 1926 года

Дорогой Иван Алексеевич!

Ваше письмо 22 февраля получил. Чем Вы хворали? Мне писал мой племянник[1] из Парижа, что нынешней зимой там многие были нездоровы — страдали от холода. У нас тоже суровая зима была, но вот здесь все приспособлено к холоду — и жилье, и платье. А вот дочь моя мне писала из Лондона, что у них дом так устроен, что как только температура на улице ниже 0°, то бывает, что и в комнатах почти такая же, и водопроводные трубы лопаются. Сегодня послал Вам заказной бандеролью мою рукопись «Разрушение русской грамоты». Я ее значительно изменил, так как в Выборге смог изучить кое-какие материалы, которых у меня не было ранее под рукой в деревне. Сознаю, что еще мало материалов у меня под рукой, но и то, что у меня было, все равно достаточно, чтобы написать очерк, подобный моему.

Не удастся ли Вам пристроить мою рукопись куда-либо? На Струве я вовсе не возлагаю никаких надежд. Теперь есть в Бельгии журнал «Благонамеренный». Быть может, толкнуться туда?

Обращаюсь к Вам еще с большою просьбою.

В январе 1927-го года исполняется 100 лет со дня рождения покойного моего отца. Так как отец, несомненно, был человеком недюжинным и деятельность его была необыкновенно разнообразна, то не думаете ли Вы, что следовало бы как-нибудь отметить день столетия его рождения. Быть может, можно было бы написать по этому случаю какую-либо статью в журнале или газете. Я был бы очень Вам признателен, если бы Вы взялись за это. Ваш прекрасный образный язык, Ваш стиль — все это служит ручательством тому, что Ваша статья более чем чья-либо привлечет к себе внимание читателей. Если Вы хотите ознакомиться с деятельностью отца, то я попросил бы мою дочь прислать Вам мемуары моего отца — к сожалению, только для Вашего личного прочтения с возвращением книг дочери, так как у нас эти мемуары *уника*, уцелевшая от большевистского разгрома. В этих мемуарах отсутствует второй том, с которым был такой казус. Когда я его печатал в Петрограде, совершилось воцарение большевиков, а с ним и введение той уродливой грамоты, с которой я борюсь. По типографиям было приказано уничтожить все изгнанные из алфавита знаки. Приходилось или бросить печатание книги, или с 12 листа (всех должно было быть во втором томе 16) печатать книгу по новому правописанию. Я все же нашел типографию, которая бралась допечатать книгу по старой орфографии, так как тайно не уничтожила знаков. Но заведующий типографией, боясь попасть в Чеку, просил меня достать разрешение на допечатание книги по старой орфографии. Я было сунулся к предержащим властям, но получил буквально такой ответ:

— Печатайте с 12 листа по новому правописанию, пусть будет видно, что здесь именно мы победили. Да если бы мы даже и захотели дать Вам просимое разрешение, мы бы не могли этого сделать по техническим условиям: знаки везде уничтожены.

Когда я было заикнулся, что можно эти знаки все же найти, то получил такой ответ:

— Назовите типографию, которая сохранила старые знаки, и мы заведующего типографию упечем куда следует.

Мне пришлось благоразумно ретироваться, не назвав, конечно, типографии, где знаки были сохранены. Итак, второй том остался недопечатанным, но однако, все рукописи и напечатанные листы я все же спас. До сих пор, впрочем, я не могу получить ни одного

экземпляра этих спасенных листов рукописи. Между тем, хотя в этом томе масса научного материала (гл<авным> образом, ботанического, частью геологического), интересного для специалистов, там имеются очень интересные страницы, описывающие встречу отца с Достоевским. <...>[2]

[1] Племянник В.П. Семенова-Тян-Шанского — Александр Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский (1890–1979), впоследствии епископ Зилонский (1971), окончил Петербургский университет (1914), во время Первой мировой войны в военном училище при Пажеском корпусе, потом в лейб-гвардии Егерском полку, с весны 1917 г. на фронте, поручик, в 1919–1920 гг. мобилизован в Красную армию, с 1921 г. в эмиграции в Финляндии, затем во Франции, рукоположен священником в 1943 г., с 1957 г. настоятель Знаменской церкви в Париже. После бегства из России в конце 1921 г. некоторое время жил у Валерия Петровича.

[2] Конец листа утерян.

<4>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
9 апреля 1926 года, 33, rue de Lubeck, Paris, 16

Дорогой Валерий Петрович, я снова был долго и тяжело болен. Послушался советов полечить геморрой (я много теряю крови) электрическими прижиганиями — и слег: ужасные боли, воспалилась слепая кишка, был большой жар и потери крови уже чрезмерные. Теперь только что начинаю приходить в себя. Рукопись получил, но все те же вопросы: где печатать? «Благонамеренный» жалкий журнальчик, и задача у него главная дать приют молодым и наиболее глупым и извращенным стихотворцам. Снова поговорю со Струве, когда кончится съезд[1]. Что до статьи памяти Вашего батюшки, то конечно с удовольствием напишу ее[2]. Скоро мы надеемся уехать опять в Грасс, villa Belvédère, Grasse, Alpes Maritimes, France, туда, и будьте добры попросить Вашу дочь прислать мне первый том мемуаров заказным пакетом. Возвращу в целости и сохранности. По-немецки я не читаю. Посему, кроме мемуаров, могу воспользоваться только словарем Брокгауза. Да много материалов мне и не надо, обстоятельную, большую работу я все равно не смогу исполнить — не умею и не буду иметь времени.

Чрезвычайно жалко, что Вы не попали в Париж, и что я лишен возможности видеть Вас.

Сердечно жму Вашу руку, Душевно Ваш Иван Бунин.

P.S. Мемуары надо выслать в Grasse не ранее середины мая, может быть, нам придется пожить до Грасса на биваках, в Ницце или в Антибе.

<Рукописное примечание В.П. Семенова-Тян-Шанского на полях машинописной копии письма>

По поводу этого письма Бунина (от 9 апреля 1926 года), должен заметить, что черновиков двух-трех писем моих к Бунину у меня не сохранилось. В них я сообщал ему, что возможен мой приезд в Париж на эмигрантский съезд, организуемый по инициативе профессора Коренчковского[3] (я с ним был в переписке по этому поводу), в качестве представителя от русских эмигрантских организаций в Финляндии. В конце концов, на этот съезд был послан один представитель, полковник А.Н. Фену (ныне покойный)[4], а ранее предполагалось послать трех. О какой рукописи идет речь в письме, установить трудно. Очевидно, это не «Разрушение русской грамоты». По поводу моего отца моя просьба к Бунину заключалась в предложении ему написать заметку по поводу исполнения в 1927 году столетия со дня его рождения (2/15 января 1827 года). Была ли такая заметка написана, не помню. Иван Алексеевич Бунин прислал мне вырезку из газеты «Возрождение» (15 янв. 1927 года) со статьей К. Зайцева[5] «П.П. Семенов-Тян-Шанский»; вероятно, К. Зайцев заменил И.А. Бунина в написании этой статьи. В статье К. Зайцева есть 3–4 ошибки; эту статью я пришлю в архив впоследствии, при дальнейшей разборке архивных материалов. По поводу моего отца и его мемуаров Бунин говорит в своих воспоминаниях, изданных в Париже в 1950 году (Книгоиздательство «Возрождение») в главе «Семеновы и Бунины»[6].

---

[1] Речь идет о Российском Зарубежном съезде, состоявшемся в апреле 1926 г. в Париже. И.А. Бунин выступил на съезде с кратким словом. См.: [12, с. 476].

[2] Через несколько лет Бунин написал очерк «Записи» (Последние новости. 1932. 6 марта. № 4001. С. 2–3), посвященный памяти П.П. Семенова-Тян-Шанского и А.П. Буниной.

[3] Владимир Георгиевич Коренчевский (1879–1959) — перед революцией профессор Военно-медицинской академии, с 1920 г. в эмиграции в Англии, один из основателей современнной геронтологии, один из инициаторов Съездов российских академических организаций за границей (первый из них состоялся в Праге в 1921 г.)

[4] Александр Николаевич Фену (1873–1954). Полковник лейб-гвардии Егерского полка, воспитатель и директор Пажеского корпуса. В эмиграции в Финляндии, глава русской колонии в Гельсингфорсе (1921).

[5] Кирилл Иосифович Зайцев (1887–1975) окончил экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института. Оставшись для подготовки к научному званию по кафедре государственного права, занялся изучением крестьянской реформы 1861 г. (с этим связан, вероятно, его интерес к деятельности П.П. Семенова-Тян-Шанского). Участник Белого движения, эмигрировал в 1920 г., в середине 1920-х гг. сотрудничал с П.Б. Струве в издании газеты «Возрождение», а также газет «Россия» и «Россия и славянство». В 1934 г. издал в Берлине книгу об И.А. Бунине, высоко оцененную самим писателем (*Зайцев К.* И.А. Бунин. Жизнь

и творчество. Берлин: Парабола, 1934. 268 с.). Позже профессор Харбинского университета, в 1944 г. принял священство и затем постриг с именем Константина. С конца 1940-х гг. в США, где получил известность как деятель Русской Православной Церкви за границей.

[6] *Бунин И.А.* Семеновы и Бунины // *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 159–170.

<5>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
18 апреля 1926 г. Выборг

Дорогой Иван Алексеевич,

Ваше письмо от 9 сего месяца получил и очень сожалею о Вашем нездоровье. Когда-то я тоже страдал от геморроя, но совершенно излечился двукратным в течение четырех лет посещением Bad-Kissingen'a (в Баварии). Там главным образом меня починили ванны с волною (mit Welle), а также вода Rakozy (питье). С тех пор я забыл, что такое геморрой. В свое время совершенно так же избавился от геморроя мой покойный отец. Если Вас интересует подробнее этот вопрос о лечении, то могу Вам сообщить, даже в нескольких юмористических тонах, все, что было со мной в Киссингене, и как там нужно лечиться. До Киссингена я пробовал применять другое лечение, но оно было или бесполезно, или приносило вред (например, «пессорий»).

Относительно мемуаров отца написал моей дочери, и она, несомненно, поступит согласно Вашим указаниям о времени посылки Вам книг. Приношу Вам мою искреннюю благодарность за Вашу готовность написать статью об отце. Я знаю Ваши способности в кратких словах писать ярко и выразительно, и, конечно, ничего длинного писать не надо. Важно уже одно то, что статья будет написана Вами. Если мне случится достать немецкую биографию отца, то пришлю ее Вам в русском переводе. Для меня это не так трудно, хотя знаю немецкий очень неважно.

Не знаете ли Вы, что из себя представляет Саша Черный? Кто он и какой морали человек? Дочь мне пишет, что читала некоторые его рассказы, например, детские, и они ей понравились, так что один рассказ, «Патентованная краска», она перевела на английский и просила г. Черного разрешить ей напечатать перевод в одном из английских журналов. Я написал дочери, чтобы она вообще была осторожнее с незнакомыми людьми, и что я постараюсь узнать Ваш отзыв о Черном.

Кстати, названный выше рассказ, «Патентованная краска», дочь прочитала в журнале «Иллюстрированная Россия»[1], который она

получает еженедельно. Что это за журнал? Я его никогда не видал. Быть может, можно толкнуться туда с моей рукописью «Разрушение русской грамоты»?

Я очень сожалею, что не удалось повидать Вас в Париже, но, с другой стороны, быть может, и лучше, что я не попал на съезд!

Буду ждать Вашего ответа на мои вопросы.

Сердечно жму Вашу руку

Искренне Ваш

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

P.S. В одном из писем моего брата 22 года (я не могу теперь с ним переписываться по независимым от меня причинам)[2] я нашел указание брата, что будто все издание мемуаров отца, 3000 экземпляров, разошлось в России без остатка. Стало быть, есть интерес к хорошей книге.

---

[1] *Черный А.* Патентованная краска // Иллюстрированная Россия. 1926. № 9. 27 февраля. С. 1–2, 4.

[2] Переписка В.П. Семенова-Тян-Шанского с оставшимися в СССР членами семьи прекратилась после ареста и последующей ссылки их общего друга Я.Н. Ростовцева, обвиненного в нелегальных связях с Финляндией.

<6>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
23 апреля 1926 года, Hôpital franco-russe Villejuif

Дорогой Валерий Петрович,

Помимо душевных, помимо физических страданий от операции, всю зиму я хворал и был больной душевно: чувствовал, видел, что неизбежна операция настоящая. Это меня страшно угнетало. У меня к операциям патологический страх. И вот я наконец решился и пишу Вам, лежа на больничной койке, израненный Алексинским (знаменитый хирург)[1]. После операции страдал невыносимо. Теперь, дай Бог, наконец-то прихожу в себя. Большое спасибо за желание помочь мне советом, рассказом, как Вы лечились, но, как видите, дело уже сделано. Надеюсь, что выпишусь через несколько дней. После этого — на юг. Villa Belvédère, Grasse, Alpes Maritimes, France

Черный человек во всех смыслах приличный. «Иллюстрированная Россия» еженедельный журнальчик, тетрадка.

Вот уж и устал.

Сердечный привет.

Ваш Иван Бунин

---

[1] Иван Павлович Алексинский (1871–1945), профессор Московского университета, депутат I Государственной Думы. В Добровольческой армии и *Воору-*

женных силах Юга России; в начале 1919 г. хирург госпиталя в Екатеринодаре. В эмиграции с 1921 г., с 1923 г. в Париже.

<7>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
15/28 мая 1926 года

Дорогой Валерий Петрович, мы уже на юге — Villa Belvédère, Grasse, Alpes Maritimes, France. Я понемногу поправляюсь. Жду первый том воспоминаний Вашего батюшки.

Приветствую Вас,

Ваш сердечно Ив. Бунин.

<8>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
11 июня 1926 г. Выборг

Дорогой Иван Алексеевич,

Вашу открытку 15/28 мая я получил. Надеюсь, что Ваше здоровье восстанавливается на благодатном юге. Дочь моя писала мне уже довольно давно, что выслала Вам первый том мемуаров моего отца. Думаю, что Вы уже получили эту книгу и, быть может, уже прочли ее. Приходится очень пожалеть, что благодаря большевикам мне не удалось в свое время выпустить том II мемуаров, описывающий путешествия отца в Среднюю Азию. Там имеются очень интересные страницы, описывающие встречу отца с Достоевским, если память не изменяет, в Барнауле, и их взаимные беседы. Вообще, этот том очень интересный, хотя в нем и масса научного материала (гл<авным> образом ботанического, частью геологического), интересного для специалистов. Том третий мемуаров также интересный, в нем есть много подробностей и специальных, относящихся до подготовки реформы 1861 года, но есть и страницы, характеризующие состояние нашего общества в начале 50-х годов прошлого века. Наконец, ярко обрисована личность Александра II и его сподвижников. Том четвертый для неспециалистов менее интересен, так как описывает все подробности обсуждения крестьянской реформы. Буду очень рад, если Вы сообщите мне хоть в двух словах Ваше впечатление от мемуаров.

Хочу Вас спросить еще о следующем. Во что может обойтись самая скромная жизнь на юге Франции? Скажем, такая, какую ведете Вы. Дело в том, что моя семья снова увеличилась одним членом: у меня на попечении находится моя свояченица, сестра жены Н.И. Хрущова, вдова убитого большевиками моего

сослуживца и друга Федора Ивановича Хрущова, бывшего товарища обер-прокурора Сената[1]. Свояченица эта страдает женскою болезнью и, по моему мнению, никогда не поправится здесь, на севере, в сером климате, без воздуха и солнца. И вот я мечтал бы втроем, то есть с женой и свояченицей, переселиться куда-нибудь поюжнее. Но все зависит от того, сколько стоит там жизнь. Наведу справки и во Франции, и в Югославии, где у меня есть также друзья. Средства мои денежные ограничены. Я могу сводить концы с концами только здесь, в Финляндии, имея бюджет на троих не свыше четырех тысяч финских марок в месяц, то есть около трех с половиной тысяч франков по денежному курсу. Был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне просимые сведения. С 15 июня я еду в деревню, и мой адрес по первое сентября сего года — Kuolemajärvi, villa Ermoloff, Viborgs län, Finlande. Сердечно жму Вашу руку. Комнату в городе с прежним адресом оставляю на лето за собою.

Искренне Ваш,

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

[1] Федор Иванович Хрущов (1874–1918) — обер-секретарь I департамента Сената, коллежский советник, женат на Н.И. Кольцовой, младшей сестре К.И. Семеновой-Тян-Шанской, расстрелян ЧК в сентябре 1918 г.

<9>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
30 сентября 1926 года, Выборг

Дорогой Иван Алексеевич,

Давно, очень давно не имею никаких известий от Вас. Знаю от дочери, что Вы получили от нее 1-й том мемуаров моего отца, но не знаю, посылала ли она Вам дальнейшие томы, 3-й и 4-й. Какое вообще на Вас произвело впечатление чтение тома первого? Все это мне очень-очень интересно. Как теперь Ваше здоровье? Я как-то писал Вам летом, запрашивая о стоимости жизни на юге Франции. Получили ли Вы это мое письмо? Увы, теперь вопрос о переезде нашем в более теплую страну пока отпадает. Моя belle-sœur настолько больна, что не может быть и речи о возможности перевезти ее куда-либо. Приходится терпеть, и не унывать, и надеяться на то, что когда-нибудь наступят более светлые и радостные дни.

Летом, отдыхая на лоне природы в деревне, читал Вашу «Митину любовь». Несмотря на критику этого Вашего рассказа некоторою частью соотечественников, я, имея независимое собственное мнение,

вполне оценил достоинство повести Вашей, так как многое из описываемого Вами не только лично наблюдал, но и лично переживал. Знал и Катю, знал и Митю, частью переживал и его чувства, знал и видел и старосту, и Аленку. Все это так правдиво и так ярко! Не говорю уже о картинах природы. Это у Вас всегда бесподобно.

Помнится мне, что в одном из Ваших стихотворений, впрочем, не из книги «Митина любовь», встречается слово *рояль* в женском роде. Не могу согласиться с тем, чтобы это было правильно. Правда, в русском языке, пожалуй, большинство слов на *ль* женского рода (*пыль, гниль, даль,* и так далее. Но есть целый ряд слов как русского, так и иностранного корня мужского рода, например, *приятель, шмель, кобель, нуль, руль, вентиль, рояль, мистраль, миндаль, пудель, король, пароль, патруль, шпиль, штиль, картофель, киль* и так далее, и другие. Все они имеют отдельный падеж множественного числа на *ей*, и, тем не менее, они мужского рода. Кстати, не слышно ли чего-либо о возможности напечатать мою статью «Разрушение русской грамоты». Пробовал, но безуспешно, прочитать здесь лекцию на ту же тему, но встретил в одних безразличие и отсутствие интереса, а в других явную враждебность своим мыслям и стремление не дать мне возможности говорить об этом. В последнем случае — красивый прием для борьбы со своими противниками!

Вот Вам каковы русские интеллигентные люди!

Сердечно жму Вашу руку и буду ждать от Вас известий. Искренне Ваш,

В. Семенов-Тян-Шанский.

<10>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
1 февраля 1927 года, Выборг

Дорогой Иван Алексеевич,

Сегодня получил Ваше заказное письмо, вырезку из «Возрождения» с несколькими Вашими словами. Спасибо за присылку, я получаю «Возрождение», я уже успел написать по поводу статьи об отце Струве и Зайцева[1] Петру Бернгардовичу. Копию моего ему письма прилагаю. Я писал Вам два раза и упоминал в моих письмах, что с удовольствием читал Вашу «Митину любовь». Не знаю, дошли ли до Вас эти мои письма, но от Вас не имею ответа. Как Вы увидите из моего письма к Струве, я интересуюсь вопросом о возможности переиздать воспоминания моего отца. Не возьмете ли Вы на себя труд напомнить об этом моем вопросе Струве? Он человек занятой

и неаккуратный, я думаю, что не мешает ему об этом напомнить. Точно так же, как напомнить о напечатании в по-видимому воскресающей «Русской мысли» моей статьи «Разрушение русской грамоты». Кстати, я должен сказать, что я при своем письме послал Струве еще один экземпляр моей рукописи, причем этот последний экземпляр есть именно «исправленное и дополненное издание» этой моей статьи. Очень важно, по-видимому, чтобы, если статья будет напечатана, она была бы напечатана именно с этой исправленной и дополненной рукописи.

Столетие дня рождения моего отца было отмечено в разных странах. Между прочим, и англичане вспомнили этот день, и прислали мне то, что появилось в их печати по поводу этого дня. Было чествование памяти и в Праге, где Могилянский[2] и профессор Кизеветтер[3] говорили речи, посвященные отцу. Все это очень отрадно. В белградском «Новом Времени» также была статья, написанная одним моим талантливым другом, графом Ламздорф-Галаган[4].

Как теперь Ваше здоровье? Где Вы будете проводить лето? Какое Вы вынесли впечатление от прочитанного первого тома «Воспоминаний» отца? Черкните, когда будет время. Очень буду рад получить от Вас весточку.

Сердечно жму Вашу руку. Поклон Вашей супруге, хотя мы и не знакомы.

Искренне Ваш,

Валерий Семенов-Тян-Шанский

P.S. Очень хотел бы подписаться на «Русскую мысль», если она действительно воскреснет. Объявлений об этом, однако, в «Возрождении» что-то не вижу. В.С.

---

[1] К столетию П.П. Семенова-Тян-Шанского газета «Возрождение» поместила редакционную статью П.Б. Струве (в рубрике «Дневник политика») и биографическую статью «Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский. К столетию со дня рождения» К. Зайцева (Возрождение. 1927. № 592, 15 января 1927 г. С. 1, 2–3.)

[2] Николай Михайлович Могилянский (1871–1933) — профессор этнографии и антропологии. С 1898 г. работал в Музее антропологии Академии наук, в конце 1901 г. перешел в Русский музей (тогда — Русский музей Императора Александра III), был хранителем Этнографического отдела. С 1920 г. в эмиграции.

[3] Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) — историк, публицист, политический деятель, профессор Московского университета, академик, выслан из РСФСР на «философском пароходе» в августе 1922 г., жил в Берлине и затем, до конца жизни, в Праге. Исключен из АН СССР в 1928 г., восстановлен посмертно в 1990 г.

[4] Николай Константинович Ламздорф-Галаган (1881–1951) — граф, сослуживец В.П. Семенова-Тян-Шанского по II департаменту Сената. В эмиграции в Югославии, затем в США.

<11>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
3 марта 1927 г. Выборг

Дорогой Иван Алексеевич, не будете ли Вы любезны сообщить мне, какая участь постигла у Струве мою рукопись «Разрушение русской грамоты»? Читал в «Возрождении», что воскресла «Русская мысль». Я послал П.Б. Струве еще один экземпляр моей рукописи, — исправленный и дополненный. Могу ли рассчитывать, что моя статья будет напечатана в названном журнале? И когда именно?

Вернули ли Вы моей дочери Mrs Gane ее книгу (I том) мемуаров моего отца?

Как теперь Ваше здоровье, и когда Вы снова собираетесь на юг Франции?

Мы здесь прозябаем в туманах и снегах. Хотя у меня сейчас и есть дело, но все же скучно без общения с русскими людьми. Не могу назвать подобным общением встречи с соотечественниками здесь, так как все здесь только прозябают и никаких почти общих интересов ни у кого нет. Газеты своей не имеем, хорошей библиотеки также нет. Единственное, во что уходишь, — это забота о материальных благах.

Слышал, что Вы выпустили новый сборник своих рассказов[1], но покуда не удалось его достать.

Буду ждать известий от Вас.

Сердечно жму Вашу руку.

Ваш Валерий Семенов-Тян-Шанский.

---

[1] Имеется в виду книга: *Бунин И.А.* Солнечный удар. Париж: Родник, 1927. 164 с. Или: *Бунин И.А.* Последнее свидание. Париж: Изд. т-ва «Н.П. Карбасников», 1927. 176 с.

<12>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
31 марта 1932 года

Дорогой Иван Алексеевич, очень давно не писал я Вам. Неделю-две назад я получил из Парижа номер газеты «Последние новости» от 6 марта сего года, номер 4001, где помещены Ваши записи[1], заключающие в себе мое сообщение Вам о воспоминаниях моего отца и касающиеся поэтессы Анны Петровны Буниной. Очень приятно было прочитать эту Вашу заметку, ее многие здесь прочли и обратили на нее внимание, так что кое-кто уже поговорил о желательности прочесть воспоминания отца и посвятить памяти отца какое-либо общественное собрание. Прибавлю, что очень надеюсь

и на то, что один из русских журналов — «Современные записки» благодаря Вашим записям поместит на своих страницах как раз незадолго перед тем посланную мною статью «Освобождение крестьян в царствование Александра II» — исторический этюд, написанный мною по воспоминаниям отца (главным образом). Ваши же записи подняли здесь и другой вопрос. Немного более года тому назад здесь образовалось «Русское Академическое Объединение в Финляндии». Академическое не потому, что в него входят академики (русские), которых в Финляндии нет ни одного, а потому, что по здешней терминологии слово «академия» означает вообще высшее образование, высшую школу. В это объединение попал и я — членом Совета, и последний предложил мне сделать доклад о Вас и Вашем творчестве. Хотя задача и трудная, но я согласился попытаться составить такой доклад, но лишь в том случае, если Вы немного мне поможете некоторыми указаниями. Доклады в Объединении происходят так, что сперва читается доклад (время 40 минут до 1 часу), а потом идут прения по нему, причем, составляя доклад, я должен дать тезисы или положения. Все это и заставляет меня обратиться к Вам с просьбой указать мне прежде всего на Вашу биографию или автобиографию. Помню, что несколько лет тому назад читал такую, но где, не помню. Библиотека (русская) здесь — одна из лучших библиотек в мире при Университете, где имеются все русские книги, журналы и наши газеты до 1917 года. После этого года далеко не все. Второе указание от Вас — на критику Вашего творчества. По этому предмету я читал о Вас очень мало. Читал как-то, кажется, в «Возрождении» статью Владислава Ходасевича, но, по совести говоря, недолюбливаю этого гробокопателя, да и далеко не всегда схожусь с ним вкусами вообще, а в оценке Вашего творчества — в частности. Мне было бы очень необходимо иметь от Вас и личные Ваши указания на то, какое из Ваших произведений наиболее ярко выражает и Ваши личные душевные переживания, и Ваши личные чувства, вкусы, взгляды, религиозные, общественные и другие. Конечно, я включаю в это не только прозу, но и поэзию. Принялся перечитывать Ваши произведения и сразу же наткнулся на целый ряд вопросов, в которых стараюсь разобраться самостоятельно, но пока еще далеко не всегда нахожу у себя ответы. Оценка художественной стороны Вашего творчества мне гораздо более легко дается, тем более что я вырос почти там же, где Вы, в средней полосе России, переживал и перечувствовал, в особенности в отношении к красотам природы, то же, что и Вы, а Ваше преимущество — в том, что Вы гораздо более моего путешествовали по всему миру. Психологический же разбор

Ваших произведений и выводимых Вами типов — для меня задача гораздо более сложная и трудная, и вот в этом отношении я очень нуждаюсь в помощи. В частности, мне очень хотелось бы знать, взято ли откуда-нибудь, если да, то откуда именно (Библия?) тема стихотворения «О слез невыплаканных яд» (Роза Иерехона, Берлин, 1924 г., с. 295), и относили ли Вы это стихотворение к каким-либо современным (до 1922 года) событиям? Значительно облегчило бы мою работу, если бы у меня были под руками хронологические списки Ваших творений.

Всякая строчка, написанная Вами мне по поводу Ваших произведений, для меня очень ценна уже тем, что она даст мне незыблемую основу для положения моего доклада. Если у Вас есть какие-либо только что вышедшие из печати Ваши новые творения, то не откажитесь указать и на них. Последнее, что здесь имеется, это «Божье древо», но я его еще не успел прочесть, так как в библиотеке оно все гуляет по рукам, и очень трудно его поймать.

На предполагаемом моем докладе я думаю выпустить несколько лиц, принадлежащих здешнему драматическому кружку с чтением нескольких Ваших стихотворений. Чтение ими стихов вообще я уже слышал не раз на разных вечерах и могу сказать, что хороший выбор стихов сделать вполне возможно.

Сердечно жму Вашу руку.

Искренне Вас, уважающий и почитающий,

Валерий Петрович Семенов-Тян-Шанский.

---

[1] *Бунин И.А.* Записи <о П.П. Семенове-Тян-Шанском и А.П. Буниной> // Последние новости. Париж, 1932. 6 марта.

<13>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
Villa Belvédère, Grasse, Alpes Maritimes
24 мая 1932 г.

Дорогой Валерий Петрович,

Пожалуйста, простите столь поздний ответ. Я был не совсем здоров. Был в Париже, только на днях возвратился в Грасс. Рад был получить весть от Вас, узнать, что Вы здоровы и благополучны, насколько это возможно в нашем положении. Благодарю Вас за Ваше намерение сделать обо мне доклад. Сожалею только, что мало могу помочь Вам в этом деле.

Шлю Вам «Господин из Сан-Франциско» по-французски — в этой книге Вы найдете некоторые сведения обо мне, но с тех пор

много воды утекло и кое-что изменилось, например, и положение мое в литературе (к лучшему, дай Бог не сглазить, хотя грех жаловаться на прошлое). Из критических статей обо мне, кажется, ничего не могу Вам послать. Их было ведь очень, очень много, и далеко не все из них у меня имеются, а что имеется, в Париже. Пороюсь нынче в сундуках, но, повторяю, вряд ли что смогу послать: всего все равно не пошлешь (даже из того, что есть под рукой), а посылать нечто случайное нет смысла. Какое из моих произведений «наиболее ярко выражает» меня, тоже затрудняюсь сказать. Послал бы Вам с большим удовольствием свои последние книги, но где их взять? У меня они есть только в одном экземпляре, а выписать другие экземпляры, увы, не имею средств. Может быть, «Русское Объединение в Финляндии» могло бы их приобрести? На всякий случай, вот адрес книжной лавки в Париже, куда можно обратиться за ними: M. Kovarsky, Librarie «La Source», 106 rue de la Tour, Paris, 16me. Прилагаю и список всего того, что вышло за границей (подчеркивал красным карандашом все новое и переработанное). К сведению Вашему сообщаю еще и то, что за последние годы вышло большое количество моих книг в переводах на иностранные языки в Германии, Англии, Америке, Франции, Италии, Испании, Венгрии, Швеции. Осенью выйдет два тома в Норвегии. Видели ли Вы, кстати сказать, шведские издания (прошлого года)? Читаете ли Вы по-шведски? Если да, могу Вам выслать эти книги. (На них есть интересные выдержки из шведской критики.) Для возобновления Вашего знакомства с моими стихами будьте добры пользоваться больше всего «Избранными стихами», ибо многое, что напечатано было мною когда-то в прежних изданиях, не стоит внимания — особенно из ранних стихотворений (к которым, между прочим, относится и то совершенно детское стихотворение, о котором Вы упоминаете: «Нет, не о том я сожалею...»).

Тема стихотворения «О слез невыплаканных яд» относится, конечно, к событиям российским. Стихотворение это не из Библии, только написано в библейском тоне. «Грядущую новь» в стихотворении «Шепнуть заклятие» надо понимать, конечно, в смысле той новой формы жизни, которая устанавливается в России большевиками.

Сердечно жму Вашу руку!

Ваш Ив. Бунин

P.S. Жена рыла в сундуках и отобрала из русских рецензий коечто, что, по ее мнению, более или менее интересно. Шлю Вам этот пакет. Впоследствии возвратите, пожалуйста.

О.П. Семенова.
Фотография, помещенная на фронтисписе «Жизни Ивана»
© Фонд наследия П.П. Семенова-Тян-Шанского
Olga Semenova.
Photograph placed on the frontispiece of "The Life of Ivan"
© P.P. Semenov-Tyan-Shansky Heritage Foundation

<Рукописное примечание В.П. Семенова-Тян-Шанского на отдельном листе>

Письмо И.А. Бунина от 24 мая 1932 года являлось ответом на не сохранившееся у меня в черновике мое письмо к нему об обращенной ко мне просьбе Русским Академическим объединением в Финляндии и объединениями русской молодежи, в то время существовавшими, о прочтении мною доклада о Бунине. Этот доклад и был мною написан, и впоследствии, уже после получения Буниным Нобелевской премии, прочтен мною при значительном стечении публики в собрании Академического объединения 15 декабря 1933 г. (в помещении Клуба общества «Русской колонии» в Гельсингфорсе), причем отрывки прозы и некоторые стихотворения читались во время доклада артистами Русского драматического кружка и других театральных объединений Гельсингфорса. Экземпляр доклада был послан и И.А. Бунину (через мою дочь, из Англии), еще в июне

1933 года, им прочтен в том же месяце и одобрен (в письме ИА. Бунина от 15 июня 1933 г.); И.А. Бунин этот доклад называет «речью».

<14>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
12 июля 1932 г.

Простите, дорогой родной, что не сразу ответил, был болен. Очень благодарю Вас за доброе и интересное письмо (чудесно написали Вы об охоте), за «Жизнь Ивана». (Я с наслаждением ее перечитал и насмотрелся на милое лицо Ольги Петровны) и за рекомендацию переводчика, которому напишу на днях. На днях же вышлю Вам (если найду), лишние экземпляры моих шведских книг.

Пока до свидания. Я еще очень слаб (болен большой потерей крови, семейная болезнь, геморрой). Ваш Иван Бунин.

<15>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс[1] *30 марта 1933 г.*

Дорогой Иван Алексеевич,

Вчера послал Вам заказною бандеролью с большою благодарностью отзывы критики о Вашем творчестве, которые Вы когда-то мне присылали. Вы очень давно не писали мне ничего, и меня беспокоило все это время Ваше молчание. Как Ваше здоровье и душевное состояние? Мой зять Рудольф Карлович Гэн (Gane), на которого я как-то указывал Вам, как на хорошего переводчика на английский язык с русского, был на днях здесь. Он также ничего не знает о Вас. С моим зятем я послал моей дочери в Англию мой доклад о Вашем творчестве. Его она перешлет прямо Вам по прочтению. Доклад этот был сделан мною в здешнем русском Академическом объединении во второй половине декабря и имел успех, так что у меня его брали для провинции. Пожалуйста, прочтите его и совсем откровенно сообщите, что Вы о нем думаете. Если Вы найдете его достойным какого-либо внимания, то, может быть, посодействуйте помещению его куда-либо в журнал. Обстоятельства материальные так складываются, что хотелось бы хоть малую толику на своих писаниях заработать.

У нас здесь доклады организованы так, что после них происходит обмен мнений; к докладу я поэтому приложил мою переписку с одним из моих оппонентов Ю.А. Григорковым[2], бывшим редактором здешней эмигрантской газеты (давно прогоревшей), который только журчащий ручеек, но все же большой любитель русской литературы,

Фотография И.А. Бунина с дарительной надписью В.П. Семенову-Тян-Шанскому. «Дорогому Валерию Петровичу родственно и дружески Ив. Бунин. 23 <марта 19>34 Paris»
(Фотокопия из личного архива М. Гейна).
Photograph of I.A. Bunin with a dedicatory inscription to V.P. Semenov-Tyan-Shansky. "To dear Valery Petrovich, with kinship and friendship, Iv. Bunin. 23 <March 19>34 Paris"
(Photocopy from the personal archive of M. Gane).

в частности, поэзии. Сегодня как раз этот Григорков сделал доклад о Тютчеве. Упоминаемый в avant-propos к моему докладу отец Иоанн — в миру князь Шаховской[3]. Вы, вероятно, о нем слышали. Он был как-то здесь, и его беседы оставили здесь очень хорошую о нем память. В чтении Ваших стихов и отрывков прозы в моем докладе приняли участие здешние любительские драматические силы, но не могу сказать, что все было удачно.

Был бы очень рад, если бы Вы черкнули мне хоть несколько строк.

Сердечно жму Вашу руку и прошу передать почтительный низкий поклон Вашей супруге,

Искренне душевно Ваш,

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

[1] Здесь и далее так в рукописи.

[2] Юрий Александрович Григорков (1885–?), юрист, общественный деятель, поэт, публицист, историк литературы. Один из руководителей литературно-художественного содружества «Светлица» в Гельсингфорсе. Редактор газеты «Новая русская жизнь» (1919–1922) (Гельсингфорс); несколько его статей о литературе напечатано в «Журнале содружества».

[3] Князь Дмитрий Алексеевич Шаховской (1902–1989) — в монашестве (с 1926 г.) Иоанн, впоследствии архиепископ Сан-Францисский.

<16>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
15 июня 1933 г.

Дорогой родной Валерий Петрович, простите молчание. То хворал, то с утра до ночи писал. Вчера получил и прочел Вашу речь обо мне. Очень благодарю Вас. Прекрасно написано. Об одном жалею. Много моих юношеских вещей, коих я очень стыжусь теперь. На днях напишу подробнее и вышлю «Жизнь Ивана». Сердечно Вас обнимаю.

Ваш Иван Бунин.

<17>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс, 14 ноября 1933 г.

Дорогой Иван Алексеевич, от души поздравляю Вас с Нобелевской премией. Всякий русский человек порадуется за это новое подтверждение признания не только Вашего таланта, но и величия Вашего духа. С моей точки зрения факт присуждения Вам премии является только справедливой оценкой Вашего творчества, и я возмутился бы, если бы на этот раз премия была присуждена кому-либо другому, помимо Вас. Радостное для всех нас, русских, известие сообщил по телефону в четверг девятого, как раз во время собрания нашего академического объединения, лектор здешнего университета по русскому языку литературы О.А. Шульц[1], поздравляя меня и всех русских. Тотчас я сообщил об этом в нашем собрании и не видел никого, кто бы не порадовался вместе со мною. В местных финско-шведских кругах известие было встречно не восторженно, так как одним из кандидатов на премию был Силянпя[2], причем страдающие квасным патриотизмом финские интеллигентские круги в своей мании величия считали, что Силянпя имел 90 шансов из 100 на получение премии. Лектор Шульц отзывается об этом финском писателе более чем сдержанно, считая его величиной

никак не сравнимой с Вами и находя, что лучший из его рассказов[3] есть только слабое подобие тургеневского «Живые мощи». Лично я считал более серьезным Вашим конкурентом Максима Горького, и то, что он остался за флагом, меня очень и очень радует, так как никогда не был его поклонником. Радует меня и то, что премия улучшает Ваше материальное положение, не только непосредственно, но и косвенно: очевидно, что спрос на Ваши произведения значительно увеличится, и они будут в еще большем количестве переведены на всевозможные языки. Думаю, что будет спрос и на переводы на финский и шведский языки. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы написали несколько слов, как Вы смотрите на эти переводы. Не могли бы Вы уполномочить меня вести переговоры о переводах здесь и вообще быть представителем здесь Ваших интересов? Я знаком кое с кем из здешнего культурного общества, знаю нескольких очень хороших литературных переводчиков с русского на местные языки. Может быть, я мог бы быть Вам чем-либо полезным. Благодаря невысокому курсу финской марки, печатание и издание шведских книг здесь обходится много дешевле, чем в Швеции. Финны же вообще очень охочи до книги. Быть может, я смог бы что-либо заработать на таком деле. В заработке я крайне нуждаюсь: пришлось сократиться до еды один раз в день и нажить себе малокровие. До сих пор я существовал благодаря помощи дочери и зятя, но последний был очень серьезно болен (язва в кишках, а операции делать нельзя). Медленно поправляется, мы почти лишились этой поддержки, по крайней мере, на ближайшее будущее. Я буду также очень благодарен, если бы Вы вспомнили по поводу переводов на английский язык о моем зяте (Рудольф Карлович Гэн, Gane, 19 Hill Side Drive, Edgeware, Middlesex, England), о чем я Вам как-то писал, ссылаясь на рекомендацию Б.К. Зайцева. Зять теперь не ходит на службу из-за болезни и имеет свободное время для занятий литературным трудом дома. Не оставляю мыслей и о напечатании моей о Вас статьи. Из Вашей сердечной открытки от 15 июня я вижу, что Вы в общем мою статью одобряете. И если пишете, что жалеете о включенных мною Ваших юношеских вещах, то для меня очень понятно Ваше чувство. Будучи сам кое-каким художником (акварелистом), я стыжусь моих вещей, писанных даже 5–10 лет назад. Но такой стыд и утешает: стало быть, я иду вперед, а не стою на месте. В своей статье о Вас, имевшей темой отражение Вашей личности в Вашем творчестве, я обязан был взять Ваши юношеские вещи. Надо было показать Ваше душевное и духовное развитие. К тому же у боль-

ших писателей и в их юношеских вещах всегда виден художник, обещающий показать в дальнейшем все свое духовное развитие. И в таких юношеских вещах уже есть то вечное, что остается после всех великих людей.

К сожалению, мои художнические занятия реально не дают мне ничего, так как здесь можно иметь какие-либо материальные блага, только имея крупное имя в художественном мире. В особенности это относится к иностранцам, притом вовсе не желанным гостям, какими являются здесь русские. Я очень стыдился бы обращаться к Вам с просьбой о непосредственной поддержке, и потому ищу каких-либо путей помощи трудовой при Вашем добром посредстве. Меня очень смущает и то, что именно теперь подобные просьбы полетят к Вам со всех концов русского рассеяния.

Получение Вами Нобелевской премии сейчас же сделало даже меня мишенью всяких просьб: надо дать о Вас статью в тот «Журнал содружества» (Выборг), № 10 которого я послал Вам не так давно. Надо также удовлетворить пользу здешнего кружка молодежи, прочесть ей лекцию о Вас.

Посылаю Вам статью о Вас из одной английской газеты. Не знаю, к сожалению, какой именно, так как получил ее уже в вырезке здесь. Быть может, этой статьи у Вас нет. Очень было бы интересно знать, как обсуждался вопрос о присуждении Вам Нобелевской премии. Имеется ли у Вас мотивировка соответствующего органа? Я знаю, что Вам теперь невозможно отвечать на все письма, получаемые со всех сторон, но все же не теряю надежды получить от Вас хоть несколько строк.

Сердечно и горячо обнимаю Вас.

Искренне Вас уважающий и любящий,

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

---

[1] Оскар Карлович фон Шульц (1872–1947) — лектор русского языка Гельсингфорсского университета (1903–1937), Технической высшей школы (1937–1939), автор ряда книг и статей по русской литературе на шведском, русском, немецком и финском языках.

[2] Франс Эмиль Силланпяя (1888–1964) — финский прозаик. Начиная с 1930 г. он неоднократно номинировался на Нобелевскую премию; она была присуждена ему в 1939 г. накануне начала Зимней войны. Силланпяя писал по-фински и был поэтому мало известен за пределами Финляндии. Он остается единственным финским лауреатом Нобелевской премии.

[3] Имеется в виду роман Силланпяя «Усопшая в молодости» (1931).

<18>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс, 22 ноября 1933 года

Дорогой Иван Алексеевич,

Недавно писал Вам длинное письмо. На днях вышлю Вам русский перевод статьи о Вас в здешней шведской газете Hufvrudstadsbladet[1]. Из нее Вы, впрочем, скорее увидите, как неглубоко плавают здешние местные культурные люди.

Хотелось бы еще раз развить свои мысли по поводу печатания Ваших произведений, не только на иностранных языках, но и на русском. Если Вы не связаны с какими-либо книгоиздательствами, то не выгоднее ли было бы Вам самому издавать Ваши произведения? Ведь книгоиздатели, конечно, наживаются на Вашем творчестве. Здесь, в Финляндии, благодаря дешевой относительно валюте, местной хорошей бумаге, очень недорогой благодаря дешевизне рабочих рук, печатание книг обходится недорого. Мне знакомы две хорошие типографии, с которыми я имею дело, где имеются хорошие русские наборщики. Если бы Вас заинтересовал этот вопрос, я мог бы сообщить более подробные сведения о стоимости печатания книг. Во мне Вы бы нашли самого аккуратного и точного корректора и помощника и дали бы мне заработать на хлеб насущный своим трудом — единственно для меня возможным в моем возрасте. Работа по изданию книг для меня не нова, приходилось ею заниматься и в России: на мне лежало издание мемуаров моего отца, и думаю, что мне удалось это выполнить вполне удачно. Кстати, я получил только что письмо от моего зятя Р.К. Гэна, который просил меня доставить ему доклад мой о Вас. Он хотел из него написать статью о Вас для помещения в каком-то английском журнале. Со всякими сведениями о Вас и Вашем творчестве меня рвут на части: просит статью о Вас тот русский журнала в Выборге, которого № 10 я послал Вам. Просили прочесть мой доклад для написания статьи в финский журнал. Молодежь русская тоже просила прочесть им снова доклад о Вас. К сожалению, мало времени для подготовки ко всему этому, да и материально это ровно ничего не приносит.

Сердечно Вас обнимаю. Мой глубокий поклон Вашей супруге. Искренне Вас уважающий и любящий Валерий Семенов-Тян-Шанский.

---

[1] «Столичная газета» — шведоязычная газета, издающаяся в Финляндии.

<19>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс 9 декабря 1933 года

Дорогой, родной Иван Алексеевич,

Только что из газет узнал, что Вы уже в близком соседстве с нами. Писал Вам два раза, не знаю, получили ли Вы мои письма. Был бы бесконечно рад, если бы Вы заехали в Гельсингфорс. Наше Академическое объединение, да и все русские сразу же Вас встретили бы. Телеграфируйте мне заранее, если приедете. Знаю, что все чествования очень утомительны, но постараемся, чтобы здесь Вы чувствовали себя не на официальном положении, а как в родной семье.

Низкий поклон Вашей супруге, думаю, что она как всегда с Вами.

Крепко Вас обнимаю.

Искренне Ваш, Валерий Семенов-Тян-Шанский.

<20>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
Вилла Бельведер, Грасс, 15 марта 1934 года

Дорогой милый Валерий Петрович, когда все это случилось, письма посыпались на меня градом, и все они пошли к тому, кто стал моим временным секретарем[1], потому что я лично не имел буквально единой свободной минуты. Затем мы из Швеции уехали недели на 2 в Дрезден и возвратились в Париж. Возвратясь в Париж, я захворал. Получил какой-то изнурительный кишечный грипп. Больной вернулся и в Грасс, и болезнь эта длилась чуть не до самого последнего времени. Простите же мне, ради Бога, мое молчание. Я только теперь начал приходить в себя и разбирать всю эту груду бумаг, которые получались на мое имя и только теперь попали в наши руки, с помощью жены, которая тоже хворала и была в очень тяжелом душевном состоянии по причине недавнего самоубийства ее брата в Москве[2].

Сердечно благодарю Вас за все Ваши последние письма. Горячо сожалею, что никак не могу откликнуться практически ни на одно Ваше предложение. Дело по устройству перевода моих сочинений на разные языки все передано в Парижское литературное агентство — я лично не имею теперь права вмешиваться в него. Поэтому ничего не могу предложить для перевода на английский язык Вашему зятю. Не могу, к большому моему сожалению, привлечь и Вас к устройству перевода в Финляндии. Вышел бы настоящий скандал с агентствами. (Кстати, о Финляндии от этих агентств нет ни слуху, ни духу.) Потом, Вы говорите о печатании собраний моих сочинений

по-русски (о печатании тоже в Финляндии). Но о печатании этом на свой счет я, увы, и думать не могу. Дела мои сложились гораздо печальнее, чем многие думают. Я отдал множество долгов, наделанных мною за последние годы, очень истратился на поездку в Швецию, для каковой поездки нужно было еще и одеться и мне, и жене с ног до головы, ибо мы были буквально раздеты и разуты. Должен был пожертвовать чуть ли не состояние на писателей, на «Комитет помощи писателям», на «Союз журналистов и писателей», и на всяких прочих лиц и на всякие другие организации; должен содержать теперь двух сирот покойного брата Евгения (умер внезапно в конце прошлой осени в городе Ефремове Тульской губернии, в страшной нищете, конечно)[3]; должен посылать голодающим родным Веры Николаевны (в Москву); должен и теперь раздавать чуть не каждый день всякие мелкие суммы всем тем, что приходят или пишут, говоря, что совершенно умирают с голоду. И так далее, и так далее. Как же мне жить теперь? То, что у меня осталось, пришлось обратить в бумаги, с процентов (весьма малых) на которые и надо теперь существовать. Ибо ведь прежние субсидии, получаемые мной, теперь, конечно, прекратились — и навсегда уже. Вы говорите о доходах с переводов меня на разные языки. Но если бы Вы знали, сколько своих вещей я распродал из-за совершенной бедности в последние годы.

Сердечно обнимаю Вас. Посылаю Вам «Жизнь Ивана». Выслать ли Вам рукопись Вашей лекции обо мне или можно оставить себе? Ваш Иван Бунин.

Все-таки, если можно устроить в Финляндии перевод чего-нибудь моего, напишите моему представителю в Париже. Mr M. Слоним (Марк Львович)[4]. Bureau Littéraire, 13 rue Bonaparte, Paris 6.

---

[1] Речь идет об Андрее Седых (наст. имя — Яков Моисеевич Цвибак, 1902–1994).

[2] Павел Николаевич Муромцев (1887–1933) — врач, брат В.Н. Буниной, покончил с собой 12 ноября 1933 г., а 5 марта 1933 г. умер ее отец — Н.А. Муромцев.

[3] Евгений Алексеевич Бунин (1858–1933), старший брат И.А. Бунина. В очерке «Гегель, фрак, метель» Бунин писал:

В деревне за городом Ефремовом Тульской губернии, в мужицкой полуразрушенной избе, доживал в это время свои последние дни мой старший брат Евгений Алексеевич Бунин. Когда-то у него было небольшое имение, которое он после мужицких бунтов в 1905 г. вынужден был продать и купить в Ефремове небольшую усадьбу, дом и сад. И вот стали доходить ко мне в Париж сведения о нем:

— Ты, вероятно, не знаешь, что Евгения Алексеевича выгнали из его дома в Ефремове, теперь он живет в деревне под городом, в мужицкой избе с провалившейся крышей. Зимой изба тонет в сугробах, в щели гнилых стен несет в метель снегом... Живет тем, что пишет портреты. Недавно написал за пуд гнилой муки портрет Васьки Жохова, бывшего звонаря и босяка. Васька заставил изобразить

себя в цилиндре и во фраке, — фрак и цилиндр достались ему при грабеже имения ваших родственников Трухачевских, — и в плисовых шароварах. По плечам, по фраку военные ремни с кольцами <...>

Перечитывая письмо племянника, хорошо представляя себе эту сгнившую, с провалившейся крышей избу, в которой жил Евгении Алексеевич, в щели которой несло в метель снегом, вспомнил и перламутр и аметист столь великолепной в своей поэтичности блоковской «метели». За гораздо более простую ефремовскую метель и портреты Васек Жоховых Евгений Алексеевич поплатился жизнью: пошел однажды зачем-то, — верно, за гнилой мукой какого-нибудь другого Васьки, — в город, в Ефремов, упал по дороге и отдал душу Богу. (*Бунин И.А.* Гегель, фрак, метель // *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 257–259.)

Год смерти Е.А. Бунина во многих источниках указан неверно; ее точная дата — 21 ноября 1933 г. Дети Е.А. Бунина, Арсений и Маргарита, появились лишь на склоне его жизни от крестьянки из деревни Кропотово, Натальи Андреевны, служившей у них экономкой. Им он дал свою фамилию.

[4] Марк Львович Слоним (1894–1976) — писатель, публицист, литературовед и переводчик. В эмиграции в Берлине (1922), затем в Праге (1922–1927) и в Париже. После поражения Франции смог выехать в США (1941).

<21>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс, 23 марта 1934 года

Дорогой, родной Иван Алексеевич!

Бесконечно рад был получить от Вас долгожданное письмо. Несмотря на его, в общем, грустный тон, оно меня порадовало, как радует все, в чем светится человеческая доброта. Что касается моего зятя и меня, то я, прочитав в газетах Ваше письмо о необходимости обращаться со всеми делами, касающимися переводов Вашего творчества к М.Л. Слониму, тотчас написал к нему и имею от него два письма. В первом он сообщил, что напишет Р.К. Гэну в Англию, а во втором писал по поводу моих произведений, что его может интересовать лишь вопрос о переводе Ваших произведений на финский язык, и просил переговорить с издателями по этому поводу, обещая мне 10% комиссии с суммы, которая может быть предложена издательствами автору за перевод. Ввиду этого я уже предпринял некоторые шаги по поводу перевода Ваших произведений на этот язык, так как имею знакомство со многими людьми, хорошо владеющими в литературном смысле русским и финским языками. В ближайшие дни выясню дело более детально. Пока знаю, что никаких переводов Ваших вещей на финский язык не издавалось. Кроме того, я имею еще в виду переговорить с одним здешним талантливым переводчиком стихов на шведский язык, который обожает русскую литературу и который уже много переводил стихов с русского на шведский, в том числе превосходно перевел стихи Баратынского на смерть Гете. Я думал бы предложить ему перевод всех Ваших

стихов, относящихся к скандинавской мифологии и к Финляндии. Был бы Вам очень признателен, если бы Вы сами назвали мне то, что, по Вашему мнению, следовало перевести. Думаю, что смогу найти переводчика и на финский язык таких стихов. Финны большие патриоты и сейчас имеют «скандинавскую ориентацию». Ознакомление финнов с Вашими стихами из финно-скандинавского мира очень расположило бы публику к Вам, и тогда спрос на Вашу прозу был бы обеспечен. Сборник или первая книжка могла бы состоять сперва из Ваших стихов, а затем из таких вещей, как «Господин из Сан-Франциско», «Братья» и другие. Но мне совершенно необходимы: первое, Ваше указание, что из стихов может быть напечатано, и второе — шведские переводы Ваших произведений. Я непременно должен дать переводчику русские и шведские тексты Вашей прозы, тогда художественность перевода на финский будет легче обеспечена. Мне бы совершенно необходимо было, таким образом, получить от Вас: первое — шведские переводы и второе — Ваш стихотворный последний сборник. Когда-то Вы писали, что можете мне послать шведские переводы, но я их не получил. Стихотворный же Ваш сборник здесь не достать.

«Жизнь Ивана» я пока еще не получил. Но вот что, если хотите иметь эту книжку, я могу здесь ее приобрести за недорогую, вероятно, цену — может быть, Вы ее приобретете. Я Вам дополнительно напишу, что за нее спрашивают. Об этой книжке моей сестры мой брат Вениамин[1] (профессор географии), возрастом на один год девять месяцев старше меня, то есть чуть-чуть старше Вас, писал в одной из своих географических работ так:

При оценке значения долинно-овражного подтипа южного долинного заселения Европейской России, не следует забывать, что теперь это самая хворая экономически и духовно часть России, а наиболее хворое в ней место — прямо на юг от Москвы. Весь тихий ужас духовного и материального состояния здешнего населения эпически изображен в посмертных этнографических очерках моей покойной сестры, написанных ею накануне неясных проявлений революционного движения в этой местности. А ведь в долинно-овражном подтипе заселения как раз и помещается вычисленный Менделеевым центр населения всей империи, в середине XIX века находившийся, по-видимому, где-то вблизи Оки, а к нашему времени передвинувшийся в пространство между Козловым и Моршанском. (Город и деревня в Европейской России. *Записки Императорского Русского Географического общества. Том 10, выпуск 2, с. 36*).

Мою статью о Вашем творчестве оставьте, пожалуйста, себе. У меня есть другой экземпляр. В сокращенном виде эта моя статья о Вас появилась в литературном здешнем Выборгском «Журнале Содружества». Посылаю Вам 2-й номер этого журнала, где эта статья помещена. Прилагаю также все, что было написано о Вас в этом журнальчике. О моей статье и о Вас дал хороший отзыв П. Пильский[2] в газете «Сегодня». Он написал: «Интересную и дельную статью об И.А. дал В.П. Семенов-Тян-Шанский»[3]. Я бы очень хотел поместить мою статью в какой-либо серьезный журнал в полном виде. Только что получил от Вл.Мих. Зензинова, которого не знаю, письмо, в котором он просит предложить здешним издательствам перевод его книги «И.А. Бунин, его жизнь и творчество»[4], причем пишет, что Вы читали эту книгу в рукописи, ее одобрили и исправили. Эта книжка, по-видимому, носит характер Вашей биографии и не может конкурировать с моей статьей. Я хочу написать Зензинову (не знаю, имеет ли он отношение к «Современным запискам»), что — услуга за услугу — я буду стараться предложить здесь перевод его книги, а он пусть старается поместить мою статью в какой-либо журнал. Что Вы думаете по этому поводу? По поводу перевода на финский язык Ваших произведений я напишу одновременно М.Л. Слониму подробно. К сожалению, финская марка стоит невысоко, да и здешние издательства, жалуясь на кризис, дают обыкновенно очень мало за право перевода, и я не знаю, столкуемся ли мы с М.Л. Слонимом, если бы в принципе удалось достигнуть соглашения о печатании и переводе Ваших вещей.

К числу стихов, которые по своему характеру, по моему мнению, могли бы заинтересовать финнов, я отношу «Северную березу», «Призрак Одина», «Бальдер», «Диза», «Геймдаль», «Безнадежность», «Трясина», «Один», «Оттепель». Есть, кажется, у Вас стихотворения об Иматре, и, может быть, другие, относящиеся прямо к Финляндии. К сожалению, у меня под руками только Ваше Полное собрание сочинений издания Маркса, «Митина любовь» и «Роза Иерехона». Других книжек нет. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сделали мне нужные указания. Мой низкий поклон Вере Николаевне и большое сочувствие ее горю. «Потери нам даны без меры»[5]. Здесь тоже кругом все смерти и смерти. За одну эту зиму похоронили около шести человек, знакомых русских беженцев. Послал Вам сегодня второй номер «Журнала Содружества» и также предлагаю Вам две выписки из того же журнала. Одна заметка полемического характера принадлежит мне.

Крепко Вас обнимаю и целую руку Веры Николаевны. Душевно Ваш, Валерий Семенов-Тян-Шанский.

[1] Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский (1870–1942) — выдающийся географ и статистик, с 1925 г. профессор Ленинградского университета, основатель и директор Географического музея, в 1930-е гг. подвергся травле и обвинен в антисоветской деятельности, умер от голода во время блокады. Автор посмертно опубликованных мемуаров [13].

[2] Петр Мосевич Пильский (1879–1941) — журналист довоенной Латвии, обозреватель газеты «Сегодня», заведующий ее литературным отделом, писатель.

[3] См.: *П.П. <Пильский П.М.>* Русский журнал в Финляндии. Выборгский ежемесячник «Журнал содружества» // Сегодня. 1934. № 66. 7 марта. С. 2.

[4] Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) — журналист, писатель, этнограф, член партии социалистов-революционеров. С 1919 по 1939 гг. жил в Париже, Праге, Берлине, с 1940 г. в США. Записи бесед Зензинова с Буниным были опубликованы в Нью-Йоркском «Новом журнале» (*Зензинов В.М.* И.А. Бунин // Новый журнал. 1942. Кн. 3; 1965. Кн. 81. С. 270–276; 1981. Кн. 144. С. 133–139.)

[5] Цитата из стихотворения И.А. Бунина (1922):

Душа навеки лишена
Былых надежд, любви и веры.
Потери нам даны без меры,
Презренье к ближнему — без дна.

И что мне будущее благо
России, Франции! Пускай
Любая буйная ватага
Трамвай захватывает в рай.

<22>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс, 10 апреля 1938 года

Дорогой Иван Алексеевич, давно я Вам не писал. На днях прочитал в Рижской газете «Сегодня», что Вы вскоре собираетесь в прибалтийские страны, будете в Ковно, Риге и, может быть, Ревеле. Не собрались бы Вы посетить и наш Гельсингфорс? Здесь есть Общество друзей русских скаутов[1]. Я состою членом правления. Мы очень охотно взяли бы на себя все хлопоты получить для Вас финляндскую визу и взяли бы и расходы по Вашему пути сюда из Ревеля и пребывание Ваше в течение нескольких дней здесь. Конечно, нам нужно было бы знать размер предстоящих расходов. Сколько будет стоить виза и пароходный билет — это мы знаем, но определите сумму расходов на Ваше здесь пребывание и сообщите мне. Мы устроили бы здесь одну или две Ваших публичных лекции или литературный вечер — сообщите лишь, что Вам более улыбается, а также тему лекции. Вас пришли бы слушать не только все русские, но и шведы и финны из литературного мира, говоря-

щие по-русски. Председательницей нашего общества, заботящегося о сохранении в наших юношах национального чувства, состоит баронесса Екатерина Ипполитовна Майдель[2] — человек с высшим образованием и весьма энергичный и хороший организатор. Черкните мне несколько слов и укажите Ваш адрес для дальнейшего, более подробного разговора.

Искренне Вас любящий и уважающий

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

---

[1] Речь идет о сохранившемся в эмиграции движении русских скаутов, основанном на волне популярности переведенной на русский язык в 1908 г. книги Р. Баден-Пауэлла «Юный разведчик» (*Баден-Пауэлл Р.* Юный разведчик / пер. с англ. В.Ч. [Санкт-Петербург]: Гл. упр. Ген. штаба, 1910. VIII, 384 с.: ил.; в оригинале — *Scouting for Boys*). Девизом организации стала триада: «Вера в Бога. Верность царю. Помощь Ближним». К 1917 г. книга переиздана трижды (ее мировые тиражи в переводе на многочисленные языки, насчитывали к тому моменту уже более 100 000 000 экз.), в России было более 50 тысяч скаутов, а отряды действовали в 143 городах. В Советской России движению наследует пионерская организация. В 1930-х гг. небольшая организация русских скаутов (29 человек) входила в состав финских скаутов отдельным отрядом. Для ее поддержки было учреждено Общество друзей скаутов, устраивавшее в их пользу вечера и сбор пожертвований [7].

[2] Екатерина Ипполитовна Майдель (рожд. Студницкая, 1890–1971), родилась в Архангельске в семье морского офицера. Окончила Кронштадтскую женскую гимназию, затем Санкт-Петербургский педагогический институт. Ее воспоминания хранятся в Москве в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына.

<23>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину

Гельсингфорс, 14 апреля 1938 года

Дорогой Иван Алексеевич,

На днях, узнав из газеты «Сегодня» (Рига) о том, что Вы в конце апреля будете в Прибалтике, написал Вам письмо через М.М. Федорова[1] с просьбой сообщить, не согласитесь ли Вы навестить Гельсингфорс и прочесть здесь одну-две лекции или быть участником (единственным) литературного вечера; такой здесь берется устроить Общество друзей русских скаутов, заботящееся о сохранении в русских детях и юношах русской национальности. В Финляндии право устройства вечеров, концертов и прочего принадлежит как частным лицам, так и легализованным обществам и объединениям, к числу которых принадлежит, между прочим, и названное общество. Разница только в том, что таким объединениям, как наше общество, разрешение на устройство вечеров и прочее дается административной властью легче и без обложения пятнадцатипроцентным сбором, как это имеет место по отношению к частным лицам. Кроме того,

если вечер не носит характера благотворительного, его участник, если он не финский гражданин, должен еще иметь разрешение или право на труд. Общество друзей русских скаутов, во главе которого состоит баронесса Екатерина Ипполитовна Майдель, женщина с высшим образованием, ученица покойного академика С.Ф. Платонова[2], берет на себя выхлопотать Вам визу в Финляндию, и все устроить для Вашего сюда приезда и лекций или вечера, а также оплатить Ваши путевые расходы от Ревеля до Гельсингфорса и обратно (если это потребуется) и Вашу здесь остановку на несколько дней, конечно, если Вы укажете и сговоритесь с обществом о сумме. Приезжавший недавно сюда тенор Д.А. Смирнов[3] устраивал здесь свои концерты благотворительного характера именно через это общество и назначал на оплату всех своих расходов сто эстонских крон (около 1250 финских марок). Этим он очень помог обществу, так как оно выручило за два его концерта около 3000 финских марок сверх оплаты его поездки сюда. Если цель общества Вам симпатична, не откликнетесь ли Вы на его просьбу. Напишите мне поскорее несколько слов, чтобы сговориться. Бесконечно буду рад и лично с Вами свидеться. Если будете читать лекцию или две, напишите, на какие темы. Вас придут послушать, конечно, все русские, а также те шведы и финны, которые знают русский язык. Нам, конечно, нужно будет заранее оповестить через газеты о Вашем приезде. Жду Вашего согласия.

Искренне Вас уважающий и любящий

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

---

[1] Михаил Михайлович Федоров (1858–1949) — российский государственный и общественный деятель министр торговли и промышленности. Участник Белого движения. Эмигрировал во Францию и продолжил политическую (председатель Европейской секции Русского национального союза и вице-президент Русского национального комитета) и культурную деятельность (вице-президент Всемирного Пушкинского комитета, глава Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей).

[2] Сергей Федорович Платонов (1860–1933) — российский историк, академик РАН (1920, исключен в 1931 г., посмертно восстановлен в 1968 г.), в 1929 г. стал мишенью провокационного политического процесса («Академическое дело»), после полуторагодичного тюремного заключения выслан в Самару, умер в ссылке, реабилитирован в 1967 г.

[3] Дмитрий Алексеевич Смирнов (1882–1944) — русский оперный певец, лирико-драматический тенор, в эмиграции с 1920 г. После неожиданной смерти жены в 1937 г., похороненной, согласно ее завещанию, в Псково-Печорском монастыре (тогда находившемся на территории Эстонии), дал ряд благотворительных концертов в Таллине, Тарту, Печоры; в декабре 1937 г. переехал в Эстонию и затем в Латвию.

<24>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс 23 апреля 1938 года

Дорогой Иван Алексеевич,

Я дважды писал Вам в Париж через М.М. Федорова и в Ковно через профессора Сеземана[1] и просил Вас сообщить, не приедете ли Вы в Гельсингфорс. Ответа от Вас не получил. Между тем в газете «Сегодня» (Рига) читал, что Вы собираетесь сюда к нам. В таком случае какая организация — русская или финская, Вас сюда приглашала? Я здесь почти всех знаю и никто не говорил мне, что взялся организовать сюда Вашу поездку и позаботиться о Вашем здесь пребывании. Если бы Вы черкнули мне два слова, я бы Вам здесь все устроил и бесконечно рад был бы и лично Вас видеть, вне всякой официальной сутолоки. Не теряем надежду, что Вы мне ответите. Пошлите air mail Ваш ответ. Мы устроим здесь все для Вас, как я уже Вам предлагал в двух предыдущих письмах. Только надо знать заранее Ваш ответ. Одни ли Вы путешествуете или вдвоем?

Искренно душою Ваш,

Валерий Семенов-Тян-Шанский

P.S. На всякий случай повторяю вкратце мои письма. Общество друзей русских скаутов (легализованное), берется хлопотать о Вашей сюда визе, оплатит Ваш сюда и обратно проезд (Ревель — Гельсингфорс) и Ваше здесь пребывание в течение нескольких дней с тем, что оно устроит одну-две Ваших лекции или вечера. Общество это заботится о сохранении в нашей молодежи национального чувства и вместе с тем поддерживает два наших скаутских отряда, мальчиков и девочек. Наши отряды считаются здесь одними из самых лучших из всех скаутских здешних организаций, финских и шведских. В.С.

---

[1] Василий Эмильевич Сеземан (1884–1963) — философ, профессор Каунасского университета, арестован в 1950 г., в заключении до 1958 г. Входил в круг близких друзей В.П. Семенова-Тян-Шанского.

<25>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
Гельсингфорс, 28 апреля 1938 года

Дорогой Иван Алексеевич,

Ваше письмо из Ковно получил сегодня. Хотя я очень понимаю Вас, что Вы можете устать от мотания, но все-таки очень прошу Вас, приезжайте! Ведь от Ревеля сюда небольшой (четыре часа) переход морем. Вы много путешествовали морями и знаете, что море ско-

рее успокаивает, а затем из Гельсингфорса идут пароходы прямо в Антверпен 4–5 дней — опять отдохнете и минуете Германию. Пароходы чистые и не шумные. Я же постараюсь, чтобы здесь не было мотания для Вас. Город у нас не шумный, да и русское общество не так значительно, около двух тысяч человек. Конечно, Вас будут встречать и провожать, и придется выслушать не один раз приветы, но я всячески буду Вас оберегать от всякой назойливости. Очень прошу Вас отложить всякие иные, кроме нашего, то есть друзей русских скаутов, приглашения. Просто отвечайте, что едете по моему приглашению, как Вашего родственника, и что поручили все мне, а я уже буду фактически отбояриваться за Вас от приглашений. Не беспокойтесь о расходах, ведь виза Ваша, проезд из Ревеля и Ваше пребывание здесь будут оплачены Обществом друзей русских скаутов. Приедете Вы, и это будет большим культурным праздником для наших скаутов, да и всех нас. Мы должны давать им духовную пищу. Кстати, посылаю Вам маленькую книжечку, ими написанную о посещении ими Валаама в 1936 году. Буду ждать от Вас ответа, и не теряем надежды на благоприятный. Напишите только, когда приедете, а лучше всего известиться по телефону 66 677 из Ревеля — это стоит пустяки. Лучше всего звонить между 2–3 часами днем или после 6 вечера. Или напишите, где остановитесь в Ревеле, тогда я смогу Вам позвонить. Ваш ответ желателен скорее, так как надо достать визу, взять зал, знать тему Ваших лекций, заказать комнату, дать объявления в газетах и прочее. Если нужно, прикомандирую к Вам своего сына[1] и сына баронессы Майдель, Бобу Майдель[2], премилого молодого человека. Сын говорит на всяких языках, а Майдель знает хорошо местные, финский и шведский. Хлопот Вам не будет никаких, и скорее у нас отдохнете, чем утомитесь. Сердечно Вас обнимаю.

Искренне Вас любящий и уважающий.

---

[1] Александр Валерьевич Семенов-Тян-Шанский (1900–1987) — инженер, во время войны лейтенант финской армии, переводчик при К.Г. Маннергейме.

[2] Борис Борисович Майдель (1917–1974).

<26>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
14 мая 1938 года, Гельсингфорс

Дорогой Иван Алексеевич,

Очень огорчены мы все здесь, что Вы не доехали до нас всего каких-нибудь 100–150 километров. И это тем более грустно, что

теперь надежда увидеть Вас в Гельсингфорсе очень уменьшилась. Нам не под силу было бы приглашать Вас сюда из Франции. Мы было уже все здесь для Вас приготовили, получили для Вашей лекции парадный зал в Университете, выяснили возможность получения для Вас визы и так далее. О своем личном огорчении я уже не говорю. Впрочем, судьба теперь так переменчива, что наперед загадывать ничего не приходится. Если Вы будете что-либо писать о своих впечатлениях о поездке в Прибалтику, пришлите мне. Я очень интересуюсь ими, как всем, что Вы пишете[1].

Мой поклон Вашей супруге.

Искренне Вас любящий и уважающий,

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

[1] Об этой поездке И.А. Бунина см.: [3]. См. также: [8].

<27>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому

3 июля 1951 года

Дорогой Валерий Петрович, все время войны, до окончания ее мы провели в Грассе (возле Cannes), когда нельзя было написать Вам, а когда вернулись в Париж, я вскоре тяжко заболел — внезапно начались у меня приступы астмы, было несколько воспалений легких. Затем я пережил страшную операцию простаты, каковая операция буквально спасла меня от неминуемой смерти, а теперь я продолжаю задыхаться, стал худ, как мумия, и слаб, как ребенок... Все же очень хотелось написать Вам, но я был уверен, что по Вашему прежнему адресу писать бесполезно, но вот недавно совершенно случайно узнал, что под Парижем живет Ваш племянник[1], написал ему, и он дал мне Ваш новый адрес и, слава Богу, хорошие вести о Вашем здоровье. Вот и пишу и жду от Вас ответа, и горячо обнимаю Вас,

Ваш Иван Бунин.

P.S. Как только получу от Вас письмо, пошлю Вам «Жизнь Ивана» покойной сестры Вашей. Сохранил эту книгу в целости и сохранности.

[1] Племянник В.П. Семенова-Тян-Шанского — о. Александр Семенов-Тян-Шанский (см. о нем примеч. 17 выше); в это время он был настоятелем церкви при Русском доме в Rozay-en-Brie в 50 км от Парижа в департаменте Сена и Марна.

<28>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
Париж, 12 июля 1951 г.

Дорогой Валерий Петрович, эту записочку подаст Вам тот, которого я прошу Вас принять — чтобы он, возвратясь в Париж, рассказал мне, как поживаете Вы. Сердечно обнимаю Вас, Ваш Ив. Бунин.

<29>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
17 июля 1951 года, Гельсингфорс

Дорогой Иван Алексеевич,

Очень рад был получить Ваше письмо от 3 июля и узнать, что Вы после перенесенных Вами болезней здоровы и бодры, считаясь, конечно, с нашим возрастом, когда здоровье становится понятием относительным. Вполне сочувствую Вам и понимаю все то, что Вам пришлось перенести в смысле всяческих недомоганий. У меня тоже был простат, причем начавший меня лечить русский доктор в Финляндии применял сперва неправильный метод лечения, и я, увидав эту ошибку, обратился к другому — шведу, который меня совершенно починил, не прибегая к операции, исключительно Х-лучами.

Теперь прошло с этого времени уже больше 10 лет, и эта болезнь не причиняет мне никаких беспокойств. Но, конечно, возраст свое берет. Сердце уже не так работает, как раньше, хотя острой формы астмы у меня нет. Подагра, ревматизм, склероз все же дают себя знать. Сейчас я живу на даче, правильнее, на голубятне (мансарде), в окрестностях Гельсингфорса, в 44 от него километрах, где мы проводим уже третье лето, если можно применить это слово в применении к Финляндии. Когда одного француза, прожившего в Финляндии несколько лет, спросили, какой в нашей стране климат, он сказал: «Dix mois dure l'hiver et deux mois on attend l'été»[1]. Вот эти 2 месяца мы и проводим обычно на даче. Впрочем, в прошлом году было несколько иначе: большую часть мая и июня я провел в плавании отсюда в Лондон, пребывании там и возвращении тем же путем обратно, с остановкою в общем на 5 дней в Стокгольме, куда на это время я завез мою жену[2] (к моей племяннице, дочери небезызвестного Вам Михаила Николаевича Семенова, моего троюродного брата, в свое время бывшего одним из «Скорпионов»[3]). В Лондон я ездил к моей дочери на ее серебряную свадьбу. Ее я не видел 14 лет и не был знаком вовсе со своими внуками. Удалось познакомиться, впрочем, только с одним младшим, а старший, уже окончивший Эдинбургский университет, находится на службе в колонии Танганьика в Восточной Африке. Пребывание у дочери

в Лондоне заменило мне вполне пребывание на даче, так как дочь имеет свой коттедж около Ричмонда, и через ее садик летают жуки-олени. Дом лежит между Ричмонд-парком и ботаническим садом Кью, где масса вековых деревьев. Благодаря этому я мог заниматься и живописью. Я привез сюда более десяти своих акварелей, часть которых удалось даже здесь поместить на выставку. В области живописи мне, несмотря на возраст, удалось кое-чего достичь, и одна моя картина попала даже в здешний городской музей. Но вообще заниматься искусством здесь трудно, так как к модернистам я не принадлежу, а модернизм здесь в моде, но имеет грубую мужицкую форму. С другой же стороны, проникает сюда с Востока и пропаганда совсем другого искусства, поставленного на службу «государственному режиму». За время отсутствия переписки между нами много нам обоим пришлось пережить разных общественных невзгод, мне даже, пожалуй, больше, чем Вам, так как у Вас гораздо менее восточного ветра, чем у нас. И в Финляндии он и в буквальном, и в переносном значении несет всегда непогоду. По окончании войны у нас ведь 20 человек русских гельсингфорсцев были уведены в рабство за границу. Но об этом здесь не полагается говорить громко, хотя среди них были и финские граждане[4]. Лично я, благодаря имени моего отца, чрезвычайно высоко чтимого за этой границей, оказался забронированным и никаким опасностям не подвергался. Даже, наоборот, испытал к себе внимательное отношение, о чем и расскажу далее. За все это время перечитал многое из Вашего литературного творчества. В частности, получил от дочери в подарок Ваши воспоминания. Не имея их сейчас на даче под руками, ограничусь только тем, что скажу несколько слов по поводу упоминания Вашего обо мне лично и о воспоминаниях моего отца. Очень сожалею, что нам не удалось обменяться письмами по этому поводу до выпуска Вами в свет Ваших воспоминаний, так как я мог бы Вам сообщить несколько дополнительных данных и даже поправок к тому, что Вы написали. Из мемуаров отца теперь уже вышел в СССР и 2-й их том (путешествие в Среднюю Азию). Внешний вид этого издания довольно жалкий: плохая бумага, масса глупых опечаток, убогие (по исполнению) иллюстрации, отсутствуют те примечания, которыми мы в свое время снабжали другие томы. Но самый текст не искажен намеренно, и, насколько мне не изменяет память, ничего из текста не опущено[5]. Академия наук и Географическое общество прислали мне в подарок по одному экземпляру и этого второго тома мемуаров, и книжки «Столетие Географического общества». Выпуску этих книг предшествовало и словесное (от здешней дипломатической миссии в лице представителя ВОКС, то есть Всесоюзного отдела или

общества культурной связи с заграницей), а потом и письменное — от Географического общества и Академии — обращение ко мне с просьбой сообщить некоторые данные, воспоминания и сведения о моем отце, так как предполагалось даже переиздать и первый том воспоминаний отца. В ответ на это я и сообщил моим корреспондентам некоторые данные об отце, им там неизвестные, и воспользовался случаем высказать свои пожелания о том, в каком виде желательно было бы издание и переиздание томов первого и второго, то есть что текст ни в каком случае не может быть сокращен или изменен. В этом случае я воспользовался тем, что оказался, по полученным мною сведениям, одним оставшимся в живых сыном своего отца, так как все мои братья (два старше меня, один моложе), и старший мой племянник оказались умершими в 1942 году от истощения в осажденном немцами Петербурге[6]. Погибли на войне также один или два моих младших племянника. Но как ни оказывается привилегированным мое положение, я все-таки считаю необходимым быть очень осторожным в высказывании своих мнений, главным образом потому, что это может невыгодно отразиться на оставшихся на родине родственниках. Так я послал моему племяннику, о. Александру во Францию одну мою работу по поводу того, что печатается на нашей родине о Пушкине. Племянник хотел даже отдать напечатать ее в один русский журнал, но я не мог бы ее во всяком случае выпустить в свет под своим именем. Ввиду того, что на родину нельзя посылать даже своего мемуарного материала полностью, я пишу для себя и своих иммигрантских родных мои «Страницы семейной хроники»[7]. Думаю, что Вас могло бы заинтересовать то, что я пишу об искусстве, так же, как и то, что касается истории нашего рода, в частности о роде Буниных, от которых происхожу по женской линии. Если Вас это интересует, черкните мне на городской адрес, и я постараюсь прислать Вам копию рукописи. Буду очень рад, если Вы мне напишете.

Большой поклон Вашей супруге. Крепко Вас обнимаю. Ваш Валерий Семенов-Тян-Шанский.

---

[1] Десять месяцев длится зима и два месяца ждут лета *(франц.)*.

[2] В конце 1930-х гг. В.П. Семенов-Тян-Шанский разошелся со своей первой женой, уехавшей к дочери в Англию, и женился вторично на Марии Ипполитовне Студницкой (1899–1999).

[3] М.Н. Семенов (1873–1952), троюродный брат В.П. Семенов-Тян-Шанского (сын двоюродного брата его отца, зоолога и ботаника Н.М. Семенова). В конце 1890-х гг. издавал первый в России марксистский журнал «Новое слово». В начале 1900-х гг. сблизился с кругом московских писателей-модернистов и вошел в число сотрудников книгоиздательства «Скорпион»; женился на сестре основателя «Скорпиона» С.А. Полякова Анне Александровне.

[4] Речь идет о так называемых «узниках Лейно». Ср.: «После заключения перемирия между СССР и Финляндией в сентябре 1944 года в Финляндию прибыла союзническая Контрольная комиссия под председательством А. Жданова. Расстановка политических сил в стране изменилась: компартия и левые партии, выйдя из подполья, приняли участие в парламентских выборах, на пост министра внутренних дел под давлением Жданова назначили коммуниста Ю. Лейно. 20 апреля 1945 года министр Лейно получил утвержденный Ждановым список 22 русских эмигрантов с требованием немедленно арестовать их и передать советской стороне. Одиннадцать из них были гражданами Финляндии, остальные имели так называемые «нансеновские» паспорта. Это были люди разного возраста и различных политических взглядов. Среди них — и бывшие офицеры-монархисты, такие как генерал Северин Добровольский, ротмистр Дмитрий Кузьмин-Караваев, и один из руководителей Кронштадтского восстания моряк Степан Петриченко, которому удалось в 1921 году уйти в Финляндию. Были в роковом списке и совсем молодые люди. … Ночная операция — обыск и арест двадцати человек (двое из списка в тот момент находились за границей и их миновала чаша сия) — проводилась финской «красной» полицией совместно с органами НКВД в ночь на 21 апреля 1945 года. Уже на следующее утро скованных наручниками попарно «узников Лейно» самолетом вывезли в Москву, а там доставили на Лубянку, откуда начался их многолетний путь по тюрьмам и лагерям. Генерал Добровольский был после следствия приговорен к высшей мере и расстрелян в 1947 году; еще пять узников умерли в заключении» [7].

[5] 2-й том воспоминаний П.П. Семенова-Тян-Шанского (*Семенов-Тян-Шанский П.П.* Мемуары. 1-е изд., просмотр. Л.С. Бергом. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1946. Т. 2: Путешествие в Тянь-Шань: В 1856–1857 гг. / со вступ. ст. Н.Г. Фрадкина. 256 с.) был издан вскоре после войны по инициативе и под редакцией академика Л.С. Берга, бывшего в это время президентом Географического общества. При издании текст подвергся мелочному «политическому» редактированию; этот текст (вместе с опечатками) воспроизводился во всех последующих изданиях. Полный текст (в котором опущенные фрагменты выделены курсивом) опубликован только в 2019 г. при переиздании полного корпуса мемуаров Петра Петровича [9]. В примечания к 1-му тому мемуаров [9, т. 1] вошли и дополнения, присланные Валерием Петровичем и сохранившиеся в архиве Географического общества.

[6] Во время блокады Ленинграда умерли трое братьев Валерия Петровича — Андрей (1866–1942), Вениамин (1870–1942) и Измаил (1874–1942) и его племянники М.Д. Семенов-Тян-Шанский (1882–1942) и С.И. Семенов-Тян-Шанский (1909–1942); его внучатый племянник К.Р. Семенов-Тян-Шанский (1910–1942) был убит в марте 1942 г. на Волховском фронте.

[7] Воспоминания Валерия Петровича остаются неопубликованными.

<30>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
23 июля 1952 г.

Дорогой, родной Валерий Петрович, не дивитесь моему молчанию. Я непрерывно, тяжко, сложно болен. Да сохранит Вас Бог от старости, подобной моей. Пытались мы с женой, — она ведь тоже стара и больна, — прочитать Вашу рукопись — и не могли — так ослабело и ее, и мое зрение. У меня хранится книга (какая прекрасная!) Вашей сестры («Жизнь Ивана») — я на днях ее вышлю Вам.

Обнимаю вас с большой, неизменной любовью. Ваш Ив. Бунин.

<31>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
10 сентября 1952 г. Гельсингфорс

Дорогой Иван Алексеевич,

Ваше письмо от 23 июля давно получил. Его мне переслали с городской квартиры на дачу, где мы с женой проводили июль и август. Душою с Вами в Ваших страданиях, вполне понимая их тягость. Не знал, что и здоровье супруги Вашей тоже не такое, как было бы желательно. Все мы, конечно, уже стары. Правда, жена моя много моложе меня, но, к сожалению, и ее здоровье очень пошатнулось за последнее время. Только недавно удалось точно установить, что у нее уже 6 лет, как камни в желчном пузыре. Теперь ей в самом близком времени предстоит операция удаления всего желчного пузыря. Без него люди могут жить, и теперь этого рода операции постоянно производятся. Оба мы очень надеемся, что после операции ее здоровье восстановится. За моей старостью (я ведь Вам ровесник) жена в моей семье является большой движущей силой, в особенности необходимой в наших скудных и незавидных условиях жизни. На свое здоровье мне было бы грешно жаловаться, но возраст берет свое. То поясница, то голова побаливает, слух ослаб. К счастью, зрение не сдает, а оно мне необходимо при занятии живописью, также и руки не трясутся. Но все же вижу, что почерк мой стал менее разборчивым, так что Вы не могли прочитать моей рукописи. У Вас же почерк до сих пор очень четкий. Не помню сейчас, какая это была рукопись. Если Вы будете возвращать мне книжку моей сестры «Жизнь Ивана», может быть, возвратите и рукопись. Я постараюсь послать Вам ее переписанную на машинке. Последнее время я немного занимался литературой, писал, между прочим, «Страницы семейной хроники», но боюсь, что не удастся оставить их после себя в законченном и цельном виде. Только первые главы у меня написаны окончательно. Они обнимают времена (для меня доисторические) в нашей семье или, скорее, роду. Одну из этих глав, говорящей об истории наших родных мест, я хотел бы послать Вам на прочтение, но не знаю, насколько это осуществимо. Там я говорю о своих предках по женской линии — Буниных. К первой главе своей хроники я поставил эпиграфом Ваши слова: «Там даль и мгла — туманно-синий миф». Я так люблю не только Вашу прозу, но и Ваши стихи, что часто цитирую их и в других своих работах: Вашими стихами так много сказано в такой ясно сжатой форме! Приходится очень пожалеть, что в свое время Вы оставили стихотворство. В частности, жалею, что в последнем издании Ваших стихов Вы исключили, кажется, стихотворение «Ночь». Читал Ваши рассказы «Темные аллеи»,

подвергавшиеся всяческой критике и злословию, включая наименование их порнографией и сравнение с Зола и Мопассаном. Хотя я нахожу некоторые рассказы излишне реалистическими, но цинизма никакого в них не вижу, а напротив вижу человечность многих Ваших образов и Вашего человечного отношения к изображаемым личностям. А это именно то, что требуется прежде всего от истинного художника. По совести говоря, за отсутствие человечности и цинизм я не люблю Зола и выше него ставлю Мопассана.

До меня доходили слухи, что Вас как-то навещал мой троюродный брат Михаил Николаевич Семенов, которого Вы, кажется, знали по книгоиздательству «Скорпион»[1]. Он, несмотря на многие недостатки, человек талантливый, но не способный ни на какую постоянную деятельность и работу. Написал он свои воспоминания, которые частично печатались в одной из русских газет во Франции[2]. Я читал даже и его некоторые рукописи. Но то, что он называет воспоминаниями, в сущности, литературный монтаж, как теперь принято называть подобные писания. Есть в этом монтаже и правда, но есть много вымыслов или фантазии, так что это его призведение никак не назовешь семейной хроникой. В своих «Страницах» я тоже говорю о предках и родных Михаила Николаевича. Мои сведения не всегда совпадают с тем, что он пишет. Впрочем, отдаю должное теплым отзывам Михаила Николаевича о моем отце и нашей семье. С семьей Михаила Николаевича — его женой, рожденной Поляковой, и их дочерьми мы с женой очень дружны. Они живут в Швеции, и мы с ними в переписке. А два года назад мы навещали их в Стокгольме, и жена моя провела у них целый месяц, пока я ездил в Англию к моей дочери от моего первого брака.

Зная Ваше болезненное состояние, не могу просить Вас писать мне, но все же очень хотелось бы получить от Вас хотя бы самые короткие вести. Почтительный привет Вашей супруге.

Обнимаю Вас сердечно и желаю возможных сил душевных и телесных.

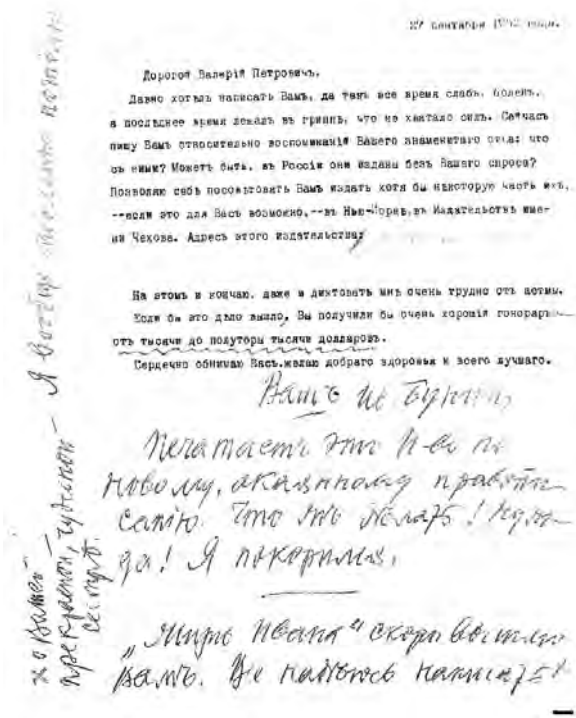
Искренне Ваш

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

---

[1] О М.Н. Семенове (1873–1952) см. его воспоминания [14]. Использование биографических легенд, контаминаций и пр. чрезвычайно характерно для этих авантюрных воспоминаний. С 1912 г. М.Н. Семенов жил в Италии в разъезде с женой и больше не возвращался в Россию. Его жена с дочерьми жила с начала 1920-х гг. в эмиграции в Швеции.

[2] Отрывки из воспоминаний М.Н. Семенова печатались со значительными сокращениями в газете «Русская Мысль». См.: *Семенов М.Н.* На бездорожье. Воспоминания молодости // Русская мысль. 1950. №№ 206–253, 19 января – 28 июня.

27 сентября [19]52 года.

Дорогой Валерій Петровичъ.

Давно хотѣлъ написать Вамъ, да такъ все время слабъ, боленъ, в послѣднее время лежалъ въ гриппѣ, что не хватало силъ. Сейчасъ пишу Вамъ относительно воспоминаній Вашего знаменитаго отца: что съ ними? Можетъ быть, въ Россіи они изданы безъ Вашего спроса? Позволяю себѣ посовѣтовать Вамъ издать хотя бы некоторую часть ихъ, --если это для Васъ возможно,--въ Нью-Іоркѣ, въ Издательствѣ имени Чехова. Адресъ этого издательства

На этомъ я кончаю. Даже и диктовать мнѣ очень трудно отъ ногтя. Ходи бы это дѣло вышло, Вы получили бы очень хорошій гонорарчикъ— отъ тысячи до полутора тысячи долларовъ.

Сердечно обнимаю Васъ,желаю добраго здоровья и всего лучшаго.

Ваш Ив Бунин

Печатает это И-во по новому, оказанному правом Само. Что мне делать! Ну да! Я покорилась.

„Жизнь Ивана" скоро вышлю Вам. Не пойдет ли?

Машинописная копия письма И.А. Бунина от 27 сентября 1952 г. с припиской его рукой (Фотокопия из личного архива М. Гейна).
Typescript of I.A. Bunin's letter dated September 27, 1952 with his handwritten note (Photocopy from the personal archive of M. Gane).

<32>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
27 сентября 1952 года

Дорогой Валерий Петрович,

Давно хотел написать Вам, но так все время слаб, болен, в последнее время лежал в гриппе, что не хватало сил. Сейчас пишу Вам относительно воспоминаний Вашего знаменитого отца: что с ними? Может быть, в России они изданы без Вашего спроса? Позволяю себе посоветовать Вам издать хотя бы некоторую часть их — если это для Вас возможно — в Нью-Йорке, в Издательстве имени Чехова. Адрес этого издательства прилагаю.

На этом и кончаю, даже диктовать мне очень трудно от астмы. Если бы это дело вышло, Вы получили бы очень хороший гонорар — *от тысячи до полутора тысяч долларов.*

Сердечно обнимаю Вас, желаю доброго, здоровья и всего лучшего.

Ваш Ив. Бунин.

Печатает это и<здательст>во по новому окаянному правописанию. Что ж делать! Нужда! Я покорился[1].

«Жизнь Ивана» скоро вышлю Вам. Все надеюсь написать о Вашей прекрасной, чудесной сестре. Я вообще медленно погибаю.

---

[1] По поводу острого конфликта между И.А. Буниным и Издательством им. Чехова в связи с его отказом печатать книги Бунина по старой орфографии см.: [1].

<33>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому

28 октября 1951 <или 1952 ?> года, 1, Rue Offenbach, Париж, 16

Дорогой родной Валерий Петрович,

Я уже давно получил Ваше письмо и Вашу рукопись, но как раз в эти дни астма так замучила меня, что мы пригласили знаменитого французского врача, и он сразу свалил меня с ног, предписав мне пить и в то же время делать уколы жидкости йода с серой, я от этого чуть не умер, лежал несколько дней почти без памяти, потом мы пригласили его еще раз, и тут я подвергся новому лечению, вот только нынче сел в постели и пишу Вам. Как только, Бог даст, окрепну, напишу как следует, а пока сердечно обнимаю Вас и желаю здоровья.

Ваш Ив. Бунин.

<34>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И А. Бунину

4 ноября 1952 года

Дорогой Иван Алексеевич, по получении Вашего письма от 27 сентября я воспользовался Вашим добрым советом и написал в Издательство имени Чехова предложение об издании мемуаров отца (в четырех томах). Копию моего письма прилагаю, так же, как и копию полученного уже ответа Издательства на мое предложение[1]. Единственный экземпляр всех четырех томов, которым я располагаю, принадлежит моей дочери, живущей в Лондоне[2]. Я написал ей просьбу послать пока т. 1 («Детство и юность»). Но печатать прямо с первого тома нельзя, так как имеются «примечания издателей»,

в настоящее время несколько устаревшие, которые должны быть мною частью дополнены, частью изменены в связи с новыми документами, находящимися теперь в моем распоряжении, например, опубликованными в СССР материалами о декабристах, а также моими личными расследованиями, произведенными после выхода в свет первого и других томов. Наконец, если бы Издательство нашло возможность печатать с сокращениями, то единственно я мог бы сделать эти сокращения. Сообщу Вам о дальнейшем ходе переговоров. А пока приношу Вам, дорогой Иван Алексеевич, мою глубокую искреннюю благодарность за то, что Вы, несмотря на свой недуг и заботы, подумали обо мне и пришли на помощь добрым советом. В этом сказалась Вам присущая человечность, которую я всегда в Вас высоко ценил и ценю. Очень буду рад, если Вы напишете что-нибудь о моей покойной сестре.

Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет Вашей супруге.

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

---

[1] Данное письмо в архиве В.П. Семенова-Тян-Шанского не сохранилось.

[2] Изданы перед революцией были только 3 тома: Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского. Пг.: Изд. семьи, 1915–1917. Т. 1: Детство и юность (1827–1855 гг.); Т. 3: Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 гг.) в воспоминаниях бывшего чл.-эксперта и зав. делами редакционных комиссий; Т. 4: Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 гг.) в воспоминаниях бывшего чл.-эксперта и зав. делами редакционных комиссий.

<35>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
2 декабря 1952 г. 1, rue Jacques Offenbach Paris 16

Дорогой родной Валерий Петрович,

Простите, что не отвечал вовремя на Ваше письмо от 12 сентября. Виноват, но без вины. Был особенно болен — в нелепом положении. Вы знаете, как страдаю я от астмы, от удушья, но я мог спасаться в некоторой степени, принимая всяческие антиастматические лекарства, которые расширяют сосуды; но вот случилось то, что принимать я их не мог весьма долго, ибо вдруг возвратилось то, чему я был подвержен периодически лет с 35: геморрой, многодневные и страшно обильные потери крови, во время которых, конечно, никак нельзя расширять сосуды. И уж как ослабел я за это время! И сейчас еще лежу в постели — и пишу полулежа на этой скверной бумаге из тетради! Простите же мне, повторяю, мое молчание и напишите, пожалуйста, как прошла операция Вашей супруги, которой будьте добры передать мой почтительный поклон и пожелание здоровья

полного. Напишите о том, как Ваше дело с издательством имени Чехова в Нью-Йорке. Взяло ли оно воспоминания Вашего батюшки и если да, то в каких размерах? Между нами говоря, это издательство издало и все еще издает великое множество чорт знает чего. Так что я не уверен, что оно взяло все, что Вы ему предлагали, и когда будет печатать взятое. Очень меня интересует и то, как идет писание Ваших «Страниц семейной хроники». Дай Бог Вам сил на эту работу. Как только окрепну немного, пошлю Вам Вашу рукопись для переписки ее на машинке и «Жизнь Ивана».

Благодарю Вас за честь, оказанную мне Вами в том, что Вы поставили эпиграф в своем новом произведении строчку из моих стихов. Благодарю за то, что пишете мне о моих «Темных аллеях». — Это моя лучшая книга во многих отношениях.

Михаила Николаевича Семенова я встречал иногда в незапамятные времена в Москве. Видел однажды в Риме (кажется, в 1938 г.). Да, человек он бойких способностей, но его «Воспоминания»... — тут много всяких «но» должно поставить[1].

Обнимаю Вас, дорогой, родной, с неизменной любовью! Ваш Иван Бунин.

P.S. Потеря крови благодетельна, но не в такой старости, как моя. В другие годы она дает долголетие. И не даром была она у Будды, у Толстого, верно, была и у Вашего батюшки. А может, и у Вас.

---

[1] В 1950–1951 гг. И.А. Бунин обменялся с М.Н. Семеновым несколькими письмами. См.: [10].

<36>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину
2 марта 1953 года

Дорогой родной Иван Алексеевич, до сих пор не удосужился ответить Вам на дорогое для меня письмо Ваше от 2 декабря 1952 года. Последняя причина тому была схваченная мной инфлюэнца, продержавшая меня в постели почти две недели. Как сейчас Ваше здоровье и самочувствие? Буду рад иметь известие о Вас и Вашей супруге. От Чеховского издательства не имею еще окончательного ответа и не жду его в очень скором времени, так как оно меня предупреждало, что надо ждать очереди[1]. Свои «Страницы семейной хроники» пишу понемножку, но нерегулярно и не в хронологическом порядке: записываю, что вспоминается. Потом обрабатываю в более связную стилистическую и логическую форму. Но приходится признаться, что при моем возрасте взял себе задачу трудновыполнимую. В общем, я

написал около десяти глав из, вероятно, двадцати предположенных. Не в одном только случае пользуюсь цитатами из Ваших произведений. По поводу высказанного мною о Ваших «Темных аллеях» прибавлю, что, по-моему, художники слова, зрения и слуха (писатели, живописцы, скульпторы, архитекторы, музыканты), служа красоте видимого внешнего мира, должны служить и красоте мира невидимого, духовного, внутреннего, то есть в создаваемых ими образах, отыскивать и передавать отражения, отблески, лучи этого духовного мира. Только в этом случае произведения таких художников могут быть названы действительно художественными, произведениями истинного, неподдельного искусства. Теперь об этом все более и более забывается. В Вашем же искусстве это чувствуется в каждой строчке.

Мой троюродный брат Михаил Николаевич Семенов в декабре 52-го года скончался от рака в Неаполе, умер христианином, хотя прежде относился к религии отрицательно. Причиною тому было, вероятно, полное отсутствие у него с детства какого бы то ни было культурного воспитания, в чем он и признавался сам в своих воспоминаниях.

Геморроем я страдал и страдаю в малой степени, но у меня никогда не было большого давления крови, даже скорее наоборот. Поэтому и вообще никогда не было большой потери крови. Но, конечно, возраст свое берет, и приходится отказываться иногда от свойственной мне большой подвижности. Хотел переписать на машинке и прислать Вам третью главу своих «Страниц», где я говорю о своих предках, рязанских Буниных. Но сейчас это не удалось, так как только случайно дома находится машинка, и я не знаю, сколько дней смогу я ею пользоваться. Посылаю Вам давно написанный мной маленький рассказ-быль. Быть может, он несколько наивен и сентиментален. Жена моя после операции поокрепла. Прошло с операции уже 5 месяцев, доктора же говорят, что пациенты обыкновенно поправляются в этих случаях через полгода. К сожалению, нелегкие условия жизни, а подчас даже и тяжелые, не очень содействуют укреплению здоровья. А тут еще моя болезнь, с прибавкой еще болезни моей свояченицы, всей тяжестью легли на мою жену. Надо удивляться ее силе воли и сознанию своего христианского долга, с которым она несла свои обязанности хозяйки дома.

Жена Вам и Вашей супруге шлет привет. Я сердечно Вас обнимаю, целую руку Вашей супруге и желаю душевной бодрости. Ваш В. Семенов Тян-Шанский.

---

[1] Воспоминания П.П. Семенова-Тян-Шанского в издательстве им. Чехова в итоге так и не были опубликованы.

В.П. Семенов-Тян-Шанский. 1965
© Фонд наследия П.П. Семенова-Тян-Шанского
V.P. Semenov-Tyan-Shansky 1965
© P.P. Semenov-Tyan-Shansky Heritage Foundation

<37>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
3 июля 1953 г.

Дорогой Валерий Петрович, во время войны пять лет мы жили в Grass'е на Французской Ривьере, и нашу парижскую квартиру занимал некто Граф со своим семейством и топил свою печурку в столовой ломаными стульями и книгами нашими. Так что только случайно уцелела, слава Богу, хотя и без обложки, книга Вашей покойной сестры «Жизнь Ивана». Я, наконец, собрался послать Вам ее вчера заказной бандеролью. Простите, что так поздно собрался. Собраться сделать что-нибудь для меня теперь очень трудно. Я все слабею и слабею, все лежу в постели (вот и сейчас пишу полусидя в ней). Задыхаюсь от астмы все сильнее, волю теряю все больше... Как Вас Бог милует, как здоровье, что делаете? Взяло ли издательство имени Чехова, наиздававшее столько чорт знает чего, хоть часть из воспоминаний Вашего батюшки? Шлю Вам свой портрет средних лет. Старческого у меня нет, да я бы и не послал его. Пожалуйста, пришлите мне свой, какой Вам угодно. Заранее благодарю и сердечно обнимаю Вас.

Ваш Ив. Бунин.

<38>

И.А. Бунин — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
20 августа 1953 г.

Дорогой родной Валерий Петрович, давно-давно нет от Вас ни слова. Очень беспокоюсь. Здоровы ли Вы? Получили ли «Жизнь Ивана», которую послал Вам очень давно заказной бандеролью? Отзовитесь возможно скорее. Что до меня, то я просто погибаю от старческой слабости, от астмы, которая теперь просто не дает мне ни отдыху ни сроку. Неужели «Издательство имени Чехова» в Нью-Йорке не взяло ничего из воспоминаний П.П.? Обнимаю Вас сердечно.

Ваш Ив. Бунин.

<39>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — И.А. Бунину[1]
1 сентября 1953 г.

Дорогой Иван Алексеевич,

Прочел с большим интересом Вашу книжку «Освобождение Толстого». Хотелось бы обменяться некоторыми мыслями с Вами по поводу этой книжки и по поводу самого Льва Николаевича Толстого. Откровенно сознаюсь, что я принадлежал (и до сих пор принадлежу) к числу тех русских людей, которые чтут в нем великого художника, великого писателя, но которые все же критически относятся к его философским рассуждениям и попыткам создать свое нравственное учение. Иначе сказать, я не могу преклоняться перед Толстым, который хочет быть учителем или воспитателем-моралистом. Когда-то бывший в дружбе с Толстым мой двоюродный брат, профессор Николай Яковлевич Грот, кажется, в журнале «Вопросы философии и психологии» сказал, что учение Толстого имеет успех благодаря обаянию его личности; когда Лев Николаевич уйдет от нас, и учение его быстро падет. Думаю, что Н. Грот был отчасти прав, предсказывая это.

Никакой писатель, философ, ученый не свободен от противоречий. Есть они и у Вас; в Ваших воспоминаниях Вы указываете на противоречия А.П. Чехова (например, в вопросе веры в бессмертие души). Но ни у кого из больших и великих русских писателей я не чувствовал и не видел такого количества противоречий, как у Толстого. Когда-то, еще в России, у меня была тетрадка (увы, погибшая, вероятно), где я, читая Толстого, записывал замечаемые мною противоречия. Замечу, что я знаю не всего Толстого, что я далеко не всего Толстого читал, и все же противоречий отметил массу.

В отношении понимания Толстым и его последователями Евангелия я могу отметить лишь, что он брал из него то, что ему подходит для подтверждения его личных религиозных воззрений, и проходил мимо многого, что было ему неинтересно.

Мой племянник, Леонид Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский, убитый большевиками, одно время увлекался толстовским учением, но впоследствии увидел многие его отрицательные стороны и вернулся в православную церковь[2]. И таких «последователей» Толстого было очень немалое число. Думаю, что все дело тут в том, что православная церковь, несмотря на многие ее недочеты и недостатки, все же *соборна*. Толстой же, не будучи сторонником индивидуализма в вере, т. е. стараясь распространить *свое* понимание христианства и нетерпимо относясь к лицам, с ним в вопросах веры несогласным, отрицает соборность христианской церкви. Когда Толстой был отлучен от православной церкви (в феврале 1901 года) мы, молодые по сравнению с моим отцом (почти одного возраста с Толстым), возмущались этим актом. На это отец сказал нам: со *своей* точки зрения они (то есть Св. Синод) правы: Толстой сам себя исключил (отлучил) из православной церкви.

После разговора со мною, когда я высказал отцу, что в таком случае надо было в постановлении Синода сказать более мягко и просто, что русская православная церковь более не считает Толстого своим членом и потому не допускает духовенство до совершения над ним церковных обрядов, но допускает возношение о нем и его заблуждениях молитв к Богу, так как ведь молиться всякий христианин может и не за православных. На это отец ответил: «Ты прав в отношении того, что форма постановления Синода должна была быть другою, хотя Синод и не предал Толстого анафеме, как делалось в давние времена...».

---

[1] Черновик неотправленного незаконченного письма.

[2] О Леониде Семенове см.: [2].

<40>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — В.Н. Буниной
6 января 1956 г. Гельсингфорс

Многоуважаемая и дорогая Вера Николаевна,

Мой племянник отец Александр недавно написал мне, что Вы спрашивали его обо мне, старике, которому исполнилось уже 84 года. Я очень виноват, что в свое время ничего не написал Вам по поводу

кончины Ивана Алексеевича, которого очень любил и ценил, как человека, близкого мне по духу, возрасту и крови, как большого русского писателя и поэта. За год до кончины Ивана Алексеевича моя жена перенесла тяжелую операцию, после которой здоровье ее крайне медленно восстанавливалось, и только спустя два года она стала снова работоспособной. При таких условиях мне было очень трудно быть аккуратным в своей корреспонденции, да и мое здоровье, в общем, очень прочное, с годами, конечно, не улучшается, а идет на убыль. В последние месяцы минувшего года мы с женой много читали, прочли, конечно, и посмертную книгу Ивана Алексеевича о Чехове[1]. Она доставила нам истинное наслаждение. Все же, должен сказать откровенно, что я лично всегда ставил и ставлю Ивана Алексеевича много выше Чехова. Духовно покойный Ваш муж всегда был мне ближе и как человек, и как художник. Рядом с более религиозным мировоззрением, которого не чувствуется в чеховском творчестве, у Ивана Алексеевича был прекрасный дар творчества, художественно-поэтического (даже в прозе), более широкий охват (философский) духовной стороны человеческой природы. Возьму для примера и сравнение хотя бы путешествия его на Восток (путевые поэмы — «Храм солнца» и др.) и путь Чехова в обратном направлении с Сахалина на Родину, частью тот же, что совершил Иван Алексеевич. То, что дали в литературе Ивана Алексеевича и Чехов, — величины несравнимы. По культуре Иван Алексеевич был гораздо глубже Чехова. Природу и Божий Мир он любил проникновеннее, теплее и шире Чехова. Среди стихов и прозы Ивана Алексеевича есть вещи поистине бессмертные, которые будут жить в веках — настолько они выше времени, выше преходящих явлений человеческой жизни.

Я очень ценил переписку Ивана Алексеевича со мною и тщательно хранил его ко мне письма. Но здесь, в Финляндии, живем мы не совсем спокойно из-за близкого соседства с нашей бывшей Родиной, где отсутствует прежде всего человечность, которая была так присуща Ивану Алексеевичу и выражалась почти в каждой строчке его творчества. Тщательно взвесив наше положение, я решил поместить все письма ко мне Ивана Алексеевича (около 20) в более надежное место и избрал для этого архив Русского института при Колумбийском университете в Америке (Нью-Йорк), куда и передал всю нашу переписку на хранение. Оставил себе копии его писем и послал, какие у меня были черновики моих к нему писем. Но многие письма я писал прямо начисто. Зная, какая масса корреспонденции получалась Иваном Алексеевичем, я не думал, чтобы сохранились

мои к нему письма, но если бы это оказалось так, то не согласитесь ли бы Вы их передать отцу Александру. В таком случае я присоединил бы их или копии с них к письмам Ивана Алексеевича. Тогда наша переписка была бы полнее и понятнее.

Вместе с пожеланиями Вам здоровья и душевной бодрости в наступающем году, прошу Вас принять самые искренние мои чувства глубокого моего уважения и преданности.

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

---

[1] *Бунин И.А.* О Чехове. Незаконченная рукопись / предисл. М.А. Алданова. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 415 с.

<41>

В.Н. Бунина — В.П. Семенову-Тян-Шанскому

Париж, 30 января 1956 г.

Многоуважаемый Валерий Петрович, сердечно благодарю Вас за Ваше письмо и за слова об Иване Алексеевиче, очень справедливые. Сама я, однако, избегаю, говоря о писателях, композиторах и художниках, определять, кто из них выше, кто ниже. Ведь их ценность зависит от тех, кто судит их. Я сравниваю писателей с драгоценными камнями. Важно, чтобы как камень, так и писатели были настоящими, а не из магазина Тэта[1]. Важно уметь различать настоящее от поддельного. Ведь одному нравится рубин, другому сапфир, третьему изумруд. В последние месяцы жизни Иван Алексеевич очень часто, говоря о Чехове, сравнивал его произведения со своими.

— Нет, «Скучной истории» я не написал бы, да еще моложе 30 лет. Не написал бы и «Палаты номер шесть».

Зато Антон Павлович не написал «Воды многие», «Братья», «Господина из Сан-Франциско» или «Сны Чанга». А поэт он на редкость тонкий! И как немногие ценили его за это.

Конечно, Вам ближе Бунин, чем Чехов.

Вашу просьбу о передаче Ваших писем отцу Александру исполню так: передам ему копии с них. Со своей стороны очень мне хотелось бы иметь и копии с писем Ивана Алексеевича.

Если Вы согласитесь на мою просьбу, то я попрошу А.В. Бахраха зайти к Вам и снять копии — он живет в Гельсингфорсе и не откажет мне в этой услуге.

Желаю Вам и жене Вашей здоровья и душевного покоя.

С сердечным приветом

Уважающая Вас В. Бунина.

---

[1] «Бриллианты ТЭТа» — сеть магазинов, торговавших в предреволюционные годы имитациями драгоценных камней.

<42>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — В.Н. Буниной
6 февраля 1956 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Вера Николаевна,

Спасибо Вам большое за Ваше сердечное письмо. Очень разделяю Ваше сравнение художников во всех областях искусства с драгоценными камнями. Конечно, и для меня важнее всего, чтобы они были настоящими, а не подделками. Но ведь среди настоящих драгоценных камней есть более ценные и менее ценные. Есть даже и помеси, например, рубин-сапфир, есть изумруды и аквамарины и т. д. Наконец, теперь даже и настоящие камни есть естественные и плавленные. Есть даже настоящие, но искусственно выведенные жемчужины, которые отличаются от естественно образовавшихся; однако для особых специалистов не составляет большого труда отличить их от естественно образовавшихся. В области искусства отличить настоящего художника от поддельного может лишь человек большой культуры, так же, как ее нужно иметь каждому настоящему художнику. Я, конечно, в ближайшее время исполню Ваше желание иметь копии писем Ивана Алексеевича. Не стоит беспокоить с этим А.В. Бахраха — я пришлю их переписанными на машинке, т. к. у меня есть знакомая почтенная дама, которая с удовольствием перепишет их. Пришлю их Вам также через отца Александра. Жена моя очень благодарна Вам за привет и шлет Вам свой. Мы с ней очень ждем сюда мою дочь из Англии с мужем и сыном. Они предполагают навестить нас в мае. Благодарю Вас за согласие прислать мне копии моих писем к Ивану Алексеевичу.

Искренне и глубоко уважающий Вас,

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

<43>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — В.Н. Буниной
18 апреля 1956 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Вера Николаевна, Посылаю Вам при этом копии писем ко мне покойного Ивана Алексеевича. Был бы Вам очень признателен, если бы Вы могли прислать мне копии моих к нему писем, именно тех, черновиков, которые у меня не сохранились, и сообщаю Вам список тех моих писем, которые у меня в черновиках сохранились. Надеюсь, что Вы здоровы и перенесли благополучно все перипетии нынешней холодной зимы. У нас до сих пор снег идет чуть ли не ежедневно, и мы ждем прихода весны

разве в июне месяце. В конце мая жду сюда мою дочь из Англии с мужем, одним из сыновей и бывшей ее гувернанткой англичанкой. Я не видел дочери 6 лет.

Целую Вашу руку и желаю Вам от души возможных в нашем возрасте благ.

Искренне Вас уважающий и преданный

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

<44>

В.Н. Бунина — В.П. Семенову-Тян-Шанскому

Париж. 9 мая 1956 г.

Христос Воскресе.

Дорогой и многоуважаемый Валерий Петрович,

Поздравляю Вас со светлым праздником, желаю Вам и Вашей жене здоровья, радости и всяческих успехов. Спасибо за присланные письма. Простите, что не сразу поблагодарила. Очень устала за Великий пост и особенно за Страстную неделю. Я кое-какие письма Ваши переписала, но еще не собралась отослать по этой же причине.

Мне много приходится стучать на машине, и я очень утомляюсь. Надеюсь, что скоро освобожусь от срочной работы и тогда пришлю переписанные и отыщу более ранние Ваши письма.

Святую ночь я провела на кладбище, пока не началась заутреня. Я сидела у могилы нашей; близкие люди ставят на своих могилах свечи, что производит очень трогательное впечатление. Ивану Алексеевичу я поставила толстую свечу, а друзьям, лежащим на этом кладбище, более тонкие. Потом отстояла заутреню, затем поехала в церковь, которая находится в Ванве, где был Зуров[1], писатель, который живет с нами уже более 20 лет. Оттуда после обедни мы приехали домой, а утром я пошла в свою церковь, отстояла пасхальную обедню и причастилась. Затем кое-кто пришел в первый день, а затем на второй, вчера же мы ездили к моим родственникам Барановым[2], которые живут за городом. Все уже распустилось. У них прекрасное только что купленное поместье. Они оба инженеры. Он особенно талантлив и уже занял большое положение во всем инженерном мире. Она дочь философа Шестова и моей двоюродной тетки, тоже очень серьезная и способная женщина. Конечно, они французы и решили поехать в Москву, где живет его мать, с туристической группой. Интересно будет послушать их рассказы.

Сегодня я посвятила день неотвеченным письмам. Написала уже несколько, и еще остается порядочно. Придется и завтра отдать день на это занятие.

Бываю на религиозных собеседованиях, которые ведет Ваш племянник, о. Александр. Его увижу только в следующий вторник. Он очень талантливо и интересно руководит нашими беседами. Особенно когда он сам говорит. Книга его об Иоанне Кронштадтском на редкость интересная книга[3]. Все от нее в восхищении.

А как Вы провели праздники? Были ли Вы у заутрени? Стало, слава Богу, наконец тепло. Такой зимы, как была в этом году, я не запомню. Особенно пострадали растения на юге. Все там померзло. Этот год для Франции очень тяжел. Что делается в Алжире!..[4]

Желаю Вам душевного спокойствия. И заочно троекратно целую Вас и Вашу жену.

С душевным приветом, Вера Бунина.

---

[1] Леонид Федорович Зуров (1902–1971) — писатель, историк, археолог-любитель. С 1926 г. жил во Франции и близко общался с Буниными. С 1930 года возглавлял «Союз молодых поэтов и писателей», в 1937–1939 гг. был председателем «Объединения молодых русских писателей и поэтов в Париже». В 1952 г., во время тяжелой болезни И.А. Бунина Л.Ф. Зуров ухаживал за больным писателем, а после его смерти в 1953 г. помогал В.Н. Буниной разбирать его архив и готовить произведения к публикации.

[2] Речь идет о Наталье Львовне Барановой (урожд. Березовской-Шестовой; 1900–1993), дочери философа Льва Шестова, и ее муже В.Н. Баранове (1897–1985), инженере-геофизике.

[3] Имеется в виду издание: *Семенов-Тян-Шанский А., свящ.* Отец Иоанн Кронштадтский. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1955. 384 с.

[4] Во Французском Алжире в это время алжирский Фронт национального освобождения развернул кампанию городского терроризма, вызвавшую серьезную озабоченность французского правительства.

<45>

В.П. Семенов-Тян-Шанский — В.Н. Буниной
14 мая 1956 г.

Воистину воскресе!

Глубокоуважаемая Вера Николаевна,

Ответно троекратно целуем Вас и шлем самый сердечный привет. Редко приходится получать такие прекрасные письма, как Ваши. За все большое Вам спасибо. С какой радостью, если бы это было для нас возможно, мы приехали бы в Париж, чтобы лично повидаться с Вами и земно поклониться дорогой нам обоим могиле Ивана Алексеевича. Здесь есть тоже обычай, даже у лютеран, зажигать свечи на родных могилах. Делают это здесь и на Рождество, тогда это в темные вечера еще уютнее и красивее. Мы с женой, конечно, также были у заутрени. Наша церковь, покрова Пресвятой Богородицы — небольшая, всего несколько лет тому назад построенная, можно ска-

зать, руками самих прихожан нашей частной православной общины. Здешняя официальная государственная православная церковь давно перешла на новый стиль, из-за этого и образовались две частные общины. К сожалению, мы находимся в юрисдикции Московского Патриархата, но пока что, благодаря такту и осторожности нашего приходского церковного совета, никакого гнета (политического) мы не ощущаем. Одно время нам прислали сюда даже Викарного Епископа. Он был всем очень по душе, прямо святой был человек, но, к сожалению, его отозвали из-за другой, Никольской общины, где идут и до сих пор всякие раздоры, с которыми епископ Михаил не сумел справиться, как ни призывал всех прихожан к миру. Сейчас епископ Михаил — епископ Смоленский и Дорогобужский с некоторыми прихожанами он и сейчас переписывается. Наша Покровская община немногочисленна, 600–700 прихожан, но порядку в ней гораздо больше. Церковь наша содержится образцово, чистота и благолепие прямо удивительные. И это благодаря тому, что у нас есть несколько женщин, которых я называю нелегализованными монахинями. Они ходят в черном с покрытыми черным головами. Две живут при церкви: одна как просвирня и чтица (дьячиха), а другая стоит у свечей и помогает первой. У нас два священника, один из них протоиерей и настоятель, один дьякон, два прислуживающих молодых юношей, имеющих стихари. Хор очень порядочный, из прихожан. Очень хорош у нас церковный староста, преданный делу, отдающий ему свою душу. Хорошая у него и помощница. Основана наша община была еще в Выборге одной очень богомольный женщиной, принявшей постриг и отдавшей свое имущество общине. На ее деньги удалось купить дом с участком земли с садиком и потом, получив ссуду из банка, построить небольшую, примыкающую к дому церковь. Посильное участие в сооружении церкви принял и я: меня просили написать запрестольный образ Божьей Матери. По устройству алтаря надо было его написать на стекле, так как он находится в среднем окне, освещающем алтарь. Величина образа в человеческий рост (даже немного более). Не все мне удалось, как бы я хотел, в частности, в отношении освещения, но это вопрос исправимый, и если этого нельзя осуществить сейчас, то по причинам материальным, пока община еще не погасила полностью банковского долга. Требует некоторых исправлений и самый лик (в отношении красок). Как-нибудь пришлю Вам фотографию этого образа. Сегодня получил письмо от племянника, о. Александра. Он пишет мне и о Вас. Мы с женою до сих пор работаем, так как без заработка существовать не можем, а мне в этом году исполнится 85 лет! Работа

моя — или живопись, или литература. Все-таки на этом я кое-что зарабатываю. Заботится о нас, стариках, и государство, выплачивая мне небольшую пенсию. Помогают и дети. Ждем мою дочь из Лондона с мужем и сыном. Другой сын служит в Африке, женат, и у него 3,5 месяца назад родилась дочка, моя правнучка.

Вчера от одного нашего прихожанина слышали, что писатель Б.К. Зайцев собирается переиздать в одной книге свои посещения Валаама, Афона и Сергиевской пустыни. Не слыхали ли Вы об этом? Переиздавать будет в Америке. Интересно было бы знать в каком издательстве только, так как Чеховское издательство, насколько я знаю, ликвидируется.

Среди моих писаний, которым я дам общее название «Страницы семейной хроники», есть глава, которую я назвал «Освобождение крестьян в царствование Александра II». Я очень хотел бы выпустить ее отдельной книгой к предстоящему в 1961 году столетию этой реформы[1]. Я закидываю удочки по этому поводу в разных местах, но пока, кроме довольно неопределенных обещаний, никаких твердых ответов не имею. Есть у меня и другая глава, которая могла бы быть выпущена отдельной книгой, — «Стезя в искусстве. Воспоминания и размышления»[2]. Тоже ее хотелось бы выпустить в свет. Но все это пока мечты. Из издающегося в Париже журнала «Возрождение» от издателя Гукасова[3] я получил предложение написать статью о Великой княжне Татьяне Николаевне и ее Беженском комитете[4], в котором я состоял членом. Я даже участвовал в его учреждении. У меня были уже некоторые заметки мемуарного характера об этом крупном благотворительном деле во время войны 1914–1918 года. Теперь я уже почти закончил эту статью. Видимо, она появится в июльском номере «Возрождения»[5]. Вы пишете о Ваших родственниках Барановых. Конечно, очень интересно будет услышать об их впечатлениях от Москвы. Здесь многие знакомые уже успели побывать как туристы и в Петербурге, а кто и в Москве. В общем, те, кто раньше был в России, не в восторге от того, что там видели. Давление власти, забитость, приниженность и опасение сказать что-либо, что может быть истолковано властью как ее осуждение — вот впечатление большинства беспристрастных и разумных туристов. Но есть здесь, к сожалению, достаточное число пресмыкающихся и среди эмиграции, которые не хотят видеть того, что там есть на нашей родине, искаженного и извращенного, — и эти люди захлебываются от восторга. Нам здесь, в Финляндии, приходится встречаться с советскими людьми, служащими в разных учреждениях, дипломатических, торговых и прочих. Все эти люди запуган-

ные и забитые, боящиеся и сторонящиеся нас, эмигрантов. У наших друзей Беляевых живет старая их прислуга, простая женщина с большим природным умом, верующая и богомольная. Она часто встречается в лавках на улице с советскими женщинами, такими же простыми, как она. (Они не называются прислугами, но несут такие же обязанности.) И вот эта Маша пригласила прийти к ней на Пасху одну такую советскую женщину. Та ей ответила:

— И рада бы, матушка, всей душой рада была бы разговеться у вас, да не могу.

Один знакомый мне русский (женатый, отец трех детей), по своей «русскости» очень восторженно настроенный, съездил туристом в Москву и Петербург. У него там два брата, на свидание с которыми он очень надеялся. Так эти братья побоялись свидания с ним, и так он с ними и не встретился. Всего, конечно, не перескажешь, даже от того, что лично слышал от туристов, побывавших там. Мне кажется, что самое ужасное там, это неуверенность в завтрашнем дне. То, за что Вас сегодня по головке гладят, завтра обернется так, что Вас направят туда, где Макар телят не гонял.

Очень Вам признателен за Вашу готовность прислать мне копии моих писем Ивану Алексеевичу. Мне очень совестно, что Вы лично трудитесь их переписывать. Я слышал, что Вы составляете биографию Ивана Алексеевича[6], так что у Вас своя большая работа. Чрезвычайно интересно будет ознакомиться с Вашей работой, когда она выйдет в свет. Оба мы шлем Вам наш самый сердечный привет.

Искренне Вас уважающий и преданный

Валерий Семенов-Тян-Шанский.

---

[1] Эта глава в сокращенном виде была опубликована в двух номерах журнала «Возрождение» (*Семенов-Тян-Шанский В.П.* Манифест 19 февраля 1861 г. // Возрождение. Париж. 1961. № 110, февраль. С. 48–66; № 111, март. С. 48–66.)

[2] Глава осталась неопубликованной.

[3] Абрам Осипович Гукасов (1872–1969) — нефтепромышленник, геолог, доктор естественных наук, доктор философских наук, меценат, издатель и общественный деятель. В 1924–1925 гг. издавал газету «Вечернее время», затем стал основателем и издателем газеты «Возрождение» (1925–1940). После Второй мировой войны основатель и издатель литературно-политического журнала «Возрождение» (1949–1974).

[4] Татьянинский комитет — комитет, организованный в сентябре 1914 г. и названный в честь великой княжны Татьяны Николаевны, дочери Николая II, за счет личных средств императора (в дальнейшем получил финансирование из государственного бюджета, а также привлекал средства благотворителей). Первоначально оказывал помощь вдовам погибших на войне и детям солдат, затем — и беженцам (продовольствием, одеждой, предоставлением крова, организацией школ и больниц и пр.). После Февральской революции реорганизован и получил название «Всероссийский комитет помощи пострадавшим от военных действий».

[5] См.: *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Татьянинский комитет: Великая княжна Татьяна и ее помощь беженцам // Возрождение. Париж. 1956. № 55, июль. С. 7–25.

[6] *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина (1870–1906). Париж: [Б. и.], 1958. 174 с.

<46>

В.Н. Бунина — В.П. Семенову-Тян-Шанскому
Париж, 14 ноября 1956 г.

Многоуважаемый и дорогой Валерий Петрович, надеюсь, что Вы получили копии из Ваших писем. Простите, что я послала их без письма, но октябрь и начало ноября для меня теперь очень тяжелое время, и мне трудно сосредоточиваться. Лето я провела в Швейцарии, часть времени над Тунским озером, потом в качестве платной гостьи у одной приятельницы, а затем гостила у Т.С. Конюс, дочери Рахманинова, в ее прелестном имении[1], где всякое дерево посажено самим Сергеем Васильевичем. Там я прожила 17 дней, более или менее отдохнула. Тишина, комфорт, безлюдие, красота природы, а по вечерам рахманиновская музыка. Редкий отдых. А я ведь 7 лет не отдыхала.

Много сил и времени взял у меня день рождения Ивана Алексеевича, когда я ежегодно приглашаю его друзей и почитателей. В этом году было больше 60 человек. Степун[2] прислал свои краткие зарисовки Ивана Алексеевича, как и баронесса Врангель[3], которая дружила с ним с юности. Племянник Маклакова, сын министра[4], сказал об Иване Алексеевиче речь «Четыре облика Бунина». Говорил о нем и один поэт, Корвин-Пиотровский[5], и поэтесса Прегель «Бунин в Одессе»[6]. Было тесно, но всякий имел место за одним из столов (их было один большой и восемь маленьких), тарелку, стакан, вилку и нож. Холодного ужина хватило на всех. Гости были с семи часов вечера до половины двенадцатого. Конечно, я очень устала, так как я весь вечер простояла у буфета, раздавая по тарелкам. Кроме того, я в эти дни всегда очень волнуюсь. А после начались тяжелые воспоминания о последних днях его жизни со мной. 8 ноября в день смерти я ездила на кладбище одна. Прошло три уже года, а кажется, что это так недавно. День выдался редкий. Безоблачное синее небо, полная тишина. Деревья еще зеленые, только березы стояли в своих женственных золотых одеяниях. И везде цветы, цветы, ведь теперь и русские православные ездят к своим могилам 1 ноября[7]. Отслужила панихиду. Во время нее шум пролетавшего низко авиона. 12 ноября его хоронили. И это день смерти моего любимого брата[8]. Прошло 23 года, я же все никак не примирюсь с его смертью. И вот только два дня я стала жить нормальной жизнью. За это время накопилось

много писем. А тут такие события...[9] Вокруг все волнуются. Я же как-то неестественно спокойна. Надеюсь: «образуется».

Как провели Вы и Ваша жена лето? Отдохнули ли? У нас начнутся только 20 ноября наши религиозные собрания. Один раз о. Александр служил в нашей церкви всенощную и обедню. Вид у него был хороший, вернее, такой же, как и в прошлом году. В минувшее воскресенье я была у Бенуа[10]. Мы обменялись Чеховского издательства книгами: я получила его два тома[11] и дала ему две книги Ивана Алексеевича[12]. Я забыла, каких книг Бунина у Вас нет. Я прислала бы Вам, если Вы хотите.

Простите, что письма Ваши переписаны по новой орфографии, но я не знала, что у переписчицы машинка не имеет ять и и с точкой. Я отдала письма перед своим отъездом в Швейцарию. Когда вернулась, все было готово. Осталось только взять и заплатить.

Передайте поклон Вашей супруге. Желаю ей и Вам здоровья и возможных еще радостей.

С сердечным приветом Ваша Вера Бунина.

---

[1] Татьяна Сергеевна Конюс (урожд. Рахманинова; 1907–1961) — младшая дочь С.В. Рахманинова, близкий друг Буниных. Построенная самим С.В. Рахманиновым в 1930-х гг. вилла Сенар, о которой идет речь, расположена в Хертенштайне (коммуна Веггис) на берегу Фирвальдштетского озера в Швейцарии.

[2] Федор Августович Степун (1886–1965) — философ, литературный критик, писатель. Друг Буниных.

[3] Людмила Сергеевна Врангель, баронесса (урожд. Елпатьевская, в первом браке Кулакова; 1881–1969).

[4] Юрий (Георгий) Николаевич Маклаков (1892–1969) — профессор кафедры русского языка и литературы католического университета в Лилле.

[5] Владимир Львович Корвин-Пиотровский (1891–1966) — поэт, прозаик.

[6] Софья Юльевна Прегель (1897–1972) — поэтесса, мемуаристка, журнальный и общественный деятель.

[7] Католический праздник — День всех святых, после которого сразу следует День поминовения усопших (2 ноября).

[8] О смерти брата В.Н. Буниной П.Н. Муромцева см. примеч. 2 к письму <20>.

[9] Вероятно, имеются в виду политические события осени 1956 г. — Венгерское восстание (29 октября – 10 ноября) и Суэцкий кризис (29 октября – 8 ноября).

[10] Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) — русский художник, арт-критик, один из основателей общества «Мир искусства» и одноименного журнала Серебряного века, писатель.

[11] *Бенуа А.Н.* Жизнь художника. Воспоминания: в 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

[12] Вероятно, речь идет о двух книгах Бунина, подготовленных к печати Верой Николаевной и изданных посмертно: *Бунин И.А.* Петлистые уши и другие рассказы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 384 с.; *Бунин И.А.* О Чехове: Незаконченная рукопись / предисл. М.А. Алданова. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 415 с.

Литература

1. *Аболина М.М.* И.А. Бунин, В.Н. Бунина и «Издательство имени Чехова» // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 235–259. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-235-259

2. *Баевский В.С.* Жизнестроитель и поэт // *Семенов Л.* Стихотворения. Проза / подгот. В.С. Баевский. М.: Наука, 2007. С. 439–502.

3. *Бакунцев А.В.* И.А. Бунин в Прибалтике: Литературное турне 1938 года. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. 156 с.; ил.

4. *Богданов А.А.* Валерий Петрович Семенов-Тян-Шанский. Русский юрист и финский художник // *Богданов А.А., Бородина Т.П., Полян П.М.* Художественное наследие семьи П.П. Семенова-Тян-Шанского: книга-каталог / под ред. М.А. Семенова-Тян-Шанского. Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2024. С. 93–103.

5. *Богданов А.А.* «Цветок белозор» семейства Семеновых-Тян-Шанских // *Богданов А.А., Бородина Т.П., Полян П.М.* Художественное наследие семьи П.П. Семенова-Тян-Шанского: книга-каталог / под ред. М.А. Семенова-Тян-Шанского. Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2024. С. 25–35.

6. Из переписки П.П. Семенова-Тян-Шанского / публикация М.А. Семенова-Тян-Шанского и А.Ю. Заднепровской // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. / отв. ред. Т.С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 316–331.

7. *Иоффе Э.* Слуга двух господ // Звезда. 2010. № 12. URL: https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1524 (дата обращения: 14.01.2025).

8. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. 1184 с., ил.

9. Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского: [в 5 т.]. М.: Кучково поле, 2019.

10. Письма И.А. Бунина к М.Н. Семенову 1950–1951 гг. / предисл., публ. и коммент. Л.Г. Голубевой и С.Н. Морозова // Москва. 2004. № 2. С. 217–222.

11. «Письма — больше, чем воспоминания…». Из переписки семьи Семеновых-Тян-Шанских и сестер А.П. и В.П. Шнейдер / сост. М.А. Семенов-Тян-Шанский и А.Ю. Заднепровская. М.: Новый хронограф, 2012. 680 с.

12. Российский зарубежный съезд, 1926. Париж: Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. 848 с. (ИНРИ. Серия «Исследования новейшей русской истории». Вып. 6)

13. *Семенов-Тян-Шанский В.П.* То, что прошло: в 2 т. М.: Новый хронограф, 2009.

14. *Семенов М.Н.* Вакх и Сирены / сост., подгот. текста, пер. с итальянского, коммент. и вступ. ст. В.И. Кейдана. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 674 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Correspondence Between Valery Semenov-Tyan-Shansky and Ivan and Vera Bunins

Introductory article, text preparation, and notes by Mikhail Semenov-Tyan-Shansky

© 2025. Mikhail A. Semenov-Tyan-Shansky
Independent Researcher,
St. Petersburg, Russia

Abstract: For the first time, the article publishes the correspondence between Ivan Bunin and Valery Petrovich Semenov-Tyan-Shansky (1871–1968). Semenov-Tyan-Shansky was a lawyer, statesman, memoirist, artist, and a prominent representative of the first wave of Russian emigration. His correspondence with Ivan Bunin spans the period from 1926 to 1953. It is supplemented by the correspondence between Semenov-Tyan-Shansky and Vera Bunina after Ivan Bunin's death. The correspondence contains important biographical material about Bunin, the Semenov-Tyan-Shansky family, and the history of the Russian diaspora. The publication of the correspondence relies on previously unpublished materials from the family archive. The correspondence with Semenov-Tyan-Shansky served Bunin as a source of information that found its way into his memoir essay "The Semenovs and the Bunins." One of the important themes of the correspondence concerns the fate and creative legacy of Valery Petrovich's elder sister, Olga Petrovna Semenova, and her posthumously published book *The Life of Ivan*. Bunin's intention, to which he returned several times in his letters, to write about Olga Petrovna, remained unrealized. A significant episode in the correspondence is connected with the preparation of a lecture on Bunin's work that Valery Petrovich delivered in the spring of 1932 at the request of the Russian Academic Union in Finland. In response to the request for help in preparing the lecture, Bunin sent Semenov-Tyan-Shansky a bundle of reviews selected by Vera Bunina. The lecture was delivered in June 1933 and then repeated in December 1933, already after Bunin had been awarded the Nobel Prize. The text of the lecture received high praise from Bunin himself, who responded to its receipt with a warm letter. The lecture was not published (except a short summary appeared in the journal *Sodruzhestvo*, published in Vyborg with the participation of Semenov-Tyan-Shansky). The text of the lecture has been prepared for publication and will appear separately in one of the next issues of *Literary Fact*.

Keywords: Valery Semenov-Tyan-Shansky, Ivan Bunin, Vera Bunina, Chekhov Publishing House, Russian diaspora, publishing activity, writer's archive.

Information about the author: Mikhail A. Semenov-Tian-Shansky, Independent Researcher, DSc of Physical and Mathematical Sciences, Cultural Historian specializing in 19th–20th-century Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: semenov@pdmi.ras.ru

For citation: "Correspondence Between Valery Semenov-Tyan-Shansky and Ivan and Vera Bunins," introd. article, text prep., and notes by M.A. Se-

menov-Tyan-Shansky, *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 87–156. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-87-156

References

1. Abolina, M.M. “I.A. Bunin, V.N. Bunina i ‘Izdatel’stvo imeni Chekhova’.” [“I.A. Bunin, V.N. Bunina, and the Chekhov Publishing House”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 235–259. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-235-259 (In Russ.)

2. Baevskii, V.S. “Zhiznestroitel’ i poet” [“Life-Builder and Poet”]. Semenov, L. *Stikhotvoreniia. Proza* [*Poems. Prose*], prep. by V.S. Baevskii. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 439–502. (In Russ.)

3. Bakuntsev, A.V. *I.A. Bunin v Pribaltike: Literaturnoe turne 1938 goda* [*I.A. Bunin in the Baltics: Literary Tour of 1938*]. Moscow, House of the Russian Abroad named after A. Solzhenitsyn Publ., 2012. 156 p., ill. (In Russ.)

4. Bogdanov, A.A. “Valerii Petrovich Semenov-Tian-Shanskii. Russkii iurist i finskii khudozhnik” [“Valery Petrovich Semenov-Tyan-Shansky. Russian Lawyer and Finnish Artist”]. Bogdanov, A.A., T.P. Borodina, and P.M. Polian. *Khudozhestvennoe nasledie sem’i P.P. Semenova-Tian-Shanskogo: kniga-katalog* [*The Artistic Heritage of the P.P. Semenov-Tyan-Shansky Family: Book-Catalog*], ed. by M.A. Semenov-Tian-Shanskii. Voronezh, Publishing House named after E.A. Bolkhovitinov, 2024, pp. 93–103. (In Russ.)

5. Bogdanov, A.A. “‘Tsvetok belozor’ semeistva Semenovykh-Tian-Shanskikh” [“‘The White-Flower’ of the Semenov-Tyan-Shansky Family”]. Bogdanov, A.A., T.P. Borodina, and P.M. Polian. *Khudozhestvennoe nasledie sem’i P.P. Semenova-Tian-Shanskogo: kniga-katalog* [*The Artistic Heritage of the P.P. Semenov-Tyan-Shansky Family: Book-Catalog*], ed. by M.A. Semenov-Tian-Shanskii. Voronezh, Publishing House named after E.A. Bolkhovitinov, 2024, pp. 25–35. (In Russ.)

6. “Iz perepiski P.P. Semenova-Tian-Shanskogo” [“From the Correspondence of P.P. Semenov-Tyan-Shansky”], publ. by M.A. Semenov-Tian-Shanskii and A.Iu. Zadneprovskaia. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2007–2008 gg.* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2007–2008*], ex. ed. T.S. Tsarkova. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2010, pp. 316–331. (In Russ.)

7. Ioffe, E. “Sluga dvukh gospod” [“The Servant of Two Masters”]. *Zvezda*, no. 12, 2010. Available at: https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1524 (Accessed 14 January 2025).

8. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 110: I.A. Bunin. Novye materialy i issledovaniia [I.A. Bunin. New Materials and Research], book 1, ed.-comp. O.A. Korostelev and S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 1184 p., ill. (In Russ.)

9. *Memuary P.P. Semenova-Tian-Shanskogo*: *v 5 t.* [*Memoirs of P.P. Semenov-Tyan-Shansky: in 5 vols.*]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2019. (In Russ.)

10. “Pis’ma I.A. Bunina k M.N. Semenovu 1950–1951 gg.” [“Letters from I.A. Bunin to M.N. Semenov, 1950–1951”], preface, publ., and comm. by L.G. Golubeva and S.N. Morozov. *Moskva*, no. 2, 2004, pp. 217–222. (In Russ.)

11. *“Pis’ma — bol’she, chem vospominaniia…”. Iz perepiski sem’i Semenovykh-Tian-Shanskikh i sester A.P. i V.P. Shneider* [*“Letters More Than Memories…” From the Semenov-Tyan-Shansky Family and Sisters A.P. and V.P Shneider Correspondence*], comp. by M.A. Semenov-Tian-Shanskii and A.Iu. Zadneprovskaia. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012. 680 p. (In Russ.)

12. *Rossiiskii zarubezhnyi s”ezd, 1926. Parizh: Dokumenty i materialy* [*Russian Congress Abroad, 1926. Paris: Documents and Materials*]. Moscow, Russkii put’ Publ., 2006. 848 p. (INRI. Seriia “Issledovaniia noveishei russkoi istorii”. Vyp. 6) (In Russ.)

13. Semenov-Tian-Shanskii, V.P. *To, chto proshlo*: *v 2 t.* [*What Has Passed*: *in 2 vols.*]. Moscow, Novyi khronograf Publ, 2009. (In Russ.)

14. Semenov, M.N. *Vakkh i Sireny* [*Bacchus and the Sirens*], comp., text prep, trans. from Italian, comm., and introd. article by V.I. Keidan. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 674 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.01.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 16.01.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-157-196
https://elibrary.ru/QYGMBG

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Путешествие души». Документы М.В. Матюшина в архиве Н.И. Харджиева

©2025, Т.М. Горяева
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: В статье впервые публикуются и комментируются документы из архивной части коллекции Н.И. Харджиева, хранящейся в его личном фонде в РГАЛИ. В публикацию включены теоретические эссе М.В. Матюшина и его переписка с Н.Н. Асеевым, Д.Д. Бурлюком, В.В. Хлебниковым, Р.О. Якобсоном, а также черновик трактата К.С. Малевича «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой» с завещательным обращением к Матюшину. Такой отбор обусловлен хронологическим периодом 1910–1916 гг., отмеченным наиболее значимыми событиями в жизни Матюшина: сближение с поэтами и художниками-футуристами — Д.Д. и В.Д. Бурлюками, В.В. Каменским, В.В. Хлебниковым, а также Вяч.И. Ивановым, А.М. Ремизовым, Ф.К. Сологубом, развитие теоретического направления под влиянием Н.О. Лосского и П.Д. Успенского идей «четвертого измерения» и «расширенного смотрения» в понимании единства мира, появление «медитационных» пейзажей. Именно этот период обозначен главным творческим прорывом Матюшина — написанием музыки для оперы «Победа над Солнцем» (пролог В.В. Хлебникова, либретто А.Е. Крученых, костюмы и декорации К.С. Малевича. 1913) как части трилогии — «Победа над Солнцем», «Победа над войной», «Победа над империализмом» и созданием трагедии «Владимир Маяковский». Осуществлялась им в этот период и интенсивная издательская деятельность (издательство «Журавель», выпустившее до 1917 г. двадцать книг, брошюр и сборников), а также инициировалось создание общества «Союз молодежи». Безусловно, все эти открытия и новации, о которых говорится в публикуемых документах, осуществлялись совместно с Еленой Гуро вплоть до ее смерти, и, как утверждал Матюшин, впоследствии он не терял с ней духовную связь.

Ключевые слова: М.В. Матюшин, Е.Г. Гуро, Н.И. Харджиев, К.С. Малевич, В.В. Хлебников, Д.Д. Бурлюк, Н.Н. Асеев, Р.О. Якобсон, футуризм, супрематизм, журнал «Слововед».

Информация об авторе: Татьяна Михайловна Горяева — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-5732-9773

E-mail: goryaevatatianamih@gmail.com

Цитирование: *Горяева Т.М.* «Путешествие души». Документы М.В. Матюшина в архиве Н.И. Харджиева // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 157–196. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-157-196

«Человек как экипаж, в котором путешествует душа» — это запись в одном из многочисленных текстов художника и композитора, скульптора и фотографа, издателя и педагога Михаила Васильевича Матюшина[1]. В истории русского авангарда он занимал особое место. Основной работой Матюшина явилась изданная в 1932 г. тиражом 400 экземпляров «Закономерность изменяемости цветовых сочетаний. Справочник по цвету. Справочник смешения цветов». Н.И. Харджиев[2] предлагал переиздать «Справочник»[3], чтобы сделать его доступным для художников, дизайнеров, архитекторов и искусствоведов и тем самым вывести его из разряда библиографических «сверхредкостей» [15, с. 71–72]. Он очень тепло относился к Матюшину как к человеку и высоко ценил его художественные заслуги. А учитывая строгий и взыскательный характер Николая Ивановича, его рассказ о Матюшине, воспринимается с особым доверием, и, пожалуй, лучшим образом послужит биографическим предисловием к нашей публикации:

> ...Матюшин был человек очень любопытный, он был музыкант. И учеником Римского-Корсакова он был. Он родился в 1861 году. Так что это самый старый левый в мире. Даже Кандинский родился в 64 году. Да, по-моему, в 64 году. Или в 66, я сейчас даже точно не помню. Он был самый старый. После него в России был Кульбин[4] в 68 году, но он не был настоящим авангардистом. Он был человек, как вам сказать, соглашательского типа. Не очень принципиальный.

[1] Матюшин М.В. (1861–1934) — русский художник, музыкант, теоретик искусства, один из лидеров русского авангарда первой половины XX века.

[2] Харджиев Н.И. (1903–1996) — литературовед, искусствовед, коллекционер. Краткая автобиография опубликована в См. его краткую автобиографию: [21, т. 1, с. 294–295].

[3] Впервые за долгое время книга была переиздана в 2007 г.: [14].

[4] Кульбин Н.И. (1868–1917) — русский художник и музыкант, теоретик авангарда и меценат, теоретик театра, философ; один из организаторов первых художественных объединений и выставок нового искусства России, инициатор и деятельный участник диспутов, — больших коллективных изданий, альманахов. По профессии — военный врач, доктор медицины (1895), приват-доцент Военно-медицинской академии (с 1907), врач Главного штаба (1903−1917), действительный статский советник.

Е.Г. Гуро и М.В. Матюшин. 1910 г. РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 931. Л. 2.
Elena Guro and Mikhail Matyushin. 1910. RGALI. F. 3145. Op. 2. Ed. Khr. 931. L. 2.

Любопытный. И дилетант. А вот потом Матюшин довольно поздно начал заниматься живописью. У него, конечно, очевидно было тяготение к живописи и в ранний период, он ведь, вы знаете, внебрачный сын крепостной крестьянки. Но отец его фактический был очень милый человек. Хороший, добрый, какой-то он служащий был, он ему очень помогал, заботился о нем. А у нее были дети от ее мужа крестьянина, которого уже не было в живых. Но этот его отец фактический рано умер, так что семья оказалась в довольно тяжелом положении. Женщина осталась с кучей детей. Брат его стал сапожником. С другими я не знаю, что было, а ему повезло. Дело в том, что мать его сдавала — об этом он отчасти в своей автобиографии написал, он со мной вместе работал над этой автобиографией, но эта часть не опубликована как раз[5]. У матери жила француженка. У нее был какой-то там роман с сыном помещика или помещицы. И то ли она ждала ребенка, я не знаю, но он поселил

[5] По всей вероятности, Харджиев имеет в виду рукопись, которая была опубликована только в 2011 году: [12].

ее у этой крестьянки. Она была француженка. Настоящая. И она этого мальчика учила французскому языку, почти деревенского мальчика. Но она у них прожила довольно длительный срок, так что Михаил Васильевич очень хорошо знал французский язык. В конце 19 века он начал более или менее серьезно, не оставляя музыки — он был скрипач и композитор, как известно, написал ряд вещей, — но не оставляя музыки, он занялся всерьез живописью в Обществе поощрения художеств, а потом он работал в частных мастерских. И он встретился с Еленой Гуро[6] в одной из мастерских. Это была совершенно гениальная женщина, изумительная писательница, талантливейшая художница, очень талантливая. Вообще это были люди поразительно нужные друг другу. Она была очень больна. Вся эта история их брака была довольно печальной, потому что она рано заболела современной болезнью — белокровием. Можете представить, в те времена, лучевая болезнь. Так что она была бледна, и худа, и горбатенькая, но с очень сильным характером, волевая невероятно. Очень талантливая художница и просто гениальная писательница. Хлебников считал ее гениальной писательницей. Написал очень замечательное письмо по поводу ее смерти. Она умерла в 13 году, ей было всего 36 лет. О том, как ценил ее Хлебников, мне рассказывала Ахматова. Как он к ней пришел к ней и Гумилеву в 13 году, Хлебников с Каменским[7]. Вы знаете эту историю? Это мне Ахматова рассказывала. Хлебников сказал ей, Ахматовой: «Вы хороший поэт, но Гуро лучше»[8]. В 1900 году в Париже состоялась всемирная выставка, где были выставлены импрессионисты, о которых в России почти не знали, потому что Дягилева журнал начал выходить в конце 19 века в мире искусства, и там кое-что было, немного Ренуара, какие-то репродукции, а Михаил Васильевич туда поехал и их увидел воочию, и это произвело на него огромное впечатление. Он еще не был мужем Гуро, но они уже очень дружны были. А Гуро поехала вместе со своей сестрой в Берлин (об этом он написал в своих воспоминаниях), где они были как две пугливые мышки, они за все пребывание в Берлине ни разу не вышли на улицу. Сидели, перепуганные немецким урбанизмом.

[6] Елена (Элеонора) Генриховна Гуро, в браке Матюшина (1877–1913) — русская поэтесса, прозаик и художница. См.: [9].

[7] Каменский В.В. (1884–1961) — поэт, прозаик, драматург, художник, актер, авиатор. Один из активных участников литературно-художественного авангарда. Сблизился с Е.Г. Гуро и М.В. Матюшиным и стал редактором и участником первого футуристического сборника «Садок судей» (Петербург, 1910).

[8] Мы публикуем письмо М.В. Матюшина В.В. Хлебникову, написанное после смерти Е. Гуро. Приложение II. Переписка. М.В. Матюшин — В.В. Хлебникову, 24 апреля <1913 г.>.

Немецкий урбанизм был им особенно неприятен. Ну вот. Ну а потом в начале века они поженились и работали в разных мастерских. Они работали сначала, по-моему, в мастерской Званцевой[9], там преподавали, мне кажется, и Добужинский, и Бакст, но вообще-то говоря, это преподавание было хорошо тем, что они совершенно не вмешивались в работу учеников. А потом они учились некоторое время у Ционглинского[10], был такой пленэрист, поляк, но это все мало характерно, потому что Матюшин был очень своеобразный, и она. Таких людей научить, собственно, ничему нельзя было, это все было в них самих. Пейзажи Гуро замечательные были, Матюшин тоже был преимущественно пейзажистом. Портреты их случайные и менее удачные. Это не их область была совершенно. А потом они вступили уже в «Союз молодежи» в начале, но ненадолго, потому что там произошел раскол, пригласили мецената, очень неприятного Матюшину и Гуро, Жевержеева[11], и они ушли оттуда. А уже позже, в 1911 году он вернулся в Союз, а в начале 13 года она умерла, Елена Гуро. А у Михаила Васильевича культ такой был вообще, что его связь с ней продолжалась в сновидениях даже. Она ему являлась во сне. Это такая была духовная близость, что даже ее смерть как-то не оторвала ее от него. Он ее видел, беседовал с ней, она ему давала какие-то советы. Что про это можно сказать — это внутренний опыт, который не подлежит логическим измерениям. Он чтил ее страшно до конца жизни, хотя женился потом на такой малоприятной женщине, которая Гуро не любила очень, — она Матюшина, она потом писать начала после войны. Ольга[12]. Она умерла в 75 году. Все, что она писала о Матюшине, о Филонове и так далее — все это абсолютная ложь. Там нет ни одного слова правды, абсолютно. В этом смысле она была аферистка. Она даже начала выдавать себя за знакомую Ленина. Черт знает что такое. На самом деле она служила в магазине в Ленинграде, где продавали и политическую литературу, были такие и до революции. До известной степени. И там, бывало, покупал Воровский, русский дипломат, который был убит, вы знаете. В Польше, дипломат в Польше. Вот она с ним

[9] Званцева (Званцова) Е.Н. (1864–1921) — художница, ученица И.Е. Репина, владелица имения Тарталеи, основательница студий рисования и живописи в Москве и Санкт-Петербурге.

[10] Ян (Иван) Францевич Ционглийский (Ценглиньский, польск. *Jan Ciągliński)* (1858–1912) — польский и российский художник.

[11] Жевержеев Л.И. (188–1942) — фабрикант, меценат, библиофил, коллекционер; один из основателей Санкт-Петербургского государственного театрального и музыкального музея. Финансировал деятельность общество художников «Союз молодежи».

[12] Матюшина (урожд. Громозова) О.К. (1885–1975) — прозаик, автор воспоминаний, третья жена М.В. Матюшина.

К.С. Малевич, М.В. Матюшин и А.Е. Крученых. 1913 г. РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 932.
Kazimir Malevich, Mikhail Matyushin and Aleksey Kruchenykh. 1913. RGALI. F. 3145. Op. 2. Ed. khr. 932.

была знакома, потому что он приходил в магазин. А потом она выдумала себе политическую... ведь она никогда не была членом партии, ничего, а потом когда она умерла, когда это все стало для меня ясно, я к ней хорошо относился из-за Матюшина, поскольку она была его женой. Ну и она была уже ему нужна, поскольку он был старый, и она как-то все-таки ухаживала за ним, и так далее, но когда я узнал всю ее фактическую биографию, я пришел в ужас. А потом она начала писать, это дикая графомания, ей писали редактора, кроме того, это чудовищная ложь была. В начале она облила помоями Малевича, потому что он сомнительным ей казался, а в конце жизни она написала комплиментарное, ну что это такое. Это ужасная женщина совершенно. Она много напечатала, но я <...> тут что важно... вот вы говорите авангард, написали, какой-то материал... масса вранья, особенно мемуарного вообще, понимаете. Это ужасная вещь. О Маяковском врут, об Ахматовой. Если бы я был помоложе, я бы написал книгу «Технология мемуарной лжи» [22, с. 372–373].

Николай Иванович также затронул представления Матюшина о четвертом измерении, его интересе и увлечении трудами Ч.Д. Хинтона[13] и П.Д. Успенского[14]:

Так что, конечно, это его интересовало до конца жизни, и отсюда принцип расширенного смотрения. Они говорили о сверхсознании, о расширенном сознании, и он (Матюшин. — *Т.Г.*) это перенес в область искусства. И у него было это затылочное чувство, все органы, которые ведают пространственным восприятием, и он заставлял своих учеников с завязанными глазами изображать, так сказать, то, что сзади. И вы не думайте, ничего смешного в этом нет, это были очень замечательные работы, и его самого. Он был очень одаренный художник, это видно по его ранним вещам, пленэристическим. Блистательным совершенно. Никакой там Коровин[15], никто не сравнится. Это может рядом с Сислеем[16] висеть, с кем угодно. Блеск абсолютный. Но его интересовали не столько достижения, сколько эксперименты. Вот такой он был человек. Самым блестящим оправданием школы Матюшина является Борис Эндер[17]. Это замечательный живописец, великолепный художник был, мой друг близкий, который умер преждевременно — ему, кажется, еще 60 лет не было (в 59 или 60-м году). В Италии была его выставка, и был каталог там издан. Его дочь вышла замуж за итальянца, и уже этот муж ее умер, но там семья, дети, и при ее участии была устроена эта выставка. И там был издан каталог. Кажется, репродукции все черные. Он был изумительный совершенно живописец. Тончайший колорист. Акварели совершенно удивительные. У него были вещи абстрактные, но кроме того, построенные на восприятии пространственном, но тоже отвлеченные совершенно. Природу он чувствовал невероятно. Все-таки в самых отвлеченных его вещах… [22, с. 374].

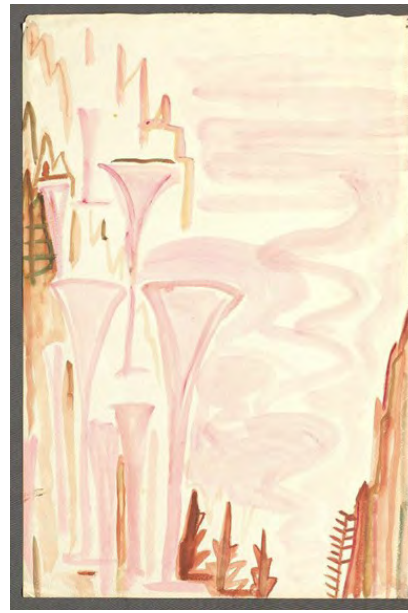
[13] Чарльз Ховард Хинтон (англ. *Charles Howard Hinton*) (1853–1907) — британский математик и мистик, автор научных и фэнтезийных произведений. Разрабатывал методы визуализации геометрии высших измерений, особенно четвертого.

[14] Успенский П.Д. (1878–1947) — русский писатель, эзотерик-исследователь, путешественник, известный в дореволюционной России и Англии журналист и автор оккультно-публицистических работ (синтез науки и эзотерики), математик по образованию. Проявлял интерес к Метафизическим идеям Четвертого измерения, применяя научно-аналитический подход к изучению идей современного ему тогда Нео-мистицизма.

[15] Константин Алексеевич Коровин (1861–1939) — русский живописец, театральный художник, педагог и писатель. Академик Императорской Академии художеств (с 1905). Главный декоратор и художник московских театров (с 1910 г.).

[16] Альфред Сислей (1839–1899) — французский живописец-пейзажист английского происхождения, представитель импрессионизма, родился и прожил большую часть жизни во Франции.

[17] Эндер Б.В. (1893–1960) — советский русский художник, представитель авангардизма, один из пионеров биоморфной абстракции.

Елена Гуро. Лотосы. 1911–1912. Акварель. Бумага на картоне. РГАЛИ. Ф. 134 (Е.Г. Гуро). Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 8.
Elena Guro. The lotuses. 1911–1912. Watercolor. Paper on cardboard. RGALI. F. 134 (Elena G. Guro). Op. 2. Ed. khr. 8. L. 8.

И затем, отвечая на вопрос о понятии «возбуждение» для Малевича в его работе «Бог не скинут»[18], коснулся достаточно сложных мировоззренческих представлений Малевича и Матюшина, говоря о том, что им были не чужды мистические чувства. Малевич, например, считал,

> что коммунисты — очень религиозные люди <…> Это не было каким-то идолопоклонством, и вообще, потому что он сам был воплощением духовности, конечно. Он говорил: чем отличается моя беспредметность от всех иностранных — ведь много появилось, где угодно — она с духовным содержанием, а у них этого нет. И это истинная правда. И, собственно говоря, на этом и зиждется его философия так называемая. И так как она для меня из искусства, так это важнее всего, это самое главное. А написал он много, и писал он

[18] Трактат К. Малевича «Бог не скинут: Искусство, церковь, фабрика» (Издание УНОВИС, Витебск, 1922) стал единственным философским сочинением Малевича, изданным прижизненно. Его публикация вызвала резко отрицательные рецензии и острую дискуссию с представителями левого направления. [10, т. 1, с. 236–266, 362].

> автоматическое письмо. Повторялся. У него были определенные идеи, он их варьировал без конца. Полемист был великолепный совершенно, блестящий. Они все были в ссоре. Малевич, Матюшин, Филонов и Татлин. Четыре мэтра. Я один раз потащил Малевича к Матюшину, потому что они несколько лет не встречались. А той Ольги, жены его, не было, она не любила его. Это деревянный домик был, он уцелел сейчас в Ленинграде. Два домика уцелело в блокаду. Деревянный домик, там у него была такая покатая крыша нижней террасы и… кончиков второго этажа, где жил Матюшин. И вот мы там часа три просидели, мило разговаривали, и ушли до прихода Ольги… [22, с. 378]

До середины 1920-х гг. нарастала утопическая вера Малевича, отмечает Д.В. Сарабьянов, в возможность мирового переустройства. «В представлении художника супрематизм, являясь формой объективного познания окружающего мира, как бы на правах науки способен постичь существо мира, освоить Вселенную, раскрыв перед человечеством новые возможности организации общества, устройства человеческой жизни» [18, с. 145]. Такие представления художника в середине 1920-х гг. не могут не вызывать предположения о влиянии на Малевича идей учения Блаватской и ее учителей, которые постигали Матюшин и Гуро [5, с. 14–24]. Харджиев был уверен, что Матюшин делился узнанным с Малевичем. Но вместе с тем полемизируя с исследователями, Харджиев писал: «Я с удивлением узнал о том, <…> что он был почитателем философии Н. Федорова (которой Малевич никогда не интересовался), что в 1918 г. в эволюции художника наступил период “мистического супрематизма” (такого периода не было ни до, ни после) и т. д.»[19].

Некоторые авторы сомневаются в утверждении, что Малевич никогда не интересовался философией Федорова на основании того, что «при жизни создателя супрематизма работы родоначальника философии всеобщего дела не издавались». Известно, что идеи учения Федорова устно распространялись по Москве, и многое могло заинтересовать Малевича в Федорове [15, с. 88]. Об этом свидетельствуют некоторые выдержки из работ последнего, созвучные мысли Малевича: «Природа в нас начинает не только сознавать себя, но и управлять собою» и «Порожденный крошечною Землею, зритель безмерного пространства, *зритель* миров этого пространства должен сделаться их обитателем и *правителем*» (цит. по: [19, с. 377]).

[19] К истории русского авангарда. Н. Харджиев. К. Малевич. М. Матюшин. Стокгольм: Гилея, 1976. С. 89.

Творческое наследие М.В. Матюшина столь же своеобразно и синтетично по своему составу, как и наследие Казимира Малевича, который, как отмечает А.С. Шатских, «отдал перу и бумаге гораздо больше жизненного времени, чем холсту и кисти» [25, с. 7]. Анализируя теоретические работы и литературные произведения художника, она подчеркивает, что «пластика и слово великого мастера неразделимы, одно вытекает из другого, образуя уникальное явление — творческое наследие Казимира Малевича» [25, с. 7]. То же самое можно сказать и о наследии Михаила Матюшина, богато представленном в коллекционной части личного фонда Харджиева [2; 3]. Как известно, обе описи в фонде Харджиева имеют практически одну и ту же структуру, и фактически представляют собой единый комплекс, разделенный на две основных части — это документы самого Николая Ивановича и собранная им коллекция. Коллекционная часть Матюшина в обеих описях составляет 27 ед. хр. Кроме этого, в 25 ед. хр. находятся документы разного характера, объема, ценности и типа информации — от афиш, программ, выписок и вырезок до подлинных писем К. Малевича, В. Хлебникова, А.Е. Крученых и др.

Наиболее значительной публикацией документов М.В. Матюшина является его дневник 1911–1934 гг., подготовленный Е.В. Баснер и опубликованный в первом томе трехтомника научных статей и публикаций «Архив Н.И. Харджиева. Русский авангард: материалы и документы из собрания РГАЛИ». Она же является автором предисловия и обширных научных комментариев к тексту [1, т. 1, с. 278–429]. Этот ценнейший источник не только наиболее аутентично отражает биографические события и интимный мир художника, но и проливает свет на малоизвестные страницы истории русского авангарда.

Для данной публикации мы отобрали несколько теоретических материалов М.В. Матюшина, а также черновик трактата К.С. Малевича с завещательным обращением непосредственно к Матюшину, сделанным им карандашом в левом верхнем углу листа. Основная часть документов — это переписка Матюшина с Н.Н. Асеевым, Д.Д. Бурлюком, В. Хлебниковым и Р.О. Якобсоном за период с 1910 по 1916 гг. Такой отбор обусловлен в определенной степени хронологическим периодом, отмеченным наиболее значимыми событиями в жизни Матюшина: сближение с поэтами и художниками-футуристами — Д.Д. и В.Д. Бурлюками, В.В. Каменским, В.В. Хлебниковым, а также Вяч.И. Ивановым, А.М. Ремизовым, Ф.К. Сологубом; развитие теоретического направления под влиянием Н.О. Лосского и П.Д. Успенского, его идей «четвертого измерения» и расширенного

смотрения в понимании единства мира; появление «медитационных» пейзажей; написание музыки для оперы «Победа над Солнцем» (пролог В.В. Хлебникова, либретто А.Е. Крученых, костюмы и декорации К.С. Малевича. 1913) как часть трилогии — «Победа над Солнцем», «Победа над войной», «Победа над империализмом» и трагедии «Владимир Маяковский»[20]; интенсивная издательская деятельность (издательство «Журавль», выпустившее до 1917 г. двадцать книг, брошюр и сборников); инициирование создания общества «Союз молодежи». Безусловно, все эти открытия и новации осуществлялись совместно с Еленой Гуро вплоть до ее смерти, но и после, тогда, как утверждал Матюшин, она не теряла с ним духовную связь[21].

[20] Ср. записи Матюшина «Творческий путь художника» 1934 г.: «Летом 1913 г. Малевич и Крученых гостили на даче у Матюшина в Финляндии, и здесь, в процессе работы над оперой “Победа над Солнцем”, между ними возникло полное взаимопонимание в вопросах искусства: “Крученых, Малевич и я работали вместе. И каждый из нас своим творческим образом подымал и разъяснял начатое другим. Опера росла усилиями всего коллектива, через слово, музыку и пространственный образ художника”. Малевич, заинтересовавшийся проблемой беспредметности в искусстве, почувствовал потребность в обсуждении возникавших перед ним новых вопросов: “Мне нужен человек, — обращается он к Матюшину в мае 1915 г., — с которым бы я мог откровенно говорить и который бы совместно со мною помог мне изложить теорию на основании живописных возникновений. Думаю, что таким человеком можете быть только Вы”. К 1915 г. относится большая часть писем к Матюшину, хранящихся в Пушкинском Доме. Малевич обсуждает с ним проблемы супрематизма, а в октябре посылает ему бандероль с текстом брошюры “От кубизма к супрематизму. Новый живописный реализм” для издания. “Эту книгу, — вспоминал Матюшин, — мы редактировали вместе с автором”. Последним шагом на пути к супрематизму была постановка оперы “Победа над Солнцем”, для которой Малевич исполнил эскизы театральных костюмов и декораций. Идея футуристических спектаклей возникла после объединения общества художников “Союз молодежи” с литературной группой “Гилея” в марте 1913 г. Крученых вспоминал: “Общество ‘Союз молодежи’”, видя засилье театральных старичков и учитывая необычайный успех наших вечеров, решило поставить дело на широкую ногу, показать миру “первый футуристический театр”. Летом 1913 г. мне и Маяковскому были заказаны пьесы. Надо было их сделать к осени. Я жил в Усикирко (Финляндия) на даче у Матюшина, обдумывал и набрасывал свою вещь”. Тогда же Малевич, Крученых и Матюшин сочинили манифест, опубликованный в августе 1913 г., в котором объявлялось о создании театра “Будетлянин” и о предстоящих спектаклях. Из писем к Матюшину и И.С. Школьнику видно, с каким нетерпением ждал Малевич осуществления постановки. Он торопит Матюшина с сочинением музыки и возлагает на спектакль большие надежды в отношении дальнейших путей русского футуризма. В самом конце июля 1913 г. он пишет Матюшину: “Я все раздумываю над нашим ‘Будетлянином’. У Маяковского выходит такая драма, что восторгу не будет конца. Для нас блестяще он все разрешает. Наш съезд, главным образом пункт о театре, в Москве вызвал большой интерес <...> Пишите музыку, ее ждут; быть может, будет положено начало новому биению молодого сердца». В постановке оперы, которая состоялась 3 и 5 декабря 1913 г. в петербургском Луна-парке, соединили свои усилия поэты Хлебников и Крученых, композитор Матюшин и художник Малевич. “Победу над Солнцем” они понимали, как решительный разгром эстетизма и представлений о «чистом искусстве” (*Малевич К.С.* Письма к М.В. Матюшину / публ. В.Ф. Ковтуна // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 178–179). См. также: [8].

[21] Предваряя сборник памяти Е. Гуро, Матюшин писал: «Новая философия, психология, музыка, живопись, порознь почти не приемлемые для нормально усталой души, — так радостно, так несбыточно поясняют и дополняют друг друга: так сладки речи только для тех, кто все сжег за собою. Но все эти победы — только средства. А цель — тот новый удивительный мир впереди, в котором даже вещи воскреснут» (Трое / Хлебников В., Крученых А., Гуро Е. СПб.: Журавль, 1913. С. 3). Устремляясь к такому синтезу разных форм искусства, «Гилея» и «Союз молодежи» объединили все силы в подготовке спектакля. Над оформлением трагедии работали Филонов и Школьник, помогала Ольга Розанова. Ею же была сделана литографическая афиша «Первые в мире постановки футуристов театра»

Отдельное место занимает текст статьи М.В. Матюшина «Опыт нового ощущения пространства» <1925–1926 гг.>. Как отмечается некоторыми исследователями, в частности, Ж.-Ф. Жаккаром [6, с. 325], статья готовилась для первого сборника ГИНХУКа, который так никогда и не вышел в свет. Ж.-Ф. Жаккар подробно прослеживает историю формирования текста этой статьи[22]. Но эти работы стали предметом доклада, сделанного в ГИНХУКе. Первый вариант статьи «Опыт нового ощущения пространства» датируется 1920 г. 10 мая 1921 г. художник прочитал доклад на эту тему под названием «Художник в опыте нового пространства» в присутствии членов Вольной философской ассоциации[23]. Харджиев вспоминает, что Андрей Белый[24], весьма увлекшийся теорией «расширенного смотрения», попытался приблизить ее к антропософии Штайнера. Опровержение Матюшина задело Андрея Белого, и он вышел из зала[25]. Этот спор отражен в протоколе ГИНХУКа от 29 октября 1921 г.[26] Окончательный вариант статьи был апробирован в качестве докладов в Ленинградском университете (1924 г.) и в ГИНХУКе (1925 г.). Тезисно основные положения были изложены в его статье «Не искусство, а жизнь»[27]. Впоследствии статья была напечатана в 1928 г. в усеченном варианте на украинском языке в журнале «Новая генерация»[28]. Многочисленные фрагменты и редакции этой статьи можно встретить в дневниковых записях Матюшина и других его теоретических работах, таких как, например, «Опыт художника

(вторая, наборная, принадлежала Д. Бурлюку). Декорации и эскизы костюмов к опере «Победа над Солнцем» выполнил Малевич. Он признавал, что экспериментальные сюжетные и словесные формы пьесы содействовали зарождению супрематических идей. Не случайно черный квадрат, символ абстрактного искусства XX в., впервые появился здесь в качестве занавеса (разрывая его, актеры преодолевали «материю» и оказывались в «ином пространстве»). Эффект усугубляла музыка Матюшина. Композитор вспоминал, как ему представлялась новая страна небывалых возможностей: «Мне казалось, я вижу и слышу пласты правильно рифмующихся в бесконечности масс...». Он высоко ценил игру Крученых — «исполнителя роли Неприятеля, дерущегося с самим собой, и Чтеца» [17, с. 11].

[22] Резюме хранится в «Материалах о передаче Музею картин (1922–1924)» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 14).

[23] См.: *Белый А.* Вольная философская ассоциация // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 1. С. 32–33.

[24] Андрей Белый был одним из ведущих представителей русского символизма, который часто считается предшественником и одним из источников русского авангарда. Он также экспериментировал с поэтическим языком, приближаясь к авангардным поискам.

[25] К истории русского авангарда. Н. Харджиев. К. Малевич. М. Матюшин. Стокгольм: Гилея, 1976. С. 156.

[26] Отчеты о деятельности Музея художественной культуры (1921–1922) (ЦГАЛИ СПб. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 13).

[27] *Матюшин М.* Не искусство, а жизнь // Жизнь искусства. 1923. № 20. С. 15.

[28] *Матюшин М.* Спроба нового видчуття просторони // Нова генерація (Харьков). 1928. № 11. С. 311–322.

новой меры»[29]. В архиве Харджиева сохранился машинописный вариант этого текста с небольшой авторской правкой без четкой датировки, и он заслуживает отдельной публикации.

Текстологические особенности передачи текста подлинников обусловлены, прежде всего, способом фиксации информации, а именно тем, с чем мы имеем дело, с рукописью или машинописным документом. По возможности сохранено авторское написание слов с учетом новой орфографии, графически обозначены зачеркивания и подчеркивания слов, неразборчивый текст помещен в угловые скобки. Оговариваются случаи редакторского вмешательства Харджиева в текст подлинников [4]. Приложения состоят из двух частей, документы размещены по жанровому и хронологическому признаку: в первой части публикуются теоретические тексты и эссе Матюшина, во второй — переписка.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Тексты

<1>

М.В. Матюшин

Запись[30]

Откр<ытие> 30 июня 1913 г.[31]

Самое главное отыскать общую связующую всех существ и вещей — движения линию и выразить ея внешность.

Связь планетарная

Линия движения неминуема при общем обхватывании и соединении т. к. получа<ется> огромная вибрация. Надо так же искать точку схода флюидов на манер перспектив видимости[32].

---

[29] К истории русского авангарда. Н. Харджиев. К. Малевич. М. Матюшин. Стокгольм: Гилея, 1976. С. 159–187.

[30] Авторский заголовок.

[31] 1913-й год был особенно богат на события. Матюшин написал музыку для оперы «Победа над Солнцем» (пролог В.В. Хлебникова, либретто А.Е. Крученых, костюмы и декорации К. Малевича). Эта опера должна была стать частью трилогии — «Победа над Солнцем», «Победа над войной», «Победа над империализмом». Ноты музыкального вступления к «Победе над Солнцем» были напечатаны в сборнике памяти Гуро «Трое» (СПб., 1913). Полная партитура издана в типографии товарищества «Свет» в 1913 году. Эта первая футуристическая опера была поставлена на сцене Театра В.Ф. Комиссаржевской «Луна-парк» (Офицерская, ныне ул. Декабристов, 39). Состоялись два представления 3 и 5 декабря 1913 г.

[32] Из анализа матюшинских текстов М. Тильберг [20, с. 260] делает вывод, что Матюшин верил, что все сущее происходит от одного начала и является его выражением. По его представлениям все, включая материю, есть энергия, распространяющаяся с разной скоростью посредством волн различной длины; в этом смысле он был убежден в существовании связи между вибрациями цвета и звука. Вибрации (по матюшинскому

———————————

Можно увидеть полное поглощение одним флюидом другова. Рис. 6 Авг.[33] или соединение или вход прямой в кривую. Рис. 6 Авг.

———————————

Можно увидеть связь своего носа, бровей с проч<ими> видимостями. Человек как экипаж, в котором путешествует душа. Надо наблюдать физиономию экипажа, чтобы видеть отражения бывших <встреч> завещанных стран, и было ли путешествие на свой счет и риск — <…>[34].

———————————

Первые числа августа <1913 год>

Продиктованное Ольге[35]

Линия тождественных флюидов, которые затемнены отражением и подражанием, линия движения флюидов, проходящая в животных и в вещах на огромном расстоянии и все-таки все соединяющая.

Углы отражения сопоставленные с общей точкой выхода (творящее ночью), открывают сущность интуитивности выход идет страшно суженного (как рог изобилия) высыпается воплощение во все видимости как бы распыляется и задача собственного Я заключается в соединении расходящихся, распыленных в пространстве видимостей, через собственную индивидуальность, найди — своего Бога соединится со всей сутью и соединить высшую возможность всех флюидов.

Созерцание

Молоденькая ель несет высоко и гордо свой светлый крест. Она вся чувство юной, нежной жизни. Даже страшно, когда поймешь ея движения. Это существо переживает свое воплощение такой силы Духа и движения, и никто этого не видит. Эти радостные изгибы молодых, пьяных от богатой хвои сосен, в плавящем потоке творящего ветра. Какое сумасшествие вселится! Какой бешеный танец. Как-будто земля вокруг открыла свою несущуюся быстроту в пространстве.

———————————

Старые Исполины, переносящие жизнь своих ветвей, свое последнее тепло, к верху, и оставляя все ниже и ниже ряд

определению — волны, флюиды, колебания и т. д.) соединяют все со всем в единое целое, но воспринять все частоты и направления движения одновременно, все силы как одну, дифференцированную, но всеобъемлющую, способно только высшее сознание, лишь ему открыто, что все различия — не более чем иллюзия, поскольку они поглощаются единым источником сущего [15, с. 75].

[33] К сожалению, указанный рисунок в деле отсутствует.

[34] Далее слово зачеркнуто.

[35] Ольга Константиновна Матюшина.

холодных, голых, уже умерших членов, совсем как у нас, людей — к старости вся жизнь уходит, в верх, в глаза. Гаснут даже самые важные черты духа в лице и все тепло, вся последняя устремленность — в глазах!

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп.1. Ед. хр. 692. Л. 1–2 об.

<2>

М.В. Матюшин. «Ложь о футуризме»

Запись наброска[36]

<Не ранее марта 1914 год>[37]

Ложь о футуризме

Шемшурин[38]

[36] Запись наброска в виде плана будущего текста, который, по всей вероятности, должен был продолжить обширную дискуссию вокруг футуризма, в том числе и русского. Одновременно это совпало с историческим визитом Филиппо Томмазо Маринетти в Россию в январе 1914 г., который вызвал неоднозначную реакцию среди русских футуристов, о котором много писали в газетах, журналах и книгах, пробудил в России интерес к итальянскому футуризму. За месяц до его прибытия журнал «Русская мысль» напечатал в русском переводе статью «Футуризм в Италии» итальянской писательницы Сибиллы Алерамо. Алерамо высказала в адрес футуризма ряд критических замечаний, однако приветствовала появление нового течения, которое, по ее мнению, открыло итальянской литературе новые таланты. Между прочим, Алерамо утверждает, что подлинный интерес в Италии к деятельности футуристов возник лишь весной 1913 г., что соответствует и российской ситуации. Она приводит несколько подробностей из истории футуризма и излагает основные принципы творчества итальянских художников, среди которых по-настоящему ценит одного Боччони. Алерамо отмечает «неоспоримый талант» Маринетти, сравнивает его с Верхарном, Гюго и Киплингом, пересказывает содержание произведений Маринетти, Палаццески, Фольгоре и Буцци. Статьи русских авторов, опубликованные в «толстых» российских журналах во время визита Маринетти и сразу после него, как правило, сочетали в себе попытку объективного освещения фактов с плохо скрываемым раздражением в оценке произведений футуристов и их действий. Именно такой была, например, статья «Итальянский футуризм» в «Вестнике Европы», присланная из Рима известным журналистом Михаилом Осоргиным. Осоргин широко цитирует манифесты Маринетти и приводит подробнейшие биографические сведения о вожде движения. Он переводит отрывки из сочинений Маринетти, написанных методом «слов на свободе» (чего не сделал, переводя манифесты итальянского футуризма, футурист Шершеневич). Осоргин не отрицает таланта Маринетти, но утверждает, что лучшие его вещи «имеют к футуризму мало отношения». Осоргин не забывает и о футуристской музыке и живописи, излагает их теории и подробно разбирает сочинения самых характерных композиторов и художников. Суждения его снисходительно-негативны; он обвиняет футуристов в нелогичности, саморекламе и распущенности, однако не предсказывает движению немедленной смерти [16, с. 340–353]. В той же стилистике статья М. Первухина «Псевдо-футуризм» (см. комментарий М.К. Первухин). Пример негативного отношения к Маринетти можно найти и в статьях символиста Георгия Чулкова, который находит в итальянском футуризме «менее всего поэзии и очень мало литературы, зато очень много морали — увы! — навыворот!», а за его внешней привлекательностью не обнаруживает ничего, кроме глухого уныния и тоски опустошенной души (Лекция Георгия Чулкова // Русские ведомости. 1914. № 53 (5 марта). С. 5).

[37] Датировка по содержанию, поскольку упоминается фамилия Первухина, статья которого появилась в марте 1914 г.

[38] Шемшурин А.А. (1872–1937) — филолог, искусствовед. В 1910-е гг. был близок кругу русских футуристов, где было весьма популярно данное его исследование. Был другом Д. Бурлюка, Крученых и др. А.А. Шемшурин автор монографии «Футуризм в стихах В. Брюсова» (М., 1913), которая была посвящена элементам футуризма и зауми в стихах В. Брюсова и И. Северянина, не упомянутого в заглавии.

Первухин[39]
Бердяев[40]
Эстетический сантимент[41]
ЭКЗ. Пролога В. Х.[42] к 3 ½ часа[43].

_____

1913 <Матюшин>[44]:

Ложь о футуризме[45]
Шамшурин
Первухин
Бердяев
Эстетический сантимент

_____

На об.
Экз. пролога
В. Х.
к 3 ½ часа.

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп.1. Ед. хр. 693. Л. 1–2 об.

[39] Первухин М.К. (1870–1928) — русский прозаик и журналист. Родился в Харькове. Из-за туберкулеза легких в 1899 г. вынужден был переехать в Ялту, где познакомился с А.П. Чеховым, Л.Н. Толстым, А.И. Куприным. В 1900–1906 гг. работал редактором газеты «Крымский курьер». Через год оказался в Италии, с которой связал свою последующую жизнь. На Капри познакомился с А.М. Горьким и его окружением. С 1907 г. был итальянским корреспондентом «Биржевых ведомостей», «Речи», «Русской мысли» и других изданий. В 1914 г. в мартовском номере ежемесячного журнала «Современный мир» была напечатана его статья в жанре письма из Рима под названием «Псевдо-футуризм». Как пишет В.Ф. Марков, «М. Первухин написал свое многословное послание с позиций консервативной, «честной» эстетики, повторяя известные по газетам обвинения футуристов в том, что они сознательно дурачат публику, и ссылаясь на сказку Андерсена о голом короле. Порой Первухин обнаруживает элементарное незнание фактов: каково ему, вероятно, было узнать, что упомянутый им Валентин де Сен-Пуан на самом деле женщина, внучка Ламартина, что, естественно, делает ее «Манифест сладострастия» еще более пикантным. Первухин предвидит скорый закат футуризма, но приветствует приход эпохи подлинного, созидательного футуризма. В России он для футуризма почвы не находит» [11, с. 139].

[40] Имеется в виду статья Н.А. Бердяева «Футуризм на войне», вышедшая в «Биржевых ведомостях» (1914, № 14456, 26 октября). В ней Н.А. Бердяев подчеркивает, что футуризм, как и многие течения авангарда, отражает специфичность происходящего кризиса, специфичность социокультурной трансформации: «Футуризм по своему чувству жизни и по своему сознанию совсем не радикален, он лишь переходное состояние, более конец старого, чем начало нового». В целом мыслитель критикует футуризм за его неспособность адекватно отразить процесс происходящей трансформации: «Поколение футуристов всех оттенков слишком пассивно отражает этот стихийный процесс».

[41] Текст написан размашисто на одной странице красным карандашом.

[42] В.Х. — Велимир Хлебников.

[43] Текст на обороте.

[44] Обозначение Харджиева.

[45] Как правило, Харджиев расшифровывал текст и прикладывал его к подлиннику. В данном случае этот текст написан на обороте отдельного листа с изображением копии гравюры: чертополох на фоне старинного замка.

<3>

К.С. Малевич. «Человек есть печать того времени…»[46]

<1918 г.>

Человек есть печать того времени, в которое он проходит.

След его знак — ~~пройденного предшественнику~~ предшественнику растет из семени пройдя свой возраст дает все возможные формы заканчивать развитие свое плодами. Т<о> е<сть> сила стремится к тому из чего вышла.

собираясь разбегаться и собирая опять.

Плоды — ~~есть~~ уже цель — семени и семья превращает<ся> опять в семья.

И так совершается до бесконечности в творчестве природы.

~~Природа зе~~

Земля проходя во времени — ~~дает~~ меняет на себе возникшие из нее вещи.

Пройдя известное время, она теряет или увеличивает в другом ~~свой~~ живущее на ней.

Человек на ней также изменил свою форму а может быть лицо его изменялось много раз пока дошло до настоящего лика.

Каждое изменение в прошедшем времени оставили его печатью и след его ~~говорил нам~~ о его работе.

Каждое такое пройденное им время нами разделено на эпохи века десятилетия и т. д.

Время творит ~~и разбрасы~~ вселенную. И ~~раз~~ на каждом созданном временем форме рождаются отпрыски творческой силы, выражающиеся в ростках.

Семя — ~~есть~~ ни что иное как сжатая сила частица творческой энергии ~~быстрота ея бега~~ от быстроты ея движения зависят формы. ~~будучи живой~~

бег ея сильный и странный ибо перейдя гигантские разветвления сбирается в пылинку ~~сводя.~~

Собирая всю ~~огромный путь~~ гигантского разветвленного в микроскопическую точку. Чтобы дать новый бег.

---

[46] Заголовок дан по первой строчке. По всей вероятности, это один из черновиков рукописи его трактата «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой», над которым он работал в период пребывания в Витебске в 1920–1922 гг., а опубликован в 2000 г. в третьем томе Собрания сочинений художника. «Все думаю, как бы издать свою записку о «Супрематизме как беспредметности». Не могу найти никаких предметов, чтобы издать беспредметность. Это издание завершило бы двадцать пять лет моей живописной работы и размышлений над ней». (Из письма Малевича к М.О. Гершензону, 11 февраля 1922 года [10, т. 3, с. 351].)

И так до тех пор пока энерция[47] не исчезает.

Что мы называем смертью. Но это не смерть.

~~исчезновение~~ Сила[48] уходит как вода в пар.

Сила~~бега~~движения убегает *иначе скурлупу свою*[49] остановившийся предмет — показывает, что сила вышла в пространство.

< Сверху приписка карандашом: > *В случае моей смерти листок отправьте Михаилу Васильевичу Матюшину в Петроград*

Песочная 10 кв. 12

<На обороте карандашом набросок плохо читаемого текста, написанного небрежно карандашом:>

Конспект

Жур<нал> — «Supremus»[50]

№ 1

(1 отд. Живопи<сь> Кубизм относим живописи)

2. Литературу

3. ~~Обз~~ Музыка Рослав<ец>

---

[47] Так в тексте.

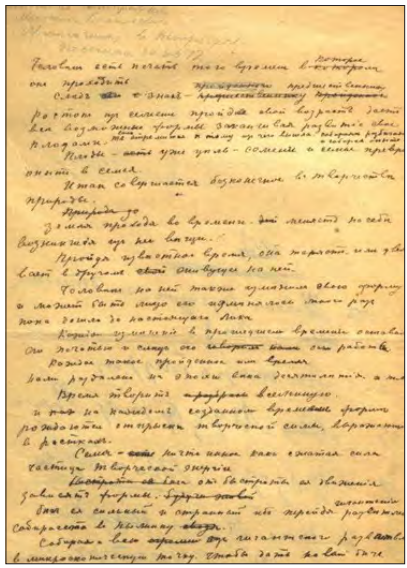
[48] «Сила» написано поверх зачеркнутого «исчезновение».

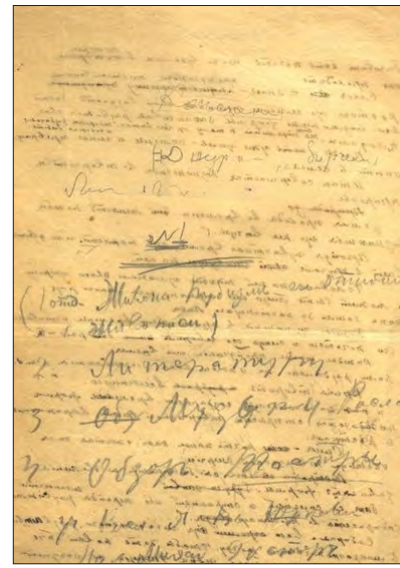
[49] Вписано поверх строки.

[50] «Супремус» — художественное авангардное объединение (1915–1916), основанное Казимиром Малевичем, в которое входили художники Любовь Попова, Ольга Розанова, Надежда Удальцова, Иван Клюн, Вера Пестель, Александра Экстер, Алексей Кручёных, а также поэт Велимир Хлебников и музыкант Николай Рославец. Позднее некоторые из них примкнули к объединению «Бубновый валет», которое вскоре также распалось. Участники объединения «Супремус» планировали выпустить одноименный художественный журнал, был собран первый номер,который так и не был издан. Мы публикуем набросок структуры журнала и приблизительный состав авторов будущих статей, который Малевич обозначил на обороте своего текста.

Гипотетическая реконструкция журнала была осуществлена А.С. Шатских в ее подробном историческом исследовании [26], она в основе совпадает с публикуемым текстом. Еще в осеннем «Конспекте журнала...» 1916 г. Малевич обозначил рубрики «Живопись», «Литература», «Музыка» и «Театр», традиционные для журналов и альманахов того времени. В письме Розановой к Матюшину упомянуто также, что в «Супремусе» будут «скульптура», «архитектура», «письма», «афоризмы», «хроника». Во время подготовки «Супремуса» у Малевича прибавилось знаний о типографских процессах. Специфические пометки, сделанные его рукой наверху рукописей, содержат полезную информацию о предполагаемом воплощении замысла. Редактор в шапке каждой статьи, предназначенной для типографии, проставил резолюции «В печать» и «Корпус», написал ее номер, размер кегля. Помимо последовательности крупных цифр, исполненных сине-лиловым карандашом, на иерархическую важность статьи указывала величина шрифта. Примечательно, что у ряда первоначальных материалов Малевича номера были переиначены из-за изменения структуры «Супремуса». Так, статья «Архитектура как Пощечина Бетону-железу» имела цифру «5», в типографию же она ушла с сине-лиловым номером «15»; аналогично в окончательном варианте «Театра» номер «8» поменялся на «16» [26, с. 272].

В фонде Харджиева находятся статьи для журнала «Супремус»: К. Малевича, Ник. Рославца, И. Клюна, Н. Удальцовой, М. Юркевича, Алексей Крученых, Н. Удальцовой. В журнал «Супремус» входила также работа Удальцовой «Отношение критики и общества к современному русскому искусству» (архив наследников) и статья Розановой «Кубизм. Футуризм. Супрематизм» (архив семьи Родченко-Степановой), что подтверждается собственными свидетельствами их авторов. В 1971 г. в архив Государственного музея В.В. Маяковского в 1971 г. через букинистический магазин от Харджиева поступила статья «О старом и Новом в Музыке» М. Матюшина [26, с. 257–272].

К.С. Малевич. Черновик трактата «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой». Витебск, [1918 г.]. РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 753. Л. 1–1 об.
Kazimir Malevich. A draft of the treatise "Suprematism. Peace as a Pointlessness, or Eternal Rest." Vitebsk, 1918. RGALI. F. 3145. Op. 2. Ed. khr. 753. L. 1–1 back.

4. Обзор театры

Уч. курс Росл<авец>. Я. Юркевич, Нат<алья> Мих<айловна>[51] Экстер. Крученых[52].

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 753. Л. 1–1 об.

II. Переписка

Письмо[1] Д.Д. Бурлюка М.В. Матюшину[2]

<Июль> 1910 г.

Милый Михаил Васильевич, Ваше нежное письмо мы получили. У нас льют непрерывно дожди хлеб гниет в полях — а здесь еще холера и чума (!) это скверно действует на нервы[3]. (Одесса 30 случаев). Работаем мы это лето и много и мало. Все лето почти у нас писал М.О. Ларионов[4] был Хлебников, сейчас он уехал Одесса — Люстдорф, дача Вурста. Если Вы посетите нас, то он быть может приедет — очень было бы хорошо, если бы Вы приехали

[51] Предположительно Н.М. Давыдова.

[52] Эти же фамилии Харджиев записывает карандашом внизу листа.

в первых числах августа[5] ибо Вове предстоит, кажется числа 25 августа уехать куда-нибудь в школу спасаться от неминуемой сей год солдатчины, а может и числа 15–17 августа. Пропал он бедняга — ему ведь рядовым. Ну что же еще? Приветствуйте Елену Генриховну и если есть еще кто знаком мне. Вам жму руку. Приезжайте в начале августа, привозите скрипку и старинную музыку и ноты. Здесь есть пианино (2 или 3) так что будете блаженствовать. (Вас ждут с нетерпением).

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 926. Л. 1.

---

[1] Письмо на бланке: Давид Федорович Бурлюк. Управляющий Чернодолинским заповедным имением Его Сиятельства Графа А.А. Мордвинова.

Сбоку штамп для телеграмм: Новая Маячка, Таврич<еская> губ<ерния>, Чернянка, Таврической губ.

С этой перепиской Харджиев работал в январе 1972 г., о чем свидетельствует запись в дневнике Веры Федоровны Сулимовой, сотрудницы Музея Маяковского 14 января 1972 г. с комментарием Харджиева: «Матюшину Бурлюк написал свой адрес почтовый: Новая Маячка. Это где почт<овое> отделение. Она очень длинная, вытянутая, в ней км. 5–7. НИ (Николай Иванович. — *Т. Г.*) проезжал по ней. А хутор Чернянка — где жили Бурлюки» [23].

[2] Письмо впервые было опубликовано в журнале «Эксперимент» (Experiment: A Journal of Russian Culture. Los Angeles, 1999. Vol. 5. P. 13), но содержало некоторые неточности при передаче текста.

[3] В 1907 г. семья Бурлюков переехала в Чернянку (Новая Маячка Таврической губернии).

[4] Ларионов М.В. (1881–1964) — русский живописец и график, выдающийся деятель русского авангарда, сценограф, теоретик искусства.

[5] На полях приписка рукой Бурлюка: «Ехать: 1) Херсон из Херсона телеграмма о высылке лошадей 2) пристань Британь лошадьми 8 верст п. Чернянка.

Открытое письмо Д.Д. Бурлюка М.В. Матюшину

2 февраля 1913 г.
Москва

2. 1913. II. Москва

Милый Михаил Васильевич! Хлебников что-то Вам писал несуразное — он — не годится как делец никуда, пожалуйста, и с ним ненадо[1] считаться. Девочки стихи[2] — Ради всего святого не печатайте[3] «Садка»[4] из-за Володин<ых>[5] рисунков не задерживайте присылайте, пожалуйста, скорее — 2-х экземплярах корректуры «Садка»[6] — нужны для Диспутов-Диалогов[7]. Обнимаю Вас дружески.

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп.1. Ед. хр. 701. Л. 1–1 об.

---

[1] Так в тексте.

Открытое письмо Д. Бурлюка М.В. Матюшину. Москва. 2 февраля 1913 г. РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 1–1 об.
The open letter from David Burliuk to Mikhail Matyushin. Moscow, February 2, 1913. RGALI. F. 3145. Op. 1. Ed. khr. 701. L. 1–1 back.

[2] В январе 1913 г. Хлебников писал Матюшину: «Дорогой Михаил Васильевич! На всякий случай, если дело только в содержании, присылаю Вам новое стихотворение protégé (?). Ведь место для него Вы всегда можете найти, исключив одно или два моих мелких стихотворения.

Согласие Ваше, столь необходимое, уже дано. В чем же источник сомнений? Нехорошо. Если б обещание не было дано, то все было бы поправимо, но теперь она (Ел.Ал.), наверно, с замиранием в сердце ждет появления в свет своих первых стихов, доверившись мне, как и я Вам. Доставьте мне эту радость, кажется, их у меня сейчас не очень много. Видите, как трогательно! Если б книга совсем не появилась в печати, то я был бы только опечален на полчаса. Но непомещение этих детских опытов ранит меня гораздо глубже. Конечно, маленькое чудо, что эти стихи появятся в большой книжке, но искусство и чудо родственны, не правда ли? Не мешайте ему, Михаил Васильевич! Не будьте жестоки ко мне, а то заставите обмануть довольно скверно детские надежды: пусть в этой книжке не будет капли дегтю в бочке меду. Всего страницу, без всякого детского отдела, с надписью “Милица, 13 лет. Москва”.

Отмечаю, что я буду Вам очень и очень обязан, если кровавые замыслы о убиении двух стихотворений не будут осуществлены, или же если поместите вместо них присылаемые стихи. Позднее я чем-нибудь отплачу Вам.

А то я только радовался красивой внешности “Садка Судей” и вдруг «страшный прыжок, дыхание жаркое, лицо ожег».

Вы размахиваете кровавым ножом над детскими строчками, и у Вас появилось не идущее к Вам свирепое выражение.

В Москве Вы были веселы и добродушны.

Спасибо Вам за хорошее мнение о присланных вещах и еще более горячее вперед, буде Вы поместите присылаемое вместо тех. Я забыл, что и как, но я думаю, что и Елена Генриховна замолвит словечко за помещение этих опытов. Всего одна страничка, можете дать подпись “Малороссиянка 13 лет”…» [24, т. 6, кн. 2, с. 149–150].

[3] Вопреки пожеланию Бурлюка «девочкины стихи» были опубликованы в завершающем разделе «Детское творчество. Песни весны» за подписью «Малороссиянка Милица. 13 лет» [Е.А. Дзигановская]. На публикации настоял Хлебников, изъяв для этого собственные стихи [11, с. 52].

[4] В апреле 1910 г. вышел первый литературно-художественный альманах «Садок Судей» (название предложил Хлебников); его издали М.В. Матюшин и Е.Г. Гуро, на квартире которых обычно и собирались петербургские новаторы. Книжка была отпечатана на грубой обойной бумаге в противовес роскошным изданиям символистов.

[5] Предположительно речь идет о рисунках Владимира Бурлюка.

[6] Подготовка второго выпуска «Садка судей» началась в конце 1912 г. по инициативе Матюшина. См. письмо к нему Д. Бурлюка (К истории русского авангарда. Н. Харджиев. К. Малевич. М. Матюшин. Стокгольм: Гилея, 1976. С. 17). Сборник вышел из печати в феврале 1913 г. тиражом 800 экземпляров (Садок судей II. <СПб.>: Тип. Т-ва «Наш век», <1913>). В отличие от первого, новый сборник не носил узко группового характера. К сотрудничеству были приглашены участники «Гилеи» (братья Бурлюки, Хлебников, В.В. Маяковский, Б.К. Лившиц и А.Е. Крученых), а в качестве иллюстраторов — М.Ф. Ларионов и Н.С. Гончарова.

[7] *Матюшин М.В.* Наши первые диспуты // Литературный Ленинград. 1934. № 53 (75). 20 октября.

Конверт от письма К.С. Малевича М.В. Матюшину

9 июня 1915 г.

Заказное

Петроград, Аптекар<ский> остр<ов>, Песочная ул., д. № 10, кв. 12

Евб.[1]

Михаилу Васильевичу Матюшину

На конверте запись М.В. Матюшина: Эскизы Малевича к опере Победа над Солнцем[2].

На почтовых штампах: 1. З<аказное> № 301 Кунцево; 2. Москва Кунцево 9. 6. 16.

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 927. Л. 1.

[1] Сокращение — Его высокоблагородие.

[2] *Крученых А.Е.* Победа над Солнцем. Опера. Текст к музыке М.В. Матюшина. С рисунками К.С. Малевича и Д.Д. Бурлюка. С автографом В. Хлебникова на обложке и его пометами для спектакля (РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Ед. хр. 487).

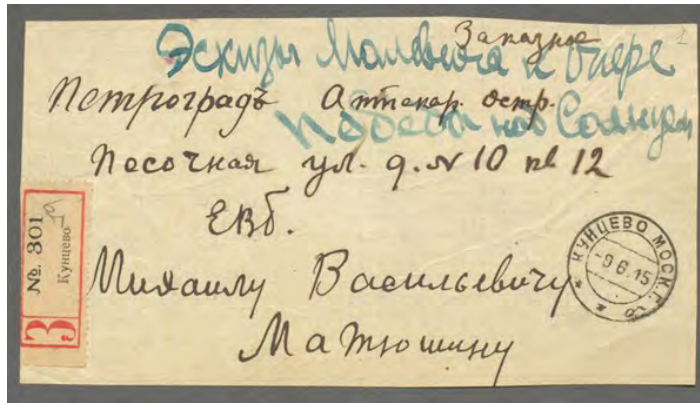
Письма Н.Н. Асеева[1] — М.В. Матюшину

<1>

4 мая 1915 г.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Очень благодарю Вас за присланные книги. Все они нам нравятся как в смысле движения книжного дела (отхода от слепотнаго однообразия печати букв), так и по внутреннему своему движению.

Конверт письма К.С. Малевича М.В. Матюшину. 9 июня 1915 г. РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 927. Л. 1.
The envelope of a letter from Kazimir Malevich to Mikhail Matyushin. June 9, 1915. RGALI. F. 3145. Op. 2. Ed. khr. 927. L. 1.

Хотя это я говорю про «Пропевень»[2] т. е. оставшиеся книги мне приходилось уже смотреть «Осенний сон»[3] Гуро вещь одинокая по заданию, но в исполнении — превосходная: еще поэт не освоился с новым своим домом. Прекрасны «Небесные верблюжата»[4], но «Шарманку»[5] я, лично, считаю движением увереннейшей руки. Вообще все, что касается Гуро — мне кажется, что она, будучи первым новатором (по старшинству и по первородству) нового человеческого общества … Так наш Маяковский сильно обязан ей… носит ея работа характер слишком большой определившейся покорности к приходу новых понятий. Она их никогда не показывает, она пользуется только шифром своим, чтобы дать возможность понять эти движения. Кто не сумеет разобрать этого шифра — для того она никогда не окажется не жившей. Может быть ранняя смерть и ее видение наложило на Гуро необходимость немедленного, во что бы то ни стало немедленного принятия средств которые далеко ниже ея мочи, силы и воли.

Но Вам наверное скучно слушать мои приблизительные рассуждения о давно известном Вами. Я это для того, чтобы открыть свою бывшую к Гуро привязанность говорю.

«Пропевень» со стороны словесной мне нравится не очень, потому что, как думается, одиночество (теперь уже внутреннее) связывает здесь речь говорящего, до невозможности объясниться. Хотя и это не стоит вам принимать во внимание, т. е. единственное мерило правоты поэта — счастье его самого.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

«Слововед»[6] будет стараться дать русло отдельно выбивающимся усилиям живой речи. Звук, слово, речь — все это относится к их рождению и жизни испишут его страницы. При всем том он будет не злободневней в смысле злобы дня. Никакой техники, никакой художественности слова – в нем может не будет. Он будет акушеркой речи (языка) и только. Ваши работы как музыканта безусловно нужно были бы ему в отдел обследования нечленораздельных звуков: из них изменяется звукобуква необходимая человеческому росту. Если бы Вы были добры и привлекли к работе этой А. Крученых — я был бы вам очень благодарен: у него хорошее ухо и крепкие зубы; он умеет ими перемалывать звучь.

Направление же журналу будет предано единственно возможное для того, чтобы не умереть на рынке: он займет дело с Министерством нар<одного> просв<ещения> и если сумеет добиться рекомендации в учебным заведения то успеть его обеспечить. Вместе с тем, уверен я в следующем: помнящая исследования научиться, давая место лингвистике (русской речи) и имея материалы[7] для Филолог<ического> міра интересное — он главным образом конечно сосредоточит свое внимание на живой силе языка, а не на сыске мертвой новой формы, что проделывается академической. Если бы у вас нашлись в рукописях Гуро, если такие есть — какие-либо работы о слове — весьма ценными они были бы для «Слововеда». Если бы пришло вам заинтересоваться «Слововедом», напишите, пожалуйста, мне какие размеры предположенных работ; 1-й № выйдет в конце августа и важно принять во внимание его объем теперь же.

Мне нужно бы известить о нем Хлебникова[8], но я не знаю как это сделать: если Вы сможете помочь мне в этом, будьте добры.

Всего хорошего желаю Вам

Ник. Асеев

Гонорар очень невелик; но сотрудникам — думаю будет полезен Слововеда характер! Во всяком случае — прошу Вас не стесняясь обусловливать его.

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 925. Л. 1–2 об.

---

[1] Асеев Н.Н. (1889–1963) — поэт, переводчик, редактор, родился в городе Льгове, Курской губернии, в семье страхового агента. В 1909 г. окончил курское реальное училище. Дальнейшее образование получил в Коммерческом институте в Москве, одновременно слушал лекции на филологическом факультете в университете. Начальный сборник стихов Асеева («Ночная флейта») вышел в 1914 году. Раннее творчество Асеева испытало влияние модернистских школ (символизма, футуриз-

ма). Сам поэт позже отмечал значение для него поэзии А.К. Толстого, творчества Н.В. Гоголя. Лучшие произведения раннего Асеева – это стихи, написанные на темы русской истории, развивающие мотивы славянской мифологии. Это сближает его с В. Хлебниковым. Есть у раннего Асеева и «экспериментаторские» излишества, особенно в области словотворчества и в преклонении перед «Госпожой Большой Метафорой». Важнейшую роль в творческой биографии поэта сыграла его дружба с В. Маяковским. В годы гражданской войны Асеев находился на Дальнем Востоке. Первый послеоктябрьский сборник стихов «Бомба» вышел во Владивостоке (1921). В 1920–1930-е годы Асеев активно и плодотворно работает в жанре поэмы («Двадцать шесть», 1924; «Лирическое отступление», 1924; «Семен Проскаков», 1927–1928; «Маяковский начинается», 1939, 1950). Пятидесятилетний литературный путь Асеева был завершен блестящим лирическим сборником «Лад». Асеев — автор многих работ по вопросам теории русского стиха, проблемам традиции и новаторства.

[2] *Филонов П.Н.* Пропевень о проросли мировой. Пг.: Мировый расцвет, Журавль, 1915. Тираж 300 экз. Книга вышла в марте 1915 г. при поддержке М. Матюшина. Она содержит две поэмы П. Филонова, написанные ритмизованной прозой: «Песня о Ваньке ключнике» и «Пропевень про красивую преставленицу». Иллюстрации воспроизводят графические работы П. Филонова 1913–1914 гг.

[3] Вторая книга Е. Гуро «Осенний сон» включает одноименную пьесу в 4-х картинах, несколько стихотворений и рассказов. Книга иллюстрирована цветными репродукциями пейзажных этюдов М. Матюшина. На последних страницах помещен фрагмент из скрипичной сюиты М. Матюшина «Осенний сон».

[4] Впервые ряд текстов из «Небесных верблюжат» появился в посмертном сборнике «Трое» (СПб., «Журавль», 1913). В 1914 г. «Небесные верблюжата» вышли в том же издательстве отдельной книгой. По сравнению с предыдущей публикацией здесь была изменена последовательность миниатюр, а также М. Матюшин по черновикам покойной внес некоторые изменения и в сами тексты.

[5] Выпуск этой книги Е. Гуро в марте 1909 г. положил начало издательской деятельности М. Матюшина. Русские футуристы считали, что футуризм как движение впервые заявил о себе в литературе именно этой книгой. Однако и образно, и стилистически книга Е. Гуро находилась еще в сильной зависимости от идей символизма. Это влияние особенно проявилось в двух опубликованных в ней пьесах: «Нищий Арлекин» и «В закрытой чаше». Обложка и рисунки работы автора, кроме трех рисунков Н. Любавиной. Музыка к пьесе Арлекин — М. Матюшина.

[6] В апреле 1915 г. «Лирень» оповестил об издании журнала художественной речи и критико-библиографии «Слововед». По утверждению Асеева, журнал должен был заниматься «живой речью», отбрасывая все, что относится к «технике» и «художественности слова»: «Он будет акушеркой речи (языка)». См.: *Хлебников В.* Неизданные произведения / ред. и коммент. Н. Харджиева и Т. Грица. М.: ГИХЛ, 1940. С. 480. Подготовка первого номера «Слововеда» затянулась до осени 1915 г., но журнал так и не вышел. Помимо Асеева и Петникова, среди предполагаемых участников были Хлебников, Маяковский, Крученых, Д. Бурлюк, Ивнев и Матюшин. Таким образом, Асееву удалось поладить с теми гилейцами, которых игнорировал Бобров. Контакты с Матюшиным привели к тому, что на страницах изданий «Лирня» рекламировались книги «Журавля». Здесь Н. Асеев фактически излагает программу журнала [11, с. 206–219].

[7] Записано поверх зачеркнутого: <нрзб.>

[8] Хлебников был заинтересован планом журнала и ждал его выхода. Что же касается слов Асеева насчет того, что «никакой техники, никакой художественности», то имеется в виду отказ следовать литературной злобе дня, включаться в полемику на стороне футуристов.

<2>

21 июня 1915 г.
Харьков

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Пожалуйста простите, что долго не писал Вам — меня не было в Харькове. Спасибо Вам за хлопоты и пожелания. Объявления о Слововеде уже были. Но не Хлебникова ни Крученых[1] не писали и я не знаю как быть. Может Вам что-нибудь известно? Вместе с этим посылаю письмо Александру Елисеевичу Крученых Если бы, случайно Вы увидели Дав<вида> Давидовича, пожалуйста, передайте ему мою просьбу о статье [вводной, если можно: об отказе от полемики вне наглядной объявлению Историко-Филологич<еского> общ<ества> под опекой, замаскировано предложение учащимся средних школ отказаться сразу от всех правил грамматики и синтаксиса сличением памятников начертания, указанием на словосечение местных наречий].

В Словеведе принял участие свящ<енник>. Павел Флоренский не убоявшийся новаторства и доставивший список материалов по фольклору[2].

Вообще дела и-<здательст>ва не дурные, но ждем очень материалы от Вас и Хлебникова, т. к. пора уже составлять книгу. На днях выйдет обещанный «ЛЪТОРЪЕЙ»[3], задержанный моим соучастником в нем по нерешительности его в выборе стихов.

Еще одна просьба: очень хочется иметь Вашего «Дон Кихота»[4] — а в Харькове его не купишь: сообщите откуда его выписать, а если Вас не стеснит, то вышлите его нам. Простите за множество обременений, каковые, пожалуйста, отбрасывайте, если они Вам хлопотливы.

А. Закржевский[5] ответил согласием и прислал «Рыцарей безумия», книгу хорошую для своего времени.

Ждем вестей от Вас, статьи и сообщений о делах «Журавля»[6] и др. Ваших издательств. Объявление помещено в «ЛЪТОРЪЕЙ», где добавлено указание адреса.

Николай Асеев

Старомосковская 54, 5.

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 925. Л. 3–3 об.

---

[1] Крученых А.Е. (1886–1968) — русский поэт-футурист, художник, издатель, коллекционер, теоретик стиха, критик, журналист.

[2] Флоренский Павел Александрович (1882–1937) — священник Русской православной церкви, богослов, религиозный философ, поэт, ученый. Сотрудничал с футуристами, написал первый аналитический обзор поэзии заумников,

в котором появляется концепт разрушения границы между внешней и внутренней формами слова в поэзии футуристов. Идеи Флоренского дополняются изучением теоретических трактатов представителей радикальной футуристической группы 41, действовавшей в Тифлисе в 1919-1920-х гг.: Алексея Крученых, Игоря Терентьева и Ильи Зданевича. Флоренский также сотрудничал с футуристами в деле издания так и не вышедшего журнала «Слововед» [7, т. 1. кн. 2, с. 549].

[3] *Асеев Н.Н., Петников Г.Н.* Леторей. Кн. стихов. М.: Лирень, 1915. 32 с.

[4] Фортепианная сюита «Дон Кихот» была написана в 1914 г. Этой композицией Матюшин закончил цикл музыкальных произведений, связанных с творчеством Гуро. Опубликована отдельным изданием (Пг.: «Журавль», 1915). Как и «Осенний сон», эта сюита тяготеет к новым тональным системам.

[5] Закржевский А.К. (1886–1916) — критик, прозаик.

[6] В 1909 г. Матюшин и Гуро организовали издательство «Журавль», выпустившее до 1917 двадцать книг, брошюр и сборников.

<3>

6 марта 1916 г.

Дорогой Михаил Васильевич!

Я не знаю наверно Вашего адреса! Этот ли? И пишу Вам на авось. Пожалуйста отвечайте мне. С Вашего позволения мне без Вас стало скучно! А тут есть и дело. Писать письма вообще дело требующее огромной затраты сил. Письма же бездельные писать — нужна особая привычка.

Дорогой Михаил Васильевич! Здесь можно издать сборник. Пожалуйста пришлите что у Вас есть в печати. Виктор Владимирович, кажется, на меня немного сердится хотя я не знаю за что. Но он все же обещал свое содействие на случай если я что-нибудь начну. Еще прекрасно бы было если бы прислать работу Филонова но я тоже его адреса не знаю. Ужасно, что я ничего не помню. В объявлении об «Очарован<ном>страннике»[1] я увидел, что там есть вещи Гуро. Это наверное от Вас. Если у Вас еще есть что-нибудь Гуро то пожалуйста пришлите нам для сборника. Это бы было чрезвычайно приятно. Вам очень кланяется Мария Михайловна Синякова[2]. Она Вас несколько раз начинала писать, но письма «не выходят». В самом деле — всегда чем лучше и признательней хочешь написать тем выходит глупее. Ну, что очень ведь глупо мое письмо? Ведь правда?

Скоро меня потребуют на воен<ную> службу как белобилетник (в Апреле)[3]. И поэтому хочется сборник до этого выпустить.

На днях выходит новым изданием (печатным) «бубен» Божидара[4]. Ваш каталог печатается там. Если нужны добавления — скорее пришлите. Книгу Вам тотчас пошлем. Пожалуйста отвечайте, если письмо дойдет до Вас. Позвольте Вас обнять.

Ваш Ник. Асеев

Харьков, Старомосковская 54, кв. 5, к-<нигоиздателст>во «Лирень»
Григорию Николаевичу Петникову для меня.

На полях: Вас ждут летом в Харькове! Со скрипкой. Уже весна скоро[5].

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 925. Л. 4–4 об.

---

[1] В рецензии на выставку «0,10» Матюшин отметил работы К.С. Малевича и В.Е. Татлина. В этом же альманахе были опубликованы стихи Гуро «Город» и «Журавлиный барон». На выставке продавалась брошюра Малевича «От кубизма к супрематизму. Новый живописный реализм», выпущенная издательством «Журавль» в декабре 1915 г. на средства Матюшина. Брошюра являлась своеобразным манифестом нового пути в искусстве (*Матюшин М.* О выставке последних футуристов // Очарованный странник. Весенний альманах. Пг., 1916. С. 16–18).

[2] Синякова М.М. (1890–1984) — российская и советская художница, член союза «Председателей земного шара», одна из пяти сестер Синяковых, близких к кругу художников русского авангарда, сестра Ксении, жены Н. Асеева..

[3] В 1915 г. Николая Асеева призвали на военную службу и отправили на австрийский фронт. Вскоре он был освобожден по болезни (туберкулез). В 1917 г. снова мобилизован, известно, что служил в 34-м стрелковом полку, позже был избран в Совет солдатских депутатов и направлен на учебу в школу прапорщиков в Иркутск (*Асеев Н.Н.* Собр. соч.: в 5 т. М.: ГИХЛ, 1963. Т. 1. С. 3–10).

[4] *Божидар.* Бубен: Стихи. 2-е изд. М.: Лирень, 1916. 42, [6] с., 2 ил. (Наст. имя — Богдан Петрович Гордеев (1894–1914)).

[5] Об этом периоде Матюшин вспоминал: «В 1913–1914 годах имена кубофутуристов были нарицательными, повсюду их желали видеть и слышать. Обывательская критика собирала в аудиториях массу желающих понять и познать. Даже Чуковский, несмотря на долгий разговор с Крученых перед лекцией, так и остался “стариком”, не понимающим нового. Любопытно отношение к Чуковскому Хлебникова. На одном из докладов Чуковский, встретившись в зале с Хлебниковым, обратился к нему с предложением вместе издать не то учебник, не то что-то другое. Я стоял рядом и наблюдал: одинаково большого роста, они стояли близко друг к другу. Две головы — одна с вопросом, другая с нежеланием понимать и говорить. Чуковский повторил вопрос. Хлебников, не уклоняясь от его головы и смотря прямо ему в глаза, беззвучно шевелил губами, как бы шепча что-то в ответ. Это продолжалось минут пять, и я видел, как Чуковский, смущенный, уходил от вылупленных на него глаз Хлебникова, под непонятный шепот его рта. Никогда я не видел более странного объяснения. Когда я рас сказал о “разговоре” с Чуковским Бурлюкам, их очень развесе лила эта мимика, столь свойственная Хлебникову. В конце 1915 г. Хлебников прочел у Осипа Брика доклад о числе. Виктор Владимирович в тот вечер был “в ударе” и дал глубокое истолкование нового значения числа» [13, с. 504–505].

<4>

Милый и дорогой Михаил Васильевич!

27 марта 1916 г.
Харьков

Григорий Николаевич Петников Вам кланяется![1]

Привет и поклон Вам от Марии Михайловны и меня. М.М. была рада, что Вы в письме писали по нее, она говорит — «Почему

такие добрые бывают люди» — она считает Вас страшно добрым. Я не уверен в этом и хочу проверить: если Вас не разозлит мое нахальство — значит действительно оно так;

Одновременно с письмом к Вам придет книжка наше новое издание. Так вот если она Вам понравится я хочу навязать Вам на шею штук сто таких же книжек, чтобы Вы поотдавали в Петрог<радск>ие книжные магазины. А то моих книжек в П<етербур>ге вообще нет в продаже и я там совсем не знаменит.

Кроме Вас мне не к кому обратиться с такого рода поручением и просьбой отчасти оттого, что нет доверия. Отчасти что ни с кем я не знаком настолько чтобы взвалить хлопоты. А Вас мне беспокоить хоть и совестно, но как то совсем не стыдно. Милый Михаил Васильевич не сердитесь за фамильярничанье пожалуйста на меня.

Что касается сборника, то выпустить его мы думаем только в августе. Но материал то нужно сейчас. Нужно, чтобы он уже лежал в столе! Печататься сборник будет летом исподволь. Бумага уже есть и типография есть. Присылайте пожалуйста материалы.

Эту книжку, что Вы получите мы состряпали в одну неделю. Здесь нашлась такая прелесть типография которая может с хорошего оригинала в 2 дня книгу напечатать.

2-е издание «Летария» выйдет после Пасхи а перед Пасхой выйдет 2-е издание «Бубна». Ого!

Видите как наши книги пошли?

Поклонитесь пожалуйста Филонову. Ему мы на днях пошлем наши книги.

Эту книгу Вы получите еще раз. Мария Мих<айловна> еще раз разукрасит и тогда пошлем Вам.

Напишите пожалуйста мне про Петроград. Какие Ваши намерения на лето?[2] Про себя побольше. «Ой канин да о кейн» — значит по сартски[3] «люблю твои глаза».

Крепко Вас обнимаю. Ваш Ник. Асеев[4]

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 925. Л. 5–5 об.[5]

---

[1] Петников Г.Н. (1894–1971) — русский поэт, переводчик, издатель. Член союза «Председателей земного шара».

[2] Матюшин вспоминал: «летом 1916 г. по приглашению Н. Асеева и художницы Марии Синяковой я поехал в Красную Поляну. Там были Григорий Петников и Дмитрий Петровский. Рядовой Хлебников (получивший отпуск) читал по рукописи свою пьесу “Ошибка смерти”, поразившую нас необычайным мастерством стиха: Ты часы? Мы часы! Нет, не знаешь ни аза, Кверху копьями усы, И закрой навек глаза!» [13, с. 483–507].

[3] Сарты — тюркская народность.

[4] На первой странице помета: «Григорий Николаевич Петников Вам кланяется».

[5] Письмо на бланке Издательства «Лирень», редакции журнала «Слововед».

Письмо М.В. Матюшина — В.В. Хлебникову

24 апреля <1913 г.>[1]

… Не сетуйте на меня, дорогой Виктор Владимирович. Елена умерла, тихо удалилась, но я не печалюсь, она всегда со мною. В себе всегда слышу ее голос и вижу ее плоть и живу вечной душой. Из Ухирки[2] уезжаю в город. Думаю, что сумею Вас здесь устроить, приезжайте.

Я Вас очень люблю. У Вас тоже великая душа и Вы <создаете> в себе <божий> храм. Если скоро приедете, то прямо на Песочную, но если <задержитесь>, то напишите, когда, чтобы можно было устроить, т. к. я перезжаю с той квартиры. До свидания. Дай Вам Бог всего лучшего Ваш М. Матюшин. 24 апреля <1913>[3].

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Ед. хр. 891. Л. 1–3.

---

[1] Дата на подлиннике, год датирован Харджиевым по содержанию. Начало письма утрачено, а весь текст находится в очень плохом состоянии и практически нечитабелен. Только благодаря рукописной копии, сделанной Харджиевым, содержание письма сохранилось. Публикуется именно по этому варианту.

[2] Ср.: «Местность здесь скучная и однообразная. Имеются дачи, но расположены оне вдали от станции. Не отличается разнообразием и дальнейший путь до станции Усикирка или Новая Кирка. Здесь местность, несколько более возвышенная, изобилует сосновыми лесами и живописными озерами и представляет весьма благоприятныя условия для дачной жизни. Деревня Усикирка, возле которой сосредоточено наибольшее количество дач, отстоит от станции на разстоянии 10 верст. На станции есть буфет и невдалеке от нея находится почтовая станция, где можно переночевать и получить лошадей по установленной таксе; кроме того, к услугам приезжающих у станции всегда имеются крестьянския лошади. В деревне есть аптека и несколько лавок. Гордостью местнаго населения является существующий в Усикирке народный университет» (Путеводитель по Финляндии под редакцией Карелина. СПб.: Новое время, 1913. Ч. 4).

[3] Можно предположить, что в ответ на это письмо Хлебников ответил 18 мая 1913 г.: «Горе Ваше и Ваша утрата находит во мне отклик; образ Елены Генриховны многими нитями связан со мной. Я, как сейчас, помню ее мужественную речь во время последнего посещения; по мнению Ел<ены> Генриховны, слишком упорная мысль одного человека может причинить смерть другому. Она казалась беззаботной, и ей, казалось, все было близко, кроме ее недуга. Мое первое впечатление было, как сильно Ел<ена> Г<енриховна> изменилась за это время. Но всегда казалось, что она находится под властью сил, не управляющих большинством людей и чуждых большинству. Но тяжелое чувство ослабляется вмешательством рассудка, он как бы говорит “не спеши оплакивать: никто, кто не умер, не знает, что такое смерть. Радость это или печаль, или третье”.

Эта вера не чужда Елене Генриховне, как можно видеть из знаков о неслучайности встреч, найденных на березовой море. Последние вещи сильны возвышенным нравственным учением, силой и искренностью высказываемых

убеждений. Здесь плащ милосердия падает на весь животный мир, и люди заслуживают жалости, как небесные верблюжата, как гибнущие молодые звери “с золотистым пушком”. У русских больше хромает хороший или должный рассудок, чем должное сердце. Эти страницы суровым сильным слогом, с их Гафизовским признанием жизни особенно хороши дыханием возвышенной мысли и печатью духа. Они означают также ссыхание моря лжи и порочности о<тцов> Петровых, господствующего сейчас в словесности Боянов, каким-то потопом. Вообще есть слова, которые боязно произносить, когда они имеют предметное содержание. Я думаю, что такое слово “смерть”, когда она застает тебя врасплох? Чувствуешь себя должником, к соседу которого пришел заимодавец! Собственно смерть есть один из видов чумы и, следовательно,г всякая жизнь всегда и везде есть пир во время чумы.

Поэтому, помня Мери, следует ли поднять в честь ее чаши веселья?

Или же встать в отношении смерти в положение восстающее телесно признающего цепи, но духовно уже свободного от их. И жречески взойти на ступень восстания против похитительницы; я отвлеченно знаю, что умру, но не чувствую этого.

Если тяготение многим управляет, то воздухоплавание и относительное бессмертие связаны друг с другом.

Но в эти дни я как-то почувствовал, что, как опускающийся камень, опираюсь не на свое рождение, а на свою смерть. Будь что будет. У Елены Генриховны белое, как мел, лицо, чуть сумасшедшие черные, как березовый уголь, глаза, торопливо зачесанные золотистые волосы. Теперь она ждет встреч там, где будем и мы когда-нибудь. Скучно, что одни люди умирают, следовательно, и ты умрешь, а книги пишут, печатают.

Я же духовно умираю. Какая-то перемена, разочарование, упадок веры, сухость, черствость. Я знаю только, что свою смерть встречу спокойно.

Прощайте, М<ихаил> В<асильевич>.

Я Вас увижу зимой. Если вправе я давать поручения: будьте нежны, веселы, добры, и все будет хорошо.

Я не боюсь ранней старости чувства.

Мертвые ли должны оплакивать живых или живые мертвых?

Хотя я не совсем поверил тому, что прочел в письме из Усикирко, но у меня как-то отнялись руки, и я не мог написать Вам.

Я чувствовал, что должен написать, и в то же время чувствовал, что не могу.

Я дружески разделяю с Вами горе, и я Вас люблю.

В. Хлебников.

Но вообще слова как-то неуместны.

Я присылаю для Вас <и> Крученых в гл<авный> почтамт кое-что» (*Хлебников В.* Неизданные произведения / ред. и коммент. Н. Харджиева и Т. Грица. М.: ГИХЛ, 1940. С. 364–366, 472).

Письмо[1] Р.О. Якобсона М.В. Матюшину

[Декабрь 1914 г.]

Уважаемый Михаил Васильевич!

Я отдал картины Малевичу и завязал знакомство к<а>к с ним, т<а>к и с Моргуновым (у него же)[2].

Они, кажется, много работают, но вещей их не видал.

Рисунок Харджиева женского профиля на копии письма Р.О. Якобсона М.В. Матюшину. [Декабрь 1914 г.]. Бумага, черно-красные чернила. РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 928. Л. 2 об.
The drawing of a female profile by Nicolay Khardzhiev on a copy of a letter from Roman Yacobson to Mikhail Matyushin. [December 1914]. Paper, black and red ink. RGALI. F. 3145. Op. 2. Ed. khr. 928. L. 2 back.

«Небесные верблюжата» снес в редакцию Русс<ких> Ведомостей[3]. А снимки с картин Байдина[4] я Вам вышлю после; задержка вышла.

Вот насчет Хлебникова: ведь оправдалось предсказание. 20-ого потопили немцы[5]. Formidable[6]. От комментариев воздерживаюсь[7].

А потом я почему-то не успел Вам до конца досказать в Петрограде одной мысли:

мне представляется, что мы не с Д. Кихотом, а с мужиками и хулиганами, бьющими его; ибо он — романтик, коленопреклонен, славит старое, нас возвышающий обман — не с лыцарем ли боремся?

Что с Крученых?

Он мне отчего-то не отвечает на письмо, а мне надо бы ему еще написать, крайне деловое. Так ему, пожалуйста, и передайте.

Не знаю, успел ли Малевич Вам написать об этом, но нам представилось, не крайне ли своевременно издать ныне сборник, хоть в минимальном количестве экз<емпляров>.

Это была бы насмешка над гробовщиками новин. Сконцентрировать напр<имер> главное из нынешнего, т. е. первелики (или первачи, к<а>к московские лавочники говорят) футуризма, достигшие maximum'а напряжения.

При некоторой объемистости сборн<ик> мог бы заключать 1) произведения и 2) статьи по музыке, поэзии, живописи и т. п. (разгромы и обоснования). Если такой сборн<ик> невозможен, его до некоторой степени мог бы заменить сборник нынешних стихов. После войны они, надо думать, будут превзойдены, а потому несколько отойдут на задний план. В результате, если не сборник, получается известный пробел. Если сия идея Вам улыбается, сообщите мне, пожалуйста, и тогда изложу Вам детальней кой-какие соображения по этому поводу[8].

Из здешних новостей: Гончарова пишет декорации для Камерного театра[9], Северянин во время поэзо-вечера выбросил из своих стихов слово «Рейхстаг» и заменил «Гауптман» «Гюисмансом»[10].

Жду письма от Вас.

Привет Екатерине Генриховне[11] и Ольге Константиновне[12]. Роман Ялягров.

———————————————

Архив <Гелос'а> № 1007[13]

1914

РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 2. Ед. хр. 928. Л. 1–2 об.

---

[1] Письмо было опубликовано в книге: [27, с. 116]. Передача текста проводилась по фотокопии подлинника, хранящегося в ИРЛИ в фонде Матюшина (Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр. 9 (Переписка (1908–1934). Л. 1–2. <Конец 1914–1915>). В книге письмо датировалось «[Москва, сер. янв. 1915 г.]» по содержанию с помощью самого Якобсона, который в конце 1977 г. сообщил публикатору, что вернулся из Петрограда в Москву в первых числах 1915 года, а премьера упомянутой в письме пьесы Гольдони состоялась 27 января 1915 г. Публикуемый текст, предположительно, является списком (рукописной копией), сделанным Н.И. Харджиевым. В конце текста подпись «Архив <Гелос'а> №1007» и рисунок женского профиля. Датировка Н.И. Харджиева.

[2] Моргунов А.А. (1884–1935) — российский и советский художник. Находился в центре художественной жизни русского авангарда, от которого впоследствии полностью отошел. Как авангардист начинал с не примитивизма с сильным влиянием фовизма, создал значительные работы в кубофутуризме, был сооснователем (вместе с Казимиром Малевичем и Иваном Клюном) феврализма; в советское время эволюционировал в неоклассицизм и закончил соцреализмом.

[3] Речь идет о том, что Якобсон отнес книгу Е. Гуро «Небесные верблюжата» (П., 1914) в редакцию газеты «Русские ведомости» для рецензии (см.: *Якобсон Р., Поморска К.* Беседы. Jerusalem: The Magness Press., 1982. P. 126)

[4] Байдин С.М. (1894–1919) — художник.

[5] По всей вероятности, речь идет о событиях начала Первой мировой войны — 22 сентября 1914 г., а именно о потоплениии крейсеров «Абукир», «Хог» и «Кресси» — одной из первых в истории и одновременно одной из самых успешных атак подводной лодки, пришедшейся на начальный период Первой мировой войны. Бой заключался в последовательном потоплении в течение часа трех британских броненосных крейсеров одной немецкой подводной лодкой U-9 в Северном море.

[6] «Франц<узский> броненосец. Н.Х.» Грозный, чудовищный, ужасный (англ.). Комментарий Харджиева.

6 августа 1914 г. в направлении Оркнейских островов была выслана первая немецкая флотилия для разведки. Хотя поход закончился провалом (погибло две лодки: U-13 пропала без вести, U-15 — была протаранена легким крейсером), но он показал, что субмарины могут производить на дальние переходы, чего раньше никто не осознавал. 5 сентября немецкая субмарина U-21 потопила британский крейсер «Патфайндер». 22 сентября U-9 под менее чем за 2 часа потопила три английских броненосных крейсера, общим водоизмещением в 36 тысяч т; было уничтожено 1459 членов экипажа. 20 октября U-17 потопила пароход «Glitra». Были и другие успехи немецких подлодок, и только с октября по декабрь 1914 г. немцами было уничтожено 300 тысяч т. торгового тоннажа. 1 января 1915 г. U-24 потопила британский линкор HMS Formidable.

[7] В письме Матюшину (Астрахань, 16 декабря 1914 г.) Хлебников писал: «Дорогой Михаил Васильевич! Спасибо за письмо и за книжки. Я так развинчен, что с трудом поймал себя на том редком времени, когда могу написать письмо. Эти дни для меня важные, т. к. 15 декабря и 20 декабря должны быть, по моим построениям, большие бои морские, первой величины. Об этом я давно писал Георгию Кузьмину (его адрес: Петроград, Политехнический институт, 1-я авиационная рота, Кузьмин), и вот сегодня, 16-го в нашем листке напечатаны «слухи о большом морском сражении». Завтра я точно узнаю, было оно или нет. Если было, то я могу точно определять дни больших морских сражений всей этой войны и их исход. День или сутки перелома! Этот день я назначил как испытание. Если не оправдается, то я брошу вычисления, <поиски> правильности утомительных расчетов. И целый месяц живу только ожиданием его. Адамс и Леверье! 2-е открытие Нептуна! Или... или, веселая лужа несбывшихся расчетов. То и другое не выходит за пределы природы человека, и к тому и к другому исходу я почти равнодушен» (впервые опубликовано: *Хлебников В.* Неизданные произведения / ред. и коммент. Н. Харджиева и Т. Грица. М.: ГИХЛ, 1940. С. 374).

Георгий Кузьмин — авиатор, брат Леонида Кузьмина, издатель. Адамс и Леверье — англ, и франц. астрономы, независимо друг от друга в 1845 г. указали местонахождение еще не открытой планеты Нептун на основании математических вычислений.

[8] В 1914 г. Якобсон окончил Лазаревский институт и поступил в Московский университет. В 1915 г. стал одним из основателей Московского лингвистического кружка и оставался его председателем до 1920 г. В 1918–1920 гг. работал в Московском университете. Одним из наиболее близких друзей Якобсона был Маяковский, познакомивший его с творчеством Хлебникова и высоко ценивший его статью об этом поэте. В феврале 1920 г. уехал в Ревель в составе торговой делегации Центросоюза в качестве сотрудника РОСТА, а оттуда в июле того же года в Чехословакию как переводчик миссии Красного Креста, занимавшейся репатриацией военнопленных. Затем работал в советском полпредстве.

[9] Н.С. Гончарова писала декорации для пьесы Карло Гольдони «Веер» в Камерном театре. Премьера состоялась 27 января 1915 г.

[10] Ср. комментарий Якобсона: «Речь идет о двух стихотворениях из сб. “Громокипящий кубок”. Еще в издании 1916 г. третья строфа стихотворения “Шампанский полонез» (1912) начинается строкой: “Голубку и ястреба! Рейхстаг

и Бастилию!", а в изд. 1918 г. "Рейхстаг" заменена своим шведским соответствием "Ригсдаг". В стихотворении "Нелли" (1911) последняя строка — "Интродукция — Гауптман, а финал — Поль де Кок" и по размеру, и по смыслу допускает замену Гауптмана Гусманом, но в печати такой замены обнаружить не удалось. 25 января 1915 г. Северянин выступал вместе с Блоком, Сологубом, Ахматовой и др. в Городской думе на вечере "Писатели — воинам"; возможно, что речь идет об этом выступлении» [27, с. 260].

[11] Гуро Е.Г. (Низен) (1874–1972) — сестра Е. Гуро, участница первого «Садка судей», переводчица книги Альбера Глеза и Жана Метценже «О кубизме» (СПб., 1913).

[12] О.К. Матюшина.

[13] Неразборчивое слово было прочитано при участии В.Н. Терехиной как <Гелос'а>, т. е. имеется в виду Аукционный дом «Гелос», в котором действительно есть архив, где хранятся каталоги лотов и результаты торгов. Он был основан в 1988 г. по образцу знаменитых британских домов «Sotheby's» и «Christie's» (*Лопатина Е.* Антикварный бизнес в России: опыт аукционного дома «Гелос» // Галерея. 2004. № 2. С. 92–99). Есть предположение, что Харджиев использовал этот источник при работе с текстом письма.

Литература

1. Архив Н.И. Харджиева. Русский авангард: материалы и документы из собрания РГАЛИ: в 3 т. М.: Дэфи, 2017–2019.

2. *Горяева Т.М.* Коллекционирование как научно-исследовательский метод: к анализу модели архивной части коллекций Н.И. Харджиева и И.С. Зильберштейна // Experiment. 2024. Vol. 30. P. 135–164.

3. *Горяева Т.М.* Как архив Н.И. Харджиева был возвращен в Россию // Архив Н.И. Харджиева. Русский авангард: материалы и документы из собрания РГАЛИ. М.: Дэфи, 2017. Т. I / ред. Парнис А., Сарабьянов А. С. 33–44.

4. *Горяева Т.М.* Н.И. Харджиев и В.В. Маяковский // Архив Н.И. Харджиева. Русский авангард: материалы и документы из собрания РГАЛИ / сост. А. Парнис. М.: Дэфи, 2019. Т. III. С. 410–457.

5. *Ди Руоко Аделе.* Буддийские реминисценции в русском изобразительном искусстве первого тридцатилетия XX века. Н. Рерих, «Амаравелла», Н. Кульбин, М. Матюшин, Е. Гуро: дис. … канд. искусств. М., 2005. 209 с.

6. *Жаккар Ж.-Ф.* Даниил Хармс и конец русского авангарда / пер. с фр. Ф.А. Перовской. СПб.: Академический проект, 1995. 471 с.

7. *Крусанов А.В.* Русский авангард, 1907–1932: исторический обзор: в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

8. *Крученых А.Е.* К истории русского футуризма: Воспоминания и документы / вступ. ст., подг. текста и коммент. Н. Гурьяновой. М.: Гилея, 2006. 458 с.

9. *Ласкин А.С.* Жены Матюшина: Документальный роман. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 224 с.

10. *Малевич К.С.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Гилея, 1995–2004.

11. *Марков В.Ф.* История Русского футуризма / пер. с англ. В. Кучерявкин, Б. Останин. СПб.: Алетейя, 2000. 438 с.

12. *Матюшин М.* Творческий путь художника: Автомонография / под общ. ред. А.В. Повелихиной. Коломна: Смик Пресс, 2011. 408 с.

13. *Матюшин М.В.* Русские кубофутуристы // Русский футуризм. Стихи, статьи, воспоминания. СПб.: Полиграф, 2009. С. 483–507.

14. *Матюшин М.В.* Справочник по цвету. Закономерность изменяемости цветовых сочетаний / вступ. ст. Л.А. Жадовой. М.: Изд. Д. Аронов, 2007. 72 с.

15. *Мунипов В.М., Мунипов М.В.* Размышления над книгой «Цветная Вселенная: Михаил Матюшин об искусстве и зрении» // Культурно-историческая психология. 2013. Т. 9. № 1. С. 71–91.

16. *Осоргин М.А.* Очерки современной Италии / предисл. и коммент. А. Ямпольской. М.: ИГ 1900, 2022. 400 с.

17. Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. М.: Наследие, 1999. 480 с.

18. *Сарабьянов Д.В., Шатских А.С.* Казимир Малевич. Живопись. Теория. М.: Искусство, 1993. 416 с.

19. *Семенова С.Г.* Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2009. 672 с.

20. *Тильберг М.* Цветная вселенная: Михаил Матюшин об искусстве и зрении. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с., ил.

21. *Харджиев Н.И.* Архив русского авангарда. Статьи об авангарде: в 2 т. / под ред. В. Ракитина и А. Сарабьянова; сост. Р. Дуганов, Ю. Арпишкин, А. Сарабьянов. М.: RA, 1997.

22. *Харджиев Н.И.* Интервью. Апрель 1987 года // Художник и его текст. Русский авангард: история, развитие, значение. К 80-летию Вяч.Вс. Иванова / сост. Н.В. Злыднева, М.Л. Спивак, Т.В. Цивьян. М.: Наука, 2011. С. 368–384.

23. Харджиев. Разговоры / публ. Э. Галеева // Знамя. 2023. № 12. URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=8870&ysclid=mcduc3exxu295935050 (дата обращения: 02.03.2025).

24. *Хлебников В.* Полн. собр. соч.: в 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

25. *Шатских А.С.* Казимир Малевич — литератор и мыслитель // *Малевич К.* Черный квадрат. СПб.: Азбука, 2001. С. 7–26.

26. *Шатских А.С.* Казимир Малевич и общество Супремус. М.: Три квадрата, 2009. 360 с., ил.

27. *Якобсон Р.* Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подгот. текста, вступ. статьи и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Гилея, 2012. 306 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

“Journey of the Soul.” Mikhail Matyushin’s Documents in Nikolay Khardzhiev’s Archive

©2025. Tatiana M. Goryaeva
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: For the first time, the article publishes and comments on documents from the archival part of the collection of Nikolay Khardzhiev, stored in his personal fund in RGALI. The publication includes theoretical essays by Mikhail Matyushin and his correspondence with Nikolay Aseev, David Burlyuk, Velimir Khlebnikov, and Roman Yakobson, as well as a draft of Kazimir Malevich’s treatise *Suprematism. Peace as Pointlessness, or Eternal Rest* with a testamentary appeal to Matyushin. This selection is due to the chronological period of 1910–1916, marked by the most significant events in Matyushin’s life: his rapprochement with the futurist poets and artists David and Vladimir Burliuk, Vasiliy Kamensky, and Velimir Khlebnikov, as well as Vyacheslav I. Ivanov, Aleksey Remizov, and Fedor Sologub, the development of a theoretical trend influenced by Nikolay Lossky and Petr Uspensky’s ideas of the “fourth dimension” and “extended vision” in understanding the unity of the world, and the emergence of meditation landscapes. It was this period that marked Matyushin’s main creative breakthrough — writing music for the opera *Victory over the Sun* (prologue by Velimir Khlebnikov, libretto by Aleksey Kruchenykh, and costumes and scenery by Kazimir Malevich, 1913) as part of a trilogy — *Victory over the Sun*, *Victory over War*, and *Victory over Imperialism*, along with the tragedy *Vladimir Mayakovsky*. Intensive publishing activities were carried out (by Zhuravel Publishing House, which published twenty books, pamphlets and collections before 1917), as well as the initiation of the creation of the Union of Youth Society. Of course, all these discoveries and innovations mentioned in the published documents were carried out jointly with Elena Guro until her death, and, as Matyushin claimed, he subsequently did not lose his spiritual connection with her.

Keywords: Mikhail Matyushin, Elena Guro, Nikolay Khardzhiev, Kazimir Malevich, Velimir Khlebnikov, David Burliuk, Nikolay Asseyev, futurism, the journal *Slovoved*.

Information about the author: Tatyana M. Goryaeva, DSc in Historical Sciences, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-5732-9773
E-mail: goryaevatatianamih@gmail.com

For citation: Goryaeva, T.M. “‘Journey of the Soul’. Mikhail Matyushin’s Documents in Nikolay Khardzhiev’s Archive.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 157–196. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-157-196

References

1. *Arkhiv N.I. Khardzhieva. Russkii avangard: materialy i dokumenty iz sobraniia RGALI: v 3 t.* [*N.I. Khardzhiev's Archive. The Russian Avant-Garde: Materials and Documents from the Collection of the Russian Academy of Sciences: in 3 vols.*]. Moscow, DEFI Publ., 2017–2019. (In Russ.)

2. Goriaeva, T.M. "Kollektsionirovanie kak nauchno-issledovatel'skii metod: k analizu modeli arkhivnoi chasti kollektsii N.I. Khardzhieva i I.S. Zil'bershteina" ["Collecting as a Scientific Research Method: Towards the Analysis of the Model of the Archival Part of the Collections of N.I. Khardzhiev and I.S. Zilberstein"]. *Experiment*, vol. 30, 2024, pp. 135–164. (In Russ.)

3. Goriaeva, T.M. "Kak arkhiv N.I. Khardzhieva byl vozvrashchen v Rossiiu" ["How N.I. Khardzhiev's Archive Was Returned to Russia"]. *Arkhiv N.I. Khardzhieva. Russkii avangard: materialy i dokumenty iz sobraniia RGALI: v 3 t.* [*N.I. Khardzhiev's Archive. The Russian Avant-Garde: Materials and Documents from the Collection of the Russian Academy of Sciences: in 3 vols.*], vol. 1, ed.by A. Parnis and A. Sarab'ianov. Moscow, DEFI Publ., 2017, pp. 33–44. (In Russ.)

4. Goriaeva, T.M. "N.I. Khardzhiev i V.V. Maiakovskii" ["N.I. Khardzhiev and V.V. Mayakovsky]. *Arkhiv N.I. Khardzhieva. Russkii avangard: materialy i dokumenty iz sobraniia RGALI: v 3 t.* [*N.I. Khardzhiev's Archive. The Russian Avant-Garde: Materials and Documents from the Collection of the Russian Academy of Sciences: in 3 vols.*], vol. 3. Moscow, DEFI Publ., 2019, pp. 410–457. (In Russ.)

5. Di Ruoko, Adele. *Buddiiskie reministsentsii v russkom izobrazitel'nom iskusstve pervogo tridtsatiletiia XX veka. N. Rerikh, "Amaravella", N. Kul'bin, E. Guro* [*Buddhist Reminiscences in Russian Fine Art of the First Thirty Years of the 20th Century. N. Roerich, "Amaravella," N. Kulbin, M. Matyushin, E. Guro: PhD Dissertation*]. Moscow, 2005. 209 p. (In Russ.)

6. Jacquard, Zh.-F. *Daniil Kharms i konets russkogo avangarda* [*Daniil Kharms and the End of the Russian Avant-Garde*], trans. from French by N.A. Perovskaia. St. Petersburg, Academic Project Publ., 1995. 471 p. (In Russ.)

7. Krusanov, A. *Russkii avangard, 1907–1932: istoricheskii obzor*: v *3 t.* [*Russian Avant-Garde. Historical Overview: in 3 vols.*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. (In Russ.)

8. Kruchenykh, A.E. *K istorii russkogo futurizma: Vospominaniia i dokumenty* [*On the History of Russian Futurism: Memoirs and Documents*], introd. article, text prep. and comm. by N. Gur'ianova. Moscow, Gileia Publ., 2006. 458 p. (In Russ.)

9. Laskin, A.S. *Zheny Matiushina: Dokumental'nyi roman* [*Matyushin's Wives: A Documentary Novel*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 224 p. (In Russ.)

10. Malevich, K.S. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [*Collected Works: in 5 vols.*]. Moscow, Gileia Publ., 1995–2004. (In Russ.)

11. Markov, V.F. *Istoriia Russkogo futurizma* [*The History of Russian Futurism*], trans. from English by B. Ostanin. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2000. 438 p. (In Russ.)

12. Matiushin, M. *Tvorcheskii put' khudozhnika: Avtomonografiia* [*The Artist's Creative Path: An Automonography*], ed. by of A.V. Povelikhina. Kolomna, Smik Press, 2011. 408 p. (In Russ.)

13. Matiushin, M.V. "Russkie kubofuturisty" ["Russian Cubofuturists"]. *Russkii futurizm. Stikhi, stat'i, vospominaniia* [*Russian Futurism. Poems, Articles, Memoirs*]. St. Petersburg, Poligraf Publ., 2009, pp. 483–507. (In Russ.)

14. Matiushin, M.V. *Spravochnik po tsvetu. Zakonomernost' izmeniaemosti tsvetovykh sochetanii* [*Color Handbook: The Patterns of Variability in Color Combinations*], introd. article by L.A. Zhadova. Moscow, D. Aronov Publ., 2007. 72 p. (In Russ.)

15. Munipov, V.M., and M.V. Munipov. "Razmyshleniia nad knigoi ʻTsvetnaia Vselennaia: Mikhail Matiushin ob iskusstve i zrenii'." ["Reflections on the Book ʻThe Color Universe: Mikhail Matyushin on Art and Vision'."] *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia*, vol. 9, no. 1, 2013, pp. 71–91. (In Russ.)

16. Osorgin, M.A. *Ocherki sovremennoi Italii* [*Essays on Modern Italy*], preface and comm. by A. Iampolskaia. Moscow, Publishing Group 1900, 2022. 400 p. (In Russ.)

17. *Russkii futurizm: Teoriia. Praktika. Kritika. Vospominaniia* [*Russian Futurism: Theory. Practice. Criticism. Memoirs*], comp. by V.N. Terekhina and A.P. Zimenkov. Moscow, Nasledie Publ., 1999. 480 p. (In Russ.)

18. Sarab'ianov, D.V., and A.S. Shatskikh. *Kazimir Malevich. Zhivopis'. Teoriia* [*Kazimir Malevich. Painting. Theory*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1993. 416 p. (In Russ.)

19. Semenova, S.G. *Palomnik v budushchee. P'er Teiiar de Sharden* [*Pilgrim to the Future. Pierre Teilhard de Chardin*]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2009. 672 p. (In Russ.)

20. Til'berg, M. *Tsvetnaia vselennaia: Mikhail Matiushin ob iskusstve i zrenii* [*The Colored Universe: Mikhail Matyushin on Art and Vision*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 512 p., ill. (In Russ.)

21. Khardzhiev, N.I. *Arkhiv russkogo avangarda. Stat'i ob avangarde: v 2 t.* [*Archive of the Russian Avant-Garde. Articles on the Avant-Garde: in 2 vols.*], ed. by V. Rakitin and A. Sarab'ianov, comp. by R. Duganov, Iu. Arpishkin, A. Sarab'ianov. Moscow, RA Publ., 1997. 388 p. (In Russ.)

22. Khardzhiev, N.I. "Interv'iu. Aprel' 1987 goda" ["Interview. April 1987"]. *Khudozhnik i ego tekst. Russkii avangard: istoriia, razvitie, znachenie. K 80-letiiu Viach.Vs. Ivanova* [*The Artist and His Text. The Russian Avant-Garde: History, Development, and Significance. On the 80th Anniversary of Vyacheslav Ivanov*], comp. by N.V. Zlydneva, M.L. Spivak, and T.V. Tsiv'ian. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 368–384. (In Russ.)

23. "Khardzhiev. Razgovory" ["Khardzhiev. Conversations"], publ. by E. Galeev. *Znamia*, no. 12, 2023. Available at: https://znamlit.ru/publication.php?id=8870&ysclid=mcduc3exxu295935050 (Accessed 02 March 2025). (In Russ.)

24. Khlebnikov, V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Complete Works: in 6 vols.*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. (In Russ.)

25. Shatskikh, A.S. “Kazimir Malevich — literator i myslitel’” [“Kazimir Malevich as a Writer and Thinker”]. Malevich, K. *Chernyi kvadrat* [*Black Square*]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2001, pp. 7–26. (In Russ.)

26. Shatskikh, A.S. *Kazimir Malevich i obshchestvo Supremus* [*Kazimir Malevich and the Supremus Society*]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2009. 360 p., il. (In Russ.)

27. Iakobson, R. *Budetlianin nauki: Vospominaniia, pis’ma, stat’i, stikhi, proza* [*Budetlyanin of Science: Memoirs, Letters, Articles, Poems, Prose*], comp., text prep., introd. articles and comm. by B. Iaangfel’dt. Moscow, Gileia Publ., 2012. 306 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.03.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 12.03.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

БИОГРАФИКА

Литературный факт. 2025. № 4 (38)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-197-234
https://elibrary.ru/QYSSSK

Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Эпистолярное наследие и художественное творчество Елены Гуро: деконструкция автобиографического мифа писательницы

© 2025, Д.Н. Кожачкина
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблеме разграничения писательницы и художницы Елены Гуро и автобиографического мифа (репрезентации себя как матери-созидательницы-заступницы), заместившего ее реальный облик в критических и научных работах. Мы указываем на ряд фактических ошибок в изложении биографии писательницы в специализированных словарях и тематических каталогах. Опираясь на материалы из фонда Гуро в РГАЛИ, многие из которых привлекаются впервые (письма к художнику и музыканту Михаилу Матюшину, к сестре Екатерине и послания от матери Гуро), мы исследуем негативное восприятие писательницей детства и материнства, связанное с фиксацией на творчестве, а также восстанавливаем историю взаимоотношений Гуро и Матюшина, датируя и комментируя такие важные этапы, как начало их близкого общения (1901 г.), бракоразводный процесс Матюшина с Марией Патцак (1903 г.), женитьба на Гуро (1904 г.) и кризис семейной жизни (1907 г.), послуживший основным импульсом творчества Гуро. В статье исследуются тексты из книг «Шарманка», «Осенний сон», «Небесные верблюжата», а также неоконченная повесть «Бедный рыцарь». Сопоставление эпистолярного и художественного наследия писательницы позволяет нам сделать вывод о том, что центральный для творчества Гуро образ «бесплотного» сына появился не как компенсация несостоявшегося материнства, но как следствие кризиса ее отношений с Матюшиным, возникших благодаря педагогическим амбициям художника и некоему невоплощенному творческому замыслу, на который в письмах Гуро даются только неясные намеки. Развитие Матюшиным посмертного мифа о Гуро связывается с желанием художника оправдать его сближение с писательницей, быстро обретшее форму адюльтера и сопровождавшееся сложным бракоразводным процессом с первой женой.

Ключевые слова: Е.Г. Гуро, М.В. Матюшин, биография, автобиографический миф, эпистолярий, РГАЛИ, искусство начала XX века, русский авангард.

Информация об авторе: Дарья Николаевна Кожачкина — аспирант, кафедра истории русской литературы, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-7816-9302

Email: thedownwardspiral@mail.ru

Для цитирования: *Кожачкина Д.Н.* Эпистолярное наследие и художественное творчество Елены Гуро: деконструкция автобиографического мифа писательницы // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 197–234. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-197-234

Елена Генриховна Гуро (1877–1913) — писательница и художница из группы кубофутуристов «Гилея», жена художника и композитора Михаила Васильевича Матюшина (1861–1934). В своем творчестве Гуро создала образ «незабвенного единственного сына» [5, с. 5] Вильгельма фон Нотенберга, имя которого впервые появляется в посвящении, предваряющем стихотворение «Вот и лег утихший, хороший…» в книге «Осенний сон». Сама Гуро иногда подписывалась как «Элеонора фон Нотенберг».

Литературное наследие Гуро сравнительно невелико: три сборника стихов, пьес и прозы («Шарманка», 1909, «Осенний сон», 1912, «Небесные верблюжата», 1914 — напечатан посмертно), неоконченная повесть «Бедный рыцарь» (1910–1913) и ряд текстов, опубликованных в разных сборниках кубофутуристов. Центральной темой произведений является гибель христоподобного сына, представленного целой галереей образов. Онтологический статус персонажа намеренно непрояснен: в разных текстах «Виля» то реальный, то придуманный, то погибающий юноша Вильгельм фон Кранц из пьесы «Осенний сон», то невоплощенный дух — «бедный рыцарь», явившийся одинокой бездетной Эльзе в откровении («Бедный рыцарь»).

Произведения Гуро отчасти повлияли на раннее творчество В.В. Маяковского, что отмечает, например, Н.И. Харджиев [14], однако до 1913 г. пара Елены Гуро и Михаила Матюшина имела для «Гилеи» в большей степени организационное значение: именно в доме у Матюшина и Гуро на Лицейской (Рентгена) собирались кубофутуристы-будетляне [2, с. 272]; знаменитые сборники «Садок судей I» и «Садок судей II» публиковались издательством Гуро и Матюшина «Журавль»[1].

[1] Список книг, опубликованных издательством «Журавль» к 1913 г., приведен в конце «Садка судей II»; см.: Садок судей II. СПб.: Тип. Т-ва «Наш век», [1913]. С. 111.

1913 г. можно назвать переломным для них обоих. Именно тогда Матюшин, выступая в качестве композитора, вносит, пожалуй, свой наиболее значимый вклад в историю русского футуризма — пишет музыку к опере «Победа над Солнцем». Но еще большее значение этот год будет иметь для Гуро, поскольку с него в истории русского авангарда начинает свое полноценное существование *миф о Елене Гуро*.

23 апреля[2] 1913 г. [8, с. 69] в возрасте тридцати шести лет Елена Гуро умирает от лейкемии, и образ тихой спутницы Матюшина замещается образом авангардной «святой». В силу трагической кончины и предполагаемой современниками жизненной катастрофы (потеря ребенка) писательница становится сакральной женской фигурой литературно-художественного объединения. Памяти Гуро гилейцы посвящают сборник «Трое» (1913), куда входят тексты Гуро, В. Хлебникова и А.Е. Крученых. Сочувственно к ней относятся даже идейные противники футуризма, например, Владислав Ходасевич, писавший, что «с футуристами она разошлась бы скоро: для них она была слишком *настоящая*» [15]. Вне зависимости от литературных взглядов того или иного автора общий тон воспоминаний и посмертных критических откликов — сочувственно-негодующий: Гуро — трагически погибший талант, несправедливо обойденный вниманием публики.

В начале 1920-х гг. Матюшин совместно с учениками создает Коммуну Елены Гуро. О том, какое влияние образ Гуро имел в круге Матюшина, можно судить по дневниковым записям его ученика Бориса Эндера: «Около времени революции я бросил молиться и незаметно далеко отвлекся от Бога, живя в кругу полюбившейся Лены»; «Лена благодатная живет у Христа» [8, с. 52–53] и т. д. В дневниках Матюшина есть не менее красноречивые пассажи (запись 1915–1916 гг.): «Л<ена> мне сказала, что я могу ее именем окружить зверя в опасности и человека. Что теперь началась новая история человечества. Что приходит конец страданиям, что она будет на земле брать на себя тяжелое — как В<иля> — и что тот, кто верит, будет защищен» [21, S. 122]. Можно сказать, что усилиями Матюшина, ощущавшего себя медиумом[3], посмертный образ

[2] Все даты в статье указываются нами по старому стилю.

[3] Подобно многим деятелям Серебряного века Матюшин серьезно увлекался эзотерикой и экстрасенсорикой (не столько мистикой, как это было у символистов, сколько паранаукой). В 1918 г. художник основал мастерскую «Пространственного реализма», где совместно со своими учениками практиковал, например, затылочное зрение: «При внимательном изучении оказывается, что затылок довольно верно определяет массы заднего плана <…>.

Свет и воздух особенно понятны “затылку” массой большой плотности и упругости…»

писательницы заметно сблизился с блоковской Прекрасной Дамой, обретая то ли софийные, то ли богородичные черты. Говоря о значении Гуро в «Гилее», Матюшин называет ее «цементом группы футуристов» [8, с. 46].

Суждения современников неизбежно проникли и в статьи специалистов: «лучезарная» Гуро [18] обладала «почти болезненной интуицией» и «духовной кротостью» [7, S. 87], а ее творчество наполнено некой «высшей подлинностью» [12, с. 404], поскольку соединяет в себе искусство и жизнь. А.В. Повелихина заключает о Гуро, что

> жила она такой жизнью, какой она **сама была**:
> **Благодать** в сердце и **Благодать**[4] в делах [8, с. 11–12].

Случай Гуро парадоксален: ее архивы изучались и неоднократно, хоть и фрагментарно публиковались, однако это не привело ни к прояснению ее биографии, ни к переоценке «иконописного» облика писательницы, появившегося благодаря мемуарам Матюшина. Между тем биографический событийный ряд важен для правильной интерпретации произведений Гуро, поскольку в одном из писем к Матюшину она признается, что в процессе творчества ей «приходится все из себя черпать да из прежних переживаний»[5].

Для примера разберем несколько источников: статью Т.Л. Никольской и Р.В. Дуганова из биографического словаря «Русские писатели, 1800–1917» (т. 2, изданный в 1992 г.), каталог выставки к 80-летию со дня смерти Гуро с хроникой жизни писательницы, подготовленный историком искусства А.В. Повелихиной в 1994 г., и вступительную статью А. Мирзаева к переизданию избранных текстов Гуро 2022 г. Если А.В. Повелихина, датируя события жизни Гуро, вообще опускает источники, то Р.В. Дуганов и Т.Л. Никольская

[9, с. 133]. Из дневников Матюшина, 18 декабря 1922 г.: «Когда я попросил поставить мне в затылок Бетховена, я не мог усидеть пяти секунд, так сильно через меня пошла энергия портрета. Я почувствовал головокружение» [10, с. 315].

Любопытно, что в письмах Гуро — с подачи Матюшина — неоднократно возникают темы телепатической связи и целительства (все цитаты из писем приводятся в современной орфографии и пунктуации с сохранением авторского написания в некоторых случаях): «Да, я чувствовала, ты внушил мне мысль, что ты простил меня, и в окне вагона я тебя видела и поняла твое прощенье» (Письма Гуро Елены Генриховны Матюшину Михаилу Васильевичу (мужу) (РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 7)); «Страшно благодарю тебя за твои письма, они разогнали начинавшуюся было болезненную хандру. Знаешь, действительно, они действовали на меня, как лекарства» (Там же. Л. 123); «Как ты все чувствуешь на расстоянии! Я не больна, но у меня была нервная боль в спине, и вообще немного подкислое состояние» (Там же. Л. 156).

[4] Здесь и далее авторская разрядка заменена полужирным шрифтом.

[5] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 23 об.

ссылаются на архив Гуро в РГАЛИ (Ф. 134), однако это не освобождает их статью от фактических ошибок.

Так, например, из статьи следует, что Гуро познакомилась с Матюшиным не ранее 1903 г.: «В 1890 поступила в школу Об-ва поощрения художеств в Петербурге, по окончании к-рой занималась живописью в мастерской Я.Ф. Ционглинского (1903–05), где встретилась с музыкантом и художником М.В. Матюшиным, ставшим ее мужем» [11, с. 61]. Между тем по письмам Гуро к Матюшину, хранящимся в том же фонде, можно заключить, что их тесное общение началось раньше — на конверте рукой Матюшина написано: «Ранние письма милой Тли-Тли (прозвище Гуро. — *Д.К.*) ко мне пер. от 1901–19–5–6»[6]. В свете этой надписи примечательно выглядят строки из автобиографии Матюшина:

> В 1900 году я уехал в Париж (где открылась Всемирная выставка), а Елена Гуро и ее сестра Екатерина решили совершить путешествие в Берлин. Денег у них было маловато. После осмотра музея они почти не выходили из гостиницы. Они сидели в своем номере боязливо, как птенцы. И вскоре вернулись в Петербург. Их путешествие напомнило мне мой приезд в Москву, когда я был двенадцатилетним мальчиком [9, с. 64].

Как видно, с сестрами Гуро Матюшин общался уже в 1900 г., что косвенно подтверждается ссылкой А.В. Повелихиной на дневники художника (хотя сносок на конкретный документ исследовательница не дает):

> **1900**
>
> Знакомство с музыкантом и художником Михаилом Васильевичем Матюшиным. В своих записях Матюшин называет этот год началом «нашего сближения» [8, с. 65].

Как показал анализ писем, к лету 1903 г. Матюшин не просто был знаком с Гуро, но инициировал из-за нее бракоразводный процесс со своей первой женой, художницей Марией Ивановной Патцак, прожив с ней около двадцати лет[7] и заведя в этом браке четверых

[6] Там же. Л. 1. Судя по всему, надпись расшифровывается как «письма периода от 1901 по 1905–1906».

[7] В автобиографии Матюшин отмечает, что устроился в Придворный оркестр в 1881 г., а «на четвертом году работы» «женился на француженке» [9, с. 54, 57]. Развод с женой, о чем мы подробнее говорим далее, скорее всего, состоялся в начале 1904 г.

детей[8]. Подобные детали имеют большое значение для восстановления биографического облика Гуро, который кардинально отличается от «агиографического» и заставляет по-новому взглянуть на поэтику ее произведений. В контексте этой задачи также имеет большую важность правильная датировка этапов отношений Гуро и Матюшина, предпринятая в настоящей статье.

Хроника жизни Гуро, составленная А.В. Повелихиной, несмотря на верное датирование знакомства с Матюшиным, содержит ошибки и воспроизводит матюшинскую «мифологию». Так, например, датой рождения Гуро почему-то называется 10 января 1877 г. [8, с. 64], хотя другие источники указывают 18 мая [11, с. 61]. Последнее косвенно подтверждает сама Гуро, сообщая в письме к Матюшину от 23 мая <1903 г.> о недавних именинах, выпадавших по календарю на 21 мая[9]. Опираясь на матюшинский очерк «Русские кубофутуристы», А.В. Повелихина пишет, что «по отцовской линии Елена Гуро была из дворянского рода маркизов де Меркур, эмигрировавших из Франции после революции 1793 года» [8, с. 64]. Т.Л. Никольская и Р.В. Дуганов опускают эту информацию, говоря только о дедушке Гуро по материнской линии — педагоге и литераторе М.Б. Чистякове [11, с. 61].

Подлинную картину восстанавливает краевед А. Федоров в серии очерков «о выдающихся личностях, связанных с территорией современного Струго-Красненского района» (Псковская область), опираясь на статью А. Ельницкого из неопубликованных материалов «Русского биографического словаря»[10]. Дедушкой Гуро по отцу, как выясняется, был сержант наполеоновской армии Этьен (Степан Андреевич) Гуро (1795–1873), оставшийся в России после 1812 г. в качестве преподавателя французского языка [13, с. 133]. Его сын, Генрих-Гельмут (Георгий Степанович) Гуро, выбрал военную стезю и к концу 1890-х гг. дослужился до звания генерал-лейтенанта [13, с. 133]. Таким образом, Елена Гуро, рассуждавшая в своих письмах о «неразвитии»[11] крестьян и очень огорчавшая этим Матюшина,

[8] Сведения о количестве детей и годы их жизни А.В. Повелихина приводит со слов внучки Матюшина Е.К. Шафрановской [9, с. 56]. Согласно этим данным, на момент знакомства Матюшина с Гуро его младшей дочери Марии (1899–1988) было около года.

[9] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 159.

[10] См.: *Е.* [*Ельницкий А.*] Гуро, Степан Андреевич // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы: в 8 т. М.: Аспект Пресс, 1997. Т. Гоголь – Гюне. С. 589–590.

[11] В одном из ранних писем 1901 г. Гуро утверждает, что крестьяне наказывают своих детей «по неразвитию»: «…они не могут по неразвитию (здесь и далее подчеркнуто автором. — *Д.К.*) понимать великую истину, что человек не имеет никакого права судить, наказывать и насильно исправлять другого человека, и никакая цель не оправдывает этого, и раз человек забывает эту истину, он неизбежно развращается и становится достойным всеобщего презренья» (РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 98). Показательно не только то,

который был сыном крестьянки, сама происходила фактически от «французика из Бордо»[12], поэтому придумала себе пышный псевдоним «Элеонора фон Нотенберг», принятый И.Ф. Масановым за ее настоящее имя[13].

Вступительная статья А. Мирзаева к переизданию избранных произведений Гуро 2022 г., несмотря на исправление многих неточностей, также содержит по меньшей мере одну фактическую ошибку. Не ссылаясь ни на какие источники, А. Мирзаев пишет: «В конце 1904 года Гуро и Матюшин стали мужем и женой <…>» [3, с. 14]. В то же время в архиве Гуро сохранился конверт письма от матери с надписью: «Ее Высокоблагородию Елене Генриховне Матюшиной» — и почтовым штемпелем из Новоселья от 8 мая 1904 г.[14]

Обрисовав положение дел в изучении биографии Гуро, перейдем к характеристике материала статьи — писем Гуро к Матюшину. Свои эпистолярные тексты, как и художественные, Гуро никогда не датирует полностью, в лучшем случае ставя число и месяц, часто — не ставя вообще ничего. Кроме того, в архиве письма перепутаны и пронумерованы не в хронологическом порядке: за письмом 1901 г. может идти письмо 1907 г., иногда страницы одного письма перемешиваются со страницами другого, некоторые не имеют начала или конца. Также в процессе переписки Гуро и Матюшин могли слать друг другу по нескольку писем подряд: «Все твои 3 письма получила»[15].

Дело облегчается тем, что переписка Матюшина и Гуро каждый год приходилась на период с мая по сентябрь включительно. Осенью, зимой и ранней весной они имели возможность видеться почти ежедневно, работая в студии Ционглинского, а летом Гуро уезжала в родительское имение Починок (ж/д ст. Новоселье), в то время как Матюшин либо оставался в городе, работая в Придворном оркестре («…три репетиции в неделю по два часа и один концерт» [9, с. 55]), либо проводил время на даче в Старом Петергофе. Сквозной темой писем становится организация и ожидание свиданий, происходивших либо в Починке, либо в Петербурге.

что Гуро здесь считает крестьян, которых регулярно секли за провинности, неспособными понять «великую истину», но и то, что мысль сопровождается подчеркиваниями, демонстрирующими важность проблемы телесных наказаний для самой писательницы.

[12] См. монолог А.А. Чацкого (III, 22) из «Горе от ума» А.С. Грибоедова.

[13] *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей и ученых: в 3 т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 231.

[14] Письма Гуро к дочери Гуро Елене Генриховне (РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 18).

[15] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 149 об.

Прежде чем переходить непосредственно к письмам, необходимо упомянуть, что выдержки из них были изданы Н. Гурьяновой и А. Юнггрен в подборке архивных материалов Гуро в 1995 г. и заняли всего 14 страниц (полный объем единицы хранения — 226 листов) [21, S. 94–107]. Из некоторых писем составители взяли по две строки, поскольку задались целью опубликовать только то, что показывало бы художественное мировоззрение Гуро (письма почти не содержат такого материала). Большинство выдержек опубликовано с подписью [*б/д*] (без даты). Исследователи рискнули датировать только письма Гуро из Волыни, отнеся их к 1904 г. Видимо, в своем предположении они опирались на изданную ранее хронику А.В. Повелихиной, поскольку именно там указано, что в этом году Гуро якобы ездила в Минск [8, с. 65], тогда как единственный выезд за пределы привычного места обитания в период интенсивной переписки с Матюшиным был совершен ею именно в Новоградволынск и на два года раньше; сразу за этими письмами, попавшими в конец архива, приложено несколько конвертов разных лет, среди которых есть и конверты с календарными штемпелями Новоградволынска и Петербурга от 3 и 6, а также от 9 и 12 сентября 1902 г.[16] Тем не менее, несмотря на все недостатки, следует признать важность данного издания, вводящего письма Гуро в научное поле хотя бы частично.

Разбирая данный архивный материал, мы попытались восстановить даты большинства писем несколькими способами. Во-первых, поскольку темой переписки часто становилась дата приезда Матюшина в Починок или время их свидания в городе, некоторые письма содержат указание на *число*, *месяц* и *день недели*, что делает возможным восстановление года при обращении к календарям тех лет. Так, в письме от *24 июня* Гуро пишет: «Теперь я попаду в город, как сказала, значит пробуду там Пятницу 29го и, может быть, и Субботу 30»[17] (29 июня приходилось на пятницу в 1901 г.).

Во-вторых, после восстановления года по календарю мы ориентировались на следующие детали: 1) упоминания других лиц и важных событий (например, перемещения Екатерины Гуро, в 1903 г. сосланной в Вятку за членство в РСДРП, должностной статус А.И. Пильца, у которого Гуро гостит в Новоградволынске[18], или упоминания «Этти» — С.Г. Этингера, приятеля мужа Екатери-

[16] Там же. Л. 224, 224 об., 226, 226 об.

[17] Там же. Л. 15.

[18] Гуро сообщает, что едет к предводителю дворянства — в данном городе коллежский асессор Пильц занимает этот пост исключительно в 1902 г. (Отдел V. Список лиц, служащих в Волынской губернии // Памятная книжка Волынской губернии на 1903 год. Житомир: Волынская губернская тип., 1902. С. 97).

ны, с которым Гуро проводит время весной-летом 1907 г., в период размолвки с Матюшиным); 2) упоминания периодических изданий (например, в одном из писем Гуро говорит о чтении статьи Льва Шестова «Достоевский и Ницше. Философия трагедии», выходившей в журнале «Мир искусства» в 1902 г.); 3) язык: например, для писем 1903 г. — с некоторыми подробностями бракоразводного процесса Матюшина — характерна подпись «Твоя жена», не встречающаяся в письмах других лет; более ранние иногда подписаны как «Твоя подруга». Самая частая подпись — «Твоя Лена». Также в письмах 1903 г., предвкушая скорое замужество, Гуро называет Матюшина «мужем», тогда как в более ранних и более поздних письмах в силу разных причин имеет место обращение «Дорогой друг».

Прежде чем восстанавливать даты по календарю, необходимо примерно обозначить границы временного периода сохранившихся писем.

Нижняя граница определяется нами через приведенное воспоминание Матюшина о поездках в Париж и Берлин в 1900 г. Поскольку ни в одном из писем ни Париж, ни Берлин никак не упоминаются, а 1901 г. не только обозначен Матюшиным, но и восстанавливается в некоторых письмах по календарю, то самые ранние мы относим к 1901 г.

В качестве верхней границы мы предполагаем 1907 г., исходя из следующих соображений. Поскольку основой отношений Гуро и Матюшина стали совместные творческие поиски, писательница всегда сообщает о своих занятиях живописью или литературой (лейтмотивом писем становится констатация того, что очередной этюд не удался: Гуро, работавшей на пленэре, всегда мешала переменчивая погода). В выходных данных дебютной книги Гуро «Шарманка» указано, что отпечатана она в феврале 1909 г., т. е. интенсивная работа над ней велась на протяжении 1908 г. (весной 1907 г. в отношениях уже супружеской пары произошла размолвка, связанная с увлечением Матюшина другой женщиной, что послужило импульсом к возникновению «Шарманки», в которой появляются ламентации о «памяти моей любви»). Таким образом, если бы в архиве также были письма, например, 1908 г., то в них наверняка бы упоминалась напряженная работа над текстами книги, тогда как упоминания о писательстве немногочисленны и сводятся в основном к сочинению сказок (в «Шарманке» данный жанр отсутствует). В письмах 1909 г. появлялась бы реакция на критические отклики, описывались трудности с распространением тиража и т. д., поэтому верхняя граница сохранившихся писем — 1907 г., предшествовавший целенаправленной работе Гуро над первой книгой.

Представленный массив писем охватывает период с 1901 г. по 1903 г. и отдельно — лето 1907 г. На 1904–1906 гг. приходятся лишь единичные записки, поскольку в этот период Матюшин и Гуро живут вместе (корреспондентом становится мать Гуро Анна Михайловна, оставшаяся в Починке). В 1907 г. переписка супругов возобновляется в связи с их временным расставанием.

Добавим еще несколько необходимых замечаний. Если Н. Гурьянова и А. Юнггрен, публикуя выдержки писем, задавались целью укрепить существующий образ Гуро как самобытного творца, нашей задачей является восстановление биографического облика писательницы, связанное с деконструкцией утвердившейся в литературоведении версии о «компенсаторном характере литературного творчества Гуро в связи с ее несостоявшимся реальным материнством» [20, S. 152–153]. Особенно показательна в этом смысле формулировка В.Н. Топорова: «О “реальном” субстрате мифа в его неизбежно “грубоватой” форме говорить нет смысла, как нет и явных оснований» [12, с. 404]. Судя по формулировке, под «“реальным” субстратом» В.Н. Топоров все-таки понимал бесплодие писательницы. Письма Гуро к Матюшину показывают, что данное предположение, и в правду, далеко от действительности.

Эта распространенная версия, по своей сути, несильно отличается от мемуарной легенды футуриста Василия Каменского о том, что Гуро потеряла младенца[19], и имеет свои корни в самой известной цитате из посмертно опубликованной книги «Небесные верблюжата»:

> Видите ли, у меня нет детей, — вот, может, почему я так нестерпимо люблю все живое.
>
> Мне иногда кажется, что я мать всему [4, с. 121].

Эти слова, как будто бы дающие ключ к творчеству Гуро, дополняются установкой на искренность, появляющейся в дневниковых записях: «…я никому не давала слова писать удачно, я обещала только писать искренно» [2, с. 33]; «Без чувства **ни штриха**» [1, с. 46].

---

[19] «…доля Елены Гуро в том была, что потеряла мать единственного сына-младенца и не могла смириться с горем.

Елена Гуро не поверила смерти сына, а вообразила, внушила себе, что жив сын, продолжает жить около матери.

И вот считает Елена Гуро дни, недели, месяцы, годы сыну своему, ежечасно видит его растущим; игрушки, книжки с картинками покупает ему, и на его детский столик кладет, и ему стихи, сказки сама пишет, рассказывает.

И больше — пишет с него портреты, одевая сына по степени возраста» (*Каменский В.* Путь энтузиаста. Автобиографическая книга. [Пермь]: Пермское книжное изд-во, 1968. С. 102). Обращаем внимание на то, что портреты «сына» в разном возрасте в книгах Гуро не появляются. На имеющихся иллюстрациях Вильгельм — всегда юноша.

Приведенные цитаты заставляют исследователей так или иначе проецировать миф о невоплощенном/умершем сыне на биографию писательницы. На деле — в случае импрессионистки Гуро, для которой искренность означала всего лишь *настроение* искренности (самое частое слово в письмах — «настроение» и производные от него), — мы сталкиваемся с автобиографическим мифом, суть которого состоит не в создании образа сына, а в особой авторепрезентации писательницы как *матери-созидательницы-утешительницы*. Показательно, что в одном из писем к сестре Екатерине, попавшем в архив писем к Матюшину, Гуро говорит после очередной неудачной попытки опубликоваться: «Тогда я творила в промежутки жизни, теперь я буду творить в жизни»[20].

Деконструируя автобиографический миф и восстанавливая реальную подоплеку поэтики Гуро, мы будем говорить, во-первых, о детях в жизни и творчестве писательницы; во-вторых, о специфике ее отношений с Матюшиным.

Свое отношение к детям Гуро прямо высказывает Матюшину в письме от *8 июля* <1902 г.>[21]:

> Надо тебе сказать, что в настоящее время у нас гостят Огородников, тот самый, которого я отделала за Бальмонта, и его сын 8^ми^ лет, скука смертная — мешают адски, какие-то безрукие оба, для которых все надо делать, и *главное, ребенок мне не нравится, впрочем, главное, потому что я не люблю детей, как ты знаешь* (здесь и далее курсив наш. — *Д.К.*)[22].

[20] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 152 об. Начало письма утрачено, однако не характерная для писем к Матюшину подпись «Твоя Люля» («Люля» — обращение сестер Гуро друг к другу) показывает, что письмо, скорее всего, было адресовано Екатерине, а не Матюшину.

[21] Хотя вопрос датировки этого конкретного письма не принципиален, приведем его в качестве примера работы с материалом. Год определяется нами как 1902, поскольку здесь сестры Гуро в Починке ждут приезда мужа Екатерины А.М. Эрлиха (в июле 1903 г. сестра была в Вятке); в начале письма Гуро просит Матюшина также приехать, чтобы никто не оставался «третьим» (РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 78), а в более позднем письме от *18 июля* упоминает уже состоявшийся визит Матюшина и извинительное письмо от Эрлиха, с которым Матюшин, видимо, поссорился в Починке (Там же. Л. 86). Также она упоминает о том, что провалилась в топь, пытаясь найти место для этюда (Там же. Л. 86 об.). А в письме от *25 июля* пишет: «На счет сапогов — чудесная мысль, которую надо исполнить в будущем году, но сей час невозможно, просить не желаю, да и при существующих условиях это совершенно невозможно. Здорова я как бык и нравственно, и физически» (Там же. Л. 62, 62 об.). В этом же письме Гуро сообщает о читаемых книгах и статьях, в частности о статье Шестова «о Достоевском и Нитцше» (Там же. Л. 60, 60 об.). Таким образом, письмо от *8 июля* встраивается в следующую цепочку: *25 июля* (статья 1902 г., упоминание сапог) — *18 июля* (провалилась в топь, вспоминает состоявшийся приезд Матюшина и Эрлиха) — *8 июля* (просьба приехать, т. к. приедет Эрлих, упоминание Огородникова).

[22] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 78, 78 об.

В одном из волынских писем того же года от *29 августа* Гуро с неприязнью пишет о своей маленькой родственнице, не выказывая никакого чадолюбия, зато проявляя интерес к ее бонне:

> Хуже же всего эта здешняя атмосфера всеобщего валанданья, и мать, и ребенок, и даже бонна (удивительно прелестное созданье с золотыми волосами) валандаются на всю пропалую. *Особенно ребенок, я ее уже, кажется, готова возненавидеть*[23].

Говоря об отношении Гуро к детям, приведем и характерную фразу из более позднего письма ее матери Анны Михайловны от 1 июля <1905 г.>: «Как я тебя узнаю в твоем отношении к детям М<ихаила> В<асильевича>. — *Говоришь о них дурно*, а в душе находишь довольно доброты, чтобы приласкать их. Ты моя добрая Ленушка»[24]. Очевидно, Гуро боялась испортить отношения с Матюшиным, поэтому выказывала истинное отношение к его детям «за глаза».

Примечательно, что в своем творчестве Гуро и создает, и разрушает собственный миф. Один из ее текстов — «Нора, моя Белоснежка…», опубликованный посмертно в сборнике «Трое», — явно противоречит литературному «имиджу» писательницы, но зато перекликается со словами ее матери. Эпиграф задает ситуацию, отсылая к «Сказке о мертвой царевне…»:

> *Строгая злая Королева распускает вороньи волосы и поет:*
> *«Ты мне, зеркальце, скажи*
> *Да всю правду доложи,*
> *Кто меня здесь милее...»* [3, с. 174].

Основной текст стихотворения представляет ответное обращение «зеркальца» к Норе. Заключительная мысль: «Много милее тебя!» — предваряется цепочкой сравнений («Нора, моя Белоснежка»; «…мой снежный цветик»; «Мой облачный барашек» [3, с. 174] и т. д). Имя «Нора», очевидно, является сокращением от «Элеонора», бывшего частью псевдонима Гуро. Также Норой в набросках названа автопсихологическая героиня повести «Бедный рыцарь» [1, с. 34]. Однократные сравнения со сказочными протагонисткой

[23] Там же. Л. 212.

[24] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 3. Датируется нами 1905 г., т. к. в письме упоминаются «ужасные известия с Дальн<его> Вост<ока>» и «твоя “Весна”» — прозаический дебют Гуро — рассказ «Ранняя весна», вышедший в «Сборнике молодых писателей» в 1905 г., как отмечено в хронике А.В. Повелихиной [8, с. 61].

и антагонисткой, Белоснежкой и Снежной Королевой, скорее всего, обыгрывают бледность самой Гуро, страдавшей малокровием, а вот уподобление лирической героини «строгой Королеве», т. е. мачехе, повторяется в тексте дважды («Строгая злая Королева распускает вороньи волосы и поет <…>»; «…Ах, строгая Королева, не казни меня, / Не присуждай меня к смерти!» [3, с. 174]), что довольно странно в контексте благостного образа Гуро — «матери всему».

Отметим, что неприязнь к детям сочетается у Гуро с любовью к детскому и инфантильностью мировосприятия. Например, вспоминая их с Матюшиным отношения в письме от весны 1907 г.[25], она пишет:

> …*слишком много детского было в наших отношениях*. Были заветные починковские дорожки, где мы были вдвоем одни на целом свете. Были разговоры о могучих явленьях, растущей жизни, когда мы бродили около старой риги. Каждая вещица — говорящий кусочек строющегося быта, и всем этим сильным, *примитивно-детским* мы делились[26].

В рассказе «Рождественские снега» из книги «Шарманка» двое влюбленных также сравниваются с детьми:

> Это для тебя белые калитки, дорогая, оснежены рождественским сахаром; <…>
>
> — Хочешь, я тебе здесь построю золотой домик?.. <…>
>
> Тише. Подслушивает ледяное небо… <…> под ним надо притаиться, надо быть детьми…
>
> Двое детей жили в занесенном домике; с утра выходили в то же молчание, в котором к ночи засыпали. <…>
>
> Играли дни за днями — вечно… Затевая, поглядывая друг на друга с затаившимся смехом…
>
> <…> ты знаешь, кто были дети? [6, с. 110–113].

Любовь Гуро к детям — это на деле любовь к *своему* детству и детскому в *себе*. Любопытно, что при этом в самом образе

[25] Письма 1907 г. (весна-лето), написанные после измены Матюшина, легко датировать, поскольку в одном из них Гуро, ранее предложившая Матюшину пожить на расстоянии, сетует: «Меня помучивает темперамент, какое это несчастье, что ты мне больше не принадлежишь, когда именно пришло для меня самое критическое в смысле бурности время 30 лет» (РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 25). Гуро родилась в 1877 г. (альтернативных данных у нас нет), следовательно, письмо написано в 1907 г.

[26] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 191.

невоплощенного сына заложена деконструкция автобиографического «материнского» мифа, поскольку персонажу всегда около восемнадцати лет[27]. В текстах писательницы, для которой, согласно утвердившемуся мнению, так дорого все органическое, растущее, развивающееся, читатель не найдет образа *растущего* сына: сначала младенца, потом подростка, затем юноши[28]. Единственный ребенок в ее произведениях — это младенец Христос, но здесь мы имеем дело не с ее «любовью» к детям, а с традицией. Как справедливо подмечает В.Н. Топоров в названии своей статьи, в т. н. мифе Гуро о невоплощенном сыне речь идет исключительно о юноше [12, с. 400]. Мечтания Гуро о взрослом сыне, который «прыгнул бы в бричку» и, «не поцеловав ее, умчался» [4, с. 123], на наш взгляд, являются свидетельством ее неготовности растить детей.

Письма к Матюшину позволяют утверждать, что беременность была, скорее, кошмаром Гуро. Одно из писем от лета 1907 г., посвященное теме примирения супругов после краткого увлечения Матюшина другой женщиной, заканчивается словами: «Случилось несчастье — я, кажется, беременна»[29].

Довольно очевидное объяснение такому восприятию материнства можно найти в ряде писем. Так, отвечая Матюшину на его планы определить старших дочерей в немецкую гимназию, Гуро пишет, что жертвовать ради образования детей «искусством, еще более стесняя себя в деньгах и помещении, показывает, что ты слишком скромничаешь и не уверен в значении своего таланта»[30].

Гуро была очарована идеей «великого искусства», а для того, чтобы творить великое, ей был нужен полный покой. Находясь в Починке, в 1902 г. она пишет Матюшину: «Дорогой мой, как мне жаль, что тебя окружает подчас сутолка, и тебя обстоятельства треплют

[27] Так, например, 18 лет герою пьесы «Осенний сон» Вильгельму фон Кранцу, как следует из описания действующих лиц [5, с. 9].

[28] Только в «Бедном рыцаре» мимолетно присутствует образ сына-ребенка: «И я помню, я ведь не могу выкинуть из головы то время, когда я тебя брала еще на руки и сажала в ванну» [2, с 160]. Между тем перед нами лишь один из побочных черновых вариантов, поскольку в этом же тексте также выясняется, что Эльза вообще не рожала Вильгельма в этой жизни. «Узнавание» сына преимущественно дано в повести как платоновский анамнезис, а не воспоминание о том ребенке, которого она воспитывала и потеряла в относительно недавнем прошлом: «И она поняла, что она мать ему.

"Ты забыла, родная, а когда мы стояли на пороге — в небе пели свечи. Но не смею винить за то, что ты забыла"» [2, с. 150]; «"…Лучезарными окрыляемся мы на подвиг, а примем на себя плоть и болезнь, и мы все забываем и сомневаемся". "Ах! — умоляла она, томясь: — Дай же мне знак оттуда, чтобы я вспомнила"» [2, с. 183].

[29] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 195 об.

[30] Там же. Л. 12, 9 об.

туда и сюда! Как желала бы я тебе покоя, которым здесь пользуюсь. Для ученья это так необходимо»[31].

В 1907 г., сообщая Матюшину о своем устройстве с сестрой, она говорит, что не может работать в выделенной ей комнате:

> …комната мне досталась теперь хотя большая и светлая, но над кухней, и вся неистовая болтовня Розы и Tutti <…> слышится ко мне; а когда Mlle Роза не болтает в кухне, то радостный хор тюлюлюшкается в соседней комнате, и работать нельзя нигде, это больно до слез. Я уже заявила, что в моей комнате нельзя работать, но в ответ поднадулись[32].

В одном из следующих писем Гуро решается на подвиг:

> Сегодня она (сестра Катя. — *Д.К.*) предложила даже мне свой верх, но, разумеется, я не хочу, я должна побороть свою глупость и работать в этих условиях, я уже начинаю заметно привыкать к звуку голосов[33].

Данные примеры позволяют предположить, что ребенок представлял бы для Гуро большую проблему. Если писательницу и интересовала беременность, то только «духовная», «беременность» великим произведением искусства:

> — …я в себе ношу золотистое голубое тело юной вещи, и когда я впиваю жизнь, пьет и она — таковы поэты. Что делать?
> — Быть экономными.
> — Я так и делаю [4, с. 43].

В дневниках Гуро прямо сравнивает искусство с ребенком:

> Представь себе, что с каким-то ребенком живет человек, который не любит его, который холодно равнодушен к нему. Ведь этот же человек будет вредить ребенку? А искусство нежно, как ребенок, и чем дальше, чем новее искусство, тем оно нежнее — чувствительнее. Его легко ранить [1, с. 62].

[31] Там же. Л. 8.
[32] Там же. Л. 193.
[33] Там же. Л. 200.

При этом образ сына в книгах Гуро неоднороден. Т. н. «верблюжонок» (лирический герой книги «Небесные верблюжата») мечтает о славе и пишет стихи, т. е. представляет *alter ego* писательницы. Образы автора и героя-«верблюжонка» сливаются в образ поэта:

> «Я вчера доброй даме, которая дала мне молока и бисквитов, не решился признаться, что я пишу декадентские стихи, из мучительного страха, — что она спросит меня, где меня печатают?»;
>
> «Здесь я даю обет: никогда не стыдиться настоящей самой себя. (Настоящей, что пишет стихи, которые нигде не хотят печатать.)» [4, с. 13–14].

В письмах Гуро упоминает, что мысли об искусстве занимали ее с детства:

> Знаешь, я думаю, если бы в детстве я так много не предавалась мечтам об величии искусства, то я бы и теперь не могла так сразу уйти в это дело, но то, что передумано в детстве, как-то особенно сильно действует, если атмосфера подходящая[34].

Поняв через несколько лет попыток, что ни великого художника, ни великого поэта из нее не выйдет, Гуро отступила на позицию «матери», описывая в своих текстах неуклюжих «верблюжат», которые сочиняют стихи и мечтают «пробиться» но им мешают «жрецы искусства» [4, с. 109], т. е. говорила про себя, но как бы со стороны.

Теперь поговорим о второй ипостаси «юноши-сына», тяготеющей к Матюшину, который не без причин настаивал, что в данном образе нет «ничего биографического» (цит. по: [12, с. 422]).

Хотя герои из разных книг Гуро, создававшихся параллельно, как бы складываются в один образ, между «верблюжонком» и бедным рыцарем есть ощутимая разница. Если первый, как мы уже сказали, пытается писать «декадентские стихи» и грезит о том, чтобы стать великим творцом, то второй является своей матери Эльзе как потусторонний наставник.

Неоконченная повесть «Бедный рыцарь» в целом как будто написана по мотивам отношений Гуро и Матюшина в 1901–1906 гг., поскольку в повести описываются прогулки и разговоры, во многом напоминающие совместное времяпрепровождение «товарищей»[35] по искусству:

[34] Там же. Л. 139 об.

[35] Матюшин о Гуро: «Постепенно узнавая друг друга, мы сблизились и стали

«Во вторник до 12 часов пошел он с матерью гулять в пригороде»;

«Было воскресенье. Навстречу им шел мастеровой в тирольской шапке <…>»;

«Строилась по соседству новая улица <…>. И они пошли посмотреть ее»;

«Собираясь в церковь, она обратилась к спутнику:

“Посмотри, сыночек <…>”» [2, с. 155, 150, 156, 181] и т. д.

В трансцендентных откровениях Бедного Рыцаря угадываются мысли Матюшина: «У меня было двенадцать приближений, но ты пропустила часы стражи. Мать, мать моя, и больше я ничего не могу об этом сказать» [2, с. 155] — «Мика объяснил Грюнбушу, как он сюда явился» [1, с. 65].

Сами по себе невоплощенность Рыцаря и состояние ожидания, в котором пребывает тоскующая Эльза, имеют своим источником гостевой характер отношений Гуро и Матюшина — в письмах Гуро постоянно ждет приезда художника в Починок, причем ей, как и Эльзе, не хватает не только разговоров, но в первую очередь тактильного контакта.

Для сравнения приведем две выдержки — одну из повести, вторую из письма к Матюшину от *14 мая* <1903 г.>[36]:

Вот мать трогает свое дитя, слышит тепло и радуется, трогает тепленькие волосики на голове и ищет в них, и радуется, хотя спутаны, и сор, и пыль в них. <…> А я слышу любовь свою и твою, а коснуться тебя не могу. <…>

Так она тоскует и мечется, потому что пробуждена в ней материнская любовь, а утоления у нее нету. <…> [2, с. 160–161].

Я боюсь, ты не поймешь меня, и тебе покажется странной моя пылкость, но мне так нужно тебя, весна и молодые листья так тянут к счастью, и так мне хочется, так мне надо твою смуглую, сильную руку, чтоб пожать, осязать, гладить и чтобы сознавать, что ты тут, мой муж, мой свет, мое счастье. Идешь, и все кажется, не идет ли рядом твоя славная фигура с темным острым профилем <…>. С открытого балкона пахнет зеленью и поют птицы, если б знать, когда ты приедешь, как бы я ждала тебя[37].

настоящими товарищами по работе и убеждениям» [9, с. 63].

[36] Датируем письмо 1903 г., поскольку именно в письмах лета этого года Гуро называет Матюшина мужем или подписывается «Твоя жена».

[37] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 29 об., 30, 30 об.

Сопоставление приведенных фрагментов позволяет предположить, что за материнскую любовь к «сыну» писательница выдает опыт любовных отношений с Матюшиным. Интересно, что в ее записных книжках встречается и обратная тенденция — «материнское» отношение к мужу:

> Моему мужу. Моему, ставшему моим маленьким мужу, о котором надо заботиться. Ты мой милый. Ты только и делаешь, что любишь всякую жизнь. Какой ты трогательный дурачок <…> [1, с. 58].

Генезис «материнского» чувства Гуро сделал его довольно специфичным: все образы, так или иначе соотносящиеся с образом сына, начиная с Гимназиста восьмого класса, героя пьесы «В закрытой чаше» из книги «Шарманка», окружены явной аурой эротизма. Так, Гимназиста соблазняет «блондинка лет сорока» [6, с. 193], годящаяся ему в матери; мотив инцеста в «Бедном рыцаре» отмечает Н. Гурьянова, но связывает его с неким «алхимическим» подтекстом повести [19, S. 74–77].

Теперь перейдем непосредственно к т. н. *мифу о смерти сына*, который исследователи трактуют исключительно в христологическом ключе. Здесь необходимо отметить главное — уже в текстах «Шарманки» есть прямой ответ на вопрос о том, *что* такое невоплощенный сын Гуро. Процитируем фрагмент из рассказа «Да будет»:

> Она жаловалась: «Мне больно, я одна». — Пойдем, говорил он тихо, и уводил ее на берег. Кругом мел пустынный ветер и пересыпал песок. <…>
>
> Они жили вдвоем в пустыне.
>
> Ты обманул меня. Ты заставил в тебя верить, как в Бога…[38] И ты оставил меня…
>
> Кто сказал эти слова?.. Ах, нет, это так кажется, это спросонок болтает море: скоро полдень…
>
> Я не один, у меня есть кого приласкать, я говорю *о памяти моей любви*: «Пойдем! Ты, может быть, слышала? Это море баюкает сосны! Баю-бай. Это море баюкает берег — баю-бай! Пойдем! Я покажу тебе мои любимые местечки[39].

[38] Несмотря на некоторую умозрительность гипотезы, предполагаем, что во фразе «Ты заставил в тебя верить, как в Бога…» Гуро могла обыграть значение имени Михаил (Ми-ка-Эль) — «Кто равен Богу?» или также «Кто как Бог».

[39] Прогулки для выбора «сюжета» будущей картины были важным подготовительным этапом в работе Гуро (и также удачной «маскировкой» для родителей — всегда можно

> Ты не мучайся, *память моей любви*, ты поверь жизни хоть раз, поверь на одну минуту, что тебе больно, — но жизнь больше боли — баю-бай, и вот ты умираешь, — но жизнь больше — баю-бай…» [6, с. 74–75].

Хотя рассказ написан от мужского лица, едва ли можно говорить, что повествование здесь ведет «верблюжонок», поскольку в «Шарманке» образ сына еще не сформировался. Мужской род повествователя в данном случае выглядит как способ «замести следы», поскольку Гуро здесь говорит как бы не от себя. Образ рассказчика, скорее всего, отсылает к Чарльзу Дарвину[40], чьи путевые заметки «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле “Бигль”» Гуро читала в 1903 г., желая ознакомиться с любимой книгой Матюшина[41]. Рассказ любопытен тем, что наукообразные наблюдения за окружающей средой — «На дорожку выбегает самка, гремя светлыми бусами, и, насторожившись, смотрит в чащу» [6, с. 67] — перемежаются в нем с довольно неожиданными для такого контекста ламентациями, подобными приведенному фрагменту.

Говорить о том, что данный фрагмент связан с развитым впоследствии мифом о невоплощенном сыне, нам позволяет присутствие в нем мотива сна-умирания. И в «Осеннем сне», и в «Небесных верблюжатах», и в «Бедном рыцаре» образ сына сопровождает материнское баюканье. Многие тексты либо эксплицитно содержат в себе тему смерти сына, либо восходят к жанру колыбельной — достаточно вспомнить стихотворение «Вот и лег утихший, хороший…».

Добавим, что тема катастрофичности бытия, появляющаяся в этом рассказе и позднее находящая воплощение в образе умирающего юноши, могла быть связана с потерей родителей: Анна Михайловна Гуро умерла 7 мая 1906 г., Генрих Степанович скончался год спустя[42]. Примерно в этот же период, между смертью матери и смертью отца, произошел кризис в отношениях с Матюшиным.

было сказать, что прогулки с Матюшиным в городе или за городом предпринимаются ради творчества). Фраза про «любимые местечки» встречается в одном из писем Гуро 1907 г. (периода примирения): «Надеюсь, Мика, нам еще удастся увидаться, может, ты можешь опять приехать выбрав хорошую погоду на станцию <…>, и я тебе покажу мои любимые местечки» (РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 195 об.).

[40] См. характерную фразу рассказчика: «И я думаю о творчестве умной гориллы — человека» [6, с. 73].

[41] «Сегодня начну читать, я обыкновенно вечером немного читаю, твой излюбленный “Корабль Бигль”, я его нашла здесь, у себя, и воспользуюсь этим. Мне будет, во-первых, приятно читать твою любимую книгу, а во-вторых, я теперь как раз в таком настроении, что-бы читать путешествия и научные интересные гипотезы» (РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 112 об., 113).

[42] Русский провинциальный некрополь. М.: Тип.-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. Т. 1. С. 231. За указание на источник сердечно благодарим А. Федорова.

Примечателен рассказ «Да будет» также и тем, что наряду с «ключом» к происхождению образа сына среди упоминаемых в рассказе бытийных катастроф появляется и будущая «маскировка» действительной основы авторского мифа: «Мать потеряла сына, она сламывается от рыданий» [6, с. 69]. При этом текст про «память моей любви», следующий за словами о паре, жившей в пустыне, переходит от третьего лица к первому, за которым стоит автор («Я не один, у меня есть кого приласкать. Я говорю о памяти моей любви <…>»), тогда как фрагмент про мать, потерявшую сына, дан только от третьего лица.

В статье о творчестве Гуро В.Н. Топоров также затрагивает данный рассказ, говоря, что центральная тема ее последующих текстов намечена уже в «Шарманке» [12, с. 405], но концентрируется исследователь именно на фабуле о матери, проигнорировав по сути авторские слова о «памяти моей любви», т. е., рассуждая в русле *мифа о Гуро.* В качестве прототипа «юноши-сына» В.Н. Топоров полагает Бориса Эндера, «познакомившегося с Гуро и Матюшиным <…> в 1910 или 1911 г. <…>» [12, с. 404–405]. Однако, если тема умирающего сына начинает появляться уже в дебютной книге Гуро, создававшейся в 1908 г., считать Эндера основным прототипом было бы неверно.

Между тем достаточно сопоставить прямо заявленную в пьесе «Осенний сон» связь Вильгельма фон Кранца с образом Дон-Кихота («Сразу заметно странное, чуть-чуть смешное сходство Рыцаря Печального Образа с фигурой барона» [5, с. 21]), фразу о сходстве Матюшина с «Ламанческим дворянином» [1, с. 69] в одной из дневниковых записей Гуро и дружеское прозвище художника «Кихада», употребляемое в письмах В.Г. Малахиевой-Мирович[43], чтобы начать догадываться, что Матюшин мог иметь самое непосредственное отношение к образу Вильгельма.

Для Матюшина-Кихота, усвоившего установку на жизнетворчество, Гуро была своего рода Дульсинеей, которая прекрасно знала об этом, и оставляла намеки в своих текстах. Один из персонажей пьесы «Осенний сон», узнав, что барон фон Кранц читает «Дон-Кихота» М. де Сервантеса, произносит довольно странную, с точки

[43] «Милый Кихада, не откажите позвонить в “Прометей”» (Письма Малахиевой-Мирович Варвары Григорьевны Матюшину Михаилу Васильевичу (РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 1)); «Милый Кихада, посылаю вам на всякий случай и мой дачный адрес» (Там же. Л. 2 об.); «Милый Кихада, простите, что пристаю к вам с несносными поручениями» (Там же. Л. 4 об.). А. Льюнггрен также ссылается на слова из письма Малахиевой-Мирович к Гуро: «Дайте мне вести о себе, о Кихаде, о здоровье, о Вильгельме, об “Осеннем сне”» [21, S. 113].

зрения сюжета романа, реплику: «Бессмертный тип, подобно типам Шекспира. Заметьте главное! Он умер, не пережив свою идею!» [5, с. 27]. Как известно, Дон-Кихот перед смертью проклинал рыцарские романы, затуманившие его разум, поэтому *главное* в данной реплике, судя по всему, было адресовано Матюшину, который от «идеи» действительно не отрекся, впоследствии сделав личность Гуро культовой в кругу учеников. Лишь после смерти, освободившись от «человеческого, слишком человеческого»[44], Гуро наконец-то всецело становилась той самой мечтой, которая однажды пригрезилась Матюшину.

Как мы писали ранее, отношения Гуро и Матюшина начались в 1900 г. Описывая свою первую встречу с ней в мастерской Ционглинского, когда Гуро срисовывала гипсового «гения», Матюшин в автобиографии ни слова не говорит о своеобразии ее рисунка, хотя впоследствии будет пытаться представлять ее как самобытного творца. Вместо этого он вновь и вновь возвращается к выражению ее лица, т. е. пишет о ней как о модели:

> В тот день работающих было мало, и вдруг я увидел маленькое существо самой скромной внешности. Лицо ее было незабываемо. Елена Гуро рисовала «гения» (с гипса). Я еще никогда не видел такого полного соединения творящего с наблюдаемым. В ее лице был вихрь напряжения, оно сияло чистотой отданности искусству [9, с. 63].

В дневниках Матюшина описание данного эпизода заканчивается любопытными словами: «*Это было золото моей жизни, мой сладкий сон, мои единые мечты всей моей жизни, и я этого не знал еще тогда. Эту прелестную мечту сменила чувственная*» [10, с. 292].

Насколько быстро «прелестная мечта» стала «чувственной» (любопытно, что Матюшин фактически противопоставляет синонимы), можно судить по письмам Гуро 1901 г. В майском письме есть такие строки, свидетельствующие о весьма близком характере их «дружбы»:

> …не печалься, милый, дорогой мой, я знаю, что время пройдет и я увижу тебя, и хотя мне все время страшно хочется видеть, приласкаться, говорить, так бы, кажется, всю бы душу и высказала! Но что ж делать! *Ты напрасно думаешь, Миша, что я сомневаюсь*

[44] «Menschliches, Allzumenschliches» (Ф. Ницше).

в твоей верности, и если бы ты мог быть невоздержан, то я вовсе это понимаю не как измену, и потом, ведь ты обещал мне! Разве мне этого не довольно! Нет, вот чем я безусловно наслаждаюсь, так это уверенностью в тебе[45].

Интерес также представляет появляющаяся далее фраза про «тайну на берегу моря», перекликающаяся с описанием пары из рассказа «Да будет»: «Нашу тайну на берегу моря, безмятежного голубого моря я не забуду, я вся полна этим настроением чистоты и нового глубокого смысла»[46]. Это можно было бы принять за намек на объяснение в любви, если б не слова про измену, доказывающие, что объяснение между ними произошло гораздо раньше. Речь, возможно, идет о некоем глобальном творческом замысле, который выполнял функцию общего, так и не «воплощенного» ребенка[47]. По письмам Гуро не представляется возможным понять, в чем заключалась «великая идея», — они не содержат никаких теоретических рассуждений на этот счет. Можно сделать вывод, что замысел скорее принадлежал пассионарному Матюшину, который пытался то реформировать искусство, то расширять человеческое восприятие. Гуро всегда занимала в творческом союзе позицию послушной ученицы, и, надо думать, была первым педагогическим опытом Матюшина[48].

Возвращаясь к восстановлению событийной канвы отношений Гуро и Матюшина, отметим, что первый приезд художника в Починок состоялся в июне 1901 г. В письме, предваряющем это событие,

[45] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 135 об. Письмо датировано нами маем 1901 г. благодаря ряду факторов: 1) в письме Гуро описывает свой приезд в Починок, что, как правило, приходилось на апрель-май; 2) в письме появляются шумные плотники, мешающие Гуро работать (Там же. Л. 137 об.) — в письмах других годов конкретно плотницкие работы не упоминаются; 3) для ранних писем характерны замечания, подчеркивающие немедленный «прогресс» Гуро под чутким руководством Матюшина: «Как сильно на мне твое влияние! Я стала гораздо дельнее: не провожу свой день в таких глупых занятьях, как прежде» (Там же. Л. 137); 4) в заключительной фразе письма Гуро называет себя «подругой», что пропадает в позднейших письмах: «Если письмо несвязное, прости своей подруге» (Там же. Л. 136 об.).

[46] Там же. Л. 136 об.

[47] Письмо от 1 июля <1901 г.>: «Как весело думать, что мы оба работаем для такой великой идеи!» (Там же. Л. 16 об.).

[48] Так, Гуро постоянно просит у него руководства и совета, под предлогом помощи зазывая его в Починок: «Ах, как мне нужно видеть тебя, я как слепая без твоего знания жизни!» (Там же. Л. 163 об.); «Милый! я усердно исполняю твои предписания и действительно на опыте вижу, что <…> так лучше» (Там же. Л. 138); «…этот большой этюд я не решилась бы начать без тебя» (Там же. Л. 156 об.) и т. д. Матюшин добросовестно просвещает подопечную: «Помнишь ту счастливую зиму, когда ты только познакомил меня с историей искусств Гнедича?» (Там же. Л. 181 об., 182). В одном из писем она благодарит Матюшина за какую-то присланную книгу и говорит: «Только, знаешь, я такая глупая, ничего не могу пока разобрать в этой книге, мало-по малу чуть дыбаю с маминой помощью» (Там же. Л. 63). Примечательно, что «заумную» книгу Матюшин присылает Гуро в ответ на ее сообщение о том, что она читает женский роман Евгении Йон (Э. Марлитт) «Вторая жена» 1873 г. (к нему мы еще вернемся).

Гуро пишет: «Я все хожу и воображаю, как я в каждом местечке буду ходить с тобой. Наши места некрасивые, впрочем, не жди ничего особенного»[49]. На следующей странице она говорит, что «счастлива воспоминанием нашего последнего вечера», и упоминает фотоаппарат (Матюшин увлекался фотографией): «Катя просит, только я думаю, тебя это слишком стеснит, взять с собой фотографический аппарат, только я думаю, где тебе возиться с велосипедом и с ним еще». Фотография связана с важностью момента: «Если неудобно, не надо, хотя это было бы превесело <…>, но, пожалуйста, все-таки для меня не стесняй себя, я, чтобы сняться, могу съездить и в Псков, *потому что в этот счастливый год я хочу сняться непременно*»[50]. Следующая фраза (к вопросу о степени близости их отношений в 1901 г.) могла бы прозвучать в письме к будущему мужу: «Знаешь, Миша, что бы я ни делала, я все о тебе думаю, постоянно, и что бы о будущем ни думала, все в расчет беру тебя, у меня теперь с тобой все связано».

Единственная записка, в которой упоминается первая жена Матюшина, написана непосредственно после его отъезда из Починка в июне 1901 г. Можно предположить, что на приглашение приезжать поскорее снова Матюшин сказал, что не прибудет раньше июля, и Гуро интерпретировала это по-своему, предложив ему деньги на дорогу:

> Ты ведь не сказал, почему ты не можешь раньше приехать; вдруг потому, что у тебя нет денег! Послушай, если так, то это безбожно не взять у меня! Я теперь живу, не тратя своих *карманных денег*, и у меня их совершенно достаточно на твой проезд и на мой в город, и на принадлежности, и на все. Я как-то совершенно не догадалась, что это может быть причиной, и раньше я думала, *что причиной <был> отъезд твоей жены, но раз она в июне возвращается, то не это* <…>. Перешлю тебе, ежели не приеду в Петербург, переводом, *а для успокоения твоей жены могу написать, что возвращаю тебе свой долг*[51].

Прежде чем разобраться, о какой сумме идет речь, обратим внимание, что Гуро предлагает Матюшину свои «карманные деньги», т. е. вовсе не свои, а родительские.

---

[49] Там же. Л. 161.

[50] Там же. Л. 161 об.

[51] Там же. Л. 130, 130 об., 132 об.

В «Наброске биографии Елены Гуро» [21, S. 128–132] Матюшин не сообщает о том, что художница Гуро когда-либо работала на более-менее регулярной основе как иллюстратор или оформитель (хотя он не преминул бы сказать об этом, если бы так оно и было). Елена Гуро, во-первых, просто не имела необходимости работать (суммарный доход генерала Гуро составлял три тысячи рублей в год еще до присвоения ему звания генерал-лейтенанта[52]), а во-вторых, считала своей работой служение искусству и понимала под трудом — споря в письмах с фразой Матюшина, что «труд сам по себе неблагодарен»[53], — исключительно деятельность на поприще художника или писателя.

Теперь о стоимости проезда. Согласно справочнику «Весь Петербург на 1903 год», изданному А.С. Сувориным, расстояние от Петербурга до ж/д ст. Новоселье (близ Починка) составляло 213 верст[54]. Там же приведена плата за проезд в зависимости от расстояния: билет до Новоселья в III-м классе обходился в 2 р. 78 к.[55] Соответственно, поездка туда-обратно стоила 5 р. 56 к.

Для сравнения приведем средние цены на продукты в Петербурге в конце 1890-х гг.: пуд ржаной (обдирной) муки — 93,6 к. (6 к. за кг), пуд мяса (русского) — 3 р. 53 к. (21 к. за кг), пуд сахарного песка — 5 р. 23 к. (32 к. за кг)[56]. Как следует из приведенных данных, сумма, которую Матюшин должен был дать в «долг» некой знакомой, была вполне ощутимой для семейного бюджета.

Сквозной темой писем, как мы уже говорили, становится организация свиданий. Поскольку Анна Михайловна не позволяла дочери видеться с Матюшиным в городе, где присмотра за ней не было, Гуро прибегала к обману: «Ты спрашиваешь, приезжаю ли я в Питер? Ви-

[52] В должности начальника Санкт-Петербургского Семеновского-Александровского военного госпиталя довольствие генерал-майора Гуро было следующее: «Жалов<анье> — 1200 р.; Столов<ые деньги> — 1200 р.; Добавоч<ные деньги> — 600 р.» (Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1894 года. СПб.: Военная тип. (в здании Главного штаба), 1894. С. 504). С 1896 г. Гуро «сост. для особ. пор. при Е. И. В глкмдщ. в-сками гв. и Петерб. в. окр.»; содержание военных на такой должности в «Списках генералам» не указывалось — за исключением денежной аренды «по 1200 р. на 6 л.» (Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1896 года. СПб.: Военная тип. (в здании Главного штаба), 1896. С. 517; Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1901 года. СПб.: Военная тип. (в здании Главного штаба), 1901. С. 341). Можно предположить, что к началу 1900-х гг. довольствие генерал-лейтенанта Гуро составляло около пяти тысяч рублей в год.

[53] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 14.

[54] Приложение. (Железные дороги. Расстояния от С.-Петербурга до всех станций железных дорог) // Весь Петербург на 1903 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Тип. А.С. Суворина, [1903]. С. 86.

[55] Приложение. (Железные дороги. Расчетная таблица провозных плат с пассажиров и багажа по тарифу 1894 года) // Там же. С. 67.

[56] Приложение. (С.-Петербург. Историко-статистический очерк В.И. Покровского) // Там же. С. 35.

дишь ли, мне все равно надо будет приехать, кроме этого, зовут меня в гости на Валдайку, и, может быть, я маскирую свое пребывание в Питере этим проездом»[57]. Впоследствии писательница сделала это ведущим принципом своей поэтики, никогда не договаривая до конца и «маскируя» действительное содержание текстов. В одном из писем 1907 г. она прямо формулирует этот принцип: «Что-то слишком искреннее и поэтически невозможное и непонятное само себе вырвалось. *И не позволено тому быть на земле, и потому тут же понадобилось множество масок, чтоб скрыть истинное*»[58].

На наш взгляд, фигура умершего или нерожденного сына изначально являлась для Гуро своеобразным тропом эзопова языка, позволявшим в период кризиса 1907 г., когда Матюшин ей изменил, предав идею «творческого» супружества («…это твое новое <…> временное, где ты хочешь наслаждаться, но не строить»[59]), выговариваться на «больную» тему неудавшегося брака и неосуществленных творческих планов[60]. Автобиографический миф Гуро, в отличие, например, от мифа Александра Блока, задававшего вектор жизни и творчества поэта, выстраивался ретроспективно, как бы в память

[57] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 141 об.

[58] Там же. Л. 35.

[59] Там же. Л. 191 об.

[60] Функциональным аналогом сына в «Шарманке» является, например, Арлекин (*маска* комедии дель арте) — главный герой небольшой пьесы «Нищий Арлекин», которого Гуро пытается представить исключительно как театральную марионетку:

Окрестили меня вином
Под звон стакана,
И потом
Возвели с торжеством
На подмостки балагана [6, с. 176].

Между тем образ Арлекина с его «печальным выразительным лицом», обязанностью «всех провожать в ненастные вечера» и претерпеванием издевательств публики («Это канатный плясун, бежавший из цирка. Бродячая собака. Любопытная фигура. Довольно жалкая») [6, с. 171, 174, 187], означает не синтез блоковских Пьеро и Арлекина из «Балаганчика», как считает Е.С. Шевченко [16, с. 119–120], а, по всей видимости, восходит к странствующему Рыцарю Печального Образа, т. е. намекает на Кихаду-Матюшина.

Пьеса содержит параллели с письмами Гуро из Волыни 1902 г.: скитаясь по осеннему Петербургу, мерзнущий Арлекин поет канцону о «Миньоночке», которая в «теплых странах» «апельсинные рвет цветы» [6, с. 176]. Находясь на юге (примерно с 24 августа по 15 сентября 1902 г.), Гуро уподобляет себя северной Миньоне (РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 204) и спрашивает Матюшина: «Сокровище мое, ты жалуешься на холод?» (Там же. Л. 213 об.).

В одной из картин пьесы абстрактная Мать прогоняет Арлекина от детей, на которых он смотрит через окно детской: «Мамочка, ты его нечаянно испугала! Как жаль» [6, с. 183], — сцена вполне может быть аллюзией на трудные отношения Матюшина с первой женой. Также загадочные строки из канцоны Арлекина: «Мы танцуем под барабан / Строгого Господина» [6, с. 176] — обретают ясность только в контексте службы Матюшина в Придворном оркестре, который долгое время был военным. Примечательно, что словосочетание *нищий арлекин* по смыслу аналогично *бедному рыцарю*, но имеет более ироничную окраску. Между тем Матюшин не только написал музыку к канцоне Арлекина [6, с. 223–230], но и ставил эту пьесу со своими учениками в 1920-е гг. [9, с. 140], что позволяет предположить, что выпада в свою сторону он не заметил (или предпочел не заметить).

о периоде 1901–1906 гг. При этом довольно быстро образ сына гипостазировался, став самостоятельной «личностью», чему способствовали неизжитые творческие амбиции писательницы, под влиянием эзотеризма Матюшина переходившие в амбиции демиургические. Гуро вполне в духе времени уверовала в материальность своей художественной мысли, из-за чего «Виля» одновременно и придуманный, и настоящий, как следует из дневниковых записей:

> «Утром Миша с Вилей в Эрмитаже, а я — в Ботанический сад, собирать свою душу.
>
> После записала этюд»;
>
> «“Тебя ведь нет, собственно!”
>
> Он потирает тихо ладони и сгибается.
>
> Нет, я его создала так до последней мелочи, что он уже есть где-нибудь несомненно» [1, с. 62, 19].

Гипостазированию образа сына также способствовало стремление Матюшина отделить этот образ от себя, всецело приписав его фантазии Гуро. Причины развития посмертного мифа о Гуро, матери «существующего» невоплощенного сына, скрываются в истории их брака, предварявшегося разводом художника с Марией Патцак.

Письма позволяют предположить, что развод был инициирован Матюшиным либо в конце 1902 г., либо в первой половине 1903 г., т. к. в мае 1903 г. процесс находился в самом разгаре. Одно из писем этого периода можно датировать по календарю: на первой странице Гуро ставит дату *Вторник 10 июня*, что позволяет отнести его к 1903 г. Само письмо завершается следующими словами:

> Скорее бы только соединиться нам, хоть зимой, хоть осенью, все равно, лишь бы скорей, и работать, и наслаждаться настроениями и надеждами вместе, всей своей жизнью стараться способствовать осуществлению возможного в невозможном! <…> Пиши о своих занятьях, *о наших несносных делах по устройству будущего* <…>. Дорогой мой муж, мое сокровище, моя жизнь — пиши мне!
>
> Твоя безумная жена[61].

«Несносные дела по устройству будущего» — это сам бракоразводный процесс, который Гуро также называет в письмах «проклятым делом», взяв это словосочетание в кавычки[62].

[61] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 174, 174 об.

[62] Там же. Л. 107 об.

Начнем с юридических особенностей развода в Российской империи. Автор историко-юридических очерков о разводе Сергей Григоровский указывает следующие основания для расторжения брака: «…по прелюбодеянию, физической неспособности к брачному сожитию, безвестному отсутствию и за ссылкою в Сибирь одного из супругов <…>; наконец, допускается *прекращение* брака при жизни супругов в случае добровольного их согласия поступить в монашество <…>»[63].

Ответ на вопрос о том, какое основание послужило поводом для инициирования бракоразводного процесса Матюшина, находим в письмах Гуро 1903 г. Так, в начале июня она пишет следующее: «Ведь, пожалуй, если вызов свидетелей будет 12 июня, то мы обвенчаемся в июле, это недурно <…>»[64].

Показания свидетелей были необходимы для доказательства факта измены супруга: «…главными доказательствами преступления прелюбодеяния признаются: показания двух или трех очевидных свидетелей и прижитие детей вне законного супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи с посторонним лицом <…>»[65].

Как пишет Л.В. Юнусова: «…бракоразводный процесс мог растянуться на несколько лет, в среднем на 2–3 года» [17, с. 121]. Процесс Матюшина уложился примерно в год, но и там не обошлось без бюрократических проволочек. В письме от начала июня Гуро ждет свидетелей к двенадцатому числу, тут же задавая недоуменный вопрос: «Не надо ли пошевелить Реутова (надо полагать, присяжного поверенного. — *Д.К.*), может, когда так обещают на какое-нибудь число, — это, в сущности, приглашение дать взятку?!»[66]. Уже в письме от *10 июня*, концовку которого мы приводили, выясняется, что дело затягивается. Позже, *17 июня*, Гуро также пишет: «Не горюй! Право, мы еще не так скверно живем! А повеселиться можно будет и осенью, я надеюсь, что же делать — надо искать хорошее в каждом положении»[67].

В письме, написанном через месяц, *14 июля*, также упоминается допрос свидетелей: «Как я счастлива, что несмотря на наши бракоразводные неприятности, ты все же в рабочем настроении! У тебя много характера, другой бы упал духом. Я не рассчитываю, при-

[63] *Григоровский С.* О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. Историко-юридические очерки. СПб.: Синодальная тип., 1911. С. 20.

[64] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 63 об.

[65] *Григоровский С.* О разводе… С. 43.

[66] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 63 об.

[67] Там же. Л. 177.

знаться, чтобы допрос был к концу этого месяца, но что же делать, надо уметь ждать во всем в жизни»[68].

В письме от *22 июля* Гуро пишет о двадцатом числе: «Что-то ты мне напишешь насчет двадцатого! Или завтра, или послезавтра я, верно, получу письмо, очень это интересно»[69], — а через несколько дней, *26 июля*, бросает фразу: «Неприятная штука, что дело затягивается до Рождества, тяжело будет бегать <…>»[70], — говоря, видимо, о невозможности съехаться, вытекающей из откладывающейся свадьбы.

Из писем этого периода понятно, что Гуро живо заинтересована в своем замужестве (и разводе Матюшина соответственно). Так, письмо от начала июня заканчивается фразой: «Наконец-то приближается мой праздник»[71]. Вместе с тем она впадает в логическое противоречие, в письме от *17 июня* сожалея, что «поездки в город к Реутову прерывают работу»[72].

Как мы установили ранее, основанием для расторжения брака Матюшина с первой женой послужила измена одного из супругов. По законам Российской империи обвиняемый осуждался на «всегдашнее безбрачие» до указа от 28 мая 1904 г., отменявшего данное наказание[73].

О том, что Гуро стала Матюшиной до 28 мая 1904 г., свидетельствуют, во-первых, указанный нами почтовый штемпель от 8 мая 1904 г. на письме от Анны Михайловны с надписью: «Ее Высокоблагородию Елене Генриховне Матюшиной», — а во-вторых, косвенным свидетельством времени года являются неизданные тексты Гуро, такие как стихотворение «Белая свадебная песнь лесного короля» и прозаический фрагмент «Ингеборга и Фритьоф», где появляется нехарактерная для ее творчества устойчивая цепочка мотивов: *снег — оттепель — весна — свадьба — церковь* (скорее всего, свадьба состоялась в марте-апреле 1904 г.).

Данное наблюдение позволяет заключить, что обвиняемой стороной в процессе была Мария Ивановна, а инициатором развода — Матюшин. При этом сам художник, судя по переписке с Гуро, супружеской верностью не отличался, но если бы его уличили в измене после подачи жалобы на жену, то брак, согласно законам Рос-

[68] Там же. Л. 126 об., 127.
[69] Там же. Л. 112 об.
[70] Там же. Л. 118.
[71] Там же. Л. 64 об.
[72] Там же. Л. 178.
[73] *Григоровский С.* О разводе… С. 6.

сийском империи, остался бы в силе[74]. Просьба о разводе подавалась «до истечения года с того времени, когда нарушение супружеской верности <…> стало известно оскорбленному супругу»[75], поэтому едва ли Матюшин припоминал своей жене какие-то прошлые «грехи». Если процесс был инициирован Матюшиным весной 1903 г., то предполагаемый адюльтер супруги имел место не раньше 1902 г., хотя сам художник находился в довольно близких отношениях с Гуро уже к июню 1901 г. Можно, конечно, предположить, что с разводом четы Матюшиных духовная консистория тянула с 1900 г. ввиду, например, недавно родившегося ребенка, однако никаких, даже самых мимолетных, упоминаний о разводе в письмах Гуро лета 1901 г. и 1902 г. мы не обнаружили.

Все вышесказанное позволяет провести границу между литературным мифом и действительностью и восстановить действительный облик Елены Гуро, по-своему любопытный и весьма далекий от известного в литературоведении[76].

Теперь перейдем к влиянию данных событий на образ нерожденного сына. Христоподобный Вильгельм в произведениях Гуро претерпевает два рода страданий. С одной стороны, это бичевание / порка розгами, отсылающая к теме телесных наказаний. Гуро могла остро реагировать на попытку родителей воспитать ее таким способом — мотив повторяется и в текстах, и письмах Матюшину как нечто, касающееся ее самой[77]. С другой стороны, Рыцаря не только

[74] Там же. С. 22–23.

[75] Там же. С. 184.

[76] Упомянутое нами письмо 1903 г. о вызове свидетелей к 12 июня является, пожалуй, одним из наиболее выразительных штрихов к биографии Гуро и Матюшина, поскольку содержит прямое свидетельство прелюбодейственного, говоря языком духовной консистории, характера их отношений. Гуро пишет несколько строк, которые зачеркивает горизонтально, надписывая следующее: «Хотела я тебе преподать один совет, да боюсь показаться тебе грубой, в письме как-то слишком открыто выходит» (РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 64). Строки ниже зачеркнуты четырьмя крестами: «…прости, что я пишу тебе подобные вещи, но ведь ты сам не догадаешься и будешь ставить меня в затруднительное положение». На обратной стороне листа написано: «Какая досада, что ты сам не догадаешься! Я никогда не видала человека более несуразного, чем ты, противный людоед!» (Там же. Л. 64 об.). По этим словам можно догадаться, о чем идет речь. Но также можно прочесть зачеркнутый «совет», поскольку зачеркивает его Гуро не слишком старательно: «Я тебе бы советывала взять с собой предохранитель, это было бы тогда воспоминанье!» (Там же. Л. 64). Интересен контекст, в котором этот «совет» возникает: вызов свидетелей в суд еще только предполагается, т. е. судебный процесс далек от завершения. Матюшин еще не разведен, но Гуро это нисколько не смущает, к тому же близкий характер их отношения приняли довольно давно, если вспомнить письмо от мая 1901 г. («…если бы ты мог быть невоздержан, то я вовсе это понимаю не как измену, и потом, ведь ты обещал мне!»). Но если слова в письме 1901 г. еще можно с большой натяжкой принять за некую рыцарскую верность, то приведенные выдержки из письма 1903 г. недвусмысленны.

[77] Описание характерного эпизода появляется, например, в рассказе «Лесные мысли» («Небесные верблюжата»): «…за что-то чудовищное “против этикета” ее хотели высечь. Но едва мать протянула к ней руку, та пришла в исступленье, — подняла

бичуют, но и коллективно избивают. В пьесе «Осенний сон» такому избиению подвергается именно Дон-Кихот — сцена описывается в ремарке, открывающей вторую картину:

> Темно. Клубится темный вихрь. Едва намечаются очертания современной дачной веранды со столбиками и залы. <…> Проносятся сцены странствований Дон-Кихота.
>
> Последнее видение: в темном воздухе залы пробегает рыцарь без шлема в погоне за злыми духами. Под тяжестью лат он спотыкается и падает.
>
> Выбегают русские мужики и хулиганы и набрасываются на него. Происходит свалка. Все смешивается и исчезает [5, с. 21].

Еще более выразительно сцены избиения представлены в повести «Бедный рыцарь»:

> «И взяли и вывели его в ночь на страдание. И как будто поймали птичку — было в эту ночь, когда одни, наиздевавшись досыта, передавали его другим, и так длилось, пока игрушка еще могла быть забавна»;
>
> «Явился он ей изможденный, больной и в струпьях. Что было делать ей? Она могла только молиться о нем. <…>
>
> Мне кажется, за тобой приходил кто-то темный вчера?» [2, с. 179, 159].

Напомним, что в контексте биографии Гуро образ Дон-Кихота связан с Матюшиным. И если порка Рыцаря розгами, вполне вероятно, относится к эпизоду из биографии «матери» нерожденного сына, то коллективное избиение, в «Осеннем сне» происходящее даже не с сыном, а именно с Дон-Кихотом, дано так, как будто могло иметь место в биографии «отца».

Предпосылкой такого эпизода в биографии Матюшина, на наш взгляд, могли стать именно обстоятельства развода с первой женой. Здесь мы находимся в области гипотез и предположений, поскольку об этом ни Матюшин, ни Гуро не распространялись. Тем не менее, помня приведенную ранее фразу Гуро («…приходится все из себя черпать да из прежних переживаний»), мы предполагаем, что прота-

---

пронзительный крик, разорвала на матери платье. Ее удалось оторвать только после того, как мать отбросила хлыст. <…> никто никогда не догадался, конечно, что она так кричала от панического смертельного страха оскорбления, что ее коснутся» [4, с. 115]. Фрагмент из письма о наказании крестьянских детей с многочисленными подчеркиваниями мы приводили ранее.

гонисты ее текстов никогда не имели отвлеченной, исключительно литературной природы. Поэтому повторяющиеся из текста в текст обстоятельства наталкивают нас на мысль о соответствующих событиях в биографии писательницы, что косвенно подкрепляется оговорками в ее письмах.

Так, в мае 1903 г. Гуро сообщает Матюшину, что увлеклась романом Э. Марлитт (Евгении Йон) «Вторая жена», и советует ему прочесть этот текст[78]. (По сюжету романа главная героиня сталкивается с резкой неприязнью родственников мужа и, в согласии с жанром, блестяще преодолевает все препятствия.) Это же письмо обнаруживает натянутые отношения художника с его братом, причем причина размолвки, судя по всему, заключалась именно в разводе и новом браке Матюшина:

> Я очень рада, что брат написал тебе, значит, у вас установятся опять отношения, только жаль, тебе надолго придется расстаться с ним. Но хорошие отношения и на письмах хороши! *А детей, я уверена, он тянуть особенно не будет*[79].

Последние слова прочитываются как ответ на опасения Матюшина, что дядя станет принимать слишком большое участие в судьбе племянников, отвращая их от отца. Надо полагать, что если брат Матюшина был против его развода и второго брака, то реакция братьев жены[80] на позорный для нее процесс могла иметь вполне ощутимые последствия для художника, намеки на которые можно увидеть в произведениях Гуро.

Так, в «Бедном рыцаре» разнообразные издевательства Сатаны над главным героем мотивированы не только тем, что он отказался воплощаться, чтобы принести людям «радости тех вестей в их чистоте» [2, с. 151], но также и тем, что он «остался в унижении у земли»:

> — Он заблудший! — воскликнули в звездных высотах <…>.
>
> — Ах, скажи, ведь он не исполнил повеление, что ему велели, — облечься сиянием и идти первоначально на высоту. Он отверг это и остался в унижении у земли. <…>

[78] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 88, 89 об.

[79] Там же. Л. 89 об.

[80] Как сообщает А.В. Повелихина: «У Марии Ивановны было два брата, они занимались коммерцией» [9, с. 56].

> И бывает он игрушкой самых низких духов <…>. И загнанный падает наконец на землю, на землю, которой он стал слугой [2, с. 177].

В книге «Небесные верблюжата» роль рыцаря земли на себя берет рассказчица, т. е. сама Гуро:

> …я услышала, как земля просила ее (мою душу. — *Д.К.*):
> «<…> Защищай моих детей <…>» [4, с. 21–22].

А в неоконченной повести юноша-рыцарь одновременно выступает и *рыцарем земли*, и *рыцарем Эльзы* («И смотрела земля, как Святая Мария Дева, <…> на рыцаря своего верного»; «…зачем ты часто так называешь меня госпожой и так редко матерью?» [2, с. 168, 155]). При этом в своей роли таинственного наставника персонаж более тяготеет к Матюшину, чем к Гуро, как мы сказали ранее. Таким образом, есть вероятность, что избиение Рыцаря не только мотивируется, но и маскируется в повести миссией заступничества за землю, которую Гуро, как правило, приписывает себе; повесть принимает весьма интересное звучание, если сменить одну мотивировку другой, смежной: Рыцаря избивают за то, что он *находится в услужении у Эльзы*, некрасивой женщины, которую однажды разглядели в мастерской Ционглинского — первая фраза героя, сказанная Эльзе: «Надо заметить красоту, а то она опечалится!» [2, с. 148]. (Тут же, конечно, вспоминается и оригинальное пушкинское «не путем-де волочился»[81].)

Таким образом, при восстановлении событийного ряда начала 1900-х гг. становится ясно, почему Матюшин отрицал «биографизм» образа Вильгельма фон Нотенберга, говоря, что Гуро «создала его из тончайших ощущений, идущих прямо от природы, от земли» (цит. по: [12, с. 422]). Объяснимы и некоторые особенности автобиографии художника, подмеченные его ученицей и сестрой Бориса Эндера Марией:

> …из его описания жизни выпали такие факты, имевшие большое значение в его жизни, как развод с женой-француженкой, которую он оставил, несмотря на четверых детей[82], <…> и его женитьба

[81] См. предпоследнюю строфу из стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный…».

[82] Замечание о разводе с первой женой все-таки появляется, когда Матюшин пишет, почему так долго работал в Придворном оркестре: «Разводясь, я обещал помогать. Я отдавал семье все, что получал из Придворного оркестра. Это было ценой моей личной свободы, и я тянул, пока хватало сил, зарабатывая себе существование преподаванием

> на Елене Гуро, хотя он и рассказывает о своей встрече с Гуро, об их совместной работе и убеждениях, <…> о творчестве самой Гуро и о ее роли <…> во всей работе художника [9, с. 26].

В то же время неправильное датирование отношений Гуро и Матюшина, представленное в словарной статье Р.В. Дуганова и Т.Л. Никольской, а также во вступительной статье А. Мирзаева, попросту снимает существующую проблему автобиографического мифа и его посмертной трансформации: если предположить, что Гуро знакомится с Матюшиным только в 1903 г., когда тот уже почти развелся с первой женой, или выходит за него замуж после 28 мая 1904 г., то мистификаторская деятельность художника становится лишь его прихотью, а литературный образ самой Гуро легко заменяет собой биографический.

Реальные бракоразводные последствия эстетической утопии Матюшина напрямую влияли на поэтику произведений писательницы — чтобы оправдать собственное замужество и все, что ему предшествовало, ей необходимо было соответствовать ожиданиям художника, акцентируя собственную исключительность через автопсихологические образы «избранных» (на это же ее толкал и собственный характер).

Добавим, что когда в 1907 г. Матюшин увлекся другой женщиной и Гуро неожиданно для себя оказалась в положении Марии Ивановны, ей это не понравилось, и она написала художнику следующее:

> Вот что может служить препятствием для будущей совместной жизни: *представь себе, какие диссонансы, если у меня в свою очередь не будет своей a parte*. Напр<имер>, я зову тебя за город на эскападу, день хороший и для тебя, я знаю, свободный, а ты заявляешь, что занят и уходишь, я догадываюсь, что эскапада назначена только не со мной, а с ней, *подумай, как это будет действовать на нервы*[83].

Завершая тему замужества Гуро, приведем позднюю дневниковую запись:

уроков скрипки в двух гимназиях, в народной консерватории и частными уроками» [9, с. 94]. Отметим, что развод здесь фактически мотивируется «личной свободой», хотя непонятно, о какой свободе может идти речь, если вместо творчества Матюшин был вынужден тянуть, «пока хватало сил». Примечательно, что свободный художник, не обращавший внимания на низкий быт, как предполагала Мария Эндер, все же проговорил именно то, что выставляло его в выгодном свете.

[83] РГАЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 192, 192 об.

> Страдания не стоит бояться. Даже нравственного, хотя оно куда ядовитей, растяжимей.
>
> <…> *Даже мое замужество — все к лучшему.* В моей жизни нет ни одного страдания, не принесшего ничего» [1, с. 33].

Оправдание замужества, которого Гуро так страстно желала, через его зачисление в разряд страданий весьма показательно.

Итак, исследование писем Гуро к Матюшину из фонда Гуро в РГАЛИ позволило нам сделать ряд выводов. Во-первых, приписываемые писательнице черты, такие как чадолюбие, искренность, сострадательность и т. д., имеют отношение исключительно к автобиографическому мифу Гуро, изображающему ее как «мать всему». Во-вторых, Гуро и Матюшин оба стремились скрыть истинное происхождение «ядра» автобиографического мифа — образа «невоплощенного» сына, — поскольку почвой для его возникновения послужил их неудачный брак, предварявшийся трудным разводом Матюшина с Патцак, и несбывшиеся творческие планы, ради которых данный брак предпринимался. В-третьих, специфика добрачных отношений художника с Гуро и особенности его бракоразводного процесса с первой женой, на котором, судя по всему, именно жена была обвинена в измене, позволяют предположить, что подспудным стимулом для конструирования посмертного мифа о Гуро могло быть стремление Матюшина скрыть некоторые факты своей биографии и оправдаться перед самим собой.

В заключение скажем, что невоплощенный-мертвый «юноша-сын» позволял писательнице не только сублимировать свои переживания, но и привлекать чувствительных читателей своеобразной имитацией Пьеты, которую в глазах аудитории позднее легитимировала трагическая смерть Гуро.

Литература

1. *Гуро Е.* Из записных книжек, 1908–1913. СПб.: [Петрополь; Фонд русской поэзии], 1997. 106 с.

2. *Гуро Е.* Небесные верблюжата. Бедный рыцарь. Стихи и проза. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1993. 285 с.

3. *Гуро Е.* Небесные верблюжата. СПб.: Лимбус Пресс, [2022]. 335 с.

4. *Гуро Е.* Небесные верблюжата. СПб.: Типо-лит. Акц. общ. «Самообразование», 1914. 126 с.

5. *Гуро Е.* Осенний сон. СПб.: Тип. «Сириус», 1912. 62 с.

6. *Гуро Е.* Шарманка. СПб.: Тип. «Сириус», 1909. 230 с.

7. *Гурьянова Н.* Елена Гуро и русский авангард // Scando-Slavica. 1990. Т. 36. S. 87–99.

8. Елена Гуро. Поэт и художник, 1877–1913. Живопись. Графика. Рукописи. Книги. Каталог выставки. СПб.: Мифрил, 1994. 143 с.

9. *Матюшин М.* Творческий путь художника. Автомонография. Коломна: Музей Органической Культуры, 2011. 407 с.

10. Михаил Матюшин. Дневники // Архив Н.И. Харджиева. Русский авангард. Материалы и документы из собрания РГАЛИ. М.: ДЕФИ, 2017. Т. I. С. 278–427.

11. *Никольская Т.Л., Дуганов Р.В.* Гуро Елена (Элеонора) Генриховна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: БРЭ; Фианит, 1992. Т. 2. С. 61–62.

12. *Топоров В.Н.* Миф о воплощении юноши-сына, его смерти и воскресении в творчестве Елены Гуро // *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. С. 400–427.

13. *Федоров А.* Семья Гуро // *Федоров А.* История, личности, судьбы. Сб. очерков о выдающихся личностях, связанных с территорией современного Струго-Красненского района. [Б. м.]: Издательские решения, 2018. С. 133–141.

14. *Харджиев Н.И.* Маяковский и Елена Гуро // *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде: в 2 т. М.: RA, 1997. Т. 2. С. 113–114.

15. *Ходасевич В.* Е. Гуро. Небесные верблюжата // *Ходасевич В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1. С. 449.

16. *Шевченко Е.С.* Трагическая арлекинада Е. Гуро: пьеса «Нищий Арлекин» // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2009. № 1 (67). С. 117–123.

17. *Юнусова Л.В.* Бракоразводный процесс в середине XIX – начале XX века (по материалам Тобольской губернии) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сб. материалов четвертой региональной молодежной научной конференции. Новосибирск: [Параллель], 2010. С. 118–122.

18. *Birjukov S.* «Лучезарная суть» Елены Гуро и пути органического развития // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki: [IREES], 1999. T. XVI/2. S. 249–257.

19. *Gur'janova N. Бедный рыцарь* и поэтика алхимии: феномен «творчества духа» в произведениях Елены Гуро // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki: [IREES], 1999. T. XVI/1. S. 63–88.

20. *Tyryškina E.* Религиозная концепция Е. Гуро и принципы авторской репрезентации в свете апокрифической традиции // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki: [IREES], 1999. T. XVI/1. S. 150–160.

21. Elena Guro. Selected Writings from the Archives. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1995. 134 p.

Research Article

Elena Guro's Letters and Literary Works: Deconstruction of the Writer's Autobiographical Myth

© 2025. Darya N. Kozhachkina
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article deals with the problem of distinguishing between Elena Guro's life and her autobiographical myth that has replaced the real biography of writer and artist (who thought of herself as a mother, protector, and comforter) in various reviews and studies. It revises factual errors found in biographical dictionaries and exhibition catalogues. The study is based on epistolary from Guro's fund located in the Russian State Archive of Literature and Art — mainly it is her letters to Mikhail Matyushin and her sister Ekaterina as well as her mother's letters, — most of the materials is first published. It also addresses Guro's works such as *The Hurdy-Gurdy* (1909), *Autumnal Dream* (1912), *The Little Camels of the Sky* (1914), and unfinished *The Poor Knight* story. In addition to reconstructing the chronology of the relationship between Guro and Matyushin: their acquaintance (1900), the beginning of their love story (1901), Matyushin's divorce from Maria Patzak (1903), his marriage to Guro (1904), and the relationship crisis provoked by Matyushin's fling with another woman (1907) that served as an impetus for Guro's works — the article highlights her negative perception about childhood and motherhood. It concludes that the central character in her writings, unborn son Wilhelm von Notenberg, was not triggered by her desire to become a mother. Indeed, he symbolizes that very crisis born out of Matyushin's teaching ambition and some unrealized idea of a cocreated artwork that was vaguely mentioned in their correspondence. Also, it is assumed that Matyushin's spread of the posthumous myth about Guro was primarily due to his urge to justify himself for the adulterous relationship with her as shown in publishable letters.

Keywords: Elena Guro, Mikhail Matyushin, biography, autobiographical myth, epistolary, the Russian State Archive of Literature and Art, art in the early 20th century, Russian avant-garde.

Information about the author: Darya N. Kozhachkina, PhD Student, Department of History of Russian Literature, Philological Faculty, St. Petersburg State University, Universitetskaya Emb., bld. 11, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-7816-9302

Email: thedownwardspiral@mail.ru

For citation: Kozhachkina, D.N. "Elena Guro's Letters and Literary Works: Deconstruction of the Writer's Autobiographical Myth." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 197–234. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-197-234

References

1. Guro, E. *Iz zapisnykh knizhek, 1908–1913* [*Selections from the Notebooks, 1908–1913*]. St. Petersburg, Petropol' Publ., Fond russkoi poezii Publ., 1997. 106 p. (In Russ.)

2. Guro, E. *Nebesnye verbliuzhata. Bednyi rytsar'. Stikhi i proza* [*The Little Camels of the Sky. The Poor Knight. Poetry and Prose*]. Rostov-on-Don, Rostov University Publ., 1993. 285 p. (In Russ.)

3. Guro, E. *Nebesnye verbliuzhata* [*The Little Camels of the Sky*]. St. Petersburg, Limbus Press Publ., 2022. 335 p. (In Russ.)

4. Guro, E. *Nebesnye verbliuzhata* [*The Little Camels of the Sky*]. St. Petersburg, Aktsionernoe obshchestvo "Samoobrazovanie" Publ., 1914. 126 p. (In Russ.)

5. Guro, E. *Osennii son* [*Autumnal Dream*]. St. Petersburg, Sirius Publ., 1912. 62 p. (In Russ.)

6. Guro, E. *Sharmanka* [*The Hurdy-Gurdy*]. St. Petersburg, Sirius Publ., 1909. 230 p. (In Russ.)

7. Gur'ianova, N. "Elena Guro i russkii avangard" ["Elena Guro and the Russian Avant-garde"]. *Scando-Slavica*, vol. 36, 1990, pp. 87–99. (In Russ.)

8. *Elena Guro. Poet i khudozhnik, 1877–1913. Zhivopis'. Grafika. Rukopisi. Knigi. Katalog vystavki* [*Elena Guro. The Poet and the Artist, 1877–1913. Catalogue of the Exhibition of Paintings, Graphics, Manuscripts, and Books*]. St. Petersburg, Mifril Publ., 1994. 143 p. (In Russ.)

9. Matiushin, M. *Tvorcheskii put' khudozhnika. Avtomonografiia* [*The Artist's Way. Auto-monograph*]. Kolomna, Muzei Organicheskoi Kul'tury Publ., 2011. 407 p. (In Russ.)

10. "Mikhail Matiushin. Dnevniki" ["The Diaries of Mikhail Matyushin"]. *Arkhiv N.I. Khardzhieva. Russkii avangard. Materialy i dokumenty iz sobraniia RGALI* [*Nikolai Khardzhiev's Archive. The Russian Avant-garde. Materials and Documents from the Russian State Archive of Literature and Art's Collection*], vol. 1. Moscow, DEFI Publ., 2017, pp. 278–427. (In Russ.)

11. Nikol'skaia, T.L., and R.V. Duganov. "Guro Elena (Eleonora) Genrikhovna" ["Elena Guro"]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 2. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopedia Publ., Fianit Publ., 1992, pp. 61–62. (In Russ.)

12. Toporov, V.N. "Mif o voploshchenii iunoshi-syna, ego smerti i voskresenii v tvorchestve Eleny Guro" ["The Myth of Son's Birth, His Death, and Resurrection in Elena Guro's Works"]. Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe* [*Myth. Rite. Symbol. Imagery. Selected Studies on Mytho-poetics*]. Moscow, Progress Publ., Kul'tura Publ., 1995, pp. 400–427. (In Russ.)

13. Fedorov, A. "Sem'ia Guro" ["The Guro Family"]. Fedorov, A. *Istoriia, lichnosti, sud'by. Sbornik ocherkov o vydaiushchikhsia lichnostiakh, sviazannykh s territoriei sovremennogo Strugo-Krasnenskogo raiona* [*History, Persons, Lives. The Collection of Essays on Remarkable People Related to the Current Strugo-Krasnensky District Territory*]. S. l., Izdatel'skie resheniia Publ., 2018, pp. 133–141. (In Russ.)

14. Khardzhiev, N.I. "Maiakovskii i Elena Guro" ["Vladimir Mayakovsky and Elena Guro"]. Khardzhiev, N.I. *Stat'i ob avangarde: v 2 t.* [*The Selection of Articles on the Avant-garde: in 2 vols.*], vol. 2. Moscow, RA Publ., 1997, pp. 113–114. (In Russ.)

15. Khodasevich, V. "E. Guro. Nebesnye verbliuzhata" ["Elena Guro's *The Little Camels of the Sky*"]. Khodasevich, V. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [*The Collected Works: in 4 vols.*], vol. 1. Moscow, Soglasie Publ., 1996, p. 449. (In Russ.)

16. Shevchenko, E.S. “Tragicheskaia arlekinada E. Guro: p’esa ‘Nishchii Arlekin’” [“Elena Guro’s Tragic Harlequinade. *Arlekin, the Beggar*”]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaia seriia*, no. 1 (67), 2009, pp. 117–123. (In Russ.)

17. Iunusova, L.V. “Brakorazvodnyi protsess v seredine XIX – nachale XX veka (po materialam Tobol’skoi gubernii)” [“A Divorce Proceedings in the Mid-19th and Early 20th Centuries on Tobolsk Governorate’s Materials”]. *Istoricheskie issledovaniia v Sibiri: problemy i perspektivy. Sbornik materialov chetvertoi regional’noi molodezhnoi nauchnoi konferentsii* [*History Studies in Siberia. Issues and Prospects. Proceedings of the 4th Regional Scientific Conference for Young Scholars*]. Novosibirsk, Parallel’ Publ., 2010, pp. 118–122. (In Russ.)

18. Birjukov, S. “‘Luchezarnaia sut’“ Eleny Guro i puti organicheskogo razvitiia” [“Elena Guro’s ‘Radiant Nature’ and the Organic Development Path”]. *Studia Slavica Finlandensia* [*Studia Slavica Finlandensia*], vol. XVI/2. Helsinki, Institute for Russian and East European Studies Publ., 1999. S. 249–257. (In Russ.)

19. Gur’janova, N. “‘Bednyi rytsar’“ i poetika alkhimii: fenomen „tvorchestva dukha“ v proizvedeniiakh Eleny Guro” [“*The Poor Knight* and Poetics of Alchemy. „The Creativeness of Spirit“ Phenomenon in Elena Guro’s Works”]. *Studia Slavica Finlandensia* [*Studia Slavica Finlandensia*], vol. XVI/1. Helsinki, Institute for Russian and East European Studies Publ., 1999. S. 63–88. (In Russ.)

20. Tyryškina, E. “Religioznaia kontseptsiia E. Guro i printsipy avtorskoi reprezentatsii v svete apokrificheskoi traditsii” [“Elena Guro’s Religious Concept and Author’s Representation Principles in View of the Apocryphal Tradition”]. *Studia Slavica Finlandensia* [*Studia Slavica Finlandensia*], vol. XVI/1. Helsinki, Institute for Russian and East European Studies Publ., 1999. S. 150–160. (In Russ.)

21. *Elena Guro. Selected Writings from the Archives.* Stockholm, Almqvist & Wiksell International, 1995. 134 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 21.11.2024
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 21.11.2024
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-235-260
https://elibrary.ru/VQMJOD

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Забытые имена русской эмиграции. Штрихи к творческой биографии В.В. Корсака-Завадского

© 2025, М.А. Габалла
Университет Айн Шамс,
Каир, Египет
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке Главного управления миссий Министерства науки и высшего образования Арабской Республики Египет.

Аннотация: Данная статья является первой из серии публикаций, посвященных проблемам реконструкции биографии Вениамина Валериановича Корсака (настоящая фамилия: Завадский), писателя первой волны русской эмиграции. Актуальность работы обусловлена сложностью осмысления творческого наследия писателя вне его биографии, так как документальное начало представляет собой главную составляющую всех его произведений. Однако отсутствие до сих пор систематического исследования творческого и эпистолярного наследия В.В. Корсака, и путаница, возникающая вследствие множества белых пятен и допущенных неточностей, — все это затрудняет углубленное изучение поэтики эго–документов в системе его творчества. В целях восполнения этих лакун представлены результаты разыскания и изучения материалов по биографии и творчеству писателя и его супруги Н.А. Добровольской–Завадской в российских и зарубежных архивохранилищах (ГА РФ, ЦГИА СПб, Бахметевский архив, архивы Амхерстского колледжа, Гуверовского института и Центра Гетти, библиотека Лилли, национальные архивы Франции). В статье впервые в научный оборот вводятся архивные документы, касающиеся довоенного периода в биографии В.В. Корсака, а также часть его переписки, хранящейся в фондах А.М. Ремизова, А.В. Амфитеатрова и Т.С. Варшер. Кроме того, затрагиваются эпизоды из эмигрантской жизни писателя (в Египте, Франции, Италии, Эстонии) и его литературные связи с представителями центров русской диаспоры. Сделана попытка составить полную библиографию публикаций В.В. Корсака на страницах эмигрантской

периодики, что позволяет более точно установить начало его литературной деятельности.

Ключевые слова: В.В. Корсак-Завадский, Н.А. Добровольская-Завадская, А.М. Ремизов, Т.С. Варшер, литература русского зарубежья, реконструкция биографии, мемуары, Русский Египет.

Информация об авторе: Май Амин Гуда Габалла — ассистент, Университет Айн Шамс, ул. Аль Халифа Аль Маамун, район Аль Аббассия, 11566 г. Каир, Египет; аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9305-5857

E-mail: mai.amin@alsun.asu.edu.eg

Для цитирования: *Габалла М.А.* Забытые имена русской эмиграции. Штрихи к творческой биографии В.В. Корсака-Завадского // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 235–260. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-235-260

В биографии «забытого» писателя-эмигранта Вениамина (Веньямина) Валериановича Завадского (псевдоним: Корсак[1]) имеется много лакун и белых пятен вследствие скудности, и в некоторых случаях неточности, биографической информации о нем в основных источниках по истории русской эмиграции[2], включая воспоминания деятелей русской эмиграции, энциклопедии, в частности, по истории русского масонства во Франции, членом которого писатель был с 1928 г.[3], но, по словам А.И. Серкова, в нем не принимал активного участия [22, с. 336].

Фрагментарность информации о русском периоде жизни В.В. Корсака обусловлена недостаточной документированностью. Тем не менее в целях достоверного восстановления биографии основным источником стали рукописные автобиографические записи, обнаруженные в фондах А.В. Амфитеатрова[4] и баронессы М.Д. Врангель[5], а также краткая автобиографическая заметка, опубликованная в «Калифорнийском альманахе» в отделе «Писатели о себе» (1934).

---

[1] Далее в тексте используется псевдоним писателя — В.В. Корсак.

[2] В поздних биографических изданиях представлены более точные данные о писателе. См.: [8, с. 281–285; 20, с. 737; 22, с. 336].

[3] В статье Ч. Кадаманьяни опубликован полный текст сохраненной во Французской национальной библиотеке анкеты секретного допроса В.В. Корсака от 1 ноября 1928 г. перед вступлением в масонскую ложу «Великий Восток». См.: [7, с. 236–238].

[4] Переписка двух писателей состоялась в начале 1930 гг. В фонде А.В. Амфитеатрова в Библиотеке Лилли Индианского университета хранится открытка В.В. Корсака от 12 ноября 1930 г. и письмо от 3 января 1931 г. с приложенным к нему биографическим очерком. Следует отметить, что письма В.В. Корсака к А.В. Амфитеатрову стали известны благодаря публикации и комментированию переписки последнего с М.А. Алдановым. См.: «Парижский философ из русских евреев»: Письма М. Алданова к А. Амфитеатрову / публ. Э. Гарэтто и А. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. СПб.: Феникс, 1997. № 22. С. 561–562.

[5] В фонде баронессы М.Д. Врангель хранится недатированная автобиографическая записка В.В. Корсака (Hoover Institution Library & Archives. [Zavadskii, V. (Korsak, V.); France], Baronessa Mariia Dmitrievna Vrangel' collection. Box 27. Folder 4). Следует отметить,

Вениамин Валерианович Завадский (Псевдоним: Корсак) родился 9 (22) сентября 1884 г. в старинной обрусевшей польско-литовской семье[6] статского советника, старшего нотариуса Троицкого окружного суда Валериана Лукича Завадского[7] (1844–?) в г. Калач Второго Донского округа Области Войска Донского. Отец, католик, окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, в июле 1868 г. вступил на службу судебного следователя[8]. Мать писателя, Александра Анатольева Алеева, рано умерла от туберкулеза[9]. Будущий писатель был четвертым ребенком; кроме

что эта рукопись уже опубликована в числе материалов фонда баронессы в архиве Гуверовского института (см.: *Шевеленко И.* Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании баронессы М.Д. Врангель (Архив Гуверовского института в Стэнфорде // Stanford Slavic Studies. Stanford: Stanford University, 1995. Vol. 9. С. 114). Кроме того, опубликованная в том же источнике фотография писателя со своей супругой была отправлена к М.Д. Врангель в приложении к до сих пор неопубликованному письму Н.А. Добровольской–Завадской от 18 февраля 1932 г. (Hoover Institution Library & Archives. [Dobrovol'skaia-Zavadskaia, N.], Baronessa Mariia Dmitrievna Vrangel' collection. Box 16. Folder 21).

[6] *Корсак В.* О себе // Калифорнийский альманах. Oakland, Calif.: Изд. Лит.-художественного кружка г. Сан-Франциско, 1934. С.107.

[7] Пока не удалось обнаружить в метрических книгах точные сведения писателя и его родителей. В документах, хранящихся во французских архивах, указаны только имена и фамилии умерших родителей — Валериан Завадский и Александра Алеева (фр. Alexandra Aléef) (см. Archives de la ville de Paris, acte de mariage du 15èm arrondissement, 1922, 4 avril 1922 (acte no. 712) / 20 avril 1922 (acte no. 865), 15M 302, acte no. 857, p. 29; Archives de la ville de Paris, acte de décès du 5èm arrondissement, 1944, 27 avril 1944 (acte no. 595) / 15 juillet 1944 (acte no. 894), 5D 275, acte no. 893, p. 30.). На данный момент главным источником биографических данных о семье будущего писателя являются документы В.Л. Завадского и старшего брата, которые хранятся в числе личных дел студентов Императорского Петроградского университета (1819–1918) (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2750. Завадский Валериан; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37197. Завадский Валериан Валерианович).

[8] В 1887 г. В.Л. Завадский был награжден орденом Св. Станислава третьей степени (Сенатские ведомости. 1887. 1 января. № 1. С. 8) и в 1896 г. — серебряной медалью в память царствования императора Александра III (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2750. Л. 13 об.). В памятных книжках В.Л. Завадский числится среди судебных следователей как коллежский секретарь Второго Донского Округа при Усть-Медведицком окружном суде (Памятная книжка Области войска Донского на 1885 год. Новочеркасск: Обл. в. Д. тип., 1884. С. 45) и среди участковых мировых судей 5-го участка г. Везенберга как титулярный советник (Адрес-календарь Эстляндской губернии на 1893 год. Ревель: Печатня Эстляндского губернского правления, 1893. С. 61). В «Адресах-календарях и памятных книжках Оренбургской губернии» на 1896 г. он указывается как член Троицкого окружного суда, старший нотариус, титулярный советник (Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1896 год. Оренбург: Губ. типо-лит., 1895. С. 55), но в следующих книжках на 1897, 1898 и 1899 гг. указан как член Троицкого окружного суда, старший нотариус, статский советник (Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1897 год. Оренбург: Губ. типо-лит., 1896 (обл. 1897). С. 57; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1898 год. Оренбург: Губ. типо-лит., 1897. С. 47; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1899 год. Оренбург: Губ. типо-лит., 1898. С. 63).

[9] Lilly Library, Indiana University, Bloomington, Indiana. Collection of Amfiteatrov mss., 1890–1948. Box 8.

Дату смерти А.А. Завадской (урожд. Алеевой) можно установить примерно: 1892–1893 гг. Основанием для этого предположения служит то, что в списке чинов ведомства Министерства юстиции по 15 января 1892 г. в сведениях о семейном положении В.Л. Завадского указывается фамилия его супруги «Алеева, православная» (Список чинам ведомства Министерства юстиции. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1892. Ч. 3:

него в семье было четверо детей: Валериан (1878–?), Александр (1879–?), Антонина (1881–1898) и Леонтий (1889–?).

В связи с болезнью А.А. Алеевой-Завадской и должностью отца семья часто переселялась и ее члены не жили вместе[10]. Свое детство В.В. Корсак с сестрой провел в имении у тети в Псковской губернии[11] и в г. Везенберг Эстляндской губернии, где с ноября 1889 г. отец служил[12]. В 1894 г. после смерти матери семья переезжает в г. Троицк, находившийся в это время в составе Оренбургской губернии. Там братья Завадские поступили в Троицкую мужскую гимназию[13]. В 1898 г. А.В. Завадская умерла во время поездки к семье матери в Астраханскую область[14]. Вскоре после смерти сестры скончался и отец писателя. Это событие не могло не оказывать сильного влияния на семью. В силу материальной необеспеченности старший брат Валериан, бывший студент Историко-филологического факультета Московского университета, через год вынужден был отчислиться из университета и в сентябре 1899 г. подал ходатайство о поступлении в Санкт-Петербургский императорский университет[15] с помощью тети С.Л. Мышковской[16]. Что касается В.В. Корсака, то факт

Исправлен по 15 января. С. 170), но в списке по 23 февраля 1894 г. — «вдовец» (Список чинам ведомства Министерства юстиции. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1894. Ч. 3: Исправлен по 23 февраля. С. 173).

[10] Положение семьи будущего писателя описано словами отца в одном произведении В.В. Корсака. «Самое главное, — говорит отец, — жизнь складывается странно, — не так, как могла бы сложиться. Ведь у меня семья большая, а что-же выходит? Двое старших учатся за тысячу верст от меня, двое у тебя, младший — на юге с матерью. А я один» (*Корсак В.* Юра. Париж; Берлин: Парабола, 1935. С. 150).

[11] Свою открытку от 20 марта 1929 г. к А.М. Ремизову В.В. Корсак начинает так: «Дорогой Алексей Михайлович!

Нет ли у Вас кого-нибудь из знакомых, знающих Псковскую губернию, а особенно Холмский уезд? Очень хотелось бы встретиться с таким человеком <…>» (Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 5. Folder 3). Далее ссылки на фонд Ремизовых указываются как (Amherst. Series. Subseries. Box. Folder).

[12] Hoover Institution Library & Archives. [Zavadskii, V. (Korsak, V.); France], Baronessa Mariia͡ Dmitrievna Vrangel' collection. Box 27. Folder 4.

[13] См.: *Вук М.* Отчет о состоянии Троицкой мужской гимназии за 1898–1899 учебный год / сост. секретарь Педагогического совета М. Вук. Троицк: Тип. И.О. Лясковской, 1899. С. 38. В 1898 г. старший брат писателя Валериан окончил Троицкую мужскую гимназию (*Зеленецкий А.К.* Двадцатипятилетие Троицкой гимназии (1873–1898 г.): историческая записка. Троицк: Тип. И.О. Лясковской, 1900. С. 95).

[14] Сестра писателя умерла 5 августа 1898 г. в возрасте 17 лет от воспаления головного мозга и была похоронена на православном кладбище в г. Астрахани (ГА Астраханской области (ГААО). Ф. 630. Оп. 3. Д. 46. Л. 16).

[15] В октябре 1899 г. был принят на Историко-филологический факультет, но в 1900 г. подал ходатайство о принятии его в Демидовский юридический лицей в г. Ярославль (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37197. Л. 9, 16).

[16] Об этом подробнее см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37197. Завадский Валериан Валерианович.

Софья Лукинична Мышковская (урожд. Завадская) (1850–1903) — супруга статского советника, инспектора II-го Санкт-Петербургского реального училища Ф.Г. Мышковского (см.: *Саитов В.И.* Петербургский некрополь. СПб.: Изд. вел. кн. Николай Михайлович, 1912. Т. 3: М–Р. С. 193).

окончания им гимназии документами пока не подтвержден. Тем не менее в автобиографической записке отмечается, что он получил высшее образование на юридическом факультете Варшавского университета[17]. Таким образом, о том, как сложилась судьба писателя в период с 1900 г. до участия в Первой мировой войне, пока мало известно.

До войны В.В. Корсак служил в Управлении взаимного страхования строений от огня в губерниях Царства Польского[18]. В 1914 г. писатель был призван из запаса в действующую армию, в ряды 171 пехотного Кобринского полка 43 пехотной дивизии. Во время битвы под Варшавой он был контужен и 2 ноября 1914 г. попал в немецкий плен. Хронология событий этого периода жизни В.В. Корсака уточнена на основе документов РГВИА[19]. В немецком плену он находился в лагере для пленных офицеров г. Мюнден до 18 июля 1918 г. в лагере для пленных офицеров г. Мюнден, затем в Галле (с февраля 1917) и Эшвеге (с декабря того же года)[20]. В 1918 г. вернулся в Россию уже при большевиках и в связи с его тяжелым физическим состоянием был признан непригодным к военной службе[21].

Согласно мемуарам В.В. Корсака известно, что, по возвращении в Россию, он побывал в Москве и из-за голода оттуда уехал в Могилевскую губернию, где служил в советском военном комиссариате. Под предлогом рабочей командировки, но фактически с целью лечения, он был отправлен в Киев, захваченный в то время Белой армией. В Киеве он прошел процесс реабилитации бывших офицеров и находился у белых до отступления на Юг. В 1920 г. был эвакуирован англичанами в Египет[22], где лечился в госпитале при беженском лагере

[17] Вопрос о том, окончил ли писатель университет, остается спорным, поскольку в источниках приведены разные сведения.

[18] См.: Памятная книжка Варшавской губернии на 1913 г. Варшава: Губ. тип., 1913. С. 32.

[19] Обнаружены две картотеки с биографическими данными писателя среди материалов РГВИА, оцифрованных на портале «Памяти героев Великой войны». Картотеки следующего содержания: «Плен. Герм[ания]. Без вести. Завадский Вениамин. Прапорщик 171 пех[отного] Кобринского полка. 2 ноября 1914 г. Воля-Пиравка»; «Плен. Герм[ания]. 2 ноября 1914. Б. в 2 ноябр. 1914. Завадский Вениамин. Прапорщик 171 пех[отного] полка. 5449. 8186». URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital2185742/; https://gwar.mil.ru/heroes/document/2445/?page_id=2388333 (дата обращения: 01.01.2023).

[20] Разыскания документов, касающихся периода плена В.В. Корсака в делах русских военнопленных в Германии и письмах, отправленных из немецких лагерей, проводятся при помощи отдела научно–информационной и справочной работы ГА РФ. Однако упоминаний о писателе пока не было обнаружено.

[21] В эмиграции В.В. Корсак состоял в правлении Союза русских военных инвалидов «Association des Officiers Russes Mutilés et Invalides de la Guerre Mondiale». Об этом говорится в открытке писателя к А.М. Ремизову от 1 февраля 1933 г. (Amherst. Series 2. Subseries 1. Box 24. Folder 2).

[22] Несмотря на то, что информация о В.В. Корсаке отсутствует в монографиях В.В. Белякова и Г.В. Горячкина о русской эмиграции в Египте, мы нашли полное

в Тель Эль Кебир. При обращении к описям ГА РФ в фонде «Главное справочное бюро. Константинополь» была выявлена карточка следующего содержания: «Завадский Веньямин. Житель госпиталя в Тель Эль Кебир, Египет. Поручик, белоэмигрант. Тип документа: список. Дата документа — 1920 г.»[23]. В том же фонде упоминается фамилия подпоручика «Завадзский» в рукописном списке 1-го эшелона русских воинских чинов, эвакуированных в Египет на пароходе «Гленгорн-Кастл» 2 марта[24]. В конце 1921 г. по выздоровлении В.В. Корсак смог эмигрировать во Францию.

Супруга писателя — доктор медицины Надежда Алексеевна Добровольская-Завадская (1878–1954). В ее биографии мало лакун благодаря документированности как русского, так и эмигрантского периода ее жизни[25]. Знакомство писателя со своей будущей супругой состоялось в период эвакуации в Египет; В.В. Корсак был прооперирован Н.А. Добровольской-Завадской в госпитале при беженском лагере Тель-Эль-Кебир, куда она была приглашена английским командованием в качестве хирурга-консультанта[26]. Хотя она отправилась во Францию раньше него, с середины 1921 г. завязалась их переписка, и будущая жена хлопотала о выезде В.В. Корсака из Египта[27]. Согласно французским архивам, В.В. Корсак и Н.А. Добровольская поженились 18 апреля 1922 г.[28] Сначала они проживали около трех лет в маленьком отеле на «24, Boulevard Pasteur, Paris XV»[29] и к концу

совпадение между опубликованными в этих монографиях архивными материалами АВПРИ и воспоминаниями писателя об этом периоде жизни. См.: [2; 3].

[23] ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 171. Л. 47 об. Номер в списке: 257.

[24] ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 59. Л. 3 об. См.: [5, с. 108].

[25] Информацию о жизни Н.А. Добровольской–Завадской до эмиграции передает резюме в приложении к ее диссертации на соискание степени доктора медицины (1911) и биографический очерк в приложении к письму от 18 февраля 1932 г. к М.Д. Врангель (Hoover Institution Library & Archives. [Dobrovol'skaia–Zavadskaia, N.], Baronessa Mariia Dmitrievna Vrangel' collection. Box 16. Folder 21). Кроме того, в ЦГИА СПб сохранились некоторые архивные материалы: (Ф. 436. Оп. 1. Д. 8943; Ф. 436. Оп. 4. Д. 1389; Ф. 62. Оп. 1. Д. 735). Следует отметить, что в Бахметевском архиве хранится переписка сестры В.А. Фоменко в 30-е гг. (Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Ven'iamin V. Korsak-Zavadskii and Nadezhda A. Dobrovol'skaia-Zavadskaia Papers, 1925–1950. Series I. Box 1. Folder Correspondence with sister Vera Fomenko). На французском языке вышли также статьи, посвященные биографии Н.А. Добровольской-Завадской. См.: *Pigeard-Micault N*., *Gachelin G*. Nadine Dobrovolskaïa-Zavadskaïa, une Russe à la Fondation Curie, une vision singulière de la génétique dans le cancer (1921–1954) // Canadian Bulletin of Medical History. 2017. Vol. 34 (2). P. 465–495. DOI:10.3138/cbmh.193-012017

[26] Hoover Institution Library & Archives. [Dobrovol'skaia-Zavadskaia, N.], Baronessa Mariia Dmitrievna Vrangel' collection. Box 16. Folder 21. В фонде «Главное справочное бюро. Константинополь» «Н.А. Добровольская» числится как профессор в списке «Русский госпиталь в Тель-Эль-Кебир» (ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 171. Л. 47). Номер в списке: 214.

[27] История их знакомства детально описана в полуавтобиографических произведениях писателя «История одного контролера» (1929) и «Под новыми звездами» (1933).

[28] См.: Archives de la ville de Paris, acte de mariage du 15èm arrondissement, 1922, 4 avril 1922 (acte no. 712) / 20 avril 1922 (acte no. 865), 15M 302, acte no. 857.

[29] Этот адрес указан в ранней переписке Завадских. Однако в дневнике В.А. Костицына

1925 г. переехали в маленькую комнату на третьем этаже по адресу «17, Boulevard Edgar Quinet, Paris XIV». Только через два года постоянным местом жительства писателя стала расположенная на седьмом этаже квартира по адресу «49, Rue Geoffroy-Saint-Hilaire, Paris V»[30]. В начале оккупации Парижа в 1940 г.[31], как отмечается в статье М.В. Малуновой, В.В. Корсак находился в городе Монфор-л'Амори (фр. Montfort-l'Amaury), в 40 км к западу от Парижа [15, с. 108].

Семейный архив В.В. Корсака и Н.А. Добровольской-Завадской хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета[32]. Согласно описи на официальном сайте архива, фонд насчитывает 1500 единиц хранения, сгруппированных в 7 коробках: первые четыре включают переписку Завадских, остальные — рукописи и печатные произведения писателя. Материалы архива расширяют представление об участии четы Завадских в культурной и общественной жизни русской эмиграции. Сохранились письма известных деятелей русской эмиграции, прежде всего философов, писателей, художников и представителей религиозных и общественных движений, среди имен которых В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, М.М. Федоров, А.В. Карташев, Л.А. Зандер, Н.К. Рерих, А.М. Ремизов, С.В. Яблоновского, В.П. Кулаева, А. Седых, А.А. Бенуа и др. Следует подчеркнуть, что часть архива Завадских была утрачена в связи с неожиданной смертью Н.А. Добровольской-Завадской во время поездки в Италию в 1954 г. и продажей их имущества в Париже[33]. При этом значимым источником для реконструкции как биографии В.В. Корсака, так и его творческой репутации и литературных контактов являются сохранившиеся письма писателя к А.М. Ремизову, С.П. Ремизовой-Довгелло и Т.С. Варшер[34].

Доступный нам материал из фонда Ремизовых в архиве Амхерстского колледжа[35] начинается с открытки Н.А. Добровольской-За-

отмечено, что они жили в маленьком отеле на бульваре Garibaldi [14, с. 94].

[30] Адреса проживания писателя установлены по переписке с разными деятелями русской эмиграции.

[31] О жизни писателя во время Второй мировой войны мало известно в связи с недостаточностью обнаруженных материалов по этому периоду его биографии.

[32] Автор выражает глубокую благодарность аспиранту Исторического факультета Колумбийского Университета А.В. Гараевой за помощь и представление материалов из Бахметевского архива.

[33] *Ковалевский П.* Трагическая судьба профессора А.Н. Добровольской-Завадской // Русская мысль. 1955. 2 сентября. № 794. С. 5.

[34] Об истории знакомства В.В. Корсака и Т.С. Варшер см.: [7, с. 234–235]. Сохранившаяся в институте Гетти переписка В.В. Корсака и Н.А. Добровольской-Завадской к Т.С. Варшер включает в себя 19 писем, 7 открыток и 2 фотографии. Значимость этой переписки обусловлена недостаточностью материалов о жизни писателя в период 1935–1941 гг., в том числе и хранящихся в фонде Ремизовых.

[35] 4 июля 2024 г. автором данной статьи был прочитан доклад «Неизвестная переписка В.В. Корсака-Завадского: проблемы текстологии и комментария» на XXI Международной летней школе по русской литературе в ИРЛИ РАН. В настоящее время готовится

вадской, датированной от 20 ноября 1923 г. По содержанию открытки выясняется, что переписка Н.А. Добровольской-Завадской с Ремизовыми состоялась уже до переезда последних в Париж[36], но до этой даты будущий писатель лично не был знаком с А.М. Ремизовым.

В.В. Корсак часто путешествовал в пределах Франции и за границу, что было обусловлено состоянием здоровья и научно-исследовательской деятельностью его супруги. Помимо переписки с деятелями русской эмиграции, сохранившиеся письма писателя в правление Союза русских писателей и журналистов в период с 1927 по 1935 гг. в некоторой степени формируют представление о его парижской жизни. Так, в письме от 14 марта 1928 г. В.В. Корсак пишет:

> Ввиду моей тяжелой нервной болезни, которая явилась следствием контузии и долговременного пребывания в германском плену, я, по совету пользующего меня врача И[вана] С[тепановича] Чекунова[37], должен уехать на юг Франции. Не имея возможности сделать этого из-за отсутствия средств, прошу правление союза не отказать мне выдать 500 франков на поездку[38].

Особое значение в биографии В.В. Корсака имеют поездки в Италию[39]. Из переписки с А.М. Ремизовым известно, что в июле

к публикации часть переписки В.В. Корсака с А.М. Ремизовым.

[36] В своей открытке Н.А. Добровольская–Завадская пишет:
«Дорогие Алексей Михайлович и Серафима Павловна!
Как хорошо, что Вы перебрались в Париж! Приезжайте к нам в воскресенье, часов в 8 вечера. Буду очень рада Вас видеть и представить Вам моего мужа. Только не взыщите: мы тоже все ищем квартиру, а пока, вот уже около 2-х лет, живем в одной комнате, в отеле. Сообщите, когда смогли бы приехать, если этот день Вам неудобен. Итак, ждем Вас.
Н. Добровольская-Завадская» (Amherst. Series 2. Subseries 1. Box 20. Folder 4). Это первое из дошедших до нас писем Завадских к Ремизовым. Согласно хронике жизни четы Ремизовых, 5 ноября 1923 г. Ремизовы покинули Берлин и 6–7 ноября прибыли в Париж. Указанный адрес Ремизовых на открытке — «48, Rue de Passy Villa du vieux Jardin», где Ремизовы проживали в период с 17–27 ноября [17, с. 468].

[37] Иван Степанович Чекунов (1874–1956) — доктор медицины, член Общества русских врачей имени Мечникова.

[38] Сохранившиеся письма писателя в Союз Русских писателей и журналистов представляют собой, преимущественно, ходатайства о денежных пособиях в связи с болезненным состоянием и тяжелым материальным положением (Amherst. Union of Russian Writers and Journalists Abroad Records. Series 1. Box 2. Folder 30). Обнаружено еще одно письмо писателя от 4 апреля 1929 г. в фонде Комитета по оказанию помощи русским писателям и ученым во Франции. URL: https://argonnaute.parisnanterre.fr/ark:/14707/bh5nf6dqpj48/d21dacea-29dc-409f-b052-a8e61f3b6fc3 (дата обращения: 01.01.2024).

[39] Установить начало итальянского периода в биографии писателя по переписке нам не удалось. Однако согласно письму заместителя директора института Пастера в то время Антуана Лакассани (1884–1971) от 24 марта 1926 г., Н.А. Добровольская-Завадская должна была поехать в Рим для участия в конгрессе по хирургии в период с 7 по 10 апреля 1926 г. (Archives de l’Institut Pasteur — Funds Antoine Lacassage. LAC.B.3). Это первое упоминание об Италии в обнаруженных документах Завадских.

1929 г. писатель с супругой совершили поездку в Италию, где остановились в доме А.С. Боткина (1866–1936) в Сан-Ремо по адресу «9 via Primavera, Corso Mazzini»[40], и в августе того же года отправились в Швейцарию[41]. Интересно, что в 1936 г. писатель совершил поездку в Грецию[42], в которую его привела судьба во время отъезда из России в 1920 г.; вначале он был эвакуирован из Одессы в Салоники, и оттуда — в Египет[43].

В 1930-е гг. В.В. Корсак не раз совершал путешествия по Италии (Сан-Ремо, Рим, Неополь), что дало возможность установить контакты с представителями русской диаспоры в Италии, например, с писателем А.В. Амфитеатровым (1862–1938)[44]. Кроме того, в письмах писателя к Т.С. Варшер упоминаются В.П. Преображенская[45] (1895–1967), художники Р.Н. Браиловская (1868–1959), Л.М. Браиловский (1867–1937), А.Я. Белобородов (1886–1965) и др. В этом круге состоялись выступления писателя, чтение и обсуждение его произведений[46].

Хотя по документам не установлено, каким способом состоялась знакомство писателя с Т.С. Варшер в 1935 г. до их встречи в Риме, в апреле 1936 г. [47], как отмечает Ч. Кадаманьяни [7, с. 235], сохранившаяся переписка дает представление о физическом и моральном состоянии писателя в этот период его жизни. Например, из писем становится известно, что писатель страдал от рецидива саркомы

[40] Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 5. Folder 5.

[41] В это время супруга писателя Н.А. Добровольская-Завадская приняла участие в конгрессе в Женеве, как об этом говорится в письмах В.В. Корсака к А.М. Ремизову от 8 и 13 августа 1929 г. (Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 5. Folder 5).

[42] Об этом говорится в письме от 21 декабря 1935 г. к Т.С. Варшер: «Возможно, что в начале апреля жена поедет на конгресс в Афины. Если соберем достаточно денег, то она тогда возьмет меня с собой, и мы поедем через Италию и остановимся в Риме и Неаполе. Тогда мы сможем с Вами увидеться и лично познакомиться» (The Getty Research Institute, Halsted B. Vander Poel Campanian Collection, circa 1570–1997, Accession no. 2002.M.16. Series II. A. Letters, 1924–1997, bulk 1924–1947. Tatiana Warscher papers, Letters. Box 86. Folder 2).

[43] ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 171. Л. 8 об. В списке указано место и время прибытия — Салоники, 2 марта.

[44] См. приложение к данной публикации.

[45] Валентина Павловна Преображенская была другом семьи Вяч. Иванова и римским секретарем Мережковских. Дружеское отношение между В.П. Преображенской и писателем, как выясняется из переписки, на наш взгляд, делает перспективным изучение литературных контактов В.В. Корсака с этими писателями.

[46] Об этом говорится в письме к Т.С. Варшер от 1 и 8 ноября 1938 г. (The Getty Research Institute, Halsted B. Vander Poel Campanian Collection, circa 1570–1997, Accession no. 2002.M.16. Series II. A. Letters, 1924–1997, bulk 1924–1947. Tatiana Warscher papers, Letters. Box 86. Folder 2).

[47] Можно предположить, что это произошло в силу популярности Т.С. Варшер среди эмигрантов. Об этом свидетельствуют следующие слова З. Гиппиус: «Для русского человека быть в Риме и не видать Татьяну Варшер гораздо непростительнее, чем не видать папу» (*Гиппиус З.Н.* Душа живая (К юбилею Т.С. Варшер) // Сегодня. 1937. 23 апреля. № 111. С. 2).

в раненной во время войны правой руке и лечился Х-лучами. В письме от 8 мая 1937 г. он пишет:

> Я «очень» живу в Сан-Ремо; погода в общем хорошая. Но что нехорошо — это то, что у меня сейчас то, что можно было назвать «черной меланхолией». А как она меня грызет, и ведь в устной передаче это слово, как г[оворят] все другие — ни легче, ни тяжелее. А как тяжело, Татьяна Сергеевна!
>
> Как я рад, что был и видел Рим, познакомился с Вами, побывал в Вашем институте, и хоть немножко, самым краем, прикоснулся к античности. Я часто вспоминаю Ваше водительство на Палатине в первый день нашего приезда[48].

Отметим, что под влиянием поездок в Италию развивалась итальянская тема в творчестве В.В. Корсака и возросло его увлечение античностью[49], первыми веками христианства; писатель часто работал в библиотеке Германского археологического института, где преподавала Т.С. Варшер.

Другой важной остановкой в биографии В.В. Корсака является Эстония, с которой было связано его детство. В 1930-е гг. с целью лечения и сотрудничества с местными издательствами писатель со своей супругой совершали поездки в Печоры[50] до присоединения Эстонии к СССР в начале 1940-х гг. и тогда он испытал трудности с возвращением во Францию[51].

---

[48] The Getty Research Institute, Halsted B. Vander Poel Campanian Collection, circa 1570–1997, Accession no. 2002.M.16. Series II. A. Letters, 1924–1997, bulk 1924–1947. Tatiana Warscher papers, Letters. Box 86. Folder 2.

[49] Это особенно наглядно демонстрируется в произведениях писателях 1930-х гг.: «В гостях у капитана» (1939) и «Рим» (1949). Кроме того, 9 апреля 1938 г. в «Русском трудовом христианском движении» писатель прочитал лекцию на тему «Рим и его древности» [21, с. 442].

[50] Так, в своей открытке к А.М. Ремизову от 12 июня 1935 г. В.В. Корсак сообщает о своем приезде в Печоры (Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 7. Folder 4). Позже в письме к Т.С. Варшер от 6 октября 1935 г. он пишет: «Я сейчас в Эстонии. Для моей болезни лучше всего подходит северный климат. Да тут и дешево, кроме этого. В конце октября я уже буду в Париже» (The Getty Research Institute, Halsted B. Vander Poel Campanian Collection, circa 1570–1997, Accession no. 2002.M.16. Series II. A. Letters, 1924–1997, bulk 1924–1947. Tatiana Warscher papers, Letters. Box 86. Folder 2). Указанный адрес — «Chez M. Semenov, 20, Poska Tänav, Petseri, Estonia». Другую поездку писатель совершил в июле 1937 г. [24, с. 409].

[51] Об этом нам известно по материалам воспоминаний писателя и подробно описано в повести «Со всеми вместе» (См.: *Корсак В.* Со всеми вместе: Оборвавшийся роман; Между небом и водой: повесть; голубая звезда: сказка-балет. Париж: Дом Книги, 1952. 158 с.). Кроме того, в повести «Рим» В.В. Корсака указано, что вторая часть произведения была уничтожена из-за сложившейся ситуации в то время (*Корсак В.* Рим. Париж; Мюнхен: Посев, 1949. С. 102).

Переходя к вопросу об отношении писателя к Советской власти, отметим, что из-за скудности воспоминаний о писателе, эти сведения нам пока малоизвестны. При этом абсолютное неприятие большевиков звучит в его ответах на вопросы, содержащиеся в анкете для вступления в масонскую ложу. «На вопрос 14. Неприкосновенность чужой человеческой жизни, — пишет П.Н. Переверзев, — кажется ему абсолютным правилом, однако он делает из него исключение для большевиков, которых считает врагами рода человеческого, с которыми он не примирится и за гробом, если там существует вечная жизнь» [7, с. 237]. Кроме того, в своих воспоминаниях о Н.А. Добровольской-Завадской В.А. Костицын отмечает враждебное отношение В.В. Корсака к советской власти. Так в записи от 18 ноября 1954 г. о состоявшемся в 1923 г. знакомстве с Завадскими, он назвал писателя «непримиримым белогвардейцем» [14, с. 94].

Из переписки в последние годы жизни писателя нам доступна только открытка к Т.С. Варшер от 9 сентября 1941 г., отправленная писателем из Парижа. В ней В.В. Корсак пишет:

> Мы живы, работаем оба по-прежнему. Много пришлось пережить. Так бы хотелось пожить еще в Риме, поработать в его библиотеках. С любовью вспоминаю Вечный город, форум, Палатин, музеи. Часто перебираю виды Рима и Помпеи. Тянет походить по знакомым местам. Многих знакомых нет. Одни уехали, другие умерли. Газеты русские прекратились. Людей мало видим. Каждый занят собой. Надежда Алексеевна потеряла за это время 10 кило[граммов], я поменьше. Было у меня воспаление легких, думал не встану, но выжил[52].

Следует отметить, что информация о совершенных В.В. Корсаком поездах в Америку не подтверждена архивными материалами. Тем не менее писателю удалось установить связи со многими представителями русской диаспоры в Америке, и его произведения продавались там в книжных магазинах, как выясняется из переписки с В.П. и А.А. Кулаевыми. В письме от 25 июля 1934 г. В.П. Кулаев уже предложил Завадским переехать жить в Сан Франциско:

> <…> Хотелось бы знать, как Вы поживаете. Когда собираетесь в Америку? Я все еще продолжаю думать, что здесь Вам жилось бы

[52] The Getty Research Institute, Halsted B. Vander Poel Campanian Collection, circa 1570–1997, Accession no. 2002.M.16. Series II. A. Letters, 1924–1997, bulk 1924–1947. Tatiana Warscher papers, Letters. Box 86. Folder 2.

лучше в материальном отношении (да и в культурном уже мы не так отстали от Европы, как Вы думаете).

В San Francisco две русские газеты. Одна выходит 6 раз в неделю, а другая, один раз. Редакторы обеих газет с образованием выше среднего (один издатель –– американец), а среди сотрудников нет ни одного с высшим. Я думаю, что однодневную газету можно было бы приобрести и расширить. Вот Вам, Вениамин Валерианович, и было бы поле деятельности. Вам же, Надежда Алексеевна, было бы хорошо заняться частной практикой. Ведь в здешней русской колонии на 6 тысяч человек нет ни одного русского хирурга. У русских врачей охотно лечатся и американцы. Подумайте, и если допускаете ~~это~~ переселение в Америку возможным, то начнем хлопотать о праве въезда.

Несколько месяцев я послал Вам книжку «Калифорнийский альманах» и газету «Новая заря» со статьей о «Под новыми звездами». Получили Вы?

<…> У меня имеется 8 долл[аров] от продажи книги. Что с ними сделать? Продажа идет плохо, даже книжные магазины ничего не продали[53].

В.В. Корсак скончался[54] на 59 году в среду 12 июля 1944 г. и был похоронен 15 июля на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Сохранившаяся в фонде А.М. Ремизова переписка с писателем завершается письмом Н.А. Добровольской-Завадской от 16 июля 1944 г., где содержится сообщение о кончине В.В. Корсака[55], и полученным два года спустя ее приглашением на вечер памяти, организованный 27 октября 1946 г. Союзом русских писателей и журналистов в Париже[56].

Восполнение лакун в биографии В.В. Корсака затрудняет недостоверность биографических сведений в ряде источников. Например, в биографическом очерке о писателе в издании «На чужих погостах. Некрополь русского зарубежья» супругой писателя называется Ольга Александровна Завадская (урожд. Тартаковская)

[53] Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Ven'iamin V. Korsak-Zavadskii and Nadezhda A. Dobrovol'skaia-Zavadskaia Papers, 1925–1950. Series I. Box 2. Folder 5.

[54] В газете «Новое русское слово» от 1 апреля 1945 г. отмечается, что писатель скончался от туберкулеза (Русский Париж // Новое русское слово. 1945. 1 апреля. № 12028. С. 7). Однако в воспоминаниях В.В. Зеньковского упоминается, что он страдал от тяжелой сердечной болезни [6, с. 11]. В своих воспоминаниях прот. В.В. Зеньковский дает характеристику личности Н.А. Добровольской-Завадской и писателя В.В. Корсака в личном и профессиональном плане, хотя отчество писателя указывается как «Александрович». См.: [6, с. 11–12].

[55] Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 8. Folder 6.

[56] Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 10. Folder 1.

[19, с. 95]. На самом деле, причиной этой неточности может служить то, что на одной и той же странице «Алфавитного списка русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа» вместе с биографическими данными о писателе указаны сведения о О.А. Завадской (1897–1986) [4, с. 139], жены участника Белого движения, эмигранта во Францию А.В. Завадского (1895–1979). Вероятно, на этом основании могла быть допущена подобная оплошность.

Те же неточности встречаются и в ряде статей на английском и французском языках, посвященных биографии Н.А. Добровольской-Завадской. Так, например, в статье В. Коржа указано, что ее супруг — биолог, профессор Казанского университета Александр Михайлович Завадский[57]. Следует отметить, что в поздней публикации того же автора приведены более точные биографические данные на основе архивных материалов[58]. В другом источнике указано, что Н.А. Добровольская-Завадская скончалась в Париже и была похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [25, с. 388]. На самом деле она скончалась во время поездки в Италию и была похоронена на городском кладбище в Милане, как об этом говорится в статьях П.Е. Ковалевского[59].

Кроме биографических неточностей, содержащихся в некоторых источниках по истории русской эмиграции, перепутаны биографические данные о писателе В.В. Корсаке-Завадском с данными других деятелей русской эмиграции, в частности, композитора и пианиста Василия Васильевича Завадского (1899–1954) и драматической артистки Елены Борисовны Корсак (1907–1941). Так, в издании «Русская культура в изгнании» при указании информации об изображении № 257, представляющем собой сцену из спектакля, актером указывается «писатель В.В. Корсак-Завадский» вместо композитора, пианиста В.В. Завадского [9, с. 90–91].

В связи с этим актуальным является текстологическое изучение обнаруженных архивных материалов. Так, например, в опись фонда А.М. Ремизова и С.П. Ремизовой-Довгелло в Амхерсте за 1924 г., помимо писем писателя В.В. Корсака-Завадского, включены письма

[57] *Korzh V.*, *Grunwald D.* Nadine Dobrovolskaïa-Zavadskaïa and the dawn of developmental genetics // BioEssays. 2001. № 23. P. 366. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/bies.1052 (дата обращения: 20.09.2023). DOI: 10.1002/bies.1052

[58] См.: *Korzh V.* Never-ending story of Brachyury: From short–tailed mice to tailless primates // Cells & development. 2024. Vol. 178. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2667290123000724 (дата обращения: 01.08.2024). DOI: 10.1016/j.cdev.2023.203896

[59] *Ковалевский П.* Трагическая судьба профессора А.Н. Добровольской-Завадской // Русская мысль. 1955. 2 сентября. № 794. С. 5; *Ковалевский П.* Устройство могилы проф. Н.А. Добровольской-Завадской // Русская мысль. 1955. 8 октября. № 805. С. 6.

композитора В.В. Завадского к А.М. Ремизову[60]. Содержащиеся здесь биографические данные композитора могли привести к недостоверному воссозданию эпизодов жизни писателя.

В ряде основных источников по литературе русского зарубежья, например, монографии Глеба Струве [23, с. 322], В.В. Корсак упоминается как прозаик и поэт, но до сих пор нами не выявлены данные о поэтическом наследии писателя ни в библиографических изданиях и эмигрантской периодике, ни в личной переписке. При этом, согласно опубликованной в Калифорнийском Альманахе автобиографии писателя, кроме небольших статей[61] и рассказов в периодических русских изданиях эмиграции, писателем издан ряд книг, относящихся к переживаемой им эпохе[62].

---

[60] Сохранились две открытки В.В. Завадского к А.М. Ремизову от 6 и 13 марта 1924 г. и два письма: одно к С.П. Ремизовой-Довгелло от 29 марта и другое, недатированное, — к А.М. Ремизову. В них говорится о назначении времени встреч с Ремизовыми и о перенесенном с 28 марта на 4 апреля 1924 г. вечере А.М. Ремизова. На них указан парижский адрес В.В. Завадского «7 Rue Clapeyron, Paris VIII». По материалам биографии композитора известно, что в конце апреля 1924 г. он с супругой переехали из Парижа в Нью-Йорк (*Росов В.А.* Люди как ноты. Заметки к биографии В.В. Завадского // Дельфис: культурно-просветительский журнал. 2018. № 93. URL: http://www.delphis.ru/journal/article/lyudi-kak-noty (дата обращения: 01.11.2023)). Последующие 2 письма отправлены из Америки; первое от 23 мая 1924 г., где указан адрес «Master Institute of United Arts, 310 Riverside drive, N.Y. City», другое, от 10 августа, — (4/w 97 str. New York U.S.A.». В этих письмах рассказывается о первых испытаниях эмигрантской жизни в Америке, хлопотах об оказании помощи А.М. Ремизову (речь шла об обещании устроить при русском литературно-артистическом обществе вечер в пользу А.М. Ремизова, публикации его воспоминаний о Блоке в «Зеленом журнале», упоминается Г.Д. Гребенщиков и его издательство «Атлас». См.: Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 3. Folder 7; Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 3. Folder 8; Amherst. Series 2. Subseries 1. Box 20. Folder 6; Amherst. Series 2. Subseries 1. Box 20. Folder 7; Amherst. Series 2. Subseries 1. Box 20. Folder 9.

[61] Пока нам доступен только опубликованный в «Последних новостях» очерк «А.С. Боткин» (*Корсак В.* А.С. Боткин. К сегодняшней лекции // Последние новости. 1931. 27 апреля. № 3687. С. 3).

Следует отметить, что автором входящей в библиографию работ об И.А. Ильине статьи «Русский Колокол: (обзор 2-х номеров)» («*В.К.* Русский Колокол: (обзор 2-х номеров)) // Новое время. 1928. 17 февраля. № 2038. С. 2» неправильно указан писатель В.В. Корсак-Завадский (см.: Библиография. Статьи и сообщения об И.А. Ильине // *Ильин И.А.* Сочинения: в 2 т. М.: Медиум, 1994. Т. 2: Религиозная философия. С. 544). Настоящим автором статьи является сотрудник газеты «Новое время», журналист Виктор Константинович Гордовский.

Кроме того, хранящаяся в Гуверовском институте рукопись «Русские в Бессарабии» (Hoover Institution Library & Archives. [Zavadskii, V., “Russkie v Bessarabii”]. Petr Berngardovich Struve papers, Collection Number: 79083. Box 37. Folder 2) представляет собой письмо В.И. Завадского (секретаря Российского центрального объединения в Чехословакии) от 21 сентября 1925 г. к редактору газеты «Возрождение» и «Россия и славянство» К.И. Зайцеву. В приложение к письму отправлен очерк «Русские в Бессарабии», часть которого была анонимно (как выясняется из письма, по просьбе автора) опубликована в газете в том же месяце. См.: Беженцы и Бессарабия // Возрождение. 1925. 30 сентября. № 120. С. 2.

[62] См.: *Корсак В.В.* О себе // Калифорнийский альманах. Oakland, Calif.: Изд. Лит.-художественного кружка г. Сан-Франциско, 1934. С. 107. Это подтверждается материалами, содержащимися в фондах РГБ и ДРЗ, библиографиями русских книг, изданных за рубежом, например, библиографией Л.А. Фостер (*Фостер Л.А.* Библиография русской зарубежной литературы: 1918–1968: в 2 т. = Bibliography of Russian Émigré Literature 1918–1968: in 2 vols. / сост. Л.А. Фостер. Boston, Mass.: G.K. Hall & CO, 1970. Т. 1: А–К. С. 645–646). Одна часть библиографии писателя подготовлена А.Д. Алексеевым в виде справочно-источниковедческих картотек, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН, но другая

Вопрос о литературном дебюте В.В. Корсака является спорным по причине неполноты комплектов эмигрантской периодики. В большинстве монографий по истории литературы русского зарубежья принято считать, что В.В. Корсак вошел в литературу как автор целой серии мемуарных книг, вышедших между 1927 и 1931 гг. — «Плен», «Забытые», «У красных», «У белых» и «Великий исход» [23, с. 187]. Пятикнижие писателя (по выражению М.А. Осоргина) посвящено воспоминаниям о Первой мировой войне (с конца июня 1914 г.), периоде немецкого плена (с 2 ноября 1914 г. до 18 июля 1918 г.), событиях Октябрьской революции и Гражданской войны в России до эвакуации из Одессы в начале 1920 г. Опираясь на авторскую датировку в конце текстов[63], можно сделать вывод, что работа над мемуарной серией продолжалась с начала 1924 г. по 1926 г. Нам кажется возможным связать начало литературной деятельности В.В. Корсака со знакомством с А.М. Ремизовым в конце 1923 г.[64]

По материалам эмигрантской периодики выявлено, что уже с начала 1926 г. в газетах, большей частью в «Днях», «Последних новостях» и «России и славянстве», выходили отрывки из произведений писателя, подписанные псевдонимом «В. Корсак»[65]. Тем не менее, в газете «Возрождение» № 174 от 23 ноября 1925 г. нами был обнаружен очерк под заглавием «Встреча», подписанный только фамилией «Корсак»[66]. Подтверждением авторства этого очерка служит его соотнесенность с биографией В.В. Корсака. Кроме того, таким же образом был подписан отрывок «На рубеже», опубликованный 14 февраля 1926 г. на страницах газеты «Дни»[67]. Этим отрывком началась публикация мемуаров о немецком плене, которые через относительно большой временной промежуток будут продолжены на протяжении двух месяцев (с 28 октября по 21 декабря 1926 г.) в «Днях»[68]. В 1927 г.

часть опубликована в монографии того же автора [1, с. 90–91]. Тем не менее в результате цифровизации эмигрантской периодики и дальнейшего ее исследования библиография писателя дополняется новыми материалами.

[63] В большей части первых изданий книг писателя, в том числе и посмертно изданных, он указывает дату завершения работы над рукописями. Единственное исключение представляет собой произведение «Плен», где указана дата — 1927 г. Это противоречит тому факту, что в 1926 г. мемуары были опубликованы на страницах газеты «Дни». Работа над повестью «Забытые» была завершена 18 декабря 1924 г., «У красных» — 14 июня 1925 г., «У белых» и «великий исход» —1926 г.

[64] Следует отметить, что писатель был членом Обезьяньей Великой и Вольной Палаты [16, с. 303, 348]. Его звание — Полпред Египетский.

[65] Эти отрывки обычно имеют подзаголовок с указанием на основное произведение, но не всегда это указывается. В этих случаях в библиографии нами отмечается, к какому произведению относится опубликованный отрывок.

[66] *Корсак.* Встреча // Возрождение. 1925. 23 ноября. № 174. С. 2.

[67] *Корсак.* На рубеже. Отрывок из «Плена» // Дни. 1926. 14 февраля. № 930. С. 4.

[68] *Корсак В.* Плен // Дни. 1926. 28 октября. № 1144. С. 2; *Корсак В.* Плен. Продолжение // Дни. 1926. 2 ноября. № 1148. С. 2; *Корсак В.* Плен III // Дни. 1926. 6 ноября. № 1152.

отдельной книгой в парижском издательстве «Родник» вышла повесть «Плен». Воспоминания о немецком плене и возвращении в Россию продолжены и во второй части первой мемуарной дилогии[69] — «Забытые»[70] (1928). Примечательно, что в 1931 г. вышел перевод мемуарной дилогии В.В. Корсака на французский язык[71] под заглавием «Les prisonniers» в серии мемуаров и документов по истории Первой мировой войны при издательстве «Payot»[72].

Последующие три части Пятикнижия В.В. Корсака, «У красных» (1930), «У белых» и «Великий исход» (1931), вышли в издательстве «Москва» в Париже. Отрывками этих произведений начали выходить уже с 1926 г. Так, параллельно с выходом воспоминаний писателя о немецком плене в «Днях», состоялась публикация мемуаров о периоде пребывания в Киеве «У белых» во второй книге Парижского журнала истории и истории литературы «Голос минувшего на чужой стороне»[73]. Кроме этого, на страницах газеты «Последние новости» были напечатаны части повестей «У красных» и «Великий исход»[74].

Благодаря вызванному мемуарной серией интересу к творчеству писателя, В.В. Корсаком была опубликована полуавтобиографическая трилогия, посвященная воспоминаниям о беженском периоде жизни в Египте (1920–1921) — «История одного контролера» (1929; изд. «Родник»), «Под новыми звездами» (1933; изд. Москва) и «Между небом и водой» (посмертное издание, 1952; изд. «Дом книги»)[75].

С. 2; *Корсак В.* Плен IV // Дни. 1926. 12 ноября. № 1157. С. 2; *Корсак В.* Плен V // Дни. 1926. 18 ноября. № 1162. С. 2; *Корсак В.* Плен VI // Дни. 1926. 25 ноября. № 1168. С. 2–3; *Корсак В.* Плен VII // Дни. 1926. 3 декабря. № 1175. С. 2; *Корсак В.* Плен VIII // Дни. 1926. 10 декабря. № 1181. С. 2; *Корсак В.* Плен IX // Дни. 1926. 18 декабря. № 1188. С. 2–3; *Корсак В.* Плен X // Дни. 1926. 28 декабря. № 1195. С. 2–3.

[69] В этом контексте особый интерес представляет установление параллелей между мемуарами В.В. Корсака и романом Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен». Роман немецкого писателя был впервые опубликован в газетном варианте в 1928 г. и вышел отдельной книгой в 1929 г. В 1931 г. вышла вторая часть этой романной дилогии.

[70] В «Последних новостях» появился отрывок из этой повести. См.: *Корсак В.* Отъезд в Россию (Отрывок из подготавливающейся к печати книги «Забытые») // Последние новости. 1928. 15 апреля. № 2580. С. 4–5.

[71] В силу интереса к мемуарам писателя была предпринята попытка перевода их на немецкий язык. Об этом говорится в письме Ганса Руоффа к А.М. Ремизову от 4 мая 1927 г. См.: [18, с. 187].

[72] *Korsak W.* Les prisonniers / traduit du russe par Z. Lvovski et L. Silbert. Paris: Payot, 1931.

[73] *Корсак В.* У белых // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2. С. 195–244. В публикацию были включены первые четыре и часть пятой главы полного издания повести «У белых». При этом в 1928 г. на страницах газеты «Дни» были опубликованы два дополнительных отрывка (*Корсак В.* Лунной ночью (Отрывок из эпопеи «Грибы на войне») // Дни. 1928. 7 января. № 1291. С. 3; *Корсак В.* «У белых» в Киеве, 1919 г. На дежурстве в офицерском полку // Дни. 1928. 24 мая. № 1428. С. 3).

[74] См.: *Корсак В.* У красных «Дым отечества» (Отрывок из книги «У красных») // Последние новости. 1930. 9 августа. № 3426. С. 3; *Корсак В.* Последние минуты (Отрывок из книги «Великий исход») // Последние новости. 1931. 8 ноября. № 3882. С. 2–3.

[75] Первая часть трилогии «Под новыми звездами» посвящена воспоминаниям

Согласно рукописями писателя в Бахметевском архиве, в конце 1928 г. В.В. Корсак принялся за тетралогию «Юра»[76] (1935), «Жуки на солнце» (1936), «Шарманка» (1937), «Печать» (1938)[77]. О главной мысли этого цикла говорит В.В. Корсак в своем письме к Т.С. Варшер от 21 октября 1935 г.: «И с мыслью о тех, кто ушел, с надеждой на воскрешение и преображение жизни взялся за "Мечту человеческую", чтобы облегчить себя, облегчить горе других, найти вечное и утешающее. И вот "Юра" — это первая часть "Мечты"; это любовь материнская; "Жуки на солнце" — вторая часть; это — радость человеческая; потом еще должны последовать три части»[78]. Первая часть этого цикла была опубликована в издательстве «Парабола» (Париж; Берлин), но следующие три части — в издательстве «Русская книга» (Париж; Таллин). В последнем вышла еще одна повесть В.В. Корсака «В гостях у капитана» (1939). Это произведение можно определить как «беллетризованную биографию» А.С. Боткина, воспоминания писателя о пребывании в доме Боткиных в Сан-Ремо. В это издание была включена пьеса «Мать» и рассказы, не принадлежащие к присущей большей части творчества писателя военной и эмигрантской тематике. Это рассказы — «Баранья голова», «В рассеянии сущие», «Брак в Кане», «Штаны», «Morgenrot», «Розовая чепуха» и «Весенний вздор»[79].

об эвакуации в Египет, жизни в беженском лагере Тель Эль Кебир, но вторая часть, «История одного контролера», представляет собой историю русского эмигранта, зарабатывавшего себе на жизнь работой трамвайным контролером в г. Александрия. В третьей части трилогии «Между небом и водой» рассказывается об отъезде из Египта во Францию. В эмигрантской периодике часто были напечатаны отрывки из этой трилогии. См.: *Корсак В.* Печали и воздыхания (Отрывок из книги «История одного контролера») // Последние новости. 1928. 28 августа. № 2715. С. 2–3; *Корсак В.* Огненная ночь (Отрывок из книги «История одного контролера») // Последние новости. 1929. 7 января. № 2847. С. 4–5; *Корсак В.* В Каире (Отрывок из книги «История одного контролера») // Россия и славянство. 1929. 17 августа. № 38. С. 7–8; *Корсак В.* Кладбище в пустыне (Отрывок из романа «Под новыми звездами») // Последние новости. 1929. 14 июля. № 3035. С. 5.

[76] Уже в 1930 г. была опубликована одна часть этого романа. См.: *Корсак В.* Белый хлеб // Последние новости. 1930. 4 марта. № 3268. С. 5.

[77] Bakhmeteff Archive. Rare Book and Manuscript Library. Ven'iamin V. Korsak–Zavadskii and Nadezhda A. Dobrovol'skaia–Zavadskaia Papers, 1925–1950. Series II: Manuscripts and Printed Materials. Box 5. Работа над «Печатью» была завершена в Сан-Ремо в 1936 г. Книга в двух частях должна была выйти в свет в августе – сентябре 1937 г., как говорится в письме писателя к Т.С. Варшер от 28 декабря 1937 г. (The Getty Research Institute, Halsted B. Vander Poel Campanian Collection, circa 1570–1997, Accession no. 2002.M.16. Series II. A. Letters, 1924–1997, bulk 1924–1947. Tatiana Warscher papers, Letters. Box 86. Folder 2).

[78] Цит. по: [7, с. 231].

[79] Некоторые рассказы были ранее опубликованы в эмигрантской периодике. См.: *Корсак В.* Весенний вздор // Дни. Париж. 1928. 29 января. № 1313. С. 3–4; *Корсак В.* Леший // Дни. Париж. 1928. 11 марта. № 1355. С. 4; *Корсак В.* Розовая чепуха // Дни. Париж. 1928. 8 апреля. № 1383. С. 2; *Корсак В.* Баранья голова (охотничий рассказ) // Последние новости. 1929. 15 сентября. № 3098. С. 4–5; *Корсак В.* Штаны // День русского ребенка. Сан-Франциско. 1937. 9 мая. № 4. С. 20–22.

Посмертно в издательстве «Дом книги» вышла трилогия «Один: Роман из жизни эмиграции» (1951), «Вдвоем: Роман из жизни эмиграции» (1951) и «Со всеми вместе: Оборвавшийся роман» (1952). Трилогия посвящена воспоминаниям о французском и эстонском периодах биографии В.В. Корсака. Писатель занимался литературой до конца своей жизни; посмертное издание произведения «Вдвоем» вышло с авторской датировкой «08.11.1943».

Таким образом, библиография писателя насчитывает семнадцать книг прозы, пьесу в одном действии, девять рассказов, не включая опубликованные в периодике отрывки из произведений. Следует отметить, что в фонде Б.И. Николаевского в архиве Гуверовского института хранятся четыре недатированных машинописных текста В.В. Корсака: две редакции рассказа «За сеном», «Серебряные рыцари» и «В индуском лазарете»[80].

Это отсылает нас к проблеме издания сочинений В.В. Корсака в России. Согласно библиографическим записям книг писателя в фондах РГБ, часть творческого наследия оказалась в фондах в 1947–1950-х гг. в составе перемещенных культурных ценностей после Второй мировой войны, но другая часть поступила как дар Славянской библиотеки и издательства «Посев» (Франкфурт-на-Майне) в период с 1960 по 1990 гг.[81] На этом основании можно предположить, что русский читатель начал знакомиться с творчеством писателя уже в 1940–1950-е гг. Переиздание произведений В.В. Корсака в России началось в 1990 г. с выхода повести «У белых» с некоторыми сокращениями в журнале «Юность»[82], и в 2003 г. была включена другая повесть писателя «Великий исход» в десятую книгу серии «Белое дело» [10]. Через шесть лет в издательстве «В.А. Стрелецкий» была переиздана повесть «Плен» [11]. Только в 2011 г. в серии «Голоса истории» вышло полное мемуарное «пятикнижие» писателя [12; 13]. Другие произведения писателя до сих пор на Родине не переизданы.

[80] В фонде эти тексты хранятся в папке газеты «Последние новости», но установить факт публикации этих рассказов нам пока не удалось. (Hoover Institution Library & Archives. [Korsak, V., four short stories], Boris I. Nicolaevsky collection, Collection Number: 63013. Series no. 278. Box 639. Folder 34). Хотя в текстах не существует подзаголовков, отметим, что это фрагменты других произведений писателя 1930-х гг. Так, рассказ «За сеном» — это отрывок из первой части автобиографической тетралогии «Юра», «Серебряные рыцари» — отрывок из второй книги той же тетралогии «Жуки на солнце», и «В индуском лазарете» — эпизод из воспоминаний о жизни в Египте, которым посвящен роман «Под новыми звездами».

[81] Эти данные получены при помощи отделов справочно-библиографического (СБО) и библиотечно-информационного обслуживания (ОБИО) РГБ.

[82] *Корсак В.* «У белых» // Юность. Литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник Союза писателей СССР. М.: Изд-во ЦК КПСС «Правда». 1990. № 10 (425). С. 62–73.

Все архивные материалы печатаются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Явные ошибки и опечатки исправлены.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Открытка В.В. Корсака к А.В. Амфитеатрову[1]

Signor Alessandro Amfiteatrof
Villa delle Lagore
Lavanto
12.XI.1930

Милостивый государь, господин Амфитеатров!

От Алексея Михайловича Ремизова я узнал, что Вы пишете книгу на итальянском языке о новых русских писателях[2]. Мной, за 1927–1930 года, были выпущены четыре книги: «Плен», «Забытые», «Красные», «История одного контролера». Это — повести о тех испытаниях, что выпали на долю русского человека за эти года. Книги были отмечены русской критикой, французской[3], шведской… Мне было бы приятно, если бы и Вы отметили их в Вашей новой работе. Я написал своему издателю[4], чтобы он выслал их Вам в самый непродолжительный срок. Остаюсь я совершенным почтенным, готовым к услугам В. Завадский (В. Корсак)

———————————————

Письмо В.В. Корсака к А.В. Амфитеатрову

3.I.1931

Глубокоуважаемый Александр Валентинович!

Простите, что так долго не отвечал Вам на Ваше такое значительное для меня письмо[5]. Я совсем расхворался и никак не мог собраться с мыслями, чтобы написать Вам. Сейчас я уже в Париже, где живу постоянно[6], чувствую себя лучше, но в обычной обстановке стало как-то легче взяться за перо. На прилагаемый биографический очерк[5] смотрите как на материал и сделайте из него, что найдете нужным.

Заранее Вас за все благодарю.

Преданный Вам

В. Завадский (В. Корсак)

Мой адрес:

M. B. Zavadsky.

49, Rue Geoffroy-St-Hilaire
Paris V
3.I.1931
В.В. Корсак

Вениамин Валерианович Корсак родился 9 сентября 1884 года в области Войска Донского, где его отец служил по судебному ведомству. Он рано лишился матери, умершей от туберкулеза легких и рос на попечении гувернанток и обремененного службой и заботами о большой семье вдовца-отца. Свое образование получил В. Корсак сперва в гимназии, а потом слушал лекции на юридическом факультете. Война застала его на службе по государственному страхованию, и он был призван из запаса в первый же день мобилизации. Месяца три спустя он был ранен в боях под Варшавой и взят в плен. В плену пришлось провести около четырех лет и возвратился в Россию уже при большевиках. Голод прогнал его из Москвы на Юг, и Корсак оказался в Киеве в момент занятия его добровольцами. С ними же он отступил затем на Одессу, и в 1920 году был эвакуирован англичанами в Салоники, и совсем больной был положен в госпиталь. Часть этого госпиталя была потом переведена в Египет, и в числе переведенных оказался и В. Корсак. Вторичная операция раненой руки и благодатный египетский климат поправили его настолько, что он смог прийти на самостоятельное эмигрантское положение.

---

[1] Публикуются по автографу: Courtesy Lilly Library, Indiana University, Bloomington, Indiana. Amfiteatrov mss., 1890–1948. Box 8.

[2] После публикации лекции А.В. Амфитеатрова «Литература в изгнании» (*Амфитеатров А.В.* Литература в изгнании: Публичная лекция, прочитанная в Миланском филологическом обществе. Белград: Новое время, 1929. 58 с.) и ее версии на итальянском языке «Una letteratura in esilio» (*Amfiteatroff A.* Una letteratura in esilio // Le Opere e i giorni. 1930. № 6. P. 46–65). А.М. Ремизов предложил Корсаку обратиться к Амфитеатрову. Так, 12 ноября 1930 г. писателем была отправлена открытка Амфитеатрову, как об этом говорится в посланной в тот же день к Ремизову открытке (Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 6. Folder 3).

[3] Во французском журнале «Le monde slave», выходившем с 1917 по 1938 гг., опубликованы отзывы французского слависта Жюля Легра на ранние произведения Корсака (см.: *Legras J.* Les Russes en captivité // Le monde slave. Revue mensuelle. Paris: Librairie Félix Alcan. 1928. Octobre. № 10. P. 1–20; *Legras J.* V. Korsak, Chez les Rouges (Bibliogr.) // Le monde slave. Revue mensuelle. Paris: Librairie Félix Alcan, 1931. Janvier. № 1. P. 148–151; *Legras J.* V. Korsak: U. Bêlykh (Chez les Blancs) // Le monde slave. Revue mensuelle. Paris: Librairie Félix Alcan, 1931. Août. № 8. P. 316–320; *Legras J.* V. Korsak: Velikhij iskhod (L'exode) // Le monde slave. Revue mensuelle. Paris: Librairie Félix Alcan, 1932. Juillet. № 7. P. 153–155; *Legras J.* Histoire d'un contrôleur, de V. Korsak // Le monde slave. Revue mensuelle. Paris: Librairie Félix Alcan, 1930. Avril. № 4. P. 150–152). Кроме того, в газете «L'action Française» вышла рецензия на перевод мемуарной дилогии писателя на французский язык «Les prisonniers», выполненный З.Д. Львовским и Лидией Стильберт (см.: *Mathiex P.* Dans

les camps allemands. Français et Russes prisonniers de guerre // L'action Française: organe du nationalisme intégral. 1931. 26 Août. № 238. P. 1–2).

[4] Произведения «Плен», «Забытые» и «История одного контролера» опубликованы в издательстве «Родник», основателем которого был И.Н. Коварский (1880–1962), в то время как «У красных» вышла в издательстве «Москва» Е.А. Бреннера (1895–1954).

[5] Ответ от Амфитеатрова писатель сразу получил, как выясняется из его письма от 8 декабря 1930 г. к Ремизову (Amherst. Series 1. Subseries 1. Box 6. Folder 3), в котором сообщает, что Амфитеатров обещал включить сведения о писателе во второе издание «Литература в изгнании», а также попросил отправить ему автобиографическую записку для другого издания на итальянском языке. По содержанию письма М.А. Алданова к Амфитеатрову от 23 февраля 1931 г. можно предположить, что, получив письмо от лично незнакомого Корсака, Амфитеатров обратился к Алданову, автору рецензии на повесть «Плен» Корсака (см.: «Парижский философ из русских евреев»: Письма М. Алданова к А. Амфитеатрову / публ. Э. Гарэтто и А. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. № 22. СПб.: Феникс, 1997. С. 561–562; *Алданов М.В.* Корсак. Плен // Современные записки. 1928. № 34. С. 499–500).

[6] Первая открытка к Амфитеатрову была отправлена из Сан-Ремо, куда Корсак ездил в начале ноября 1930 г. Второе письмо от 3 января 1931 г. было отправлено по возвращении писателя в Париж.

Литература

1. *Алексеев А.Д.* Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии. СПб.: Наука, 1993. 202 с.

2. *Беляков В.В.* Русская эмиграция в Египте (1920-е–1980-е гг.): История. Документы. Некрополь. СПб.: Алетейя, 2018. 264 с.

3. *Горячкин Г.В.* Русская Александрия: Судьбы эмиграции в Египте. М.: Русский путь, 2010. 324 с.

4. *Грезин И.И.* Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж: [Б. и.], 1995. 458 с.

5. *Ефимов А.В.* Главное справочное бюро в Константинополе, 1920–1922 гг.: Именные списки беженцев и чинов Русской армии: сборник документов. М.: Ин-т наследия, 2022. Вып. 3 / сост. А.В. Ефимов. 880 с. DOI: 10.34685/ HI.2022.13.48.002

6. *Зеньковский В.В.* Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк: Assoc. of Russ.-Amer. scholars in the U.S.A., 1996–1997. *Т. 28.* С. 3–39.

7. *Кадаманьяни Ч.* Отражение революционных событий и Гражданской войны в произведениях и письмах В.В. Завадского-Корсака // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья: Междунар. науч.-просветительская конф., Москва, 26–28 окт. 2017 г. / сост. М.Ю. Сорокина. М.: Вифсаида; Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 229–240.

8. *Козлов Л.В.* Русское зарубежье. Великие соотечественники: 100 судеб русской эмиграции в XX веке. М.: Яуза-каталог, 2018. 664 с.

9. *Корляков А.* Русская культура в изгнании. Европа. Из серии Русская эмиграция во фотографиях. 1917–1947. Париж: YMCA-Press, 2012. 720 с.

10. *Корсак В.* Великий исход // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2003. Кн. 10: Бредовский поход / сост. С.В. Карпенко. С. 85–206.

11. *Корсак В.* Плен: [неизвестные страницы российской истории]. М.: Изд-во «В.А. Стрелецкий», 2009. 256 с.

12. *Корсак В.* «Плен»; «Забытые» // Забытая война: сб. ист.-лит. произв. / сост. Р.Г. Гагкуев. М.: Посев, 2011. С. 5–332.

13. *Корсак В.* «У красных»; «У белых»; «Великий исход» // Красная смута: сб. ист.-лит. произв. / сост. Р.Г. Гагкуев. М.: Посев, 2011. С. 51–470.

14. *Костицын В.А.* Мое утраченное счастье… Воспоминания, дневники. М.: Новое литературное обозрение, 2017. Т. 2 / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. В.Л. Гениса. 440 с.

15. *Малунова М.В.* Н.А. Добровольская-Завадская: профессиональная и общественная деятельность в России и эмиграции // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 98–116. DOI: 10.18522/2500-3224-2024-2-98-116

16. *Обатнина Е.Р.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 382 с.

17. Письма И.Г. Лежнева А.М. Ремизову (1923–1926) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Литературный архив Советской эпохи: сб. ст. и публикций. СПб.: Полиграф, 2022. Кн. 3 / отв. ред.-сост. Н.А. Прозорова. С. 445–480.

18. *Поляков Ф.Б.* Встречи Льва Шестова с переводчиком Гансом Руоффом // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2019. С. 185–189.

19. *Романов А.А.* На чужих погостах. Некрополь русского зарубежья. М.: ЭЛЛИС ЛАК 2000, 2003. 320 с.

20. Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. Т. 1: А–К. 794 с.

21. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция: [в 4 т.] / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж; М.: YMCA-Press; Эксмо, 1996. Т. 3: 1935–1940. 619 с.

22. *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.

23. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп.; *Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю.* Краткий биографический словарь русского Зарубежья / вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь, 1996. 448 с.

24. Хроника литературной жизни русского зарубежья. Эстония (1925–1940) / сост. Т. Шор, Р. Абисогомян, Е. Шувалова, Г. Пономарева // Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 265–436.

25. *Чуваков В.Н.* Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. М.: Пашков дом, 1999. Т. 2: Г–З. 648 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Forgotten Names of Russian Emigration. Some details on Veniamin Korsak-Zavadsky's Biography

© 2025. Mai A.G. Gaballah
Ain Shams University, Cairo, Egypt
Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: This work has been supported by the Central Department of Missions, Ministry of Higher Education and Scientific Research of Egypt.

Abstract: This paper is the first in a series of publications dedicated to some issues related to reconstructing the literary biography of Veniamin Valerianovich Korsak (real surname: Zavadsky), a little-known writer of the first wave of Russian emigration. The relevance of the work is determined by the difficulty of understanding Korsak's creative legacy without knowing his biography, since the documentary element is the main component of all his works. However, the lack of a systematic scientific systematic analysis of the creative and epistolary heritage of the writer, along with confusion arising from some obscurities and inaccuracies, all this makes it difficult to study the poetics of ego-documents in his books. To fill these gaps, the paper summarizes the results of the search and analysis of materials on the life and works of the writer and his wife, N.A. Dobrovolskaya-Zavadskaya, in Russian and foreign archives (State Archive of the Russian Federation, Central State Historical Archive of St. Petersburg, The Bakhmeteff Archive, the *Hoover Institution* Library & *Archives*, Getty Research Institute, Lilly Library, The National Archives of France). The article introduces archival documents related to the pre-war period in the biography of Korsak, as well as a part of his correspondence held in the collections of A.M. Remizov, A.V. Amfiteatrov, V.P. Kulaev, and T.S. Varsher. The research reconstructs episodes from the writer's life in Egypt, France, Italy, and Estonia, and his literary connections with Russian representatives abroad. An attempt to compile a comprehensive bibliography of Korsak's publications in émigré periodicals enables us to define more precisely the beginning of his literary career.

Keywords: V.V. Korsak-Zavadsky, N.A. Dobrovolskaya-Zavadskaya, A.M. Remizov, T.S. Warsher, Russian Émigré Literature, reconstruction of biography, memoirs, Russian Paris, Russian Egypt.

Information about the author: Mai A.G. Gaballah, Assistant, Ain Shams University, St. Al-Khalifa Al-Ma'amun, Al-Abbassiyah District, 11566 Cairo, Egypt; PhD Student, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9305-5857

E-mail: mai.amin@alsun.asu.edu.eg

For citation: Gaballah, M.A. "Forgotten Names of Russian Emigration. Some details on Veniamin Korsak-Zavadsky's Biography." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 235–260. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-235-260

References

1. Alekseev, A.D. *Literatura russkogo zarubezh'ia. Knigi 1917–1940. Materialy k bibliografii* [*The Russian Émigré Literature. Books of 1917–1940. Materials for Bibliography*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 202 p. (In Russ.)

2. Beliakov, V.V. *Russkaia emigratsiia v Egipte (1920-e–1980-e gg.): Istoriia. Dokumenty. Nekropol'* [*The Russian Emigration in Egypt (1920s–1980s): History. Documents. Necropolis*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2018. 264 p. (In Russ.)

3. Goriachkin, G.V. *Russkaia Aleksandriia: Sud'by emigratsii v Egipte* [*The Russian Alexandria: Fates of Emigration in Egypt*]. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 324 p. (In Russ.)

4. Grezin, I.I. *Alfavitnyi spisok russkikh zakhoronenii na kladbishche Sent-Zhenev'ev-de-Bua* [*Alphabetical List of Russian Burials in the Cemetery of St-Geneviève-de-Bois*]. Paris, [S. n.], 1995. 458 p. (In Russ.)

5. Efimov, A.V. *Glavnoe spravochnoe biuro v Konstantinopole, 1920–1922 gg.: imennye spiski bezhentsev i chinov Russkoi armii: sbornik dokumentov* [*The Main Information Bureau in Constantinople, 1920–1922: Name Lists of Refugees and Officials of the Russian Army: Collection of Documents*], issue 3. Moscow, Institut naslediia Publ., 2022. 880 p. (In Russ.)

6. Zen'kovskii, V.V. "Moi vstrechi s vydaiushchimisia liud'mi" ["My Meetings with Outstanding People"]. *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SShA* [*Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U.S.A.*], vol. 28. New York, Association of Russian-American Scholars in the U.S.A. Publ., 1996–1997, pp. 3–39. (In Russ.)

7. Kadaman'iani, Ch. "Otrazhenie revoliutsionnykh sobytii i Grazhdanskoi voiny v proizvedeniiakh i pis'makh V.V. Zavadskogo-Korsaka" ["The Reflection of October Revolution and Civil War in V.V. Zavadsky-Korsak's Works and Letters"]. *1917 god v istorii i sud'be rossiiskogo zarubezh'ia: Mezhdunarodnaia nauchno-prosvetitel'skaia konferentsiia, Moskva, 26–28 oktiabria 2017 g.* [*1917 in the History and Fate of the Russian Abroad: International Scientific and Educational Conference, Moscow, October 26–28, 2017*], comp. by M.Iu. Sorokina. Moscow, Bethsaida; Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad Publ., 2017, pp. 229–240. (In Russ.)

8. Kozlov, L.V. *Russkoe zarubezh'e. Velikie sootechestvenniki: 100 sudeb russkoi emigratsii v XX veke* [*Russia Abroad. Great Compatriots: 100 Destinies of the Russian Emigration in the 20th Century*]. Moscow, Iauza-katalog Publ., 2018. 664 p. (In Russ.)

9. Korliakov, A. *Russkaia kul'tura v izgnanii. Evropa. Iz serii Russkaia emigratsiia vo fotografiiakh. 1917–1947* [*Russian Culture in Exile. Europe. From the Series Russian Emigration in Photographs. 1917–1947*]. Paris, YMCA-Press Publ., 2012. 720 p. (In Russ.)

10. Korsak, V. "Velikii iskhod" [Korsak, V. *Plen*: (*neizvestnye stranitsy rossiiskoi istorii*) [*Captivity*: (*Unknown Pages of Russian History*)]. Moscow, V.A. Streletskii Publ., 2009. 256 p. (In Russ.)

11. Korsak, V.V. "Plen. Zabytye" ["Captivity. Forgotten"]. *Zabytaia voina: sbornik istoricheskikh i literaturnykh proizvedenii* [*The Forgotten War: A Collection of Historical and Literary Works*], comp. by R.G. Gagkuev. Moscow, Posev Publ., 2011, pp. 5–332. (In Russ.)

12. Korsak, V. Plen: (neizvestnye stranitsy rossiiskoi istorii) [Captivity: (Unknown Pages of Russian History)]. Moscow, V.A. Streletskii Publ., 2009. 256 p. (In Russ.)

13. Korsak, V.V. “U krasnykh. U belykh. Velikii iskhod” [“The Reds. The Whites. The Great Exodus”]. *K rasnaia smuta: sbornik istoricheskikh i literaturnykh proizvedenii* [*The Red Time of Troubles: A Collection of Historical and Literary Works*], comp. by R.G. Gagkuev. Moscow, Posev Publ., 2011, pp. 51–470. (In Russ.)

14. Kostitsyn, V.A. *Moe utrachennoe schast’e… Vospominaniia, dnevniki* [*My Lost Happiness... Memories, Diaries*], vol. 2, introd. article, comp., text prep. and comm. by V.L. Genis. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 440 p. (In Russ.)

15. Malunova, M.V. “N.A. Dobrovol’skaia-Zavadskaia: professional’naia i obshchestvennaia deiatel’nost’ v Rossii i emigratsii” [“N.A. Dobrovolskaya-Zavadskaya: Professional and Social Activities in Russia and Emigration”]. *Novoe Proshloe / The New Past*, no. 2, 2024, pp. 98–116. DOI:10.18522/2500-3224-2024-2-98-116 (In Russ.)

16. Obatnina, E.R. *Tsar’ Asyka i ego poddannye: Obez’ian’ia Velikaia i Vol’naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [*Tsar Asyka and His Subjects: A.M. Remizov’s Monkey Great and Free Chamber in Persons and Documents*]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

17. “Pis’ma I.G. Lezhneva A.M. Remizovu (1923–1926)” [“I.G. Lezhnev’s Letters to A.M. Remizov (1923–1926)”], introd. article, text prep. and comm. by E.R. Obatnina. *Literaturnyi arkhiv Sovetskoi epokhi: sbornik statei i publikatsii* [*Literary Archive of the Soviet Era: Collection of Articles and Publications*], book 3, ex. ed. and comp. by N.A. Prozorova. St. Petersburg, Poligraf Publ., 2022, pp. 445–480. (In Russ.)

18. Poliakov, F.B. “Vstrechi L’va Shestova s perevodchikom Gansom Ruoffom” [“Lev Shestov’s Encounters with His Translator Hans Ruoff”]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia im. A. Solzhenitsyna* [*Yearbook of Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad*]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad Publ., 2019, pp. 185–189. (In Russ.)

19. Romanov, A.A. *Na chuzhikh pogostakh. Nekropol’ russkogo zarubezh’ia* [*On Foreign Pogosts. Necropolis of the Russian Abroad*]. Moscow, ELLIS LAK 2000 Publ., 2003. 320 p. (In Russ.)

20. Mnukhin, L., M. Avril’, and V. Losskaia, editors. *Rossiiskoe zarubezh’e vo Frantsii. 1919–2000: biograficheskii slovar’: v 3 t.* [*The Russian Emigration in France. 1919–2000: Biographical Dictionary: in 3 vols.*], vol. 1: A–K [A–K]. Moscow, Nauka Publ., Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2008. 794 p. (In Russ.)

21. Mnukhin, L.A., editor. *Russkoe zarubezh’e: khronika nauchnoi, kul’turnoi i obshchestvennoi zhizni: 1920–1940. Frantsiia: v 4 t.* [*Russia Abroad: Chronicle of Scientific, Cultural and Social Life: 1920–1940. France: in 4 vols.*], vol. 3: 1935–1940 [1935–1940]. Paris, Moscow, YMCA-Press, Eksmo Publ., 1996. 619 p. (In Russ.)

22. Serkov, A.I. *Russkoe masonstvo. 1731–2000 gg.: entsiklopedicheskii slovar’* [*Russian Freemasonry. 1731–2000: Encyclopedic Dictionary*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 1224 p. (In Russ.)

23. Struve, G.P. *Russkaia literatura v izgnanii* [*Russian Literature in Exile*]. 3rd ed., rev. and enl.; Vil’danova, R.I., V.B. Kudriavtsev, and K.Iu. Lappo-Danilevskii. *Kratkii biograficheskii slovar’ russkogo Zarubezh’ia* [*Concise Biographical Dictionary of*

Russian Abroad], introd. article by K.Iu. Lappo-Danilevskii. Paris, Moscow, YMCA-Press, Russkii put' Publ., 1996. 448 p. (In Russ.)

24. "Khronika literaturnoi zhizni russkogo zarubezh'ia. Estoniia (1925–1940)" ["Chronicle of the Literary Life of the Russian Diaspora. Estonia (1925–1940)"], comp. by T. Shor, R. Abisogomian, E. Shuvalova, and G. Ponomareva. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 21, 2007, pp. 265–436. (In Russ.)

25 Chuvakov, V.N. *Nezabytye mogily. Rossiiskoe zarubezh'e: nekrologi 1917–1997: v 6 t.* [*Unforgotten Graves. Russia Abroad: Obituaries, 1917–1997: in 6 vols.*], vol. 2: G–Z [G–Z]. Moscow, Pashkov Dom pPubl., 1999. 648 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 25.11.2024
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 25.11.2024
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-261-288
https://elibrary.ru/WIPZXP

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Энтомологическая утопия Шарля Нодье

© 2025, В.А. Мильчина
Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского
Российского государственного гуманитарного университета,
Российская государственная академия народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация: Шарль Нодье (1780–1844) — один из тех писателей, которые были заворожены миром насекомых, причем Нодье не только посвящал им свои художественные произведения, но и был профессиональным энтомологом. Однако наиболее интересная сторона проблемы «Нодье и насекомые» — это не вклад писателя в энтомологию и не нарисованные им чрезвычайно выразительные описания насекомых и «охоты» на них, а философская интерпретация, которую Нодье дал в нескольких своих статьях и рассказах царству насекомых. Нодье изображает это царство как мир, подобный человеческому, но несравненно более прекрасный, как особую цивилизацию, не только параллельную человеческой, но и во многом ее превосходящую. В статье «О палингенезии человечества и о воскресении» Нодье выдвинул парадоксальную и даже шокирующую концепцию: процесс сотворения мира, описанный в библейской книге Бытие, не закончен, и на смену нынешнему человеку должно рано или поздно прийти другое, высшее существо, которое Нодье назвал «существом понимающим». Нодье, вообще смотревший на современную цивилизацию крайне пессимистически, в этом случае попытался увидеть некоторую позитивную перспективу в судьбах человечества. Но от подобного оптимизма он довольно быстро отказался и вернулся к прежнему взгляду на цивилизацию насекомых как более разумную, нежели человеческая. В крайней форме эта скептическая по отношению к человеку концепция изложена в «первобытном апологе» (авторское определение жанра) «Человек и муравей». Разочаровавшись в перспективе создания «существа понимающего», о котором идет речь в статье «О палингенезии», Нодье сулит человеку поражение от существа высшего порядка — муравья-термита. Энтомологическая утопия Нодье, столь радостная и бодрая в истории безупречного насекомого Грандисона, в «первобытном апологе»

о муравье Термесе приобретает совсем иной колорит, более отвечающий пессимистическому мировидению Нодье в 1830-е гг.

Ключевые слова: Шарль Нодье, энтомология, палингенезия, утопия.

Информация об авторе: Вера Аркадьевна Мильчина — ведущий научный сотрудник, Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Российская государственная академия народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3896-0085

E-mail: vmilchina@gmail.com

Для цитирования: *Мильчина В.А.* Энтомологическая утопия Шарля Нодье // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 261–288. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-261-288

Насекомые играли большую роль в жизни французского писателя Шарля Нодье (1780–1844). Во-первых, он внес некоторый вклад в энтомологию как науку. Собственно, его карьера началась не с литературных, а с энтомологических публикаций: в 1798 г. он выпустил «Рассуждение о назначении усиков у насекомых и об их органе слуха» (совместно с Ф.-М.-Ж. Люкзо), в 1801-м — «Энтомологическую библиографию», которую «хорошо сделанной и поистине классической» счел сам Ламарк [10, p. 150]. Заслуги Нодье перед энтомологией признавали коллеги: с 1833 г. он был почетным членом Французского энтомологического общества, а в 1839 г. энтомолог Этьенн Мюльсан назвал его именем открытое им в Южной Франции насекомое *Oxypleurus Nodieri* [15, p. 15]. Своей коллекцией насекомых Нодье дорожил не меньше, чем книжным собранием (а библиофилом он, как известно, был страстным и многоопытным); о его ненасытности свидетельствуют, в частности, письма к безансонскому энтомологу Жеврилю, содержащие списки очередных экземпляров, которые ему совершенно необходимы; просьбами о присылке тех или иных насекомых полны и его письма к безансонскому другу Шарлю Вейссу[1].

Восхищенные описания насекомых присутствуют едва ли не во всех произведениях Нодье.

В сказочной повести «Фея хлебных крошек» (1832) устами главного героя, Мишеля-плотника, Нодье произносит настоящую похвальную речь бабочкам — «элегантнейшим и любезнейшим созданиям», чей полет — «зрелище, достойное украсить сновидения великодушного человека» [2, с. 197–198].

[1] Общий очерк энтомологических изысканий Нодье см.: *Magnin A.* Charles Nodier naturaliste. Paris: Hermann, 1911; а также [7; 8; 12].

С не меньшим восторгом описана погоня за бабочкой в ироническом рассказе «Лис, попавший в западню», напечатанном в составе сборника «Сцены частной и общественной жизни животных» (1842):

> Знаете ли вы Человека более счастливого и одновременно более достойного уважения своих сограждан, нежели тот, кто ранним утром, задыхаясь от радости, рассекает сачком высокую траву и носит в петлице подушечку с длинными булавками, дабы ловко накалывать на них порхающих в эфире крылатых Насекомых, не причиняя им ни малейшей боли (ибо ни от одного из них никто никогда не слышал жалоб)? Что до меня, то ни к кому не испытываю я такого полного доверия, такой безраздельной приязни, одним словом, такого почтения, как к этому Человеку, рядом с которым желал бы прожить до скончания дней [3, с. 276].

В повести «Серафина», входящей в цикл «Воспоминания юности» (1832), несколько страниц посвящено описанию охоты на бабочек как наивысшего наслаждения, какое может выпасть человеку:

> Есть что-то удивительно сладостное в этом изучении природы, которое каждому из существ придает имя, каждому из имен — мысль, каждой мысли — чувство и воспоминание; человеку, не проникнувшему в прелесть этих таинств, недостает, быть может, одного из чувств для наслаждения жизнью. Даже сами наименования, произведение ума совершенно поэтического и, возможно, последняя поэзия, сотворенная родом человеческим, даже они таят в себе невыразимое очарование для того возраста, когда Мифология и История еще не потеряли для нашего воображения своей чарующей силы. Видите Вы эти блестящие семейства бабочек? Для толпы это просто бабочки. А для ребенка сколько-нибудь образованного, который гоняется за ними с легким сачком, это настоящий волшебный мир чудес и метемпсихозов. Вот *Греческие* и *Троянские воины*. По шахматной черно-желтой кольчуге вы узнаете благоразумного *Махаона*, почти божественного сына божественного Эскулапа, верного, как и прежде, растениям, которые обладают драгоценной способностью исцелять болезни и раны: он непременно задержится на укропе. Если вы пойдете гулять на выгон, не удивляйтесь простоте тамошних обитателей. Эти бабочки — *пастухи*, и природа одела их в скромные сельские одежды. Вот *Титир*, вот *Миртил*, вот *Коридон*. Только один из этих пастухов отличается блеском своей лазурной мантии, под которою сверкают бесчисленные глаза,

подобные звездам на небе в ясную ночь; но это царь пастбищ, это *Аргус*, вечно бодрствующий сторож стад [9, t. 10, p. 40–42].

В этом пассаже проявились две особенности, характерные для отношения Нодье к насекомым. Прежде всего, это, конечно, поэзия наименований. Нодье, человек разнообразных талантов и занятий, был не только писателем и энтомологом, но еще и лингвистом, однако лингвистика его была особого свойства; в 1830-е гг. он выступал решительным противником сугубо научных номенклатур, в которых наименования растений и животных далеко отклоняются от их внешнего вида и природных свойств. Нодье мечтал о названиях как можно менее произвольных, как можно более близких к свойствам называемых предметов. Эта полемика Нодье с наукообразными наименованиями, почерпнутыми из древнегреческого и латыни, наиболее ярко выразилась в статье «О научных номенклатурах», опубликованной в газете «Le Temps» 18 декабря 1835 г.:

> В научных номенклатурах меня возмущает не то, что их трудно выучить и приходится постоянно выучивать заново. До тех пор, пока изобретатель номенклатур не исчерпает окончательно все корни, которые он пускает в ход с нетерпеливой жадностью, я буду без труда разгадывать его иероглифы и нарекать сотворенные им призраки теми именами, какие они носили на земле <…> Все эти ухищрения сводятся к глуповатой шараде, ключ к которой я подобрал еще в пору учебы в коллеже.
>
> Я упрекаю номенклатуру в том, что она развращает и искажает занятия наукой, превращая ее в собственную монополию; в том, что она похищает окружающий мир у человека, чтобы отдать его в собственность кучке педантов; в том, что она подчиняет невеждам, напичканным дурным греческим и дурной латынью, богатства природы, принадлежащие всем людям. Я упрекаю ее в том, что великолепные картины небес, которые начертали пастухи, она заменила шифрами и логогрифами; в том, что в описаниях природы она поставила варварский и неудобопонятный жаргон на место грациозных и живописных народных метафор; в том, что она загородила непроницаемой стеной от женщин и детей те прелестные знания, которые, казалось, были созданы для всех на свете. А главное, я упрекаю ее в том, что она удушила языки отвратительной смесью разнородных слов, языкам чуждых и лишенных какой бы то ни было гармонии, какого бы то ни было отклика в простодушных

> наречиях, дарованных Богом каждой стране, каждому сообществу людей для их впечатлений, нужд и наслаждений; в том, что она упрямо пытается воздвигнуть смутную и безбожную Вавилонскую башню посреди мира, сотворенного Господом [11, p. 620].

Этому «варварскому» образу действия создателей искусственных, произвольных номенклатур Нодье темпераментно противопоставляет собственное «кратилическое» понимание языка, в котором наименования природных феноменов естественны, рождены самой природой:

> Вещи имеют истинное имя, имя, которое им принадлежит, которое приходит на ум всякому человеку, когда он видит их впервые, и происходит это благодаря врожденной способности, являющейся отличительной чертой человеческого рода. <…> У древних куст был Дафной, тростник — Сирингой, цветок — Гиацинтом или Нарциссом <…> Сама роза была обязана своим цветом каплям крови Адониса. И у нас то же самое чувство еще раз оживляло природу. Если говорить только о ботанике, имя растения определялось то эпохой его цветения, как в случае *подснежника*, <...> то очертаниями его частей, как в случае *львиного зева* или *колокольчика* <… > Все это составляло курс живой и наивной поэзии, которая приковывала внимание, обращаясь к сердцу, и запечатлевала память о вещи даже в уме малых детей, обращаясь к ее живописному имени [11, p. 623–624].

От названий растений Нодье переходит к названиям насекомых и повторяет в рассказе об этой природной мнемонике многие имена из того фрагмента «Серафины», который я уже привела выше: здесь снова фигурируют «греческие и троянские воины», Аргус и Аполлон. Между «простодушием народа и умом Линнея», уверяет Нодье, золотой середины не бывает; тому, кто решился заниматься наукой и создавать номенклатуры, нужно выбрать что-то одно [11, p. 625].

Впрочем, следует заметить, что для Нодье все названия насекомых, не только поэтические, но и более наукообразные звучали завораживающе. Доказательство этому — мало мотивированное сюжетом включение в стернианском романе «История короля Богемии и его семи замков» (1830) в текст вставной повести о короле Попокамбу перечня без малого двух сотен насекомых. Король за особые заслуги даровал своему механику Мистигри

> право охоты вольной, исключительной и привилегированной во всех королевских владениях на всех летучих существ бабочкообразных и комароподобных, наделенных ртом, зубами, клешнями, клыками, челюстями, жвалами, хоботами, хоботками, хоботцами, клювами, рыльцами, жальцами, язычками, лигулами, щупальцами, губами, щупиками и прочими внутрьвтягивающими орудиями, каковые твари обычно именуются дневными и ночными бабочками либо мухами городскими, сельскими, околоболотными или подлесковыми.

И далее следует сам перечень:

> Сфинксы, или Бражники,
> Фалены, или Пяденицы,
> Ноктуисы, или Совки,
> Мотыльки,
> Бомбиксы, или Шелкопряды,
> Пиралисы, или Огневки, и т. д.[2]

Однако поэзия наименований — не единственная выдающаяся черта отношения Нодье к миру насекомых. Вторая, еще более важная особенность этого отношения состоит в том, что если в «Фее хлебных крошек» или «Лисе, попавшем в западню» дело ограничивается восторженным упоминанием прекрасных насекомых, то в статьях 1831–1832 гг., а также в рассказах 1830-х гг. Нодье изображает их царство как мир, подобный человеческому, но несравненно более прекрасный, как особую цивилизацию, не только параллельную человеческой, но и во многом ее превосходящую. Детское стремление Нодье укрыться в мире насекомых от катаклизмов революции, на которую пришлись его ранние годы (см.: [5, p. 75]), трансформировалось в стройную утопическую концепцию:

> Сколько ни выдумывайте вымышленных миров, они никогда не сравнятся с тем миром, который Господь сотворил, когда создал насекомых, которых он, по всей вероятности, создал не для вас. Предположите вместе со мной, что Творец создал мир, пропорциональный Гулливерову лилипуту, но забыл в пылу работы окружить этого карлика какими бы то ни было формами живой материи, кро-

[2] *Nodier Ch*. Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux. Paris: Delangle frères, 1830. P. 248–256. Русские варианты во всех случаях прибавлены мной, но я уверена, что Нодье они бы понравились как гораздо более выразительные и понятные.

ме насекомых. Карлик получит все и даже в тысячу раз больше, чем человек-исполин, который наступает на насекомое, не замечая его; он получит больше, повторяю, чем можно высказать словами или понять умом! В *гидрофилах* он обретет китов своей маленькой вселенной, причем таких китов, которые смогут перелетать из одного океана в другой. В больших скарабеях он обретет своих мамонтов, в *жужелицах* — своих тигров и львов, в *сфинксах* — своих орлов, в лазурно-золотистых бабочках — своих ярких птиц, в *фаленах* — меланхолических сов, вылетающих ночью и машущих длинными крыльями. Он получит рыб, обладающих руками для гребли, ногами для плавания и гибкими крыльями для полета, в лице *наяд, водных клопов и гребляков.* Ему не потребуются ваши хилые четвероногие; если он задумает приручить животных, его рабами сделаются такие существа, у которых на две ноги больше, чем у коня, и которые могут взмывать в облака наподобие гиппогрифа <…> Естественная история Аристотеля ограничена, как его литература и политика; естественная история любителя насекомых не знает границ, подобно воображению арабского сказителя, который во всякую минуту создает мир по собственному желанию. Все, что фантастическая поэзия и живопись тщились когда-либо изобрести, Господь сотворил для счастливого отрока, который с газовым сачком в руке гоняется за мухами на лугу; отрок расскажет вам о метаморфозах более необыкновенных, чем та, что произошла с Фениксом, ведь он видел, как разноцветная гусеница уснула в своем шелковом коконе, и с нетерпением поджидает момента, когда она разорвет саван прошлой жизни и пеленки жизни новой, чтобы распахнуть четыре сияющих крыла, которые затмят рубины и изумруды, сверкающие на шейке колибри. Вы сомневаетесь в правдивости старой истории вуивры[3] или дракона: стало быть, вы не видели *богомолов* или *привиденьевых*, и птиц и змей разом! Вы спорите о реальности гермафродитизма и самозарождения, но это только оттого, что вы забыли о тлях. Что же касается любви небесных духов к земным девам, я часто наблюдаю за ней, когда на моих глазах совершается брак ночного мотылька, спускающегося с неба, и его самки, которая никогда не покидает мха, куда спрятала ее природа [11, p. 184–185][4].

Здесь насекомые служат заменой всему: и животному миру, и миру сказок и преданий, и историософским и биологическим

[3] Вуивра — в легендах Франш-Конте крылатый дракон, охраняющий реку Ду.

[4] Рецензия на пятый том описания энтомологического собрания графа Дежана, напечатанная 24 декабря 1831 г. в газете «Le Temps».

теориям. Поскольку моя статья не энтомологическая, не стану загромождать ее пояснениями всех упомянутых здесь насекомых, скажу только, что все они известны науке и в целом соответствуют тем свойствам, какие подчеркивает в них Нодье.

В следующем, 1832 г., в рецензии на книгу Этьена Мюльсана «Письма к Юлии об энтомологии» («Le Temps», 26 февраля), отсылая в начале, по-видимому, именно к рецензии на коллекцию графа Дежана, Нодье продолжает описание насекомых как высшей стадии творения. Поскольку эта рецензия (как, впрочем, и та, что процитирована выше) никогда не переводилась на русский язык, а взгляд Нодье на «цивилизацию» насекомых выражен в ней особенно полно, приведу здесь из нее еще более обширную цитату:

> Мне уже случалось писать на этих страницах, не помню по какому поводу, что насекомые — плод особого творения, более элегантного, более полного, более удачного, чем другое, в котором следовало бы кое-что исправить. Я писал, что нет, пожалуй, ни единого явления и ни единого вымысла, которые не опирались бы на какой-либо пример из этого чудесного мира, где Создатель щедро рассыпал все типы, рожденные его воображением. Займите у Рафаэля причудливую арабеску с грифонами и химерами; займите у Калло гротескное изображение какого-либо фантастического зверинца; займите у пери и фей самые невероятные дары, какими они когда-либо награждали обожаемого принца; а затем возьмите лупу или микроскоп, и я покажу вам все это в мире насекомых и инфузорий.
>
> Об этом можно было бы сочинить маленький роман из естественной истории, который не потребовал бы от автора сложных изысканий, а вас бы отправил в мир более удивительный, чем мир «Тысячи и одной ночи», хотя этот рассказ был бы настолько же правдив, насколько другой лжив; я бы просто наделил своего героя способностями разных его соплеменников. Господь безусловно создал бы его именно таким, когда бы ему не приходилось поддерживать в течение многих веков равновесие между видами, и, возможно, однажды он так и поступит, если ему вообще не наскучит все им созданное. Как бы там ни было, я вас прошу дать мне то самое право, какое вы дали авторам «Телемака» и «Грандисона», которые, в сущности, не злоупотребляли правом на вымысел.
>
> Итак, мой *Грандисон* только что вылупился из яйца, подобно Кастору и Поллуксу. Природа подскажет ему, что дни радостные и славные коротки, а готовиться к ним надобно долго и старательно.

Он редко покидает места, где явился на свет, или удаляется от них на совсем короткое расстояние, чтобы узнать, где кончаются на земле и на небе его наследственные владения. Что он станет делать дальше? У него нет ни красоты, чтобы нравиться, ни органов, чтобы любить. Прежде чем он ощутит потребность избавиться от своего невзрачного платья, он желает лишь одного — жить; его судьба была бы незавидна, если бы не имела продолжения, но в ней по крайней мере нет места страданиям!

Пора пришла. *Грандисон* впервые берется за работу. Он сплетает себе надежную вершу из шерсти, или ткет себе кокон из шелка, или строит себе из материи более тонкой, более гибкой и более плотной, чем велень, нечто вроде великолепного саркофага причудливой мумии, раскрашенного извне позолоченными, идеально симметричными брандебурами и шевронами, и подвешивает эту временную гробницу на прочной нити среди колеблющихся ветвей кустарника**,** или прячет ее в почти невидимую щель между двумя камнями**,** или же заточает себя в узкую, накрепко запертую гондолу из песка, жирной глины и кусочков тростника, после чего вверяет свою надежду на скорое воскресение водному потоку. Он воскреснет, и притча о Фениксе не преминет осуществиться сто тысяч раз каждым весенним утром на глазах у прогуливающегося натуралиста.

Он воскрес. Это уже не он, и это все еще он: это существо из прошлой жизни в новой форме, обретшее в результате метаморфоза множество преимуществ. Судите сами! В воде он плывет, спрятав крылья; в воздухе летит, сложив ненужные весла. Вся земля принадлежит ему, но она для него всего лишь место отдыха между эмпиреями и океанами, которые также принадлежат ему. Крылья, которые он распускает, не похожи ни на какие другие. Природа, расщедрившись, проложила меж их мембран гибкие и мощные жилки; она усыпала их множеством атомов, превосходящих золото и бриллянты; и самый ничтожный из них затмевает в глазах наблюдателя изящество птичьего крыла; наконец, большинству разновидностей она даровала блестящие кирасы, перед которыми побледнела бы вся роскошь Азии в день триумфа султана.

Он воскрес, красивый, могучий и страстный, ибо воскрес он только для славы и любви. Бедняга, так презираемый чернью и проживающий за свою жизнь все, чего вы требовали от вечности! От метаморфоза к метаморфозу он добрался до последней формы, которая доступна ощущениям человека и, быть может, есть не более, чем слабый набросок тех, что уготованы ему вечными превращениями

материи. Но Провидение насекомых не оставило его нагим и беззащитным, как вас. Вместе с богатыми доспехами оно наградило его всеми плодами промышленности, всеми средствами нападения и защиты и всеми инстинктами самой изощренной осторожности. У него имеются буравы, чтобы сверлить, колья, чтобы копать, пилы, чтобы резать, клещи, чтобы вытаскивать и разрывать. На груди он прячет острую и гибкую шпагу, за собой тащит наточенную саблю, в выдвигающихся вперед ножнах скрывает отравленный кинжал, выпускает из поршней едкие жидкости; задолго до изобретения пороха он уже располагал грозной артиллерией, обрушивающей на противника волны огня и дыма.

Не подумайте, что ему недостает хотя бы одной из тех способностей, какие цивилизация так медленно уступает нам в ответ на наши усилия. Он строит казармы, возводит города, роет *туннели* длиной в пять сотен лье под домами, под реками, под горами; он устанавливает на высоких точках светящиеся телеграфы, он сеет живые источники света на опушках леса; он затопляет ночную тьму пламенеющими летучими эскадронами, которые обрушиваются на вершины деревьев, точно звездопад. Ему ведомы все наши наслаждения. Пищу его составляет восхитительная амброзия, которую вы порой почитаете за счастье у него похитить; он окружает себя ароматами столь нежными и столь пьянящими, что сравнения их с мускусом, амброй и розой суть самая настоящая клевета. Что же до пышности его одежд, даже те, кто побывал при восточных дворах в пору их наибольшего великолепия, не имеют об этом ни малейшего представления. Пурпур и шелк, лазурь и киноварь, изумруды и рубины — все это украшения человеческие. Я готов показать вам десять тысяч насекомых, которые утратили бы все свое роскошество, обменявшись туалетами с Клеопатрой. Можно подумать, что природа, создав драгоценные камни и восхитившись своим творением, пожалела, что не оживила их и, чтобы исправить свою оплошность, изобрела насекомых[5].

[5] В 1833 г. Нодье опубликовал рассказ «Сибилла Мериан», где заглавная героиня, реальная немецкая художница и естествоиспытательница, рассказывает своему вымышленному племяннику о некоем неведомом народе, который обладает множеством волшебных свойств; рассказ этот во многом напоминает апологию насекомых в статье 1832 г., с той лишь разницей, что в статье читатель сразу узнает, что речь идет о насекомых, а в рассказе тайна неведомого народа раскрывается лишь в самом конце: «Он живет повсюду, на земле, по которой мы ступаем, в ручье, который течет по нашему лугу, в воздухе, которым ты дышишь. Он живет в чашечке цветка, который только что раскрылся, и даже в каплях росы, которая дрожит на лепестках; он трепещет в песке; он шепчет в траве; он пляшет и кувыркается в солнечном луче. Моя флотилия бросила якорь в ближайшей луже; мои стрелки притаились под камнем в саду. Я говорила тебе о насекомых» [9, t. 11, p. 90].

Должен смиренно сознаться, что верю не во все без исключения чудеса, о которых повествуют Овидий и «Голубая библиотека». Это не моя вина, это моя беда. Никогда не мог я постичь тайну кольца Гига, шляпы Фортуната и талисмана Принца-Духа[6], хотя очень трудно оспорить существование этих великих особ и восхитительный секрет их невидимости. Но с чем спорить решительно невозможно, так это с тем, что насекомых Создатель наделил свойствами поистине чудесными. Большинство пядениц, которые живут на стволах деревьев, сливаются для постороннего взора с мхами и лишайниками, покрывающими кору. Есть бабочка, которая прячет свои рыжие бахромчатые крылья от людских глаз в букетах засохших листьев, и, если порыв ветра уносит листья и бабочек, невозможно понять, бабочка ли утеряла стебель или же у листьев выросли крылья. Не радуйтесь, что вот-вот поймаете редкого *жука-щелкуна*. Вы забыли о пружине, которая позволяет ему унестись на 10 футов от вас по своему травянистому ложу. *Криптоцефалы* и *эумольпины* слышат каждый производимый вами звук и при малейшей опасности падают с веток, на которых раскачивались, после чего замирают, невидимые, между семян, покрывающих землю; вам их никогда не найти. *Точильщики* обладают волшебной способностью притворяться мертвыми, причем довели это искусство до такого совершенства, что даже под самыми страшными пытками не выказывают ни единого проявления боли — симптома жизни и чувствительности. Ведь *точильщики*, знающие множество вещей, убеждены, что смерть — состояние, которое все живые существа обязаны чтить. Господь, вероятно, забыл сообщить им о существовании гиены, ястреба и человека.

Наделив насекомых способностью к метаморфозу и свойством еще более удивительным — умением переходить из поколения в поколение, не прибегая к соитию разных полов, Господь, однако, не поделился со своими любимцами собственной исключительной привилегией на бессмертие, но он наверняка оставил за собой право заимствовать ее, когда настанет время, у безвестного существа, которое обронил однажды, из каприза или в насмешку, в песок подле кровельного желоба. Полтора столетия назад один философ нашел давно высохшие останки тихоходки-коловратки в горстке пыли под старыми черепицами своего чердака, и с тех пор живой

[6] Кольцо Гига, описанное в «Государстве» Платона, и шляпа Принца-Духа из одноименной сказки г-жи д'Онуа, делали своих владельцев невидимыми, а шляпа Фортуната из немецкой народной книги, изданной по-французски в 1626 г. под названием «История счастливых и несчастливых похождений Фортуната с его кошельком и его шляпой, в назидание юношам», могла переносить ее хозяина в любое место по его желанию.

атом воскресал каждые пятьдесят лет, более живой, более крепкий и более предприимчивый, чем прежде, лишь только на него падала капля дождевой воды. <…>

Я не устану повторять: насекомое — царь мира, и если Творец действует с умом, действия его направлены на совершенствование этой породы. В пору еще несовершенных опытов он в ущерб художеству и вкусу расходовал материю на китов и слонов, как человек — на башни и пирамиды; он берег силы для созданий изысканных: так Бенвенуто Челлини мечтал о тысяче чудес, превосходящих Дельфийский храм, но жизнь провел за ваянием чаш; однако Бенвенуто Челлини умер, а Творец вечен. Он начал с ящеров и питонов; ему наскучил человек, в чем я с ним совершенно согласен; или я очень сильно заблуждаюсь, или грядут насекомые. Если совершенствование — не наглая ложь в истории развития видов, я ставлю на пчел и скарабеев. Когда дело дойдет до них, останется совершить совсем немного. Последняя неделя окажется не сложнее первой: Господу довольно будет сообщить проворным золотистым мухам, которых мы топчем ногами, размеры больших четвероногих, и, как я не раз слышал от моего прославленного учителя Жана-Кретьена Фабриция[7], пяти десяткам *полевых скакунов* потребуется не больше шести дней, чтобы освободить землю от ее обитателей, пяти десяткам *могильщиков* — чтобы закопать их в землю, а пяти десяткам *гигантских термитов* — чтобы эту землю возделать.

На седьмой день смерть почиет от всех дел своих.

К удивлению философов-оптимистов, впрочем людей в высшей степени добрых, природа от этого нимало не утратит гармонии. У насекомых найдутся ореады для всех гор, сильваны для всех лесов, нимфы для всех источников, наяды для всех ручьев. Ни одно растение не потеряет ни своих насельников, ни свои украшения, а вы ведь знаете, как они хороши. Алый *трипс* висит, точно коралловая капля на алебастровых лепестках прекраснейшей из лилий; зеленый *листоед* сверкает, как изумруд, обрамленный золотом, в корзинке ромашки; *восковик* в желтом кафтане с гагатовыми галунами засыпает в цветке розы, точно придворный в постели дамы сердца. Даже у ворсянки и крапивы, у белены и белладонны есть постоянные клиенты, которые отдыхают под охраной их колючек и ядов. Все точь-в-точь, как в свете; но больше всего меня чарует в изучении насекомых то, что оно позволяет о свете забыть.

[7] Жан-Кретьен Фабриций (1745–1808) — датский энтомолог, часто бывавший в Париже. Нодье неизменно называл его своим учителем, имея в виду, однако, не столько личные контакты, сколько знакомство с его трудами.

> Вот почему я вбил себе в голову, что сотворение насекомых произошло не для нас и что оно, возможно, было всего лишь первым опытом более обширного, более могущественного и более грациозного сингенеза[8], где от старого мира останутся только ангелы, духи воздуха, земли и воды, деревья, цветы, женщины и еще, быть может, поэты и любовники [11, p. 205–213].

Я сказала, что не комментирую упоминания отдельных насекомых, чтобы не превращать статью в энтомологический справочник, но одно существо, упомянутое в приведенном отрывке, безусловно заслуживает отдельного рассказа. Это способная к «воскресению из мертвых» тихоходка-коловратка (tardigrade rotifère). О ее месте в жизни Нодье широкому читателю известно из главы «Арсенал» романа Александра Дюма «Женщина с бархоткой на шее» (1850). Глава названа «Арсенал», потому что с 1824 г. Нодье был главным библиотекарем библиотеки Арсенала, жил с семьей в том же здании и там принимал гостей — писателей и художников; салон Арсенала был одним из важных центров формирования новой, романтической французской литературы. Рассказ Дюма вообще чрезвычайно комплиментарен по отношению к Нодье, но, как это часто бывает у Дюма, правда смешана в нем с ничем не подтверждаемыми фантазиями. Если верить Дюма, Нодье в юности случайно открыл удивительное существо под названием таратанталео, которое передвигалось с помощью крохотных колесиков, напомнивших Дюма колеса велосипеда; таратанталео, разновидность поденки, умирало без влаги, но воскресало от одной капли дождя. Само название, как и сравнение с велосипедом, остаются на совести Дюма; вдобавок, по свидетельству Дюма, таратанталео, с которым имел дело Нодье, однажды был унесен порывом ветра и с тех пор ничего подобного никто не видел. По-видимому, Дюма что-то подобное слышал от Нодье, но счел рассказ о воскресающем животном выдумкой фантазера-Нодье. Между тем «воскресающие» животные в самом деле существуют, их открыли задолго до Нодье[9], о чем библиотекарь Арсенала, конечно, прекрасно знал, и называл он их не выдуманным Дюма словом taratantaleo, а двумя реально существующими научными терминами: rotifère — коловратка и tardigrade — тихоходка. В частности, комментируя определение из словаря Буаста «Tardigrade, tardifère [Тихоходка] — очень медлительное акватическое

[8] Сингенез — теория некоторых физиологов XIX в., согласно которой все живое было создано одновременно.

[9] См.: *Magnin A.* Charles Nodier naturaliste. Paris: Hermann, 1911. P. 146–147.

насекомое; воскресает», он прибавляет: «Я полагаю, что следует читать tardigrade rotifère [тихоходка-коловратка], микроскопическое животное-инфузория, а не насекомое; дождевое, а не акватическое; оживающее, а не воскресающее; высыхание песка, в котором оно живет, на время приостанавливает его жизнь, но не убивает его полностью»[10]. Впрочем, в другом месте той же книги Нодье утверждал, что redivive (воскресшие) — «довольно удачное определение для некоторых животных, которые подвержены мнимому воскрешению, как, например, тихоходка-коловратка, или для некоторых сочинений, которые по воле обстоятельств на время возвращаются к жизни»[11]. По современной классификации коловратки — тип первичноротых животных, ранее относимых к группе первичнополостных червей и наделенных так называемым коловращательным аппаратом, — ресничным образованием на переднем конце тела, которое используется для питания и движения, а тихоходки — микроскопические беспозвоночные, близкие к членистоногим. Это разные существа, но и те, и другие отличаются исключительной выносливостью: в неблагоприятных условиях они в самом деле способны на многие годы и даже столетия впадать в криптобиоз, а при наступлении условий благоприятных — «оживать». Для Нодье такие существа были одним из проявлений того, что он в новелле «История Элен Жилле» назвал «правдивой фантастикой». В начале этой новеллы Нодье пишет, что есть несколько разновидностей фантастических историй.

> Бывает фальшивая фантастическая история, очарование которой проистекает из двойной доверчивости рассказчика и аудитории; таковы «Волшебные сказки» Перро, недооцененный шедевр века шедевров.
>
> Бывает смутная фантастическая история, которая оставляет душу в мечтательных и меланхолических сомнениях, усыпляет ее, как мелодия, и убаюкивает, как греза.
>
> Бывает правдивая фантастическая история, наилучшая из всех, потому что она глубоко потрясает сердце, не требуя жертв от разума; причем поскольку слова *правдивая фантастическая история* нуждаются в объяснениях, скажу, что я разумею под ними рассказ о факте, невозможном в материальном отношении, но, однако же, свершившемся на глазах у всего света [9, t. 3, p. 265–266].

[10] *Nodier Ch*. Examen critique des dictionnaires. 2e éd. Paris: Delangle frères, 1829. P. 385–386.

[11] Ibid. P. 347.

Так вот, воскресающее от капли воды животное (Нодье, правда, сам подчеркивает, что tardigrade rotifère — не насекомое, однако упоминает он его в одном ряду с насекомыми, и в XIX в. некоторые естествоиспытатели относили его именно к насекомым), — это самый показательный пример «правдивой фантастики».

В новейшей работе [7, p. 426–439] подчеркнута связь представлений Нодье о правдивых фантастических историях с концепцией «правдивого чудесного», которую развивали в XVIII в. исследователи насекомых, считавшие их жизнь главной сокровищницей подобного «чудесного». В энтомологии и, шире, в естественных науках Нодье видел способ оправдать правдивость древних мифов и легенд. Новелла «Инес де Лас Сьеррас» (1837) заканчивается следующим умозаключением:

> …человек не способен выдумать что-либо, или, говоря иначе, выдумка есть не что иное, как врожденное предчувствие реальных фактов. Что делает в наше время наука? Каждым новым открытием она оправдывает, она устанавливает подлинность одной из мнимых выдумок Геродота и Плиния. Легендарный жираф разгуливает по зоологическому саду. Я, как и другие, с нетерпением ожидаю прибытия туда единорога. Драконы, многоголовые змеи, испанские андриаги и провансальские тараски не существуют в мире живых, но Кювье нашел их в мире ископаемых. Все знают, что гарпия — не что иное, как громадная летучая мышь, и поэты описали ее с точностью, которой мог бы позавидовать Линней[12].

Иначе говоря, изучение животного мира, и в частности мира насекомых, служит Нодье для легитимации литературных вымыслов. Но эта функция — так сказать, эстетическая — не единственная. «Цивилизация насекомых» играет важную роль в философских построениях Нодье, служит подспорьем для утопической картины будущего, какое суждено человеческому роду.

В августе 1832 г. Нодье напечатал в журнале «Revue de Paris» статью «О палингенезии человечества и о воскресении» — пожалуй, самую необычную и провокационную из своих статей. Нодье, регулярно иронизировавший над утопическими проектами своих современников, прежде всего Сен-Симона и Фурье (следы такого подхода заметны и в этой статье), здесь сам вступает на то же поприще и предлагает своим читателям теорию совершенно утопическую.

[12] *Нодье Ш.* Избранные произведения. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. С. 553–554 (перевод Р.А. Зевиной).

Статья «О палингенезии» — это попытка выхода из того кризиса, в котором Нодье находился с начала 1830-х гг. и свидетельством которого служат проникнутые очень большим пессимизмом относительно судьбы человечества статьи «О совершенствовании рода человеческого и о влиянии книгопечатания на цивилизацию» и «О ближайшем конце рода человеческого», напечатанные в журнале «Revue de Paris» в ноябре 1830 и в мае 1831 г. В конце первой Нодье бросает современникам обличительную тираду:

> То, что вы именуете прогрессом современного общества, отнюдь не мешает возвращению к варварству. Вы были варварами и останетесь ими, более того, вы превзойдете в варварстве своих предшественников, и время это уже не за горами; от прежних варваров вас будет отличать только одно — вы будете клясться цивилизацией и совершенствованием, а в устах варваров это звучит смешно. Не спорю, вы сорвали часть покровов с лика целомудренной Исиды: для этого потребны лишь ненасытное любопытство да безграничное тщеславие — два свойства, которые присущи нашей эпохе, как никакой другой. Что же до непроницаемой завесы, которой природа испокон веков скрывает свои тайны от взоров смертных, то их вам сорвать не дано. Вот единственная истина, которая вам доступна и которую вам дозволено познать во всей ее глубине: вы умрете и вместе с вами умрут все ваши установления [1, с. 81].

Вторая, как и следует из ее названия, тоже предсказывает человечеству близкий конец исходя из того, что ничто в этом мире не вечно и человеческий род — не исключение из правила:

> Нынче много рассуждают об улучшении человеческого рода и о его грядущем прогрессе; но никто не говорит о его конце. Вот заблуждение, удивительно точно характеризующее тщеславие человека, — мнить, что потомство Адама пребудет бессмертным, когда все на свете рано или поздно умирает, и воображать, что разрушение, грозящее светилам, почтительно обойдет стороной плачевное четвероногое, принявшее вертикальное положение и забравшее себе ныне власть над миром <…> Все на свете развивается от простого к сложному, приобретая по ходу дела новые органические свойства, и все возвращается от сложного к простому, отдавая ему свои составные части. Таким образом, полноценное существо есть существо, начинающее умирать. <…> Если [как утверждают

> философы] на человеке заканчивается восходящая линия животных организмов, ему ничего не остается, кроме как двигаться вниз, к смерти. Одна только религия имеет право предполагать, что человеку была уготована иная участь; она так и поступила, но признала, что человек право на эту участь потерял: настолько очевиден был неизбежный упадок человеческого рода еще во времена первых писаных религий! Итак, и христианин, и философ уверены, что человеческому роду суждена смерть; ибо не одному лишь праотцу всех людей адресовано было грозное и глубокое божественное откровение и не каждому из его потомков по отдельности, но всему роду человеческому, который однажды умрет весь целиком, как один человек [9, t. 5, p. 301–302, 308–309].

Нынешнее состояние человечества Нодье описывает с беспощадным презрением: «О бесконечном совершенствовании человеческого рода рассуждают карлики пяти футов роста [1 метр 65 сантиметров], безропотно страдающие и умирающие в отвратительных клоаках, в крови и грязи, склонясь над страницей, на которой, тратя еще несколько капель чернил, запечатлевают эту последнюю тщеславную ложь» [9, t. 5, p. 312]. Если верить статье «О ближайшем конце рода человеческого», никакой надежды у человечества нет; во всяком случае, Нодье не тешит ею ни себя, ни читателей.

Эти апокалипсические представления зародились у Нодье очень давно, но усилились в начале 1830-х гг.: разочарование в современной политической системе, которое Июльская революция лишь усугубила, накладывалось на природный пессимизм и скептицизм (см. подробнее: [14]).

Однако внезапно, в 1832 г., перед Нодье забрезжила надежда, причем забрезжила в наиболее, казалось бы, неподходящий момент, во время эпидемии холеры, обрушившейся на Париж весной-летом 1832 г. В письме старому другу Шарлю Вейссу из Парижа 21 июля 1832 г. он подробно рассказал о том, как это случилось:

> Должен тебе сказать, что за последние четыре года одна мысль, посетившая меня во сне, который нам первый из учителей, развивалась во мне из ночи в ночь с такой силой, что в конце концов превратилась в убеждение. Долгое время я держал ее под спудом, ибо род человеческий в современном своем состоянии не стоит того, чтобы ему бросали бесполезную истину. Теперь же мне необходимо, чтобы она воссияла, быть может, потому, что сосуд скоро лопнет. <…> И подумай, что в ожидании холеры я заболел горячкой. Нет, друг

> мой, я не сошел с ума. Нет, я не считаю себя боговдохновенным. Нет, я не намерен ни основывать философическую школу, ни занимать место в ряду иллюминатов. Один лишь случай заронил в мой ум впечатление огромное, неизмеримое, имеющее совершенно очевидный характер истины. Ибо ни один мыслящий человек не может его опровергнуть, не признавшись самому себе, что он лукавит и лжет; и это впечатление имеет своим предметом всю систему творения от начала и до цели[13].

Содержания своего открытия Нодье в письме не раскрыл, лукаво прибавив, что хочет оставить в душе адресата легкую тревогу касательно состояния своего разума, с тем чтобы заставить его прочесть статью более внимательно.

Статья увидела свет на страницах журнала «Revue de Paris» в августе 1832 г., а 1 сентября, то есть почти одновременно, вышел пятый том собрания сочинений Нодье, который ею завершается[14]. Том этот носит название «Грезы»; как замечает один из лучших знатоков творчества Нодье, этим писатель как бы указывает на неполную серьезность мыслей, высказанных в статьях этого тома, — единственного в его творчестве собрания текстов, исполненных теоретической, философской рефлексии [6, p. 247]. Тем не менее в некоторых включенных в него статьях, и в наибольшей степени в статье о палингенезии, Нодье говорит голосом пророка. Собственно говоря, мысль о том, что нынешний человеческий род совершенствоваться не способен, а более совершенным будет только какое-то иное существо с иными способностями, Нодье высказал уже в упомянутой выше статье «О совершенствовании рода человеческого», также вошедшей в «Грезы». В ней он писал:

> Утверждать, что человеку дано совершенствоваться, — значит предполагать, что он может изменить свою природу; это все равно что ждать, чтобы на иссопе выросла роза, а на тополе — ананас. Покажите мне человека, который обладал бы столькими чувствами, сколько было у обитателя Сатурна, встреченного Микромегасом[15];

---

[13] *Nodier Ch*. Correspondance inédite. 1796–1844 / publ. par A. Estignard. Paris: Librairie du Moniteur universel, 1876. P. 255–256.

[14] Полностью текст этой статьи, а также рассказа «Человек и муравей», о котором пойдет речь ниже, можно будет прочесть в моем переводе в сборнике прозы Нодье, который я подготовила для серии «Литературные памятники», выпускаемой издательством «Ладомир».

[15] Микромегас — заглавный герой повести Вольтера 1752 г., обитатель Сириуса, беседующий с жителем Сатурна, у которого 72 чувства, в отличие от жителей Сириуса, у которых их около тысячи.

> покажите мне человека, наделенного хотя бы одним лишним чувством в придачу к тем пяти, что есть у всех людей, — и я поверю в возможность совершенствования рода человеческого. Не спорю, по прошествии долгих столетий в результате какого-нибудь мирового катаклизма на земле могут появиться, сами собой или по воле высшего разума, существа, устроенные гораздо более счастливо, чем мы, — это увы, немудрено! Но то будет уже не совершенствование, а созидание, то будут не люди, а некие новые существа [1, с. 68–69].

В 1830 г. появление таких существ, устроенных более счастливо, казалось Нодье абсолютно невероятным. В 1832 г. он попытался обосновать не только необходимость, но и возможность их появления.

Вкратце мысль Нодье, изложенная в статье «О палингенезии рода человеческого», состоит в следующем: процесс сотворения мира, описанный в библейской книге Бытие, не закончен; нынешний человек нереформируем, но ему на смену может прийти другое, высшее существо, которое Нодье называет «существом понимающим». Оно будет гораздо совершеннее человека, будет обладать множеством физических свойств, недоступных человеку (например, летать, как птица, или плавать, как рыба), а главное, оно не будет страдать многочисленными нравственными изъянами современного человечества. В вопросе о том, откуда это существо возьмется, в статье ясности нет: то ли оно все-таки станет результатом преображения существующего человека, то ли Творец создаст вместо него кого-то нового. Четко проартикулировано у Нодье только одно: «Дело в том, что дистанция, отделяющая существо мыслящее от существа понимающего, ничтожна: это всего-навсего смерть» [9, t. 5, p. 384]. Впрочем, и это не разрешает противоречий, которых в статье Нодье очень много. Если после смерти все люди переходят в состояние существа понимающего, следует ли считать, что этой участи уже подверглись все поколения, жившие до 1832 г.? А в этом случае как понимать утверждение Нодье в этой же статье, гласящее, что творение еще не закончено и существо понимающее еще не сотворено? (об этих противоречиях см.: [4, p. 83–84]). Вдобавок концепция, изложенная в статье, вовсе не берет в расчет индивидуальную судьбу человека; палингенезия, если судить по тексту статьи, суждена всему человечеству, независимо от заслуг и добродетелей отдельных личностей. Впрочем, статья Нодье — это не научное рассуждение, а своего рода эмоциональное стихотворение в прозе, и требовать от него логики — дело безуспешное.

Как бы там ни было, без упоминания об этой статье невозможно понять философский аспект отношения Нодье к насекомым, о котором французские исследователи, касавшиеся темы «Нодье и насекомые», упоминают вскользь (а в новейшем сборнике, посвященном «поэзии и поэтике насекомых» [13], о Нодье вообще не говорится — возможно, потому, что один из составителей, Ален Монтандон, посвятил ему отдельную статью [8]); исключение составляет недавняя работа Тьерри Мартинетти, где подробно описано «метафизическое измерение», в каком Нодье рассматривает насекомых [7, p. 440–452].

В начале 1832 г., как мы видели, Нодье скептически оценивает перспективы человечества, но зато выдвигает на роль более совершенной цивилизации, долженствующей прийти ему на смену, «цивилизацию» насекомых, безупречных Грандисонов, всемогущих и всесильных. Он почти всерьез (почти — потому что особенность его литературного дара всегда предусматривала возможность появления рядом с трагическим или драматическим взглядом на проблему или событие взгляд на нее же глубоко иронический, а то и откровенно гаерский) утверждает преимущество мира насекомых над миром человеческим: как сказано в процитированной выше рецензии на «Письма к Юлии», «если совершенствование — не наглая ложь в истории развития видов, я ставлю на пчел и скарабеев».

В августе 1832 г. в статье «О палингенезии» человечеству дается шанс (впрочем, точнее будет сказать, что шанс этот дается тому человекообразному существу, которое придет на смену современному человеку). Статья, излагающая возвышенные философские построения, кончается фразой, исполненной характерного для Нодье лукавого самоумаления: «Если вы больше любите мои сказки, чем мою философию, я готов уже завтра рассказать вам одну из этих сказок, которые я рассказываю… так плохо!» [9, t. 5, p. 389]. Нодье в самом деле продолжил мысли, изложенные в статье «О палингенезии», в сказке «Человек и муравей», которую он 1 мая 1833 г. опубликовал в газете «L'Europe littéraire» и жанр которой определил в подзаголовке как «первобытный аполог», то есть, согласно дефиниции из словаря, составленного Нодье вместе с Полем Аккерманом, «короткий рассказ, имеющий целью преподать косвенным образом некую нравственную истину»[16]. Однако нравственная истина в апологе совсем не та, что в статье. Никакого шанса на «палингенезию»

[16] *Nodier Ch., Ackermann P.* Vocabulaire de la langue française extraite du dernier Dictionnaire de l'Académie. Paris: Firmin Didot frères, 1842. P. 39.

и воскресение человеку здесь не оставлено. С надеждой Нодье смотрит в нем лишь на мир животных и прежде всего насекомых[17].

До появления человека на земле жизнь была счастливой и безоблачной:

> Когда человек явился на земле, звери уже бесчисленное множество столетий жили на ней, каждый в согласии со своим нравом и не подчиняясь никому.
>
> В ту пору они знали одно-единственное время года, прекрасное, как самая нежная весна. Вся земля от края до края была покрыта деревьями, которые четыре раза в год дарили свои цветы бабочкам, а плоды — птицам небесным; под сенью деревьев простиралось безбрежное, вечно зеленеющее сытное пастбище, доставлявшее изобильную пищу четвероногим большим и малым.
>
> Почва была везде одинаковая и ровная, как если бы ее разгладили на шлифовальном кругу, ведь ее в ту пору еще не колебали землетрясения, не тревожили вулканы, не разоряли наводнения. Нигде не виднелись унылые пейзажи, наводящие на печальные мысли, как нигде не рождались неодолимые потребности, возбуждающие жестокие страсти. Нигде не водились звери хищные и коварные. Для существа с душой жить в ту пору было одно удовольствие. Мир был так прекрасен до пришествия человека! [9, t. 11, p. 351–352]

Но это благоденствие кончилось, когда на земле явился человек «нагой, пугливый, но уже честолюбивый, алчный, жадный до движения и могущества» [9, t. 11, p. 352]. Звери уступили ему место и долгое время ничего о нем не слышали, а он между тем плодился и наконец

> настал день, когда местности, им занимаемой, не хватило для его пропитания. Он принялся делать вылазки за ее пределы, чтобы схватить птицу в гнезде, зайца в норе, козленка в кустах, косулю в тенистом лесу. Он уносил их, трепещущих, в свое логово, умерщвлял без пощады и пожирал плоть и кровь.
>
> Первыми это заметили матери. Впервые леса огласились громким стоном, который не с чем было сравнить, ибо в ту пору грозы над землей еще не гремели. <…> После появления человека все

[17] Нодье называет своего заглавного героя муравьем, хотя по образу его жизни и деятельности, а равно и по имени понятно, что речь идет о представителе термитов — отдельного отряда насекомых, которых, впрочем, иногда называют «белыми муравьями». Именно термиты живут под землей и прорывают там огромные туннели, а также выедают изнутри деревянные постройки, которые после этого разрушаются.

изменилось. Ягненок не приходил на зов матери, а пытаясь найти его по клочкам шерсти, она чуяла, что от той травы, на которой он недавно пасся, исходит запах крови.

И она понимала: здесь прошел человек [9, t. 11, p. 353, 355].

Человек не только «изобрел западни, чтобы ловить неосторожных и неловких, приманки, чтобы обманывать слабых, оружие, чтобы убивать сильных», он начал

громоздить этажи на этажи, он выстроил первые дома, он основал первый город, который греки назвали Библос, а поскольку книгу они называли Библион, вероятно, они решили обозначить одним словом происхождение всех мировых бедствий[18]. Город этот был царем народов.

Впрочем, об истории его ничего не известно, кроме того, что там явились первые шуты, заработала первая бойня и воздвигся первый эшафот [9, t. 11, p. 354].

Звери отправляют к человеку парламентариев, но он, «приняв их с той фальшивой и коварной ласковостью, которую позже нарекли учтивостью», обращает их в рабство.

Покончив с этими завоеваниями, он принялся совершать преступления с тем большей легкостью, что не встречал препятствий. Он избрал своим ремеслом охоту и войну, наводнил прелестные луга звериною кровью и в неистовстве своем не пощадил даже собственных братьев и детей. Он изготовил гибельный металл, который дырявил и разрезал плоть, он приделал к этому металлу птичьи крылья и научил его летать. Тем временем он не прекращал возводить новые крепости, а дети его расселялись по миру, строили там новые города и чинили новые разорения.

И повсюду, где являлся человек, раздавался горестный стон безутешных тварей.

Даже неживая материя, казалось, не осталась равнодушной к их ужасной судьбе. Стихии обрушились на человека с такой яростью, как будто знали его нутро. Землю, некогда покойную и процветаю-

[18] Греческое слово «библион» (книга) происходит от греческого «библос» (папирус). Нодье, считавший, что появление письменности погубило первобытную поэзию, в «Началах лингвистики» устанавливает связь между такими словами, как *Babel* (Вавилонская башня), царь *Бел* (см. о нем ниже примеч. 19), «ложное божество» *Баал*, «первая книга, именуемая *библион*, и первая империя, именуемая *Вавилон* (*Babylone*)» (*Nodier Ch.* Notions élémentaires de linguistique. Paris: Eugène Renduel, 1834. P. 26).

щую, начало жечь подземное пламя, принялись истреблять воздушные метеоры и заливать воды небесные.

Но природа утихла, а человек остался цел и невредим.

Немногие животные, избежавшие этих бедствий и не входившие в число тех, каких общий враг покорил себе, поспешили избавиться от опасного соседства всеми способами, какие доставили им инстинкт и гений. Орел свил гнездо на вершине недосягаемого утеса; пантера укрылась в непроходимой чаще; газель поселилась среди зыбучих песков, по которым могли ступать только ее быстрые и легкие копытца; серна нашла приют среди голубоватых ледников, а гиена — среди могил. Единорог, гиппогриф и дракон ушли так далеко, что с тех пор их больше никто не видел. Грифон, как гласит восточная молва, улетел на знаменитую гору Каф, которая опоясывает землю и которую мореплаватели ищут по сей день.

Человек был уверен, что всех остальных он поработил. Он был доволен [9, t. 11, p. 358–360].

И вот однажды, пребывая в расцвете своего могущества, он задает вопрос: «Есть ли на всем пространстве, которое я соблаговолил покорить своей власти, хоть одно живое существо, отказавшее мне в почестях и поклонении?» И слышит в ответ: «Да, тиран, ты еще не покорил муравья Термеса, которому смешно твое могущество и который, возможно, вынудит тебя завтра бежать из твоих городов и таким же нагим, каким ты явился на свет, отдаться во власть нубийской мухи! Берегись, царь зверей, ведь ты не подумал ни о мухе, ни о муравье!..» [9, t. 11, p. 361].

Человек вступает в борьбу с муравьем, он призывает на помощь стражников и рабов и с ужасом убеждается

что количество его мятежных подданных в неисчислимое множество раз превосходит количество песчинок, потому что под каждой песчинкой скрывается отверстие, в каждом отверстии прячется муравей, каждый муравей возглавляет муравьиное племя [9, t. 11, p. 362].

В конце концов человек решает, что муравей не сможет причинить вред ему, такому богатому и могущественному. Но муравей Термес считает иначе:

Вместе с множеством других муравьев он добрался до фундамента его зданий, и сто тысяч черных легионов, сплоченные,

точно стада баранов, проникли со всех сторон в деревянные срубы и разрыли землю у оснований колонн. Когда под краеугольными камнями всех построек не осталось ничего, кроме почвы зыбкой и ненадежной, когда все балки и брусья, изъеденные изнутри, стали пусты, точно иссохшие соломинки, и лишь казались с виду цельными и прочными, муравей Термес внезапно подал своей армии рудокопов сигнал к отступлению.

А назавтра все здания Библоса обрушились на его жителей.

Муравей же Термес продолжал свое дело, направляя армию неумолимых тружеников во все возведенные человеком города; человек, теряя голову, спасался бегством от своего невидимого победителя, а города рушились один за другим вослед Библосу. В результате под властью человека осталась лишь пустынная местность, где там и сям виднелись мелкие постройки, выдававшие обиталища покорителя земли. Кто был сей великий разрушитель городов, сей грозный завоеватель, которому по праву последнего владения принадлежали бескрайние просторы, им пройденные? То был не Бел и не Сезострис[19], то был муравей Термес [9, t. 11, p. 364–365].

В результате участь человека оказывается плачевной:

Жалкие остатки человеческого рода, уцелевшие несмотря на крушение городов, неотвязные атаки смертоносной мухи и обжигающее дыхание самума, почли за счастье укрыться в неуютных краях, где редко проглядывает солнце и никогда не рассеивается туман; там возвели они на грязи, костях и крови города бедные и зловонные, могущие похвастать лишь кое-какими убогими памятниками, выдающими повсюду гордыню, скупость и нищету [9, t. 11, p. 366].

Рассказ заканчивается итогом грозным и безрадостным: «Человек по-прежнему строит, а муравей Термес продолжает идти вперед» [9, t. 11, p. 367].

В рецензии на «Письма к Юлии» Нодье говорил о превосходстве и торжестве насекомых в почти оптимистическом тоне. Рассказ «Человек и муравей» развивает ту же тему в тоне устрашающем

[19] *Бел* — в древнегреческой мифологии царь Египта; по одной из версий, Бел первым начал сражаться мечом, и потому от его имени было образовано латинское слово bellum (война); *Сезострис* — собирательное имя для египетских правителей, с которым отождествляли разных фараонов.

и пессимистическом; утопия превращается в антиутопию. Но неизменной остается убежденность Нодье в том, что насекомые выше, сильнее и совершеннее человека. Будущее — за ними. В 1830 г. в статье «О некоторых явлениях, связанных со сном» Нодье все-таки признавал некоторые преимущества человеческой цивилизации перед цивилизацией насекомых — за счет наличия у людей воображения: «Без всемогущего воздействия этой силы воображения, которая гнездится исключительно во сне, любовь есть не что иное, как инстинкт зверя, а свобода — неистовство дикаря. Без нее цивилизация человеческая не способна выдержать сравнение с мудрым порядком бобров или деятельной предусмотрительностью муравьев, потому что она лишается неизменного инстинкта, поддерживающего работу ее возвышенного механизма» [9, t. 5, p. 186–187]. Рассказ «Человек и муравей» не оставляет человеческой цивилизации никакой надежды. Разочаровавшись в перспективе появления на месте человека того существа понимающего, о котором идет речь в статье «О палингенезии», Нодье сулит человечеству поражение от существ высшего порядка — муравьев-термитов. Энтомологическая утопия Нодье, столь радостная и бодрая в истории насекомого Грандисона, в «первобытном апологе» о муравье Термесе приобретает совсем иной колорит, более отвечавший пессимистическому мировидению Нодье в 1830-е гг.

Впоследствии о насекомых как своеобразной цивилизации, утопической либо антиутопической, писали на французском языке Жюль Мишле и Морис Метерлинк, однако энтомологическая утопия Нодье изгладилась из памяти следующих поколений: его имени ни тот, ни другой не называет.

Литература

1. *Нодье Ш.* Читайте старые книги: Новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках и чтении / вступ. ст., сост. и примеч. В.А. Мильчиной; пер. О.Э. Гринберг, М.А. Ильховской, В.А. Мильчиной. М.: Книга, 1989. Т. 2. 320 с.

2. *Нодье Ш.* Фея хлебных крошек / пер., вступ. ст. и примеч. В.А. Мильчиной. М.: FryFlay, 2006. 286 с.

3. Сцены частной и общественной жизни животных / пер., вступ. ст. и примеч. В.А. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 656 с.

4. *Bénichou P.* L'école du désenchantement. Sainte-Beuve, Nodier, Musset, Nerval, Gautier. Paris: Gallimard, 1992. 616 p.

5. *Dahan J.-R.* Postface. Oxypleurus Nodieri // *Nodier Ch.* Le Peuple inconnu. Losne: L'Homme au Sable, Thierry Bouchard et Folle-Avoine, 2003. 87 p.

6. *Dahan J.-R.* Visages de Nodier. Paris: Presses Université Paris-Sorbonne, 2008. 306 p.

7. *Martinetti T.* Les Muses de l'entomologie. Poétiques et merveilleux de l'insecte de Réaumur à Maeterlinck. Paris: Honoré Champion, 2023. 730 p.

8. *Montandon A.* Nodier et l'insecte // Cahiers d'études nodiéristes. Charles Nodier comparatiste. 2023. № 12. P. 129–141.

9. *Nodier Ch.* Œuvres complètes: en 12 vols. Paris: Eugène Renduel, 1832–1837.

10. *Nodier Ch.* Correspondance de jeunesse / éd. Jacques-Rémi Dahan. Genève: Droz, 1995. T. 1. 690 p.

11. *Nodier Ch.* Feuilletons du Temps / éd. J.-R. Dahan. Paris: Classiques Garnier, 2010. T. 1. 990 p.

12. *Percheron B.* Un naturaliste contre la science? Les sciences naturelles dans l'œuvre de Charles Nodier // Cahiers d'études nodiéristes. 2018. № 6. P. 165–184.

13. Poétiques et poésie de l'insecte / Y. Daniel, A. Montandon et J. Wilker, dir. Paris: Honoré Champion, 2023. 382 p.

14. *Sukiennicka M.* Charles Nodier et la fin du genre humain // Arts et Savoirs [en ligne], 2016. № 7. P. 1–13. URL: http://journals.openedition.org/aes/929 (дата обращения: 29.01.2025).

15. *Sukiennicka M.* Charles Nodier et la tour de Babel des sciences // Arts et Savoirs [en ligne]. 2020. № 14. P. 1–20. URL: http:// journals.openedition.org/aes/3156 (дата обращения: 29.01.2025).

Research Article

The Entomological Utopia of Charles Nodier

© 2025. Vera A. Milchina
Institute for Advanced Studies in Humanities of the Russian State University for the Humanities,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Abstract: Charles Nodier (1780–1844) was one of those writers fascinated by the world of insects. He not only dedicated his fiction to them but was also a professional entomologist. However, the most interesting aspect of "Nodier and Insects" is not the writer's contribution to entomology or the vivid and extremely expressive descriptions of insects and their "hunts," but the philosophical interpretation Nodier gave in several of his articles and stories about the world of insects, which he considered a true civilization. In his article "On the Palingenesis of Humanity and on the Resurrection," Nodier put forward a paradoxical and even shocking concept, according to which the process of creation described in the

biblical book of Genesis is not complete, and that sooner or later another, higher being, which Nodier called “an understanding being,” must replace current man. Nodier, who generally held an extremely pessimistic view of modern civilization, attempted in this case to see some positive perspective on the fate of humanity. But he quickly abandoned such optimism and returned to his previous view of insect civilization as more intelligent than humankind. This skeptical view of humanity is expounded in its extreme form in his “primitive apologist,” (author’s definition of the genre) “Man and the Ant.” Disillusioned with the prospect of creating the “understanding being” discussed in his article “On Palingenesis,” Nodier predicts humanity’s defeat at the hands of a higher being — the termite ant. Nodier’s entomological utopia, so joyful and cheerful in the story of irreproachable Grandison, the insect, takes on a completely different flavor in his “primitive apologist” about the ant Termes, more in keeping with Nodier’s pessimistic worldview of the 1830s.

Keywords: Charles Nodier, entomology, palingenesis, utopia.

Information about the author: Vera A. Milchina, Leading Research Fellow, Institute for Advanced Studies in Humanities of the Russian State University for Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadsky Ave., 82, 119571 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3896-0085

E-mail: vmilchina@gmail.com

For citation: Milchina, V.A. “The Entomological Utopia of Charles Nodier.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 261–288. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-261-288

References

1. Nod’er, Ch. *Chitaite starye knigi: Novelly, stat’i, esse o knigakh, knizhnikakh i chtenii* [*Read Old Books: Novels, Articles, Essays on Books, Book People, and Reading*], vol. 2, introd. article, comp. and notes by V.A. Mil’china, trans. by O.E. Grinberg, M.A. Il’khovskaia, and V.A. Mil’china. Moscow, Kniga Publ., 1989. 320 p. (In Russ.)

2. Nod’e, Ch. *Feia khlebnykh kroshek* [*Breadcrumb Fairy*], trans., introd. article and notes by V.A. Mil’china. Moscow, FryFlay Publ., 2006. 286 p. (In Russ.)

3. *Stseny chastnoi i obshchestvennoi zhizni zhivotnykh* [*Scenes from the Private and Public Life of Animals*], trans., introd. article and notes by V.A. Mil’china. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2025. 656 p. (In Russ.)

4. Bénichou, Paul. *L’école du désenchantement. Sainte-Beuve, Nodier, Musset, Nerval, Gautier*. Paris, Gallimard, 1992. 616 p. (In French)

5. Dahan, Jacques-Rémi. “Postface. Oxypleurus Nodieri.” Nodier, Charles. *Le Peuple inconnu*. Losne, L’Homme au Sable, Thierry Bouchard et Folle-Avoine, 2003. 87 p. (In French)

6. Dahan, Jacques-Rémi. *Visages de Nodier*. Paris, Presses Université Paris-Sorbonne, 2008. 306 p. (In French)

7. Martinetti, Thierry. *Les Muses de l’Entomologie. Poétiques et merveilleux de l’insecte de Réaumur à Maeterlinck*. Paris, Honoré Champion, 2023. 730 p. (In French)

8. Montandon, Alain. “Nodier et l’Insecte.” *Cahiers d’études nodiéristes. Charles Nodier comparatiste*, no. 12, 2023, pp. 129–141. (In French)

9. Nodier, Charles. *Œuvres complètes : en 12 vols.* Paris, Eugène Renduel, 1832. (In French)

10. Nodier, Charles. *Correspondance de jeunesse*, t. 1, éd. de Jacques-Rémi Dahan. Genève, Droz, 1995. 690 p. (In French)

11. Nodier, Charles. *Feuilletons du Temps*, t. 1, éd. de Jacques-Remi Dahan. Paris, Classiques Garnier, 2010. 380 p. (In French)

12. Percheron, Béatrice. “Un naturaliste contre la science.” *Les sciences naturelles dans l’œuvre de Charles Nodier. Cahiers d’études nodiéristes*, no. 6, 2018, pp. 165–184. (In French)

13. *Poétiques et poésie de l’insecte*, éd. de Y. Daniel, A. Montandon et J. Wilker. Paris, Honoré Champion, 2023. 382 p. (In French)

14. Sukiennicka, Marta. “Charles Nodier et la fin du genre humain.” *Arts et Savoirs [en ligne]*, no. 7, 2016, pp. 1–13. Available at: http://journals.openedition.org/aes/929 (Accessed 29 January 2025).

15. Sukiennicka, Marta. “ Charles Nodier et la tour de Babel des sciences.” *Arts et Savoirs [en ligne]*, no. 14, 2020, pp. 1–20. Available at : http:// journals.openedition.org/aes/3156 (Accessed 29 January 2025). (In French)

Статья поступила в редакцию: 29.02.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 29.02.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-289-329
https://elibrary.ru/WLLGXG

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

История одной литературной мистификации: мифические книги и магические предметы, спрятанные в Сухаревой башне[1]

© 2025, А.Л. Топорков
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия

Аннотация: Авторы книг и статей, посвященных московским преданиям, цитируют любопытный документ — перечень рукописных книг и магических предметов, которые якобы были «заложены» в Сухаревой башне. Впервые этот перечень опубликовал в 1862 г. И.М. Снегирев со ссылкой на рукопись некоего Григория Даниловича Книголюбова, хранившуюся в собрании князя М.А. Оболенского. В статье обобщаются сведения об этой утраченной рукописи, утверждается, что рукописные книги, включенные в перечень, имеют вымышленный (воображаемый) характер, устанавливаются источники, которыми пользовался Г.Д. Книголюбов при составлении своего перечня. Легенды о чернокнижнике Брюсе и Черной книге, спрятанной в Сухаревой башне, были широко известны в Москве XIX в. и не только отразились в городском фольклоре, но и получили воплощение в художественной литературе. Г.Д. Книголюбов мог познакомиться с этими легендами и при личном общении с москвичами, и из журнальных публикаций. В то же время в статье обосновывается гипотеза о том, что шесть описаний рукописных книг из девяти восходят к сведениям, приведенным в книге И.П. Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (1836 г.). Утверждается, что Г.Д. Книголюбов придавал текстам И.П. Сахарова форму библиографических описаний, добавляя от себя данные об объеме книг, типе почерка и др. Делается вывод о том, что произведение Г.Д. Книголюбова, опубликованное И.М. Снегиревым, можно рассматривать как своеобразную литературную мистификацию.

Ключевые слова: Г.Д. Книголюбов, И.П. Сахаров, И.М. Снегирев, рукописные книги, магические предметы, черная книга, Сухарева башня, Я.В. Брюс.

[1] Благодарю А.Б. Ипполитову, А.А. Панченко и А.Л. Рычкова за помощь в архивных разысканиях и ряд соображений, учтенных мною при написании статьи.

Информация об авторе: Андрей Львович Топорков — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Отдела фольклора, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3106-3819

E-mail: atoporkov@mail.ru

Для цитирования: *Топорков А.Л.* История одной литературной мистификации: мифические книги и магические предметы, спрятанные в Сухаревой башне // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 289–329. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-289-329

В литературе о Я.В. Брюсе, Сухаревой башне и московских преданиях фигурирует любопытный документ — перечень рукописных книг и магических предметов, которые якобы были «заложены» в Сухаревой башне [5, с. 252–253; 7, с. 218–219]. Впервые этот перечень (вернее даже — два перечня) опубликовал известный историк, краевед и фольклорист, профессор Московского университета Иван Михайлович Снегирев (1793–1868) в очерке, посвященном Сухаревой башне[2].

И.М. Снегирев заимствовал свой перечень из рукописи Григория Книголюбова, которого он характеризовал как «любителя отечественной библиографии» и «крестьянина села Завидова», имея в виду село Завидово Клинского уезда Московской губернии (ныне — Конаковского района Тверской области).

Краткие сведения о Г.Д. Книголюбове позднее привел М.Н. Сперанский: «Этот Книголюбов (псевдоним), по словам Н.С. Тихонравова, был в свое время довольно известный списыватель и торговец рукописями в Москве»[3].

В настоящее время установлено, что Григорий Данилов родился в Завидово 22 января 1820 г., а умер в Москве 31 марта 1889 г.[4] В юности он провел около двух лет (по другим сведениям — несколько месяцев) в Николо-Пешношском монастыре, где приобщился к чтению, научился писать «в порядочном виде» и переплетать книги. Позднее он провел некоторое время в Москве, где торговал провизией вразнос, а параллельно сводил знакомство с владельцами магических рукописей и переписывал молитвы и заговоры в свою самодельную

[2] *Снегирев И.М.* Русские достопамятности. М.: В тип. Бахметева, 1862. Вып. 1: Сухарева башня в Москве. С. 14–15.

[3] Описание рукописей Тверского музея: Труд М.Н. Сперанского. М.: Унив. тип., 1891. Вып. 1. С. 82, примеч.*

[4] Биографии Г.Д. Книголюбова и его рукописям посвящена статья: *Ипполитова А.Б., Топорков А.Л.* Секретное дело о «списывателе рукописей» Г.Д. Книголюбове // Между прошлым и будущим… К юбилею А.И. Алиевой / сост. В.Л. Кляус, С.С. Макаров; отв. ред. В.В. Полонский, В.Л. Кляус. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 465–498.

переплетенную книгу, поскольку хотел лечить «людей страждущих, как то: беснующих, кликуш и совершенно испорченных и придающихся безрасудно пьянству»[5]. Осенью 1845 г. Григорий Данилов вернулся в Завидово и начал заниматься отчитыванием и целительством. Основным источником сведений о последующих событиях является заведенное в Московской консистории «Секретное дело Данилова, крестьянина Клинского уезда села Завидова, занимавшегося отчитыванием беснующихся»[6]. После обыска, допросов в Завидово и в Клину Григорий Данилов был отправлен в Москву, где дал подробные показания о себе, раскаялся в содеянном и был отправлен под надзор обратно в Завидово.

Судя по записям в дневнике И.М. Снегирева, он был знаком с Г.Д. Книголюбовым и общался с ним в январе-феврале 1865 г.[7] Если они познакомились раньше, то И.М. Снегирев мог получить свой экземпляр рукописи непосредственно от Г.Д. Книголюбова.

При публикации перечня рукописей и предметов, «заложенных» в Сухаревой башне, И.М. Снегирев привел ряд сопутствующих соображений, которые важны для понимания этого текста. Позволим себе привести обширную цитату:

> Предание гласит, будто в ней (в Рапирной зале Сухаревой башни. — *А.Т.*) бывали тайные заседания какого-то общества Нептунова; там председательствовал Лефорт, сам царь был первым надзирателем, а Феофан Прокопович оратором. Первый адмирал флота Апраксин, Брюс, прослывший в народе великим чернокнижником, Фарварсон, прозванный *Фармазоном*, князь Черкасский, князь М.М. Голицын, Меншиков, Шереметев и другие вельможи — сотрудники, близкие к государю, были членами сего общества, похожего на масонское; история и предание скрыли от нас происхождение и истинную цель этой тайной думы; но до сих пор в народе носится молва, будто там хранилась черная книга, стрегомая 12 духами, и после закладенная в стену, где и заколочена алтынными гвоздями. Может статься, этому сказанию дала повод чугунная доска с именами членов или правилами Нептунова общества, по преданию, замуравленная в восточную стену залы, близь двери, к коей прежде был вход извне в крыльце с крытою лестницей. В своем «Памятнике всем книгам разным, собранным от начала библиографий и типографий» люби-

[5] Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 203. Оп. 265. Д. 6. Л. 69.

[6] Там же.

[7] Дневник Ивана Михайловича Снегирева, 1865 год // Русский архив. М.: Унив. тип., 1905. Кн. 2. С. 7–8.

тель отечественной библиографии Григорий Данилов Книголюбов, крестьянин села Завидова, сообщает нам довольно подробное заглавие рукописей, хранившихся в Сухаревой башне, приведем их:

1. Книжица хитрая таблицами, тайными буквами выписанная из чернокнижия, магии черной и белой, кабалистики и пр. все на свете действует. На русском и иностранных языках, 100 листов; писана по скорописи XIII в.

2. Зерцало, показывающийся покойник за 100 лет вживе образом, и одежду и походку, и говорящий, на все вопросы отвечающий одни сутки, посли <так!> пропадает.

3. Черная книга, кудесничество, чародейство, знахарство, ворожба. Сие русское чернокнижие, собранное русскими знахарями, 19 частей, рукопись скорописная.

4. Черная книга, писанная волшебными знаками; ей беси покоряются и служат, соч. Рафли, Шестокрыл, Вороногрaй, Остромий, Зодий, Алманах, Звездочет, Аристотелевы врата. Писана до Ноева потопа, сохранилась на дне морском в горючем камне алатыре. Чернокнижник ее достал, а ныне закладена в Сухаревой башне, связана страшным проклятием на 10000 лет, 35 книг, 180000 листов.

5. Черная магия, писанная непонятными писменами волшебными, существующая от начала мира, во время потопа сохранена в камне Хамом. Гермес нашел после сию книгу. 9 книг, 100000 листов, а ныне закладена в Сухаревой башне.

6. Черная книга, читанная доктором Стефаном, в полдесть, толщиною в три пальца.

7. Книги Орфея и Музея, содержащие заговоры, очищения, приговоры для усыпления змей, 4 книги, скорописная рукопись, 8000 листов.

8. Русское кудесничество, заговоры на все возможные случаи. 9 книг, скороп. 900 листов, а ныне заключена в Сухаревой башне.

9. Книга Сивилл, 12 сестр; прорицание воли богов и предсказания будущего, 12 книг, 12000 лист, полууставн. рукопись, а ныне заключена в Сухаревой башне.

По сказанию Книголюбова, в Сухаревой башне также хранилась: 1) «Соломонова печать, на перстне слова Sator, areрo tenet opera rotas, а внутри дух заключен, на кольце разные фигуры. Можно сим перстнем делать разно: к себе печатью превратить, невидим будешь, от себя отвратить, видим будешь и все очарования разрушить, власть над сатаной получишь; колцом к себе превратить, то разные превращения сделаешь, снимешь с руки, ударишь обо что, то сатана выскочит, что тебе хочется, все испол-

нит и прочия можно сим колцом делать, и хитр, и мудр, памятлив и все знать будешь, если на руке его имеешь. Из сребра сделан». 2) «Досчечка точно аспидная черная, литеры красныя и белыя, действуют сице: ударишь его обо что, духи выйдут из нее трое и что хошь исполнют <так!>. Черной стороной к себе превратить, невидим будешь, писаной стороной к себе превратить и молвить какую букву, к нему то тако оборотится; к себе в пазуху ее положишь, то будешь все на свете знать и будешь память, хитрость, мудрость, разум иметь». 3) «Камень осмиугольный со словами мелкими Н.П.З.М. действует более доски».

По-видимому, приведенные русским сельским библиографом таинственные рукописи, хранившиеся и закладенные в стенах Сухаревой башни, оправдывают общенародное об них предание; но заставляют жалеть, что библиограф не указал нам, из каких именно источников почерпнуты им такие сведения. Если в этом предании есть истина и ежели приведенные рукописи не подложны, то можно предполагать, что Петр I с своими сочленами на Сухаревой башне из любопытства занимался магией, алхимией и астрологией, добивался до perpetuum mobile, вечного движения. <…> Если действительно находились на Сухаревой башне таинственные книги, то, вероятно, велено их скрыть; но разнесшаяся об них молва в народе перешла в предания.

В тот век все писанное буквами неизвестными или цифрами называлось *чернокнижием и тарабарскою грамотою.* Такая молва особенно могла родиться от стрельцов, которых столько тысяч казнено преобразователем России за их крамолы и мятежи; это был голос семейной, родовой мести, перешедший в народное сказание. Предание также гласит о лаборатории Брюса на этой таинственной башне, где он занимался составлением элексира живой и мертвой воды. Пред смертию своей будто он отдал стклянку с живою водой своему камердинеру, а по сказанию г. Пекарского, самому Петру I, и велел поливать ею себя вскоре после смерти. Когда стал исполнять такое приказание камердинер, усопший начал шевелиться; исполнитель испугался и, уронив из рук стлянку, разбил ее. Брюс уже не восстал от смертного сна. Может статься, когда еще алхимия не вышла из моды и смешивалась с химиею, астрология с астрономией, тогда этот естествоиспытатель и делал там свои опыты, привлекавшие жадное внимание любознательного Петра. Посему, вероятно, и дружеским совещаниям царя с приближенными людьми о науках или о государственных делах раздраженное невежество дало значение, противное православию; потому что оно смотрело

> на быстрые и насильственные нововведения как на разрушение отеческих нравов и обычаев, а с ними вместе и благосостояния государства[8].

И.М. Снегирев в своих многочисленных книгах и статьях о Москве нередко публиковал сведения, почерпнутые из разного рода устных и письменных источников, не вызывающих особого доверия, однако даже в сравнении с другими краеведческими публикациями И.М. Снегирева «список Книголюбова» все же представляется неким казусом. Уж очень невероятный характер имеют рукописи, «существующие от начала мира» и включающие 180000 листов!

И.М. Снегирев не только посчитал возможным опубликовать «список Книголюбова», но и высказал предположение о том, что сведения о рукописях, «заложенных» в Сухаревой башне, могут отражать некое «общенародное предание» и даже более того, что в этом предании может быть доля истины. В то же время И.М. Снегирев сожалел о том, что доверять Г.Д. Книголюбову невозможно, поскольку тот не указал свои источники. Для последующих поколений публикация И.М. Снегирева стала основным источником сведений о списке Г.Д. Книголюбова.

Рукопись Г.Д. Книголюбова

В процитированном выше тексте И.М. Снегирев сообщил название рукописи — «Памятник всем книгам разным, собранным от начала библиографий и типографий», а в подстрочном примечании привел ее описание:

> Рукопись в 8, ч. XIX, изд. 11-е. Москва, в библиографии Г.Д. Книголюбова и Богол. 1042–2842. Она содержит в себе дополнение к каталогу Смирдина. В библиотеке кн. М.А. Оболенского[9].

Собрание рукописей князя М.А. Оболенского в настоящее время хранится в РГАДА. В старой описи фонда интересующая нас рукопись охарактеризована следующим образом:

---

[8] *Снегирев И.М.* Русские достопамятности. Вып. 1: Сухарева башня в Москве. С. 11–16. Курсив И.М. Снегирева.

[9] Там же. С. 12, примеч. **.

Памятник всем книгам разным или полный словарь сочинений и переводов. Москва. В библиографии Г.Д. Книголюбова. 1842–2842. Рукописное прибавление к Смирдинскому каталогу[10].

Справа на полях в описи фонда написано и потом перечеркнуто число 67, а ниже взято в скобки и зачеркнуто число 148 (вероятно, 67 и 148 — старые номера рукописи). Еще правее на полях приписка: «Отсутствует по ревиз. 1938 г. 26/I.48» и подпись. Поскольку сама рукопись утрачена, нам остается только внимательно присмотреться к двум ее описаниям — в книге И.М. Снегирева и в описи фонда М.А. Оболенского.

К сожалению, о количестве листов в рукописи нет сведений ни в том, ни в другом описании. Вполне вероятно, что И.М. Снегирев опубликовал не весь текст рукописи, а только ее фрагмент; он мог также поправить орфографию и пунктуацию оригинала, однако мы не имеем возможности это проверить.

Между двумя описаниями есть довольно существенные разночтения. Это позволяет высказать предположение, что И.М. Снегирев мог пользоваться не той рукописью, которая имелась в собрании М.А. Оболенского, а какой-то другой рукописью сходного содержания.

У И.М. Снегирева рукопись называется: «*Памятник всем книгам разным*, собранным от начала библиографий и типографий», а в описи собрания М.А. Оболенского: «*Памятник всем книгам разным* или Полный словарь сочинений и переводов»[11]. Таким образом, первые части приведенных заглавий совпадают («Памятник всем книгам разным…»), а вторые отличаются друг от друга.

При этом вторые части в обоих названиях имеют параллели в заглавии известного 5-томного издания В.С. Сопикова: «Опыт российской библиографии, или *Полный словарь сочинений и переводов*, напечатанных на славенском и российском языках, *от начала заведения типографий*, до 1813 года…»[12].

[10] РГАДА, опись собрания М.А. Оболенского; URL: http://rgada.info/poisk/index2.php?str=201-opis_1&opisanie (дата обращения: 06.03.2025). Шифр рукописи: РГАДА. Ф. 201 (собр. М.А. Оболенского). № 144.

[11] Здесь и далее курсив в цитатах мой за исключением специально оговоренных случаев — *А.Т.*

[12] Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий, до 1813 г., с предисловием, служащим введением в сию науку, совершенно новую в России, с историею о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних редких книгах и их изданиях, и с краткими из оных выписками / собранный из достоверных источников Василием Сопиковым. СПб.: В тип. Императорского театра, 1813–1821. Ч. 1–5.

Далее у И.М. Снегирева значится: «в библиографии Г.Д. Книголюбова и Богол.», а в архивной описи: «В библиографии Г.Д. Книголюбова». Обычно в библиографических описаниях XIX в. за названием города указывалась типография с именем ее владельца или названием учреждения. Слово «библиография», по-видимому, поставлено на месте «типография», однако при замене одного слова на другое явно возник смысловой диссонанс; см. в словаре иностранных слов 1803 г.: «Библиография или *Вивлиография*, гр. Наука, имеющая предметом познание книг, их наименований, изданий, каталогов, цены и проч.»[13]. Не исключено, что слово «библиография» Книголюбов понимал как «книгописальня». Фамилия «Богол.» в полном виде явно читается как «Боголюбов» и, вероятно, относится к тому же Книголюбову.

Вслед за словом «библиография» в обоих описаниях приведены числа: в описи — «1842–2842», а у И.М. Снегирева — «1042–2842». Число 1842 М.Н. Сперанский принял за указание на дату создания рукописи: «В собр.<ании> рук.<описей> кн. М.А. Оболенского (в Москов.<ском> Главн.<ом> Арх.<иве> Ин.<остранных> Д.<ел>) под № 148 находится рукописное дополнение к «Росписи» А. Смирдина, писанное тем же Книголюбовым в 1842 (–2842) г.»[14]. Число 1042 у И.М. Снегирева могло быть написано по ошибке вместо 1842, однако возможны и другие объяснения этих чисел.

Остается под вопросом число 2842, которое совпадает в обоих источниках. Бросается в глаза, что оно ровно на 1000 больше, чем 1842. Поскольку в перечне Г.Д. Книголюбова фигурировали некоторые гадательные книги, в том числе «книги Сивилл», можно видеть в таких числах намек на то, что в книгах, «заложенных» в Сухаревой башне, содержатся предсказания о событиях грядущего тысячелетия.

Нельзя исключать и того, что числа 1842 и 1042 обозначали не годы, а номера библиографических описаний, с которых якобы начинались рукописи; в этом случае числа 1842–2842 и 1042–2842 могли бы обозначать номера библиографических описаний, включенных в рукописи, хотя крайне сомнительно, что они действительно включали 1000 или даже 1800 позиций. Вне зависимости от того, как понимать названные выше числа, рукопись могла возникнуть и в 1842 г., и в промежутке между 1842 и 1862 гг.

---

[13] *Яновский Н.М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины... СПб.: Тип. Акад. наук, 1803. Ч. 1. IV, 868 стб. (Стб. 374). В цитате курсив Н.М. Яновского.

[14] Описание рукописей Тверского музея: Труд М.Н. Сперанского. М.: Унив. тип., 1891. Вып. 1. VIII, 330 с. С. 82, примеч.*.

В описи собрания М.А. Оболенского книга характеризуется как «рукописное прибавление к Смирдинскому каталогу»; И.М. Снегирев также сообщает, что рукопись «содержит в себе дополнение к каталогу Смирдина». Имеется в виду каталог собрания издателя и книгопродавца А.Ф. Смирдина. Это издание, подготовленное В.Г. Анастасевичем, в 1830–1840-х гг. было основным справочником по русской библиографии и включало 9934 записи на 712 страницах[15]. К каталогу имелись два прибавления — 1829 и 1832 гг.[16] Г.Д. Книголюбов, судя по заглавию рукописи, стилизовал ее под книжное издание, которое служит очередным прибавлением к «Росписи книг» А.Ф. Смирдина.

Таким образом, два описания, несмотря на некоторые различия, имеют и много общего: обе рукописи представляют собой дополнение к каталогу Смирдина и созданы в Москве, частично совпадают названия («Памятник всем книгам разным…»), слова про «библиографию Г.Д. Книголюбова», странный набор цифр, отличающихся одним знаком: 1042–1842 и 1842–1842.

В описании И.М. Снегирева указано также: «ч. XIX, изд. 11-е». Оба числа, по-видимому, призваны были придать дополнительную респектабельность рукописной книжке, которая якобы выдержала уже 11 изданий и представляла собой 19-ю часть какого-то обширного каталога (см. в записи № 3: «Сие русское чернокнижие, собранное русскими знахарями, *19 частей*…»[17]). Вполне вероятно, что исходная рукопись действительно имела несколько «тиражей», которые создавались в разное время и отличались друг от друга.

О книгах из «списка Книголюбова»

Как мы помним, в публикации И.М. Снегирева перечислялись 9 книг и 3 магических предмета. В самом использовании чисел 9 и 3 можно видеть отсылку к магической нумерологии, в которой 3, 9 и 12 играют особую роль. Впрочем, не исключено, что в оригинале список книг не ограничивался девятью, а список предметов — тремя позициями. В принципе их могло быть и больше.

[15] Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная, в четырех частях, с приложением: азбучной росписи имен сочинителей и переводчиков, и краткой росписи книгам по азбучному порядку. СПб.: В тип. Александра Смирдина, 1828. LXXVIII, 712, XCIII с.

[16] Первое прибавление к Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. СПб.: В тип. Александра Смирдина, 1829. 68 с.; Второе прибавление к Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. СПб.: В тип. Александра Смирдина, 1832. 117 с.

[17] Ссылки на библиографические описания из перечня книг Г.Д. Книголюбова далее даются в тексте с указанием порядкового номера в списке.

Числа, кратные трем, присутствуют и в описании рукописей: например, 12 книг, созданных двенадцатью Сивиллами, занимают 12000 листов (№ 9), книга «Русское кудесничество» состоит из 9-ти книг на 900 листах (№ 8), книга «Черная магия» тоже включает 9 книг (№ 5) и т. д.

Перечень девяти рукописных книг составляет определенную тематическую общность, так как все они имеют отношение к магии, чернокнижию или гаданиям. Если бы такой перечень был составлен в наши дни, его можно было бы принять за рекомендательный список литературы по магии, колдовству и дивинации, сгенерированный искусственным интеллектом, который путает авторский текст и библиографические описания, создавая описания никогда не существовавших книг и статей.

Перечень Г.Д. Книголюбова содержит сведения о типе письма некоторых рукописей. В четырех случаях говорится о скорописи (№ 1, 3, 7, 8) и в одном — о полууставе (№ 9). Одно сочинение «писано по скорописи XIII в.» (№ 1), что, вероятно, следует понимать как «писано скорописью XIII в.». Скоропись появилась только в XIV в., однако Книголюбов мог об этом не знать.

Первое место в перечне занимает рукопись «на русском и иностранных языках» (№ 1). В одной рукописи представлено «русское чернокнижие, собранное русскими знахарями» (№ 3), а в другой — «русское кудесничество» (№ 8). Среди остальных рукописей по крайне мере две не понятны не только для носителей русского языка, но, вероятно, в принципе не могут быть никем поняты: «Черная книга, писанная волшебными знаками» (№ 4) и книга «Черная магия», «писанная непонятными писменами волшебными» (№ 5). Поскольку Черная книга «писана до Ноева потопа» (№ 4), а «Черная магия» существует «от начала мира» (№ 5), можно догадываться, что они были записаны на легендарном языке Адама. В случаях с «книгами Орфея и Музея» (№ 7) и книгами Сивилл (№ 9) можно только догадываться, имеются ли в виду тексты на каких-то древних языках или об их переводах на русский или какие-то другие языки.

Все эти недоговоренности, конечно, должны были разжигать любопытство потенциальных читателей и подсказывать им мысль, что в Сухаревой башне хранятся не только русские переводы, но и сами древние оригиналы, чудом спасшиеся от потопа и других бедствий, которые преследовали человечество на протяжении тысячелетий.

На древность рукописей № 5, 7 и 9 указывает и то, что в них упоминаются языческие боги. Например, «Книга Сивилл» обещает

раскрыть «прорицание воли богов» (№ 9). Орфей, имя которого встречается в записи № 7, в греческой мифологии считался сыном фракийского речного божества Эагра (или Аполлона) и музы Каллиопы. Впрочем, в традиции европейского оккультизма и эзотеризма и Орфей, и Гермес, который нашел книгу «Черная магия» (№ 5), фигурируют не как языческие боги, а как великие мудрецы и маги древности.

Семь записей из девяти оформлены как описания рукописных книг (№ 1, 3–5, 7–9). Книги с такими названиями потенциально могли существовать или даже действительно существовали; например, «книги Сивилл» были известны с античности, а в конце XVIII и XIX в. имена Сивилл широко использовались в названиях различных гадательных изданий[18]. Тем не менее человек, обладающий хотя бы минимальными историческими познаниями и навыками критического мышления, без труда догадается, что некоторые рукописи из перечня Г.Д. Книголюбова имеют вымышленный характер. На это указывают и фантастическая история двух рукописей (№ 4 и 5), и гигантский объем, приписываемый 5-ти книгам: «35 книг, 180000 листов» (№ 4), «9 книг, 100000 листов» (№ 5), «4 книги… 8000 листов» (№ 7), «9 книг… 900 листов» (№ 8), «12 книг, 12000 листов» (№ 9). Гадательные книги часто имели сборный характер, поэтому они вполне включать 19 частей или 12 книг, однако книгу в 100000 листов все-таки трудно себе представить.

Впрочем, для мифической древности такие объемы, по-видимому, не составляли проблемы. Например, Соломон, согласно Библии, изрек «три тысячи притчей и песней его было тысяча и пять» (3 Цар. 4:32). Ямвлих (III в.) сообщал со ссылкой на Манефона (IV–III в. до Р. Х.), что у Гермеса имелось 36525 книг [9, с. 170]. «Это совершенно неправдоподобное число символично и соответствует числу дней в столетии» [8, с. 394].

Перечень рукописей обладает определенной внутренней логикой; при этом в нем можно выделить четыре группы: 1) № 4 и 5; 2) № 7 и 9; 3) № 3 и 8; 4) № 1, 2, 6.

[18] См. названия гадательных книг: Волхв или полное собрание гаданий с краткою мифологией. М.: Тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1838. Ч. 2: Книга судьбы: Листки *Самбеты Сивиллы* Персидской. С. 185–310; *Сивилла*, или Утренняя рассказчица снов, выбранная из сочинений многих иностранных и в снотадательной науке искусных мужей как-то: Платона, Птоломея, Алия, Альбумазара, Артемидора, Вардаама и Иоанна Кенигзбергера: в 2 ч. М.: Тип. В. Кирилова, 1839. 110, 47 с.

Литературные источники записей, отнесенных к первой группе (№ 4, 5)

Центральную часть списка занимают описания Черной книги и книги «Черная магия» с рядом общих мотивов: обе были написаны в глубокой древности: «до Ноева потопа» (№ 4), «от начала мира» (№ 5), обе были спрятаны в камне (в № 4 — «в горючем камне алатыре»), записаны непонятными знаками на языке, на котором говорили Адам и другие первые люди, обе были спасены (в № 4 чернокнижником, в № 5 Гермесом), обе «ныне закладены в Сухаревой башне».

У обеих книг есть своя мифологическая история: Черная книга «сохранилась на дне морском в горючем камне алатыре. Чернокнижник ее достал, а ныне закладена в Сухаревой башне, связана страшным проклятием на 10000 лет» (№ 4); книга «Черная магия» «во время потопа сохранена в камне Хамом. Гермес нашел после сию книгу. <…> а ныне закладена в Сухаревой башне» (№ 5).

Обратимся к книге известного публикатора русского фольклора Ивана Петровича Сахарова (1806–1863) «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (далее — «Сказания»). Наибольший интерес для нас представляет первая часть, имеющая подзаголовок «Сказания русского народа о чернокнижии». Эта часть при жизни Сахарова выходила трижды: первое издание в 1836 г., второе — в 1837 г.; третий раз — в составе расширенного издания 1841 г., которое самим автором было названо третьим, хотя частично было составлено из новых материалов и считаться третьим может только условно. Все три издания первой части «Сказаний» несколько отличались друг от друга; мы будем цитировать первое издание 1836 г., так как в нем уже есть нужные нам фрагменты.

Наиболее отчетливо зависимость списка Г.Д. Книголюбова от текста Сахарова проявляется в случае с записями № 4 и 5, которые представляют собой сжатый пересказ нескольких фрагментов из сахаровских «Сказаний». Сравним описание Черной книги из «списка Книголюбова» (№ 4) с соответствующим текстом И.П. Сахарова:

> *Черная книга, писанная волшебными знаками*; ей беси покоряются и служат, соч. *Рафли, Шестокрыл, Вороноград, Остромий, Зодий, Алманах, Звездочет, Аристотелевы врата*. Писана до Ноева потопа, *сохранилась на дне морском в горючем камне алатыре. Чернокнижник ее достал, а ныне закладена в Сухаревой башне, связана страшным проклятием на 10000 лет*, 35 книг, 180000 листов (№ 4).

> Рассказы бывалых людей о существовании *Черной книги* исполнены странных нелепостей. В их заповеданных рассказах мы слышим, что *Черная книга хранилась на дне морском, под горячим камнем Алатырем*. Какой-то злой *Чернокнижник*, бывши заключенным в медном городе, получил завет от старой Ведьмы отыскать эту книгу. Когда был разрушен медный город, этот *Чернокнижник*, освободясь из плена, опустился в море и *достал Черную книгу*. С тех пор эта книга гуляет по белому свету. Было когда-то время, в которое *Черную книгу заклали в стены Сухаревой башни*. Доселе еще не было ни одного *Чернокнижника*, который бы мог достать *Черную книгу из стен Сухаревой башни*. Говорят, что она *связана страшным проклятием на десять тысяч лет*.
>
> Говоря о *Черной книге*, наши поселяне уверяют, что в ней содержатся чертовские наваждения, *писанные волшебными знаками*. Но наши предки XVI столетия знали подробнее нас, современников. Они к Черной книге причисляли: *Рафли, Шестокрыл, Вороноград, Остромий, Зодей, Альманах, Звездочет, Звездочетьи, Аристотелевы врата*. Мы ничего не можем сказать об этих книгах, потому что ничего о них не знаем[19].

Ниже Сахаров приводит цитату из «Стоглава», в которой перечисляются те же отреченные книги:

> В Стоглаве, составленном Московским Собором 1551 года, написано: «<…> Волхвы и Чародейники <…> *во Аристотелевы Врата и в Рафли* смотрят, и по звездам и по ланитам глядают и смотрят дней и часов… <…> Злыя ереси, кто знает их и держится… *Рафли, Шестокрыл, Вороноград, Остромий, Зодей, Альманах, Звездочетьи, Аристотель, Аристотелевы Врата* и иныя коби бесовския… тех всех еретических книг у себя бы не держали и не чли…[20]

Таким образом, Г.Д. Книголюбов включил в описание Черной книги несколько названий отреченных книг, заимствованных им у И.П. Сахарова, а И.П. Сахаровым в свою очередь — из «Стоглава». И.М. Снегирев при публикации перечня Г.Д. Книголюбова объяснил названия нескольких отреченных книг[21], хотя по какой-то причине

[19] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: Гуттенбергова тип., 1836. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. С. 9–10. Разрядка И.П. Сахарова.

[20] Там же. С. 19.

[21] *Снегирев И.М.* Русские достопамятности. Вып. 1: Сухарева башня в Москве. С. 13, примеч. *.

не соотнес их ни со «Стоглавом», ни со «Сказаниями» И.П. Сахарова. Подробный комментарий к этим названиям привел А.Н. Филимон [6, с. 220–226].

В своем описании Черной книги Г.Д. Книголюбов коротко пересказал сахаровскую историю про чернокнижника, воспроизвел названия отреченных книг из «Домостроя» и следующие сообщения из «Сказаний»: «Черная книга хранилась на дне морском, под горячим камнем Алатырем», «Черную книгу заклали в стены Сухаревой башни», «она связана страшным проклятием на десять тысяч лет». Новация самого Книголюбова заключалась в том, что он сократил текст Сахарова и превратил в библиографическое описание, добавив фантазийные сведения о количестве книг и листов.

Между тем в рассказе о Черной книге, приведенном Сахаровым, концы явно не сходятся с концами: Черная книга, с одной стороны, «гуляет по белому свету», а с другой — ее заложили в стены Сухаревой башни и закляли на 10000 лет. Впрочем, Сахарова такие сюжетные несостыковки, по-видимому, не смущали. К тому же он сам предупреждал, что эти рассказы «исполнены странных нелепостей».

Текст И.П. Сахарова, как это часто бывало у этого автора, представляет собой пеструю смесь мотивов, заимствованных из разных книжных и фольклорных источников. Например, мотивы чернокнижника и черной книги, спрятанной в Сухаревой башне, восходят к городским легендам, связанным с Я.В. Брюсом (имя которого ни И.П. Сахаров, ни Г.Д. Книголюбов не называют).

Мотив камня Алатыря, лежащего в море или в реке, характерен для русских заговоров, однако под камнем-Алатырем в заговорах обычно прячут не Черную книгу, а замки или ключи, которыми символически запирают заговор[22].

Мотив медного города заимствован из сказки «Тысяча и одной ночи»: в медном городе хранились несметные сокровища, неподалёку рыбаки вылавливали из моря кувшины из меди, в которые Сулейман (Соломон) заточил джиннов, запечатав их своей печатью[23]. Сахаров сочинил свою историю с новыми мотивами: в медном городе заключен чернокнижник; город разрушен; вместо кувшинов с запечатанными в них джиннами со дна моря достают Черную книгу.

Запись № 5 также восходит к книге Сахарова:

[22] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. С. 60, № 1; С. 75, № 18; С. 76, № 20; С. 89, № 36.

[23] Тысяча и одна ночь: Избранные сказки в трех томах / пер. с араб. М.А. Салье. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2. С. 264–290.

Черная магия, писанная непонятными писменами волшебными, существующая от начала мира, во время потопа сохранена в камне Хамом. Гермес нашел после сию книгу. 9 книг, 100000 листов, а ныне закладена в Сухаревой башне» (№ 5).

Сказания о Черной магии столь древни, что нет никакой возможности открыть их первоначальное происхождение. Мы встречаем Магиков в начале всех историй, и влияние их продолжалось до распространения умственного образования. Говорят, что она *существовала от начала мира и сохранена при потопе Хамом в камне.* Сын Хамов, известный под названиями: у одних Мизраима[24], у других Зороастра[25], у третьих *Гермеса*[26], по преданию своего отца, *нашел после потопа скрытую книгу его отцом*. Книги этой теперь более не существует: она когда-то была истреблена небесным огнем. Верование в бытие Черной магии существовало на Востоке в тайных сказаниях. Сосредоточие Магиков находилось в Египте. Фараоны, окруженные магиками, производили разные ложные чудеса. Из Египта перенес <магию> в Грецию Орфей, изменивший тайные сказания в Оргию и Саббатство. В семейной жизни Русского народа Черная Магия известна под именем Чернокнижия. Напрасно мы будем вопрошать века и людей о переселении тайных сказаний в наше отечество. Темные намеки наших поселян о бытии Чернокнижия состоят в том, что она *писана непонятными письменами, что она когда-то закладена была в Сухареву башню.* В современной нашей жизни мы едва встречаем людей, беседующих о предметах, заключающихся в Чернокнижии; но предки наши говорили об этом яснее; они даже знали многие названия этим сказаниям. Так они исчислены в Стоглаве[27].

---

[24] Месраим (Мицраим) — библейский персонаж, сын Хама; см. в «Острожской Библии»: «Сине же Хамовы: Хусъ и Месъраимъ, Фудъ и Ханаанъ» (Быт 10:6); в синодальном переводе Библии: «Сыны Хама: Хуш, Мицраим, Фут и Ханаан».

[25] В античности Зороастр считался основателем магии; существовало представление «о Зароастре как о халдее, астрологе, не имеющем ничего общего с реальным Заратустрой» [2, с. 91]. Зороастра смешивали с различными персонажами Библии: с Нимродом, сыном Хуша и внуком Хама, с Мицраимом и др. [2, с. 91].

[26] Гермес — в древнегреческой мифологии считался вестником богов, покровителем путников и проводником душ умерших. В период поздней античности с образом Гермеса Трисмегиста («трижды величайшего») связывались оккультные науки и «герметические» сочинения. Среди рукописей, вывезенных после падения Византийской империи, оказался свод герметических трактатов, в 1463 г. переведенный на латинский язык Марсилио Фичино (издан в 1471 г.). «Доктрины, излагаемые в «философских» трактатах Герметического корпуса, обосновывали и алхимию, и астрологию, и магию, и народную медицину. <…> На тысячелетия за Гермесом Трисмегистом закрепилась репутация великого мудреца, языческого пророка христ.<ианской>истины, хотя и не лишенного налета демонизма» [8, с. 394, 398].

[27] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. С. 35–36. Разрядка И.П. Сахарова.

Г.Д. Книголюбов выбрал из текста И.П. Сахарова несколько словосочетаний, соединил их в другом порядке, прибавил сведения о колоссальном объеме рукописи — и получилось библиографическое описание еще одной воображаемой книги.

Сюжеты о допотопном происхождении искусства магии, астрологии и других сокровенных знаний известны в разных источниках. Сам И.П. Сахаров мог прочитать об истории магии и мифической книги в сочинении Каспара Шотта (1608–1666), ученика и младшего коллеги Атанасиуса Кирхера (1602–1680), чьи идеи он разделял. Сочинение Шотта было переведено в России в начале XIX в. и сохранилось среди масонских рукописей[28].

В книге Шотта магия оценивается сугубо положительно и противопоставляется нигромании, которая оценивается негативно[29]. Первым магом, по мысли Шотта, был сам творец мира: «...знайте, что Всемогущий Бог Сам Маг и чрез магию сотворил свет и тьму, день и нощь, четыре стихии и все другое...»[30]. Первые люди также были магами: «...Адам первой человек и по нем Сиф и даже до царя Соломона почти все были магики...»[31]. Далее Шотт пересказывает сюжет о книге ангела Ризиеля, посланной Адаму с небес после изгнания из рая и сохраненной во время потопа:

> ...щедрый небесный отец послал свыше чрез облаки Ангела Рациела с написанною книгою, для утешения его (Адама — *А.Т.*) и дабы из сей, естьли ею пользоваться хочет, мог научиться, как себе все покорить. Сия Божественная книга содержала таинство всей натуры и все то, что всесвятая Троица людям дать знать благоволила, на Еврейском языке, как первобытном и самому Богу свойственном; содержала в себе вещи чудныя, которыя Ангелами, по наставлении, всем его потомкам препоручена. Помощию сей оставленной книги умел Адам все твари, как Ангелов Божиих, так и другия все вообще твари в четырех стихиях покорять и чрез них действовать, по своему желанию и изволению. Книга сия исполненная Божественною Премудростию и в обители Троичного Божества самонаписавшаяся, Адамом до Сифа, Еноха и во время потопа Ноем сохранена даже до Соломона, которой <...> унизил ея достоинство и порядок ея нарушил[32].

[28] Сборник сочинений о каббале и магии. 1805 г. Еврейская кабала Каспара Шота. Кабалистические чудеса, или Еврейская Кабала ясно истолкованная, рачительно испытанная и с искренностию сужденная переведенная с латинского языка (РГБ. Ф. 14. № 1646. 360 л. Л. 1–230).

[29] Там же. Л. 210.

[30] Там же. Л. 211

[31] Там же. Л. 208 об.

[32] Там же. Л. 216–216 об.

Если признать зависимость И.П. Сахарова от Каспара Шотта или какого-то другого автора, который излагал сходные идеи, то можно предположить, что речь идет о книгах, написанных на древнееврейском языке. Сам Шотт писал о еврейской азбуке:

> Впрочем она есть святейший и всесвятейший язык, в котором Бог свои таинства сокрыть благоволил и в самой вещи она ни учреждена, ни написана для грешнаго человеческаго сына, и что Бог не всякаго допускать к действованию благоволит, Он не хощет, чтоб она обращалась на языке нечистых, но должна быть такою, какую он помянутым образом дать благоизволил[33].

Зависимость библиографических описаний № 4 и 5 от «Сказаний» И.П. Сахарова достаточно очевидна, поскольку эти описания включают развернутые сведения о происхождении рукописных книг, а совпадения между текстами Г.Д. Книголюбова и И.П. Сахарова имеют множественный и верифицируемый характер. Остальные библиографические описания Г.Д. Книголюбова меньше по объему, в них нет сюжетных фрагментов, тем не менее и к некоторым из них можно подобрать параллели в книге И.П. Сахарова.

Литературные источники записей второй группы (№ 7, 9)

В конце списка расположены описания книг Орфея и Музея (№ 7) и книг Сивилл (9). Создание и тех, и других приписывалось мифическим персонажам античности; и те, и другие, несмотря на это, существовали реально, хотя в разные эпохи и книгам Орфея и Музея (Мусея), и книгам Сивилл приписывалось разное содержание.

Как и в случае с записями № 4 и 5, описания книг № 7 и 9 восходят к «Сказаниям» И.П. Сахарова. Обратимся к записи № 7 и соответствующему фрагменту из книги И.П. Сахарова.

«Список Книголюбова»	«Сказания» И.П. Сахарова
«Книги Орфея и Музея, содержащие все заговоры, очищения, приговоры для усыпления змей, 4 книги, скорописная рукопись, 8000 листов» (№ 7).	*«Книги Орфея и Музея содержали в себе заговоры, очищения, приговоры для усыпления змеи»*[34].

[33] Там же. Л. 217 об. – 218.

[34] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. С. 38.

Сам И.П. Сахаров в данном случае пользовался сведениями из античных источников. В частности, согласно Платону, нищенствующие прорицатели-орфики «уверяют, что с помощью каких-то заклятий и узелков они склоняют богов к себе на службу» (Государство, 2.364c)[35]. У этих «жрецов под рукой куча книг Мусея и Орфея, потомков, как говорят, Селены и Муз, и по этим книгам они совершают свои обряды, уверяя <…> будто и для тех, кто еще жив, и для тех, кто уже скончался, есть избавление и очищение от зла» (Государство, 2.364e–365a)[36]. Перевод «Государства» под заглавием «Платонова гражданства» был издан в 1783 г. в составе «Творений Велимудраго Платона», где читаем: «…они (жрецы и прорицатели. — *А.Т.*) предлагают громаду книг, составленных Мусеем и Орфеем, сынами Луны и Мус <...> По сим книгам долженствуют совершатися жертвоприношения»[37].

В последней записи из «списка Книголюбова» фигурируют книги Сивилл, о которых писал и И.П. Сахаров:

«Список Книголюбова»	«Сказания» И.П. Сахарова
«Книга Сивилл, 12 сестр; прорицание воли богов и предсказания будущего, 12 книг, 12000 лист. Полууставн. рукопись, а ныне заключена в Сухаревой башне» (№ 9).	*«Книги Сивилл* хранились в руках женщин — *сивилл, имевших дар прорицать и открывать волю богов.* В древнем мире всех *сивилл считалось 12»*[38].

Дополнительно к сведениям И.П. Сахарова Г.Д. Книголюбов сообщил, что Сивиллы были сестрами, хотя они жили в разное время и в разных местах, так что сестрами не были и быть не могли. Может быть, это соображение возникло у Г.Д. Книголюбова по ассоциации с 12-ю сестрами-трясавицами в известных заговорах от лихорадки. Когда в одном предложении говорится и о «книге Си-

[35] *Платон*. Избранные диалоги / пер. с древнегреческого А.Н. Егунова. М.: Эксмо, 2009. С. 609.

[36] Там же. С. 610.

[37] Творений велемудраго Платона вторыя части вторая половина, содержащая в себе Платонова Гражданства, или О праведном десять книг. Преложил с Греческаго языка на Российский Матфий Пахомов, находящийся при Обществе благородных девиц. СПб: Имп. Акад. наук, 1783. С. 483–484. Благодарю А.Л. Рычкова за указания на античные источники И.П. Сахарова.

[38] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. С. 36.

вилл», и о «12 книгах», вероятно, имеется в виду сборная рукопись, включающая 12 фрагментов.

Описания рукописных книг, отнесенных к третьей (№ 3, 8) и четвертой (№ 1, 2, 6) группам

В третью группу включены два библиографических описания, которые имеют отношение к русскому волшебству: «Черная книга, кудесничество, чародейство, знахарство, ворожба. Сие русское чернокнижие, собранное русскими знахарями, 19 частей, рукопись скорописная» (№ 3); «Русское кудесничество, заговоры на все возможные случаи. 9 книг, скороп. 900 листов, а ныне заключена в Сухаревой башне» (№ 8).

Слово *чернокнижие* и перечисление *кудесничество, чародейство, знахарство, ворожба* (№ 3) имеют параллель в первой части «Сказаний» И.П. Сахарова, которая называлась «Сказания русского народа *о чернокнижии*» и включала 4 раздела: «Сказание *о кудесничестве*», «Сказание о *чародействе*», «Сказание о *знахарстве*» и «Сказание о *ворожбе*».

В перечне книг несколько особняком стоит вторая запись: «Зерцало, показывающийся покойник за 100 лет вживе образом, и одежду и походку, и говорящий, на все вопросы отвечающий одни сутки, посли пропадает» (№ 2).

Эту формулировку можно понять не только как заглавие книги, хотя бы и без сведений о количестве частей и листов, но и как описание гадания, при котором вызывают покойника и задают ему вопросы. Слово *зерцало* может обозначать зеркало, которое используется при гадании, однако не исключено, что имеется в виду рукописная книжка, включающая описание одного или нескольких гаданий с зеркалом. То же существительное может употребляться с переносным значением: «то, что является отражением, изображением чего-л.» или «тот(то), кто(что) является воплощением, образцом чего-л., примером для кого-л.»[39]. Слово *зерцало* встречалось в названиях оригинальных и переводных сочинений назидательного и сатирического содержания, однако оно обычно использовалось не изолированно, а в сочетании с существительным в родительном падеже, например: «*Юности* честное *зерцало*, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (1717); «*Зерцало* женской древней *учености*, или Описание жизни древних

[39] Словарь русского языка XVIII в. СПб.: Наука, 1997. Вып. 9. С. 175.

философок…»[40]; «*Зерцало* истинныя *любви*, или Наставление, как должно Любить и как ненавидеть…»[41]. Слова *зеркало* и *зерцало* встречаются и в названиях гадательных книг и другой развлекательной литературы[42]. Не исключено, что возможность множественных прочтений заглавия входила в замысел Г.Д. Книголюбова и свидетельствует о том, что он не чуждался определенной литературной игры.

Запись № 6 имеет лаконичный характер; неясно даже, идет ли речь о рукописи или о печатном издании, зато сообщается, что этот текст читал некий «доктор Стефан»: «Черная книга, читанная доктором Стефаном, в полдесть, толщиною в три пальца» (№ 6). Необычно и то, что указана толщина рукописи («в три пальца»), а не количество листов. Похоже, что таким образом передается впечатление человека, который видел эту книгу со стороны, но не имел возможности ее листать (как мы увидим далее, именно так дело и обстояло).

Описание черной книги и имя доктора Стефана указывают на известный эпизод из жизни боярина Артамона Матвеева (1625–1682), который после смерти царя Алексея Михайловича был арестован, обвинен в занятиях чернокнижием и сослан с семьей в Пустозерск. И.П. Сахаров пользовался книгой «История о невинном заточении боярина А.С. Матвеева», изданной дважды Н.И. Новиковым: в Петербурге в 1776 г. и в Москве в 1785 г. В книге собраны челобитные, написанные Артамоном Матвеевым царю, патриарху и другим знатным особам. В своих «Сказаниях» И.П. Сахаров привел близко к тексту первоисточника[43] фрагмент из челобитной Матвеева 1677 г.

---

[40] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800). М.: Изд. ГБЛ, 1962. Т. 1: А–И. С. 362, № 2343; 1800 г.

[41] Там же. С. 362, № 2344; 1783 г.

[42] [*Прохоров Л.*] *Волшебное зеркало*, открывающее секреты великаго Алберта, и других знаменитых египетских мудрецов и астрономов, с показанием кто под которою из планет и знаков небесных родился, в каком роде жизни какое будет иметь щастие; с приложением Арабскаго кабалистика, дающаго ответы и предсказывающаго судьбу каждаго человека. Иждивением С. Комисарова. М.: Тип. И. Зеленникова, 1794. 137 с.; Таинственный микроскоп, или *Зерцало* волшебных таинств. Волшебныя игры или Любопытное собрание редких, удивительных и забавных ручных искусств. С присовокуплением физических увеселений Мартына Задека, г. Пинетти, Галля, Робертсона, Бюфона Ноллета, Мушенброта, Винклера, Макера, Франклина, и многих других прославившихся в сем роде особ. СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1817. [2], XIII, [1], 195, [1] с.

[43] История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева; состоящая из челобитен, писанных им к царю и патриярху, также из писем к разным особам, с приобщением объявления о причинах его заточения и о возвращении из оного; изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. 2-е изд. / иждивением Типографической компании. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1785. С. 11.

царю Феодору Алексеевичу, в которой боярин жалуется на ложные обвинения:

> Царедворцы донесли на боярина Артамона Сергеевича Матвеева царю Феодору Алексеевичу донос, что *он с доктором Стефаном читает Черную книгу* и что Николай Спофарий обучает его и сына Чернокнижию. Доносчиками были карла Захарко и лекарь Берло. Об этом Матвеев писал в своей челобитной 1677 года к царю: «*Как будто я у себя в домишке, в палате, с Степаном доктором чли Черную книгу,* и в то де время, будто пришло к нам в палату нечистых духов множество, и говорили нам, мне, холопу твоему, и доктору Стефану, те нечистые духи вслух, что есть у вас в избе третий человек… *А та, де, Черная книга в полдесть, а толщиною в пальца три*; а учил, де, будто по той книге меня, халопа твоего, и сынишку моего, Андрюшку, Николай Спофари». Впоследствии открылось, что боярин Матвеев читал лечебник, принятый доносчиками за Черную книгу[44].

Артамон Матвеев смог вернуться в Москву только после смерти царя Федора Алексеевича. Доктор Стефан, который упоминается в челобитной, — придворный врач царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, крещеный еврей Стефан фон Гаден (известный также как Данило Жидовин). Добавим, что Матвеев и доктор Стефан были убиты в один и тот же день 15 мая 1682 г. во время стрелецкого бунта.

Г.Д. Книголюбов скорее всего черпал сведения о черной книге и докторе Стефане из сочинения И.П. Сахарова. Вряд ли он обращался к первоисточнику — «Истории о невинном заточении боярина А.С. Матвеева», хотя, конечно, нельзя этого исключать.

Источники сведений о перстне Соломона

Как мы помним, в произведении Г.Д. Книголюбова, помимо рукописных книг, сообщалось также о трех магических предметах (см. выше).

В первой записи объединены несколько мотивов: перстень Соломона с его печатью и надписью в виде магического палиндрома: «Sator, arepo tenet opera rotas»; в перстне заключен некий дух;

[44] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. С. 23–24.

с помощью перстня можно стать невидимым, отвратить от себя зло, получить власть над сатаной, стать хитрым и мудрым.

Вторая запись посвящена черной дощечке с какими-то красными и белыми буквами; с ее помощью можно стать невидимым и приобрести чудесные свойства, вызвать трех духов, которые исполнят любые желания.

В третьей записи приводятся 4 буквы, написанные на некоем восьмиугольном камне.

Начнем с первой записи. Согласно легендам, сказкам и апокрифам, известным у многих народов, в том числе и на Руси, Соломон мог заставить духов служить себе при помощи своего чудесного перстня. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» писал, что Соломон входил в общение с бесами и сочинял заклинания и волшебные формулы от разных болезней. Однажды некий Елеазар в присутствии Веспасиана и его войска исцелил одержимых злыми духами с помощью перстня «с включенным в нем корнем указанного Соломоном растения»[45].

В трактате «Magia Divina», опубликованном во Франкфурте и Лейпциге в 1745 г. и переведенном в России в начале XIX в., давались рекомендации по изготовлению магического кольца: «...когда вздевается оно на левой большой палец и палец сей с перстнем в руку зажимается, делает он особу сию совершенно невидимую и человек сей может идтить посреди врагов своих и избежать опасности или предпринятых намерений»[46].

Во второй записи говорится о действиях с черной дощечкой, которые приводят к сходным результатам; в обоих случаях человек может вызвать духов и дать им задания, стать невидимым, приобрести мудрость и хитрость. Описания магических действий и их результатов имеют параллели в сказках с мотивом волшебного перстня (кольца), например в сюжетах «Красавица-жена» (СУС 465А), «Волшебное кольцо» (СУС 560), «Лампа Аладдина» (СУС 561) и др., а также в других книжных и фольклорных произведениях, переводных и оригинальных. Приведем несколько примеров.

1) Мотив обретения невидимости с помощью кольца встречается в «Государстве» Платона (кн. 2, 59–60)[47]. В «Повести о Алеше По-

[45] *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. М.: АСТ; Ладомир, 2007. Т. 1. С. 436–437.

[46] Magia Divina. Божественная магия // Сборник сочинений о каббале и магии. 1805 г. Л. 335. (РГБ. Ф. 14. № 1646. 360 л.).

[47] *Платон*. Избранные диалоги / пер. с древнегреческого. М.: Эксмо, 2009. С. 603.

повиче» В. Левшина волшебный перстень делает заглавного героя невидимым, когда тот поворачивает перстень камнем книзу[48].

2) Мотив обретения власти над духом, заключенным в кольце, представлен в нескольких сказках «Тысячи и одной ночи», в том числе в хрестоматийной сказке про Аладдина и волшебный светильник. В сказке о Иване-купеческом сыне из сборника «Сказки русские» П. Тимофеева (1787) Иван «снял с своей руки перстень, любовался на него, в тот час увидел перед собою двух слуг <…> они отвечали ему, что они слуги того перстня, который у него»[49].

3) Слова с корнями *хитр-* и *мудр-* встречаются разных жанрах фольклора [1], например, в былинах из Сборника Кирши Данилова: «...*Хитрости* были Царя-града, А и *мудрости* Иерусáлима…»[50]; «…И завидела-де ево молода жена, Она *хитрая* была и *мудрая*…»[51].

Таким образом, описание двух магических предметов, хранящихся в Сухаревой башне, ориентировано на мотивы сказок и других фольклорных жанров. В отличие от описаний рукописных книг, представляющих собой переделку сахаровских текстов (№ 3–5, 7, 9), этот краткий перечень имеет только одну прямую параллель в «Сказаниях» И.П. Сахарова — так называемую Ротас-формулу.

Ротас-формула

Надпись на перстне, которая у Г.Д. Книголюбова передается латиницей, представляет собой магический палиндром, известный также в написании «греческим, древнееврейским, коптским, кириллическим письмом и скандинавскими рунами»[52].

Г.Д. Книголюбов мог заимствовать Ротас-формулу из «Сказаний» И.П. Сахарова, хотя к середине XIX в. она уже неоднократно публиковалась и в других российских изданиях[53], в том числе в рисованном лубке [3, с. 111, № 46; с. 192, № 46; с. 214, № 79].

---

[48] *Левшин В.* Русские сказки. СПб.: Тропа Троянова, 2008. Кн. 2. С. 92, 94.

[49] Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Новикова. Л.: Наука, 1971. С. 162.

[50] *Кирша Данилов*. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. С. 10.

[51] Там же. С. 186.

[52] *Райан В.Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 431.

[53] Onomatologia curiosa artificiosa et magica, или Словарь натурального волшебства, в котором много полезного и приятного из естественной истории, естественной науки и магии азбучным порядком предложено / пер. с немецкого [В.А. Левшина]. М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1795. Ч. 1. С. 13–14; *Малов А*. Письма к воинам. СПб.: Тип. Мед. деп. М-ва вн. дел, 1831. Ч. 1. С. 91–92; Описание русских и словенских рукописей Румянцовскаго музеума, составленное Александром Востоковым. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1842. С. 541, № 368; 552, № 375.

Сам И.П. Сахаров поместил Ротас-формулу среди «заклинательных песен», хотя на самом деле у него не было никаких оснований относить ее к песням. В первом издании первой части «Сказаний» статья о Ротас-формуле имеет следующий вид:

> 11. Заклинательная песнь над духами.
>
> Говорят, что заклинательные песни зашли в Русскую землю из Белоруссии, Польши, Остзейских губерний и Швеции. Основательных доказательств на это нет, а рассказам не верят. Без сомнения, можно положить, что это есть остаток древней Восточной жизни, переходившей все народы и здесь дожившей до наших времен. Пересказываем одну песню.
>
> С..... А..... Т..... О..... Р.
> А..... Р..... Е..... П..... О.
> Т..... Е..... Н..... Е..... Т.
> О..... П..... Е..... Р..... А.
> Р..... О..... Т..... А..... С.
>
> Что значит эта песня — до сих пор еще никем не было объяснено. Наши поселяне знают только ее слова, но не понимают ее значения. Говорят, чтобы узнать истинный смысл ее, должно переставить все слова по способу, известному одним заклинателям духов. Замечательно, что эта песня имеет такой склад в словах, что можно читать: сверху, снизу, с правой и левой сторон, и все будет одно и то же *.
>
> Заклинательная песня над духами вошла в Русскую Демонологию, и наши Ведьмы испытывают ее силу в обряде посвятительном. К удивлению нашего времени, есть еще люди, верующие в эти бредни и страшащиеся их действия[54].

К словам «и все будет одно и то же» Сахаров сделал примечание: «В Русской Демонологии она имеет другую форму. См. 5 ч. Сказаний Р.<усского> Н.<арода> В Румянцовском Музеуме есть сборник, где эта песня названа: Соломоновою печатию»[55].

Таким образом, при первой публикации Ротас-формулы И.П. Сахаров уже знал о существовании в Румянцевском музее рукописи, в которой есть изображение «Печати Соломона» с текстом Ротас-формулы, однако откладывал публикацию этого текста до появления 5-й части «Сказаний», посвященной русской демонологии. Впоследствии планы Сахарова изменились; по новому плану демо-

[54] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. С. 126–127.

[55] Там же. С. 127, примеч. *.

нология должна была войти уже не в 5-ю, а в 9-ю часть «Сказаний», которая так и не была опубликована.

При подготовке второго издания первой части «Сказаний» И.П. Сахаров оставил статью о Ротас-формуле в том же виде[56], однако сделал в конце этой части дополнение, в котором поместил текст, заимствованный из книги Антония Дюбура (на французском языке), и краткое описание «печати премудрого царя Соломона» из рукописи Румянцевского музея[57]. В составе цитаты из текста Антония Дюбура И.П. Сахаров привел и перевод формулы на французский язык: «Le laboureur Arepo conduit avec soin la charrue» (то есть «Сеятель Арепо направляет старательно колеса» или «Сеятель Арепо содержит колеса со старанием»)[58]. Рукопись Румянцевского музея в настоящее время хранится в РГБ[59]; лист 65, на котором были помещены магический квадрат, подписи и акростих, в рукописи отсутствует (вырван кем-то из читателей); пропажа обнаружена только в 1971 г. Представление о том, как выглядел магический квадрат в этой рукописи, можно получить, обратившись к описанию рукописей Румянцевского музеума[60].

В «третьем» издании «Сказаний» тексты о чернокнижии вошли во вторую книгу первого тома; на этот раз И.П. Сахаров перенес тексты Антония Дюбура и «Печати Соломона» из дополнения в саму статью о «Заклинательной песне над духами»[61]. В таком виде эта статья и воспроизводится в различных переизданиях «Сказаний».

Публикацию Ротас-формулы И.П. Сахаров сопровождает комментарием, который отчасти основан на книжных источниках, а отчасти, по-видимому, сочинен им самим. Например, сообщение о том, что ведьмы испытывают силу этой заклинательной песни «в обряде посвятительном», явно выдумано публикатором. Впрочем, он тут же сам дезавуировал эти сведения, назвав их «бреднями». Действительно, ни в каких материалах о посвящении в ведьмы магический квадрат не фигурирует [4, с. 59].

---

[56] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. 2-е изд. СПб.: Гуттенбергова тип., 1837. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. С. 123–124.

[57] Там же. С. 210.

[58] *Dubourg A.* Dictionnaire des ménages, répertoire de toutes les connaissances usuelles... par Antony Dubourg. Paris: Bureau Central des Dictionnaires, 1836. T. 2. P. 13.

[59] РГБ. Ф. 256. № 368; XVII в.

[60] Описание русских и словенских рукописей Румянцовскаго музеума, составленное Александром Востоковым… С. 541–542.

[61] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 2. С. 45.

В то же время сведения о том, что Ротас-формулу, записанную в виде магического квадрата, можно читать в разных направлениях, вполне соответствуют реальности. Аналогичные сведения сообщались, например, в переводном «Словаре натурального волшебства», которым мог пользоваться И.П. Сахаров:

> Самый обыкновенный амулет содержит: Sator arepo tenet opera rotas, Сатор арепо тенет опера ротас. Написуется это в квадратной фигуре, в которой слова сии со всех боков квадрата поперег, сверьху и вниз одинакое в чтении произношение имеют, и кажутся состоящими из слов ничего не значущих: чрез анаграмму же <…> выходят понятные латинские слова, формальное призывание сатаны заключающие[62].

Далее в «Словаре натурального волшебства» приведены 10 латинских изречений, обращенных к Сатане и составленных из тех же букв, которые входят в Ротас-формулу[63].

Аббревиатура Н.П.З.М.

Расшифровку этой аббревиатуры любезно предложил нам А.Л. Рычков, к которому мы обратились за консультацией:

> НПЗМ транскрибировано из NPZM. Можно обратить внимание на тот факт, что эти буквы обозначают основания навигационных исчислений «методом равных высот». Восьмиконечная Роза ветров иначе именуется в морской навигации как компасная роза, придумана в Средние века для помощи мореходам и необходима для определения азимута через меридиан. А азы азимутальных наблюдений морской навигации определяют меридиан по точкам NPZM, имеющим одинаковое название во всех основных европейских языках и входящим в формулу, которую возьмем, для примера, из доступных руководств начала XIX в.: «NPZM le méridien, N le point nord de l’horizon, P le pôle, Z le zénith...» [«NPZM — это меридиан, N — северная точка горизонта, P — полюс, Z — зенит»].[64]. Поскольку сокращенные здесь термины Nord, Pol(e), Zenit — Meridian имеют общее происхождение в основных европейских языках, то

[62] Onomatologia curiosa artificiosa et magica… Ч. 1. С. 13.

[63] Там же. С. 14.

[64] *Bonne Ch*. Des opérations géodésiques, In: Mémorial Topographique et Militaire, rédigé au Dépôt général de la guerre. III-e trimestre de l’an X, № 1: Topographie. Paris: Imp. de la république, 1803. P. 133.

и сокращение NPZM остается неизменным. Это необходимое для астрономической навигации «кораблевождения» описание определения местонахождения судна по направлениям и линии меридиана с чертежом по формуле NPZM было опубликовано в числе стандартных геодезических работ в маститом журнале французского Военно-топографического депо в 1803 г., но, разумеется, применялось и ранее. Таким образом, можно представить, что в целях изучения навигационного искусства на Сухаревой башне или еще где-то действительно мог существовать макет компасной розы с чертежом на ней исчисления азимута и меридианов по небесным светилам, и с буквами NPZM вместе, или на разных сторонах чертежа.

Одновременно, октагональная «роза» — известный тамплиерский символ, заимствованный масонами в свой символизм в XVII–XVIII вв., их октагональные орденские знаки, храмовые элементы и сами строения хорошо известны, хотя в современном масонском праксисе практически не сохранились. Поэтому октагональный предмет для навигационных штудий несомненно мог нести двойной смысл, что и подтверждает это свидетельство у Книголюбова[65].

Черная книга, Сухарева башня и Яков Брюс

Имя знаменитого сподвижника Петра Великого Якова Вилимовича Брюса (1669–1735) в «списке Книголюбова» не упоминается, однако оно неизбежно ассоциируется с Сухаревой башней и Черной книгой. Сама направленность рукописных книг из этого перечня на сферы магии и гаданий полностью соответствовала образам чернокнижника Брюса, Черной книги и Сухаревой башни, какими они рисовались в городском фольклоре и беллетристике XIX в.

Пять рукописей, включенных в перечень Книголюбова, имеют отношение к черной магии (№ 1, 3–6). В их описаниях фигурируют Черная книга (№ 3, 4, 6), Черная магия (№ 5), «магия черная и белая» (№ 1), «чернокнижие» (№ 1, 3), «чернокнижник» (№ 4). Если в одном описании словосочетание *Черная книга* является частью описания рукописи, включающей 19 частей (№ 3), то в другой под *Черной книгой* подразумевается кодекс (№ 6), а в третьей *Черная книга* выступает как собирательное название целого ряда отреченных книг (№ 4). В мифологическом плане и саму рукопись Г.Д. Книголюбова с включенным в нее перечнем книг и магических предметов тоже можно считать одним из воплощений Черной книги.

[65] Личное письмо от А.Л. Рычкова. 20.05.2025.

Черная книга (№ 4) и книга «Черная магия» (№ 5), согласно «списку Книголюбова», имеют мифическое происхождение: первая была записана до Ноева потопа (№ 4), а вторая существовала «от начала мира» (№ 5). Даже если бы какой-нибудь отважный счастливец сумел найти эти книги в стенах Сухаревой башни, он не смог бы их прочитать, потому что первая была написана «непонятными письменами волшебными» (№ 4), а вторая — «волшебными знаками» (№ 5). Черная книга обладает такой силой, что ей «беси покоряются и служат» (№ 4) даже в том случае, если человек не может ее прочитать.

Легенды о чернокнижнике Брюсе и Черной книге, спрятанной в Сухаревой башне, широко известны в Москве до сих пор и воплотились не только в городском фольклоре, но и в художественной литературе (А.Ф. Вельтман «Аленушка» (1836); И.И. Лажечников «Колдун на Сухаревой башне» (опубл. в 1840); В.Ф. Одоевский «Саламандра» (1841); Н.И. Хмельницкий «Русский Фауст, или Брюсов кабинет» (опубл. 1849); Д.С. Мережковский «Петр и Алексей» (1905); А.В. Чаянов «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, записанные по семейным преданиям московским ботаником Х» (1924); Геннадий Русский (Г.П. Гунькин) «Черная книга: Московская легенда» (1976); Вл. Орлов «Альтист Данилов» (1980) и др.).

Наиболее раннее датированное свидетельство о том, что Я.В. Брюса называли чернокнижником, встречается в брошюре К.Ф. Калайдовича (1811):

> При сем упомянуть надобно, что славной в свое время Математик *Брюс* слывет от простого народа чернокнижником, вероятно по *столетнему Календарю* своему, и что про высокую Сухареву башню, где при Петре I была Математическая школа, рассказывают много нелепостей[66].

К сожалению, Калайдович не написал о том, какие именно «нелепости» рассказывали в его время о Сухаревой башне. В 1822 г. свое объяснение городских легенд о Сухаревой башне предложил П.П. Свиньин:

> Вероятно, что собрание математических книг и особенно выкладки по логарифмам — удивительным, непостижимым для глаз

[66] *Калайдович К.Ф.* Известие о древностях славяно-русских и об Игнатие Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М.: В Унив. тип., 1811. С. 16–17, примеч. 10. Курсив К.Ф. Калайдовича.

невежд, дали повод к распространению слухов о воцарении *Кабалистики* в недрах Сухаревой башни и что сам глубокомысленной Брюс удалялся сюда для *таинственных своих наблюдений* и составления бессмертных *элексиров*…[67].

М.А. Дмитриев в стихотворении 1845 г. противопоставлял подлинную историю Сухаревой башни и легенду о чернокнижнике:

Старый народ, как младенец, любит чудесные сказки!
Тут, говорят старики, жил колдун чернокнижник; доныне
Целы все чёрные книжки его; но закладены в стену!
Добрые люди, не верьте! — Тут прадеды ваши учились,
Как по морскому пути громоносные править громады!
(Дмитриев М. «Сухарева башня», 1845)

В общем, Г.Д. Книголюбов мог познакомиться с легендами о чернокнижнике, Черной книге и Сухаревой башне и при личном общении с москвичами, и из журнальных публикаций. Тем не менее мы полагаем, что одним из источников сведений о Черной книге для Книголюбова послужили все те же «Сказания» И.П. Сахарова.

В первом издании первой части «Сказаний» текст начинался с раздела «Предания и сказания о русском чернокнижии»; в первой главке этого раздела читатель знакомился с рассказами о чернокнижниках и Черной книге, заложенной в стены Сухаревой башни.

Неопытный читатель мог бы подумать, что Сахаров пересказывает легенды о Черной книге, услышанные им в Москве, где он проживал во время учебы в университете и работы над первой частью «Сказаний». Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что сведения, сообщаемые И.П. Сахаровым, по большей части являются пересказом книги М.Д. Чулкова «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч.» (1786). В свойственной ему манере И.П. Сахаров не просто заимствует сведения у М.Д. Чулкова, но и привносит в свою работу творческое начало: заменяет одни слова другими, переставляет местами фразы, украшает текст, привнося в него мотивы сказок и заговоров. Технику работы И.П. Сахарова с текстом М.Д. Чулкова можно наблюдать при сравнении фрагментов «Сказаний» и «Абевега русских суеверий».

[67] *Свиньин П.П.* Сухарева башня на Сретенке // Отечественные записки. СПб.: В тип. В. Плавильщикова. 1822. Ч. 10. № 24. С. 15–16. Курсив П.П. Свиньина.

Ворожеями называют тех, кои посредством некоторых трав, кореньев и наговоров на вино, масло и воду вылечивают разные болезни или оные насылают. Заподлинно утверждают, что они знаются с дьяволами. С ними заключают контракт и во всем от них помощи, что касается до добра и худа, получают; *когда же умирают, то волшебную свою книжку отказывают кому-нибудь из родни или из друзей своих; а естли не откажут, то по смерти своей ходят в полночь в савоне в свой дом и требуют той книжки; от которого посещения, наводящего ужас всем домашним, инако избавиться не можно, как выкопав такого мертвеца, положить паки в гроб ничком, подрезать ему пяты и вколотить между плечами осиновой кол, прочитав заклинательные молитвы, зарыть паки землею.* Также когда сии колдуны обучают своих учеников такому чародейству, берут с собою образ, кладут его на землю ниц ликом, велят на оной стать ученику и от него отрицатися[68].

Говоря о Чернокнижниках, наши поселяне уверяют, что они научаются лихому делу от чертей и всю свою жизнь состоят в их зависимости. Заключая с духом условие на жизнь и душу, они получают от них Черную книгу, исписанную заговорами, чарами, обаяниями. *Всякой Чернокнижник, умирая, обязан эту книгу передать или родственникам, или друзьям. Во многих селениях есть поверия, неоспориваемыя ни веками, ни людьми, поверия, что умершие Чернокнижники приходят в полночь, одетые в белые саваны, в дома своих родственников. Это бывает только с теми, которые забывают передавать при смерти Черную книгу. Старики рассказывают еще, что эти полночные посетители шарят по всем местам, садятся за стол и съедают все, им предлагаемое. Другие же, напротив, уверяют, что они, приходят к дому, стучат в двери и окна, истребляют всякой домашний скот и при пении последних петухов исчезают. Родственники, выведенные из терпения, выкапывают Чернокнижников, кладут их во гроб ничком, подрезывают пятки, засыпают землею, где в это время Дока шепчет заговоры, а родственники вбивают осиновой кол между плечами*[69].

[68] *Чулков М.Д.* Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч., сочиненная М.Ч. М.: Тип. Ф. Гиппиуса, 1786. С. 72–73.

[69] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. С. 5–6. Разрядка И.П. Сахарова.

М.Д. Чулков рассказывает, что чернокнижники дают чертям работу, которую те не в силах выполнить; если же Черная книга попадет в руки неопытному человеку, и тот начнет ее читать, то к нему тоже явятся черти, однако он не сможет придумать им нескончаемой работы и тогда черти его задушат и утащат в ад. Этот сюжет И.П. Сахаров рассказывает также довольно близко к тексту М.Д. Чулкова.

> Черные книги, так называются волшебные книги, которые содержат в себе дьявольские навождения; они *написаны волшебными знаками*, а большею частию нолями или кружками; находятся всегда у волшебников; когда ж попадутся они нечаянно не колдуну, то как скоро откроет он их, то *приступят множество чертей и начнут просить работы. Когда не может он им дать работы или и даст, да легкую, которую они тотчас сделают, то утащат его во ад; а чернокнижники, зная по их науке, каких черти работ окончать не в состоянии, такие им и дают; например, приказывают им вить канаты из песку, воды или из солнечных лучей и таскать оными китов из моря или другие какие тяжести, то черти более к ним и не пристают, понеже и за то наказаны бывают, что сделать не умели*[70].
>
> Кто найдет такую черную книгу и станет читать, то *немедленно предстанут множество диаволов и станут просить работы. Буде работы дать им он не прищет, то его убивают*[71].

> Старики рассказывают, что когда-то один удалый молодец вздумал почитать оставшуюся книгу после Чародея. *Во время чтения явились к нему Черти с требованием работы. Сначала он им предлагал работы легкие, потом трудные; но Черти все являлись к нему с требованием. Истомленный выдумками для отыскания работ, он не находил более чем бы их занять. Неотвязчивые черти задушили удалого молодца.* С тех пор, говорят, никто не смеет приближаться к Черной книге. По уверению народа, одни только Колдуны знают, чем занимать чертей. *Они посылают их: вить веревки из воды и песку, перегонять тучи из одной земли в другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить трех слонов, поддерживающих землю*[72].

---

[70] *Чулков М.Д.* Абевега русских суеверий… С. 314–315.

[71] Там же. С. 73.

[72] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. С. 6–7. Разрядка И.П. Сахарова.

Таким образом, И.П. Сахаров объединил легендарные мотивы о чернокнижниках и Черной книге, заимствованные из книги М.Д. Чулкова, со списком отреченных книг, приведенном в «Стоглаве», и сведениями о Черной книге из материалов судебного дела против Артамона Матвеева, прибавив к ним заговорные мотивы о камне Алатыре, лежащем на дне моря, и сказочные мотивы о ведьме, медном городе и добывании волшебных предметов со дна моря. Изо всего этого И.П. Сахаров соорудил увлекательную легендарную историю, которая была призвана увлечь читателя в мир чернокнижия и ворожбы.

«Список Книголюбова» и описание книг из библиотеки Я.В. Брюса

В 1859 г. в «Летописях русской литературы и древности» появилась публикация И.Е. Забелина под названием «Библиотека и кабинет графа Я.В. Брюса»[73]. В небольшом предисловии И.Е. Забелин, в частности, писал о последних девяти годах жизни Я.В. Брюса, которые тот провел в своем подмосковном имении «Глинки», посещая Москву для занятий в обсерватории в Сухаревой башне:

> К сожалению, мы совсем не имеем сведений об этих последних годах его (Брюса. — *А.Т.*) тихой ученой жизни, но едва ли не в это время он утвердил за собою в народе *имя величайшего чернокнижника, предсказателя и вообще колдуна, делавшего чудеса*. До сих пор еще ходят эти предания и в самой Москве, а особенно в околотке его подмосковной.
>
> Памятником его любви к наукам осталась его библиотека и кабинет разных «куриозных вещей», который в то время почитался единственным в России. При смерти кабинет и библиотеку он завещал в кунсткамеру академии наук, по какому случаю составлена была предлагаемая здесь ведомость или опись всему, в них хранившемуся[74].

После смерти Брюса (19 апреля 1735 г.) его собрание книг и вещей было приобретено Академией наук. Составлением описи с июня 1735 г. занимались камер-коллегии советник Б.В. Аладьин и лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручик Г.Л. Гу-

[73] *Забелин И.Е.* Библиотека и кабинет графа Я.В. Брюса // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. М.: В тип. Грачева и комп., 1859. Т. 1. Отд. III. С. 28–62.

[74] Там же. С. 29.

рьев[75]. Ни тот ни другой не обладали достаточной квалификацией для такой работы. Библиотека Брюса включала книги на 14 языках, однако в описании все названия приводились на русском, причем часто не в буквальном переводе, а в пересказе или транслитерации, сокращенно, без указания автора, места и года издания. После 31 июля 1735 г. в работу включились нотариус Христофор Тидеман и писарь Иван Пухорт, которые приехали для этого из Петербурга и были лучше подготовлены к такому виду деятельности. В декабре 1735 г. книги Я.В. Брюса и его коллекция ценных вещей были отправлены в Петербургскую Академию наук. Значительная часть библиотеки Я.В. Брюса сохранилась до нашего времени в БАН и представлена в каталоге, составленном Е.А. Савельевой[76].

Понятно, что ни с самой библиотекой Я.В. Брюса, ни с ее описаниями, опубликованными позднее, Г.Д. Книголюбов не мог быть знаком, однако он вполне мог прочитать публикацию И.Е. Забелина. При этом следует иметь в виду, что И.Е. Забелин напечатал только часть описи, составленной в 1735 г. В более полном виде этот список увидел свет в 1889 г. в 5-м томе «Материалов для истории Императорской Академии наук»[77]. Однако в контексте данной статьи для нас представляет интерес только публикация 1859 г.

В списке И.Е. Забелина две части: в первой приведены описания 735 книг, во второй — 100 инструментов и других ценных вещей. Перечень Г.Д. Книголюбова гораздо меньше и также включает две части: книги и магические предметы. Ни среди книг, ни среди инструментов, учтенных в списке И.Е. Забелина, нет буквальных совпадений с перечнем Г.Д. Книголюбова, однако имеются многочисленные переклички на уровне отдельных слов и реалий.

Например, описание первой книги из перечня Г.Д. Книголюбова начинается словами: «*Книжица хитрая таблицами*, тайными буквами выписанная из чернокнижия…». В библиотеке Я.В. Брюса было много книг по математике, в частности, имелись таблицы логарифмов. Среди книг, представленных в публикации И.Е. Забелина, имеется книга, описанная сокращенно и без выходных данных следующим образом: «*Табуля* симус, танигенс, цыфирная»[78]. Имеется в виду книга: «*Таблицы* логарифмов и синусов, тангенсов, секансов, к научению мудролюбивых тщателей напечатася, повелением бла-

[75] Там же. С. 31.

[76] *Савельева Е.А.* Библиотека Я.В. Брюса: Каталог. Л.: БАН, 1989. 409 с.

[77] Материалы для истории Императорской академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1889. Т. 5: 1742–1743. С. 152–245.

[78] *Забелин И.Е.* Библиотека и кабинет графа Я.В. Брюса... С. 42, № 309.

гостивейшаго великого государя нашего царя и Малыя, и Белыя России самодержца, При благороднейшем великом государе нашем царевиче и великом князе Алексии Петровиче, в царствующем великом граде Москве, в лето от сотворения мира 7211, от рождества же по плоти бога слова 1703-го индикта II. Месяца майа» (М., 1703)[79]. Такие таблицы в конце XVIII – начале XIX в., по сообщениям А.И. Мусина-Пушкина и К.Ф. Калайдовича, были известны под названием «черная книга, которая так называлась потому, что редкой оную разбирать мог; ибо составлена почти вся из знаков, и содержит многие Арифметические правила и выкладки. — Чернокнижие или чернокнижество различалось от гадания тем, что в нем предполагалось сообщение с духами, коих будто призывали чтением книг, писанных цифрами»[80].

Слова с корнем *хитр-* имеются и в описании первой книги из перечня Г.Д. Книголюбова, и в описаниях магических предметов: владельцу Соломоновой печати и чудесной дощечки обещано: «…*хитр*, мудр, памятлив и все знать будешь…»; «…будешь память, хитрость, мудрость, разум иметь». В списке библиотеки Я.В. Брюса словам *хитрость, хитрый, хитр* соответствует существительное *хитрость* в названиях ряда книг, например: «Княжеских сил *хитрость*, переведена с немецкого на росийской язык»[81]; «Математицкой лексикон изъяснителной терминов *хитростей* и употребляемых штилей в арихметике геометрии острономии астрологии и в протчих математических *хитростях*»[82].

Название второй книги из перечня Г.Д. Книголюбова начинается со слова «зерцало», что перекликается с описаниями зеркал, хранившихся в коллекции Я.В. Брюса, например: «*Зеркало* кругловатое неболшее в котором кажет болшее лицо»[83]; «Сундук сосновой в нем: Девять *зеркол* круглых металных китайских болших и малых. Одно такое ж *зеркало* малое четвероугольное»[84].

В коллекции Я.В. Брюса есть и параллели к описанию черной дощечки с надписью красными и белыми буквами, например: «Семь дощечек деревянных сцепных, на которых вырезаны слова знатно

[79] *Савельева Е.А.* Библиотека Я.В. Брюса… С. 18, № 26.

[80] *Мусин-Пушкин А.И.* Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения. СПб.: В тип. Корпуса чужестранных единоверцов, 1794. С. 52, примеч. 33; *Калайдович К.Ф.* Известие о древностях славяно-русских ... С. 16, примеч. 10.

[81] *Забелин И.Е.* Библиотека и кабинет графа Я.В. Брюса… С. 46, № 452.

[82] Там же. С. 55, № 716.

[83] Там же. С. 59, № 77.

[84] Там же. С. 60–61, № 89.

колендарь. Другой такой же в четырех брусках с словами. <…> На двух дощечках записная книга колмыцкая»[85].

Вполне вероятно, что Г.Д. Книголюбов познакомился со списком И.Е. Забелина, опубликованным в 1859 г., и, вдохновившись им, составил свой собственный перечень, который, конечно, значительно отличался и по объему, и по содержанию, и включал не научную литературу, а рукописные книги магического и гадательного характера. Если эта гипотеза подтвердится, то «список Книголюбова» (во всяком случае в той его версии, которая была опубликована И.М. Снегиревым) следует датировать не 1842 г. (как предполагал М.Н. Сперанский), а промежутком между 1859 и 1862 гг.

«Нептуново общество»

Сообщения И.М. Снегирева о существовании «Нептунова общества» и его собраниях в Сухаревой башне не подтверждаются историческими документами, да и перечень лиц, якобы принимавших участие в заседаниях этого общества, вызывает сомнения [6, с. 160–161]. Оставим историкам обсуждать вопросы о том, был ли Петр I принят в масоны в Англии (скорее всего не был) и существовало ли «Нептуново общество», а если существовало, то что оно представляло собой на самом деле.

Хотелось бы привлечь внимание к возможному источнику информации И.М. Снегирева, который сам он по какой-то причине не счел нужным раскрыть. Между тем из записи в дневнике И.М. Снегирева от 21 декабря 1835 г. явствует, что эти сведения он мог получить от И.П. Сахарова при личном общении:

> С И.П. Сахаровым я побеседовал о Русских древностях в Москве, о смешении разных стилей иконописи, Греческом, Новгородском, Киевском, Суздальском в иконах Успен.<ского> собора. *Он почитает Сухареву башню, окруженную чудесными сказаниями, местом собрания Масон.<ского> Общества, какое учреждено Петром I по приезде из Англии, где он посвящен был в члены. Сведения можно почерпать из фамильных архивов Шереметева и других. Есть записки Брюса.* Все почти мятежи в России производили раскольники; переводы еретических книг распространяются в народе неизвестными лицами. Я убеждал

[85] Там же. С. 61, № 89.

> И.П. скорее издать его Русскую демонологию. От него я проехал в Усп.<енский> собор...[86]

В записи И.М. Снегирева нет самого названия «Нептунова общества», однако понятно, что речь идет именно о нем, поскольку оно собирается в Сухаревой башне и связано с масонством. Как установили еще во второй половине XIX в. А.П. Бессонов и А.Н. Пыпин, И.П. Сахаров был фальсификатором и сам пересочинял и досочинял фольклорные тексты, прежде чем их опубликовать. В то же время И.П. Сахаров был подлинным энтузиастом, который пытался расшевелить других людей и привлечь их к реализации своих проектов. При знакомстве с приведенной дневниковой записью создается впечатление, что И.П. Сахаров не столько сообщает И.М. Снегиреву известные ему факты, сколько формулирует понравившуюся ему гипотезу и намечает круг источников, в которых можно найти ее подтверждение. Сам И.П. Сахаров, несомненно, проявлял интерес к эпохе Петра I и в 1841 г. издал в своей типографии в Петербурге обширное собрание записок современников о Петре I[87]. Каких-то сведений о «Нептуновом обществе» в этих записках, впрочем, не имеется. По-видимому, И.М. Снегирев некритически воспринял сообщение И.П. Сахарова и включил его в свою брошюру, хотя у И.М. Снегирева, конечно, могли быть и какие-то другие источники.

Некоторые выводы

Наше исследование показало, что пять библиографических описаний из девяти, включенных в перечень Г.Д. Книголюбова, скорее всего составлены им самим в результате своеобразного монтажа текстов, заимствованных из «Сказаний» И.П. Сахарова, и сведений, имитирующих трафаретные библиографические описания (тип почерка, количество частей, количество листов) (№ 3, 4, 5, 7, 9). Вероятно, именно по «Сказаниям» И.П. Сахарова Г.Д. Книголюбов цитировал список отреченных книг из «Стоглава» (№ 4) и рассказ про черную книгу из челобитной Артамона Матвеева (№ 6).

И.М. Снегирев сетовал на то, что Г.Д. Книголюбов не указал источника своих сведений о книгах, «заложенных» в Сухаревой башне, однако и сам он не сообщил о том, откуда ему известно о «Нептуновом обществе». Обращение к дневниковым записям

[86] Дневник Ивана Михайловича Снегирева / с предисл. А.А. Титова. М.: Унив. тип., 1905. Т. 1–2: 1822–1852. С. 211.

[87] Записки русских людей. События времен Петра Великого. Записки Матвеева, Крекшина, Желябужского и Медведева. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1841. 512 с. разд. паг.

И.М. Снегирева позволило высказать предположение, что он мог узнать о «Нептуновом обществе» из устного сообщения И.П. Сахарова.

Оказалось, что и И.П. Сахаров, и И.М. Снегирев, и Г.Д. Книголюбов выступали как инициаторы распространения своеобразных коллективных мифов. При этом и большинство описаний воображаемых книг из перечня Г.Д. Книголюбова, и сведения о «Нептуновом обществе», чернокнижниках и Черной книге прямо или опосредованно восходят к И.П. Сахарову, что лишний раз подтверждает его особую роль в складывании городской мифологии в России эпохи романтизма. И.П. Сахаров был одним из первых, кто начал планомерно работать со стихией слухов и городских легенд, однако он не довольствовался ролью собирателя и публикатора, но предпочитал роль выдумщика и мифотворца.

И.П. Сахаров считал, что русское чернокнижие представляет собой часть мирового чернокнижия, а русские колдуньи владеют магическими приемами фессалийских волшебниц. Вот одно из характерных для И.П. Сахарова рассуждений:

> Пифониссы — фессалийские волшебницы, образуя из себя особенную касту в Фессалии, завораживали угрызение скорпионов, производили бурю, привлекали луну на землю, останавливали солнце, оживляли умерших и низводили живых во гроб. Всему этому верили во всей Греции.
>
> Русское кудесничество и чародейство составилось из преданий Фессалийских волшебниц. Наши сельские колдуньи представляют из себя живой сколок с этих волшебниц[88].

Г.Д. Книголюбов вряд ли предавался таким глубоким размышлениям, однако поскольку он брал свои материалы у И.П. Сахарова, его список также соединяет в себе и магические знания первых людей, и перстень Соломона, и заговорные гимны Орфея, и предсказания Сивилл, и кудесничество русских знахарей.

Если у И.П. Сахарова идея о непосредственной преемственности между чернокнижием в античной Греции и в России XIX в. подается в паранаучном контексте, то в «списке Книголюбова» она встроена в контекст рыночной торговли, для которой самые невероятные идеи хороши не своим правдоподобием, а некоторой сенсационностью и способностью привлечь внимание доверчивого покупателя.

[88] Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. Ч. 1: Сказания русского народа о чернокнижии. С. 32. Разрядка И.П. Сахарова.

И заглавие рукописи Г.Д. Книголюбова, и сами описания книг и магических предметов включают ряд преувеличений и исторических анахронизмов, что характерно в целом для низовой гадательной литературы.

Тот факт, что библиографические описания, включенные в перечень Г.Д. Книголюбова, явно указывают на вымышленный характер этих рукописных книг, вряд ли объясняется только невысоким уровнем грамотности автора. Скорее можно говорить о специфической прагматике данного перечня и его ориентации на определенный круг потенциальных покупателей и читателей.

Самых разных покупателей могло привлечь не правдоподобие библиографических описаний, а именно их фантастический характер. В этом отношении даже странный набор чисел 1842–2842 или 1042–2842 уже не кажется бессмысленным, если рассматривать его не как фиксацию каких-то реальных дат или номеров библиографических описаний, а как опыт нумерологии, допускающей различную интерпретацию и призванной заинтриговать потенциальных читателей.

У «списка Книголюбова» имеется и другое — мифологическое — измерение. Перечисленные в нем книги только отчасти предназначены для чтения, а некоторые вообще написаны волшебными знаками, так что даже прочитать их никому не удастся. Тем не менее они обладают какой-то мистической силой, вмещают тайные знания и служат для совершения гаданий и магических ритуалов. Спрятанные в Сухаревой башне книги можно сравнить с кладом, который «связан страшным проклятием» и при этом сулит немыслимые выгоды человеку, который отважится на его поиски.

С другой стороны, «список Книголюбова» можно рассматривать как нехитрый коммерческий проект, рассчитанный на легковерных посетителей Сухаревского рынка, привлекаемых зрелищем великолепной Сухаревой башни и наслышанных про спрятанные в ней черные книги и драгоценный перстень царя Соломона. Можно предположить, что такие книжки Г.Д. Книголюбов изготавливал на продажу, что этой деятельностью он занимался на протяжении длительного времени и таких книжек было немало.

Рукописи Г.Д. Книголюбова приобретали и библиофилы — любители книжных раритетов. Как мы знаем, какой-то экземпляр рукописной книжки Г.Д. Книголюбова хранился в библиотеке князя М.А. Оболенского, а другой (или тот же) экземпляр побывал в руках И.М. Снегирева. Все это свидетельствует о том, что и для профес-

сиональных собирателей и исследователей старинных рукописей сочинения Г.Д. Книголюбова представляли определенный интерес.

Перечень Г.Д. Книголюбова, частично составленный на основе текстов И.П. Сахарова и опубликованный И.М. Снегиревым, можно рассматривать и как своеобразную мистификацию, призванную будоражить воображение потенциальных искателей магических рукописей, спрятанных до времени, однако способных принести сказочные богатства. Такую мистификацию нетрудно создать, однако почти так же невозможно опровергнуть, как вернуть выпущенного джина обратно в бутылку. Впрочем, у специалиста остается возможность выяснить историю мистификации, мотивации мистификаторов и источники, которые они использовали.

Несмотря на фантастический характер «списка Книголюбова» и вымышленный характер рукописей, которые в нем представлены, этот список охотно цитируют современные авторы краеведческих книг и публикаторы городских легенд о Сухаревой башне. Основная задача популяризаторов, к которым относятся некоторые экскурсоводы и авторы популярных книг о Москве, заключается в том, чтобы сообщать занимательные сведения, будить воображение и побуждать к углублению знакомства с родным городом. Вопрос о достоверности исходных исторических данных при этом, к сожалению, нередко отступает на второй план, зато актуализируются талантливые фантазии авторов ранних краеведческих описаний. Можно с большой долей уверенности предсказать, что и наша статья послужит не столько критике «списка Книголюбова», сколько его популяризации.

Проанализированные в статье перечни книг и чудесных предметов — достойный вклад Г.Д. Книголюбова в формирование московского фольклора, группирующегося вокруг снесенной в 1934 г. Сухаревой башни и деятельности «чернокнижника» Брюса. Сама личность Г.Д. Книголюбова, грамотного крестьянина, «известного списывателя и торговца рукописями в Москве» (М.Н. Сперанский), несомненно, заслуживает дальнейшего изучения.

Литература

1. *Агапкина Т.А. Благоверная царица хитра была мудра:* об одной синонимической паре в русском фольклоре // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 2. С. 336–389. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-336-389

2. *Желтова Е.В.* Античная традиция о персидских магах. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 144 с.

3. *Иткина Е.И.* Русский рисованный лубок конца XVIII – начала XX века: Альбом / Из собрания Государственного Исторического музея, Москва. М.: Русская книга, 1992. 254 с., ил.

4. *Коровашко А.В.* Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. М.: Изд-во Кулагиной; INTRADA, 2009. 364 с.

5. *Муравьёв В.Б.* Старая Москва в легендах и преданиях. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. 606 с.

6. *Филимон А.Н.* Чародей Петра Великого. М.: Вече, 2011. 350, [1] с.

7. *Филимон А.Н.* Яков Брюс. М.: Молодая гвардия, 2013. 379 с.

8. *Шабуров Н.В.* Герметизм // Православная энциклопедия. М.: Православная Энциклопедия, 2011. Т. 11. С. 393–400.

9. *Ямвлих.* О египетских мистериях / пер. с древнегреч., коммент. и предисл. И.Ю. Мельниковой. М.: Алетейя, 2004. 208 с.

Research Article

The Story of One Literary Mystification: Mythical Books and Magical Objects Hidden in the Sukharev Tower

© 2025. Andrey L. Toporkov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract: The authors of books and articles devoted to Moscow legends cite a curious document — a list of handwritten books and magical objects that were allegedly "laid" in the Sukharev Tower. This list was first published in 1862 by Ivan Snegirev with reference to a manuscript by some Grigory Knigolyubov, which was kept in the collection of Prince Mikhail Obolensky. The article summarizes information about this lost manuscript, asserts that the handwritten books included in the list are fictitious (imaginary), and establishes the sources that Grigory Knigolyubov used to compile his list. The legends about the sorcerer Yakov Bruce and the Black Book hidden in the Sukharev Tower were widely known in Moscow in the 19th century and were not only reflected in urban folklore but also embodied in fiction. Grigory Knigolyubov could have become acquainted with these legends both through personal communication with Muscovites and from magazine publications. At the same time, the article substantiates the hypothesis that six out of nine descriptions of handwritten books go back to the information provided in Ivan Sakharov's book *Tales of the Russian People about the Family Life of Their Ancestors* (1836). The research asserts that Grigory Knigolyubov gave Ivan Sakharov's texts the form of bibliographic descriptions, adding his own data on the volume of books, type of handwriting, etc. The article concludes that the list of Grigory Knigolyubov, published by Ivan Snegirev, can be considered a kind of literary hoax.

Keywords: Grigory Knigolyubov, Ivan Sakharov, Ivan Snegirev, handwritten books, magical objects, black magic book, Sukharev Tower, Yakov Bruce.

Information about the author: Andrey L. Toporkov, DSc in Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of Research at the Section of Folklore, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3106-3819

E-mail: atoporkov@mail.ru

For citation: Toporkov, A.L. "The Story of One Literary Mystification: Mythical Books and Magical Objects Hidden in the Sukharev Tower." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 289–329. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-289-329

References

1. Agapkina, T.A. *"Blagovernaia tsaritsa khitra byla mudra: ob odnoi sinonimicheskoi pare v russkom fol'klore"* [*"Blagovernaia Tsaritsa Khitra Byla Mudra:* On One Synonymous Pair in the Russian Folklore"]. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 2, 2020, pp. 336–389. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-336-389 (In Russ.)

2. Zheltova, E.V. *Antichnaia traditsiia o persidskikh magakh* [*Ancient Tradition of the Persian Magicians*]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2011. 144 p. (In Russ.)

3. Itkina, E.I. *Russkii risovannyi lubok kontsa XVIII – nachala XX veka: Al'bom. Iz sobraniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia, Moskva* [*Russian Hand-Drawn Popular Prints of the Late 17th – Early 20th Centuries: Album. From the Collection of the State Historical Museum, Moscow*]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1992. 254 p., il. (In Russ.)

4. Korovashko, A.V. *Zagovory i zaklinaniia v russkoi literature XIX–XX vekov* [*Charms and Spells in Russian Literature of the 19th–20th Centuries*]. Moscow, Kulagina Publ., INTRADA Publ., 2009. 364 p. (In Russ.)

5. Murav'ev, V.B. *Staraia Moskva v legendakh i predaniiakh* [*Old Moscow in Legends and Traditions*]. Moscow, Eksmo Publ., Algoritm Publ., 2011. 606 p. (In Russ.)

6. Filimon, A.N. *Charodei Petra Velikog*o [*The Sorcerer of Peter the Great*]. Moscow, Veche Publ., 2011. 350, [1] p. (In Russ.)

7. Filimon, A.N. *Iakov Brius* [*Jacob Bruce*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2013. 379 p. (In Russ.)

8. Shaburov, N.V. "Germetizm" ["Hermeticism"]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [*Orthodox Encyclopedia*], vol. 11. Moscow, Pravoslavnaia Entsiklopediia Publ., 2011, pp. 393–400. (In Russ.)

9. Iamvlikh. *O egipetskikh misteriiakh* [*About the Egyptian Mysteries*], trans. From Ancient Greek, comm. and foreword by I.Iu. Mel'nikova. Moscow, Aleteiia Publ., 2004. 208 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.05.2023
Одобрена после рецензирования: 28.08.2023
Дата публикации: 25.09.2025

The article was submitted: 08.05.2023
Approved after reviewing: 28.08.2023
Date of publication: 25.09.2025

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-330-346
https://elibrary.ru/WDLSRV

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Всеволод Иванов в работе над романом «Эдесская святыня»: эволюция замысла

© 2025, Л.В. Суматохина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00107 «Из литературного наследия Всеволода Иванова конца 1920-х – начала 1960-х гг.» (https://rscf.ru/project/25-28-00107/).

Аннотация: Статья посвящена анализу творческой истории романа Вс.В. Иванова «Эдесская святыня». С использованием ранее не опубликованных материалов из семейного архива писателя дан анализ трех основных этапов работы. Второй и третий этапы работы связаны с неосуществившейся надеждой Иванова опубликовать новые произведения, в их числе роман «Эдесская святыня». Впервые печатаются фрагменты второй и третьей редакций романа «Эдесская святыня», в которых идет речь о заглавном символе (Нерукотворного образа Иисуса Христа, в 944 г. перенесенного из Эдессы в Константинополь). Нерукотворный образ становится предметом пристального внимания автора, а не просто поводом к построению сюжета путешествия и духовного странствия героя по различным религиозно-ценностным укладам жизни. Вариант заглавия романа («Коварная Эдесса»), встречающийся в рукописях, можно объяснить исторической судьбой города. Эдесса несколько веков была религиозным центром, в котором процветало христианство, затем город был завоеван арабами. Также освещается замысел Иванова, касающийся ввода новых персонажей в систему образов, судьбы проданной в рабство русской пленной княжны Даждьи — жены главного героя романа. Приведенные в статье фрагменты черновых набросков к третьей редакции романа показывают, что Всеволод Иванов стремился расширить сюжетно-событийные рамки романа, усложнить систему образов, насытить текст исторически достоверными подробностями. Реконструкция процесса работы над романом позволяет яснее увидеть своеобразие творческой манеры писателя, его вольное обращение с уже завершенными текстами. С текстологической точки зрения источники при подготовке текста романа выстраиваются в обратном порядке: от закон-

ченного текста через незавершенную вторую редакцию к наброскам третьего этапа работы.

Ключевые слова: Всеволод Иванов, «Эдесская святыня», исторический роман, история Византии, история текста.

Информация об авторе: Любовь Валерьевна Суматохина — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1803-616X

E-mail: lsumatohina@yandex.ru

Для цитирования: *Суматохина Л.В.* Всеволод Иванов в работе над романом «Эдесская святыня»: эволюция замысла // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 330–346. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-330-346

В середине 1930-х гг. в драматургию и прозу Вс.В. Иванова прочно вошла историческая тема. Страстный интерес писателя к разным периодам и событиям русской и мировой истории — яркая черта его творческой индивидуальности. Его привлекали эпоха российского императора Павла I (пьеса «Двенадцать молодцев из табакерки»), личности М.В. Ломоносова и А.Д. Меншикова (пьеса «Вдохновение», неоконченный рассказ «Генералиссимус»), Берлинский конгресс 1878 г. и роль А.М. Горчакова на этом конгрессе (пьеса «Канцлер»), эпоха Петра Первого, история Смутного времени, Древнего Рима, Византии и др. Своеобразие подхода писателя к историческим темам точно охарактеризовал его сын, Вяч.Вс. Иванов: перед нами «сплетение художественно-образного понимания истории с ее исследованием»[1].

Роман Вс. Иванова «Эдесская святыня» воспринимается как органическая часть этого художественно-исторического дискурса. Роман был напечатан после смерти писателя в первой редакции 1946 г., единственной законченной им[2]. Согласно воспоминаниям Т.В. Ивановой, жены писателя, он напряженно работал над завершением произведения в летние месяцы этого года[3]. Однако работа над романом продолжалась в течение ряда лет, до конца жизни Иванова: по свидетельству сына писателя Вяч.Вс. Иванова, в кабинете писателя в Москве после его смерти оставались карандашные наброски к роману[4].

---

[1] Всеволод Иванов — писатель и человек: Воспоминания современников. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1975. С. 350.

[2] *Иванов Вс.В.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 5. С. 419–527, 687–689.

[3] Всеволод Иванов — писатель и человек: Воспоминания современников. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1975. С. 420–421.

[4] Хранятся в НИОР РГБ. Ф. 673. К. 10. Ед. хр. 1. 134 л.

Известны три основных этапа работы над «Эдесской святыней»:

— лето – осень 1946 г. (под первой редакцией стоит дата окончания — 11 сентября 1946 г.);

— 1956 г., когда была написана вторая редакция произведения, машинопись которой хранится в семейном архиве;

— 1962–1963 гг., когда писатель вновь обратился к работе над произведением; от этого этапа сохранились наброски к третьей редакции романа.

Интенсивные творческие периоды работы над «Эдесской святыней» связаны с подготовкой текста к возможной публикации, с надеждой писателя увидеть вышедшими из печати не только уже известные, но и новые произведения. Так, весной 1962 г. писатель работал над составлением двухтомника, в состав которого должны были войти среди прочих произведений фантастические рассказы и «Эдесская святыня» [3, с. 518]. Включить их в состав сборника, однако, не удалось[5].

Исследователи творчества Вс. Иванова Е.А. Краснощекова и Л.А. Гладковская, писавшие об «Эдесской святыне», анализировали первую редакцию произведения, отчасти затрагивая тему дальнейшей истории текста[6].

Эволюции замысла романа посвящены три работы Е.А. Папковой [4; 5; 6], в которых сопоставляются три редакции «Эдесской святыни». Ею опубликованы две главы из второй редакции романа [6]; цитируются и комментируются отдельные наброски к третьей редакции [4]. Анализируя эволюцию замысла, исследователь сосредоточилась преимущественно на «трансформации образа» главного героя «Эдесской святыни» поэта и оружейника Махмуда иль Камана [5].

Задача настоящей статьи — дополнить представление о том, как шла работа Вс. Иванова над романом «Эдесская святыня», раскрыв иные аспекты творческой истории этого произведения на основе материалов, хранящихся в семейном архиве.

Эволюция замысла «Эдесской святыни» связана, в частности, с заглавным образом романа. Действие происходит в X в. н. э. в Багдаде, Эдессе и Константинополе. В основе сюжета произведения — реальный исторический факт, перенесение эдесской святыни, Нерукотворного образа Иисуса Христа (убруса, мандилия) из Эдессы в Константинополь.

---

[5] *Иванова Т.В.* Мои современники, какими я их знала: Очерки. М.: Сов. писатель, 1987. С. 225.

[6] *Краснощекова Е.А.* Художественный мир Всеволода Иванова. М.: Сов. писатель, 1980. С. 318; *Гладковская Л.А.* Жизнелюбивый талант. Творческий путь Всеволода Иванова. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 279–281.

Эдесский убрус, согласно легенде, был доставлен в Эдессу апостолом Фаддеем как дар Иисуса правителю города; в течение столетий он был главной святыней Эдессы. В 944 г. осажденная византийским войском Эдесса была вынуждена расстаться с убрусом в обмен на снятие осады. Нерукотворный образ был торжественно доставлен в Константинополь [1, с. 505–506]. В честь этого события православной церковью на 16 (29) августа был установлен праздник, в народе именуемый Полотняным Спасом.

Махмуд иль Каман, оружейник по профессии и поэт по призванию, в романе Всеволода Иванова становится начальником конвоя, сопровождающего эдесскую святыню из Эдессы в Константинополь. Оставив дома, в Багдаде, любимую жену Даждью, пленную русскую княжну, он едет в сопровождении своих учителей и духовных наставников: законника Джелладина и кади Ахмета, воплощающих собою два противоположных полюса религиозности — фанатизм и философский взгляд на мир и законы жизни.

Хотя основная работа над романом шла в 1946 г., вполне вероятно, что замысел этого произведения возник чуть раньше. В августе 1944 г. исполнилась 1000 лет со дня переноса убруса из Эдессы в Константинополь, о чем Вс. Иванов мог знать из исторических книг, которые увлеченно изучал. «С тех времен прошла тысяча лет, и имена их давно забыты», — говорится в финале первой редакции[7].

Именно в 1944 г. писатель начал работать над циклом фантастических произведений, к которому, по утверждению исследователей, примыкает роман «Эдесская святыня»[8]. В основе фантастических рассказов — миф и легенда, соприкасающиеся с современностью, вымысел, переплетающийся с детально описанной реальностью. Художественный мир «Эдесской святыни» при всей исторической точности автора во многом фантастичен и поэтичен, настолько, что исследователи отказываются считать ее традиционным историческим романом[9].

Судя по наброскам предисловия к циклу «Фантастические рассказы», «Эдесская святыня» действительно связана с ним. Историческая тема, по замыслу автора, играет в нем важную роль:

---

[7] *Иванов Вс.В.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 5. С. 527.

[8] *Гладковская Л.А.* Жизнелюбивый талант. Творческий путь Всеволода Иванова. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 261; *Краснощекова Е.А.* Художественный мир Всеволода Иванова. М.: Сов. писатель, 1980.. С. 313.

[9] *Гладковская Л.А.* Жизнелюбивый талант. Творческий путь Всеволода Иванова. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 263; *Краснощекова Е.А.* Художественный мир Всеволода Иванова. М.: Сов. писатель, 1980. С. 324.

> Первая тема — историческая — индивидуализм, внутренняя, а значит, и внешняя, свобода, полное выявление как умственного, так и чувственного «я». Возрождение через эллинизм — и русское возрождение. Легенда об эллинизме как о свободе, но на самом деле он был узко догматичен, и наряду с Платоном существовали тысячи ретроградов, регулировавших жизнь, о которой мы имеем теперь лживое представление[10].

Эти рассуждения перекликаются с целым рядом черновых набросков к роману о Платоне и Аристотеле, об эллинизме и Византии как наследнице эллинской культуры и т. п.

Изучение рукописей и сопоставление редакций романа позволяют проследить ход работы автора над произведением. Приступив в 1956 г. к доработке «Эдесской святыни», писатель поначалу вносил незначительную правку в текст. Затем он начал дописывать роман, насыщая его историческими подробностями и вставляя целые эпизоды с новым действующим лицом, которого не было в первой редакции (норманн Свавольд, состоящий на службе у русского князя Игоря) [6], а затем и вовсе отложил вторую часть текста[11] и написал новое продолжение произведения. Вторая редакция осталась неоконченной, и в 1962 г., когда у Вс. Иванова появилась надежда на публикацию романа, он приступил к его завершению, однако не успел довести дело до конца.

Сам нерукотворный образ, эдесская святыня, во второй и особенно в третьей редакции становится предметом пристального внимания автора, а не просто поводом к построению сюжета путешествия из одной страны в другую и духовного странствия героя по различным религиозно-ценностным укладам жизни.

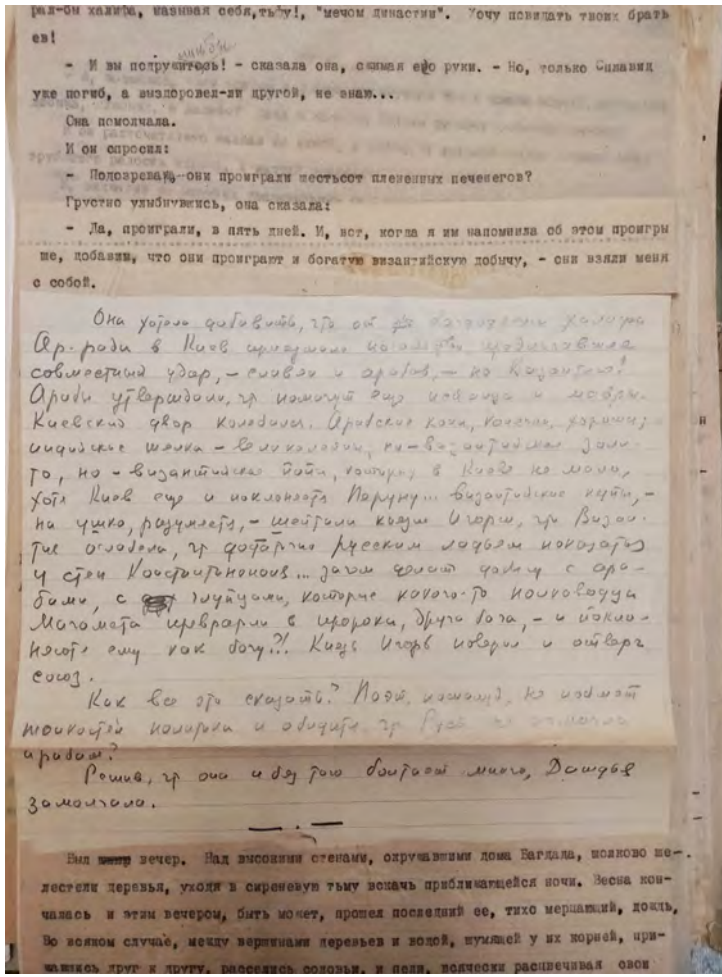
Писатель и его герой размышляют о происхождении нерукотворного образа, о природе чуда и его влиянии на духовное состояние человека, на его веру. Среди рукописных набросков ко второй редакции романа в семейном архиве сохранилось несколько самодельных папок-вкладышей с материалами для особо тщательной обработки отдельных фрагментов текста. Среди них — папка с авторским заглавием «Лицо его высокое», отразившая работу писателя над описанием нерукотворного образа и легенды о его происхождении[12].

---

[10] *Иванов Вс.В.* Переписка с Горьким. Из дневников и записных книжек. М.: Сов. писатель, 1969. С. 287.

[11] Семейный архив Всеволода Иванова. «Эдесская святыня», черновики. Папка 2. Л. 35–67.

[12] Там же. Папка 1. Л. 37–40.

Фрагмент второй редакции «Эдесской святыни», машинопись с рукописными вставками.
A fragment of the second edition of "The Edessa Icon," typescript with handwritten inserts.

Во второй редакции романа описание убруса, на который смотрит Махмуд, выглядит так:

> Он увидал лицо с крутым лбом, над которым нависли жесткие иссиня-черные волосы. Лицо это, изнутри залитое светом, такое счастливое и восторженное, словно он один лишь придумал и со-

здал этот волшебно-прекрасный мир, что отражается в его зеленовато-желтых глазах. Пухлый рот чуть приоткрыт от удовольствия, левая бровь вскинута, капли воды дрожат на ресницах.

И Махмуд вспомнил предание.

…Он проснулся рано и, распахнув дверь, замер на пороге. Двор, колодец, ослики, беременная коза, клочки бурого сена, которые разнес ветер, — все залито скачущим, сладким и пламенным солнцем. Апостол Фаддей подал ему воду для омовения и шерстистое длинное полотенце. Умывшись, довольный миром дома, друзьями, светом и легким ветерком, который колеблет в углу на стене еще не сожженную солнцем травку, он бросил полотенце, не заметив, что лицо его отпечаталось на нем[13].

Работая над романом, писатель задумывается о способах усложнить сюжет, связанный с убрусом. Возникают мотивы кражи и подмены: «Путь между Эдессой и Константинополем (у меня в прежнем варианте) слишком прост и описателен. По-видимому, надо усложнить борьбу за “убрус”? Попытки похищений или вооруж. нападения — и банально, и не интересно. М. б., доказательства, что убрус подменен?»[14]

С заглавной темой романа связано погружение Вс. Иванова в изучение ересей арианства и несторианства (споры о божественной и человеческой природе Иисуса Христа), в тему борьбы иконопочитателей с иконоборцами, в размышления о том, почему в мусульманстве запрещено изображение человека.

В одном из набросков он пишет, что вопреки церковным преданиям, нерукотворная святыня не принесла облегчения жителям столицы империи: «Привезли св. убрус в Константинополь, бедный, голодный, измученный войной, дворцовыми смутами, жадностью и наглостью монахов, — и ждут чуда. А чудес никаких нет»[15]. Не дала она успокоения и душе главного героя (см.: [5]): «Махмуд грустил. Он видел, что убрус не только не давал ему забвенья, но ни на каплю не уменьшил страданий всего огромного города, а того менее, — всей империи»[16].

Святыня становится частью политической игры при смене власти в империи и в борьбе за духовное влияние. Приведем в качестве

[13] Семейный архив Всеволода Иванова. «Эдесская святыня», вторая редакция. Л. 101.

[14] Семейный архив Всеволода Иванова. «Эдесская святыня», черновики. Папка 1. Л. 56.

[15] Там же. Папка 2. Л. 7.

[16] Там же. Папка 2. Л. 29.

примера большой фрагмент набросков третьей редакции по хранящейся в семейном архиве машинописи:

Среди византийцев снова начались слухи об убрусе, как только они утвердились в мнении, что Константин Седьмой, прозванный ими для успокоения сразу же Багрянородным, укрепился на престоле. Константин любил всяческие собрания и особенно наслаждался, когда перед ним говорили епископы. Витиеватая красивость школы Иоанна Златоуста доставляла ему несказанное наслаждение. Он рад был, что положение с убрусом запуталось, и созвал свой небольшой Собор. Он сел на престоле и, с любовью глядя на епископов и пресвиторов, сказал:

— Говорили, что император Роман, чтобы вызвать смуты в стране, нарочно потребовал эдесскую святыню, созданную будто бы арианами. Я хочу спросить вас, имеем ли мы право рассуждать о стиле этой святыни, когда она нерукотворна? Я жду вашего решения.

Поднялся епископ Никон. Он сказал благородным грудным голосом:

— Бог страдал. Более того, будучи сыном отца, который знает будущее, он предчувствовал свои страдания. Я тоже думаю, что несториане, стремящиеся все время вредить Византии и для того перешедшие на сторону арабов, подменили образ. Этот образ написан арианином. Если Бог предчувствовал свои страдания, то как же он мог запечатлеть свою улыбку, поднять кверху левую бровь и все это передать на вечные времена людям? Кроме того, он упитан, на щеках его горит еле заметный румянец, и все это доказывает, что он не бог, а человек, а это — ересь.

Глаза епископа были широко открыты, лицо преисполнилось чрезвычайного чистосердечия.

— Я скажу сейчас страшные слова. Но только страшными словами можно проверить истину. Я готов пожертвовать собой. Если я не прав, то да покарает меня Бог смертью! Тут же, на месте. Но я проведу испытание. Это — не изображение Христа. Это — подделка.

Наступило довольно продолжительное молчание, так как многие люди Собора, не очень-то любившие епископа, ждали с нетерпением, чтобы Бог покарал богохульника.

— Мне кажется, — прервал молчание епископ, — спор нужно считать оконченным.

— Нет, — возразил патриарх.

— Почему?

— Бог, по своей милости, за ваши заслуги простил вас.

— Это очень любопытно, — прошептал император. — Кажется, мы возвращаемся к временам иконоборчества. Я очень рад. Мне в моей истории, быть может, благодаря спорам, удастся выяснить кое-какие вопросы, которые кажутся мне неясными.

Но лицо императора было бесстрастным.

Епископы продолжали спор[17].

В процессе работы роман, по-видимому, должен был существенно увеличиться в объеме. Наброски третьей редакции похожи на попытки написать продолжение незаконченной второй редакции: они относятся к константинопольскому периоду жизни героев, когда убрус уже доставлен в столицу и решается их дальнейшая судьба.

Вероятно, по завершении второй редакции романа или в начале работы над третьей возник вариант заглавия романа — «Коварная Эдесса». Мотив коварства, прежде в заметках писателя связанный с темой византийской политики, переходит на город Эдессу. Это, возможно, объясняется необычной исторической судьбой города и описанной в романе религиозно-политической ситуацией. Эдесса несколько веков была религиозным центром, в котором процветало христианство. В частности, здесь жил и проповедовал преп. Ефрем Сирин; находили поддержку религиозные течения, признанные ортодоксальной церковью ересями: арианство и несторианство. А затем город был завоеван арабами. В рукописях, хранящихся в семейном архиве, есть ряд заметок об арианах и несторианах, а также о том, почему именно арабы, а не византийцы сохранили и передали потомкам греческую науку и культуру.

В набросках третьей редакции намечаются новые персонажи:

Емелия, настоятельница монастыря, куда ходила Даждья. Настоятельнице было видение: убрус настоящий. Она хочет помочь Даждье.

Мудрец Михаил Сегин занимается разоблачением ереси несториан. У него — постоянные споры с Емелией, поэтессой, приятельницей имп<ератрицы> Елены. Когда Елена превращается в могучую силу, Емелия думает, что Сегин ей уступит. Он не уступает. Он мужествен и по-прежнему валит все на коварную Эдессу.

[17] Там же. Папка 2. Л. 9–10.

Кади в первых главах говорит о коварной Эдессе, Михаиле Сегине и его возлюбленной Емелии. Он был в молодости в Константинополе и видел их.

Кади: М. Сегин — страшно знаменит, и к каждому его слову прислушиваются в Константинополе. Это мудрец. А на самом деле не так.

Он должен был жениться на Емелии.

Она, не любя его, отказалась и ушла в монастырь Н<ерукотворного> Образа. Монахи поставили целью достать н<ерукотворный> образ. Она полюбила теперь М. Сегина, но было поздно.

Коварная Эдесса предлагала ему уехать к ней с бывшею монашкой. Но он не мог, конечно, согласиться, т. к. Емелия соглашалась, но ему не позволял созданный им авторит<ет?> книг. Он доказывал, что образ — арианский, что это доказательство против иконоборческой ереси в стремлении сманить к себе иконопоклонников.

И он страстно возненавидел Эдессу, арабов, убрус.

Кади рассказывает это Махмуду.

Махмуд считает это сказкой[18].

В дальнейшем в набросках к третьей редакции романа образы Михаила Сегина и Емелии, а также связанная с ними сюжетная линия разрабатываются, уточняются, обрастают новыми деталями. Писатель тщательно продумывает место новых персонажей в системе образов романа, сюжетно связывает их с основными героями произведения, отводит им значимую роль в разработке мотивов забвения, коварства, борьбы с иконоборцами.

М. Сегину первому пришла в голову мысль потребовать от Эдессы ее священный плат. Св. плат дает забвение. Оно ему так необходимо! На плат (на основе рассказов кади-садовода и книжника Джелладина) возлагает надежды и Емелия. Она приходит к Сегину. М. Сегин — садовник, преподаватель в Высш. Имп. школе (К<онстантинопольском> ун<иверсите>те). Он — спец<иалист> по иконам, из рода боровшегося с иконоборцами. Эдесса не давала снимать копий с убруса.

Византия уперлась в Эдессу, — центр несторианства, где мощи ап. Фомы и убрус. Каркуас с удов<летворением> думает, что нест<ориане> откажутся, и он уничтожит это коварное гнездо. Арабы — тоже ненавидят и уверены, что нестор<иане> ведут перегово-

[18] Там же. Папка 2. Л. 31–32.

ры с визант<ийцами> об унии и сдаче города. «Наблюдайте за ними, наблюдайте! Зачем они согласились <нрзб.> в Конст<инополь>, эти несториане?»

М. Сегин — приятель витязя Свавольда, которого ценит <нрзб.> как знатока визант<ийского>. искусства; в монастыре, где игумения Емелия — большое стекл<янное> производство бус, шмальты, цветн<ых> камней, все то, что Свавольд желал бы увезти в свою северную страну. Он не понимает этой странной любви М. Сегина и Емелии и греха их переписки, а их переписка — любимое чтение всех юношей и девушек Константин<ополя> (Джел<ладин>. хочет купить эту переписку и привезти в Багдад: «у них любящие не могут соединиться — мешает коварная Эдесса»). <…>

Общественное мнение в церкви осудило отца М. Сегина. Тогда он опубликовал их переписку <…> они прославились <…> но страстно возненавидели друг друга <…> Даждья приходит к ней. Махмуд — к отцу Михаилу. Оба — ища забвения или исхода. Но даже Емелия ничего не в силах сделать. Позже — Михаил едет в Багдад, Емелия — в Киев и оба они делаются невольными виновниками гибели Махмуда и Даждьи[19].

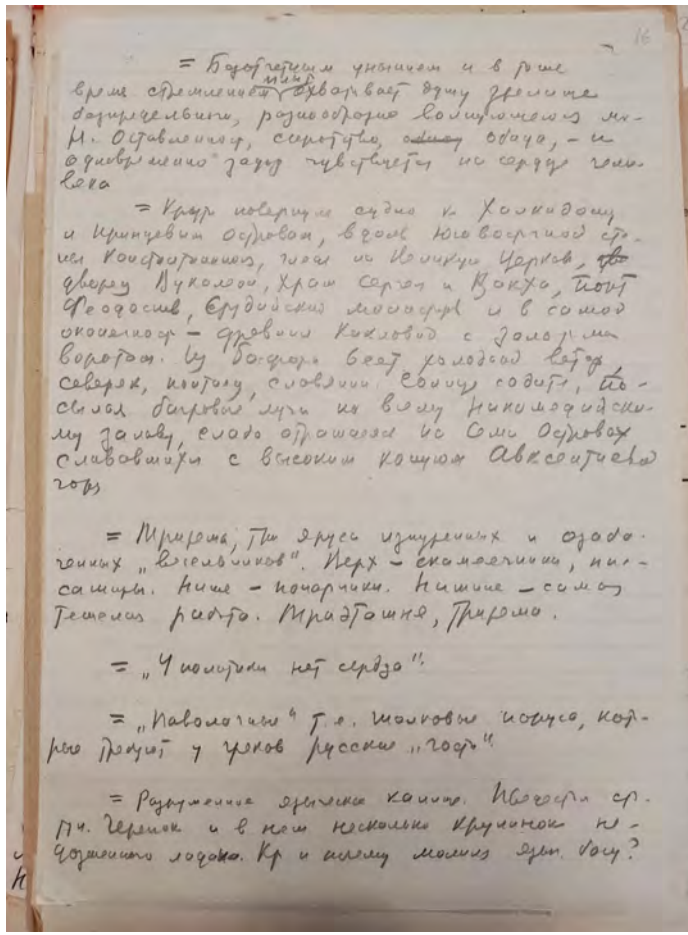
Тема византийских подходов князя Игоря в 941 и 944 годов, затронутая в первой редакции романа, также развивается в поздних редакциях. Она связана с образом Даждьи, русской княжны, проданной византийцами в рабство и ставшей рабыней, а затем возлюбленной и женой Махмуда.

В финале первой редакции оба героя погибают. Перерабатывая роман, писатель изменил их судьбы. Выполняя поручение князя Игоря, Свавольд разыскивает Даждью в Багдаде и насильно, против ее воли увозит ее с сыном [6]. Судя по наброскам к третьей редакции, герои встречаются в Константинополе, однако обречены расстаться. Даждья с сыном становятся разменной монетой в политических играх, как, впрочем, и священная реликвия, эдесская святыня. В черновых набросках есть пронзительно точная формулировка на этот счет: «У политики нет сердца»[20]. Махмуд не может оставить жену у себя против воли халифа, и ему не удается выкупить ее у князя Игоря.

В одном из набросков третьей редакции «Даждья в Киеве» идет речь о дальнейшей судьбе героини:

[19] Там же. Папка 2. Л. 96–98.

[20] Там же. Папка 1. Л. 16.

Рукописные наброски к роману «Эдесская святыня».
Handwritten fragments for the novel "The Edessa Icon."

После того, как погибли ее братья, ее имущество перешло к ее старшей сестре. Ее жених — она, собственно, от него бежала, пошла в поход, отказался от нее, смеясь над ней. Князь ее принял однажды, расспрашивал об арабах, дал ей немного денег, — но она осталась бедной, т. е. имущество ее брата, волокитя[21], ей не вернули.

Начинаются ее невзгоды. Ее сына Ахмета, черного, губастого, принимают за злого духа и хотят утопить. Волхв просит его в уче-

[21] Так в черновом автографе; от глагола *волокитить* (разг.) — создавать волокиту, затягивать решение вопроса из-за мелочных формальностей.

ники. Она отказывает. Волхв принимает ее сына за язычника — «а какая разница — много или мало богов?» Она уезжает с сыном к норманнам. Она больна. Свавольд поссорился с кн<язем> Игорем, т. к. перевес берет «русская линия». Он смеется над национализмом руссов. Волхв собирает идолов — «В X веке не было такого колич<ества> пустяков, какой будет, наверное, в XX, но коллекц<ия> была»[22].

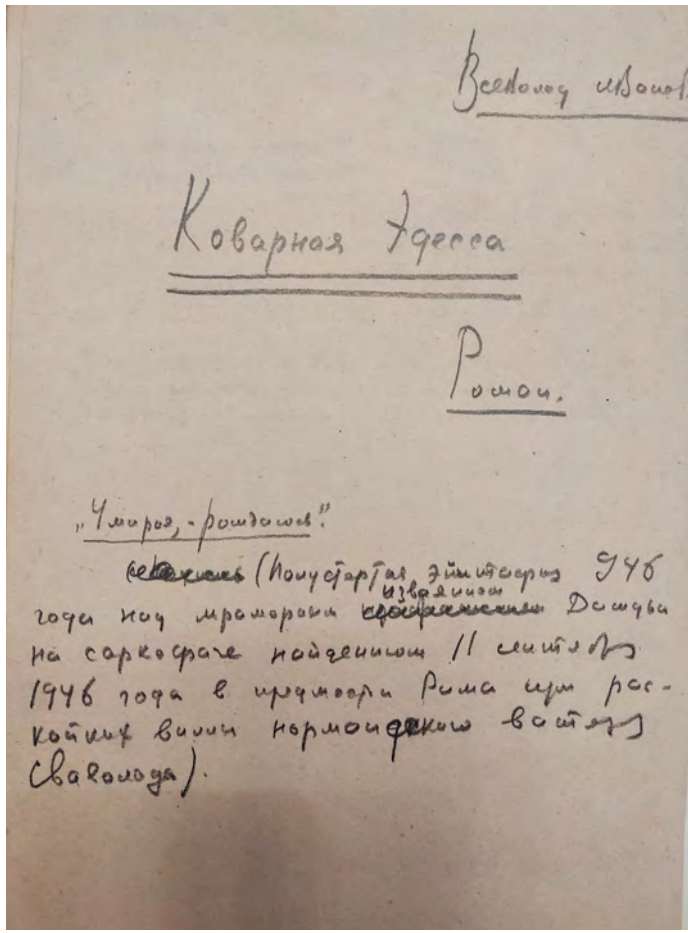
Предполагаемая судьба героини (ее смерть на чужбине) отчасти проясняется также эпиграфом на рукописном титульном листе романа с названием «Коварная Эдесса»: «”Умирая — рождаюсь” (Полустертая эпитафия 946 года над мраморным изваянием Даждьи на саркофаге, найденном 11 сентября 1946 года в предместьях Рима при раскопках виллы норманнского витязя Свавольда)»[23]. В этом эпиграфе вновь особо подчеркнута тысячелетняя временная дистанция, по-видимому, символически значимая для автора, и по какой-то причине упоминается дата окончания первой редакции «Эдесской святыни».

В некоторых набросках к роману намечен довольно радикальный поворот сюжета: есть размышления о том, почему правоверный мусульманин Махмуд мог бы перейти в христианство, в православие. Впрочем, уже в финале второй редакции герой показан сомневающимся, в набросках третьей — его терзают серьезные сомнения относительно абсолютной правоты Багдада — как в политике, так и в религии. Возможно, именно это направление своих мыслей Вс. Иванов охарактеризовал дневниковой записью от 19 февраля 1962 г.: «А в голове опять “Эдесская святыня”, ах, если б я мог с нею развязаться! Теперь ее почему-то шарахнуло в сторону православия и прославл<ения> византизма!» [2, с. 413].

Установить, в какой степени на последнем этапе работы над романом писатель планировал развить эти идеи, сейчас, конечно, невозможно. Однако приведенные фрагменты черновых набросков к третьей редакции показывают, что Всеволод Иванов стремился расширить сюжетно-событийные рамки романа, усложнить систему образов, насытить текст исторически достоверными подробностями. Жизнь главных героев, так внезапно и трагически оборвавшаяся в финале первой редакции, в окончательном варианте должна была продолжиться, однако их судьба при этом не становилась менее драматичной.

[22] Там же. Папка 2. Л. 114.

[23] Там же. Папка 2. Л. 94.

Всеволод Иванов

Коварная Эдесса

Роман.

„Умирая, - рождаешь".

(Полусартая эпитафия 946 года над мраморной [illegible] Девицы на саркофаге найденном 11 сентября 1946 года в пригороде Рима при раскопках виллы нормандского вельможи Свавольда).

«Коварная Эдесса». Рукописный титульный лист.
“The Treacherous Edessa.” Handwritten title page.

Реконструкция процесса работы Всеволода Иванова над романом «Эдесская святыня» позволяет наглядно увидеть своеобразие творческой манеры писателя, его вольное обращение с уже написанными текстами. «Нередко он заново полностью переписывал рассказы, пьесы и даже романы, — вспоминала Т.В. Иванова. — Тронув вещь, он зачастую изменял ее до неузнаваемости. Он абсолютно был неспособен что-то механически “исправить”»[24]. Черновики в этом

[24] Всеволод Иванов — писатель и человек: Воспоминания современников. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1975. С. 377.

плане раскрывают полную раскрепощенность и безудержный полет фантазии автора.

С текстологической точки зрения, источники текста романа «Эдесская святыня» располагаются в обратном порядке: мы идем от законченного текста через незавершенную вторую редакцию к наброскам третьего этапа работы. Необходим индивидуальный и вдумчивый подход к решению текстологических задач, которые возникают в процессе публикации неизвестной читателю части творческого наследия Вс. Иванова.

Литература

1. Византийский словарь: в 2 т. / сост., общ. ред. К.А. Филатова. СПб.: Амфора; РХГА; Изд-во Олега Абышко, 2011.

2. *Иванов Вс.В.* Дневники. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 492 с.

3. Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.

4. *Папкова Е.А.* «…Жизнь в будущем оплачивается дорого» (О романе Всеволода Иванова «Эдесская святыня») // Наш современник. 2020. № 2. С. 258–268.

5. *Папкова Е.А.* «Так жил и умер поэт»: К истории создания романа Всеволода Иванова «Эдесская святыня» // Творчество В.В. Маяковского. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 4. Кн. 2: Владимир Маяковский в контексте мировой культуры. С. 430–442.

6. *Папкова Е.А.* «У политики нет сердца»: Еще о романе Всеволода Иванова «Эдесская святыня» // Тарские ворота: альманах. Омск: Издательский центр КАН, 2020. Вып. 9. С. 187–211.

Research Article

Vsevolod Ivanov and His Work on the Novel *The Edessa Icon*: The Evolution of the Idea

© 2025. Lyubov V. Sumatokhina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-28-00107 “From the Literary Legacy of Vsevolod Ivanov of the Late 1920s – Early 1960s” (https://rscf.ru/project/25-28-00107/).

Abstract: The article examines the creative history of the novel by Vs. Ivanov, *The Edessa Icon*. Hitherto unpublished materials from the writer's family archive highlight the three main stages of the work. The second and third stages of the work relate to the unfulfilled hope of Ivanov publishing new works, including the novel *The Edessa Icon*. Fragments of the second and third editions of the novel *The Edessa Icon* concern the title symbol (the Uncreated Image of Jesus Christ, transferred from Edessa to Constantinople in 944). The image of the Savior becomes the author's focus, rather than just a plot device for the hero's journey and spiritual quest through various religious and value-based lifestyles. The variant of the novel's title (*The Treacherous Edessa*), which appears in the manuscripts, can be explained by the historical fate of the city. Edessa was a religious center where Christianity flourished for several centuries, but it was eventually conquered by the Arabs. The research emphasizes Ivanov's plan to introduce new characters into the system of images, particularly, the fate of the Russian captive Princess Dazhdya, the wife of the novel's protagonist, who was sold into slavery. The fragments of the drafts for the third edition of the novel presented in the article show that Vsevolod Ivanov sought to expand the plot and events of the novel, complicate the character system, and add historically accurate details to the text. The reconstruction of the process of working on the novel makes it possible to clearly see the originality of the writer's creative manner and his free handling of already completed texts. From a textual point of view, the sources in the preparation of the novel's text are arranged in reverse order: from the finished text through the unfinished second edition to the sketches of the third stage of the work.

Keywords: Vsevolod Ivanov, *The Edessa Icon*, the historical novel, the history of Byzantium, text history.

Information about the author: Lyubov V. Sumatokhina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1803-616X

E-mail: lsumatohina@yandex.ru

For citation: Sumatokhina, L.V. "Vsevolod Ivanov and His Work on the Novel *The Edessa Icon*: The Evolution of the Idea." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 330–346. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-330-346

References

1. *Vizantiiskii slovar': in 2 vols.* [*The Byzantine Dictionary: in 2 vols.*], comp. by K.A. Filatova. St. Petersburg, Amfora Publ., Russian Christian Academy for Humanities Publ., Oleg Abyshko Publ., 2011. (In Russ.)

2. Ivanov, Vs.V. *Dnevniki* [*The Diaries*]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2001. 492 p. (In Russ.)

3. *Neizvestnyi Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva* [*Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of Biography and Creativity*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. 784 p. (In Russ.)

4. Papkova, E.A. "'…Zhizn' v budushchem oplachivaetsia dorogo': O romane Vsevoloda Ivanova 'Edesskaia Sviatynia'." ["'…Life in the Future Comes with a High

Price’: About Vsevolod Ivanov’s Novel, ‘The Edessa Icon’.”] *Nash sovremennik,* no. 2, 2020, pp. 258–268. (In Russ.)

5. Papkova, E.A. “‘Tak zhil i umer poet’: K istorii sozdaniia romana ‘Edesskaia Sviatynia’.” [“‘So the Poet Lived and Died’: On the History of the Creation of the Novel ‘The Edessa Icon’.”] *Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo* [*Mayakovsy’s Creative Work*], issue 4, book 2: Vladimir Maiakovskii v kontekste mirovoi kul’tury [Vladimir Mayakovsky in the Context of World Culture]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. pp. 430–442. (In Russ.)

6. Papkova, E.A. “‘U politiki net serdtsa’: eshche o romane Vsevoloda Ivanova ‘Edesskaia Sviatynia’.” [“‘Politics Has no Heart’. More About Vsevolod Ivanov’s Novel, ‘The Edessa Icon’.”] *Tarskie vorota: al’manakh* [*Tara Gates: Almanac*], issue 9. Omsk, KAN Publ., 2020. pp. 187–211. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 30.03.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 30.03.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-347-357
https://elibrary.ru/VIETCI

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Репутация русской литературы за рубежом и русский текст мировой культуры: К постановке проблемы

© 2025, В.Е. Багно
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье изложена концепция отличия инонациональной репутации русской литературы от ее репутации в России, основу которой составили наиболее распространенные представления о национальном своеобразии русской литературы. Для мировой культуры, с точки зрения автора, наибольшее значение имело то представление о русской литературе, которое заключалось в напряженных поисках смысла жизни, активном сострадании к человеку, интересе к нравственной стороне человеческой личности, получившее благодаря книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» (1886), резонанс в мире. По аналогии с теорией В.Н. Топорова «Петербургского текста» русской литературы, те произведения русской литературы, которые для последующих поколений любителей русской словесности во всем мире отвечали и отвечают этой репутации, могут быть истолкованы, как «русский текст» мировой культуры.

Ключевые слова: репутация русской литературы за рубежом, русский текст мировой культуры.

Информация об авторе: Всеволод Евгеньевич Багно — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1408-5511

E-mail: vsbagno@gmail.com

Для цитирования: *Багно В.Е.* Репутация русской литературы за рубежом и русский текст мировой культуры: К постановке проблемы // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 347–357. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-347-357

Инонациональная репутация литературы представляет не меньший интерес для исследования, чем репутации отдельных ее представителей.

В первом абзаце предисловия к первому изданному тому «Истории русской литературы» под редакцией Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда содержится обещание подвергнуть анализу в последнем томе этой «Истории» «специфический национальный характер русской литературы» [2, с. 7]. Однако последний том не был опубликован, соответствующая глава не была написана и не появилась.

Речь, как правило, идет о достаточно ограниченном круге особенностей и черт. Этих наследуемых из поколения в поколение, из работы в работу, базовых, основополагающих представлений было всего два, и они сосуществуют в мире вот уже почти полтора столетия.

Первое из этих представлений возникло в России, при этом рождаясь в жарких идейно-эстетических спорах на протяжении всего XIX столетия, оставаясь достоянием русской общественной и литературной мысли, и нашло блестящее воплощение в знаменитой книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман», которая вышла в свет в Париже в 1886 г. и получила мировой резонанс[1].

В 1880-е гг. вопрос о национальном своеобразии русской литературы и ее воздействии на литературную жизнь Запада был неразрывно связан с вопросом о соотношении между русским реализмом и наиболее влиятельной западноевропейской литературой того времени, французской, точнее — литературой французского натурализма. Вогюэ одним из первых со всей определенностью этот вопрос поставил и попытался на него ответить. Французский писатель-католик, сыгравший огромную роль в деле популяризации русской литературы и формирования нового представления о России, видит основное достоинство и бесспорное преимущество русского реализма в силе религиозного чувства, в том, что он согрет любовью к ближнему, состраданием людским несчастьям.

Другой особенностью русского реалистического романа он считает интерес к «мистическому смыслу жизненных явлений». Русские писатели, отмечает он, «изучают действительность так пристально, как не делал никто до них, кажется даже, что им неловко в этом замкнутом пространстве; и тем не менее, они размышляют

[1] *Vogüé Eugène-Melchior de*. Le Roman Russe. Paris: Plon, 1886. LV, 347 p. Книга до сих пор не переведена на русский язык, в 2005 г. было опубликовано авторское предисловие к ней: [3, с. 504–534].

над невидимым; описывая с крайней точностью знакомые всем вещи, они не забывают уделить особое внимание тому, что, как они подозревают, скрывается за ними» [3, с. 528].

Книга писателя, озабоченного оскудением религиозного чувства в странах Западной Европы и подчеркивавшего «буддийские» корни русской духовности и творчества особенно ценимого им Льва Толстого, в сущности, выполняла ту функцию, которую не могли выполнять для европейской публики доктрины славянофилов, поскольку они воспринимались как пропаганда извне. «Славянская раса, — утверждал Вогюэ, — не сказала еще своего великого слова в истории, а великое слово, которое любая раса призвана сказать, — это только религиозное слово. Под внешними покровами своего православия она его ищет в добросердечии, присущем всем слоям общества»[2].

Уже в 80-е гг. XIX в. и далее в значительной мере благодаря книге Вогюэ, которая пользовалась огромной популярностью, в центре дискуссий о русской литературе на Западе, оказался вопрос о причинах и характере влияния русских писателей, но также и о сущности русской литературы, о чертах ее отличия от литератур Запада. Для европейского читателя конца XIX в., не в последнюю очередь благодаря Вогюэ, своеобразие русской литературы (если собрать воедино наиболее распространенные суждения) заключалось в следующем: в напряженных поисках смысла жизни, отвечающих глубинным основам национального мироощущения, в неудовлетворенности теми представлениями о счастье, которые бытовали в западноевропейском романе, в активном сострадании человеку, поставленному в крайне тяжелое, унизительное положение, в удивительном богатстве внутреннего мира ее героев, в широте их интеллектуальных интересов.

Несомненно, что Толстой, Достоевский и Тургенев заинтересовали западноевропейского читателя выдвижением на первый план в своих романах нравственных вопросов. Русская литература на протяжении долгих десятилетий воспринималась во всем мире как литература, которая по сравнению с другими литературами проникнута бóльшим интересом к нравственной стороне человеческой личности, бóльшей тревогой за судьбу человека.

В той или иной мере на изложенные в этой книге взгляды опираются почти все авторы зарубежных историй русской литературы, но также и некоторых русских, созданных как до 1917 г., так

[2] *Vogüé Eugène-Melchior de*. Le Roman Russe. Paris: Plon, 1886. P. 343. Здесь и далее в тексте перевод выполнен автором статьи.

и эмигрантских, и современных. Большинство из них, ссылаясь на авторитет Вогюэ в интересующем нас вопросе или нет, сознательно или неосознанно, являются наследниками и продолжателями французского критика.

Вторая концепция, по убеждению ее авторов, прежде всего советских, но также и значительной части литературоведов стран так называемого «социалистического лагеря», восходит к идеям В.И. Ленина.

Теоретической базой для работ советских исследователей о мировом значении русской литературы служат статьи В.И. Ленина «Что делать?» и о Льве Толстом. Ленин отметил, что русский писатель «поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость»[3]. «Его мировое значение как художника, — подчеркивал Ленин, — его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции»[4]. Ссылки на эти слова Ленина переходили из одной работы в другую.

Как и можно было ожидать, в «Историях русской литературы», подготовленных в странах так называемой «народной демократии», будет много общего с аргументацией и выводами их советских коллег. Приведу мнение крупнейшего румынского ученого-гуманитария XX в., Тудора Виану, точка зрения которого, изложенная в его «Сравнительной истории мировой литературы» (1963) приводится авторами «Истории русской литературы», изданной в Бухаресте в 1968 г.:

> О специфических чертах русской литературы много говорилось уже с того момента, как она вышла на мировую арену, и все человечество услышало совершенно новый голос в поэтической симфонии мира. Новизна этого голоса объясняется, между прочим, и тем, что русские писатели XIX века жили жизнью своего народа, не только принимая в ней участие, что характерно для всех больших литературных эпох, но и стремясь внести свой вклад в разрешение множества конфликтов, появившихся в недрах старого строя. Тот, кто вдумчиво перечитывает сегодня Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чехова и стольких других, видит, как в них формируется тот идеал и то стремление к действию,

[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Госполитиздат, 1973. Т. 20. С. 20.
[4] Там же. С. 19.

которое неминуемо должно было привести сначала к революции 1905 года, а затем к Великой революции 1917 года[5].

В значительно меньшей степени эти взгляды отразились в работах, изданных на Западе. Д.П. Святополк-Мирский, автор одной из самых ярких историй русской литературы, явно выдает желаемое за действительное, утверждая:

> Западные историки русской литературы обычно с самого начала оповещают своих читателей о том, что русская литература отличается от всех других литератур мира своей тесной связью с политикой и историей общества. Это просто неверно. Русская литература, особенно после 1905 г., кажется удивительно аполитичной, если вспомнить, каких колоссальных политических катаклизмов она была свидетельницей. Даже разрабатывая «политические» сюжеты, современные русские писатели остаются по сути аполитичными — даже когда они заняты пропагандой (как Маяковский), она в их руках превращается не в цель, а в средство [5, с. 2].

Однако, как ни парадоксально, эта точка зрения, известная в СССР каждому школьнику, впервые в полной мере были сформулированы и обоснованы в книге испанской графини Эмилии Пардо Басан «Революция и роман в России», изданной в 1887 г., т. е. через год после появления книги Вогюэ и не получившей распространения, кроме, конечно, самой Испании и стран Латинской Америки[6]. Разумеется, не может быть никаких сомнений в том, что эта книга не была известна Ленину.

Более того, марксистская наука, как в СССР, так и в других странах, не подозревая об этом, скорее следовала за Пардо Басан, чем за Лениным. Советские литературоведы, которые впоследствии во всех своих работах повторяли слова Ленина и ссылались на его авторитет, писали о том, что русская литература, теснейшим образом связанная с общественной жизнью, *готовила* русскую революцию, между тем как, строго говоря, Ленин писал скорее о другом, о том, что Толстой в своем творчестве, будучи большим художником, *не мог не отражать* революционную ситуацию и надвигающуюся революцию. Между тем с точки зрения испанской графини русская литература и предвосхищала революцию, и *готовила* ее.

---

[5] *Kovacs A., Gane T., Zega N., Ghijitchi A., Loginovski E. Istoria literaturii ruse. Secolul XIX. Bucuresti: Editura didactica si pedagogica, 1968. Vol. I. P.* 6–7.

[6] См.: *Pardo Bazán E.* La Revolución y la novela en Rusia. Madrid: [S. n.], 1887. 451 p.

Выводы книги испанской романистки, никогда не бывавшей в России, не знавшей русского языка, коренным образом отличаются от выводов Вогюэ, имевших для нее большое значение, и обусловлено это было тем, что концепция Пардо Басан рождалась под перекрестным влиянием французских литераторов и русских революционеров-эмигрантов, с которыми она познакомилась в Париже. Двоих из своих русских друзей назвала сама писательница — это Исаак Яковлевич Павловский (1852–1924) и Лев Александрович Тихомиров (1852–1923). Из других русских источников следует упомянуть книги С.М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» и «Россия под властью царей»[7]. Под влиянием их идей о предстоящем крутом переломе в жизни России, стоящей на пороге великих, еще не виданных в Европе событий, испанская графиня отмечает, что «никчемные листки западных конституций» были разорваны в России непрочитанными и, пророчествуя, утверждает, что «русская революция не удовлетворится тем, чем удовлетворились западноевропейские»[8].

Испанская писательница предложила совершенно неожиданный для Западной Европы 80-х гг. XIX столетия подход к определению национального своеобразия русской литературы. Своеобразием этого подхода является перенос центра внимания с внутреннего достоинства произведений знаменитых русских писателей на проблему отражения в русском романе общественной борьбы в России. Благодаря своим русским знакомым испанская графиня первой в Европе обратила внимание на непосредственную, причинно-следственную связь между русской литературой и набиравшим силу революционным движением в России. Писательница ставит перед собой задачу проследить формы отражения исторического развития и социальных идей в современном русском романе, не упустить из виду, что «по венам русской литературы текут социалистические и коммунистические идеи»[9]. Более того, романы русских писателей, с ее точки зрения, как отражали предреволюционную ситуацию в России, так и участвовали в ее формировании.

Таков в концентрированном виде взгляд Пардо Басан на национальное своеобразие русской литературы. При этом как литература, так и «революция» вызывали у нее, представителя западной цивилизации, двойственное чувство, как неподдельного восхищения, так и тревоги.

---

[7] *Багно В.Е.* Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л.: Наука, 1982. С. 41–43.

[8] *Pardo Bazán E.* La Revolución y la novela en Rusia. Madrid: [S. n.], 1887. P. 224–225.

[9] Ibid. P. 102.

Можно лишь удивляться тому, что, при всем многообразии подходов и оценок как классического русского романа второй половины XIX столетия, так и русской литературы в целом, ее периодизации и эстетических особенностей, судя по всему в осмыслении национального ее своеобразия исследователи во многом сохраняли верность двум ярким концепциям, двум «текстам-архетипам» » (именно «архетипам», поскольку книга «Революция и роман в России» Пардо Басан, строго говоря, не является «источником»), одна из которых возникла в полемике с позитивизмом и натурализмом, а вторая в свою очередь полемична по отношению к первой. В то же время очевидно, что сочинение Пардо Басан во многом уступает книге Вогюэ, выдающемуся литературному манифесту XIX в., как глубиной постановки вопросов, так и влиянием на умы нескольких поколений интеллектуалов и любителей литературы во многих странах мира. Однако столь же очевидно, что в России имя испанской графини также не должно быть забыто.

Придется согласиться с тем, что для мировой культуры наибольшее значение имело то представление о русской литературе, которое формировалось в России, благодаря русским собеседникам Вогюэ и, разумеется, ему самому, получило резонанс в мире и которое может быть истолковано как «русский текст» в мировой культуре[10]. В то же время наиболее распространенные представления о национальном своеобразии русской литературы послужили основой ее литературной репутации в инонациональной среде.

За русской литературой на долгие времена закрепились, как в *commedia dell'arte*, харáктерная роль. В какой-то мере она должна была либо играть ее, либо идти наперекор, порождая обманутое ожидание и сопротивление в связи с этим обманутым ожиданием.

«Русский текст» является неотъемлемой частью русской литературы. При этом далеко не вся русская литература входит в «русский текст» мировой культуры.

Полной ясности, разумеется, нет и в разговоре о «Петербургском тексте» русской литературы, представление о котором благодаря В.Н. Топорову все мы имеем [6]. Что же касается русского текста мировой культуры, то с полной определенностью можно говорить лишь о том, что в него точно входит или определенно не входит. Но зона туманных сомнений еще более явственна.

[10] Работы, в которых по аналогии с «Петербургским текстом» русской литературы излагаются собственные представления о «русском тексте» русской литературы, не имеют отношения к нашей теме. См., например: [1].

Основу «русского текста» составляет классическая русская литература XIX в., великий русский роман, русская классика, в отношении к которой совпадают деятели культуры России и Э.-М. де Вогюэ. Это романы Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, «Записки охотника» и романы И.С. Тургенева, творчество А.С. Пушкина (прежде всего «Евгений Онегин», «Борис Годунов» и «Медный всадник»), Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова (прежде всего поэмы), романы И.А. Гончарова (прежде всего «Обломов»), творчество Н.С. Лескова.

Русский текст литературы советского, а тем более постсоветского периодов опознаваем с бóльшим трудом. И все же опыт и интуиция вполне могут подсказать нам, есть основания или нет оснований включать в него того или иного автора, то или иное произведение. Хотя именно в этом вопросе огромное значение имеет мнение наших зарубежных коллег. При этом почти безошибочная «подсказка» в одном случае будет «этического», а в другом «эстетического» характера. С определенными оговорками в него, видимо, входят А.П. Чехов, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин.

Главную проблему представляет не советская литература, как, казалось бы, можно было бы ожидать, а литература модернизма. Однако, бесспорно, в него входит едва ли не весь А.А. Блок, входят А.А. Ахматова и Б.Л. Пастернак, как ранним, так и поздним творчеством. Без особого труда можно более или менее убедительно включать в него творчество Максима Горького, как раннего, так и позднего, а также творчество Булгакова. По всей видимости, не входит почти вся литература авангарда. Без сомнения, входит «Тихий Дон». Входят И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, М.М. Пришвин, К.Г. Паустовский. Входит А.И. Солженицын, входят писатели-«деревенщики». Знаменательно, что в русский текст мировой культуры без каких-либо обсуждений безоговорочно был включен роман Е.Г. Водолазкина «Лавр». Знаменательно, что по версии газеты «The Guardian», наряду с «Преступлением и наказанием» Достоевского, роман «Лавр» вошел в топ-10 лучших книг мировой литературы о Боге[11].

Судя по всему, можно констатировать, что судьба русской литературы, отвечавшей чаяниям о «русском тексте», и той литературы, которая не собиралась им соответствовать, в мире в XX – начале XXI вв. была различной. Как известно, русский авангард изменил лицо европейского авангарда в живописи, в кинематографе, в театре,

[11] *Griffiths N.* Top 10 novels about God // The Guardian. 2017. December 6. URL: https://www.theguardian.com/books/2017/dec/06/top-10-novels-about-god (дата обращения: 03.03.2025).

в архитектуре. Что касается литературы, то, пожалуй, за исключением Маяковского и позже Хармса, ее приняли значительно более сдержанно, чем все новые версии давней харáктерной роли, наследуемой памятью нескольких поколений.

Тем большее значение имеют исключения из правила, те русские авторы, те русские книги, не вписывающиеся в прокрустово ложе «русского текста», но которые, вне зависимости от него, запомнились и полюбились не только в России, но и за рубежом. Это «Петербург» Андрея Белого, это В.В. Маяковский, М.И. Цветаева, это поэзия и проза Д.И. Хармса, это, возможно, Д.А. Пригов, В.В. Ерофеев, В.Г. Сорокин.

Сборник рассказов «Русские цветы зла» [4] (Сорокин, Виктор Ерофеев и др.) на Западе в литературных кругах был принят сочувственно, но без особого энтузиазма. Впрочем, эстетика знала как минимум уже бодлеровские «Цветы зла», так что главное о них ей уже было известно. Однако, с точки зрения европейской эстетики, не ведая стыда, расти они должны были в Европе, а в России почва обязана была порождать совсем другие растения.

Подводя итоги, можно сказать, что русская литература на протяжении вот уже полутора веков пытается вырваться из амплуа харáктерного актера, все новых вариаций «русского текста», тех ролей, в которых ей нет равных. Нельзя сказать, что ей это удается, нельзя утверждать, что у нее это не получается. В динамическом напряжении этих двух противоборствующих начал — залог ее возможного успеха и в будущем.

Литература

1. *Большев А.О.* Русский текст: К постановке проблемы // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 67–72.

2. История русской литературы XX века: Серебряный век / [В. Страда, Ж. Нива, Е. Эткинд и др.]; под ред. [и с предисл.] Ж. Нива и др. М.: Прогресс-Литера, 1995. 704 с.

3. К истории идей на Западе: «Русская идея» / под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома. Петрополис, 2010. 648 с.

4. Русские цветы зла: Родная проза конца XX в.: Лучшие писатели: [Антология / сост. и авт. вступ. ст. В. Ерофеев]. [2-е изд., испр.] М.: Подкова, 1997. 504 с.

5. *Святополк-Мирский Д.П.* История русской литератур с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2006. 872 с.

6. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 612 с.

Research Article

The Reputation of Russian Literature Abroad and the Russian Text of World Culture: Towards the Formulation of the Problem

© 2025. Vsevolod E. Bagno
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article outlines the concept of the difference between the foreign reputation of Russian literature and its reputation in Russia, the basis of which was formed by the most widespread ideas about the national originality of Russian literature. For the world culture, in the author's point of view, the greatest significance was the idea of Russian literature, which consisted in the intense search for the meaning of life, active compassion for man, interest in the moral side of the human personality, and which, thanks to Eugène-Melchior de Vogüe's book *Russian Novel* (1886), resonated in the world. By analogy with Vladimir Toporov's theory of the "Petersburg text" of Russian literature, those works of Russian literature which, for subsequent generations of fans of Russian literature throughout the world, met and meet this reputation, can be interpreted as the "Russian text" of world culture.

Keywords: The reputation of Russian literature abroad, Russian text of world culture.

Information about the author: Vsevolod E. Bagno, Corresponding Member of RAS, DSc in Philology, Scientific Supervisor, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1408-5511

E-mail: vsbagno@gmail.com

For citation: Bagno, V.E. "The Reputation of Russian Literature Abroad and the Russian Text of World Culture: Towards the Formulation of the Problem." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 347–357. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-347-357

References

1. Bol'shev, A.O. "Russkii tekst: K postanovke problem" ["Russian Text: A Problem Statement"]. *Mir russkogo slova*, no. 1, 2016, pp. 67–72. (In Russ.)

2. Strada, V., G. Niva, E. Etkind at al., editors. *Istoriia russkoi literatury XX veka: Serebrianyi vek* [*The History of 20th-Century Russian Literature: Silver Age*]. Moscow, Progress-Litera Publ., 1995. 704 p. (In Russ.)

3. Bagno, V.E., and M.E. Malikova, editors. *K istorii idei na Zapade: "Russkaia ideia"* [*On the History of Ideas in the West: "The Russian Idea"*]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Petropolis Publ., 2010. 648 p. (In Russ.)

4. *Russkie tsvety zla: Rodnaia proza kontsa XX v.: Luchshie pisateli: Antologiia* [*Russian Flowers of Evil: The Native Prose of the Late 20th Century: The Best Writers: Anthology*], comp. and inrod. article by Viktor Erofeev. [2nd ed., corr.] Moscow, Podkova Publ., 1997. 504 p. (In Russ.)

5. Sviatopolk-Mirskii, D.P. *Istoria russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god* [*The History of Russian Literature from Ancient Times to 1925*]. Novosibirsk, Svin'in and Sons Publ., 2006. 872 p. (In Russ.)

6. Toporov, V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury. Izbrannye Trudy* [*The Petersburg Text of Russian Literature. Selected Works*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2003. 612 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.03.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 04.03.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-358-374
https://elibrary.ru/VDUAQS

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

О мольеровском источнике утраченного сочинения юного Пушкина

© 2025, С.Ю. Павлова
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия

Аннотация: Статья строится в русле исследований русско-французских литературных связей и затрагивает проблему влияния комедий Мольера на творчество Пушкина. В фокусе внимания оказывается пока еще не изученный в отечественном литературоведении вопрос о непосредственном источнике утраченной пьесы юного поэта, к которой отсылает эпиграмма «Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur <…>», известная по воспоминаниям его сестры О.С. Павлищевой. На основе лексико-семантического анализа названия эпиграммы Пушкина выдвигается предположение о том, что сюжет мольеровской комедии, послужившей основой для сочинения начинающего русского поэта, включал мотив похищения героини ее возлюбленным. Пьесы французского драматурга, содержащие этот мотив («Летающий доктор», опубл. 1819; «Любовь-целительница», 1665; «Лекарь поневоле», 1666; «Сицилиец, или Амур-живописец», 1667), рассматриваются с точки зрения его значимости в сюжете, языковых средств выражения, жанровой специфики, соотнесенности с придворно-салонными нравами эпохи правления Людовика XIV, известности в русском культурном поле. Проведенное исследование опровергает закрепившееся в российской науке предположение о том, что источником пушкинского заимствования мог стать один из ранних фарсов Мольера. Автор приходит к выводу, что комедия, на которую ориентировался Пушкин, носила галантный характер, отвечавший как вкусам французской публики второй половины XVII в., так и атмосфере домашних чтений-импровизаций, с детства знакомой русскому поэту. Выводы содержат авторскую гипотезу о мольеровской комедии, ставшей основой утраченной пьесы Пушкина и упомянутой в его эпиграмме.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Мольер, литературный источник, литературное влияние, русско-французские литературные связи, галантность.

Информация об авторе: Светлана Юрьевна Павлова — доктор филологических наук, профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, 410012 г. Саратов, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7870-2772

E-mail: pavlovasy@sgu.ru

Для цитирования: Павлова С.Ю. О мольеровском источнике утраченного сочинения юного Пушкина // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 358–374. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-358-374

Творчество А.С. Пушкина занимает особое место в развитии русско-французских литературных связей. Прекрасное владение французским языком оказало огромное влияние на круг чтения, образование, литературные вкусы поэта, что в свою очередь способствовало формированию его уникальной творческой индивидуальности. Погруженность во французскую культуру ощущается на сюжетно-образном уровне его произведений, проявляется в использовании нетранслитерированных вкраплений в поэзии и прозе, сквозит в статьях и переписке.

С детских лет для Пушкина одним из наиболее значимых французских авторов был Ж.-Б. Мольер. Его интерес к комедиям выдающегося драматурга не ослабевал на протяжении всего творческого пути от стихотворения «Городок» (1815) через «Маленькие трагедии» (1830–1832) вплоть до знаменитой оценки характеров мольеровских персонажей в «Table-Talk» (1835–1836). Хотя отношение Пушкина к Мольеру претерпело незначительные изменения, он всегда отдавал должное таланту этого «исполина»[1] и относил его к числу «истинно великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII века»[2].

Проблема влияния комедий Мольера на творчество Пушкина является одним из аспектов изучения русско-французских литературных связей. Она находится в поле зрения отечественных филологов с 1880-х гг. и рассматривается в плане общего восприятия русским поэтом таланта французского комедиографа, а также генезиса и художественного своеобразия «Скупого рыцаря» и «Каменного гостя»[3] (см.: [14, с. 209–211; 12, с. 143–145; 8, с. 250–251]). Разработанность темы, однако, нельзя считать исчерпывающей. Цель настоящего

[1] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 17 [19] т. М.: Воскресение, 1994. Т. 1. С. 75.

[2] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 17 [19] т. М.: Воскресение, 1996. Т. 11. С. 270.

[3] См. подробнее: *Веселовский А.Н.* Этюды о Мольере. Мизантроп: опыт нового анализа пьесы и обзор созданной ею школы. М.: Изд-во К.Т. Солдатенкова, 1881. С. 113–115; *Томашевский Б.* «Маленькие трагедии» Пушкина и Мольер // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1936. Вып. 1. С. 115–133.

исследования заключается в попытке установить источник утраченного сочинения юного Пушкина, основанного на мольеровском сюжете.

Речь пойдет о первом из известных упоминаний Пушкиным Мольера, которое ориентировочно датируется 1808–1809 гг., когда, по воспоминаниям его сестры О.С. Павлищевой, поэт назвал имя французского драматурга в своей эпиграмме. На этот факт ссылаются многие биографы Пушкина[4] (см.: [15, с. 59; 14, с. 209] и др.). Сестра свидетельствует, что воспитанием детей занимались французские гувернеры, поэтому неудивительно, что они с братом «говорили и учились только по-французски»[5]. Маленький Пушкин нередко брал книги в отцовской библиотеке, состоявшей из французских классиков и философов XVIII в. Племянник поэта Л.Н. Павлищев уточняет: «дядя мой <...> перечитывал французские комедии Мольера и под впечатлением такого чтения сам стал упражняться в писании подобных же комедий, по-французски же» [11, с. 49]. Способствовало развитию страсти Пушкина к французской литературе и чтение вслух. О.С. Павлищева указывает, что «отец в особенности мастерски читывал им (детям. — *С.П.*) Мольера»[6]. Эта деталь семейной истории перекликается с утверждением Ю. Патуйе о том, что «дед Пушкина, говорят, знал его (Мольера. — *С.П.*) наизусть»[7].

Приведенные свидетельства показывают, что комедии Мольера были представлены в домашней библиотеке Пушкиных по-французски. В годы детства поэта некоторые из них были доступны и на русском языке. Так, еще в 1757 г. (переизд. в 1788) в переводе И. Кропотова вышло первое собрание сочинений Мольера, включавшее четыре пьесы — «Скупой», «Тартюф», «Школа мужей», «Школа жен». Во второй половине XVIII – начале XIX вв. появились и другие переводы, пересказы, переделки и подражания, благодаря которым русскому читателю стала доступна почти половина комедий французского драматурга[8].

---

[4] См. подробнее: *Скабичевский А.М.* Пушкин. Его жизнь и литературная деятельность: биографический очерк. СПб.: Тип. Высочайше утвержденного Т-ва «Общественная польза», 1897. С. 11; *Чулков Г.И.* Жизнь Пушкина. М.: Худож. лит., 1938. С. 15; *Гессен А.И.* Жизнь поэта. М.: Детская литература, 1972. С. 23 и др.

[5] *Павлищева О.С.* Воспоминания о детстве А.С. Пушкина (со слов сестры его О.С. Павлищевой), написанные в С.-П.-бурге 26 октября 1851 г. // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / под общ. ред. В.В. Григоренко и др. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 45.

[6] Там же.

[7] *Патуйе Ю.* Мольер в России. Берлин: Петрополис, 1924. С. 28.

[8] См. подробнее: *Бахтин Н.Н.* Мольер в русской литературе. (Биографический очерк) // *Мольер*. Полн. собр. соч.: в 2 т. СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1913. Т. 2. С. 611–618.

В роду Пушкиных, которых отличало «давнее семейное пристрастие <…> к галльской культуре» [3, с. 15–16], увлечение Мольером не ограничивалось домашними стенами. Родственники поэта с легкостью импровизировали на французском, чем особенно отличался старший брат его отца Л.В. Пушкин. Известна высокая оценка творчества Мольера, данная им в «Замечаниях о людях и обществе» (1827): «*Тартюф* и *Мизантроп* превосходнее всех нынешних трилогий. Не опасаясь гнева модных романтиков и несмотря на строгую критику Шлегеля, скажу искренно, что я предпочитаю Мольера — Гете <…>»[9]. Другой — двоюродный — дядя поэта по материнской линии А.М. Пушкин перевел с французского комедию Мольера «Тартюф», дав ей русифицированное название «Ханжеев, или Лицемер» (1809, постановка 1810)[10]. Хотя не все приведенные факты подтверждаются документально, само их наличие позволяет говорить об особой симпатии членов семьи поэта к французскому комедиографу, популярность которого в кругах русского дворянства и на театральных подмостках начала XIX в. была значительной[11].

Домашняя атмосфера поэтических чтений и импровизаций подтолкнула Пушкина к сочинительству, и «первые его попытки были, разумеется, на французском языке <…>»[12]. В качестве подтверждения О.С. Павлищева сообщает о том, как однажды начинающий поэт разыграл перед нею пьеску под названием «Похититель», которую она освистала за подражательный характер. Ничуть не обидевшись, Пушкин ответил самоироничной эпиграммой:

Dis-moi, pourquoi l’Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! C’est que le pauvre auteur
L’escamota de Molière[13].

---

[9] Цит. по: *Томашевский Б.В.* Примечания // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1978. Т. 7: Критика и публицистика. С. 465.

[10] В истории восприятия Мольера в России это была вторая попытка представить отечественному читателю его знаменитую комедию. При всех недостатках перевода, отмеченных уже современниками, его можно считать вполне успешным в плане передачи общей идеи и колорита мольеровского «Тартюфа». См. подробнее: *Родиславский В.И.* Мольер в России // Русский вестник. 1872. Т. 98. № 3. С. 55; *Бояджиев Г.Н.* Комментарии // *Мольер.* Собр. соч.: в 2 т. / под ред. Н.М. Любимова, С.С. Мокульского. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 1. С. 673. См. также: [13, с. 217].

[11] См. подробнее: *Родиславский В.И.* Мольер в России // Русский вестник. 1872. Т. 98. № 3. С. 51–74; *Томашевский Б.* Пушкин и французская литература // Литературное наследство / пригот. С.А. Макашин. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. Т. 31/32. С. 31; *Патуйе Ю.* Мольер в России. Берлин: Петрополис, 1924. С. 28.

[12] *Павлищева О.С.* Воспоминания о детстве А.С. Пушкина… С. 47.

[13] Там же.

— Скажи, почему «Похититель»
Освистан под крики партера?
— Увы! Бедный наш сочинитель
Похитил его у Мольера[14].

В воспоминаниях сестры поэта отсутствуют сведения о мольеровской пьесе, на которую ориентировался девятилетний Пушкин. По мнению Б.В. Томашевского и Л.И. Вольперт, авторов статьи о французском драматурге в «Пушкинской энциклопедии», «назв(ание) комедии говорит о том, что она восходила к фарсам М(ольера)» [14, с. 209]. Ученые ограничиваются этой общей формулировкой, отсылающей к популярному в XIV–XVII вв. театральному жанру. Как известно, связь комедий французского драматурга с фарсовой традицией была очень прочной[15] (см. также: [20; 2, с. 98; 7, с. 11]). Он не только считался одним из признанных мастеров этого жанра, запечатленных на знаменитой анонимной картине из коллекции Комеди Франсез «Французские и итальянские фарсеры» (1670), но и использовал фарсовые приемы в своих комедиях. Попытаемся определить, какая именно пьеса Мольера могла послужить источником раннего сочинения Пушкина.

В эпиграмме поэт использует французский глагол «escamoter», что в дословном переводе с французского означает «незаметно скрыть, спрятать концы, ловко подменить, ловко стянуть, выманить» [4, с. 416]. В Словаре Французской академии, начиная со второго издания 1718 г. и на протяжении двух последующих веков, он пояснялся так: «Отнять, изменить, заставить что-то исчезнуть в один миг, незаметно. В широком смысле слова означает ловко украсть, незаметно». («Oster, changer, faire disparoistre quelque chose par un tour de main sans qu'on s'en apperçoive. Il signifie par extention, voler subtilement sans qu'on s'en apperçoive»)[16]. Значение глагола связывалось с идеей неожиданного исчезновения. Неслучайно, примеры его использования касались игры в кости или карты. Обратим внимание, что в шестом издании словаря, вышедшем в 1835 г., в определение слова добавляется небезынтересное дополнение: «незаметно для зрителей» («sans que les spectateurs

[14] Перевод здесь и далее наш. — *С.П.*

[15] См. подробнее: *Lebègue R.* Molière et la farce // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1964. № 16. P. 183–201; *Бордонов Ж.* Мольер. М.: Искусство, 1983. С. 77.

[16] Dictionnaire de l'Académie française. 2e édition. 1718. URL: https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A2E0751 (дата обращения: 17.03.2024).

s'en aperçoivent»)[17]. Оно отсылает к театральному представлению, актерству, розыгрышу. Словарная фиксация этого значения свидетельствует о его широком распространении в начале XIX в. Еще один смысловой оттенок отражает пример употребления глагола в словаре Эмиля Литтре, взятый из пьесы «Игра любви и случая» (1730) младшего современника Мольера П. де Мариво: «Ты вполне могла бы и Доранта увести у своей хозяйки». («Tu pourrais bien aussi escamoter Dorante à ta maîtresse»)[18]. В пятом явлении первого действия комедии эту фразу произносит Марио, обращаясь к Сильвии, которая решила проверить чувства жениха, поменявшись местами со своей служанкой. Глагол в непрямом значении помещается в новый смысловой контекст, связанный со сферой любовных отношений, что для нашего исследования представляется особенно значимым. Во французских словарях XVII–XIX вв. однокоренное существительное «escamoteur», выбранное Пушкиным, считалось отглагольным и обозначало человека, осуществлявшего перечисленные выше действия.

Название «L'Escamoteur» специалисты по творчеству русского поэта переводят как «Похититель» и в финальной строке четверостишия используют глагол «похищать». В русском языке согласно словарю В.И. Даля этот глагол трактуется преимущественно негативно: «Хищнически захватить, унести; пограбить, украсть; отнять, отбить; завладеть воровски, уничтожить, истребить, лишить чего»[19]. В сравнении с ним, французское слово «escamoter» имеет более мягкое значение, несет не столь выраженную отрицательную коннотацию, подчеркивает ловкость, игровой, незаметный характер манипуляций, приводящий к исчезновению объекта.

Пушкин обыгрывает потенциал именно французского значения, причем как в прямом, так и в переносном смысле слова. Он подразумевает, во-первых, сюжетный мотив своей пьесы-импровизации, а во-вторых, использование чужой творческой идеи. В сочинении, которому посвящена эпиграмма, речь явно идет не о грубой краже или низком воровстве, а о ловком и виртуозном похищении-исчезновении шутливого характера. Исходя из этого, замысел пушкинской пьесы можно связать с шестью комедиями Мольера, такими как

[17] Dictionnaire de l'Académie française. 6e édition. 1835. URL: https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A6E1441 (дата обращения: 17.03.2024).

[18] Dictionnaire Littré. URL: https://www.littre.org/definition/escamoter (дата обращения: 23.06.2024).

[19] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1865. Ч. 3. С. 333.

«Летающий доктор» (опубл. 1819), «Урок мужьям»[20] (1661), «Урок женам» (1662), «Любовь-целительница» (1665), «Лекарь поневоле» (1666) и «Сицилиец, или Амур-живописец» (1667). В жанровом отношении фарсом является только первая, все остальные — комедии.

В основе сюжета этих пьес лежит любовная интрига, строящаяся на нежелании отца, опекуна или хозяина героини выдать ее замуж согласно сердечной склонности. Счастливая развязка достигается благодаря хитрости, помогающей незаметно отнять девушку у того, кто мешает ее союзу с избранником. Из шести пьес две написаны в стихах — «Урок мужьям» и «Урок женам», — что представляется значимым с учетом дарования Пушкина и семейной традиции стихотворных переделок-подражаний. Однако в этих комедиях обман исходит от героини, она сама проявляет инициативу и совершает побег из дома. Ее возлюбленный выступает не похитителем, а помощником. Распределение ролевых функций между ними не соответствует названию пьесы Пушкина, отсылающему к персонажу мужского пола, что делает оба «Урока» менее вероятными источниками сюжета его театральной импровизации.

Логично предположить, что похититель — это влюбленный герой, осуществляющий план по спасению девушки из-под власти того, кто ее неволит. Такая расстановка действующих лиц присутствует в четырех прозаических пьесах Мольера. В комедии «Любовь-целительница» Клитандр ради своей возлюбленной Люсинды, притворившейся больной, переодевается доктором и предлагает ее отцу, не желающему слышать ни о каком замужестве, в качестве эффективного средства лечения как бы в шутку разрешить дочери стать его женой. Сганарель соглашается, подписывает брачный договор между Люсиндой и псевдолекарем, а потом узнает, что документ был настоящим. Клитандр прибегает к обману с переодеванием и подлогом, чтобы соединиться с возлюбленной и таким образом в переносном смысле слова «похитить» ее у отца.

В отличие от «Любви-целительницы», в трех оставшихся пьесах героиня исчезает из дома и в прямом смысле слова. У Мольера такой поворот сюжета впервые встречается в фарсе «Летающий доктор». Идея о похищении возникает в самом начале пьесы (в первом явлении), когда для осуществления брачных планов Люсиль и Валера ее кузина предлагает посоветовать Горжибюсу поселить дочь в другом месте якобы для поправки здоровья. Реализует эту хитрость пере-

[20] Комедии «L'École des maris» и «L'École des femmes» в дореволюционных изданиях Мольера переводились как «Школа жен» и «Школа мужей», но в XX в. закрепился перевод «Урок мужьям» и «Урок женам», который мы используем как предпочтительный.

одетый лекарем слуга жениха Сганарель, по совету которого отец позволяет дочери покинуть дом, что и дает ей возможность соединиться с Валером. В конце пьесы влюбленные все же возвращаются к Горжибюсу, надеясь на его прощение. Мотив похищения становится в «Летающем докторе» завязкой сюжета, однако в процессе его развития оказывается на периферии и уступает место изображению плутней слуги, который выдает себя за лекаря, то есть типично фарсовому содержанию.

Более детально сюжетную схему этого фарса Мольер разрабатывает в комедии «Лекарь поневоле». Здесь наблюдается похожее соединение обязательной для жанра любовной интриги с типично фарсовыми приемами перебранки супругов, рукоприкладства и обмана. Комедия явно перекликается с «Летающим доктором». Центральным персонажем вновь выступает Сганарель, но теперь в качестве торговца хворостом, а не слуги. Вследствие ссоры с женой он вынужден притвориться доктором и взяться за лечение немоты Люсинды, дочери Жеронта. Болезнь героини оказывается мнимой и служит способом сопротивления отцу, который не соглашается на ее брак с небогатым Леандром. Мотив похищения возникает в середине пьесы. Добившись содействия Сганареля, жених переодевается его помощником-аптекарем и уводит Люсинду из отцовского дома. Благополучная развязка наступает благодаря тому, что Леандр получает большое наследство и во всем признается Жеронту.

Последняя по времени вариация сюжета о похищении героини возлюбленным возникает в комедии «Сицилиец». Она строится на сквозном мотиве хитрости, с помощью которой французский дворянин Адраст устраивает побег рабыни-гречанки Изидоры из дома сицилийца дона Педро. Персонажи-мужчины оказываются соперниками в любви. Дон Педро дарует невольнице свободу, чтобы насильно сделать своей женой, Адраст же в нее влюбляется и, надеясь на взаимность, хочет избавить от ревнивого сицилийца. В этой комедии плутни героев полностью подчинены любовной интриге и сопровождаются галантным антуражем. Сначала Адраст и его слуга Али привлекают внимание прекрасной гречанки с помощью певцов, которые под ее окнами исполняют пасторальную сценку о жалобах двух влюбленных пастухов и их веселом приятеле, превращающем любовные страдания в шутку. Затем плутоватый слуга придумывает способ сообщить Изидоре о чувствах своего хозяина. Выдавая себя за виртуозного музыканта и торговца рабами, он разыгрывает еще одно мини-представление о назойливом ревнивце и молодом влюбленном, ждущем ответа от красавицы.

Эти хитрости предваряют центральный эпизод с обманом-похищением, который занимает половину пьесы (с девятого по заключительное двадцатое явление). Ради общения с Изидорой Адраст притворяется художником, под этим предлогом попадает в дом и начинает рисовать ее портрет, а спустя какое-то время приходит снова якобы за своей женой, которая попросила защиты от него у дона Педро. Сицилиец воображает, что примирил супругов и с радостью отпускает их из своего дома. В действительности с Адрастом уходит не мнимая жена, а Изидора, скрывшая свой стан под покрывалом. Мораль комедии Мольер формулирует так: «Ревнивец — всем ненавистное чудовище <…> овладеть сердцем можно лишь добротой и лаской»[21]. Даже сенатор, к которому дон Педро обращается с жалобой на француза-похитителя, остается глух к его стенаниям и приглашает насладиться репетицией предстоящего маскарада. Согласно авторской ремарке, последнее явление представляет собой танец в костюмах мавров. Оно знаменует триумф веселья, удовольствия и блестящего перевоплощения, ставшего основным сюжетным приемом в этой комедии.

Для определения источника пушкинского замысла проанализируем, прежде всего, лексику, относящуюся в комедиях Мольера к мотиву похищения возлюбленной. Глагол «escamoter» или однокоренное существительное французский драматург не употребляет ни разу. Его смысловой аналог встречается дважды — в «Лекаре поневоле» и «Сицилийце». Леандр, обращаясь к Жеронту, использует глагол «voler» («Je ne prétends point vous voler votre fille» [18, p. 766]; основное значение дословного перевода — «красть, воровать, похищать» [4, с. 1162]); дон Педро в диалоге с сенатором употребляет глагол «enlever» («Il m'a enlevé une fille que j'avais affranchie» [19, p. 827]; третье и четвертое значение — «увозить, похищать, брать, отбирать» [4, с. 398]).

Обратим внимание, что в переводах этих реплик на русский язык используется глагол «похищать» как для французского «voler» (Леандр: «Я не хочу похищать вашу дочь»[22]), так и «enlever» (дон Педро: «Он (Адраст. — *С.П.*) похитил у меня отпущенную на волю рабыню»[23]). Предпочтение в выборе именно этого языкового эквивалента вызывает переклички с существующими вариантами дословного

[21] *Мольер*. Сицилиец, или Амур-живописец / пер. с франц. З.А. Венгеровой // *Мольер*. Полн. собр. соч.: в 4 т. М.: Искусство, 1966. Т. 2. С. 509.

[22] *Мольер*. Лекарь поневоле / пер. с франц. Н. Ман // *Мольер*. Полн. собр. соч.: в 4 т. М.: Искусство, 1966. Т. 2. С. 439.

[23] *Мольер*. Сицилиец, или Амур-живописец / пер. с франц. З.А. Венгеровой // *Мольер*. Полн. собр. соч.: в 4 т. М.: Искусство, 1966. Т. 2. С. 510.

перевода эпиграммы Пушкина. Такое совпадение в выборе одного и того же русского слова «похищать» для передачи трех разных французских глаголов («escamoter», «voler», «enlever») показывает, что переводчики имеют в виду самые нейтральные из предложенных В.И. Далем значений — «отнять» и «лишить чего-то». Они ближе всего соотносятся со смыслом французского «escamoter» и подходят как для выражения мысли о неожиданном исчезновении одного человека с помощью другого из-под власти третьего, так и о ловком заимствовании чего-то у кого-то. В целом, лексический анализ не дает оснований для однозначного вывода об источнике пушкинского заимствования. Можно лишь предположить, что, выбирая название для своей пьесы-импровизации, поэт отталкивался не от конкретного слова, о от идеи незаметного похищения-исчезновения, почерпнутой у Мольера.

В рассматриваемых пьесах она разработана с разной степенью основательности. Менее всего эта идея просматривается в «Любви-целительнице», где отсутствует эффект незаметного исчезновения героини в физическом смысле этого слова. Из трех оставшихся комедий собственно похищение происходит в «Лекаре поневоле» и «Сицилийце». В «Летающем докторе» героиня покидает родительский дом по повелению обманутого слугой отца и делает это без непосредственного участия возлюбленного. Этот фарс можно исключить из списка предполагаемых источников еще и потому, что он был впервые напечатан только в 1819 г., когда французский эрудит Э.-Л.-Н. Вьоле-ле-Дюк (1781–1857) опубликовал его вместе с фарсом «Ревность Барбулье». Вопрос об атрибуции этих текстов долгое время оставался открытым. В собраниях сочинений французского драматурга «Летающий доктор» печатается с 1845 г. Следовательно, в годы детства Пушкина фарс не был известен и не мог попасть в круг чтения начинающего поэта.

Совсем иначе обстояло дело с комедией «Лекарь поневоле». По всей вероятности, в начале XIX в. русская публика была довольно хорошо с нею знакома. Эта комедия под названием «Доктор принужденный» упоминается в Государственном посольском приказе 1709 г. в числе двух первых мольеровских пьес, переведенных на русский язык[24]. Перевод был осуществлен между 1702–1709 гг., но рукопись не сохранилась. К петровской эпохе относятся и первые сценические

[24] *Рулин П.И.* Русские переводы Мольера в XVIII в. // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР / ред. Е.Ф. Карский. Л.: АН СССР, 1928. Т. I. Кн. I. С. 222.

версии пьесы[25]. Во времена Пушкина комедия была известна в переводе П.С. Свистунова (1732–1808), выполненном в 1788 г. [9, с. 102]. Она получила название «Лекарь поневоле» и ставилась на сценах Петербурга и Москвы. Комедия «Сицилиец» была впервые переведена на русский язык А.А. Волковым (1736–1788) в 1758 г. (постановка) и опубликована в 1766 г.[26] В одном из важнейших документов по истории русского театра — «Драматическом словаре» 1787 г. — именно «Сицилиянец» (1766)[27], наряду со «Школой жен и школой мужей» (1757), значится в списке девяти пьес Мольера, поставленных на сцене[28]. Доступность комедий в русскоязычном культурном поле могла повлиять на интерес Пушкина к первоисточнику, но даже в этом случае вряд ли стала определяющей при выборе сюжета для собственного сочинения, поскольку его восприятие драматургии Мольера основывалось на оригинальных текстах.

Обратим внимание, что в воспоминаниях О.С. Павлищевой говорится о страсти Пушкина «импровизировать маленькие комедии»[29]. Объем мольеровских пьес заметно отличается. «Лекарь поневоле» включает три акта, «Сицилиец» — всего один. Показательно, что современник Мольера, популярный стихотворец-хроникер Шарль Робине назвал эту пьесу «шедевром <…> в миниатюре» (цит. по: [17, p. 1501]).

Разнится и роль галантного эпизода с исчезновением-похищением. В «Лекаре поневоле» он всего лишь дополняет основное действие, состоящее из фарсовых сцен с участием слуги Сганареля, тогда как в «Сицилийце» находится в центре. Более того, этот эпизод становится частью череды театрализованных перевоплощений-розыгрышей, что соответствует смысловому наполнению французской лексемы, значениями которой играет Пушкин.

Помимо намека на суть интриги, его эпиграмма подразумевает мысль о похищении сюжета. Она вполне отвечала драматургической практике XVII в. и творчеству Мольера, которого не раз обвиняли в заимствованиях. Так, в комедии «Сицилиец» он не только повторяет дважды апробированный им самим сюжетный ход с похищением-исчезновением героини, но и использует чужие творческие идеи.

---

[25] *Бояджиев Г.Н.* Комментарии // *Мольер*. Собр. соч.: в 2 т. / под ред. Н.М. Любимова, С.С. Мокульского. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 2. С. 691.

[26] *Стенник Ю.В.* Волков Александр Андреевич // Словарь русских писателей XVIII в. / отв. ред. А.М. Панченко. Л.: Наука, 1988. Вып. 1: А–И. С. 167.

[27] Название этой и следующих комедий приводится по источнику.

[28] См.: *Варнеке Б.* История русского театра XVII–XIX веков. 3-е изд. М.; Л.: Искусство, 1939. С. 98.

[29] *Павлищева О.С.* Воспоминания о детстве А.С. Пушкина… С. 47.

В их числе серенада под окном возлюбленной, мизансцена, восходящая к итальянской комедии дель арте, или рисование ее портрета переодетым героем как способ тайного общения, эпизод, встречающийся в творчестве современников Мольера [17, p. 1502–1503].

Вопрос об источнике пушкинского замысла не может быть решен без учета остроумно-шутливого, развлекательного характера его четверостишия. Он не только свидетельствовал об изобретательности юного поэта, но и отражал дух галантной культуры, проникшей в Россию в начале XVIII в. благодаря петровским реформам [6, с. 13; 1, с. 71; 10, с. 239] и зародившейся во Франции в XVII в. [16; 21; 5]. Как известно, галантность в значительной степени повлияла на французские придворно-салонные нравы и литературно-театральную жизнь в годы правления Людовика XIV, когда и расцвел гений Мольера. Авторское желание приятным и изящным образом развлечь публику отчетливо просматривается в его «Сицилийце», названном Вольтером «единственной маленькой одноактной пьесой, где есть грация и изящество»[30]. Характер галантной игры несет уже двойное название пьесы — «Le Sicilien ou l'Amour peintre» («Сицилиец, или Любовь-живописец» — в пер. Ф.Н. Устрялова, «Сицилиец, или Амур-живописец» — в пер. З.А. Венгеровой). Драматург выносит в заглавие слово, маркирующее центральный комический персонаж, — дона Педро, а подзаголовком намекает на ловкую выдумку с переодеванием Адраста в художника, позволившую влюбленным обмануть ревнивца и счастливо соединиться. Этот намек может означать и силу любовного чувства, способного преобразить, как бы нарисовать по-другому судьбу героини. Французские комментаторы обращают внимание на то, что второе название предполагает не указание на персонажа комедии бога Амура, а содержит метонимическую отсылку к чувству любви или влюбленному герою, что в драматургии XVII в. встречалось редко [17, p. 1501].

Установка на галантное развлечение определяет и принцип построения комедии. Мольер органично соединяет прозаический текст со стихотворными вставками, танцевальными выходами, вокально-музыкальными номерами, элементами маскарада. Показательно, что первоначально эта пьеса была заключительной четырнадцатой частью («выходом» / «entrée») большого придворного представления под названием «Балет Муз» («Ballet des Muses»), который разыгрывался зимой 1666–1667 гг. в Сен-Жермен-ан-Ле. Постановки комедии в XVII в. шли под музыку известных французских композиторов. Ее

[30] *Voltaire*. Vie de Molière, avec des jugements sur ses ouvrages. Amsterdam: Chez Jean Catouffe, 1739. P. 58.

премьера 14 февраля 1667 г. сопровождалась музыкой Ж.-Б. Люлли, а в 1690-е гг. спектакль ставился на сцене Комеди Франсез под музыку М.-А. Шарпантье. Жанровый синтез, осуществленный Мольером в «Сицилийце», демонстрировал ключевое умение любого служителя муз галантного века — «искусство нравиться» («l'art de plaire»), то самое, которое должно было доставить публике наивысшее удовольствие. Неслучайно, именно слово «удовольствие» («plaisir») звучит в финальной сцене комедии.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что пьеса-импровизация Пушкина, упоминание о которой сохранилось в эпиграмме «L'Escamoteur», основывалась не на фарсе, с присущим ему грубым и сниженным комизмом, а на одной из мольеровских комедий, носивших галантный характер. С высокой степенью вероятности это могла быть комедия «Сицилиец». Такая атрибуция дает основания предполагать, что утраченное сочинение русского поэта строилось на галантном сюжете с мотивом похищения героем его возлюбленной, которая неожиданно исчезает из дома в результате ловкого обмана. Как представляется, шутливый и непринужденный характер такой пьесы вполне отвечал возрасту юного Пушкина и не противоречил радостно-эпикурейским мотивам, звучащим в его раннем творчестве.

Литература

1. *Акимова Т.И.* Литературное творчество Екатерины II: «галантный диалог» в системе авторских стратегий (истоки, функции, жанры): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 465 с.

2. *Андреев М.Л.* Классическая европейская комедия: структура и формы. М.: РГГУ, 2011. 234 с.

3. *Вольперт Л.И.* Пушкинская Франция. 2-е изд., испр. и доп. Тарту, 2010. Интернет-публикация. 570 с.

4. *Гак В.Г., Ганшина К.А.* Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1993. 1194 с.

5. *Голубков А.В.* Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 294 с.

6. *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). М.: ИМЛИ РАН, 2010. 383 с.

7. *Дунаева Е.А.* Великий лицедей или обманщик: Эволюция фарса в высоких комедиях Мольера. 2-е изд. М.: Navona, 2018. 398 с.

8. *Дунаева Е.А.* О русском Мольере // Вопросы театра. Proscaenium. 2018. № 3/4. С. 244–255.

9. *Заборов П.Р.* Свистунов Петр Семенович // Словарь русских писателей XVIII в. / отв. ред. А.М. Панченко. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3: Р–Я. С. 101–103.

10. *Зайцева Н.В.* Артикуляция привилегированной европейской культурной модели Нового времени: галантная эпоха XVII в.: дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2022. 506 с.

11. *Павлищев Л.Н.* Из семейной хроники: А.С. Пушкин; *Арапова А.П.* Наталья Николаевна Пушкина-Ланская / сост., предисл., подгот. текста, коммент. Г.А. Галина. М.: Три века истории, 2000. 512 с.

12. *Подгаецкая И.Ю.* О французском классическом стиле // *Подгаецкая И.Ю.* Избранные статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 120–151.

13. *Сайкина Н.В.* Алексей Михайлович Пушкин // Русские писатели. 1800–1817. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5: П–С. С. 216–218.

14. *Томашевский Б.В., Вольперт Л.И.* Мольер // Пушкин: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2004. Т. XVIII–XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / отв. ред. В.Д. Рак. С. 209–211.

15. *Тыркова-Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина: в 2 т. М.: Молодая гвардия, 1998. Т. 1: 1799–1824. 471 с.

16. *Denis D.* Le Parnasse galant. Instruction d'une catégorie littéraire au XVII siècle. Paris: Honoré Champion éd., 2001. 390 p.

17. *Louvat-Molozay B., Bourqui C., Piéjus A.* Note sur le texte // *Molière.* Œuvres complètes: en 2 vol. / sous la direction de G. Forestier et C. Bourqui. Paris: Gallimard, 2010. T. 1. P. 1497–1505.

18. *Molière.* Le médecin malgré lui // *Molière.* Œuvres complètes: en 2 vol. / sous la direction de G. Forestier et C. Bourqui. Paris: Gallimard, 2010. T. 1. P. 731–766.

19. *Molière.* Le Sicilien, ou L'Amour peintre // *Molière.* Œuvres complètes: en 2 vol. / sous la direction de G. Forestier et C. Bourqui. Paris: Gallimard, 2010. T. 1. P. 807–827.

20. Rey-Flaud B. Molière et la farce. Genève: Droz, 1996. 267 p.

21. *Viala A.* La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu'à la Révolution. Paris: Presses Universitaires de France, 2008. 540 p.

Research Article

About the Molière Source of Young Pushkin's Lost Work

© 2025. Svetlana Yu. Pavlova
Saratov State University,
Saratov, Russia

Abstract: The article is based on research into Russian-French literary connections and explores the influence of Molière's comedies on Pushkin's work. The focus

is on an issue that has not yet been studied in Russian literary studies: the direct source of the lost play of the young poet, to which the epigram “Dis-moi, pourquoi l’Escamoteur <…>” refers, known from the memoirs of his sister Olga Pavlishcheva. Based on a lexical-semantic analysis of Pushkin’s epigram title, an assumption is made that the plot of Molière’s play, which served as the basis for the composition of the aspiring Russian poet, included the motif for the heroine’s kidnapping by her lover (*Le Médecin volant*, publ. 1819; *L’Amour médecin*, 1665; *Le Médecin malgré lui*, 1666; *Le Sicilien ou l’Amour peintre*, 1667). The plays of the French playwright containing this motif are examined from the point of view of their significance in the plot, linguistic means of expression, genre specificity, their correlation with the courtly and salon customs of the reign of Louis XIV, and popularity in the Russian cultural field. The study refutes the assumption in Russian science that the source of Pushkin’s borrowing could be one of Molière’s early farces. The author comes to the conclusion that the comedy that Pushkin was guided by was gallant in nature, meeting both the tastes of the French public of the second half of the 17th century and the atmosphere of home readings and improvisations, familiar to the Russian poet from childhood. The conclusions contain the author’s hypothesis about Molière’s comedy, which became the basis of Pushkin’s lost play and is mentioned in his epigram.

Keywords: Alexander Pushkin, Molière, literary source, literary influence, Russian-French literary connections, gallantry.

Information about the author: Svetlana Yu. Pavlova, DSc in Philology, Associate Professor, Saratov State University, Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7870-2772

E-mail: pavlovasy@sgu.ru

For citation: Pavlova, S.Yu. “About the Molière Source of Young Pushkin’s Lost Work.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 358–374. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-358-374

References

1. Akimova, T.I. *Literaturnoe tvorchestvo Ekateriny II: “galantnyi dialog” v sisteme avtorskikh strategii (istoki, funktsii, zhanry)* [*Literary Work of Catherine II: “Gallant Dialogue” in the System of Author’s Strategies (Origins, Functions, Genres): DSc Dissertation*]. Moscow, 2015. 465 p. (In Russ.)

2. Andreev, M.L. *Klassicheskaia evropeiskaia komediia: struktura i formy* [*Classical European Comedy: Structure and Forms*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2011. 234 p. (In Russ.)

3. Vol’pert, L.I. *Pushkinskaia Frantsiia* [*Pushkin’s France*]. 2nd ed., rev. and enl. Tartu, 2010. Internet Publication. 570 p. (In Russ.)

4. Gak, V.G., and K.A. Ganshina. *Novyi frantsuzsko-russkii slovar’* [*New French-Russian Dictionary*]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1993. 1194 p. (In Russ.)

5. Golubkov, A.V. *Pretsioznost’ i galantnaia traditsiia vo frantsuzskoi salonnoi literature XVII veka* [*Preciosité and Gallant Tradition in French Salon Literature of the 17th Century*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 294 p. (In Russ.)

6. Grechanaia, E.P. *Kogda Rossiia govorila po-frantsuzski: russkaia literatura na frantsuzskom iazyke (XVIII – pervaia polovina XIX veka)* [*When Russia Spoke French: Russian Literature in French (18th – First Half of the 19th Century)*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. 383 p. (In Russ.)

7. Dunaeva, E.A. *Velikii litsedei ili obmanshchik: Evoliutsiia farsa v vysokikh komediiakh Mol'era* [*The Great Actor or Deceiver: The Evolution of Farce in the High Comedies of Molière*]. 2nd ed. Moscow, Navona Publ., 2018. 398 p. (In Russ.)

8. Dunaeva, E.A. "O russkom Mol'ere" ["About the Russian Molière"]. *Voprosy teatra. Proscaenium*, no. 3/4, 2018, pp. 244–255. (In Russ.)

9. Zaborov, P.R. "Svistunov Petr Semenovich" ["Svistunov Petr Semenovich"]. Panchenko, A.M., editor. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII v.* [*Dictionary of Russian Writers of the 18th Century*], issue 3: R–Ia [R–Ya]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 101–103. (In Russ.)

10. Zaitseva, N.V. *Artikuliatsiia privilegirovannoi evropeiskoi kul'turnoi modeli Novogo vremeni: galantnaia epokha XVII v.* [*Articulation of the Privileged European Cultural Model of the Modern Period: The Gallant Era the 17th Century: DSc Dissertation*]. St. Peterburg, 2022. 506 p. (In Russ.)

11. Pavlishchev, L.N. *Iz semeinoi khroniki: A.S. Pushkin* [*From a Family Chronicle: A.S. Pushkin*]; Arapova, A.P. *Natal'ia Nikolaevna Pushkina-Lanskaia* [*Natalya Nikolaevna Pushkina-Lanskaya*], ed., preface, text prep. and comm. by G.A. Galina. Moscow, Tri veka istorii Publ., 2000. 512 p. (In Russ.)

12. Podgaetskaia, I.Iu. "O frantsuzskom klassicheskom stile" ["About the French Classic Style"]. Podgaetskaia, I.Iu. *Izbrannye stat'i* [*Selected Articles*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 120–151. (In Russ.)

13. Saikina, N.V. "Aleksei Mikhailovich Pushkin" ["Alexey Mikhailovich Pushkin"]. *Russkie pisateli. 1800–1817. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1817. Biographical Dictionary*], vol. 5: P–S [P–S], ed. by P.A. Nikolaev. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 216–218. (In Russ.)

14. Tomashevskii, B.V., and L.I. Vol'pert. "Mol'er" ["Molière"]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [*Pushkin: Research and Materials*], vol. 18–19: Pushkin i mirovaia literatura. Materialy k "Pushkinskoi entsiklopedii" [Pushkin and World Literature. Materials for the Pushkin Encyclopedia], ed. by V.D. Rak. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 209–211. (In Russ.)

15. Tyrkova-Vil'iams, A.V. *Zhizn' Pushkina: v 2 t.* [*Pushkin's Life: in 2 vols.*], vol. 1: 1799–1824 [1799–1824]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1998. 471 p. (In Russ.)

16. Denis, Delphine. *Le Parnasse galant. Instruction d'une catégorie littéraire au XVII siècle*. Paris, Honoré Champion éd., 2001. 390 p. (In French)

17. Louvat-Molozay, Bénédicte, Claude Bourqui, et Anne Piéjus. "Note sur le texte." Molière. *Œuvres complètes: en 2 vol.*, t. 1, sous la direction de G. Forestier et C. Bourqui. Paris, Gallimard, 2010, pp. 1497–1505. (In French)

18. Molière. "Le médecin malgré lui." Molière. *Œuvres complètes: en 2 vol.*, t. 1, sous la direction de G. Forestier et C. Bourqui. Paris, Gallimard, 2010, pp. 731–766. (In French)

19. Molière. “Le Sicilien, ou L’Amour peintre.” Molière. *Œuvres complètes: en 2 vol.*, t. 1, sous la direction de G. Forestier et C. Bourqui. Paris, Gallimard, 2010, pp. 807–827. (In French)

20. Rey-Flaud, Bernadette. *Molière et la farce*. Genève, Droz, 1996. 267 p. (In French)

21. Viala, Alain. *La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu’à la Révolution*. Paris, Presses Universitaires de France, 2008. 540 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 17.03.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-375-395
https://elibrary.ru/URGRUH

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Пушкинские автографы в коллекции П.Я. Дашкова (по материалам архива)

© 2025, А.В. Дубровский
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена петербургскому меценату и библиографу Павлу Яковлевичу Дашкову (1849–1910). В течение жизни на свои средства он собрал уникальную коллекцию изобразительных материалов и документов по истории культуры и общественной жизни России XVIII–XIX вв. Жемчужиной этой коллекции стали пушкинские автографы. Павел Яковлевич ушел из жизни в 1910 г. Его родной брат Дмитрий Яковлевич (1853–1928) передал в Пушкинский музей Александровского лицея несколько автографов А.С. Пушкина, а также тетрадь, содержащую списки 83 стихотворений А.С. Пушкина, поэмы «Гавриилиада» и отрывка из «Каменного гостя». В статье раскрывается история приобретения данных рукописей на основании записей, счетов, деловых писем, содержащихся в нескольких десятках переплетенных тетрадей, хранящихся в фонде П.Я. Дашкова. Несколько автографов Пушкина, в том числе «Заметки по русской истории XVIII века» (в самой рукописи заглавие отсутствует), были приобретены коллекционером в 1878 г. вместе с архивом у сына М.Е. Лобанова Леонида Михайловича при посредничестве художника Андрея Константинова. Сохранился счет антикварного магазина русских и иностранных книг И.Г. Мартынова за «59 автографов русских», согласно которому за автографы Пушкина П.Я. Дашков заплатил столько же, как за Державина и Булгарина вместе взятых. В статье раскрыта роль П.Е. Рейнбота и Б.Л. Модзалевского в спасении Пушкинского лицейского музея в марте 1917 г. и передаче его Пушкинскому Дому.

Ключевые слова: П.Я. Дашков, Д.Я. Дашков, П.Е. Рейнбот, Б.Л. Модзалевский, коллекция, автографы А.С. Пушкина, Пушкинский Дом.

Информация об авторе*:* Александр Владимирович Дубровский — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Рукописный отдел, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4367-5115

E-mail: avdubrovsky@inbox.ru

Для цитирования: *Дубровский А.В.* Пушкинские автографы в коллекции П.Я. Дашкова (по материалам архива) // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 375–395. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-375-395

«Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства»[1]. Любая коллекция рукописей приобретает особую значимость, если в ней находится пушкинский автограф.

Пушкинский фонд в Пушкинском Доме создавался на основе коллекций, образовавшихся в результате рассредоточения рукописей по частным владельцам после выхода в свет «посмертного» и анненковского изданий сочинений поэта. Собрания П.А. Ефремова, Л.Н. Майкова, великого князя Константина Константиновича, И.А. Шляпкина, Я.К. Грота, А.Ф. Онегина положили начало воссоединению пушкинского архива в Пушкинском Доме, ставшего крупнейшим центром русской национальной культуры[2].

При этом несколько забытым остается бесценный вклад в это деяние П.Я. Дашкова[3]. Между тем, еще в мае 1905 г., когда только обсуждалась идея создания Пушкинского Дома (первоначальное название — до 1907 г. — «Дом имени Пушкина»), Н.О. Лернер писал: «В нем должно быть собрано все, что говорит о Пушкине: его рукописи, книги, вещи, литература о нем, его портреты и проч. Если бы устроился такой музей, да еще соединенный с просветительским учреждением (вроде, например, народного университета), туда, быть может, не пожалели бы отдать свои сокровища и Публичная библиотека, и Московский Румянцевский музей, владеющий рукописями Пушкина, и Академия наук, и Александровский лицей, владеющий небольшим пушкинским собранием, и частные коллекционеры-любители, вроде П.Я. Дашкова[4].

Питомец Императорского Александровского лицея, действительный член Императорской Академии художеств, товарищ председателя Пушкинского лицейского общества, Императорского исторического общества, петербургский библиограф и меценат Павел Яковлевич Дашков (1849–1910) на свои средства создал уни-

---

[1] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937–1959. Т. 12. С. 75.

[2] См.: *Цявловский М.А.* Судьба рукописного наследия Пушкина // *Цявловский М.А.* Статьи о Пушкине. М.: АН СССР, 1962. С. 260–275.

[3] О личности П.Я. Дашкова см.: *Глинский Б.* Павел Яковлевич Дашков. (Характеристика и воспоминание) // Исторический вестник. 1910. Март. С. 966–977; [5, с. 43–48].

[4] *Лернер Н.* «Дом Пушкина» на Мойке // Биржевые ведомости. 1906. 14 мая. № 22. Цит. по: *Баскаков В.Н.* Пушкинский Дом, 1905–1930–1980: Ист. очерк [об Ин-те рус. лит.]. Л.: Наука, 1980. С. 18.

кальную коллекцию изобразительных материалов и документов по истории, культуре и общественной жизни России XVIII–XIX вв. Жемчужиной этой коллекции были пушкинские автографы. Павел Яковлевич ушел из жизни 6 февраля 1910 года. Он не имел прямых наследников и не оставил никаких распоряжений о своем собрании. В том же году родной брат его Дмитрий Яковлевич (1853–1928) передал в Пушкинский музей при Императорском Александровском лицее (первый литературный музей поэта в России, основанный в 1879 г.), бесценную коллекцию автографов А.С. Пушкина, а также тетрадь под заглавием «Стихотворения Александра Пушкина», содержащую списки 83 стихотворений, поэмы «Гавриилиада» и отрывка из «Каменного гостя». Тетрадь была заполнена несколькими почерками, один из которых, по мнению Л.Б. Модзалевского, принадлежал В.И. Далю. В пушкиноведении она известна как тетрадь П.Я. Дашкова[5].

Весной 1917 г., в предчувствии надвигающейся «грозы», бессменный секретарь Пушкинского лицейского общества и хранитель Пушкинского музея Александровского лицея Павел Евгеньевич Рейнбот обратился к Б.Л. Модзалевскому с предложением передать сокровища музея Пушкинскому Дому. Вот что записал об этом событии сам Модзалевский в письме к академику Н.А. Котляревскому от 4 марта 1917 г.:

> Дорогой Нестор Александрович. Сейчас звонил мне П.Е. Рейнбот и сообщил, что судьбы Лицея сейчас решаются, что возник вопрос о судьбе Пушк[инского] лиц[ейского] музея, который надо спасать сегодня-завтра. Он спрашивает меня, примет ли Академия его теперь же, так как он. Рейнбот, с согласия других, принял решение передать Музей Пушкинскому Дому. Я сказал, что не имею права ответить на такой вопрос, но что немедленно сообщу Вам, а получив Ваш ответ, вечером передам его Рейнботу[6].

Б.Л. Модзалевский осознавал, что в драматическом революционном хаосе событий 1917 г. медлить было опасно, и на следующий день вновь обратился к Котляревскому:

> Рейнбот звонил сегодня утром и сообщил, что непосредственная, грозившая Лицею опасность — именно ввод войск в его помещение

[5] РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп.8. № 34. Описание тетради см.: [7, т. 1, с. 533].

[6] Из переписки Б.Л. Модзалевского / публ. Е.И. Семенова // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография / отв. ред. В.Н. Баскаков. Л.: Наука, 1982. С. 203.

> для расквартирования — пока миновала, благодаря принятым им мерам. Но так как вообще судьба Лицея должна решиться очень скоро, особенно если в него будет решено перенести, по предложению Рейнбота, Окружной суд, — вопрос о Музее все равно должен будет быть решен. Подогрейте Рейнбота по телефону (66–66) в его решении передать Музей нам[7].

Передача состоялась только в мае, но за это время из Лицейского музея было украдено несколько бесценных экспонатов, среди которых перстень-талисман, подаренный Пушкину в Одессе Е.К. Воронцовой и свинцовая пуля в золотой оправе, найденная в кармане жилетки Пушкина 27 января 1837 г. [2, с. 5–29]. Рукописи Пушкина, к счастью, не пострадали. В письме к М.О. Гершензону от 8 июня 1917 г. Модзалевский сообщил о спасении Музея:

> <…> принял в Пушкинский Дом, как Симеон Богоприемец, на свои руки Пушкинский Лицейский Музей, ибо в помещении Лицея Союз городов устроил лазарет для 800 сифилитиков. Это уже садизм [6, с. 340].

Вместе с Пушкинским Лицейским музеем с Каменноостровского проспекта в Пушкинский Дом, размещавшийся тогда еще в помещениях петербургской Академии наук, поступили и автографы поэта из коллекции Дашкова. Здесь они в составе Пушкинского фонда благополучно хранятся и по настоящий день.

Об истории создания этой уникальной коллекции нам могут поведать записи мельчайшим почерком чернилами, иногда карандашом, на клочках бумаги, сделанные самим владельцем, а также адресованные ему деловые письма, счета антикварных магазинов и тому подобные документы. Их систематизировал и аккуратно вклеивал в переплетенные тетради (в хранилище Рукописного отдела они занимают две с лишним полки) брат Дашкова Д.Я. Дашков, который работал в Пушкинском Доме с 1925 г. по договору, занимаясь разборкой семейного архива [1, с. 78–79]. Собирать его П.Я. Дашков начал еще в юношеском возрасте, покупая автографы, рисунки и гравюры в антикварных магазинах Европы и России. Сохранившиеся с середины 1870-х гг. записи свидетельствуют о том, как создавалась пушкинская коллекция.

[7] Там же. С. 204.

Одним из существенных источников комплектования стал для Дашкова архив М.Е. Лобанова. Михаил Евстафиевич Лобанов (1787–1846) — поэт-переводчик, драматург, член Российской Академии, прославившийся переводом и постановкой вместе с Н.И. Гнедичем «Федры» Расина — спектаклем, в котором блистала актриса Екатерина Семенова. В свое время восхищенный ее игрой, Пушкин подарил ей автограф своей статьи «Мои замечания об русском театре» (1820), на котором Гнедич написал: «Пьеса, писанная А. Пушкиным, когда он приволакивался, но бесполезно, за Семеновой, которая мне тогда же отдала ее» [3, т. 1, с. 211]. Двадцать лет своей жизни Лобанов провел в Императорской публичной библиотеке, где служил под началом А.Н. Оленина и был известен как страстный коллекционер. 15 мая 1844 года он был назначен старшим библиотекарем Румянцевского музея, где и оставался до конца жизни. Бумаги Лобанова были куплены Дашковым у сына, Леонида Михайловича, в 1878 г., за три года до его кончины[8]. В тетради, содержащей «документы, касающиеся покупки автографов разных лиц» за 1878–1881 гг., находим внушительный список автографов русских писателей из архива Лобанова, приобретенных Дашковым через А. Константинова в 1878 г. Художник Андрей Константинов в этой сделке с автографами выступал в качестве посредника по поручению господина Лобанова. 2 апреля Дашков, вместе с автографами Жуковского, Гнедича, Карамзина, Баратынского и др., суммарно оцененными им в 47 рублей, получил от Константинова и три автографа Пушкина:

Пушкин — письмо — 5 (руб)
Пушкин —2-е послан<ие> к цензору — 5 (руб)
Пушкин — Русск<ая> история — 7 (руб) [9].

Рукопись, которую Дашков называл «Русской историей», и за которую он заплатил 7 рублей, у Пушкина была без заглавия, под «№ 1», проставленным его рукой. Ниже — пушкинские строки: «По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-помалу исчезали...». В конце рукописи стояла пушкинская дата: «2 авг. 1822». В 1880 г. эта незаконченная статья

[8] Среди записей Дашкова сохранилось объявление о смерти Л.М. Лобанова (26 мая 1881 г.) и приглашение на отпевание в церкви Богоявления на Смоленском кладбище, присланное сестрой и братьями покойного (РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 9. Л. 40).

[9] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 3. Л. 20.

была опубликована с пропуском нескольким строк по цензурным соображениям в «Русской старине» со следующим редакционным предисловием:

> *Александр Сергеевич Пушкин. Взгляд на царствование Петра I и Екатерины II.* Под этим заглавием, нами данным, печатаем здесь собственноручную рукопись А.С. Пушкина, не имеющую заглавия, но, очевидно, составляющую отрывок его записок. Подлинник принадлежит собранию автографов русских деятелей *П.Я. Дашкова* и сообщен нам П.А. Ефремовым. Отрывок этот был уже напечатан в «Библиографических записках» в 1859 г., но не вполне и не совсем исправно...[10]

В научном описании рукописей Пушкина Л.Б. Модзалевского и Б.В. Томашевского эта рукопись, состоящая из шести больших двойных листов с филигранью: «г.г. Хлюстины, 1818 год» и львом с мечом в овале, условно названа «Исторические замечания»[11]. В академическом 16-томном собрании сочинений Пушкина — «Заметки по русской истории XVIII века»[12]. Н.Я. Эйдельман, работавший с материалами архива Дашкова, был уверен, что пушкинский текст с размышлениями о русской истории сохранил «от злого глаза» III отделения кишиневский друг поэта Николай Степанович Алексеев[13]. Эйдельман также определил, что документ, названный Дашковым «2-е послан<ие> к цензору», на самом деле — «копия пушкинского послания рукою брата Л.С. Пушкина (не раз вводившей в заблуждение коллекционеров и специалистов сходством с почерком Александра Сергеевича»[14]).

Другим важнейшим источником для Дашкова стал богатейший архив писателя, журналиста, редактора журнала «Сын отечества» (1812–1839) соиздателя газеты «Северная пчела» (1825–1860), автора «Записок» с воспоминаниями о Пушкине Н.И. Греча (1787–1867). После его кончины вдова Греча Евгения Ивановна Греч (урожд. Швидковская, 1811–1885), в прошлом журналистка, затем классная дама, а в последние. годы жизни инспектриса Училища глухонемых, нуждаясь в деньгах, распродавала архивные документы.

---

[10] Русская старина. 1880. № 12. Стб. 1043.

[11] Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание / сост. Л.Б. Модзалевский и Б.В. Томашевский. М.; Л.: АН СССР, 1937. С. 111–112.

[12] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937–1959. Т. 11. С. 14.

[13] Подробно об этой рукописи в коллекции Дашкова см.: *Эйдельман Н.* Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М.: Худож. лит., 1979. С. 41–43, 75–79.

[14] Там же. С. 76.

Дашков приобретал у нее рукописи русских писателей через Сергея Николаевича Шубинского (1834–1913) — известного популяризатора истории, журналиста, основателя и многолетнего редактора журналов «Древняя и Новая Россия» (1875–1879), «Исторический вестник» (1880–1913). Дашкова связывали с ним общие интересы, связанные с увлечением историей России. Вот одна из многочисленных записок Шубинского:

> Посылаю вам, многоуважаемый Павел Яковлевич, еще транспорт из бумаг Греча. Рассмотрите его, оцените и о результате сообщите.
>
> Искренне преданный вам Шубинский[15].

«Транспорт из бумаг Греча», состоявший из стихов Гнедича, писем Полевого, Велио, Ф. Глинки, Дм. Языкова, Дубельта, Сербиновича, Ростовцева, Липранди, Лонгинова, Перовского, Даля, В. Одоевского, Корфа, Воронцова, был описан Дашковым на том же послании и оценен им в 25 рублей.

В архиве Греча было несколько автографов Пушкина. С одним из них, уже приобретенным Дашковым, произошла загадочная история. 10 февраля 1877 г. к коллекционеру обратился Шубинский с запиской следующего содержания:

> Добрейший Павел Яковлевич!
>
> Вы можете сделать мне большое одолжение, уступив мне какой-нибудь *автограф Пушкина*. Мне необходимо теперь же услужить им одному господину; со временем я надеюсь достать несколько рукописей Пушкина, но в настоящую минуту мне остается только обратиться к Вашему великодушию и доброму расположению ко мне.
>
> Душевно и неизменно преданный Вам Шубинский[16].

Дашков «великодушно» согласился, о чем красноречиво свидетельствует его помета на записке Шубинского: «Письмо Пушкина Н.И. Гречу с шуткой насчет гонорара»[17].

---

[15] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 2. Л. 44.

[16] Там же. Л. 117.

[17] Там же. Л. 117.

Речь шла о пожертвованном неизвестному господину письме из Кишинева от 21 сентября 1821 г., в котором Пушкин, стесненный в деньгах, предлагал Гречу напечатать новую поэму:

> Хотел было я прислать вам отрывок из моего Кавказского Пленника, да лень переписывать, — хотите ли вы у меня купить весь кусок поэмы? Длиною в 800 стихов; стих шириною — 4 стопы; разрезано на 2 песни. Дешево отдам, чтоб товар не залежался[18].

Письмо Пушкина, о котором шла речь[19], впервые напечатал П.И. Бартенев в 1869 г. в «Русском архиве» вместе с другими письмами из архива Греча[20]. Через несколько лет академик М.И. Сухомлинов, не зная о публикации Бартенева, заново опубликовал это письмо в качестве первой публикации в сборнике «Древняя и новая Россия»[21]. Однако, сам автограф, любезно предоставленный Дашковым для неизвестного «господина», бесследно пропал.

Еще один архивный «транспорт» при посредстве Шубинского был доставлен в дом Дашкова на Михайловской площади 21 февраля 1881 г., на этот раз с театральными бумагами Каратыгиных. Добрые знакомые Пушкина братья Каратыгины были актерами (Василий Андреевич (1802–1853) играл трагические роли, Петр Андреевич (1805–1879) — комические) и переводчиками пьес. Петр Андреевич также известен как автор «Записок» с воспоминаниями о встречах с Пушкиным. Василий Андреевич был женат на театральной ученице П.А. Катенина, актрисе Александре Михайловне (урожд. Колосовой; 1802–1880), написавшей в 1879 г. воспоминания «Мое знакомство с Пушкиным». Архив Каратыгиных предложил Шубинскому для продажи ее племянник П.П. Каратыгин в письме от 16 февраля 1881 г.[22] Среди тридцати девяти бумаг, которые Дашков оценил в 35 рублей, находилось письмо Пушкина к Катенину

---

[18] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 13. С. 32–33.

[19] 2 января 1822 г. Пушкин, завершивший работу над поэмой, писал П.А. Вяземскому: «Кавказский мой пленник кончен — хочу напечатать, да лени много, а денег мало…» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 13. С. 34–35). А 24 января того же года в письме к брату объяснял сложившуюся ситуацию; «Гречу должно было писать — и при сей верной оказии предложил я ему Пленнпка… К тому же ни Гнедич со мной, ни я с Гнедичем не будем торговаться и слишком наблюдать каждый свою выгоду, а с Гречем я стал бы бессовестно торговаться, как со всяким брадатым ценителем книжного ума» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 13. С. 36). Первое издание «Кавказского пленника» вышло в типографии Н. Греча в Санкт-Петербурге в 1822 г.

[20] Из бумаг Греча // Русский архив. 1869. Кн. 1. № 3. Стб. 602–603.

[21] Исторические материалы. Письма / с предисл. и примеч. акад М.И. Сухомлинова // Древняя и новая Россия: исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. СПб.: Хромолит. В. Грацианского, 1876. Т. 1. С. 97–98.

[22] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 9. Л. 10.

из Михайловского от 4 декабря 1825 г.[23] Оно было впервые опубликовано с пропусками П.В. Анненковым в 1855 г. в «Материалах для биографии А.С. Пушкина»[24]. Заинтересовавшийся этим письмом Шубинский писал Дашкову:

> Многоуважаемый Павел Яковлевич! А ведь письмо-то Пушкина было где-то напечатано. Сужу об этом по выдержке из него, приведенной Стоюниным в статье его «А.С. Пушкин» (см. Историч. Вест. 1880 г. № 10, октябрь, стр. 277, строка 12 снизу). Искренне преданный Шубинский[25].

Один из автографов Пушкина был приобретен Дашковым в составе бумаг Владимира Николаевича Бекетова (1809–1883), брата деда А.А. Блока, цензора Петербургского цензурного комитета. В самом низу списка бумаг Дашков записал: «Фон Визин 3 письма 4 (т. е. в четвертую долю листа. — *А.Д.*) за авт<ограф > Пушкина 1 р<убль > 8 отд<ал >»[26].

В одной из тетрадей Дашкова (№ 18) имеется список «Рукописи русских писателей», возможно, ему предлагавшихся[27] и включающий неизданную рукопись Пушкина «Мои замечания об Русском Театре» и В.Л. Пушкина стихотворение «Опасный сосед»[28]. Автограф пушкинской статьи Дашкову однако приобрести не удалось. Он был куплен Публичной библиотекой вместе с другими бумагами Гнедича[29].

В «Списке автографов, отобранных для П.Я. Дашкова» из бумаг попечителя Петербургского учебного округа, переводчика и мемуариста Д.П. Рунича (1778–1860) наряду с именами В.Г. Бенедиктова, Л.А. Мея, Н.В. Кукольника, Карамзиных (жены и дочери историографа) находим и Пушкина. Расчерченная Дашковым таблица дает нам возможность определить, что речь идет о двух письмах (адресат их

---

[23] См.: Список бумаг Каратыгиных: РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 9. Л. 91.

[24] См.: [*Анненков П.*] Материалы для биографии А.С. Пушкина Факс. воспроизведение 1-го т. Собр. соч. А.С. Пушкина. (Материалы для биографии.). Изд. П.В. Анненкова, 1855. М.: Книга, 1985. С. 60–61.

[25] Письмо от 27 февраля 1881 г.: РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 9. Л. 14. Шубинский имел в виду статью: В. Стоюнина «Александр Сергеевич Пушкин. В селе Михайловском» (см. выше).

[26] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 9. Л. 83.

[27] Возможно, из архива Н.И. Гнедича.

[28] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 18. Л. 26.

[29] Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки / сост. Л.Б. Модзалевский. Л.: Academia, 1929. С. 15.

не указан), содержащих 117 строк, за которые коллекционер заплатил 20 рублей[30].

Адрес Дашкова в Петербурге был хорошо известен, и нередко к нему обращались с предложением купить тот или иной автограф частные лица. В одной из тетрадей сохранилось письмо Александра Павловича Эргардта на почтовой открытке с почтовым штемпелем 5.XI.94 следующего содержания:

> Милостивому Государю Господину Дашкову, собственный дом на Михайловской площади:
>
> Имею честь известить Вас, Милостивый Государь, что в моем распоряжении есть автограф А.С. Пушкина (заключительная страница «Братьев разбойников») и его собственные исправления некоторых его стихотворений, представленных ему издателями для корректуры. То и другое продаю. Спросить Александра Павловича Эргардта. У Смольного, Городская Богадельня, 9-ое отделение[31].

Но никаких записей о контактах Дашкова с якобы владельцем автографа Пушкина не сохранилось.

Существенным источником комплектования для Дашкова были антикварные магазины. Их открывал в Петербурге Иван Гаврилович Мартынов (1840–1889), в недавнем прошлом заведующий иностранным отделом в магазине книгопродавца и издателя сочинений Пушкина Я.А. Исакова. Сохранился счет за «59 автографов русских» «Господину Павлу Яковлевичу Дашкову из Магазина русских и иностранных книг и Антикварной книжной торговли И.Г. Мартынова на Вознесенском проспекте, угол Казанской» от 28 декабря 1876 г. Наряду с автографами Греча, Булгарина, Державина, напечатанными в «Древней и новой России» (1876), в нем значится и автограф Пушкина. Причем если за автограф Греча Дашков заплатил 1.50, за автограф Булгарина 5, за автограф Державина 4, то за автограф Пушкина 9 рублей[32].

Пушкинские автографы в коллекции Дашкова не лежали мертвым грузом, а отдавались в печать и вводились в научный оборот. Более того, коллекционер стремился познакомить читателей «с подлинным почерком великого поэта, его орфографией и особенностями внешней формы его литературных произведений, не в коротеньких, случайных отрывках, а в более обширном и законченном

[30] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 11. Л. 81–82.
[31] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 18. Л. 47.
[32] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 7. Л. 73.

виде»[33]. Так возникла идея факсимильного издания трех рукописей Пушкина: письма к А.И. Тургеневу, стихотворения «Я помню чудное мгновенье» и отрывка из «Путешествия в Арзрум». О технических проблемах, с которыми столкнулись издатели, рассказывается в письме Шубинского Дашкову от 13 марта 1899 года, написанному на бланке редакции журнала «Исторический вестник» (СПб. Угол Знаменской и М. Итальянской, д. 12/28, кв. 9).

Дорогой Павел Яковлевич!

Не найдется ли у Вас какого-либо автографа вел. кн. Константина Павловича (письма в одну страницу) для приложения к печатаемой его биографии? Сегодня получил мартовскую книжку «Киевской старины». К ней приложен Норбленовский портрет Мазепы[34] и напечатана статья Лазаревского о его портретах, причем доказывается, что Норбленовский портрет самый достоверный.

Автографы Пушкина сводят меня с ума. Попался я жестоко. Приезжал Вильборг[35]. Оказывается, что подпись КАРАНДАШОМ Бенкендорфа и что те два места, где им сделана поправка и помарка[36], не могут быть переданы цинкографией; их необходимо перевести на камень и печатать литографским способом: на цинкографии они совсем не выходят. Работа Вильборга (считая всего по 18 коп. за дюйм) обойдется в 540 руб. да фотографии Малевицкого[37] 258 руб. Да портреты и рисунки около 100 руб. Итого два печатных листа (без бумаги и печати) обойдутся в 900 руб! Согласитесь, что есть от чего приходить в отчаяние. Несмотря на усилие подписки, я предвижу, что в нынешнем году журнал сведет счеты с дефицитом, при таких затратах, в сущности непроизводительных, так как читатели едва ли это оценят.

[33] Автографы рукописей А.С. Пушкина: письмо к А.И. Тургеневу (1823 г.), стихотворение «Я помню чудное мгновенье» (1825 г.), отрывок из «Путешествия в Арзрум» (1829 г.) с 14 портретами, видами и снимками. Издание журнала «Исторический вестник». СПб.: Тип. А.С. Суворина. 1899. С. 5.

[34] Имеется в виду портрет (гравюра на металле) гетмана Ивана Мазепы (1639–1709), выполненный по живописному оригиналу начала XVIII в. польским художником и гравером французского происхождения Жан-Пьером Норблен де ла Гурденом (1745–1830).

[35] Вильборг Артур Иванович — типограф и художник, один из основателей Издательского товарищества «Голике и Вильборг», в 1890 г. открыл в Петербурге собственную «Художественную фототипию» для печатания.

[36] Шубинский имел в виду «Путешествие в Арзрум». В коллекции Дашкова была цензурная рукопись (начало первой главы): «Военная грузинская дорога (извлеч. из путевых записок А. Пушкина)». С нее набирали текст для публикации в «Литературной газете» (1830, № 8). Жандармских помет на ней нет, но на обороте листа 9 находилось разрешение и подпись А.Х. Бенкендорфа. Несколько строк шеф жандармов вычеркнул карандашом.

[37] Малевицкий А.Н. — фотограф Петербургской судебной палаты.

Надеюсь, что с будущей недели мне позволят выходить, и мы увидимся. Отрывок из «Путешествия в Арзрум» значительно отличается от позднейшего напечатанного текста. В нем много сокращений и в позднейшем тексте кое-что изменено. Теперь надо доискиваться был ли напечатан этот первоначальный текст и где? Одним словом: караул!

Искренне ваш Шубинский[38].

Стихотворение «Я помню чудное мгновенье…» для этого издания было взято из «черного» альбома А.П. Керн. Дашков купил его в 1881 г. через П.А. Ефремова у сына Анны Петровны А.А. Маркова-Виноградского. В тетради Дашкова сохранилась переписка, раскрывающая историю приобретения альбома в черном кожаном переплете с золотым обрезом, и расписка Маркова-Виноградского за получение через доверенное лицо 40 рублей за проданный семейный раритет [8, с. 237–253]. Дашков до конца жизни не подозревал, что стихотворение «К***» («Я помню чудное мгновенье…») с подписью Пушкина вписано в альбом Керн не самим поэтом, а кем-то, чье имя до настоящего времени неизвестно.

В 1889 г. президентом Императорской Академии наук был назначен великий князь Константин Константинович, сменивший на этом посту умершего графа Д.А. Толстого. Важным его начинанием стала организация празднования столетия со дня рождения Пушкина. По инициативе Константина Константиновича было приобретено в казну имение Пушкиных «Михайловское», реставрирована и взята под охрану государством могила поэта, начата подготовка академического полного собрания сочинений Пушкина. Подготовку издания Академия наук поручила Л.Н. Майкову, давно изучавшему биографию и творчество Пушкина и собиравшему коллекцию его рукописей. В связи с готовившимся изданием Дашков получил рескрипт с подписью-автографом Президента Академии наук:

Павел Яковлевич.

Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук, предприняв полное издание сочинений Пушкина и предполагая, что в руках Ваших имеются какие-либо материалы для такого издания (как то: письма, стихотворения, автографы и т. п.) выразило надежду, что Вы не откажете в просвещенном содействии предприятию Академии. Вследствие того Я обращаюсь

[38] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 21. Л. 120.

к Вам с просьбою о сообщении Отделению на некоторое время материалов этого рода, если таковые найдутся в Вашем распоряжении.

Пребываю к Вам навсегда доброжелательным

Константин

8 мая 1891 года[39]

Дружеские отношения сложились у Дашкова с Леонидом Николаевичем Майковым (1839–1900), младшим братом Аполлона и Валериана, историком литературы, библиографом, действительным членом (с 1889 г.) и вице-президентом (с 1893 г.) Петербургской Академии наук[40]. Сохранилось несколько писем Майкова к Дашкову. Три из них, где речь шла, в том числе, и о пушкинских автографах, приводим ниже:

5 мая 1895

Многоуважаемый Павел Яковлевич.

Считаю нужным обратить Ваше внимание на то, что, уходя от Вас вчера, я не захватил с собою дела о Ганнибале[41] с двумя вложенными в него письмами Пушкина. Вы кому-то поручали завернуть все это, но сверток не был мне передан и остался у Вас в доме. Не решаюсь просить о присылке этого свертка с подателем сего письма, ни сам не могу заехать за ним сегодня к Вам, но был бы крайне Вам обязан, если бы Вы привезли сей сверток с собою, когда пожалуете ко мне в воскресенье. А в качестве напоминания позвольте препроводить Вам прилагаемую книжку.

Искренне Вам преданный Л. Майков[42].

1 апреля 1898

Многоуважаемый Павел Яковлевич.

Я был сердечно тронут Вашими любезными посещениями, как вчера, так и в Новый год, но признаюсь, был и несколько огорчен тем, что Вы избираете эти праздничные дни для того, чтобы заглянуть ко мне. Всю прошлую осень и зиму я прохворал довольно тяжко, но теперь начинаю наконец серьезно поправляться: освобожден

[39] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 15. Л. 173.

[40] О нем см.: *Эльзон М.Д.* Майков Леонид Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3: К–М. С. 462–463.

[41] Майков имел в виду толстый бумажный переплет с документальными материалами «Бракоразводного дела Ганнибала с Пушкиной. 1783–1786» на 120 листах из коллекции Дашкова. В наст. время: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 24. № 28.

[42] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 19. Л. 77.

от всяких лекарств, а докторскими посещениями обременен только раз в неделю. Запрещены мне пока, до вскрытия Невы, только выезды, но по вскрытии ее обещано дозволить прогулки между 12 и 2 час. и посещение Академии по средам и субботам. Всю эту речь я веду к тому, чтобы побудить Вас заглянуть ко мне, чем Вы доставили бы мне величайшее удовольствие. Если Вам не противно будет сие осуществить, то всего бы лучше избрать для того время между 2 и 5 час. Если не ошибаюсь, мне кто-то говорил, что Вы сделали какие-то новые приобретения по части Пушкина. Так ли это? И если так, то не будет ли милости показать мне сии новости?

Еще два слова. Несколько лет тому назад я видел принесенную для продажи гр<афу>. С.Д. Шереметеву[43], коллекцию автографов, в которой находилось, между прочим, письмо Пушкина к Ал.Н. Верстовскому[44]. Оно напечатано, но как мне тогда показалось не вполне; вот почему мне было бы особенно интересно взглянуть на это письмо. Не попала ли к Вам эта коллекция?

Искренне Вам преданный Л. Майков[45].

5 июня 1899

Вот Вам, многоуважаемый Павел Яковлевич, обещанные Пушкинские лоскутки. Очень буду рад, если Вы приведете в порядок эти disjecta membra[46]

Искренне Вам преданный Л. Майков[47].

«Пушкинские лоскутки», как их называл Майков, это, вероятно, хранившиеся в его коллекции клочки черновых писем Пушкина к графу А.Х. Бенкендорфу (21 ноября 1836 г.), и к барону Геккерену (26 января 1837 г.). Майков, безусловно, был осведомлен об изумительной реставрации изорванных лоскутков рукописей Н.В. Гоголя, осуществленной под руководством Дашкова. В 1890 г. коллекционер через археолога А.А. Куника купил их у вдовы М.П. Погодина. После реставрации соединенные в листы обрывки были переплетены

[43] Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918), гр. — общественный деятель, историк, коллекционер, почетный член Императорской Академии наук (с 1890 г.).

[44] Верстовский Алексей Николаевич (1799–1862) — композитор и музыкант, инспектор музыки в дирекции московских императорских театров. При жизни Пушкина сочинил романсы на его тексты: «Черная шаль», «Гишпанская песня» («Ночной зефир» «Два ворона» и др.) Письмо Пушкина Верстовскому, написанное из Болдина во второй половине ноября 1830 г., хранилось в Театральном музее им. А.А. Бахрушина. Впервые было опубликовано без нескольких последних слов по сообщению М.П. Погодина в «Русском архиве», 1874, кн. I, стлб. 1376. В настоящее время: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1410.

[45] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 20. Л. 166.

[46] disjecta membra (лат.) — разрозненные части.

[47] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 21. Л. 183.

в большую тетрадь, именуемую в гоголеведении «Погодинской». «Пушкинские лоскутки» сохранились в неизменном виде. В 1904 г. они были переданы вдовой Майкова в Библиотеку Академии наук и уже оттуда в 1931 г. поступили в Пушкинский Дом[48].

Л.Н. Майков вместе Б.Л. Модзалевским были устроителями Пушкинской юбилейной выставки, открывшейся в мае 1899 г. в Академии наук и составителями альбома[49]. Дашков из своей коллекции предоставил 8 автографов (из 93) и 193 экспоната, составивших практически половину раздела «Портреты и виды» [4, с. 43].

Первый том академического издания «Сочинений Пушкина», вышедший в юбилейном 1899 г., разошелся так быстро, что вскоре потребовалось его второе издание. При его подготовке Майков внес некоторые исправления и дополнения, как в текст, так и в примечания. Издание вышло в свет в следующем году уже после его ухода из жизни. Дашкову прислали том вместе с официальным письмом на бланке М.Н.П. Императорской Академии наук, Отделения русского языка и словесности:

> От председательствующего 4 октября 1900
>
> Имею честь препроводить при сем к Вашему Превосходительству экземпляр, изданного Отделением русского языка и словесности (второго издания) первого тома «Сочинений Пушкина», вышедшего под редакцией покойного академика Л.Н. Майкова. Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности
>
> М. Сухомлинов[50]

Дашков принял участие и в последующей работе над академическим изданием, которую продолжила специальная комиссия в составе академиков А.И. Соболевского, А.Н. Пыпина, А.А. Шахматова и др.

Председатель комиссии академик А.Н. Веселовский 5 января 1902 г. обратился с просьбой снова предоставить пушкинскую коллекцию в распоряжение издателей:

---

[48] РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 673, 685–688.

[49] Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Императорской Академии наук в С.-Петербурге. Май 1899 / сост. под ред. Л.Н. Майкова и Б.Л. Модзалевского. М.: Фототип. К.А. Фишера, 1899. [4], 27 с., 72 л. ил., портр.

[50] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 23. Л. 116. Сухомлинов Михаил Иванович (1826–1901) — профессор русской словесности Петербургского университета, академик (с 1872 г.), председательствующий в Отделении русского языка и словесности (с 1899 г.).

Милостивый Государь Павел Яковлевич,

При начале работ по критическому изданию сочинений А.С. Пушкина Ваше Превосходительство оказало уже свое просвещенное содействие предприятию Императорской Академии Наук, дав возможность покойному редактору издания Л.Н. Майкову ознакомиться с принадлежащим Вам богатейшим собранием рукописей поэта.

Ныне Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук поручило работы над приготовлением к печати текста произведений Пушкина особой комиссии, которая нашла необходимым несколько изменить программу издания. В числе этих изменений была выставлена, между прочим, желательность сохранения, в печатном тексте, Пушкинского правописания, которое может послужить материалом для ряда важных наблюдений и исследований в области русской грамматики, в истории произношения и т. п.

В виду вышеизложенного является настоятельная потребность в пересмотре всех рукописей Пушкина, а потому Академия была бы весьма признательна Вашему Превосходительству, если бы Вы нашли возможность вторично предоставить ей те рукописи поэта, которые принадлежат Вам, как уже обнародованные, так, быть может, доселе еще и не изданные, несмотря на то, что они были уже рассмотрены покойным академиком Майковым. Весьма желательно было бы получить от Вас также и письма к Пушкину от его друзей и знакомых, могущие оказаться среди сокровищ принадлежащего Вам собрания рукописей.

К сему считаю долгом присовокупить, что все документы, кои Вашему Превосходительству угодно будет сообщить в Академию, будут тщательно храниться в Рукописном Отделении ея Библиотеки и возвратятся к Вам в самый непродолжительный срок.

В надежде встретить со стороны Вашего Превосходительства благосклонное отношение и просвещенное внимание к работам Академии над достойным имени великого поэта собранием его сочинений, прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

А. Веселовский

Адрес для ответа, В.О., Канцелярия Конференции Академии, Комиссия по изданию сочинений Пушкина[51].

[51] РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 1. № 27. Л. 56.

Дашков неоднократно приглашался на заседания академической комиссии и принимал активное участие в ее работе.

Через девять лет после его смерти братья Андрей и Дмитрий Яковлевичи Дашковы после длительных переговоров согласились продать Академии наук за 350 000 рублей всю богатейшую коллекцию рукописей и книг, портретов и рисунков, унаследованных от их брата.

> В июле и августе 1919 года историко-литературная часть Дашковского собрания (525 переплетенных томов и несколько тысяч отдельных рукописей) была принята Пушкинским Домом по акту. Она включала автографы А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.К. Толстого; два обширнейших архива — В.Р. Зотова (до 65 томов) и А.В. Старчевского (свыше 85 томов); архивы Н.И. Греча, В.Ф. Одоевского, Д.П. Рунича, Н.С. Лескова, С.Н. Терпигорева (Атавы), В.О. Михневича, Н.В. Кукольника, П.С. Савельева, П.А. Каратыгина, С.Н. Шубинского, П.И. Мельникова-Печерского, О.И. Сенковского (барона Брамбеуса) [4, с. 45].

В составе коллекции находилось четыре автографа Пушкина: черновые наброски стихотворений: «Испанский романс» и «С перегородкою каморки…», письмо А.П. Керн, статья А.А. Дельвига «Радуга, литературный и музыкальный альманах на 1830 г.» с пушкинскими поправками.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список пушкинских автографов из коллекции П.Я. Дашкова в Пушкинском Доме (с указанием шифров)

1. «Путешествие в Арзрум» (начало первой главы): «Военная грузинская дорога (извлеч. из путевых записок А. Пушкина)» (Ф. 244. Оп. 1. № 254).
2. [Заметки по русской истории XVIII века] (Ф. 244. Оп. 1. № 285).
3. «Ночной зефир…» — черновой набросок стихотворения «Испанский романс» (Ф. 244. Оп. 1. № 60).

4. «С перегородкою каморки, довольно чистенькие норки…» — черновой набросок стихотворения (Ф. 244. Оп. 1. № 62).

5. Письмо Пушкина Н.И. Гнедичу от 24 марта 1821. Кишинев: «В стране, где Юлией венчанный и хитрым Августом изгнанный Овидий мрачны дни влачил…» (Ф. 244. Оп. 1. № 428).

6. Письмо Пушкина И.Е. Великопольскому от 3 июня 1826 г. Преображенское: «С тобой мне вновь считаться довелось…» (Ф. 244. Оп. 1. № 470).

7. Письмо Пушкина Н.И. Гнедичу от 27 июня 1822 г. Кишинев: «Письмо ваше такое существительное…» (Ф. 244. Оп. 1. № 433).

8. Письмо Пушкина А.И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. Одесса: «Вы помните Кипренского…» (Ф. 244. Оп. 1. № 439).

9. Письмо Пушкина А.А. Шишкову конца 1823 – 1-й половины1824 г. Одесса: «С ума ты сошел, милый Шишков…» (Ф. 244. Оп. 1. № 445).

10. Письмо Пушкина А.А. Бестужеву. После 25 января 1825 г. Михайловское. «Рылеев доставит тебе моих Цыганов…» (Ф. 244. Оп. 1. № 447).

11. Письмо Пушкина П.А. Катенину от 4 декабря 1825 г. Михайловское. «Письмо твое обрадовало меня…» (Ф. 244. Оп. 1. № 464).

12. Письмо Пушкина П.А. Корсакову конца сентября 1836 г. Петербург. «Милостивый Государь Петр Александрович. Никогда при первых моих шагах…» (Ф. 244. Оп. 1. № 667).

13. Письмо Пушкина А.П. Керн. Вторая половина 1832 г. Петербург. «Voici la repons…» (Ф. 244. Оп. 1. № 580).

14. Письмо Пушкина П.А. Вяземскому. Около 21 апреля 1820 г. Петербург. «Радуюсь, милый Вяземский…» (Ф. 244. Оп. 1. № 425).

15. Письмо Пушкина С.А. Соболевскому. Май-июнь 1828 г. Петербург. «Безалаберный! Полно тебе писать глупости…» (Ф. 244. Оп. 1. № 498).

16. Письмо Пушкина П.А. Корсакову. 25 октября 1836. Петербург. «Милостивый Государь Петр Александрович. Спешу отвечать на вопросы…» (Ф. 244. Оп. 1. № 671).

17. Поправки Пушкина на статью А.А. Дельвига. на статью А.А. Дельвига. «Радуга, литературный и музыкальный альманах на 1830 г.». 1830, января 5 (Ф. 244. Оп. 1. № 812).

18. Ответ анониму Ф. 244. Оп. 1. № («О кто бы ни был ты, чье ласковое пенье…»). 1830, сентября 26. Болдино (Ф. 244. Оп. 1. № 128).

Литература

1. *Иванова Т.Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 446 с.

2. *Краснобородько Т.И.* «Жаль кольца...» (невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня-талисмана) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 5–29.

3. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: в 5 т. / сост. Н.А. Тархова. СПб.; М.: Нестор-История, 2022–2025.

4. *Меньшенина Н.Ю.* Коллекция П.Я. Дашкова и Пушкинский Дом // Русская литература. 2007. № 3. С. 43–48.

5. *Меньшенина Н.Ю.* П.Я. Дашков: собиратель и меценат // История Петербурга. 2006. № 6 (34). С. 41–44.

6. Переписка Б.Л. Модзалевского с М.О. Гершензоном / публ. Е.Ю. Литвин // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Б.Л. Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 301–359.

7. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 1999– наст.вр.

8. «Черный» альбом А.П. Керн (К истории бытования и идентификации) / публ. Л.К. Хитрово // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 237–253.

Research Article and Publication of Archival Documents

Pushkin's Autographs in the Collection of Pavel Dashkov (Based on Archival Materials)

© 2025. Alexander V. Dubrovskii
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is devoted to the St. Petersburg philanthropist and bibliographer Pavel Yakovlevich Dashkov (1849–1910). During his life, at his own expense, he collected a unique collection of visual materials and documents on the history, culture, and social life of Russia of the 18th–19th centuries. The pearl of this collection is Pushkin's autographs. Pavel Yakovlevich passed away in 1910. According to his will, his brother Dmitry Yakovlevich (1853–1928) transferred to the Pushkin Museum of the Alexander Lyceum all autographs of Pushkin, as well as a notebook containing lists of 83 poems by Alexander Pushkin, the poem "Gabrieliad," and an excerpt from "The Stone Guest." The article reveals the history of the acquisition of these manuscripts on the basis of records, invoices, and business letters contained in several dozen bound notebooks stored in the fund of Dashkov. Autographs of Pushkin, including "Notes on Russian History

of the 18th Century" (the title is absent in the manuscript itself), were acquired by a collector in 18 were acquired by collector in 1878 together with the archive from Leonid Lobanov (the son of Mikhail Lobanov) through the intermediary of the artist Andrey Konstantinov. The account of the antique store of Russian and foreign books of Ivan Martynov for "59 autographs of Russians" has been preserved, according to which Dashkov paid the same for Pushkin's autographs as for Derzhavin and Bulgarin combined. The article reveals the role of Pavel Reinbot and Boris Modzalevsky in saving the Pushkin Lyceum Museum in March 1917 and transferring it to the Pushkin House.

Keywords: Pavel Dashkov, Dmitry Dashkov, Pavel Reinbot, Boris Modzalevsky, collection, autographs of Alexander Pushkin, Pushkin House.

Information about the author: Alexander V. Dubrovskii, PhD in Philology, Research Fellow, Manuscript Department, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/ orcid.org/0000-0003-4367-5115

E-mail: avdubrovsky@inbox.ru

For citation: Dubrovskii, A.V. "Pushkin's Autographs in the Collection of Pavel Dashkov (Based on Archival Materials)." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 375–395. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-375-395

References

1. Ivanova, T.G. *Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma. Istoricheskii ocherk* [*The Manuscript Department of the Pushkin House. Historical Essay*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 446 p. (In Russ.)

2. Krasnoborod'ko, T.I. "'Zhal' kol'tsa...' (nevostrebovannyi dokument o sud'be pushkinskogo perstnia-talismana)" ["'It's a Pity About the Ring...' (An Unclaimed Document About the Fate of Pushkin's Talisman Ring)"]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2011 god* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2011*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2012, pp. 5–29. (In Russ.)

3. Letopis' zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina: v 5 t. [*Chronicle of A.S. Pushkin's Life and Work: in 5 vols.*], comp. by N.A. Tarkhova. St. Petersburg, Moscow, Nestor-Istoriia Publ., 2022–2024. (In Russ.)

4. Men'shenina, N.Iu. "Kollektsiia P.Ia. Dashkova i Pushkinskii Dom" ["P.Ya. Dashkov's Collection and Pushkin House"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2007, pp. 43–48. (In Russ.)

5. Men'shenina, N.Iu. "P.Ia. Dashkov: sobiratel' i metsenat" ["P.Ya. Dashkov: Collector and Philanthropist"]. *Istoriia Peterburga*, no. 6 (34), 2006, pp. 41–44. (In Russ.)

6. "Perepiska B.L. Modzalevskogo s M.O. Gershenzonom" ["Correspondence Between B.L. Modzalevsky and M.O. Gershenzon"], publ. by E.Iu. Litvin. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1996 god. B.L. Modzalevskii. Materialy k nauchnoi biografii* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1996. B.L. Modzalevsky. Materials for a Scientific Biography*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001, pp. 301–359. (In Russ.)

7. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t.* [*Complete Works: in 20 vols.*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999– ong. ed. (In Russ.)

8. "'Chernyi' al'bom A.P. Kern (K istorii bytovaniia i identifikatsii)" ["'Black' Album by A.P. Kern (Towards the History of Existence and Identification)"], publ. by L.K. Khitrovo. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2011 god* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2011*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2012, pp. 237–253. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.04.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 29.04.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт. 2025. № 4 (38)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-396-414
https://elibrary.ru/UZLGIK

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

«Последний приют» Пушкина глазами странствующих очевидцев

© 2025, А.Г. Разумовская
Псковский государственный университет,
Псков, Россия

Аннотация: В статье впервые представлен анализ того, как складывался литературный образ важнейшей «пушкинской мемории» — Святогорского монастыря. Создававшийся в российском культурном сознании рядовыми и знаменитыми авторами XIX и XX вв. — паломниками в пушкинские места, этот образ до сих пор не являлся предметом специального литературоведческого внимания. Материалом для исследования служит мемуарно-документальная и художественная литература: письма, воспоминания, путевые заметки, рассказы, стихотворения. Используя историко-литературный, сравнительно-исторический и структурный методы исследования, автор статьи выявляет мотивный комплекс, связанный с посещением святыни: природно-ландшафтные особенности места, экскурс в историю монастыря, участие повествователей в панихиде по Пушкину, описание его могилы, размышления о поэте, национальной истории и культуре, о судьбе России. Прослежена историческая динамика идей, связанных с литературным образом: от констатации конечности человеческого существования через утверждение духовного бессмертия поэта, сохранения преемственной связи поколений к пониманию величия России, средоточия в этой точке Отечества исторической, культурной, поэтической памяти. Показано, что использование литераторами ряда повторяемых клише способствовало превращению места захоронения поэта во «вторичную», мифологическую данность, ставшую духовной и эстетической проекцией данности реальной.

Ключевые слова: Пушкиногорский код, Святогорский монастырь, могила А.С. Пушкина, травелог, Д.И. Мацкевич, К.А. Тимофеев, К.К. Случевский, В.В. Тимофеева-Починковская, мифологизация, культурная память.

Информация об авторе: Аида Геннадьевна Разумовская — доктор филологических наук, руководитель Научно-просветительского центра русского языка и культуры имени профессора Е.А. Маймина, доцент, профессор, Псковский государственный университет, пл. Ленина, д. 2, 180000 г. Псков, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7289-0629
E-mail: razumov.ag@yandex.ru
Для цитирования: *Разумовская А.Г.* «Последний приют» Пушкина глазами странствующих очевидцев // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 396–414. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-396-414

«Пушкинские мемории» на Псковской земле, по определению Н.Л. Вершининой, принадлежат к «*универсально* значимым» явлениям (курсив автора. — *А.Р.*) [5, с. 63, 64] национально-культурной памяти россиян. Осмысление историко-культурного феномена «Пушкинского уголка»[1] и генезиса его развития представлено в многочисленных научных исследованиях [1; 2; 7; 12; 15; 17; 20][2]. В гораздо меньшей степени изучено функционирование образа этих мест в литературной памяти россиян. Существующий в русской словесности «пушкиногорский код»[3] включает в себя комплекс усадеб Михайловское, Тригорское, Петровское. Несмотря на явный интерес исследователей к мифологизации «пушкинского уголка» [5, с. 63–98; 16, с. 149–171], в том числе в путевых заметках [18; 11; 14], неизученным остается такой устойчивый компонент этого кода, как место упокоения А.С. Пушкина — Святогорский монастырь [3; 4].

Целью данной статьи является осмысление этого образа, создававшегося рядовыми и знаменитыми авторами XIX и XX вв., анализ процесса его мифологизации в пространстве литературной памяти.

Самое первое изображение «последнего приюта» Пушкина, как известно, оставил его друг, свидетель погребения — публицист и историк А.И. Тургенев [19][4]. Как выглядела могила поэта в 1837 г., описал П.А. Плетнев:

> За церковью, перед алтарем, представляется площадка шагов в двадцать пять по одному направлению и около десяти по другому. Она похожа на крутой обрыв… Перед жертвенником есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся над уровнем в четверть аршина. Она

[1] Это неофициальное название закрепилось в издании: *Острогорский В.П.* Альбом «Пушкинский уголок» М.: Изд. худож. фототипии К.А. Фишер, 1899. 119 с.

[2] См. также ставшие классическими издания: *Гейченко С.С.* У Лукоморья. Л.: Лениздат, 1986. 5-е изд., доп. 493 с.; *Гордин А.М.* Пушкинский заповедник. Л.; М.: Искусство, 1963. 305 с.; *Гордин А.М.* Пушкин в Псковском крае. Л.: Лениздат, 1970. 326 с. и др.

[3] Под ним мы понимаем, подобно «царскосельскому коду» вслед за В.Н. Топоровым, сложившуюся в культуре пушкиногорскую мифологию, состоящую из набора устойчивых признаков: названий усадебных топосов (Михайловское, Тригорское, Петровское), природных объектов (река Сороть, озеро Кучане, Савкина горка и др.), парковых атрибутов («Аллея Керн», «Остров уединения», «Скамья Онегина», «Аллея Татьяны»).

[4] Также см.: *Василёв И.И.* Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1899. 63 с.

укладена дерном. Посередине водружен черный крест, на котором из белых букв складывается имя «Пушкин»[5].

Святогорский монастырь (Галерея видов Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая псковским губернским землемером Ивановым. Псков: Псков. литография в тип. Праца, 1837–1838. Ч.1–2).
The Svyatogorsky Monastery (Gallery of Views of the City of Pskov and its Environs, Taken from Life, Published by the Pskov Provincial Land Surveyor Ivanov, part 1–2. Pskov, Pskovskaia litografiia v tipografii Pratsa, 1837–1838).

Тогда же псковским землемером И.С. Ивановым был сделан рисунок могилы по заказу губернатора А.Н. Пещурова[6].

Но начало мифологизации Святогорского монастыря было положено П.А. Вяземским. Впервые посетив Святые Горы в сентябре 1841 г., он рассказал об этом в письме П.В. Нащокину 30 декабря 1841 г.:

[5] *Плетнев П.А.* О литературных утратах // Современник. 1838. Т. 9. С. 55–56.

[6] Галерея видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая псковским губернским землемером Ивановым. Псков: Псков. литография в тип. Праца, 1837–1838. Ч. 1–2. Л. 5.

> Я провел нынешнею осенью несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где все так исполнено «Онегиным» и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине [9, с. 59].

Любопытно, что о мраморном мавзолее поэту, установленном в августе 1841 г., Вяземский даже не упоминает: ему важнее отметить «нерукотворное» воплощение народной памяти о Пушкине. В письме представлено зарождение мотива паломничества к пушкинскому захоронению.

Немного ранее Вяземского, 21 июня 1841 г., свои размышления у скорбного места запечатлел псковский губернатор — поэт и прозаик Ф.Ф. Бартоломей. По причине малой известности стихотворения, названного «На могилу Пушкина», приведем его целиком:

В тени дерев, в Святых горах
Близ храма, скромная могила
Любимого поэта прах
Покоем вечным осенила;
И крест без надписи стоит,
Зарос травой в забвеньи диком;
Но сердцу что-то говорит
Здесь о родном и о великом.
И скоро гордый мавзолей,
Украсив холм уединенный,
Укажет где в тени ветвей
Лежит поэт наш вдохновенный.
Пройдут века. В Святых горах
Истлеет мрамор белоснежный,
И Пушкин! — твой исчезнет прах
Как призрак жизни безнадежный,
Но не страшися! — не умрет
В твоих твореньях дивный гений,
Он чудный свой свершит полет
До самых поздних поколений.
И сила чувств и гордость дум,
Твои стихи, твое мечтанье,
Они, — как моря вечный шум,
Как говор волн и вод журчанье.

Не истребить времен закон
Что не его доступно силе,
И песнопенья дивный звон
Не схоронен с тобой в могиле[7].

Написанное после посещения могилы, производившей в те времена впечатление забвения[8], стихотворение все же утверждает бессмертие «дивного гения» в его песнопениях, выражая мысль о родственности творческого вдохновения стихии вечной природы. В 1880-е гг. другой псковский губернатор и тоже поэт — А.Н. Яхонтов — будет также воспринимать это место как «торжество культурной и человеческой памяти над силами мрака и забвения» [5, с. 84]. Могила Пушкина у него получит определение «земли священной»: «Полвека ею мы гордились / И к ней недаром в нас любовь: / Ведь в эту землю обратились / Поэта плоть и кровь» [5, с. 84].

Развернутый мифологизированный образ пушкинского святилища, включающего в себя монастырь, могилу поэта и «сельцо Михайловское», оставил историк живописи и беллетрист Д.И. Мацкевич. В своих заметках 1846 г.[9] он следовал, как показала Н.Л. Вершинина, в изображении усадьбы Михайловское за подписями к рисункам И.С. Иванова, литографированным П.А. Александровым и изданным в 1837–1838 гг.: «Можно сказать, что, опираясь на текст Иванова как своего рода конспект, Мацкевич добавил в свой очерк расширенный культурный план, привнес в него подобающий случаю пафос и “расцветил” “заметки” элементами беллетристического стиля» [5, с. 65]. Действительно, повествование Мацкевича, написанное в духе сентиментально-романтической эстетики, отличается лирической взволнованностью, «литературностью». Уже по мере приближения к Святым Горам путешественник отмечает перемены в ландшафте («местность становится волнистее, разнообразнее, картиннее»)

[7] *Бартоломей Ф.Ф.* Посмертное издание произведений Федора Федоровича Бартоломей / изд. внук Ф.Ф. Бартоломей Всеволод Александрович Бартоломей. Киев: Тип. Пономарева, 1914. С. 218–219.

[8] Об удручающем состоянии могилы поэта в XIX в. даже накануне столетнего юбилея сохранилось немало свидетельств, например: «Какое море потрачено чернил на произнесение литературных заслуг и значении А.С. Пушкина как в русской, так и в мировой литературе… а между тем могила этого великого человека, о котором столько говорят и пишут, находится заброшенная в медвежьем углу, где о ней пекутся, очень мало» (*П. Г-ри.* На могиле Пушкина // Крымский вестник. 1899. № 134. 26 мая. С. 2). См. также: [7, с. 66–67].

[9] *Мацкевич Д.И.* Святогорский монастырь и сельцо Михайловское // *Мацкевич Д.И.* Путевые заметки. Киев: Унив. тип., 1856. С. 115−146. Цитаты здесь и далее приводятся по изданию: Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников / под общ. ред. Н.В. Большаковой. СПб.: Медиапапир, 2025. С. 49–75.

и с воодушевлением цитирует поэтические строки М. Лермонтова и Н. Языкова, предваряя знакомство с псковским уголком русской природы: «Куда ни взглянешь — со всех сторон представляются картины самые живописные. Природа здешняя — гармоническое сочетание сурового севера и веселого, улыбающегося юга» [14, с. 65]. Через природный мир в повествование входит мысль о вечности и о незримо присутствующем здесь поэте: «Созерцание этой природы производит на вас действие успокоительное, примиряющее, услаждающее. Понятно, почему Пушкин любил этот край и завещал похоронить здесь прах свой» [14, с. 65][10].

Дорожные впечатления путешественника сменяются изображением Святогорского монастыря, кресты и купола которого, «венчая густую зелень леса, <…> блестели в вышине, на беспредельном море неба. Обитель сия расположена на горах, среди диких, безмолвных лесов. По крутой, извилистой дороге мы подъезжали к древним стенам монастырским, оглашая утреннюю тишину звоном нашего почтового колокольчика. Нас встретил на дворе монах и ввел в кельи настоятеля, игумена Вениамина, человека почтенного, приветливого и радушного. Он предупредил желание наше и тотчас повел нас к могиле Пушкина…» [14, с. 65]. Повествователь передает свою взволнованность, используя известные риторические обороты:

> Благоговейно склонил я колени над прахом славного поэта; сердцу стало грустно, ресницы оросились невольными слезами… И долго стояли мы безмолвно, погруженные в печальные размышления… Я перенесся воспоминанием к годам первой моей молодости, к той поре, которую можно назвать апогеем нашей словесности, когда имя Пушкина блестело на горизонте русской поэзии, когда звуки его лиры раздавались по всему пространству необъятного царства русского, и всякий новый стих был приветствуем искренним восторгом [14, с. 65–66].

За строками, раскрывающими эмоциональное состояние паломника при посещении «обители, скрывающей в стенах своих прах нашего поэта», следует не менее эмоциональный пересказ легенд

[10] Особую поэтичность природы Святогорья отмечали и другие путешественники. Ср.: «Природа, казалось, специально для родины лирической поэзии создала этот уголок. Не трагическая, дантовская красота горных ущелий, не безграничная даль бушующего океана, не простор украинских полей, нет, красота святогорских ландшафтов мягка, нежна; небольшие горы, долины, извилистые реченки, тихие пруды и озерца, все это просится на полотно мирной лирической поэзии» (*Южный П.* Пушкинские празднества. Путевые наброски. IV. В Святых Горах // Приднепровский край. 1899. 1 (13) июня. № 502. С. 1–2).

о явлении в 1563 и 1569 гг. чудотворных икон Божией Матери юродивому юноше Тимофею, о чудесах и исцелении болящих, о строительстве каменной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы с алтарем на том самом месте, «где стояла сосна с явленною иконою Одигитрии», и об иконе Умиления из Воронича, поставленной в той же церкви монастыря, расположенного «при подошве горы, в долине, окруженной горами» [14, с. 67][11].

Мацкевич обстоятельно говорит о псковичах, «усердных ревнителях благочестия», о поклонении чудотворным святогорским иконам. Характеризуя современное состояние монастыря, он упоминает пожертвователей, чьи «полуразрушенные могилы рассеяны вокруг Успенской церкви». Наконец, дается описание места пушкинского погребения: «Над могилою А.С. Пушкина, близ церковного алтаря, возвышается простой изысканный саркофаг из белого мрамора, осененный золоченым крестом. Надпись указывает время рождения и кончины поэта» [14, с. 68]. Рассказчик отмечает благородную простоту памятника, олицетворяющего триумф и итог жизненного пути поэта.

Другим мотивом повествования становится описание обедни, при совершении которой присутствует паломник и которая оказывает на него утешительное и возвышающее действие:

> Черные, величавые одежды иноков, их бледные лица, полные благочестивого смирения, стройное, величественное пение их хоров, среди всеобщей благоговейной жизни, наконец самое малолюдство и уединение обители — все это оставило во мне впечатления неизгладимые. Здесь, под сенью безмолвия и созерцания духовного, величие обрядов нашей Церкви и их глубокий смысл производят действие невыразимое на удрученную заботами мира душу христианина, и молитва его под мрачными сводами монастыря, не смущаемая ничем внешним, наполняя душу благочестивым восторгом, возносится к небу, как чистый фимиам… [14, с. 68]

Вера в победу духовного над физическим бытием сближает Мацкевича с Бартоломеем, а сама структура заметок, предваряя последующее восприятие места, формирует мотивный комплекс, связанный с его посещением.

С намерением «поклониться нашей литературной святыне: праху Пушкина и знаменитым Михайловским рощам» — отправился

[11] На самом деле «возведение монастыря было продиктовано военной необходимостью в период Ливонской войны (1558–1583 гг.)» [7, с. 58]. См. также: [3; 4].

в Святые Горы в 1859 г. педагог, писатель, переводчик К.А. Тимофеев. В своих заметках «Могила Пушкина и село Михайловское»[12] он усилил дихотомию мимолетности и вечности противопоставлением двух миров — слободского «мира тьмы, грязи, суматохи» и природного «мира света, красоты и покоя», не скрывая своего восхищения последним: «Что за прелесть эти Святые Горы, покрытые рощами, пашнями, открывающие далекий вид на холмистый Новоржевский уезд!» [14, с. 82]. Бренное соседствует с бессмертным и в описании могилы:

> Прах Пушкина покоится за алтарем главной каменной церкви Святогорского монастыря, возле самой монастырской ограды, мимо которой идет почтовая дорога в Новоржев. Старые липы осеняют белый мраморный памятник. Он стоит высоко на пьедестале и через каменную ограду виден с почтовой дороги. Железная решетка ограждает памятник: от нее шага четыре до церкви и столько же до стены. Лицевая сторона памятника обращена к церкви. Если стоишь у церковной стены, прямо против памятника, то справа и слева, сквозь ветви лип, открывается очаровательная панорама гор, засеянных гречихой и льном [14, с. 82].

Повествователю важно подчеркнуть, что могильный обелиск, окруженный решеткой, возвышается под сенью лип за каменной оградой монастыря. Символически насыщенные детали усиливают ощущение примирения, отрешенности от земной суеты. Они навевают стихотворные воспоминания:

> И пусть у гробового входа
> Младая будет жизнь играть,
> И равнодушная природа
> Красою вечною сиять! [14, с. 82–83]

Тимофеев, подобно Мацкевичу, перемежает свои впечатления поэтическими цитатами, строки из стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных…» становятся отныне общим местом при описании пушкинской могилы[13].

---

[12] *Тимофеев К.А.* Могила Пушкина и с. Михайловское (Письмо к редактору) // Журнал Министерства народного просвещения. 1859. Т. 103. VIII. Отд. II. С. 139–151. Цитаты здесь и далее приводятся по изданию: [14, с. 81–89].

[13] Это подтверждают заметки историка Н.И. Костомарова, побывавшего здесь в 1862 г. См.: [14, с. 167–171].

При этом, вопреки возникшей аллюзии на пушкинские строки, Тимофеев сообщает:

> Осмотрев немногочисленные достопамятности Святогорского монастыря под руководством отца-настоятеля иеромонаха Гавриила, человека в высшей степени обходительного и радушного, мы взяли себе в проводники крестьянского мальчика и пошли в Михайловское. Через монастырские ворота вышли мы на почтовую дорогу и, проходя мимо ограды, из-за которой виднелся памятник, мы вздумали испытать, до какой степени свежа в околотке память о михайловском помещике. «Павлуша, кто тут похоронен за оградой, знаешь ли?» — «Знаю. Пушкин». — «А кто ж он такой был?» Мальчик замялся, наконец проговорил: «Генерал» [14, с. 83].

Подобные факты, свидетельствующие о неизвестности Пушкина крестьянству, странствующие очевидцы приводили и в дни празднования столетия со дня рождения поэта. Так, «стремясь постигнуть тайну влияния поэзии на эту “черноземную” силу», путешественник поинтересовался у своего возницы:

> «А за что так много едет к Пушкину? Что это он сделал, что заслужил такую память?». «— Стало быть, чин какой большой имел, — ответствовал мой ямщик: — значит, и почет ему». Другой ямщик, лет 45, ответил: «сказывают, стало быть, Пушкин, книжки умныя сочинял. Господа читали и, стало быть, теперь, панихиду отправлять будут». <…> И много еще раз здесь, в Святых горах, в Михайловском, Тригорском, в других местах, вчера и сегодня, во время поездок, с грустью приходится убеждаться, что Пушкин, у себя, на родине, мало известен крестьянскому люду. «Барин был, чин какой большой…». Пятьдесят с лишним лет прошло со смерти великаго поэта, и только в последние годы Пушкин народился для народа[14].

[14] *Южный П.* Пушкинские празднества. Путевые наброски. IV. В Святых Горах // Приднепровский край. 1899. 1 (13) июня. № 502. С. 1. См. также: *Фаресов А.И.* Александр Сергеевич Пушкин и чествование его памяти. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. С. 34–37, 51–57.

О благодарной памяти крестьян о Пушкине упоминается в издании конца XIX в.: «В монастыре покоится прах А.С. Пушкина. Вблизи могилы поэта, в 1895 году, на средства крестьян Воронецкой волости (частью бывших крепостных Пушкина) устроены, в память поэта, богадельня и библиотека-читальня» (*Семенов П.П.* Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриен, 1900. Т. 3. С. 316). Однако современный исследователь, ссылаясь на архивные документы, пишет, что инициатива открытия библиотеки-читальни принадлежала не крестьянам, а земскому начальнику П.Ф. Карпову [7, с. 67].

В процессе мифологизации Святогорского монастыря примечательны путевые заметки поэта, писателя, драматурга, переводчика К.К. Случевского, который в свите великого князя Владимира Александровича приезжал поклониться праху поэта в самый день его рождения в 1885 г.[15] Повторяя рассказанную Мацкевичем легендарную историю монастыря, он усилил в своих записках мысль о коренной связи «пушкинского уголка» с культурно-историческом прошлым Отечества. В частности, она прослеживается в описании крестного хода:

> Икона поднимается, как здесь привыкли говорить, «в поход» в первое воскресенье после девятой пятницы; ее несут во весь путь на руках, но прежде это было картиннее: ее несли только до реки Сороти; по ней и по реке Великой она следовала на судах до Выбутских порогов, затем поднималась снова на руки и шествовала на Спасо-Мирожский монастырь в Псков [14, с. 193].

Верность местных жителей историческим и религиозным традициям присутствует и в эпизоде встречи великого князя, детально воспроизведенной Случевским:

> К приезду его высочества «поход» иконы был немного задержан. Ровно в 6 часов вечера прибыл великий князь к монастырю. Обычная ярмарка была на исходе; тысячи народа, расположившегося по крутым скатам святогорских холмов, обильно поросших листвою высоких деревьев, вдоль крыш и крылец лежащей у подножья монастыря слободы Тоболенец, неумолкаемым *ура* и киданием шапок приветствовали августейшего гостя, колокола гудели неумолчно. Особенно эффектен был тот момент, когда его высочество, выйдя из коляски, приблизился к монастырским воротам. Тут на носилках, готовая к походу, обставленная хоругвями, стояла икона Одигитрии, и перед нею в полном облачении, окруженный монашеством, архимандрит Николай. Яркое солнце горело на золоте иконы и ризах духовенства. Прослушав краткое приветственное слово, приложившись к иконе и осеняя себя крестным знамением, его высочество по обычаю прошел под нею и направился в монастырь.

[15] *Случевский К.К.* Путешествие его императорского высочества великого князя Владимира Александровича. М.: [Б. и.], 1885. 160 с. Цитаты здесь и далее даются по изданию: [14, с. 189–244].

> Подъем по лестнице к церкви крут и высок; он идет все время под навесом и, так сказать, направляет идущего прямо в церковь [14, с. 194].

Однако описание могилы Пушкина «подле самой кручи монастырского холма» Случевский дал в самых общих чертах: «С одной стороны ее — три абсиды церковные, с другой — три высокие липы, и широко кругом один из типичнейших и красивейших сельских видов наших» [14, с. 194]. Панихиде автор также не уделил особого внимания: «Панихида по рабе Божьем Александре, пропетая всем собором в присутствии великого князя и многих тысяч непокрытых голов людских, в тот самый день рождения поэта была величественна» [14, с. 194]. Талантливый и тонкий стихотворец, Случевский в изображении «литературной святыни» во многом ограничился апробированными временем клише. Тем примечательнее его размышления о Пушкине как поэте-христианине:

> Пушкин, как известно, за год до своей смерти приготовил себе могилу в этом самом монастыре. Когда-то заказывал он в этом самом монастырь обедню и панихиду по болярине Георгии — это значило по лорду Байрону!? Инокам, конечно, и в ум не приходило, что они молятся за упокой души человека, не особенно-то их долюбливавшего; но тот, кто будет объяснять себе эту панихиду кощунством со стороны Пушкина, тот будет далек от истины. Пушкин, несомненно, молился, как молился и Байрон, потому что в конце концов без молитвы все-таки нельзя [14, с. 194].

Случевский приводит и известное признание поэта в письме 1836 г., адресованном П.Я. Чаадаеву, заключающее в себе «пароль и лозунг, оставленные Пушкиным русскому человеку»: «Клянусь вам честью, что ни за что́ на свете я не захотел бы переменить отечества, иметь другой истории, как историю наших предков, как нам Бог послал». Случевский вспоминает об этом как о свидетельстве «полной зрелости нашего поэта», а псковскую деревню, поднявшую и утвердившую его дух, считает важнейшим фактором становления Пушкина как человека «великорусского пошиба» [14, с. 195]. Влияние очерка Случевского на путешественников начала XX в., писавших о пушкинских местах (литератора В.П. Острогорского, художника В.М. Максимова и др.), рассмотрено в статье Е.А. Зонтовой [11].

Таким образом, к началу XX в. в сознании литераторов монастырский холм, «Где Пушкин спит… Над ним Святые Горы, / Мечту

певца лелея с ранних пор, / И прах его хранят, упокоенный, — / Залог любви и песни вдохновенной»[16] из места погребения поэта превращается в олицетворение бессмертия его духа, а затем — в символ национальной истории и культуры.

В период исторических катаклизмов могила Пушкина становится святилищем, ассоциирующимся с самой Россией. Так, в трагические дни 1918 г., когда совершалось варварское уничтожение Михайловского и соседних поместий, писательница и первый хранитель пушкинской усадьбы В.В. Тимофеева-Починковская, в дневниковых записях, ставших основой очерка «Шесть лет в Михайловском» [8], запечатлела свое посещение могилы поэта в день его рождения:

> Вот и монастырские стены, и гнезда крикливых грачей на старых осинах и липах. И лестница, и дверь, открытая на внутренний выход к могилам. Как было хорошо, торжественно в былые годы, когда все собирались тут. Но сегодня, сейчас там, вероятно, никого нет, думаю про себя. Обедня отошла, храм пуст. Но издали откуда-то доносится пенье <…>. Слышу торжественный возглас: «Душу преставившегося боярина Александра… и о еже простится ему согрешения, вольная же и невольная…». Я опускаюсь на колени, и горячие слезы покатились из глаз… Слезы радости и благодарения — монастырю, монахам, певчим, настоятелю. Торжественная, полная, с трогательным чувством отслуженная панихида при полном отсутствии посторонних производила глубокое, неизгладимое впечатление [8, с. 27].

Здесь не только описывается сильнейшее воздействие церковного обряда (что уже не раз отмечалось предшественниками), но и звучит тема благодарной народной любви к Пушкину, несмотря на следы ущерба на его могильном монументе:

> Я уносилась мыслью в те светлые и радостные дни и со слезами не отрываясь глядела на памятник с кощунственно отбитым золотым крестом и бронзовыми украшениями, тоже отбитыми. Чувство потерянного отечества болезненно угнетало душу. Но то, что он был еще тут, этот беломраморный обелиск с именем, прославившим Россию, что существует еще эта немногословная надпись: «Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая 1799 года скончался в С.-Петербурге 29 января 1837 года» и лежит под этой

[16] *Остен-Сакен Е.К.* Туда (Ты знаешь край, наш край благословенный…) // *Остен-Сакен Е.К.* Напевы и настроения. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1902. С. 10.

надписью свежий букетик лиловой сирени с белою розой рядом с пучком тригорских незабудок и ландышей — все это радостно волновало меня и окрыляло душу надеждой на иное, более светлое будущее. С неумирающей памятью о родном своем гении не может умереть страна, породившая этого гения! [8, с. 28]

Надгробный обелиск в глазах мемуаристки символизирует само Отечество с его нелегкой судьбой[17], а подлинная и живая память о поэте служит основанием веры в будущее России.

Укорененность в культуре и истории родины характерна и для писателей-эмигрантов. Потому в 1925 г. с болью и горечью И.С. Лукаш сообщал представителям русского рассеяния о разрушении культурных символов на «земле святой Ольги», в «захмуревшей» России: «обгорел старинный пушкинский дом, а гранитный обелиск над могилой расколот и в зияющих кирпичах виден, говорят, гроб Пушкина. Там на ржавые решетки, на гранитную плиту, в осеннем запустенье, чутко падает червонный, лапчатый лист, как и здесь… Близко за синеющими поволоками тумана спит Пушкин, спит Россия. И я вижу ее небо огромное, тихое»[18]. Еще более обостренным было отношение к пушкинским местам у прозаика Л.Ф. Зурова, тоскующего по родной псковской земле. В рассказе «Тот уголок земли…» (1927), почтительно соотнося собственную судьбу изгнанника с вынужденным «изгойством» Пушкина, скиталец Зуров признавался великому земляку: «К белому твоему обелиску пришел бы я пешим странником, и, перекрестившись на купола Святогорские, поклонился бы праху твоему, и у ног твоих стал бы молиться за Россию»[19]. В сознании представителей русского зарубежья пушкинский некрополь становится символом потерянной России.

А.П. Ладинский, также уроженец Псковского края, по возвращении из эмиграции посетил (скорее всего, в 1960 г.) Святогорский

[17] Осознание на Псковской земле неразрывной связи судьбы Пушкина с судьбой Отечества отражено и в размышлениях представителей литературы второй половины XX в., например, С.А. Золотцева: «…на заповедной, святогорской, пушкинской земле я ощутил: быть русским — значит принадлежать русской земле всегда. Быть ее частью во все века и времена, и минувшие, и грядущие. Быть ее частью во всех ее лихолетьях, когда она окровавлена, обездолена и опозорена. Быть русским — значит быть ее окровавленной, обездоленной и опозоренной частью.

Тот, кто лежит на вершине Синичьей горы, понимал это ясней и острее всех, кто жил до него, рядом с ним, и кто живет после него. Потому он и стал вершинной частью русской гордости. Потому он и стал Пушкиным. Самым русским из всех русских людей» [10, с. 120].

[18] *Лукаш И.С.* Земля святой Ольги. Угол Латгалии // Перезвоны. 1925. № 2. С. 36.

[19] *Зуров Л.Ф.* Тот уголок земли… // Перезвоны. 1927. № 32 (5). С. 999. Примечательно, что публикация рассказа в журнале сопровождается упомянутыми выше рисунками И.С. Иванова.

монастырь, в котором для него все имело значение, поскольку было окрашено присутствием Пушкина:

> Дорога спускалась с отлогого холма, и вот на другом холме показался монастырь с сложенной из полевых камней оградой и калиткой в сторожке привратника под маленькой церковной главкой. Здесь происходили ярмарки, на которых Пушкин, в широкополой соломенной шляпе и красной рубахе, слушал пение слепцов под недремным оком настоятеля Ионы, надзиравшего над поведением ссыльного поэта. Знакомая по фотографиям и сложенная из простых камней лестница ведет к собору. Церковь была взорвана гитлеровцами, но восстановлена и в ней устроен музей. В правом притворе шнуром огорожено место, где стоял гроб Пушкина во время отпевания…
>
> Это было так давно, но в молодости приходилось разговаривать с одним стареньким генералом, родственником Осиповых, который ребенком слышал, как после похорон старшие говорили о похоронах Пушкина. Смутно припоминая прошлое, он рассказывал:
>
> — Пушкин был маленького роста, а гроб-то большой, тело замерзло и колотилось о гроб на сугробах…
>
> Страшная картина. Но разве мы имеем право хоть что-нибудь не упомянуть, имеющее отношение к судьбе великого поэта?[20]

В воспоминаниях исторического романиста нет места ностальгическим переживаниям: свою задачу писатель видит именно в фиксации фактов пушкинской судьбы — при жизни поэта и после его смерти.

К проблеме судьбы Пушкина в призме его отношений с властью обращался Д.С. Самойлов в стихотворении «Святогорский монастырь». В его интерпретации гибель поэта не расценивается как обретение покоя:

Вот сюда везли жандармы
Тело Пушкина (о, милость
Государя!). Чтоб скорей,
Чтоб скорей соединилось
Тело Пушкина с душой
И навек угомонилось…[21]

---

[20] *Ладинский А.П.* Подмосковные вечера. Воспоминание о пушкинских дубравах (машинопись) // РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 32. С. 4–5 (11–12).

[21] *Самойлов Д.С.* Святогорский монастырь // *Самойлов Д.С.* Дни: стихи. М.: Сов. писатель, 1970. С. 71.

И не является избавлением от «императорской приязни», а служит свидетельством окончательной опалы и вечного изгнания: «Пусть нам служит утешеньем / После выплывшая ложь, / Что его пленяла ширь, / Что изгнанье не томило… / Здесь опала. Здесь могила. / Святогорский монастырь»[22]. Уже в наши дни А.М. Городницкий, продолжая мысль Самойлова, воспринимает могилу Пушкина как знак его вечной несвободы: «Цепко родная земля заключила в объятья, / — Ни до могилы не выпустит, ни после смерти» [6].

Напротив, поэт-лианозовец Вс.Н. Некрасов в стихотворении «Святогорский монастырь поздно вечером» лишил образ места какого-либо идеологического подтекста. Его интерпретация строится на оппозиции безмолвия поэта вневременному звучанию его стихов:

Тихо тихо
Только только

Только только только
Пушкин
Ничего не говорит.

Недаром начало пушкинского лирического эталона — «Редеет облаков летучая гряда» — стало эпиграфом к стихотворению Некрасова. Поэт XX века трижды обращается к предшественнику, словно заклиная его: «Пушкин / Осеребри». Он играет пушкинским словом, испытывая удовольствие от переливов красок, звуков, смысла, и завершает свою «молитву» катарсисом:

Пушкин
Осеребрил

Пушкин
Осеребрит

Пушкин [13, с. 70].

Посещение Святогорского монастыря, таким образом, может стать толчком к восхищенному переживанию пушкинской поэзии, поводом осознать его могилу как святилище великих стихов, о чем емко и афористично пишет Ю.М. Кублановский: «И Святогорский холм покоит Ямбы Мира»[23].

[22] Там же. С. 72.

[23] *Кублановский Ю.М.* …Не Новгород купец… // *Кублановский Ю.М.* С последним солнцем. Paris: La presse libre, 1983. С. 324.

Итак, сложившийся за неполных два столетия мотивный комплекс, составивший мифологему Святогорского монастыря, вобрал в себя: описание ландшафтных особенностей места; экскурс в историю монастыря и констатацию его современного состояния; изображение надгробного памятника; описание церковной службы; фиксацию отношения посетителей к Пушкину, мотив преемственности поколений; размышления о судьбе России и ее национальном гении; вневременную эстетическую и метафизическую оценку пушкинской поэзии. Использование авторами апробированных временем клише способствовало в литературной памяти превращению места захоронения поэта (как и его усадьбы Михайловское) во «вторичную», мифологическую данность, ставшую духовной и эстетической проекцией данности реальной.

Литература

1. *Будылин И.Т.* Золотая точка России. СПб.: Новый город, 1995. 111 с.

2. *Будылин И.Т.* Пушкинский заповедник: музей и жизнь. М.: Профиздат, 2009. 320 с.

3. *Васильев М.Е.* Святогорский Успенский монастырь. Псков: Отчина, 1997. 62 с.

4. *Васильев М.Е.* Святогорский Успенский монастырь и Пушкинские торжества в Святых Горах в 1899 году // Михайловская пушкиниана. 2000. № 12. С.117–123.

5. *Вершинина Н.Л.* «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов. Псков: Логос Плюс, 2011. 204 с.

6. *Городницкий А.* Святогорский монастырь // Звезда. 2013. № 3. URL: https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2015 (дата обращения 25.03.2025).

7. *Гаврилова Е.А.* Пушкинские места Псковской земли в 1837–1945 гг.: от дворянской усадьбы к государственному заповеднику: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2015. 225 с.

8. *Давыдов А.И.* Воспоминания В.В. Тимофеевой (Починковской) «Шесть лет в Михайловском» // Михайловская пушкиниана. 1996. № 1. С. 5–34.

9. *Дубровский А.В.* Поездка П.А. Вяземского в Святые Горы в 1841 году // Вестник ПсковГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2022. № 13. С. 56–60.

10. *Золотцев С.А.* …Уже совсем завечерело // *Золотцев С.А.* Псковская рапсодия. Книга стихотворений и поэм. Псков: изд-во ОЦНТ, 2003. С. 119–120.

11. *Зонтова Е.А.* «Пушкинский уголок» в путеводной литературе конца XIX – первой половине XX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2014. Вып. 3. С. 145–157.

12. *Зонтова Е.А.* Усадьба Михайловское послепушкинской поры (1837–1899) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3. Т. 2. С. 25–27.

13. *Некрасов В.Н.* Геркулес. Стихи 1956–1983. Вологда: Б-ка московского концептуализма Германа Титова, 2012. 591 с.

14. Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников / под общ. ред. Н.В. Большаковой. СПб.: Медиапапир, 2025. 438 с.

15. Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: в 3 т. / под ред. Е.Б. Егорова. М.: Кириллица, 2003. Т. 1. 448 с.

16. *Разумовская А.Г.* «Пушкинский уголок» России: мифологизация усадьбы в постусадебную эпоху // Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты: коллективная монография. Псков: ЛОГОС, 2015. С. 149–171.

17. *Сергеева-Клятис А.Ю.* Повседневная жизнь Пушкиногорья: сельцо Михайловское и его обитатели. От Александра Сергеевича до Семена Степановича. М.: Молодая гвардия, 2018. 336 с.

18. Скоро ли Святые Горы? По следам паломников в «Пушкинский уголок» / сост. В.К. Иванова, С.П. Иванова. М.: Ас-Траст, 2008. 236 с.

19. *Тургенев А.И.* Письма к А. И. Нефедьевой и другим о дуэли и смерти Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 2. С. 203–219. № 9. URL: https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs2/vs2-203-.htm?cmd=p (дата обращения: 25.03.2025).

20. *Шуган О.В.* М. Горький и история реставрации Пушкинского заповедника // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 74–82.

Research Article

“The Last Refuge” of Alexander Pushkin Viewed by Wandering Eyewitnesses

© 2025. Aida G. Razumovskaya
Pskov State University,
Pskov, Russia

Abstract: For the first time, the article examines the emergence of the literary image of the “important Memoria of Pushkin,” the Svyatogorsky Monastery. This image was formed in the Russian cultural mind by both ordinary and renowned authors and pilgrims of the place in the 19th and 20th centuries. The letters, memoirs, travel notes, short stories, poems, and documentary literature form the research basis. Using structural, comparative historical, and literary methods, the author identifies the motif complex for visiting the shrine. This complex comprises the peculiarities of its nature and landscape, the digression to the monastery history, the narrators’ participation in the memorial service, and the description of the tomb, as well as reflections on the poet, national history and culture and, finally, on Russia’s fate. The author traces the evolution of the image from acknowledging the predetermination and condescension of human life, through claiming the poet’s spiritual immortality and preserving the successive link between generations, raising it up in the idea of Russia’s greatness, and stating its historical, cultural, and poetical memory being focused on this point of Homeland. This research

demonstrates how the reiteration of the same clichés by different authors transforms the poet's burial place into a "secondary" mythological reality, that is, the spiritual and aesthetic projection of the given reality.

Keywords: the code of Pushkinskie Gory, the Svyatogorsky Monastery, the tomb of Alexander Pushkin, guiding books, D.I. Matskevich, Kirill Timofeyev, Konstatin Sluchevsky, Varvara Timofeyeva (Pochinkovskaya), mythologization, cultural memory.

Information about the author: Aida G. Razumovskaya, DSc in Philology, Head of the Scientific and Educational Center of Russian Language and Culture named after prof. E.A. Maimin, Professor, Pskov State University, Lenin Sq., 2, 180000 Pskov, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7289-0629

E-mail: razumov.ag@yandex.ru

For citation: Razumovskaya, A.G. "'The Last Refuge' of Alexander Pushkin Viewed by Wandering Eyewitnesses." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 396–414. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-396-414

References

1. Budylin, I.T. *Zolotaia tochka Rossii* [*The Golden Point of Russia*]. St. Petersburg, Novyi gorod Publ., 1995. 111 p. (In Russ.)

2. Budylin, I.T. *Pushkinskii zapovednik: muzei i zhizn'* [*Pushkin Reserve: Museum and Life*]. Moscow, Profizdat Publ., 2009. 320 p. (In Russ.)

3. Vasil'ev, M.E. *Sviatogorskii i Uspenskii monastyr'* [*Svyatogorsk and Assumption Monastery*]. Pskov, Otchina Publ., 1997. 62 p. (In Russ.)

4. Vasil'ev, M.E. "Sviatogorskii i Uspenskii monastyr' i Pushkinskie torzhestva v Sviatykh Gorakh v 1899 godu" ["Svyatogorsk and Assumption Monastery and Pushkin Celebrations in Svyatogorsk in 1899"]. *Mikhailovskaia pushkiniana*, no. 12, 2000, pp. 117–123. (In Russ.)

5. Vershinina, N.L. *"Bezuprechnyi rytsar'" novogo vremeni Aleksandr Nikolaevich Iakhontov* [*"The Flawless Knight" of the New Time, Alexander Nikolaevich Yakhontov*]. Pskov, Logos Plius Publ., 2011. 204 p. (In Russ.)

6. Gorodnitskii, A. "Sviatogorskii monastyr'" ["Svyatogorsk Monastery"]. *Zvezda*, no. 3, 2013. Available at: https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2015 (Accessed 25 March 2025). (In Russ.)

7. Gavrilova, E.A. *Pushkinskie mesta Pskovskoi zemli v 1837–1945 gg.: ot dvorianskoi usad'by k gosudarstvennomu zapovedniku* [*Pushkin Places of Pskov Land in 1837–1945: From a Noble Estate to a State Reserve: PhD Dissertation*]. St. Petersburg, 2015. 225 p. (In Russ.)

8. Davydov, A.I. "Vospominaniia V.V. Timofeevoi (Pochinkovskoi) 'Shest' let v Mikhailovskom'." ["'Six Years in Mikhailovskoye,' Memories of V.V. Timofeeva (Pochinkovskaya)"]. *Mikhailovskaia pushkiniana*, no. 1, 1996, pp. 5–34. (In Russ.)

9. Dubrovskii, A.V. "Poezdka P.A. Viazemskogo v Sviatye Gory v 1841 godu" ["P.A. Vyazemsky's Trip to the Holy Mountains in 1841"]. *Vestnik PskovGU. Seriia "Sotsial'no-gumanitarnye nauki,"* no. 13, 2022, pp. 56–60. (In Russ.)

10. Zolottsev, S.A. "…Uzhe sovsem zavecherelo" ["…It Was Quite Dark Already"]. Zolottsev, S.A. *Pskovskaia rapsodiia. Kniga stikhotvorenii i poem* [*Pskov Rhapsody. Book of Poems*]. Pskov, OTsNT Publ., 2003, pp. 119–120. (In Russ.)

11. Zontova, E.A. "'Pushkinskii ugolok' v putevodnoi literature kontsa XIX – pervoipolovine XX v." ["'Pushkin's Corner' in the Travel Literature of the Late 20th – First Half of the 20th Century"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2*, issue 3, 2014, pp. 145–157. (In Russ.)

12. Zontova, E.A. "Usad'ba Mikhailovskoe posle pushkinskoi pory (1837–1899)" ["The Mikhailovskoye Estate After the Pushkin Era (1837–1899)"]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, vol. 2, 2015, pp. 25–27. (In Russ.)

13. Nekrasov, V.N. *Gerkules. Stikhi 1956–1983* [*Hercules. Poems 1956–1983*]. Vologda, Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Germana Titova Publ., 2012. 591 p. (In Russ.)

14. Bolshakova, N.V., editor. *Putevye zametki kak istochnik poznaniia rossiiskoi provintsii: Pskovshchina XIX v. glazami puteshestvennikov* [*Travel Notes as a Source of Knowledge of the Russian Province: Pskov Region of the 20th Century Through the Eyes of Travelers*]. St. Petersburg, Mediapapir Publ., 2025. 438 p. (In Russ.)

15. Egorova, E.B., editor. [*Pushkin Encyclopedia "Mikhailovskoye": in 3 vols.*], vol. 3. Moscow, Kirillitsa Publ., 2003. 448 p. (In Russ.)

16. Razumovskaia, A.G. "'Pushkinskii ugolok' Rossii: mifologizatsiia usad'by v postusadebnuiu epokhu" ["'Pushkin's Corner' of Russia: Mythologization of the Estate in the Post-Estate Era"]. *Russkaia usad'ba: regional'nye i obshchekul'turnye aspekty: kollektivnaia monografiia* [*Russian Estate: Regional and General Cultural Aspects: Collective Monograph*]. Pskov, LOGOS Publ., 2015, pp. 149–171. (In Russ.)

17. Sergeeva-Kliatis, A.Iu. *Povsednevnaia zhizn' Pushkinogor'ia: sel'tso Mikhailovskoe i ego obitateli. Ot Aleksandra Sergeevicha do Semena Stepanovicha* [*Everyday Life in Pushkinogorye: The Village of Mikhailovskoye and Its Inhabitants. From Alexander Sergeevich to Semyon Stepanovich*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2018. 336 p. (In Russ.)

18. *Skoro li Sviatye Gory? Po sledam palomnikov v "Pushkinskii ugolok"* [*Will the Holy Mountains Coming Soon? In the Footsteps of Pilgrims to the Pushkin Corner*], comp. by V.K. Ivanova and S.P. Ivanova. Moscow, As-Trast Publ., 2008. 236 p. (In Russ.)

19. Turgenev, A.I. "Pis'ma k A.I. Nefed'evoi i drugim o dueli i smerti Pushkina" ["Letters to A.I. Nefedyev and Others About the Duel and Death of Pushkin"]. *Pushkin v vospominaniiakh sovremennikov* [*Pushkin in the Memoirs of Contemporaries*], vol. 2. 3rd ed., add. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1998, pp. 203–219, no. 9. Available at: https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs2/vs2-203-.htm?cmd=p (Accessed 25 March 2025). (In Russ.)

20. Shugan, O.V. "M. Gor'kii i istoriia restavratsii Pushkinskogo zapovednika" ["M. Gorky and the History of the Restoration of the Pushkin Reserve"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 30, no. 3, 2024, pp. 74–82. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.04.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 02.04.2025
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт. 2025. № 4 (38)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-415-433
https://elibrary.ru/SUMDLN

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Идеологический поворот середины 1930-х гг. в «оборонной критике»: война, патриотизм и Пушкин

© 2025, А.В. Сысоева
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Работа выполнена в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01122 «Советская оборонная критика как историко-литературный феномен 1930-х гг.» (https://rscf.ru/project/24-28-01122/).

Аннотация: В начале 1930-х гг. представители Литературного объединения Красной армии и флота начали выделять среди произведений военной тематики те, что отвечали обозначенной в уставе организации функции «пропаганды в художественной форме задач обороны страны», и называли их «оборонной литературой»; по аналогии определение «оборонная» было перенесено на критику, объектом которой стали эти произведения, а адресатом — их авторы и читатели. В статье рассматривается воздействие на оборонную критику и литературу идеологической кампании по внедрению советского патриотизма, которая проходила одновременно и в связи с изменением в отношении к истории дореволюционной России и «русским поворотом» в национальной политике. Представления о патриотизме в оборонной критике начала 1930-х гг. реконструируются в статье с опорой на повторявшееся в критических разборах произведений о Первой мировой войне описание смены убеждений героя, а изменение оценки понятия «патриотизм» рассматривается на примере дискуссии 1933 г. об А.С. Пушкине в сопоставлении с работой 1937 г. С.М. Петрова о поэте. Выводы критиков о классической литературе были актуальны для писателей современных, поскольку соотносились с текущим идеологическим курсом. Оборонная критика осваивала новые установки на протяжении 1934–1937 гг., перешла к положительной оценке понятия «патриотизм», сместив фокус на защиту территории вместо строя. Эти изменения отразились и в литературе, именование которой начало меняться на патриотическую: она стала чаще привлекать исторический материал, выходя за пределы XX в., и по-новому оценивать результаты войн России, поддерживавших реакционный (по определению В.И. Ленина) строй.

Ключевые слова: идеология и литература, оборонная критика, оборонная литература, журнал «Знамя», журнал «Залп», советский патриотизм, А.С. Пушкин, Н.Г. Свирин, Б.М. Эйхенбаум, С.М. Петров.

Информация об авторе: Анастасия Владимировна Сысоева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3844-5908

E-mail: sysoevaav@gmail.com

Для цитирования: *Сысоева А.В.* Идеологический поворот середины 1930-х гг. в «оборонной критике»: война, патриотизм и Пушкин // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 415–433. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-415-433

Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ; 1930–1932) было создано по инициативе военных литературных групп Ленинградской ассоциации пролетарских писателей, курировалось Политическим управлением Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Часть членов организации, критиков и писателей, пришла в литературу после или параллельно со службой в армии или флоте (обычно в качестве политических работников). Целью объединения была заявлена «пропаганда в художественной форме задач обороны страны»[1]. После закрытия ЛОКАФ в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» ту же работу с писателями продолжила Оборонная комиссия Оргкомитета Союза советских писателей (ССП), она вошла и в состав ССП. Журнал «Знамя», в 1931–1932 гг. носивший название «ЛОКАФ», взял на себя функции Оборонной комиссии в период ее закрытия с мая 1937 г. по январь 1939 г.[2] На военной тематике специализировался также журнал «Залп» (1931–1934)[3]. Составы редколлегий названных журналов, ЛОКАФ, Оборонной комиссии пересекались. Издания стали базой для т. н. оборонной критики, объектом которой была в первую очередь советская литература военной тематики; работы о произведениях классиков о войне также были обращены к современному писателю, задавали ему идеологические и художественные ориентиры[4]. Термин «оборонная критика» начал

[1] РО ИРЛИ. Ф. 498. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1. Подробнее о создании организации см.: [17], о ее деятельности — [4, с. 138–151; 7].

[2] О причинах и последствиях закрытия см.: [16].

[3] Об истории издания см.: [15].

[4] Оборонные критики выступали и в других изданиях, а также помещали разборы опубликованных в них произведений военной тематики, например: *Березов П.* Ближе к оборонной тематике! Локафовская тематика в продукции литературно-художественных журналов за 1931 год // ЛОКАФ. 1932. № 2. С. 140–167.

использоваться с 1932 г.[5] по аналогии с т. н. «оборонной литературой» (так в 1931 г. идеолог и ведущий критик ЛОКАФ Н.Г. Свирин назвал произведения, с которыми работала организация[6]). Редакции отбирали материал, некоторым критикам отказывали, некоторым, напротив, предлагали все работы помещать в журнале. Критики, обращаясь к анализу формы, отмечали штампы, неубедительность образов, неудачные формулировки и проч. Но содержание произведений обычно выходило в критических разборах на первый план, потому что определяющим условием, которое позволяло считать литературу оборонной, было соответствие текущим идеологическим установкам власти[7].

Ключевым понятием, на которое опиралось изменение идеологического вектора СССР в 1930-е гг., стал патриотизм [6, с. 42–60]. Этот поворот оказался определяющим и для оборонной литературы и критики. Рассмотрим контексты употребления термина «патриотизм» / «патриотический» в статьях журналов «Знамя» и «Залп».

В начале 1930-х гг. критики говорили о ставшем общепринятым описании Первой мировой войны. И.С. Эвентов писал:

> Во многих произведениях советской литературы и кино принято начинать описание империалистической войны с патриотических демонстраций. <…> Затем следует война в своем обнаженном реалистическом (а часто и натуралистическом) виде. Следом за этим идет сокрушение военных идеалов, гибель и просветление сознания героев.
>
> Эта схема действительно отражает реальный ход вещей[8].

Критик даже посчитал необходимым мотивировать то, что «описание войны в повести М. Тардова («Окопы». — *А.С.*) идет, минуя ее “патрио-

---

[5] Например: *Свирин Н.* Оборона страны и задачи марксистской критики // Залп. 1932. № 8. С. 56.

[6] Впервые термин был использован в предисловии к сборнику статей «Литература и война», сданному в набор 1 августа 1931 г. (*Свирин Н.* Литература и война. Л.: ГИХЛ, [1931]. С. 4). Можно выделить несколько наиболее популярных тем «оборонной литературы»: о будущей войне («На Востоке» П.А. Павленко, 1936), Гражданской войне («Оптимистическая трагедия» В.В. Вишневского, 1933), современных армии и флоте («Канны» С.И. Вашенцева, 1935).

[7] Как отмечает В.В. Соловьева, одним из факторов, благодаря которым появился ЛОКАФ, можно считать желание избежать в будущем идеологических ошибок, подобных тем, что были в произведениях о конфликте 1929 г. на КВЖД [14, с. 677]. У нее же см., как публикации в журналах «Залп» и «ЛОКАФ» откликались на постановления по укреплению границы, организацию колхозов и пр., как оборонная литература и критика включались в идеологическую работу в Красной армии и флоте.

[8] *Эвентов И.* Разложение старой армии. М. Тардов, «Окопы». ГИХЛ, 1933, стр. 255, тир. 5000 // Знамя. 1933. № 12. С. 208.

тическую стадию”» тем, что героем произведения стал не «мелкобуржуазный одиночка», а солдаты[9]. П.И. Березов при описании той же схемы в повести М. Залка «Храбрый портняжка» сделал акцент на смене убеждений: «художественно сильно и психологически обоснованно показан путь от ложного патриотизма и шовинизма через растерянность пацифизма, к активно-революционному отрицанию империалистической войны путем превращения ее в гражданскую войну»[10]. В качестве источника модели трансформации героя критик назвал статью В.И. Ленина «Положение и задачи социалистического интернационала» (1914). Патриотизм на этом этапе представлял собой противоположный революционным настроениям полюс.

Понятие зачастую отождествлялось с «ура-патриотизмом», обычно применительно к войнам начала XX в.[11] В журналах публиковались разборы патриотических произведений периода Первой мировой войны, которые критика характеризовала как художественно слабые, «низкопробные», «лубочные»[12]. Ура-патриотизм изредка упоминался и как недостаток советской литературы, от которого должен помочь избавиться ЛОКАФ[13]. Критика отмечала в патриотических произведениях чуждую идеологию. Обычно речь о патриотизме заходила в связи с национализмом или шовинизмом литературы прошлого[14], а также при обращении к современным произведениям потенциального противника — Германии[15].

Регулярное употребление понятия в отрицательной коннотации приводило к тому, что положительная его трактовка требовала пояснений. Характерен пример из статьи о Бальзаке, цикл произведений которого о Франции периода реставрации высоко оценил Ф. Энгельс: патриотизм ставился в синонимичный ряд с революционными идеалами, шла речь

[9] Там же. Здесь и далее изменения шрифта в цитатах авторские.

[10] *Березов П.* Краснознаменец на литературном фронте. О творчестве Матэ Залка // ЛОКАФ. 1932. № 5. С. 138.

[11] Например: *Волков А.* Акмеизм и империалистическая война // Знамя. 1933. № 7. С. 181; *Гликман Л.* Война и песня // Залп. 1934. № 10. С. 31; *Тарасенков А.* Поэзия и русско-японская война 1904–05 гг. // ЛОКАФ. 1932. № 7. С. 171.

[12] См., например: *Цехновицер О.* Как обманывали солдат. Массовая лубочно-патриотическая литература 1914–16 гг. // Залп. 1934. № 7. С. 27; *Варшавский С.* «Цусима» // Залп. 1933. № 6. С. 56.

[13] *Свирин Н.* Основные теоретические проблемы ЛОКАФ // Залп. 1931. № 2. С. 48.

[14] *Свирин Н.* Военно-феодальный империализм и русская литература. Статья первая // Знамя. 1933. № 11. С. 159; *Майзель М.* Разрушение вымысла // Залп. 1933. № 5. С. 44; *Ухмылова Т.* М. Горький и революционные писатели в годы войны // Залп. 1934. № 7. С. 25; *Цехновицер О.* Марсианствующая беллетристика. К вопросу о качестве литературы мировой войны 1914–1918 гг. // Знамя. 1934. № 8. С. 206, 211.

[15] *Михайловский Б., Песис Б.* Германский милитаризм в радиоискусстве // Знамя. 1934. № 2. С. 218; *Юновская Е.* Зарубежная хроника // Залп. 1934. № 6. С. 38.

о «сознательной преданности солдат революционным — “патриотическим” — по тогдашнему выражению — принципам»[16].

В ряде случаев критики обращались к классической литературе как к образцу для советского писателя, что было связано в первую очередь с задачами литературной учебы (появлялись статьи с говорящими названиями вроде «Чему учиться у Некрасова»[17], ответы читателям на вопросы, например, о методе стенографирования И.С. Тургенева[18]). Обучение мастерству шло параллельно с разбором убеждений классиков — на литературу прошлого переносили современные представления о патриотизме.

В 1933 г. в оборонных журналах развернулась дискуссия об А.С. Пушкине. В статье «Батальная тема в русской поэзии начала XIX в.» Б.М. Эйхенбаум описывал патриотические произведения поэта как неудачные и появившиеся под гнетом обстоятельств[19]. Он указывал, что поэмы «Полтава» и «Кавказский пленник» выполняли роль «литературной пропаганды завоевательной политики царизма», однако сглаживал это утверждение тезисом о «противоречиях оппозиционного либерального дворянства в его отношении к феодализму»[20]. Более того, Эйхенбаум говорил о «двупланности» «Полтавы» («сквозь исторический материал просвечивает современность, но так, что ее прямой политический смысл остается неясным»)[21].

После разгрома формальной школы работа, в которой шла речь о стиле, создании нового жанра поэзии, новом языке, необходимо сопровождалась припиской от редакции, мотивировавшей появление публикации ценностью фактического материала и отмечавшей формалистский подход статьи как ее недостаток[22].

В дискуссию с критиком вступил Свирин в своей работе «Любопытная история поэзии (по поводу статьи Б. Эйхенбаума)». Как член редколлегии, он снова разъяснил, почему редакция сочла возможным поместить статью Эйхенбаума, и мотивировал обращение журнала к литературе XIX в.: «Без глубокого изучения и критического освоения классического наследия прошлого наши писатели не создадут монументальных, делающих эпоху в истории литературы, оборонных произведений»[23].

---

[16] *Четунова Н.* Военный Бальзак // Знамя. 1933. № 9. С. 188.

[17] *Степанов Н.* Чему учиться у Некрасова // Залп. 1934. № 10. С. 24–26.

[18] [*Б. п.*] Письмо из редакции // Залп. 1934. № 5. С. 31.

[19] *Эйхенбаум Б.* Батальная тема в русской поэзии начала XIX в. // Залп. 1933. № 5. С. 54.

[20] Там же. С. 55.

[21] Там же. С. 54

[22] [*Б. п.*] От редакции // Там же. С. 57.

[23] *Свирин Н.* Любопытная история поэзии. По поводу статьи Б. Эйхенбаума // Залп. 1933. № 7–8. С. 55.

Летом 1932 г. Свирин в письмах другу, драматургу В.В. Вишневскому, рассказал о своей работе по изучению темы войны и армии в литературе XIX в., в частности, говорил о трех направлениях в этой теме (патриотическое, пацифистское и революционное), и эта триада повторяла описанную в оборонной критике смену убеждений героев в произведениях о Первой мировой войне. Тогда же он впервые упомянул Пушкина, которого отнес к первому направлению [12, с. 318]. Свирин продолжал писать и о современной ему оборонной литературе, но фокус его внимания смещался в сторону истории литературы.

Суть статьи Эйхенбаума виделась ему так: «у либерального дворянства — пацифистские настроения, у придворных, реакционных кругов — завоевательные»[24]. В своем ответе критик говорил о национализме и интересе к войне либерального и революционного дворянства, декабристов[25], а «истинный патриотизм» в случае с дворянством XIX в. понимал как доступное немногим «осознание палаческой роли России» по отношению к «угнетенным народам»[26], в частности к Польше. Свирин утверждал, что вывод Эйхенбаума «об идейной нищете и стилистическом архаизме поэзии оппозиционного дворянства» неверен, отмечал разнообразие жанров, стилевые сдвиги в поэзии[27]. Критик был не согласен и с мыслью о непоследовательности патриотической позиции Пушкина. Приведя список не упомянутых Эйхенбаумом патриотических произведений поэта, Свирин продолжил его примерами из переписки поэта, предлагая оппоненту: «если все воинственное творчество Пушкина — плод правительственного нажима и никак не отвечает истинным воззрениям самого поэта, — пусть т. Эйхенбаум приведет хотя бы одно *частное* письмо Пушкина, *интимную* запись в его дневниках, или *нецензурное* стихотворение, что говорило бы о том, что Пушкин *не* стоит на позициях великодержавного патриотизма, что Пушкин *против* завоевательной политики царизма, *против* покорения Кавказа, удушения Польши, побед Петра над шведами и над Украиной и т. д.»[28]. Свирин предлагал не смешивать личные взаимоотношения поэта с императором и то,

---

[24] Там же. См. у Эйхенбаума: «пацифистские настроения явились, главным образом, в среде молодой дворянской интеллигенции; они были результатом осознания противоречий между социально-экономическими потребностями страны и развитием завоевательных тенденций царизма» (*Эйхенбаум Б.* Батальная тема в русской поэзии начала XIX в. // Залп. 1933. № 4. С. 67).

[25] *Свирин Н.* Любопытная история поэзии. С. 56. Позже Свирин описывал критику либеральным дворянством царской армии как «самокритику внутри господствующих классов, направленную на укрепление и реорганизацию армии» (*Свирин Н.* Военно-феодальный империализм и русская литература. Статья вторая // Знамя. 1934. № 1. С. 199).

[26] *Свирин Н.* Любопытная история поэзии. С. 56.

[27] Там же. С. 60.

[28] Там же. С. 58.

поддерживал ли он его политические решения. Критик, выступивший ранее с программной статьей об оборонной литературе, в которой развивал тезис «Искусство всегда обслуживало интересы господствующего класса»[29], остался ему верен и в дискуссии с Эйхенбаумом. Оправдание патриотических произведений отсутствием политической позиции у их автора воспринималось им как обвинение: «Попытки Эйхенбаума “обелить” Пушкина на деле не только морально принижают великого поэта (ибо все в конце концов объясняется *приспособленчеством* Пушкина), но и оглупляют умнейшего, образованнейшего, гениального представителя дворянства, поднявшего в своем творчестве идею величия государства Российского на громадную теоретическую и художественную высоту, давшего на целое столетие классические формулы для программы русских националистов (“славянские ручьи сольются в русском море”)»[30].

Оба критика совпали в высокой оценке художественных качеств произведений поэта и, оставаясь в рамках социологического подхода, в определении его мировоззрения как чуждого пролетариату[31]. Различение «литературной формы и транслируемого ею мировоззрения» восходит к политике РАПП [9, с. 34], обратившейся к «учебе у классиков» еще в 1920-е гг. Различение не снимало вопроса о мировоззрении. Как при разборе современных произведений зарубежных писателей важна была оценка их личности и, главное, их позиции по отношению к СССР[32], так и при обращении к литературе прошлых веков значимыми оказывались не только художественные достоинства или недостатки произведений, но и убеждения авторов. В биографиях писателей на первый план выводились факты, формирующие их образ, служившие примером для читателя[33]. Классик воспринимался как нуждающийся в оправдании для того, чтобы советский писатель мог брать с него пример. Эйхенбаум доказывал, что патриотизм не был присущ Пушкину, чтобы иметь возможность высоко оценить его личность. Свирин же сочетал высокую оценку личности поэта

[29] *Свирин Н.* Литература и война // Свирин Н. Литература и война. [Л.]: ГИХЛ, [1931]. С. 7.

[30] *Свирин Н.* Любопытная история поэзии. С. 58.

[31] В статье, открывшей том «Литературного наследства» (1934), посвященный Пушкину, описаны две крайности в оценке его творчества, которые демонстрируют, как широко распространен был социологический подход в сочетании с убеждением, что «учиться» можно только у «нашего» классика. Согласно первой группе работ, «Пушкин, являющийся детищем дворянской культуры, умер вместе с нею и ничем не может помочь в строительстве современной литературы», вторая же, напротив, говорила о том, что поэт «деклассировался» и стал идеологом декабризма и «мужицкой революции» (*Цейтлин А.* Наследство Пушкина // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18: Александр Пушкин. С. 6).

[32] См., например, о смягчении оценки произведений Ч. Гаррисона в журнале «ЛОКАФ» одновременно с указанием на его сочувствие революционным идеям: [3, с. 357–362].

[33] Об «опролетаривании» биографий писателей, которое происходило еще в 1920-е гг., см., например: [13, с. 32–33].

с признанием значительной его роли в формировании и утверждении идеологии царской России. Он счел необходимым пояснить приверженность поэта чуждой пролетариату идеологии, напомнив о его происхождении: «Великодержавнические и завоевательные тенденции были вполне естественным выражением одной из сторон дворянской идеологии. И Пушкин здесь отнюдь не был каким-то грустным и непонятным исключением»[34]. Критик писал о прекрасной художественной форме русской классической литературы и об успешном выполнении «оперативного задания», данного государством[35]. Именно эти особенности должен был перенять советский писатель у классиков.

Последнее слово в полемике, развернувшейся в журнале «Залп», осталось за Свириным. Ее отголоски прозвучали и в журнале «Знамя»: рецензия Н.В. Реформатской на собрание стихотворений Д. Давыдова со вступительной статьей Эйхенбаума воспроизводила аргументы, высказанные Свириным в ходе этой дискуссии[36]. 29 июля 1934 г. заведующий критическим отделом А.К. Тарасенков писал Свирину о причинах такого совпадения: «я указал ей на Ваши и Эйхенбаумовские статьи, посоветовав использовать материал этой полемики. Одновременно я сказал ей, что точка зрения т. Свирина близка к точке зр<ения> редакции»[37]. 23 октября 1934 г. редакция предложила Свирину стать штатным критиком с ежемесячной фиксированной оплатой сверх обычного гонорара[38]. Журнал был согласен публиковать его работы о русской литературе XVIII и XIX вв. Показательно изменение отношения к историческому ракурсу рассмотрения литературы: ранее в этом же году, но до Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании отечественной истории в школах СССР», Тарасенков сообщал другому автору, И.С. Эвентову: «Что касается историч<еских> тем, то, конечно, они второстепенны и не так срочны по сравнению с темами сегодняшнего дня»[39].

Таким образом, оба журнала присоединялись к выводам Свирина о поддержке Пушкиным политики царизма, что включало в себя его патриотизм, и сильной стороной поэта видели его способность быть «сознательным идеологом своего класса»[40].

---

[34] *Свирин Н.* Мечом и пером // ЛОКАФ. 1932. № 11. С. 150.

[35] Там же. С. 162.

[36] *Реформатская Н.* Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений («Библиотека поэта» под редакцией М. Горького). Изд-во Писателей в Ленинграде. 1933. 302 стр. Ц. 7.50 к. 4.500 экз. // Знамя. 1934. № 5. С. 247–252.

[37] РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. № 1080. Л. 179.

[38] РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. № 1080. Л. 76.

[39] РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. № 1081. Л. 116.

[40] *Свирин Н.* Военно-феодальный империализм и русская литература. Статья первая // Знамя. 1933. № 11. С. 166.

В 1934 г. произошло принципиальное изменение в отношении к патриотизму, приведшее к новой интерпретации взглядов классика. Оно вывело на первый план те тексты, которые и ранее предлагали положительную оценку патриотизма, но оставались на периферии критического дискурса[41]. М.С. Агурский проявления «красного патриотизма» (чувства гордости за Советскую Россию, противостоящую буржуазному миру) относит еще к периоду Гражданской войны [1, с. 147]. С.А. Колбасьев, выпускник Морского кадетского корпуса, защищая патриотические мотивы перехода своих персонажей, бывших офицеров царского флота, на сторону красных, отсылал к опубликованному 30 мая 1920 г. в газете «Правда» воззванию: «“Патриотическая” мотивировка т. Варшавскому показалась неубедительной и чуть что не антисоветской. Однако партийное руководство времен гражданской войны на этот счет по-видимому придерживалось как раз обратного взгляда. Иначе оно не разрешило бы напечатания в нашей прессе воззвания Брусилова к бывшим офицерам, где он призывал их на борьбу с поляками именно из “патриотических” соображений зашиты России»[42]. В воззвании шла речь о «родной матери России», о «любви и преданности к родине»[43]. Это было обращение к патриотическим чувствам, хотя слово «патриотизм» и не употреблялось, а в случае с белыми офицерами это был уже «бывший патриотизм», как охарактеризовал его Колбасьев[44]. На смену ему пришел новый.

6 июля 1934 г. в газете «Известия» была опубликована статья Н.И. Бухарина «Рождение и развитие социалистической Родины», в ней впервые было употреблено словосочетание «советский патриотизм» [6, с. 49–50]. Новый патриотизм, отмежевавшись от «зоологического расизма, шовинистического мракобесия, глупой национальной ограниченности и тупоумия буржуазных патриотов», утверждал любовь к родине, значимой характеристикой которой оставался советский строй («патриоты Советской земли, которая есть не чисто территориальное понятие»). Эта идеологическая конструкция дополнялась важным территориальным измерением: «Защищать теперь мы будем не идею, <…> **а уже огромный полнокровный организм**»[45].

---

[41] Е.А. Добренко писал о такой важной черте культуры соцреализма, как взаимодействие и сосуществование противоположных начал, «достаточно лишь в нужный момент **актуализировать** нужный полюс, чтобы вся парадигма поднялась на поверхность» [5, с. 6]. В статье идет речь о соцреализме, однако подобная ситуация характерна и для более раннего периода.

[42] *Колбасьев С.* Перелет // Залп. 1931. № 3. С. 55.

[43] *Брусилов А.А.* и др. Воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились // Правда. 1920. 30 мая. № 116. С. 1.

[44] *Колбасьев С.* Перелет. С. 54.

[45] *Бухарин Н.* Рождение и развитие социалистической родины // Известия. 1934. 6 июля. № 156. С. 3.

Журнал «Знамя» быстро отреагировал на новую установку. «Наша литература о современной Красной армии должна во весь рост поставить перед собой задачу освоения таких чувств и понятий, как чувство советского патриотизма и любви к родине», — говорилось в статье председателя Оборонной комиссии Оргкомитета ССП Л.М. Субоцкого, помещенной в седьмом номере за 1934 г. (сдан в производство с задержкой, 15 июля, на два месяца позже предыдущего номера)[46].

Советский патриотизм мог встроиться в уже имевшуюся в оборонной критике схему. Иногда он наделялся положительным значением, если патриотами оказывались те, кто хотел сменить существующий социальный строй на более прогрессивный, например: «Борясь с интервентами, Беранже отстаивал отечество буржуазно-демократической революции против феодально-крепостнической реакции. Господа Тардье и Бонкуры в своем “патриотизме” так же похожи на патриотизм Беранже, как “патриотизм” господ Милюковых, Керенских, Красновых и Врангелей <…> похож на патриотизм Пестеля и Герцена, боровшихся за освобождение своей страны от гнета феодализма»[47]. Борьбы за социализм оказывалось достаточно, чтобы говорить о советском патриотизме в положительном ключе. Однако в уже названной статье Субоцкого шла речь не о защите строя, а о защите родины. Он развивал тезис, уже озвученный в официальной прессе: «в защите родины — высший закон»[48]. Это принципиально меняло риторику и подразумевало новое наполнение понятия.

В 1935-1936 гг. происходило уточнение понятия «патриотизм». 19 марта 1935 г. в газете «Правда» вышла передовая статья «Советский патриотизм», в которой часто употреблялось слово «народ», шла речь о любви к стране и об угрозе со стороны «подлых и обреченных врагов»[49]. Годом позже К. Радек в статье с тем же названием примирял очевидные нестыковки идей советского патриотизма и мировой революции, утверждая, что первая «в ее историческом смысле как стремление к освобождению от внутреннего и внешнего гнета» не противоречила связанному со второй принципу интернационализма и в настоящий момент «пролетарский интернационализм рабочих всего мира только тогда есть действие, а не мечта, когда он готов все сделать для защиты СССР, когда он сливается с советским патриотизмом»[50].

Оборонная критика осваивала новые тезисы. Летом 1934 г. слово «патриотизм» употреблялось в привычном контексте и оценивалось отри-

[46] *Субоцкий Л.* Темы, которые еще ждут своих художников // Знамя. 1934. № 7. С. 221.

[47] *Лелевич Г.* Военная тема в поэзии Беранже // ЛОКАФ. 1932. № 7. С. 180.

[48] См., например: *Васильковский Г.* Высший закон жизни // Правда. 1934. 28 мая. № 145. С. 4.

[49] [*Б. п.*] Советский патриотизм // Правда. 1935. 19 марта. № 77 (6323). С. 1.

[50] *Радек К.* Советский патриотизм // Правда. 1936. 1 мая. № 120 (6726). С. 6.

цательно[51]. Со второй половины 1935 г. в журнале «Знамя» о патриотизме с положительной оценкой стали писать 1–2 раза в год в сочетании с определением «советский».

Свирин продолжил писать о Пушкине, но уже не о его патриотизме[52]. В статье, вышедшей в 1935 г., он выделил два направления «колониальной» литературы («официально-патриотическая, шовинистическая литература» и «литература либерального дворянства»), включив Пушкина во второе[53]. Выстраивалась ложная дихотомия, которая могла подтолкнуть к сопоставлению по признаку убеждений, причем либеральному дворянству приписывалась критика «полицейско-бюрократического строя самой России»[54], что смягчало предыдущие заявления о вкладе Пушкина в создание патриотической идеологии царизма. Такая перемена могла быть связана с новым подходом Свирина к материалу. В письме к Вишневскому от 22 июня 1935 г. он говорил о стремлении изучать Пушкина вне идеологических рамок[55]. В 1936 г. Свирин был избран в Пушкинскую комиссию АН СССР[56] и в редакционный совет по академическому изданию Полного собрания сочинений Пушкина.

Внедрение идеи советского патриотизма происходило в связи с переосмыслением дореволюционного прошлого и «русским поворотом» в национальной политике[57]. Воинские победы России становились поводом для гордости, а ее противники и само нападение на нее оценивались отрицательно, причем в расчет не принималось то, что имело значение ранее (государственный строй и обстоятельства войны). В то же время сохранялся тезис о регрессивности царизма, на смену которому пришел новый строй. Соединить гордость за победы страны и отторжение старого строя помогло разделение народа и государственной власти в нарративах о прошлом.

Эти тенденции нашли отражение в статье С.М. Петрова «Роман Пушкина о 1812 годе» — первой опубликованной в журнале «Знамя» работе,

---

[51] Например: *Цехновицер О.С.* 1) Горький в эпоху мировой войны // Знамя. 1934. № 7. С. 230–231, 236; 2) Марсианствующая беллетристика. К вопросу о качестве литературы мировой войны 1914–1918 гг. // Знамя. 1934. № 8. С. 200, 218.

[52] *Свирин Н.* Пушкин и Восток // Знамя. 1935. № 4. С. 204–229.

[53] *Свирин Н.* Первый русский роман о Кавказе // Знамя. 1935. № 7. С. 239. Свирин и ранее относил Пушкина к либеральному дворянству (*Свирин Н.* Мечом и пером. С. 146.).

[54] *Свирин Н.* Первый русский роман о Кавказе. С. 239.

[55] Свирин писал, что в его работе происходит «происходит беспрерывный процесс углубления подхода к Пушкину. Я назвал бы этот процесс преодолением “локафовской ограниченности”», выделял несколько его линий, в первую очередь «перемещение центра тяжести с “политики” — на литературоведение» (РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. № 3076. Л. 123).

[56] 9 февраля 1936 г. был избран в Комиссию по представлению М.А. Цявловского, Ю.Г. Оксмана, С.М. Бонди, Т.Г. Зенгер, Г.О. Винокура [18, с. 177].

[57] О подчеркивании преемственности дореволюционной России и СССР и «реабилитации» ее истории в «Правде» 1936 г. см.: [6, с. 70–72], о «русском повороте» см., например: [11, с. 468–527].

в которой слово «патриотизм» часто употреблялось с положительной коннотацией. Статья вышла в августовском номере 1937 г. и была посвящена работе поэта с историческими сюжетами. Она внесла вклад в празднование годовщины смерти поэта, проходившее в государственном масштабе и поставившее точку в спорах о «благонадежности» Пушкина. М. Левитт отмечал, что юбилей поэта 1949 г. «отражал пропаганду патриотизма и идеи величия русского народа» [10, с. 185][58]. Это было характерно и для торжеств 1937 г. Если Свирин писал, что Пушкин в стихотворениях «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» стоял «целиком на стороне Николая I, который, по выражению Маркса, растоптал ногами польскую конституцию»[59], то Петров подчеркнул, что «эти патриотические стихи Пушкина были направлены не против уже окончившегося польского восстания, а против угрозы интервенции»[60]. Петров говорил об «истинном» патриотизме декабристов, который являлся «выражением патриотизма народа, его национального самосознания» и утверждал, что Пушкин «пробуждение чувства национальной независимости в народе» относил к 1812 г.[61] Отметим, что ранее Свириным вслед за Лениным подчеркивалась регрессивная роль побед России в войнах XIX в., а заявления русских писателей об общенациональном и оборонительном характере войн квалифицировались им как способ «обманывать народ»[62].

Петров утверждал, что Пушкин своим истинным патриотизмом разоблачал напускной патриотизм дворянства, а «стрелы Пушкина были направлены не только против широких кругов дворянства, но и против дворянской государственности, самодержавного строя»[63]. И Эйхенбаум, и Свирин говорили о государственном патриотизме. Петров близок Эйхенбауму тем, что Пушкин в его интерпретации оказывался борцом с государственным патриотизмом.

В том же 1937 г. в журнале «Знамя» разъяснялась сущность советского патриотизма с перечислением свойств, нашедших отражение в высказываниях Петрова о патриотизме Пушкина (опора на народность, признание прошлого, защита государства): «Советский патриотизм — это народный патриотизм. Естественной и неотъемлемой составной частью входят в него

---

[58] Тогда утверждение патриотизма Пушкина звучало явно и повсеместно, см., например, статью Д.Д. Благого с подзаголовком «К 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина» под названием «Великий русский патриот» (Пограничник. 1949. № 10. 30 мая. С. 48–51). В этот же период «организация эстетического канона будет окончательно связана с процессом вызревания в литературе патриотической идеи» [19, с. 101–102].

[59] *Свирин Н.* Мечом и пером. С. 147.

[60] *Петров С.М.* Роман Пушкина о 1812 годе // Знамя. 1937. № 8. С. 246.

[61] Там же. С. 241, 242, 252.

[62] *Свирин Н.* Военно-феодальный империализм и русская литература. Статья первая // Знамя. 1933. № 11. С. 163.

[63] *Петров С.М.* Роман Пушкина о 1812 годе. С. 258.

исторические традиции нашей Великой родины, ее умение на протяжении многих веков отстоять свою национальную и государственную самостоятельность»[64]. Таким образом, в журнале завершился поворот по отношению к патриотизму. После статьи Петрова это слово снова стало появляться часто и, в отличие от начала 1930-х гг., в положительном смысле (в том числе применительно к царской России[65]).

Обсуждение оборонной критикой вопроса о патриотизме Пушкина отражало смену идеологического вектора середины 1930-х гг. и транслировало ожидания от современных советских писателей, создававших произведения военной тематики.

Оборонная литература обращалась к прошлому, чтобы обосновать право советской власти на ее доминирующее положение как внутри страны, так и на международной арене, изображала потенциального противника в новой войне и создавала привлекательный образ современной армии. Содержание произведений, распространенные сюжеты, соотношение тем менялись, в том числе под влиянием политических кампаний. В ряде случаев реакция была краткосрочной, например в ответ на военные маневры Англии, Франции и др. стран в июне 1931 г. на Балтике вышла «Юбилейная поэма» А. Гитовича, об учениях шла речь также в рассказе В. Кнехта «Пират любви»[66]. Такие события влияли на упоминания стран в произведениях советских писателей, пока воспоминания о них оставались актуальными или не менялась политическая обстановка (так, французские крейсеры «Турвиль» и «Кольбер» повести А.М. Дмитриева «Есть — вести корабль» 1931 г. издания превратились в английские «Аякс» и «Аэрондюк» в 1934 г., наконец, в 1936 г. они были заменены на иностранные крейсеры без названий).

Введение понятия советского патриотизма имело долгосрочные последствия для оборонной литературы. В первую очередь перемены коснулись произведений о прошлом, расширился круг тем, в который вошла история России до XX в. Редакция, как и писатели, не всегда достаточно быстро и полно реагировали на смену курса. В сентябрьском номере 1936 г. была опубликована повесть В.П. Аристова «“Дело” подполковника Энгельгардта», а в 1937 г. журнал уже признавал ошибку — автор не показал народный патриотизм во время войны 1812 г., говорил о надежде крестьян на Наполеона, который принесет спасение от крепостничества, критике

[64] [*Б. п.*] История нашей родины и задачи советских писателей // Знамя. 1937. № 10. С. 248.

[65] См., например о Г.И. Невельском, «патриоте, мечтающем о будущности своей Родины»: *Хавин А.* Русский Колумб // Знамя. 1939. № 5–6. С. 212.

[66] Подробнее об оборонной критике и литературе в связи с внутри- и внешнеполитическими событиями 1930–1932 гг. см.: [14].

подверглось также изображение активной позиции правящего класса[67]: победа в войне должна была быть заслугой народа. Автор, взяв новую для оборонной литературы тему, следовал оценке войны 1812 г., распространенной в начале 1930-х гг. В течение 1937 г. из восьми членов редколлегии трое, в том числе ответственный редактор и его заместитель, были арестованы[68]. Арестован был и автор первой концепции о патриотизме Пушкина Свирин. Репрессии не были связаны напрямую с их деятельностью в журнале, однако, вероятно, повлияли на более осторожное следование редакции новым установкам.

Как отмечает Д.Л. Бранденбергер, из-за Большого террора «кампания, призванная обеспечить главную часть нового исторического катехизиса, неожиданно прервалась», имея в виду создание советского героического нарратива [2, с. 51]: бывшие герои становились врагами народа, книги приходилось изымать. Так что место новых героев могли занять деятели дореволюционной России. В то же время произведения о Гражданской войне продолжили выходить и после начала террора с уменьшением их количества в журнале «Знамя» в 1939 г. по сравнению с 1938 г.: в центре внимания оказывались либо безымянные герои («Братская могила», «Герой» Е.А. Долматовского, «Неизвестный товарищ» Ф.Ф. Кнорре, «Мамайская скала» С.И. Мирера и Г.С. Фиша, «Октябрь» А.А. Суркова, «Бессмертие» М.И. Юфит), либо погибшие в годы Гражданской войны революционеры (в частности С.Г. Лазо — в «Песне о партизане Сергее Лазо» И.Л. Сельвинского, «Памяти Лазо» Л.Н. Черноморцева), а из действующих советских деятелей героем произведений чаще всего становился К.Е. Ворошилов («Ворошилов» С. Стальского, «Луганская повесть» М.Л. Матусовского, К.М. Симонова).

Идеологический поворот сместил фокус оборонной литературы на защиту территории страны. Это было значительным изменением курса по сравнению с первым годом выхода журнала «ЛОКАФ», когда С.Б. Рейзин писал, что «военная работа с писателями означает помощь им в изучении ленинского учения о войне, сущности Красной армии, как

---

[67] См.: *Малахов К.* Историческая беллетристика в 1936 году // Знамя. 1937. № 5. С. 252–254; [*Б. п.*] История нашей родины и задачи советских писателей // Знамя. 1937. № 10. С. 251.

[68] *Ланда Михаил Маркович* (Майер (Меер) Моисеевич; 1890–1938) — в 1937 г. ответственный редактор журналов «Знамя», «Военная мысль», газеты «Красная звезда», начальник отдела печати ПУ РККА, реабилитирован в 1956 г.; *Рейзин Семен Борисович* (1899–1937) — в 1937 г. заместитель ответственного редактора журнала «Знамя», начальник культурно-просветительного отдела ПУ РККА, реабилитирован в 1956 г.; *Субоцкий Михаил Матвеевич* (1900–1938) — участвовал в организации работы ЛОКАФ и Оборонной комиссии, в 1931 г. — начальник сектора печати отдела агитации и пропаганды ПУ РККА, с 1932 по 1935 гг. — заместитель начальника этого отдела, реабилитирован в 1957 г.

армии пролетарской диктатуры и мировой революции»[69]. На первый план вышли высказывания нового главного теоретика, И.В. Сталина, одно из которых («Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»[70]) прозвучало еще в 1930 г. и использовалось в лозунгах, песнях на протяжении 1930-х гг. Инерция прежних идей сохранялась, но общий вектор описания войн, прошлых и будущих, изменился, описание классового разделения внутри армии противника с выделением близких по духу СССР рядовых постепенно начало размываться[71].

Литература военной тематики, проводившая государственную идеологию, изменила и свое название. При характеристике таких произведений стали соседствовать определения «оборонная» и «патриотическая»[72]. В 1941 г. в приказе народного комиссара обороны СССР С.К. Тимошенко о юбилее журнала «Знамя» было сказано, что журнал «все эти десять лет возглавлял оборонную работу советских писателей, печатая лучшие патриотические произведения»[73].

Литература

1. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-Press, 1980. 321 с.

2. *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: Академический проект; Изд-во ДНК, 2009. 416 с.

3. *Бурцева А.О.* Критика иностранной литературы на страницах советского оборонного журнала «ЛОКАФ»: как не стать Ремарком // Slověne. 2021. Vol. 10, № 1. С. 347–367. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.15

4. *Добренко Е.* Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1993. 405 с.

5. *Добренко Е.* «Правда жизни» как формула реальности // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 4–26.

[69] *Рейзин С.Б.* Лицом к творческим вопросам. К итогам первого Всесоюзного пленума ЛОКАФ // ЛОКАФ. 1931. № 4. С. 140.

[70] Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). Доклад тов. Сталина 27 июня 1930 г. // Правда. 1930. 29 июня. № 177 (4622). С. 2.

[71] Инерция сохранялась и в военной пропаганде. В докладе начальника ПУ РККА Л.З. Мехлиса о военной идеологии, сделанном в мае 1940 г., в качестве одной из ошибок было названо неправильное разъяснение «интернациональных задач» армии и приведен пример изменения лозунга на более понятный бойцам уже во время войны: вместо «освобождения финского народа» — «безопасность Ленинграда» [8, с. 334–335].

[72] См., например: *Красноставкий М.* Чапаев в народном творчестве // Знамя. 1938. № 7. С. 281.

[73] Приказ народного комиссара обороны Союза ССР // Знамя. 1941. № 2. С. 5.

6. *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во БГУ им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 800 с.

7. *Закружная З.С.* История Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ) (по материалам отдела рукописей ИМЛИ РАН): дис. … канд. филол. наук. М., 2019. 351 с.

8. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). Материалы комиссии Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании / отв. сост. Н.С. Тархова. М.; СПб.: Летний сад, 2004. 560 с.

9. *Калинин И.* Между фабрикой и музеем: риторика для пролетариата // Новое литературное обозрение. 2023. № 5 (183). С. 23–45. DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_23

10. *Левитт М.Ч.* Литература и политика: пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Академический проект, 1994. 265 с.

11. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

12. От оборонной литературы к творчеству Пушкина: письма Н.Г. Свирина В.В. Вишневскому. Часть 1: 1930–1933, август / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Сысоевой // Литературный архив советской эпохи / отв. ред.-сост. Н.А. Прозорова. СПб.: АРТБУК, 2024. Кн. 4. С. 273–360. DOI: 10.31860/978-5-99052-529-0-273-360

13. *Савина Т.В.* На фоне Пушкина. Лингвистический аспект пушкинского дискурса 1920–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 31–38. DOI: 10.17223/15617793/470/4

14. *Соловьева В.* Мобилизация литературы: конструирование идеологии в советских «оборонных» журналах // Quaestio Rossica. 2024. Vol. 12. № 2. С. 674–688. DOI: 10.15826/qr.2024.2.902

15. *Сысоева А.В.* Журнал «Залп» как инструмент поддержания и формирования оборонной литературы // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 3. С. 258–279. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-3-258-279

16. *Сысоева А.В.* Из истории Оборонной комиссии Союза советских писателей: закрытие и реорганизация // Studia Litterarum. 2024. Т. 9. № 3. С. 452–467. DOI: 10.22455/2500-4247-2024-9-3-452-467

17. *Сысоева А.В.* Литературная борьба и судьбы ее участников: к истории формирования ЛОКАФ и его Ленинградско-Балтийского отделения // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 5. С. 416–435. DOI: 10.22455/CM.2949-0510-2024-5-416-435

18. *Турчаненко В.В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Временник Пушкинской комиссии / отв. ред. А.Ю. Балакин. СПб.: Росток, 2020. Вып. 34. С. 144–180. DOI: 10.31860/0236-2481-2020-34-144-180

19. *Турчаненко В.В., Цыганов Д.М.* «Пушкин наш, советский!»: Очерки по истории филологической науки в сталинскую эпоху (Идеи. Проекты. Персоны). М.: Новое литературное обозрение, 2025. 792 с.

Research Article

The Ideological Turn of the mid-1930s in the "Defense Criticism": War, Patriotism and Pushkin

© 2025. Anastasia V. Sysoeva
Institute of Russian Literature (The Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Acknowledgments: The work was carried out at IRL RAS (The Pushkin House) with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01122 "Soviet Defense Criticism as a Historical and Literary Phenomenon of the 1930s" (https://rscf.ru/en/project/24-28-01122/).

Abstract: In the early 1930s, members of the Literary Association of the Red Army and Navy began to separate works on military themes that fulfilled the organization's stated function of "propagating the country's defense goals in artistic form" and called them "defense literature." By analogy, the term "defense" was applied to the criticism of these works, which was directed at their authors and readers. The article examines the impact on defense criticism and literature of the ideological campaign of enforcing Soviet patriotism, which took place simultaneously and in connection with the change in attitudes toward the history of pre-revolutionary Russia and the "Russian turn" in national politics. Representations of patriotism in defense criticism of the early 1930s are reconstructed on the basis of the repeated description in critical analyses of the hero's beliefs' evolution in works about World War I. The change of the concept is examined on the example of the discussion about Pushkin in 1933 in comparison with S.M. Petrov's article about him in 1937. The critics' conclusions about classical literature were relevant to contemporary writers because they corresponded to the current ideological course. Defense criticism mastered new attitudes throughout 1934-1937, changing the evaluation of the concept from negative to positive, bringing to the fore the security of territory instead of the formation. These changes were also reflected in literature, whose name had started to change to "patriotic": it began to use historical material more often, going beyond the 20th century, and to reevaluate the results of Russia's wars, which supported a reactionary (according to Vladimir Lenin's definition) regime.

Keywords: ideology and literature, defense criticism, defense literature, *Znamia* journal, *Zalp* journal, Soviet patriotism, A.S. Pushkin, N.G. Svirin, B.M. Eikhenbaum, S.M. Petrov.

Information about the author: Anastasia V. Sysoeva, PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3844-5908

E-mail: sysoevaav@gmail.com

For citation: Sysoeva, A.V. “The Ideological Turn of the mid-1930s in the ‘Defense Criticism’: War, Patriotism and Pushkin.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 415–433. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-415-433

References

1. Agurskii, M. *Ideologiia natsional-bol’shevizma* [*The Ideology of National Bolshevism*]. Paris, YMCA-Press Publ., 1980. 321 p. (In Russ.)

2. Brandenberger, D.L. *Natsional-bol’shevizm. Stalinskaia massovaia kul’tura i formirovanie natsional’nogo samosoznaniia (1931–1956 gg.)* [*National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of National Self-Consciousness (1931–1956)*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., DNK Publ., 2009. 416 p. (In Russ.)

3. Burtseva, A.O. “Kritika inostrannoi literatury na stranitsakh sovetskogo oboronnogo zhurnala ‘LOKAF’: kak ne stat’ Remarkom” [“The Soviet Journal ‘LOKAF’ on Foreign Literature: How not to Become Remarque”]. *Slověne*, vol. 10, no. 1, 2021, pp. 347–367. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.15 (In Russ.)

4. Dobrenko, E. *Metafora vlasti. Literatura stalinskoi epokhi v istoricheskom osveshchenii* [*The Metaphor of Power: Literature of the Stalin Era in Historical Context*]. Munich, Verlag Otto Sagner Publ., 1993. 405 p. (In Russ.)

5. Dobrenko, E. “‘Pravda zhizni’ kak formula real’nosti” [“‘Truth of Life’ as a Formula for Reality”]. *Voprosy literatury*, no. 1, 1992, pp. 4–26. (In Russ.)

6. Dubrovskii, A.M. *Istorik i vlast’: istoricheskaia nauka v SSSR i kontseptsiia istorii feodal’noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)* [*Historian and Power: Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930s–1950s)*]. Briansk, Briansk State Academician I.G. Petrovski University Publ., 2005. 800 p. (In Russ.)

7. Zakruzhnaia, Z.S. *Istoriia Literaturnogo ob”edineniia Krasnoi armii i flota (LOKAF) (po materialam otdela rukopisei IMLI RAN)* [*The History of the Literary Association of the Red Army and Navy (LOKAF) (Based on the Materials of the Department of Manuscripts of IWL RAS): PhD Dissertation*]. Moscow, 2019. 351 p. (In Russ.)

8. *“Zimniaia voina”: rabota nad oshibkami (aprel’–mai 1940 g.). Materialy komissii Glavnogo voennogo soveta Krasnoi armii po obobshcheniiu opyta finskoi kampanii* [*“Winter War”: Working over Mistakes (April–May 1940). Materials of the Commission of the Main Military Council of the Red Army on Generalizing the Experience of the Finnish Campaign*], ex. comp. N.S. Tarkhova. Moscow, St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)

9. Kalinin, I. “Mezhdu fabrikoi i muzeem: ritorika dlia proletariata” [“Between Factory and Museum: Rhetoric for the Proletariat”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5 (183), 2023, pp. 23–45. DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_23 (In Russ.)

10. Levitt, M.Ch. *Literatura i politika: pushkinskii prazdnik 1880 goda* [*Literature and Politics: Pushkin’s Holiday of 1880*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 265 p. (In Russ.)

11. Martin, T. *Imperiia “polozhitel’noi deiatel’nosti”. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [*The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 855 p. (In Russ.)

12. “Ot oboronnoi literatury k tvorchestvu Pushkina: pis’ma N.G. Svirina V.V. Vishnevskomu. Chast’ 1: 1930–1933, avgust” [“From Defense Literature to the Work of Pushkin: N.G. Svirin’s Letters to V.V. Vishnevsky. Part 1: 1930–1933, August”], introd., text prep. and comm. by A.V. Sysoeva. Prozorova, N.A., editor. *Literaturnyi arkhiv sovetskoi epokhi* [*Literary Archive of the Soviet Era*], book 4. St. Petersburg, ARTBUK Publ., 2024, pp. 273–360. DOI: 10.31860/978-5-99052-529-0-273-360 (In Russ.)

13. Savina, T.V. “Na fone Pushkina. Lingvisticheskii aspekt pushkinskogo diskursa 1920–1930-kh gg.” [“With Pushkin at the Background. The Linguistic Aspect of Pushkin’s Discourse of the 1920s–1930s”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 470, 2021, pp. 31–38. DOI: 10.17223/15617793/470/4 (In Russ.)

14. Solov’eva, V. “Mobilizatsiia literatury: konstruirovanie ideologii v sovetskikh ʿoboronnykhʾ zhurnalakh” [“Mobilisation of Literature: The Construction of Ideology in Soviet ʿDefenceʾ Magazines”]. *Quaestio Rossica*, vol. 12, no. 2, 2024, pp. 674–688. DOI: 10.15826/qr.2024.2.902 (In Russ.)

15. Sysoeva, A.V. “Zhurnal ʿZalpʾ kak instrument podderzhaniia i formirovaniia oboronnoi literatury” [“ʿZalpʾ Magazine as a Tool to Support and Form Defense Literature”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 258–279. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-3-258-279 (In Russ.)

16. Sysoeva, A.V. “Iz istorii Oboronnoi komissii Soiuza sovetskikh pisatelei: zakrytie i reorganizatsiia” [“From the History of the Soviet Writers’ Union’s Defense Comission: Closing and Reorganization”]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 452–467. DOI: 10.22455/2500-4247-2024-9-3-452-467 (In Russ.)

17. Sysoeva, A.V. “Literaturnaia bor’ba i sud’by ee uchastnikov: k istorii formirovaniia LOKAF i ego Leningradsko-Baltiiskogo otdeleniia” [“Literary Struggle and the Fate of Its Participants: To the History of the Formation of LOKAF and Its Leningrad-Baltic Branch”]. *Codex manuscriptus*, issue 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 416–435. DOI: 10.22455/CM.2949-0510-2024-5-416-435 (In Russ.)

18. Turchanenko, V.V. “Nauchnye zasedaniia, organizatsionnye sobraniia i soveshchaniia Pushkinskoi komissii Akademii nauk SSSR (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN)” [“Scientific Sessions, Organizational Meetings and Meetings of the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences (Based on the Materials of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences)”]. Balakin, A.Iu., editor. *Vremennik Pushkinskoi komissii*, [Periodical of the Pushkin Commission] issue 34. St. Petersburg, Rostok Publ., 2020, pp. 144–180. DOI: 10.31860/0236-2481-2020-34-144-180 (In Russ.)

19. Turchanenko, V.V., and D.M. Tsyganov. *“Pushkin nash, sovetskii!” ocherki po istorii filologicheskoi nauki v stalinskuiu epokhu (Idei. Proekty. Persony)* [*“Pushkin is Ours, Soviet!” Essays on the History of Philological Science in the Stalin Era (Ideas. Projects. People)*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 792 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.11.2024
Одобрена после рецензирования: 16.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 21.11.2024
Approved after reviewing: 16.06.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт. 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-434-470
https://elibrary.ru/TBXXUV

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Из истории академической серии «Литературное наследство» в 1930-е годы: «Пушкинский» том

(т. 16–18)[1]

© 2025, Д.М. Цыганов
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-001961, «От ранних писательских объединений к Оргкомитету Союза советских писателей: Генезис институциональных форм в культурном строительстве РСФСР/СССР (Цифровой архив документальных данных и исследований)» (https://rscf.ru/project/25-18-00196/).

Аннотация: В статье рассматривается история подготовки «пушкинского» тома из серии «Литературное наследство» (т. 16–18; М.: Жургазобъединение, 1934), который стал одним из самых масштабных проектов советского литературоведения 1930-х гг. В центре исследования — анализ тех стратегий взаимодействия с методологическим «наследством» дореволюционного и раннесоветского пушкиноведения, которых придерживались И.С. Зильберштейн и И.В. Сергиевский. Они, будучи кураторами этого проекта, обвиняли предшественников в «крохоборчестве», увлечении мелкими биографическими деталями и отсутствии системного подхода к биографии и творчеству поэта. В противовес этому том «Литературного наследства» позиционировался как начало «марксистско-ленинского» изучения Пушкина, где его творчество должно было анализироваться не только как эстетический, но и как социальный и исторический феномен. В то же самое время работа по подготовке этого тома отразила борьбу научных школ: ленинградские текстологи и московские исследователи по-разному видели задачи «нового» пушкиноведения. Несмотря

[1] Настоящая статья продолжает разыскания в области истории академической серии «Литературное наследство» в 1930-е гг., ранее предпринятые в работах Д.С. Московской [7; 8; 9]. Автор приносит слова глубокой благодарности Д.С. Московской, С.И. Панову и В.В. Турчаненко за ценные замечания, многочисленные уточнения, советы, дополнения и интерес к этому исследованию.

на откровенно идеологизированную риторику, сборник сохранял и подлинно научную ценность не только благодаря публикации уникальных материалов, но и из-за попытки синтеза историко-литературного и социологического подходов к биографии и творчеству Пушкина. В статье подробно исследуются редакционная политика издания, ключевые методологические установки, а также идеологический контекст, в котором создавался «пушкинский» том «Литературного наследства».

Ключевые слова: интеллектуальная история, история науки, история советского литературоведения, советское пушкиноведение, идеология и филология, «Литературное наследство», А.С. Пушкин, И.С. Зильберштейн, Б.В. Томашевский.

Информация об авторе: Дмитрий Михайлович Цыганов — научный сотрудник Отдела рукописей, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6633-3401

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

Для цитирования: *Цыганов Д.М.* Из истории академической серии «Литературное наследство»: «Пушкинский» том (т. 16–18) // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 434–470. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-434-470

В статье «Как делалась эта книга», опубликованной в июне 1935 г. в «Литературной газете», И.С. Зильберштейн и И.В. Сергиевский писали:

> Пушкинский сборник «Литературного наследства» был задуман одним из самых первых в ряду тематически единых томов нашего журнала. Об<ъ>ем поставленных задач и сложность работы по их выполнению задерживали его осуществление. Только поэтому нам пришлось в первую очередь выпустить специальные тома, посвященные русской литературе XVIII в., Гете и Салтыкову-Щедрину. Самая идея создания коллективных пушкинских сборников была уже давно скомпрометирована. Порочность почти всех вышедших до революции пушкинских сборников состоит прежде всего в том, что все они, за единичными исключениями, выше тем «Женская ножка в поэзии Пушкина»[2] или «Еще одна дата из жизни Пушкина» не поднимались. В послереволюционных сборниках значительное место занимало эстетское смакование пустяков, забивавших голову читателей мусором мельчайших бытовых фактиков и никому не интересных биографических подробностей из жизни знакомых

[2] Очевидно, авторы статьи иронически отсылают в том числе и к заметке Б.В. Томашевского «Маленькая ножка», опубликованной в 1930 г.; см.: *Томашевский Б.В.* Маленькая ножка // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Л.: АН СССР, 1930. Вып. 38–39. С. 76–78.

> Пушкина. Пестрота, случайность и никчемность публикуемого материала были почти неизбежными их признаками. Работы и публикации, действительно значительные и ценные, неизбежно перемежевывались с работами, несущими на себе печать того крохоборчества, которым так славно было цеховое академическое пушкиноведение[3].

Критика, содержащаяся в приведенном фрагменте, примечательна не с точки зрения весьма типичной для 1930-х гг. риторики, а с точки зрения того, что *ее предметом оказывается едва ли не вся традиция научного изучения пушкинского наследия*. Авторы оценили как несущественное почти все, что к тому моменту было сделано историками, литературоведами, лингвистами, текстологами и т. д., — громадный корпус написанных исследований и опубликованных материалов. Собственно советскую часть пушкинианы Зильберштейн и Сергиевский предусмотрительно обошли вниманием, указав лишь на ее недостаточную целостность и слабую оформленность в качестве самостоятельной области филологических исследований. Вместе с тем примечательную характеристику пореволюционному пушкиноведению находим в соответствующей статье, написанной В.С. Нечаевой в первой половине 1930-х для девятого тома «Литературной энциклопедии», вышедшего в 1935 г. в издательстве Комакадемии:

> После революции в области пушкиноведения продолжала работать школа архивистов-текстологов и фактографов. Многолетние биографич<еские> изыскания нашли своеобразный итог в работе В.В. Вересаева («Пушкин в жизни», 1926–1927), сыгравшей большую роль в деле популяризации живого образа поэта и мемуарных сведений о нем, до этой поры известных одним специалистам. Исключительно ценные работы в плане изучения биографии Пушкина дал П.Е. Щеголев, капитально переработавший свою старую работу «Дуэль и смерть Пушкина» <…> и «Пушкин и мужики» <(1928)>. Проблемы, поставленные в его книгах, — взаимоотношения Пушкина и правительственных кругов эпохи Николая I и экономика быта Пушкина — резко порывают с традициями прежних биографов Пушкина и подводят к созданию научной биографии поэта. Вместе с тем в пореволюционной научной лит<ерату>ре повысился интерес к проблемам стиля и языка произведений Пушкина. В этой области

[3] *Зильберштейн И.С.*, *Сергиевский И.В.* Как делалась эта книга // Литературная газета. 1935. № 31 (522). 5 июня. С. 2.

надо отметить работу В.М. Жирмунского («Байрон и Пушкин», 1924), не лишенную многих интересных материалов и наблюдений, несмотря на общий ее формалистический характер.

Переверзианская школа, исходя из меньшевистского понимания природы лит<ерату>ры и исторического процесса, стремилась втиснуть образ и творчество Пушкина в узкие рамки идеологии вымирающей феодальной аристократии, игнорируя диалектику развития творчества Пушкина и объективный смысл его творчества, искажая и обедняя его значение в истории русской лит<ерату>ры[4].

Следующий большой фрагмент статьи посвящен очень подробному разбору работ Благого[5]. А завершается статья характеристикой текущей ситуации в науке:

В настоящее время в связи с приближающейся столетней годовщиной смерти Пушкина среди пушкиноведов началось явное оживление. Готовится академическое издание его сочинений и описание его рукописей, над к<ото>рым работают текстологи-комментаторы М.А. Цявловский, Б.М. Томашевский, Ю.Г. Оксман, С.М. Бонди, Г.О. Винокур и др., подготовляется биография и ряд других работ. Образована специальная комиссия для подготовки юбилея, в которую вместе с пушкиноведами входят члены правительства. Проводится ряд мероприятий, которые должны вывести изучение Пушкина из замкнутого круга специалистов в широкую общественность и сделать его достоянием народных масс. Наряду с изданием произведений Пушкина, с его распространением важнейшей задачей является оценка пушкинского творчества, его художественных

[4] Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. Т. 9. Стб. 444–445. Более развернутую характеристику пореволюционной науке о Пушкине Нечаева дала в статье с примечательным названием «Пушкиноведение вчерашнего дня», опубликованной в журнале «Литература и марксизм» в четвертой книге за 1929 г.

[5] Ср.: «Ряд работ, посвященных по преимуществу вопросу о классовой сущности творчества Пушкина, дал Д.Д. Благой (“Классовое самосознание Пушкина”, 1927, “Социология творчества Пушкина”, изд. 1, 1929, изд. 2, 1931, “Три века”, 1933, “Развитие реализма в творчестве Пушкина”, “Литературная учеба”, 1935, I). Творчество Пушкина им рассматривается как отражение перехода русского дворянства от XVIII в. к XIX в., от феодально-дворянского мира к новым буржуазным отношениям. Противоречия между “стариной” и “новизной” в личном бытии П<ушкина>, по Благому, сказались, с одной стороны, в осознании им себя «шестисотлетним дворянином», а с другой — вживанием его в качестве профессионала-писателя в мир буржуазных отношений. Неправильная оценка роли профессионализации в эволюции пушкинского творчества, излишнее доверие к личным высказываниям П<ушкина> о себе при объяснении идейно-исторического смысла его мировоззренческой концепции в известной мере ослабляют убедительность высказываний Благого. Не вполне правильно рассматривает он и социальный смысл декабрьского восстания. Ценной стороной работы Благого является его внимание к художественной стороне произведений П<ушкина> и синтетическое, обобщающее раскрытие его творчества в его противоречиях» (Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. Т. 9. Стб. 445). Подробнее см.: [12, с. 408–452; 13].

> достоинств марксистско-ленинской литературной критикой, дальнейшее уяснение его исторической роли и его значения для нашей социалистической действительности[6].

Иными словами, ко времени выхода в свет «пушкинского» тома повсеместная критика «старого пушкиноведения», в разряд которого записывалась, например, деятельность участников семинара С.А. Венгерова, выпускавших историко-литературные сборники «Пушкинист» (под ред. С.А. Венгерова. СПб./Пг.: Фототипия и Типография А.Ф. Дресслера, 1914–1918), Пушкинской комиссии при Одесском Доме ученых, под грифом которой выходили сборники «Пушкин: Статьи и материалы» (под ред. М.П. Алексеева. Одесса: [Б. и.], 1925–1927), московского пушкинского кружка М.А. Цявловского и Пушкинского общества, хотя и стала «общим местом», но все еще провоцировала пристрастное общественное отношение к дотошным текстологам и несмелым интерпретаторам[7].

Критика эта по большей части была самодовлеющей и поэтому не задавалась вопросом о возможных путях преодоления наметившегося кризиса. Такая ситуация стала поводом к поиску перспективных теоретико-методологических путей преодоления самозамкнутости пушкиноведения. И вскоре прицельное обращение к громадному корпусу филологических штудий 1920-х гг. позволило приблизиться к искомому результату. Почти за десять лет до появления литнаследского тома в небольшой, но принципиально важной для профессионального круга ученых[8] книге «Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения» (Л.: Культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование», 1925) Томашевский писал:

> Для «Пушкинизма», как для отрасли архивной работы, характерно игнорирование литературного объекта в изучении Пушкина. Вряд ли будет преувеличением сказать, что со времен статей Белинского ничего столь же существенного по изучению историко-литературного значения Пушкина не сделано — по крайней мере, в таком же объеме. Этим, может быть, объясняется, почему оценки Белинского, обусловленные его критическим направлением,

[6] Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. Т. 9. Стб. 446.

[7] Весьма подробный критический обзор сделанного в области пушкиноведения в два первых десятилетия XX в. содержится в упомянутой книге Н.К. Пиксанова «Пушкинская студия» (Пб.: Атеней, 1922), а также в объемном введении к книге М.Л. Гофмана «Пушкин: Первая глава науки о Пушкине» (Пб.: Атеней, 1922).

[8] Так, например, подписанный автором экземпляр из личной библиотеки Виноградова (инв. № 1480) имеет большое число помет и подчеркиваний. Примечательно, что книга Виноградова «Гоголь и натуральная школа» вышла тогда же в той же книжной серии.

до сих пор являются определяющими в широких кругах. «Общие» работы о Пушкине все более и более становятся перепевами старого, и центр научной тяжести переносится на мелкую «эссеистскую» работу по отдельным вопросам. Этот эссеизм характерен вообще для Пушкинской литературы.

Сейчас гораздо более в моде «сборники статей» о Пушкине, нежели цельные, обширные работы, которые получили нелестное наименование «кирпичей». Историко-литературная мозаика, которая своей цельностью могла бы вытеснить пристрастные мнения Белинского. Тем не менее именно теперь положено начало сдвигу исторической оценки Пушкина. <…> Пора забыть обычный мессианизм Пушкина с типичным разделением русской литературы на ветхозаветную до Пушкина и новозаветную после Пушкина. Пора вдвинуть Пушкина в исторический процесс и изучать его так же, как и всякого рядового деятеля литературы. <…> Вдвигая Пушкина в литературный ряд его современности, мы тем самым должны отказаться от старых (может быть, пропедевтически удобных и теперь) приемов изучения его творчества на фоне его личной жизни, оторвать его творчество от его жизни, и изучать его на фоне общественно-литературных интересов его современности. Творчество Пушкина не как акт индивидуальный, а как факт социальный — очередная задача науки. Но этот социальный момент не приходится расширять до совершенно абстрактных проблем вневременной национальной или даже вселенской культуры, а лишь до четких и узких пределов литературы его времени. Более, нежели когда-либо, сейчас необходимо изучать Пушкинское окружение и взглянуть на Пушкина извне, исходя из этого окружения[9].

Идея Томашевского о системном подходе к историко-литературному исследованию выгодно перекликалась с формировавшимся в те годы представлением о «литературном процессе» прошлого. Построение нарратива о «литературной эволюции» через призму персонального канона предоставляло возможность не только выделать наиболее существенные — «классические» — явления культуры прошлого, но и очерчивать области их эстетического влияния. Именно это позволяло локализовать, существенно сузить сферу

9 *Томашевский Б.В.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л.: Культурно-просветительное трудовое т-во «Образование», 1925. С. 73–75. Позднее Томашевский более конкретно сформулирует теоретические принципы предложенной им аналитической рамки в докладе на ленинградском диспуте «Марксизм и формальный метод» 6 марта 1927 г.; см.: *Tomashevsky B.* La nouvelle école d'histoire littéraire en Russie // Revue des études slaves. 1928. № 8. P. 226–240.

идеологического приложения спекулятивных смыслов, сохранив степень их влияния на читательское сообщество. Особое отношение к классике, подразумевающее ее «критическую переработку в духе социализма», изменило сущность научного осмысления культуры прошлого. Иная логика и иная прагматика научной работы должны были лечь в основание «новой» науки о жизни и творчестве Пушкина, принципиально отграниченной от «дремучего пушкиноведения»; основные принципы этой «новой» науки, в ряде мест поразительно созвучные вышеприведенным словам Томашевского, Зильберштейн сформулировал в процессе предпечатной подготовки «пушкинского» тома:

> 1. Основной пафос академической науки о Пушкине — пафос факта, безотносительно к тому, каково научное значение и научный смысл этого факта. Отсюда — чрезвычайная неравноценность оставленного ею наследия: много материала действительно важного, действительно существенного, но наряду с ним — горы совершенно бросовых генеалогических и геральдических мелочей, никому и низачем не нужных.
>
> 2. Попытки ревизии академического пушкиноведения, имевшие место в революционное время, к должным результатам не привели, ибо ложна была их исходная теоретико-методологическая база. Это — причина основная, но, однако, не единственная. При пересмотре наследия академической пушкинианы прежде всего выяснилось, что несмотря на все обилие собранного ею сырого материала, материал этот настолько хаотичен, что в общем картина, построенная на основе его, неизбежно имела бы ряд зияющих пробелов.
>
> 3. Некоторые из пробелов сейчас можно считать более или менее устраненными. В результате работы ряда исследователей поднят на должную теоретическую высоту вопрос об эволюционном значении поэзии Пушкина, о месте ее в ряду смежных литературных формаций. Но этим вопрос решен только наполовину, ибо с должной четкостью вычертить социальный профиль Пушкина мы сможем только освоив его наследие во всех его связях и опосредствованиях, а не ограничиваясь пределами одного только литературного ряда.
>
> 4. В частности — особенно повышается сейчас удельный вес внеэстетических, внелитературных моментов пушкинского наследия. Выясняется невозможность полного и всестороннего осмысления поэтической практики Пушкина изолированно от его классовой практики вообще. Отсюда актуальность таких разделов

пушкиноведения, как изучение публицистики Пушкина, его исторических опытов и т. д.

5. Поэтому-то, учитывая, конечно, вспомогательный, служебный, в конечном итоге, характер таких экскурсов, все же является необходимым в первую очередь активизировать работу именно на этом участке.

6. Вместе с тем не должна ослабляться работа и на остальных участках. К 1937 году мы подходим, не имея настоящего академического собрания сочинений Пушкина, не имея его интегральной биографии. Отсюда совершенно очевидно, что нельзя отмахиваться и от этих вопросов, как вопросов сугубо академических и лежащих вне рамок подлинного социологического изучения Пушкина[10].

Не многие из этих положений в итоге нашли выражение в редакционном предисловии, но все они так или иначе повлияли на концепцию «пушкинского» тома и ее итоговую реализацию.

За почти рапповским шельмованием предшественников крылось стремление к созданию «новой» науки, которая должна была строиться на принципиально иных аксиологических представлениях. По-иному должен был решаться вопрос о *ценности* и *пользе* научного знания; по-иному же следовало организовывать литературоведческую работу. Инициаторы вышедшего тома стремились еще раз обратить внимание не только представителей профессионального сообщества, но и далеких от филологических кругов читателей на исключительную важность опубликованных материалов[11], заполнявших множество историко-литературных и биографических лакун. Действительно, авторами статей и подготовителями разнообразнейших материалов выступили ведущие специалисты той эпохи, а сам сборник стал едва ли не самым масштабным пушкиноведческим предприятием 1920-х – первой половины 1930-х гг., как

[10] *Зильберштейн И.С.* Замечания к проекту предисловия пушкинского сборника, без даты // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 17–18.

[11] О количестве написанного про жизнь творчество Пушкина помогают судить многочисленные справочные издания, начавшие выходить еще в XIX в. — см., например: Puschkiniana: Библиографический указатель статей о жизни А.С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства / сост. В.И. Межов. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1886; *Пиксанов Н.К.* Пушкинская студия: Введение в изучение Пушкина. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы. Пг.: Атеней, 1922; *Фомин А.Г.* 1) Puschkiniana, 1900–1910. Л.: АН СССР, 1929; 2) Puschkiniana, 1911–1917. М.; Л.: АН СССР, 1937; *Берков П.Н.*, *Лавров В.М.* Библиография произведений А.С. Пушкина и литературы о нем, 1886–1899. М.; Л.: АН СССР, 1949; *Добровольский Л.М.*, *Мордовченко Н.И.* Библиография произведений А.С. Пушкина и литературы о нем, 1918–1936: [в 2 ч.]. М.; Л.: АН СССР, 1952–1973; см. также: *Добровольский Л.М.*, *Лавров В.М.* Библиография пушкинской библиографии, 1846–1950. М.; Л.: АН СССР, 1951; *Мартынов Г.Г.* Библиография пушкинской библиографии, 1846–2001. СПб.: Атон, 2002.

бы подведшим итоги работы пореволюционного пушкиноведения. Однако претензия составителей была куда серьезнее: в их планы входило осуществление методологического поворота, который ознаменовал бы собою новый этап академического пушкиноведения. В предисловии от редакции утверждалось:

> …на всестороннее и исчерпывающее разрешение громадного и сложного комплекса проблем, стоящих на сегодняшний день перед наукой о Пушкине, не претендует ни одна из печатаемых в сборнике работ, но все же одни из них намечают вехи, которыми сможет руководиться будущий исследователь, другие ценны выводами отрицательного порядка: они дают критику того, что до сих пор делалось в области изучения Пушкина, противопоставляя старому идеалистическому пушкиноведению новые точки зрения, построенные на диалектико-материалистическом осмыслении современной Пушкину литературной и исторической действительности. <…> печатаемые ниже работы проблемно-теоретического порядка должны рассматриваться как подступ, как *начало марксистско-ленинского изучения пушкинского наследства* в свете современности[12].

И далее:

> В заключение редакция еще раз подчеркивает, что настоящий сборник она не рассматривает как итоговый, обобщающий. Это — первый шаг к переоценке пушкинского наследия[13].

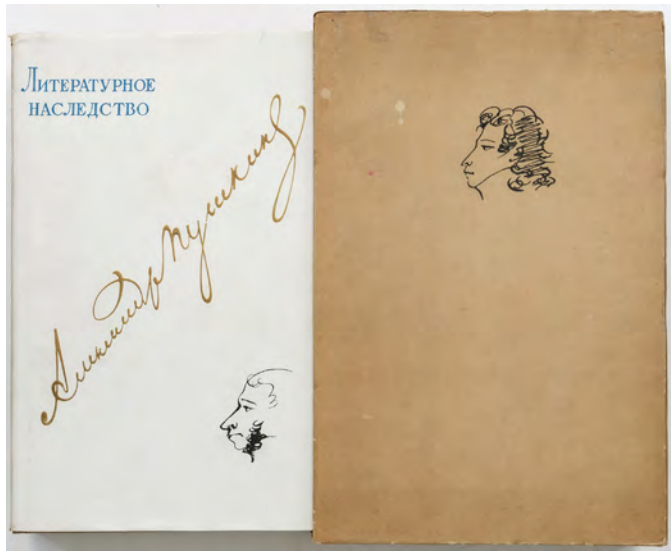
***

«Пушкинский» строенный том «Литературного наследства» закономерно стал самым многостраничным за всю историю книжной серии и едва ли не самым обсуждавшимся в советской и заграничной прессе[14]. Его объем составляет 1184 страницы и включает в себя семь

[12] Литературное наследство: [А.С. Пушкин]. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 1–2.

[13] Там же. С. 2. Курсив мой. — *Д.Ц.*

[14] См., например: Пушкинский сборник «Литературного наследства» // Литературная газета. 1934. № 71 (387). 6 июня. С. 3; Пушкин в переписке современников // Вечерняя Москва. 1935. № 19 (3348). 23 января. С. 3; *Богословский Н.* Заметки о пушкинском томе «Литературного наследства» // Литературная газета. 1935. № 31 (522). 5 июня. С. 2; *Попов П.* Новое о Пушкине // Там же. С. 2; *Заславский Д.* Литературное наследство Пушкина // Правда. 1935. № 154 (6400). 6 июня. С. 4; *Чулков Г.* Ревнители пушкинской славы: (По поводу некоторых статей в пушкинском сборнике «Литературного наследства») // Красная новь. 1935. № 8. С. 209–216; *Гессен С.* Накануне пушкинского юбилея // Литературный современник. 1936. № 1. С. 217–234. Более полный перечень откликов на материалы «пушкинского» тома см.: [5, с. 365–366].

Литературное наследство, [А. С. Пушкин] / План тома, орг. материалов, лит. ред., подбор ил. и оформл. И. С. Зильберштейна и И. В. Сергиевского; суперобложка и обложка работы И. Ф. Рерберга. М.: Журнально-газетное объединение, 1934.

Literary Heritage, [A. S. Pushkin] / Volume plan, organizational materials, literary ed., selection of illustrations and design by Il'ia S. Zil'berstein and Ivan V. Sergievsky; dust jacket and cover by I. F. Ivan F. Rerberg. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob''edinenie Publ., 1934.

разделов, в которых приведены 328 иллюстраций, 5 четырехцветных репродукций и 4 фототипии. Этот том вышел 10-тысячным тиражом в издательстве Жургазобъединения[15]; цена экземпляра была весьма высокой — 45 рублей (10 рублей — за переплет), что по официальной статистике составляло существенную часть от месячной заработной платы промышленного или сельскохозяйственного рабочего в середине 1930-х гг.

Задуманный Зильберштейном[16] в самом начале 1930-х гг. том неоднократно менял свои концептуальные и содержательные пара-

[15] Том был сдан в набор 15 января 1934 г., а к печати подписан 10 октября. Тираж был отпечатан в типографии Гознака (Москва, ул. Мытная, 17).

[16] Свидетельством давнего интереса Зильберштейна к Пушкину была его скандальная 26-страничная публикация «Из бумаг Пушкина: (Новые материалы)» (М.: Огонек, 1926), вышедшая в серии «Библиотека “Огонек”» (№ 102). Ср. реакцию Томашевского в письме к Цявловскому на ее появление: «Неграмотность Зильберштейна явствует из того, что

метры, что не в последнюю очередь было связано с параллельной подготовкой нескольких сборников: тематически близкие исследования и материалы, как свидетельствует редакторская документация, кочевали из одного тома в другой по мере их синхронного наполнения. В воспоминаниях К.П. Богаевской находим еще одно весьма частное, но тем не менее важное объяснение причудливой издательской политики в отношении пушкинских материалов, связанное с вмешательством Цявловского (в самом начале 1930-х Зильберштейн часто бывал у него дома):

> В январе 1932 года среди пушкинистов зародилось глухое брожение, связанное со статьей Н.К. Козмина о дневнике Пушкина, якобы находившемся у его внучки Елены Александровны за границей. Статья должна была появиться в первом номере только что организованного «Литературного наследства». М.А. считал, что статью необходимо остановить — появление ее только отпугнет владелицу пушкинских материалов, и она может продать их американским коллекционерам. Он волновался, звонил, доказывал, ходил к Луначарскому. Тот принял М.А. заспанный, в халате и, позевывая, вяло согласился, что статью не следует печатать. На другой день к Луначарскому пошел редактор «Литературного наследства» И.С. Зильберштейн. Луначарский и с ним согласился, что статью Козмина можно печатать. М.А. дошел до того, что даже умолял Зильберштейна не публиковать статью, но тот не уступал. Тогда М.А. обратился к В.Д. Бонч-Бруевичу. Последний сделал доклад <А.С.> Бубнову, доказывая, со слов М.А., что в таком случае дневник погиб для нас, а нужно действовать дипломатично и приобрести у Ел. Ал. все пушкинские реликвии. 19 января Бубнов дал приказ снять статью. Торжество в доме Цявловских было полное. М.А. ужасно горячился, ругая Модеста Гофмана (в свое время неудачно вмешавшегося в отношения А.Ф. Онегина с Еленой Александровной), называл его — «негодяй, авантюрист», «Хлестаков

среди напечатанных им документов нет ни одного им самим прочитанного. Этим объясняется, почему он на веру перепечатывает ошибки предшественников <…> Если б вы могли чувствовать, как тяжело иметь дело с Пушкинским Домом! Гнездо невежества, интриг, деспотизма и самодовольства» (цит. по: [15, с. 240]). Еще жестче о работе Зильберштейна отозвался Лернер, — см.: *Лернер Н.О.* Халтура со взломом // Литературно-художественный сборник «Красной панорамы». Л.: Красная газета, 1929. [Вып. 6]. С. 31–32. Позднее Томашевский напишет об этой брошюре в обзоре для «пушкинского» тома: «факсимиле стих<отворений> “Брожу ли я…”, “Царскосельская статуя”, “Желал я душу освежить” не слишком отчетливые и сопровожденные не всегда исправным научным комментарием даны в брошюре И.С. Зильберштейна <…>, “следующего научного издания” этой работы, обещанного автором в предисловии, не воспоследовало» (Литературное наследство: [А.С. Пушкин]. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 1101).

> от науки»; Зильберштейна — «этот внук моих учеников» и «нахал», а Козмина — «Мерзавец! Гнусь! Ничтожество!» Последние слова просил меня записать в мой дневник крупными буквами и подчеркнуть (что я тогда же и выполнила). Затем я ездила к Бонч-Бруевичу за оттиском статьи Козмина, и мы в три руки ее переписывали (т. е. М.А., Т.Г. и я) [15, с. 13].

Кроме того, работу по их составлению осложняли постоянно шедшие переговоры о предоставлении прав на публикацию тех или иных источников; максималистская позиция Зильберштейна и его коллег по редакции почти не согласовывалась с прижимистыми взглядами управителей архивохранилищ, часто не желавших даже за деньги предоставлять (нередко — якобы по причине утраты или невозможности найти) особо ценные материалы[17]. Большое количество не опубликованных, а порой и вовсе не известных документов в те годы находилось во владении частных лиц, что требовало от Зильберштейна и его единомышленников особого подхода к их добыче. По точному замечанию С.В. Шумихина,

> редакционный портфель издания требовал архивных материалов, которые Зильберштейн с настойчивостью и азартом добывал. Коллекционерство было его страстью и призванием («И.С. Зильберштейну — неутомимому охотнику в литературных лесах, с дружбой», — надписал ему 25 октября 1930 г. свою книгу «Крупная дичь» Михаил Кольцов). Но оплачивать приобретение личных архивов из редакционного бюджета он не мог, а Гослитмузей как раз располагал средствами, специально для этого предназначенными. Кроме того, Бонч-Бруевич <…> нуждался в опытных редакторах для таких изданий ГЛМ, как «Летописи» и «Бюллетени» («Звенья» он оставил за собой) [16, с. 76].

Методы такой «литературной охоты» были разными — от обмана и грубого шантажа до вымогательства и прямых угроз; однако их результативность тогда не вызывала сомнений. О своих дости-

[17] Показательно официальное письмо Г.А. Гуковского и заместителя заведующего Архивом ИРЛИ И.Л. Маяковского Зильберштейну от 25 сентября 1934 г. (№ 52–10): «ИРЛИ АН СССР, узнав из печатного извещения о том, что в Вашем издании предполагаются к опубликованию отрывки из поэмы А.С. Пушкина “Тень Фонвизина”, считает необходимым решительно протестовать против публикации материалов, принадлежащих архиву ИРЛИ, без соответственного разрешения Института. ИРЛИ настаивает на изъятии публикации “Тени Фонвизина”, оставляя за собой право, в противном случае, опротестовать действия журнала, направленные к ущербу собственности ИРЛИ» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 146). Также ср. письмо Гуковского о проблемах с обнаружением в ИРЛИ рукописей А.Т. Болотова; см.: Там же. Л. 75.

жениях в деле приобретения материалов Зильберштейн неустанно напоминал Бонч-Бруевичу в развернутых письмах-отчетах, требуя скорейшей оплаты. По-видимому, впервые речь об этом зашла в письме от 25 ноября 1935 г.:

> Опись того, что я достал в этом году для музея — огромна. Укажу на некоторые объекты — большой архив Аничковой <…>, 40 томов дневников сенатора Миллера, портрет Каратыгина работы Тропинина, эскизы декораций и костюмов Кустодиева к «Блохе», альбом с автографом Пушкина у Ладыженской, ценнейшие иностранные автографы <…> и очень много других материалов <…> до 7 подлинных автографов Пушкина, связку материалов по Тургеневу, весь архив Пушкинской опеки, альбом Пономаревой с автографами Пушкина, Крылова, Вяземского, Дельвига и мн. др.; получения у И.Ю. Бартеневой 4 рисунков Пушкина, автографа стихотворения «Зачем безвременную скуку…» и 3 писем Чаадаева к Вяземскому <…>[18]

О том же Зильберштейн писал 9 января 1936 г.: «<…> я непрерывно производил интенсивнейшее выявление архивных материалов и фондов, которые нередко бесплатно, а чаще всего по весьма низким ценам, доставлялись мною в Музей»[19]. Цявловский в дневнике дал «поганцу» Зильберштейну выразительную характеристику:

> Еврейская пронырливость, настойчивость, порой бесцеремонность, всезнайство направились у него на материалы (рукописные) по истории русской литературы. Чего он только по этой части не знает [15, с. 71].

Но круг известных и по каким-то причинам не напечатанных материалов — особенно пушкинских! — сужался бешенными темпами.

Во второй половине 1930-х весьма определенная репутация сказалась на темпах «архивной гонки»: ГЛМ закономерно уступил первенство в деле накопления материалов ИРЛИ и ИМЛИ; ср. фрагмент письма Зильберштейна Бонч-Бруевичу от 10 февраля 1936 г.:

---

[18] См.: ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 274. Ед. хр. 6. Л. 19–19 об.; цит. по: [15, с. 89].

[19] [Письмо И.С. Зильберштейна В.Д. Бонч-Бруевичу], 9 января 1936 г. // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 2. Далее следует подробный многостраничный перечень добытого Зильберштейном в 1935 г. (см.: Там же. Л. 2 об. –4; расширенный вариант письма см.: Там же. Л. 12–21). О методах завладения писательскими материалами см. также: *Ильин Н.Н.* Из воспоминаний библиотекаря / публ., предисл. и коммент. С.В. Шумихина // Альманах библиофила. М.: Книга, 1990. Вып. 27. С. 288–291.

> Прежде всего, дорогой Владимир Дмитриевич, со всей присущей мне откровенностью я должен сообщить Вам, что отношение к нашему музею *резко отрицательное.* Мы *совершенно безусловно* утратили свое былое первое место в деле собирания и приобретения архивных ценностей. Нам в Ленинграде просто не доверяют, не верят в обещания выслать деньги, — а потому ничего ценного не хотят давать. Мы сейчас на третьем месте, — на первом Пушкинский Дом, который получил *уже* 120 000 руб. на приобретение архивных ценностей в <19>36 году (и который еще получит во II полугодии), на втором месте Институт Горького, который уже запустил щупальца в Питер. Это отношение к нам понятно. Ведь повсюду ходят десятки лиц, которым *по году* мы не платили. Кроме того, несколько сволочей периодически распускают слухи о банкротстве музея и т. д.[20]

Связанные с Пушкиным материалы регулярно появлялись в «Звеньях» (в большинстве случаев редакция «Литературного наследства» оценивала эти публикации как предъявление миру «архивного хлама, сотен и тысяч никому и низачем ненужных архивных мелочей и мелочишек»). В первом выпуске (1932) Л.Б. Модзалевский опубликовал два новых пушкинских автографа, сопроводив их вступительной заметкой, комментариями и примечаниями, а также факсимиле[21]. Во втором выпуске (1933) число пушкинских материалов значительно возросло: Т.Г. Зенгер опубликовала три письма Пушкина к неизвестной (с факсимильным воспроизведением), сопроводив их пояснительной статьей и примечаниями[22]); Н.С. Ашукин напечатал подробное комментированное описание четырех новонайденных автографов Пушкина с выставки «Пушкин и его эпоха», организованной Славянской библиотекой министерства иностранных дел и библиотекой Чешского народного музея и проходившей в Праге в марте 1932 г., а также сопровожденную предисловием и примечаниями заметку А.С. Андреева о встрече с Пушкиным летом 1827 г.[23]; Д.П. Якубович обнаружил в Рукописном отделе ИРЛИ и опубликовал (с факсимильным воспроизведением) пушкинскую выписку по-английски из со-

[20] См.: ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 274. Ед. хр. 6. Л. 26 об. –27; цит. по: [16, с. 94].

[21] См.: Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / под ред. В.Д. Бонч-Бруевича, Л.Б. Каменева и А.В. Луначарского. М.; Л.: Academia, 1932. [Вып.] I. С. 50–56.

[22] См.: Звенья: Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / Под ред. В.Д. Бонч-Бруевича и А.В. Луначарского. М.; Л.: Academia, 1933. [Вып.] II. С. 201–221. В публикации первого письма Пушкина к К. Собаньской от 2 февраля 1830 г. (см.: Там же. С. 201–205) принимал участие С.М. Бонди.

[23] См.: Там же. С. 221–225, 235–241.

чинений Фрэнсиса Бэкона[24]; В.И. Срезневский подготовил к печати сохранившийся в архиве его отца мемуарный фрагмент из письма И.В. Росковшенко о его встрече с Пушкиным 24–26 октября 1831 г.[25]; завершалась подборка сообщением Л.Б. Модзалевского о прижизненных изданиях Пушкина в период с 1831 по 1837 г.[26]. Вдвое больше материалов и исследовательских заметок о Пушкине и его творчестве появилось в сдвоенном, третьем-четвертом, выпуске (1934), однако не все из них сопровождались публикацией документов. К числу наиболее значительных в этой связи относились статья П.С. Попова с подробным описанием и частичным факсимильным воспроизведением бумаг из вновь открытого архива хозяйственных и семейных бумаг Пушкина[27] и заметка Т.Г. Зенгер «Пушкин у Трубецких» с факсимильным воспроизведением рисунка из альбома, принадлежавшего баронессе Н.Ф. Боде (урожд. Колычева; 1790–1860)[28]; примечательно, что именно эти публикации не были упомянуты в предполагаемом содержании третьего выпуска, напечатанном в двух предыдущих сборниках[29]. Зильберштейн продолжал следить за появлением пушкинских материалов и позднее, когда специальный литнаследский том уже был почти готов; 5 ноября 1934 г. он писал Бонч-Бруевичу:

> Для хроники нашего пушкинского тома нам необходимо посмотреть пушкинские отделы в 5 и 6 сборниках «Звенья». Если они у вас сверстаны, дайте пожалуйста на один-два дня верстку, если нет, то не покажете ли гранки[30].

---

[24] См.: Там же. С. 225–231.

[25] См.: Там же. С. 231–235.

[26] См.: Там же. С. 241–253.

[27] См.: Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / под ред. В.Д. Бонч-Бруевича, Л.Б. Каменева и А.В. Луначарского. М.; Л.: Academia, 1934. [Вып.] III–IV. С. 129–146.

[28] См.: Там же. С. 221–232.

[29] Известно также, что для этого тома предназначался обзор вновь открытого архива Пушкина, который должен был подготовить Цявловский; об этом Бонч-Бруевич сообщил Н.П. Чулкову в письме от 5 февраля 1933 г. (см. машинописную копию письма (№ 53. Л. 84–86) в подшивке, подготовленной секретарем Бонч-Бруевича для личного пользования, — на архивной обработке в ГМИРЛИ им. В.И. Даля; за указание на этот документ благодарю К.В. Сарычеву).

[30] [Письмо И.С. Зильберштейна В.Д. Бонч-Бруевичу], 5 ноября 1934 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 27. В пятом выпуске «Звеньев» были опубликованы знаменитые «Пушкинологические этюды» на тот момент уже покойного Лернера (см.: Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / под ред. В.Д. Бонч-Бруевича. М.; Л.: Academia, 1935. [Вып.] V. С. 44–187), а в шестом — целая подборка «пушкинских» материалов, в числе которых публикации Боровковой-Майковой, Вересаева, Казанского, Медведевой, Модзалевского, Цявловского, Якубовича и др. (см.: Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / под ред. В.Д. Бонч-Бруевича. М.; Л.: Academia, 1936. [Вып.] VI. С. 5–312).

В те же годы в издательстве «Academia» к 100-летию со дня гибели Пушкина готовились сразу две объемные книги, покрывавшие значительное количество известных на тот момент архивных источников, — «Пушкин о литературе» (подбор текстов, комментарии и вступ. статья Н.В. Богословского; М.; Л.: Academia, 1934) и «Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты»[31] (подготовка к печати и комментарии М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского и Т.Г. Зенгер; М.; Л.: Academia, 1935). Эти сборники были результатом исследовательской работы с корпусом нехудожественных текстов Пушкина, тогда как текстологическая подготовка собственно литературных произведений осуществлялась в рамках работы над шеститомным Полным собранием сочинений под редакцией Цявловского (тт. 1–5 — М.; Л.: Academia, 1936; т. 6 — М.: Гослитиздат, 1938), а также малым — девятитомным — собранием под общей редакцией Ю.Г. Оксмана и М. А. Цявловского (тт. 1–6, 8–9 — М.; Л.: Academia, 1935–1937; т. 7 — М.: Гослитиздат, 1938).

Все это привело к тому, что изначальная установка редакции «Литературного наследства» на публикацию тогда еще рассредоточенных архивных первоисточников с *сопроводительными* исследовательскими выкладками довольно быстро уступила место новому — *эквивалентному* — соотношению публикационной и исследовательской составляющих тома. (Не случайно и то, что впервые опубликованных автографов самого Пушкина в томе сравнительно мало.) Итоговый вариант содержания включал исследовательские статьи (раздел I «Проблемы изучения Пушкина» и раздел II «Разыскания по истории творчества и биографии Пушкина»), подготовленные к печати и сопровожденные комментариями материалы (раздел III «Из неизданной переписки Пушкина» и раздел IV «Неизданные воспоминания о Пушкине»), краткие тематические сообще-

[31] В предисловии к тому Цявловский писал о текстах, в него вошедших: «Признание того или иного писания “произведением”, продуктом творчества, достойным в качестве такового включения в собрание сочинений, часто дело весьма условное. Поэтому, если рассмотреть с этой точки зрения состав “полных собраний сочинений” Пушкина, окажется, что одна часть писаний Пушкина входит во все эти “собрания”, другая часть — в одни “собрания” входит, в другие не входит, и, наконец, третья часть писаний ни в одно из “собраний” не входит. Тексты последних двух категорий и явились предметом регистрации и изучения составителями настоящей книги» (Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / изд. подгот. М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский и Т.Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935. С. 9). Масштаб замысленного и осуществленного проекта оказался более чем серьезным: к работе над этой почти 1000-страничной книгой были привлечены, помимо упомянутых на титуле: В.С. Арсеньев, А.А. Ахматова, Н.С. Ашукин, К.П. Богаевская, С.М. Бонди, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, М.Е. Грабарь-Пассек, Б.А. Грифцов, Н.К. Гудзий, А.М. Де-Рибас, Л.И. Жирков, Н.Г. Зенгер, Н.П. Киселев, И.А. Лихачев, Б.В. Миллер, М.Г. Муравьева, Ю.Г. Оксман, П.С. Попов, Н.Н. Столов, Б.В. Томашевский, М.М. Чистякова, Н.П. Чулков и Д.П. Якубович. Отметим также, что почти все из вышеупомянутых ученых были привлечены и к работе над материалами для «пушкинского» тома «Литературного наследства».

ния (раздел V «Сообщения»), библиографические обзоры (раздел VI «Разработка литературного наследия и биография Пушкина после Октября») и подробную хронику (раздел VII «Хроника»). Историю формирования этих разделов отчасти возможно восстановить по материалам, отложившимся в архиве редакции[32] (РГАЛИ. Ф. 603). Однако сохранившаяся переписка с авторами в большинстве случаев характеризуется неполнотой и слабой логической соотнесенностью имеющихся в нашем распоряжении фрагментов (например, далеко не на все письма редакции сохранились ответы, а с частью адресатов переписка попросту обрывается). Дело в том, что со многими авторами дальновидный Зильберштейн старался устанавливать личные контакты, часто приглашая их в редакцию для переговоров о грядущих делах. Доподлинно известно, что с частью *нужных* исследователей и распорядителей важных материалов велась частная переписка[33], тогда как через редакцию в основном проходили письма формального характера, предназначавшиеся для фиксации достигнутых договоренностей и деталей сотрудничества[34]. И все же, несмотря на разрозненность документальных сведений, само непосредственное наполнение «пушкинского» тома «Литературного наследства» проливает свет не только на то, как было организовано производство гуманитарного знания в СССР 1930-х гг., но и на то, как было устроено научное сообщество, а также на формальные и неформальные связи, лежавшие в основе групповых и индивидуальных взаимоотношений интеллектуалов в как бы едином научном поле. Очевидная научная неравноценность материалов, вошедших в этот сборник, также становится важной характеристикой проекта, в рамках которого решалось сразу несколько разнонаправленных задач. Но — обо всем по порядку.

[32] Сама московская редакция располагалась в переданном в ведение Жургазобъединения особняке С.И. Елагина 1898 г. постройки по адресу: Страстной бульвар, д. 11. Там же находилась и редакция «Огонька».

[33] Однако переписка с некоторыми ключевыми авторами «пушкинского» тома не сохранилась вовсе. Ясно, например, что Зильберштейн точно отправил В.В. Виноградову письмо с предложением опубликовать статью в «пушкинском» томе; как ясно и то, что Виноградов дал согласие и прислал текст в редакцию до начала следствия по «делу славистов» осенью 1933 г.; см.: [12, с. 462–468; 14, с. 184–185]. По всей видимости, находившиеся у Виноградова письма были изъяты при одном из обысков и не возвращены, тогда как хранившаяся в редакции переписка либо была куда-то предусмотрительно перенесена, либо же вовсе уничтожена или погибла в пожаре. Описанный случай отсутствующей переписки — отнюдь не уникальный.

[34] В архивном фонде редакции «Литературного наследства» тем не менее сохранились несколько объемных корпусов переписки с авторами, позволяющих составить представление о порядке взаимодействия с подготовителями материалов. Так, например, переписка с П.Н. Берковым насчитывает 100 листов (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 19), с Б.Я. Бухштабом — 56 листов (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 32); с Г.А. Гуковским — 172 листа (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 67).

Первый этап работы над томом пришелся на конец лета – осень 1932 г., когда Зильберштейн уехал из Москвы в отпуск, доверив ведение всех бюрократических дел по «пушкинскому» сборнику Сергиевскому[35] и Макашину. Двумя главными организационными задачами редакции «Литературного наследства» на тот момент были переписка с потенциальными авторами текстов для сборника и выявление неизданных архивных источников, в которых бы содержались новые сведения о биографии и творчестве Пушкина. Ясно, что составители «пушкинского» тома воспринимали его архивную часть как основополагающую. Вместе с тем необходимым условием появления на страницах «Литературного наследства» новых документальных сведений была их «научная обработка». Поэтому редакция, до которой разными путями доходило множество слухов, внимательно следила за научной жизнью и пыталась всячески реагировать на выгодные для нее исследовательские начинания, немедленно вступая с ученым в деловую переписку и предлагая сотрудничество. Зильберштейн, как бы следуя вышеприведенным словам Томашевского, делал ставку на почти не изученную область пушкиноведения — довольно узко понятый литературный контекст творчества Пушкина и его окружение, что и определило стратегию подготовки сборника. Фигура поэта, будучи формальным центром сборника, на том этапе не была центром содержательным: фокус с «главного героя» был заметно смещен на первоочередных «персонажей» в пушкинской биографии.

Из этой перспективы очерчивался приблизительный круг участников проекта. Судя по материалам редакции, первые письма потенциальным авторам и подготовителям «пушкинских» материалов относятся к 14 сентября 1932 г.: предложение написать текст для тома тогда получили, например, В.В. Баранов[36] и Н.Ф. Бельчиков[37]; позд-

[35] В воспоминаниях Богаевской содержится примечательный фрагмент, многое объясняющий в до сих пор не проясненной институциональной динамике «Литературного наследства» в начале 1930-х: «Вначале в “Лит. наследстве” я имела дело непосредственно с <…> Сергиевским. Мне нравилась его скромность, способность легко краснеть и немного заикаться. Как мне казалось — такой милый, деревенский паренек. <…> Через несколько лет я его встретила на заседании Пушкинской комиссии Союза писателей. Он тогда работал в ЦК. И я с изумлением увидела, во что превратился славный, скромный паренек, о котором я вздыхала! На стуле сидел, важно развалясь и расставив ноги, толстый, я бы сказала, зав. магазином, роскошно одетый, и с самодовольным видом посматривал кругом. У него даже сделались маленькие, китайские. заплывшие жиром глазки…» (*Богаевская К.П.* Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. 1998. № 1 (29). С. 135).

[36] См.: [Письмо В.В. Баранову от редакции «Литературного наследства» с просьбой о сотрудничестве], 14 сентября 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1.

[37] [Письмо Н.Ф. Бельчикову от редакции «Литературного наследства» с предложением о сотрудничестве], 14 сентября 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 2. Повторное письмо Сергиевский направил 23 сентября (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 3).

нее, в самом конце сентября, такие же письма получили С.М. Бонди[38] и Ю.Н. Верховский[39]; в начале октября — М.К. Азадовский[40]. Примерно тогда же к работе были привлечены и другие представители ленинградского филологического истеблишмента (в их числе — сотрудники Пушкинского Дома), а также московские (включая перебравшихся в Москву) филологи-пушкинисты. Тщательно подобранный авторский состав условно делился на две группы: к первой принадлежали те, кто отвечал за детальное описание литературного контекста второй половины XVIII – первой трети XIX в., ко второй — те, чья область научных интересов лежала в границах пушкинской писательской практики. В этом отношении примечательно, что сохранившаяся переписка почти целиком посвящена вопросам работы первой группы авторов. Так, например, Азадовского просили сделать подборку новых материалов про Н.М. Языкова[41], обнаруженных в ходе работы над «Полным собранием стихотворений» для издательства «Academia»[42]; Баранова — обзор неопубликованных материалов А.И. Полежаева[43]; Бельчикова — каталог центрархив-

[38] [Письмо С.М. Бонди от редакции «Литературного наследства» с предложением о сотрудничестве], без даты // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1.

[39] [Письмо Ю.Н. Верховскому от редакции «Литературного наследства» с предложением о сотрудничестве], без даты // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1.

[40] [Письмо М.К. Азадовскому от редакции «Литературного наследства» с предложением о сотрудничестве], 3 октября 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4.

[41] 16 января 1933 г. Азадовского просили прояснить вопрос с подготовкой заказанных ему материалов и прислать обзор литературного наследия Языкова (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 10). 27 января Азадовский отправил в редакцию «Литературного наследства» письмо с жалобой на отсутствие бумаги: «<…> я сейчас сам сижу почти буквально без листочка» (Там же. Л. 11); тем не менее ученый пообещал сдать заказанный ему обзор во второй половине февраля (см.: Там же. Л. 11 об.). Работа над текстом шла медленно из-за возникших бюрократических проволочек по издательской части. Дело в том, что «Academia» перезаключила договор с Печатным Двором, в результате чего сроки публикации подготовленного тома серьезно сдвинулись (см.: Там же. Л. 15). В итоге лишь 5 ноября 1934 г. — уже после выхода в свет «пушкинского» тома — Азадовскому прислали верстки двух материалов для того, чтобы он ответил на корректорские вопросы (см.: Там же. Л. 17). В ответном письме Азадовский предъявил много претензий к неаккуратной верстке (см.: Там же. Л. 19–19 об.), но публикацию с учетом внесенных исправлений одобрил. Большой обзор «Судьба литературного наследства Н.М. Языкова» появился в сборнике «Литературное наследство» (тт. 19–21. С. 341–370) в 1935 г. Подробнее об этом см.: [1, кн. 2, с. 87–105].

[42] См.: *Языков Н.М.* Полн. собр. стихотворений / ред., вступ. ст. и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л.: Academia, 1934.

[43] Баранов пообещал сдать обзор к 10 января 1933 г., но не сумел подготовить его к означенной дате. 16 января Сергиевский написал с просьбой срочно сдать текст, дипломатично добавив: «Кстати сообщаю, что мы дополнительно выписали Вам 300 р., которые Вы сможете получить немедленно по сдаче рукописи» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2). В середине 20-х чисел января Баранов посетил редакцию и пообещал сдать обзор через несколько дней. 31 января Сергиевский написал разъяренное письмо, в котором просил немедленно представить рукопись и обязательно прийти или хотя бы позвонить в редакцию (см.: Там же. Л. 3). Однако Баранов ничего не прислал, хотя обещал закончить работу к 8 февраля. 10 и 16 февраля Сергиевский повторно обратился к Баранову (см.: Там же. Л. 4–5) и вскоре получил долгожданный текст. Обзор «Судьба литературного наследства А.И. Полежаева» в итоге был напечатан в 15 томе «Литературного наследства» (с. 221–257).

ских автографов Пушкина и избранные письма А.А. Дельвига[44]; Верховского — публикацию неизданной главы из «Бала» (1825) Е.А. Боратынского[45]; Гуковского — целый раздел по авторам второй половины XVIII в.[46]

В 1932–1933 гг. во взглядах Зильберштейна и Сергиевского, по всей видимости, преобладала идея предельно широкой контекстуализации пушкинского творчества. Стремление преодолеть ложную дихотомию «классического» и «романтического», не только указав на их смежность, но выявив вероятные области их взаимоперетекания, стало, как представляется, решающим в вопросе о включении объемного историко-литературного материала, об-

[44] 5 октября 1932 г. Сергиевский обратился к Бельчикову с просьбой поскорее завершить работу над каталогом центрархивских автографов Пушкина (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 4). Через полтора месяца, 19 ноября, Сергиевский также прислал переснятые автографы Дельвига и попросил подготовить для журнала еще пять писем (см.: Там же. Л. 5). 26 января 1933 г. Бельчикова оповестили о необходимости срочно прислать материалы (ни одного обещанного материала у редакции еще не было), что тот и сделал 8 февраля (см.: Там же. Л. 6–7). Вскоре договоренность с Центрархивом была установлена — можно было приступать к описанию автографов Пушкина (см.: Там же. Л. 8).

[45] 3 октября 1932 г. Сергиевский написал Верховскому с просьбой подготовить неизданную главу из «Бала» Боратынского (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 2). Однако при подготовке текста возникли непредвиденные сложности, связанные с получением прав на публикацию. В письме от 5 декабря упомянуты и другие материалы: «Нам известно, что Вами подготовлен<ы> к печати не публиковавшиеся до сих пор собственноручные пометки Пушкина на тетради стихов Дельвига. Если уж с Боратынским получаются такие осложнения, то м. б. Вы дали бы для нашего пушкинского номера эту Вашу работу?» (Там же. Л. 3). Верховский не ответил на это письмо, поэтому 13 декабря Сергиевский настоятельно попросил дать ответ (см.: Там же. Л. 4). 9 января 1933 г. редакция направила Верховскому последнее письмо — ответа на него не последовало; сотрудничество было прервано.

[46] Гуковский осторожно обратился к Зильберштейну с предложением опубликовать обнаруженные им архивные материалы еще 23 сентября 1931 г. Однако ученый заметил, что «если пушкинская эпоха, изучению которой я отдаю большую часть моего времени за последние два года, еще сколько-ниб<удь> интересует широкого читателя, то времена более отдаленные для него вовсе не существуют. Впрочем, и относительно первой трети XIX столетия можно сказать, что главн<ым> образом Пушкин знаком и интересен читателю. Остальные писатели эпохи чаще всего разделяют участь поэтов XVIII века. Все это мне хорошо ведомо, тем не менее я хотел бы узнать от Вас, как смотрите Вы на возможность публикации таких материалов, как напр. некоторые документы и произведения современников Пушкина или же писателей XVIII столетия» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 1). 28 сентября Зильберштейн ответил Гуковскому и попросил его скорее приступать к работе, а также предложил напечатать во втором номере «острый развернутый обзор всех тех изданий по истории литературы XVIII и начала XIX века, который вышли за последние 2–3 года» (Там же. Л. 3). Задержка с предпечатной подготовкой обзора сдвигала сроки его публикации. 8 апреля 1932 г. Зильберштейн заверил Гуковского: «<…> в 5-ю книжку нашего журнала мы, безусловно, даем ваш обзор и подборку материалов по XVIII веку. Поэтому убедительно прошу Вас посвятить оставшиеся недели апреля месяца нашему журналу» (Там же. Л. 23). В итоге работа по сокращению и уточнению обзора и подготовке других материалов продлилась до самого конца 1932 г., что подвигло редакцию предложить Гуковскому опубликовать ряд текстов в «пушкинском» томе; ср. в письме Зильберштейна от 4 января 1933 г.: «Иван Васильевич <Сергиевский> Вам уже писал, очевидно, о том, что без сомнения мы дадим в Пушкинский № Вашу работу о солдатских стихах. Довершите также свою работу для этого номера давно нам обещанную — о противоцарских стихах конца XVIII века и т. д.» (Там же. Л. 63). Однако вскоре планы редакции переменились, и было принято решение готовить отдельный выпуск, посвященный XVIII в.

рамляющего исследование пушкинской писательской работы. Еще в 1922 г. М.Л. Гофман, намечая перспективные пути в изучении пушкинского творчества, писал:

> Пушкин внимательно читал, вчитывался в произведения поэтов XVIII века и дал им такие меткие и сжатые характеристики, которые современному историку литературы остается только расширять и распространять. Ничто в русской поэзии XVIII века не осталось ему чуждо, все так или иначе было впитано, претворено и преображено им, из всего он вынес поэтически-поучительные уроки, примененные им в его творчестве. Все это давно известно, и о связи Пушкина с поэтами классической школы, с классической традицией, не раз говорилось, но говорилось, высказывалось только в виде положения, в качестве утверждаемого, но не защищаемого тезиса: в чем именно сказывается эта связь — остается до сих пор неясным. Вопрос поставлен, но не решен[47].

Помня об этих доводах Гофмана, Сергиевский в самом начале февраля писал Гуковскому:

> <…> в Ленинграде нашлись люди, которые считают, кажется, раздел по 18 веку в пушкинском сборнике вообще лишним: дескать свежий и ценный материал по Пушкину тонет в массе архаических мелочей. Вы понимаете конечно что мы должны по-настоящему утереть нос (извините мой штиль) всем этим болтунам, не видящим ничего дальше той эпохи, над которой они сами работают и самый лучший ответ который мы можем дать — сделать раздел по 18 веку таким, чтобы он вышел действительно первосортным с точки зрения заключенных в него материалов и блестящим с точки зрения подачи этих материалов[48].

(Сергиевский написал это еще до сдачи в набор сдвоенного тома «XVIII век», существенную часть которого составляют материалы, изначально предназначавшиеся именно для «пушкинского» сборника, и, следовательно, до появления скандально известной статьи Гуковского «За изучение XVIII века», чем объясняется нарочитая декларативность этого фрагмента.)

[47] *Гофман М.Л.* Пушкин: Первая глава науки о Пушкине. Пб.: Атеней, 1922. С. 24–25.

[48] [Письмо И.В. Сергиевского Г.А. Гуковскому], 3 февраля 1933 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 78.

По мере подготовки текстов общий план тома неизбежно менялся. Менялась и приоритетность публикуемых материалов: большинство «фоновых» публикаций в итоге подверглись существенным сокращениям или вовсе были исключены из тома. В этом отношении примечателен случай с редактурой статьи Гуковского, вызвавшей бурное возмущение ученого:

> Сегодня получил от Вас корректуру своей статьи о солдатских стихах и прочел ее. Она глубоко возмутила меня. В свое время, когда я послал Вам эту статью, я запросил у Вас (через И.В. Сергиевского) официальных гарантий, что ни одна строка в ней не будет сокращена без моего ведома и согласия. И.В. Сергиевский прислал мне письмо, в котором от имени редакции мне были даны такие гарантии.
>
> Потом редакция потребовала от меня сокращения статьи. Я предложил довести ее до 2 ½ печ. листов (раньше она заключала около 4 печ. листов). Я получил извещение, что редакция согласна на такой объем. Я перевыполнил свое предложение и довел статью до 2 ⅕ печ. листов (с примечаниями — 2 ⅓).
>
> И вот теперь я вижу, что кто-то вырезал у меня в статье кусок, небольшой, но весьма существенный, по-моему, самый лучший и наиболее важный в статье. Я не говорю уже о том, что такое сокращение, портящее статью, безграмотно; я не говорю уже о том, что оно возмутительно именно по отношению ко мне <…>; но оно самым решительным образом нарушает те гарантии, которые были мне даны. Все это тем боле нелепо, что сокращение, портящее статью, экономит не более двух-трех страниц журнала. Я нахожу всю эту историю совершенно недопустимой и категорически требую немедленного восстановления выброшенного места в статье.
>
> Откровенно скажу Вам, дорогой Илья Самойлович, что не ожидал от Вас такой штуки по отношению ко мне. <…> Вы имели достаточно случаев убедиться в моей покладистости. Но делать сокращения тайком от меня, и совершенно неправильные сокращения притом, — более чем странно. Я полагаю, что я в этом вопросе и достаточно объективен и достаточно авторитетен.
>
> Итак, вот мое решительное мнение: я вставляю вновь в статью выброшенное место, и оно будет набрано и включено в текст. Я жду от Вас немедленного и совершенно четкого подтверждения того, что мое требование будет исполнено. Получив такой ответ, который бы дал мне настоящие гарантии исполнения его, я пошлю Вам корректуру со вставкой.

> В самом деле, этак невозможно работать, когда получаются такие сюрпризы. Я убежден, что во всей этой истории больше недоразумения, чем легкомыслия. Иначе я бы мог обидеться; работаешь на Вас черт знает как, тратишь уйму времени, энергии, внимания, нервов, и вдруг нате, испортили начисто мою же статью!
>
> Ответьте как можно более спешно. Я не успокоюсь, пока не получу ответа. <…>
>
> Только что обнаружил, что и в других местах статьи она безобразно искажена. Местами текст совершенно обессмыслен. Основное стихотворение дано в тексте даже без названия. В таком виде статья никуда не годится. Не может быть и речи о печатании ее без исправления[49].

Именно тогда шла работа по первичному переформатированию содержательной части «пушкинского» тома. Редакция понимала, что заявленная тематика требует известного соотношения собственно пушкиноведческой и контекстной частей, поэтому ни один из упомянутых выше материалов не был включен в итоговый вариант содержания.

Вместе с тем избранные Зильберштейном и поддержанные его коллегами методы взаимодействия с авторами оказались весьма результативными. Так, в письме к Д.П. и Н.Г. Якубовичам от 22 июня 1933 г. Б.В. Томашевский делился подробностями сверхурочной работы над заказанными ему текстами для «пушкинского» тома с перспективой на продолжение этих занятий и в период летнего отпуска в Доме отдыха Ленинградского Горкома писателей, располагавшемся в Коктебеле:

> Сейчас у меня экзаменационная сессия, и потому гуманитарией я почти не занят, если не считать домашней подельщины на Илюшку Зильберштейна, коего молитвами мне удается ехать в Крым. *Но эксплуататор он аховый*. Сижу и строчу. Не знаю, что мне будет за мое многострадание[50].

И позднее, 7 июля, уже из Коктебеля Томашевский, определившийся с ближайшими рабочими планами, писал о материалах, которые он должен сдать в «Литературное наследство»:

---

[49] [Письмо Г.А. Гуковского И.С. Зильберштейну], 15 апреля 1933 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 112–113, 115.

[50] См.: РО ИРЛИ. Ф. 800. № 165. Л. 5; цит. по: [11, с. 275–276; курсив мой. — *Д.Ц.*].

> В этот журнал я даю: обзор, Капнист<овскую> тетр<адь>, X главу, заметку о портретах Пушк<ина>, «Из рукописей Пушк<ина>» (пробег по черновикам) и сейчас пишу об источниках трех рисунков (виньетки к ф<ранцузским> романам)[51].

Параллельно редакция осуществляла архивный поиск и по возможности вступала в переговоры о предоставлении всевозможных материалов для их предпечатной подготовки с владельцами подлинных документов не только в СССР[52], но и за его пределами (на заграничный агентурный ресурс, которым обладало «Литературное наследство», указал Зильберштейн в письме к Бонч-Бруевичу от 22 ноября 1932 г.: «Посылаю Вам машинописную копию заметки об автографах писем Пушкина к невесте. Как я Вам говорил, *я дал уже в Париже задание разыскать эмигранта, у которого находятся эти письма*»[53]). Об этом же, в частности, свидетельствует письмо

[51] См.: РО ИРЛИ. Ф. 800. № 165. Л. 8; цит. по: [11, с. 281]. По точному наблюдению публикатора процитированных писем, все перечисленные Томашевским материалы были сданы вовремя и напечатаны в «пушкинском» томе (см.: Литературное наследство: [А.С. Пушкин]. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18): *обзор* — «Издания стихотворных текстов» (с. 1055–1112); *Капнистовская тетрадь* — «Новые материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826 г.)» (с. 825–868); *X глава* — «Десятая глава “Евгения Онегина”: История разгадки» (с. 379–420); *заметка о портретах Пушкина* — «Иконография Пушкина до портретов Кипренского и Тропинина» (с. 961–968) — опубл. под псевдонимом Б. Борский; *«Из рукописей Пушкина» (пробег по черновикам)* — «Из пушкинских рукописей» (с. 273–320); *об источниках трех рисунков (виньетки к французским романам)* — «Пушкин и романы французских романтиков: (К рисункам Пушкина)» (с. 947–960).

[52] Именно с просьбой предоставить в редакцию перечень писательских автографов Сергиевский обратился к ученому хранителю Рукописного отдела Библиотеки Академии наук и сотруднику Музея книги, документа и письма С.А. Аннинскому (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 7). Примерно такой же характер имеет переписка с М.С. Боровковой-Майковой. Сергиевский просил ее подготовить материал «Мицкевич в письмах Вяземского» (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1). В переписке с Боровковой-Майковой отразилось нарастание конкурентных настроений во взаимоотношениях «Литературного наследства» и «Звеньев». 4 сентября 1932 г. Боровкова получила письмо с требованием не публиковать статью «Новые материалы о Пушкине» в третьем выпуске «Звеньев» и другие материалы, в которых заинтересована редакция «Литературного наследства» (см.: Там же. Л. 3 об.). (Позднее этот конфликт разрешился: 5 сентября 1933 г. Бонч-Бруевич написал Зильберштейну: «Прилагая при сем подлинную доверенность присланную мне в “Звенья” еще в марте 1933 г. от М. Боровковой-Майковой, прошу Вас переслать мне ее статьи: 1) Три новые даты к «Трудам и дням Пушкина» и 2) Заметку о Пушкине из писем Вяземского» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 21). На страницах «Литературного наследства» не появилось ни одного материала Боровковой.) Однако главной темой переписки был вопрос о получении копий пушкинских автографов для публикации в готовящемся сборнике; описание этих автографов см. в письме Боровковой от 27 октября 1932 г. (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 7 об. –8). Подробнее о взаимоотношениях Боровковой-Майковой с Зильберштейном и Бонч-Бруевичем см.: [10].

[53] [Письмо И.С. Зильберштейна В.Д. Бонч-Бруевичу], 22 ноября 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 7 (курсив мой. — *Д.Ц.*). Кроме того, во время подготовки «пушкинского» тома у чиновника югославского Министерства иностранных дел из Белграда обнаружилась считавшаяся утерянной «белградская рукопись» (очень скоро о находке стало известно и в эмигрантских кругах, о чем свидетельствует хотя бы статья В.Ф. Ходасевича, опубликованная в «Возрождении» 14 декабря 1933 года в рубрике «Книги и люди»); см.: Тетрадь Всеволожского / публ. Б. Томашевского; коммент. Б. Томашевского

(на бланке) Макашина Зильберштейну от 9 октября 1932 г. В этом письме Макашин сообщает о результатах деловой поездки в Ленинград; писал он и о договоренностях, которых удалось достичь в деле подготовки «пушкинского» тома:

> Я окончательно договорился с <В.П.> Волгиным и <Н.К.> Пиксановым о формах нашего взаимного сотрудничества с ИРЛИ. Отныне ИРЛИ будет предоставлять нам *решительно все материалы* как для журнала, так и для библиотеки, при условии, что мы будем оплачивать их помимо авторского гонорара (на основе персональной договоренности с комментатором) из расчета 100 р. за один авторский лист. <…> В случае особо ценных и больших публикаций ИРЛИ охотно идет навстречу взаимного издания этих документов. Весь вопрос сейчас заключается в том, чтобы официально оформить это соглашение и выдать аванс хотя бы в размере 500 руб. Нужно это сделать сейчас, потому что Пиксанов, по моему впечатлению, одновременно с нами ведет переговоры с Академией. Пока что он верит больше в наши издательские возможности, и отсюда такое благорастворение воздухов. Для конкретного осуществления этого нашего соглашения я предварительно договорился сейчас о следующих материалах, которые до получения от нас официального письма забронированы за нами.
>
> а) Пушкинская книга. Все материалы, которые имеются по Пушкину, его окружению, в ИРЛИ предоставляются нам. Я виделся со всеми пушкинистами и просил <Д.П.> Якубовича максимально использовать предоставленную сейчас возможность научной эксплуатации этих материалов и расширить круг возможных тем. Пока что из новых материалов для этой книги (помимо тех, о которых вы уже знаете) я договорился о следующем: в коллективный обзор пушкинских публикаций войдет еще один автор — <Л.Б.> Модзалевский, который даст отдельно обзор эпистолярного наследия; <И.Н.> Медведева даст два замечательных письма Баратынского к Вяземскому и одно письмо Измайлова к Яковлеву о Пушкине. К этому письму есть изумительная иллюстрация, в альбоме Измайлова; <Б.В.> Томашевский дает публикацию источниковедческого характера «Веселый пир». Аналогичную публикацию об «Анчаре» даст Якубович. Кроме того, у Томашевского есть любопытнейшие недавно найденные материалы о рисунках Пушкина, а именно:

и М. Цявловского // Летописи Гос. лит. музея. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. Кн. 1. С. 3–79. Подробнее об истории приобретения тетради Пушкина, проигранной Н.В. Всеволожскому, см.: [15, с. 301–304].

> он нашел источники откуда Пушкин срисовывал свои портреты. Материал этот абсолютно никому неизвестен, но публикация его, я убежден, «посрамила» бы <А.М.> Эфроса. Поэтому окончательно с Томашевским я не договорился. <С.А.> Переселенков предлагает новые цензурные дела о Пушкине. Я просил его выслать их нам, оговорив, что мы передадим их в «Звенья», если они не подойдут нам. Наконец, я просил Модзалевского составить список всех <лист поврежден. — прим. публ.> пушкинианы. По рассмотрении их можно будет получить <лист поврежден — прим. публ.> быстро и мне кажется, что в такого рода книге, как наша, специально посвященная Пушкину, можно было бы такой отдел мелких публикаций сделать вполне интересным и уместным. Список иллюстраций к пушкинским публикациям по Ленинграду мною отобран у авторов и часть материалов заказана. Будут интересные вещи. Помимо ИРЛИ для пушкинской книги можно бы было использовать и лермонтовские материалы. А именно: два письма Лермонтова (находятся у подлеца <А.К.> Виноградова), и интереснейшие воспоминания Арнольди, полкового товарища Лермонтова, посвященные главным образом преддуэльной истории и самой дуэли Лермонтова, а также Пушкину и Смирновой. Мемуары эти довольно обширные, но из них легко было бы сделать выборку тех мест, которые нас интересуют. При скудости материалов о Лермонтове такая публикация была бы событием. Наконец <Б.М.> Эйхенбаум соглашается дать текстологический обзор по Лермонтову, над которым он сейчас работает (варианты, разночтения, новые тексты и т. п.) (цит. по: [4, с. 7–8])[54].

При этом особое внимание уделялось иллюстративным материалам, которые должны были обильно сопровождать все без исключения публикации. Зильберштейн, будучи достаточно хорошо знаком с доступными на тот момент архивными собраниями и как

[54] Однако достижение определенных договоренностей не стало поводом к нормализации отношений коллектива редакции «Литературного наследства» с Пушкинским Домом. Главной мишенью Сергиевского стал Пиксанов, критику работ которого встречаем, например, в упомянутой рецензии на два первых выпуска «Звеньев»; ср.: «<…> особенно безотрадное впечатление производит имеющая все претензии на академическую монументальность работа Н.К. Пиксанова о дворянской реакции на декабризм. Автор, в стремлении как-то социологически интерпретировать этот большой фактический материал, проявляет полнейшую теоретическую неподготовленность и беспомощность» (*Сергиевский И.* Сборники «Звенья» // Литературный критик. 1933. № 1. С. 151). Сергиевский продолжил громить «чрезвычайно аккуратного» «вскормленника старой университетской историографии» Пиксанова и в следующей рецензии «С высот академического объективизма», посвященной вышеупомянутому сборнику «О классиках»: «За всеми <…> положительнейшими качествами у него, однако, довольно явственно выступает его подлинное, гораздо менее приглядное нутро: какая-то сверх-академическая дряхлость мысли, перерастающая в полную теоретическую бесхребетность» (*Сергиевский И.* С высот академического объективизма // Литературный критик. 1933. № 2. С. 184).

бы приценяясь, составлял небольшие перечни интересных для копирования и публикации автографов, бумаг, книжных обложек, страниц и разворотов, рисунков, гравюр, литографий и разнообразных картин[55].

В рабочих бумагах Зильберштейна сохранился обширный план (предположительно, подготовленный в январе 1933 г. и, по всей видимости, адресованный С.А. Макашину) работы над первоначальным вариантом содержания «пушкинского» тома, отразивший те направления редакционной деятельности, которые наметились в ходе взаимодействия с ленинградскими учеными — потенциальными авторами готовившегося сборника (коммуникация с московскими авторами почти всегда осуществлялась посредством личных переговоров в редакции). Кроме того, план этот учитывал почти все материалы, о которых писал Макашин в вышеприведенном фрагменте письма, и содержал указания, исполнение которых составляло суть следующего этапа работы над томом. По этому документу можно судить о том, каким в итоге должен был предстать первоначальный замысел книги.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ДЕЛА ПО ПУШКИНСКОЙ КНИЖКЕ

1) <Г.А.> Гуковский. 3 работы: «Солдатские стихи 18 века», «Подпольная поэзия 18 века» и Обзор. Иллюстративный материал ко всем этим работам. В частности подумать о том, что можно было бы дать многоцветкой. До сих пор Гуковским не возвращены две работы, посланные ему на редактуру: «Пугачевская быль» <С.Ф.> Елеонского и «Анекдоты об Иоанне Грозном» <А.Д.> Седельникова. Пойдут или не пойдут эти работы, пусть он их вернет.

2) <Я.Л.> Барсков. Две работы: переписка Екатерины II с Потемкиным. Окончательно решить, возьмем ли мы эту вещь, и как следует продумать с ним, проинструктировать его методах подачи ее. Его же обзор литературного наследия Новикова. <С.А.> Рейсер писал, что он согласился сделать этот обзор. Но <…> окончательного ответа все еще нет. Привести вопрос в ясность. Иллюстративный материал к обеим работам.

3) <И.М.> Троцкий. Может быть, все ж таки он даст что-нибудь из эпистолярного наследия Радищева. Нужно также привести в яс-

[55] См.: [Список иллюстраций для «пушкинского» тома «Литературного наследства» с расчетом стоимости изготовления копий], без даты // РГАЛИ. Ф. 3290. Оп. 2. Ед. хр. 214. Л. 16. Так, например, в одной лишь 40-страничной статье Оксмана о десятой главе «Евгения Онегина» насчитывается 7 иллюстраций, воспроизводящих вид рукописных страниц пушкинского текста.

ность вопрос о том, даст ли что-нибудь для декабристской подборки. Против печатания статьи Фон-Визина он возражает, а присланная им в виде компенсации статья Пестеля — чепуха.

4) Археографическая комиссия Академии Наук. Может быть, в ее делах можно будет найти какой-нибудь любопытный материал по 18 веку.

5) <П.Н.> Берков. Работа над каким-то забытым поэтом 18 века. Писано ему о том, не может ли он нам дать что-нибудь об этом забытом поэте. Впрочем, сильно сомневаюсь, чтобы материал оказался интересным.

6) <А.Я.> Кучеров. Публикация по литературному наследию Болотова. Иллюстративный материал к ней. Один портрет Болотова (из Исторического Музея — масло) у нас есть.

7) <Н.К.> Козьмин. Пушкин и английское рабочее движение. Считаю, что работу эту можно будет печатать только в том случае, если он согласится внести все указанные в моем отзыве исправления и если он сможет это сделать. Иначе мы с этой работой влипнем. Если исход дела будет благополучным — подумать об иллюстративном материале, хотя по-моему интересного здесь ничего не наскребешь.

8) <Ю.Г.> Оксман. Вот перечень всех его обязательств перед нами:

1) Пушкин в работе над историей Пугачева, 2 фото, заказанных для него в Ленинской библиотеке, высылаются

2) Письмо к Смирдину

3) Корреспонденты Пушкина

4) Из истории «Современника»

5) К цензурной истории Ан<н>енковского издания

6) Воспоминания Катенина

7) Неизданные стихотворения Раевского

8) Неизданная публицистика Раевского

9) Рылеевский обзор

10) Обзор критико-публицистических текстов Пушкина

9) В ИРЛИ заказаны (должны быть заказаны) Рейсером два фото к статье Попова о работе Пушкина над историей Петра

10) <Ю.Н.> Тынянов. Пушкин и Кюхельбекер. Неизданные стихотворения Кюхельбекера. Получить самые публикации и договориться об иллюстративном материале к ним. Отсюда мы послали ему новые материалы (из Областного архивного бюро) о поимке Кюхельбекера и письма Кюхельбекера к Соболевскому из архива Соболевского. Может быть, все же как-нибудь можно будет использовать эти материалы, к нему же какое-то — какое именно не пом-

ню — бальзаковское дело. Высылаем ему Кюхельбекеровский «Зоровавель». Я считаю этот материал не настолько интересным, чтобы его печатать, что скажет он? Проинформировать его вообще о Кюхельбекеровских материалах, купленных Историческим музеем: автограф одной из тетрадей дневника, автограф одной критической статьи (напечатанной) и не публиковавшееся рассуждение об «Отче наш». *О Бальзаке*

11) <Б.В.> Казанский. Черновик письма Пушкина к Геккерену. Сугубое внимание обратить на факсимиле автографа, которое он думает дать к этой публикации. Обзор биографических работ о Пушкине.

12) <Л.Б.> Модзалевский. Обзор эпистолярного наследия Пушкина. В последнем письме он пишет, что сидит над ним вплотную, в зависимость от получения дополнительного аванса не ставит и сдаст рукопись не позднее первых чисел марта. Нужны ли какие-нибудь дополнительные фотографии к его обзору библиотеки Пушкина. Кроме того, у него есть два или три каких-то письма к Пушкину. Посмотреть, что это за письма. Если стоющие (sic!), может быть, включим их в «Корреспондентов».

13) Иллюстративный материал к работе <Т.Г.> Зенгер: 1) рукопись «Путешествия в Арзрум» под названием «Военная грузинская дорога». Тот лист, где карандашный вариант «и пример лучшего будет действительнее» (воспроизведено в «Историческом Вестнике» 1899 г. № 5, стр. 50); 2) рукопись стихотворения Пушкина «Друзьям» с пометкой Николая I о том, что можно распространять, но нельзя печатать 3) Конверт Николая I — Александре Осиповне Россет 4) Рецензия чиновника III Отделения на «Бориса Годунова» (последнее впрочем не в ИРЛМ, а очевидно в Ленингр. Центрархиве?)

14) <В.Б.> Врасская. Иллюстративный материал к публикации о Пушкине в переписке родственников. 2 присланных ею языковских текста очевидно печатать не будем.

15) Может быть, в ИРЛИ можно будет подобрать какой-нибудь любопытный иконографический материал к публикации Цявловского о Пушкине по документам Погодинского архива. Имею я в виду портреты корреспондентов Погодина, в частности Титов, Мельгунов. В ИРЛИ же портрет Веневитинова работы Тер<е>бенева.

16) В Ленингр. Центрархиве — переписка Вяземского с женой — для <В.С.> Нечаевой, там материалы, над которыми работала <М.С.> Боровкова. Кроме того, нет ли там писем к Вяземскому следующих лиц: Алексея (правильно: Александра. — *Д.Ц.*) и Константина Булгаковых, В.<Ф.> Гагарина, И.Н. Римского Корсакова,

Н.В. Сушкова, Вельтмана, Полторацкого, Грамматина, Новиковой, Чаадаева. Эти материалы — для <А.А.> Сабурова.

[17) Неизданные письма Боратынского в Публичной Библиотеке, перечень которых был послан Рейсеру с указанием об их копировке.]

18) В ИРЛИ письма Чижова к Языкову. Раз мы теперь купили письма Языкова к Чижову, то нужно и ответные письма обязательно скопировать.

19) <М.К.> Азадовский. Переписка Языкова не то с Комовским, не то с Киреевскими. Так и не имеем точных сведений о том, переписку с кем же именно он готовит. Его же обзор литературного наследия Языкова. Иллюстративный материал по Языкову.

20) Ничего не пишу о Грибоедовских делах, так как Грибоедовскую подборку делаете по существу говоря Вы.

21) <Б.В.> Томашевский. Обзор стиховых текстов Пушкина. С этим же нужно очевидно начинать разговор о поэтической подборке по Пушкину, хотя я и смотрю на это дело пессимистично. Не укажет ли он каких-нибудь любопытных для воспроизведения автографов Пушкина, вроде «Веселого пира», который он сначала хотел дать, потом признал неинтересным и обещал как-нибудь компенсировать.

22) <Д.П.> Якубович. Обзор прозаических текстов Пушкина. «Анчар» и «Пушкин в библиотеке Вольтера».

23) <В.Н.> Орлов. Обзор литературного наследия Дениса Давыдова, в частности иллюстративный материал к этому обзору. Может быть, удастся все-таки мобилизовать его на написание (в течение вашего пребывания в Ленинграде) публикации по Попугаеву.

24) Иллюстративный (а может быть, и документально-текстово<й> дополнительно к тому, что прислал Рейсер) материал к обзору <Н.Г.> Машковцева об Александре Иванове.

25) Для хроники. Может быть, <А.Г.> Островский сделал бы информационную заметку о «Библиотеке поэта».

26) Забыл еще одно дело к Оксману. Все-таки лучше всего посоветоваться с ним относительного того, как можно было бы представить в хронике декабризм.

27) Добиться, чтобы <Б.М.> Эйхенбаум в течение Вашего пребывания в Ленинграде доработал свою статью о Лермонтове.

28) В ИРЛИ портрет Пушкина, купленный в 1919 г. <Б.Л.> Модзалевским у Бориса Садовского.

29) Для меня: скопировать приписку <И.В.> Киреевского к неизданному мюнхенскому письму <В.М.> Рожалина.

30) Замечания общего характера. Не следует, по-моему, чтобы вы весь полученный вами статейный материал держали при себе

до вашего возвращения в Москв<у>. Лучше по мере его получения посылать его мне, чтобы я мог готовить здесь его к набору.

31) Стиховые подборки по <нрзб.>. У нас есть мат<ериалы> к Борат<ынскому> и Языкову.

32) <нрзб.> — о снимках и копиях <нрзб.> с ним[56].

Как видим, синхронная работа над обеими — исследовательско-пушкиноведческой и архивно-публикационной — частями тома развернулась в конце 1932 – 1933 г.; к обработке всевозможных материалов и написанию статей и обзоров были привлечены едва ли не все главные специалисты по литературе и искусству пушкинского времени и, в более широкой перспективе, по культуре «срединного» XIX в., а также ведущие исследователи-архивисты и библиографы; среди тех, чьи работы попали в «пушкинский» том: В.М. Базилевич, М.Д. Беляев, Д.И. Бернштейн, С.В. Бессонов, Д.Д. Благой, С.М. Бонди, В.В. Виноградов, И.А. Виноградов, В.Б. Врасская, Л.П. Гроссман, Т.Г. Зенгер, Б.В. Казанский, Н.К. Козмин, В.Л. Комарович, Н.Ф. Лавров, Р.Ф. Майер, Л.Б. Модзалевский (также под псевдонимом Л. Гарский), В.С. Нечаева, Ю.Г. Оксман, О.И. Попова, П.С. Попов, И.Н. Розанов, М.К. Светлова, Д.П. Святополк-Мирский, Б.В. Томашевский (также под псевдонимом Б. Борский), Ю.Н. Тынянов, А.Г. Цейтлин, М.А. Цявловский, А.М. Эфрос и Д.П. Якубович.

Тяга к политическим интригам и заигрыванию с властью, явившаяся следствием рапповского прошлого «Литературного наследства», владела Зильберштейном в 1930-е (и, как показало время, будет владеть им вплоть до конца жизни). Порой она толкала его на более удачные (например, как в случае с публикацией в первой части «пушкинского» тома статьи покойного Луначарского «Пушкин-критик»[57], предназначавшейся для упомянутого сборника под редакцией Богословского) или менее удачные (например, как в случае с публикацией статьи Д.П. Мирского «Проблема Пушкина»[58])

[56] [*Зильберштейн И.С.*] Ленинградские дела по пушкинской книжке, без даты // РГАЛИ. Ф. 3290. Оп. 2. Ед. хр. 214. Л. 12–14 об. Пункты 31 и 32 вписаны от руки позднее. В архивном фонде Зильберштейна сохранилось еще два небольших более поздних списка дел по «пушкинскому» тому, в основном касающихся его комплектации и иллюстративного материала; обсуждаются в нем все те же авторы, которые указаны в приведенном нами документе (см.: РГАЛИ. Ф. 3290. Оп. 2. Ед. хр. 214. Л. 15, 22).

[57] Статья напечатана в томе по неправленой сокращенной стенограмме, отредактированной сотрудником ЛИЯ Комакадемии И.А. Сацем.

[58] В письме И.А. Виноградова к Сергиевскому от 17 апреля 1934 г. читаем: «Из ленинградских литературных новостей стоит отметить доклад Мирского. Вы, вероятно, уже знаете о нем. Мирскому досталось основательно. Причем главное даже не в выражениях по существу (это тоже было), но в общем отношении к докладу как к очень поверхностному и легковесному. Потерпел ущерб и Десницкий. Его критиковали серьезно и основательно. Выступал один историк. Интересно было выступление Гуковского»

политические авантюры. Однако не всегда эти авантюры — к счастью для Зильберштейна — осуществлялись. Так, в записях Оксмана нашел отражение примечательный эпизод, связанный с подготовкой тома:

> Обязательно надо записать о моих встречах летом 1934 г. с Л.Б. Каменевым в Ленинграде, о поездке с ним в Михайловское. О встречах с ним же осенью 1934 г. в Москве. Встречи с Зиновьевым, которого Л.Б. сватал на роль автора популярной брошюры о Пушкине к юбилею. *Репетицией этой брошюры должна была явиться статья Зиновьева в пушкинском томе «Литературного наследства»*[59].

В декабре 1934 г. Зиновьев был арестован по делу «Московского центра» и исключен из партии. Появление его статьи в «пушкинском» томе означало бы либо запрет на распространение и уничтожение отпечатанного тиража, либо — в лучшем случае — скорое изъятие только поступившего в продажу выпуска.

Размах задуманного Зильберштейном и его соратниками был настолько велик, что реализовать все в намеченные сроки было попросту невозможно; неудивительно, что некоторые предназначавшиеся для тома исследования так и не были завершены к моменту сдачи его в набор[60]. (Не была, например, написана обещанная статья Оксмана «Пушкин и Белинский», о чем Зильберштейн не преминул напомнить ученому почти два десятилетия спустя: «По поводу Вашей статьи “Белинский и Пушкин” (sic!) <…> т. е. о Вашей статье, которую Вы ровно 17 лет тому назад должны были дать в наш пушкинский том. <…> Если Вы в самые ближайшие две-три недели эту

(РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 8–8 об.). После выхода тома на статью Мирского обрушился шквал самой разнообразной критики; среди множества появившихся тогда публикаций укажем на следующие: *Свирин Н.* О национальной ограниченности Пушкина и европейских масштабах Д. Мирского // Литературный Ленинград. 1935. № 32 (118). 14 июля. С. 3; *Розенталь М.* О марксистствующих критиках и социальном анализе // Литературный критик. 1936. № 1. С. 31–47 (см. также: *Розенталь М.* Как совершается изоляция пролетариата от культурного наследства // Розенталь М. Против вульгарной социологии в литературной теории. М.: Гослитиздат, 1936. С. 14–27); *Заславский Д.* Рекорд критика Мирского // Правда. 1936. № 237 (6843). 28 августа. С. 4. См. также: *Мирский Д.П.* Ответ моим критикам // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1936. [Вып.] 1. С. 262–264.

[59] См.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 68 об.; цит. по: [3, с. 534–535; курсив мой. — *Д.Ц.*].

[60] Многие не попавшие в «пушкинский» том сюжеты в том или ином виде вошли в первый, 350-страничный, раздел сборника «Пушкин. Лермонтов. Гоголь» (т. 58. М.: АН СССР, 1952), издание которого готовилось на протяжении второй половины 1940-х гг.

статью закончите, то мы ее дадим во второй том Белинского»[61].) Тираж «пушкинского» тома поступил в продажу в самом начале 1935 г., когда в сталинской культурной политике настало недолгое затишье перед вскоре грянувшей бурей Большого террора[62]. Появление книги сразу же вызвало страстные обсуждения в прессе, главной темой которого стал буквальный погром «академического пушкиноведения», осуществленный силами редакции «Литературного наследства» (и прежде всего Сергиевского). Активнее всего в прессе обсуждались статьи первого — «концептуального» — раздела тома, содержавшие методологические подходы к «марксистскому осмыслению пушкинского наследия»[63], тогда как архивной части не было уделено столь много внимания. С ходом времени неоднократно менялись политико-идеологические ориентиры, вместе с которыми причудливо изгибался вектор культурной политики. И чем неумолимее расшатывался методологический каркас «пушкинского» тома «Литературного наследства», тем очевиднее становилась устойчивость его фактического содержания[64].

Литература

1. *Азадовский К.М.* Жизнь и труды Марка Азадовского: Документальная биография. М.: Новое литературное обозрение, 2025. Кн. 1–2. 488+592 с.

2. *Виноградов В.В.* Жду перемен в своей судьбе: Письма к жене из вятской ссылки, 1934–1936 / под ред. Н.Я. Козел; сопроводит. мат. А.Б. Гуськовой и В.Н. Виноградовой. СПб.: Росток, 2024. 424 с.

[61] [Письмо И.С. Зильберштейна Ю.Г. Оксману], 20 февраля 1950 г. // РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 524. Л. 12 об. Речь в письме идет о томе 56 «В.Г. Белинский. II» (М.: АН СССР, 1950). Для этого тома Оксман подготовил объемный критико-библиографический обзор «Переписка Белинского» (с. 201–254). Подробнее см.: [6, с. 112–113].

[62] Именно поэтому, как кажется, в томе осталась статья Виноградова, сосланного в Вятку в результате приговора по «делу славистов». Сам Виноградов сомневался в возможности появления работы и писал жене 9 июня 1934 г.: «Прочел в “Известиях” 1-го июня заметку о составе Пушкинского номера “Литературного наследства” и расстроился: моей статьи не указано и моего имени нет. <…> Неужели в “Литературном наследстве” моей статьи не будет или смешают меня с каким-нибудь И. Виноградовым? У меня просто руки опускаются» (см.: АРАН. Ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 59; цит. по: [2, с. 101]). Однако 7 февраля 1935 г. в «Известиях» (№ 33 (558)) появилась информация о выходе тома с упоминанием статьи Виноградова, о чем он с радостью сообщил жене в письме от 10 февраля (см.: АРАН. Ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 404–405).

[63] См.: *Селивановский А.* Наследство Пушкина // Литературный критик. 1935. № 12. С. 237–247. См. также: *Благой Д.* О Пушкине: (Ответ А. Селивановскому) // Литературный критик. 1936. № 2. С. 146–159; *Винокур Г.* Об изучении Пушкина // Литературный критик. 1936. № 3. С. 67–82. Реакцию Виноградова на статью Селивановского см.: АРАН. Ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 446–447 об.

[64] Не случайно в начале июля 1943 г. Оксман писал: «Недавно мне попался Пушкинский том “Литературного наследства” <…>. Прочел внимательно <…> и даже удивился, что многое сделано очень неплохо. Конечно, сейчас бы сделать это можно с более широкой перспективой, но самый фонд заложен «всерьез и надолго», и исходные линии исследования намечены правильно» (цит. по: [3, с. 542]).

3. *Зайцев А.Д.* «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный…»: Набросок портрета Ю.Г. Оксмана по материалам его архива // Встречи с прошлым / сост. Н.Б. Волкова. М.: Сов. Россия, 1990. Вып. 7. С. 525–566.

4. Из переписки Ильи Зильберштейна и Сергея Макашина (1932–1934) / подгот. текста и публ. А.Ю. Галушкина и М.А. Фролова; комм. М.А. Фролова // Культурологический журнал. 2015. № 3 (21). С. 1–31.

5. «Литературное наследство» за 80 лет. Указатели к томам 1–103 за 1931–2011 годы: в 5 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Кн. 1. 582 с.

6. Марк Азадовский. Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954 / сост., вступ. ст., коммент. К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 409 с.

7. *Московская Д.С.* «И тут не только молодость, тут одержимость»: К истории «Литературного наследства» как академической школы // «В служении одному делу...»: «Литературное наследство» в воспоминаниях и переписке И.С. Зильберштейна и С.А. Макашина. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 8–28.

8. *Московская Д.С.* Из истории академической серии «Литературное наследство» (К 90-летию издания) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 4. С. 446–465. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-4-446-465

9. *Московская Д.С.* Из истории литературной политики XX века: «Литературное наследство» как академическая школа // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 296–333. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-1-296-333

10. *Сарычева К.В.* Из переписки Вл.Д. Бонч-Бруевича с М.С. Боровковой-Майковой, 1933 год // Новые звенья: Ежегодник ГМИРЛИ имени В.И. Даля. М.: ГМИРЛИ им. В.И. Даля, 2024. Вып. 1. С. 93–145.

11. *Турчаненко В.В.* «Пишу в стихах посланье в Сочи…»: Черноморские открытки Б.В. Томашевского и Д.П. Якубовича (лето 1933 года) // «…и не кончается строка»: сб. в честь Марии Наумовны Виролайнен. СПб.: Росток, 2024. С. 267–297.

12. *Турчаненко В.В.*, *Цыганов Д.М.* Пушкин наш, советский! Очерки по истории пушкиноведения сталинской эпохи (Идеи. Проекты. Персоны). М.: Новое литературное обозрение, 2025. 792 с.

13. *Цыганов Д.М.* «И миру тихую неволю в дар несли...» Идеология и прагматика пушкиноведческих работ профессора Д.Д. Благого (1920–1950-е годы) // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2024. С. 193–222.

14. *Цыганов Д.М.* Пушкиноведческие труды академика В.В. Виноградова и идеологический контекст эпохи сталинизма // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2023. С. 181–203.

15. *Цявловский М.А.*, *Цявловская Т.Г.* Вокруг Пушкина (дневники и статьи 1928–1965 гг.) / изд. подгот. К.П. Богаевская и С.И. Панов. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 333 с.

16. *Шумихин С.В.* В.Д. Бонч-Бруевич и И.С. Зильберштейн у истоков советского музейно-архивно-публикаторского дела // И.С. Зильберштейн: Штрихи к портрету. М.: Наука, 2006. С. 72–119.

Research Article

From the History of the “Literary Heritage” Academic Series: The Pushkin Volume

(*Vols. 16–18*).

© 2025. Dmitry M. Tsyganov
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no. 25-18-00196 “From Early Writers’ Associations to the Organizing Committee of the Union of Soviet Writers: The Genesis of Institutional Forms in the Cultural Construction of the RSFSR/USSR (Digital Archive of Documentary Data and Research)” (https://rscf.ru/project/25-18-00196/).

Abstract: The article examines the history of the preparation of the “Pushkin” volume from the series “Literary Heritage” (vols. 16–18, Moscow, Zhurgazo”bedinenie Publ., 1934), which became one of the most ambitious projects in Soviet literary studies of the 1930s. The focus of the study is on analyzing the strategies employed by Ilya S. Zilberstein and Ivan V. Sergievsky to interact with the methodological “heritage” of pre-revolutionary and early Soviet Pushkin studies. As curators of this project, they accused their predecessors of being “micro-conceited,” obsessed with small biographical details, and lacking a systematic approach to the poet’s biography and work. In contrast, the volume of Literary Heritage was positioned as the beginning of a “Marxist-Leninist” study of Pushkin, where his work was to be analyzed not only as an aesthetic but also as a social and historical phenomenon. At the same time, the preparation of this volume reflected the struggle between scientific schools: Leningrad textualists and Moscow researchers had different views on the objectives of the “new” Pushkin studies. Despite its openly ideological rhetoric, the collection retained its scientific value not only because of the publication of unique materials, but also because of its attempt to synthesize historical, literary, and sociological approaches to Pushkin’s biography and works. The article provides a detailed analysis of the publication’s editorial policies, key methodological principles, and the ideological context in which the “Pushkin” volume of “Literary Heritage” was created.

Keywords: intellectual history, history of science, history of soviet literary studies, soviet Pushkin studies, ideology and philology, Literary Heritage, Alexander S. Pushkin, Ilya S. Zilberstein, Boris V. Tomashevsky.

Information about the author: Dmitry M. Tsyganov, Research Fellow, Manuscripts Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6633-3401

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

For citation: Tsyganov, D.M. “From the History of the ‘Literary Heritage’ Academic Series: The Pushkin Volume (Vols. 16–18).” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 434–470. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-434-470

References

1. Azadovskii, K.M. *Zhizn’ i trudy Marka Azadovskogo: Dokumental’naia biografia* [*Life and Works of Mark Azadovsky: Documentary Biography*], vols. 1–2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 488+592 p. (In Russ.)

2. Vinogradov, V.V. *Zhdu peremen v svoei sud’be: Pis’ma k zhene iz viatskoi ssylki, 1934–1936* [*Waiting for Changes in My Destiny: Letters to My Wife from the Vyatka Exile, 1934–1936*], ed. by N.Ia. Kozel, accompanying mat. by A.B. Gus’kova and V.N. Vinogradov. St. Petersburg, Rostok Publ., 2024. 424 p. (In Russ.)

3. Zaitsev, A.D. “‘Chelovek zhizneradostnyi i zhiznedeiatel’nyi…’: Nabrosok portreta Iu.G. Oksmana po materialam ego arkhiva” [“‘A Cheerful and Active Man…’: Sketch of a Portrait of Yu.G. Oksman Based on Materials from his Archive”]. *Vstrechi s proshlym* [*Meetings with the Past*], issue 7, comp. N.B. Volkova. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1990, pp. 525–566. (In Russ.)

4. “Iz perepiski Il’i Zil’bershteina i Sergeia Makashina (1932–1934)” [“From the Correspondence Between Ilya Zilberstein and Sergei Makashin (1932–1934)”], text prep. and publ. by A.Iu. Galushkin and M.A. Frolov, comm. by M.A. Frolov. *Kul’turologicheskii zhurnal*, no. 3 (21), 2015, pp. 1–31. (In Russ.)

5. *“Literaturnoe nasledstvo” za 80 let. Ukazateli k tomam 1–103 za 1931–2011 gody: v 5 kn*. [*“Literary Heritage” for 80 Years. Indexes to Volumes 1–103 for 1931–2011: in 5 books*], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2012. 582 p. (In Russ.)

6. *Mark Azadovskii. Iulian Oksman: Perepiska, 1944–1954* [*Mark Azadovsky. Yulian Oksman: Correspondence, 1944–1954*], comp., introd. and comm. by K.M. Azadovsky. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 409 p. (In Russ.)

7. Moskovskaia, D.S. “‘I tut ne tol’ko molodost’, tut oderzhimost’’: K istorii ‘Literaturnogo nasledstva’ kak akademicheskoi shkoly” [“‘It’s Not Just Youth, It’s Obsession’: On the History of the ‘Literary Heritage’ as an Academic School”]. *“V sluzhenii odnomu delu…”: “Literaturnoe nasledstvo” v vospominaniiakh i perepiske I.S. Zil’bershteina i S.A. Makashina* [*“Serving One Cause...”: “Literary Heritage” in the Memoirs and Correspondence of I.S. Zilberstein and S.A. Makashin*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 8–28. (In Russ.)

8. Moskovskaia, D.S. “Iz istorii akademicheskoi serii ‘Literaturnoe nasledstvo’ (K 90-letiiu izdaniia)” [“From the History of the Academic Series ‘Literary Heritage’ (On the 90th Anniversary of the Publication)”]. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 446–465. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-4-446-465 (In Russ.)

9. Moskovskaia, D.S. “Iz istorii literaturnoi politiki XX veka: ‘Literaturnoe nasledstvo’ kak akademicheskaia shkola” [“From the History of Literary Policy of the 20th Century: ‘Literary Heritage’ as an Academic School”]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2018, pp. 296–333. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-1-296-333 (In Russ.)

10. Sarycheva, K.V. “Iz perepiski Vl.D. Bonch-Bruevicha s M.S. Borovkovoi-Maikovoi, 1933 god” [“From the correspondence of Vl.D. Bonch-Bruevich with

M.S. Borovkova-Maikova, 1933”]. *Novye zven’ia: Ezhegodnik GMIRLI imeni V.I. Dalia* [*New Links: Yearbook of the State Museum of Russian Literary Literature named after V.I. Dahl*], issue 1. Moscow, State Museum of Russian Literary Literature named after V.I. Dahl Publ., 2024, pp. 93–145. (In Russ.)

11. Turchanenko, V.V. “‘Pishu v stikhakh poslan’e v Sochi…’: Chernomorskie otkrytki B.V. Tomashevskogo i D.P. Iakubovicha (leto 1933 goda)” [“‘I’m Writing a Message in Verse to Sochi…’: Black Sea Postcards by B.V. Tomashevsky and D.P. Yakubovich (Summer 1933)”]. *“...i ne konchaetsia stroka”: sbornik v chest’ Marii Naumovny Virolainen* [*“...and the Line Does not End”: Collection in Honor of Maria Naumovna Virolainen*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2024, pp. 267–297. (In Russ.)

12. Turchanenko, V.V., and D.M. Tsyganov. *Pushkin nash, sovetskii! Ocherki po istorii pushkinovedeniia stalinskoi epokhi (Idei. Proekty. Persony)* [*Pushkin is Ours, Soviet! Essays on the History of Pushkin Studies in the Stalin Era (Ideas. Projects. Persons)*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 792 p. (In Russ.)

13. Tsyganov, D.M. “‘I miru tikhuiu nevoliu v dar nesli…’ Ideologiia i pragmatika pushkinovedcheskikh rabot professora D.D. Blagogo (1920–1950-e gody)” [“‘And They Brought Quiet Bondage to the World as a Gift…’ Ideology and Pragmatics of Pushkin Studies Works by Professor D.D. Blagoy (1920–1950s)”]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [*Periodical of the Pushkin Commission*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2024, pp. 193–222. (In Russ.)

14. Tsyganov, D.M. “Pushkinovedcheskie trudy akademika V.V. Vinogradova i ideologicheskii kontekst epokhi stalinizma” [“Pushkin Studies Works of Academician V.V. Vinogradov and the Ideological Context of the Stalinist Era”]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [*Periodical of the Pushkin Commission*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2023, pp. 181–203. (In Russ.)

15. Tsiavlovskii, M.A., and T.G. Tsiavlovskaia. *Vokrug Pushkina (dnevniki i stat’i 1928–1965 gg.)* [*Around Pushkin (Diaries and Articles, 1928–1965)*], ed. by K.P. Bogaevskaia and S.I. Panov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 333 p. (In Russ.)

16. Shumikhin, S.V. “V.D. Bonch-Bruevich i I.S. Zil’bershtein u istokov sovetskogo muzeino-arkhivno-publikatorskogo dela” [“V.D. Bonch-Bruevich and I.S. Zilberstein at the Origins of Soviet Museum, Archive and Publishing Business”]. *I.S. Zil’bershtein: Shtrikhi k portretu* [*I.S. Zilberstein: Strokes to a Portrait*]. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 72–119. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.08.2025
Одобрена после рецензирования: 27.10.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 28.08.2025
Approved after reviewing: 27.10.2025
Date of publication: 25.12.2025

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-471-496
https://elibrary.ru/TKGCZW

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Г.И. Чулков и Комиссия по изучению Достоевского в ГАХН

© 2025, О.А. Богданова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье осмысляется малоизвестный этап в истории науки о Ф.М. Достоевском — деятельность Комиссии по изучению Достоевского в Государственной академии художественных наук (ГАХН) под руководством Г.И. Чулкова в 1924–1930 гг., дается характеристика Чулкова как писателя-символиста в 1900–1910-х гг. и филолога-литературоведа в 1920-х гг., соединившего в себе две эпохи освоения наследия Достоевского: религиозно-философскую, выяснявшую мировоззрение писателя, и научно-филологическую, занимавшуюся его поэтикой, текстологией и эдицией. Чулков — как, по слову Ф.М. Достоевского, «художник в науке» (с глубинным пониманием творческой психологии, артистизмом и изяществом стиля) — создавал в рамках ГАХН другое достоевсковедение по сравнению и с официальным марксистско-социологическим подходом, и с авторитетной в 1920-е гг. формальной школой, привлекая к нему многочисленных последователей. Методологической основой другого достоевсковедения стала общая для всей ГАХН органическая поэтика как стремление к целостному анализу произведения, рожденного душой автора. После ликвидации ГАХН в 1930–1931 гг. идеал «художника в науке» и органическая поэтика на десятилетия ушли из советского достоевсковедения. В статье, на основании архивных документов, перечисляются виды деятельности Комиссии, анализируются протоколы ее заседаний, упоминаются прочитанные доклады и написанные статьи. В приложении впервые публикуется речь Чулкова «Достоевский и Пушкин», приуроченная ко дню рождения писателя в 1924 г.

Ключевые слова: Г.И. Чулков, Ф.М. Достоевский, достоевсковедение, 1920-е гг., ГАХН, «органическая поэтика», «художник в науке», архивные материалы, речь «Достоевский и Пушкин».

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы

им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7004-498X

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Для цитирования: *Богданова О.А.* Г.И. Чулков и Комиссия по изучению Достоевского в ГАХН // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 471–496. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-471-496

Г.И. Чулков (1879–1939) — крупный писатель-символист, автор более десятка книг художественной прозы и поэзии, получивших значительный резонанс, влиятельный литературный и театральный критик, во многом определявший политику ведущих журналов и альманахов первых двух десятилетий XX в., — «Нового пути», «Вопросов жизни», «Факелов», «Золотого руна», «Народоправства» и др. С годами он все больше внимания уделял историко-литературным исследованиям, преимущественно обращаясь к А.С. Пушкину, Ф.И. Тютчеву, Ф.М. Достоевскому.

Тема «Чулков и Достоевский» стала разрабатываться только с конца 1990-х гг.: анализировался вклад «последнего символиста» [5, с. 149] в литературно-критическую и художественную рецепцию Достоевского в Серебряном веке, а также в биографику великого писателя в 1930-е гг. (см. также: [7; 8; 1; 3; 2]). Однако из поля исследовательского внимания практически выпали 1920-е гг. — время интенсивных занятий Чулкова личностью и творчеством своего «властителя дум», в первую очередь в рамках работы в Российской, а с 1925 г. — в Государственной академии художественных наук (РАХН и ГАХН). В самом деле, Чулков поступил на работу в РАХН 1 февраля 1922 г., а 1 февраля 1930 г. был «отчислен от занимаемой должности действительного члена ГАХН по сокращению штатов»[1]. С весны 1924 г. он был председателем Комиссии по изучению Достоевского в Литературной секции ГАХН, организовывал ее работу, произносил речи, читал доклады, публиковал статьи, вел многочисленные заседания с выступлениями ведущих ученых, составлял и редактировал достоевсковедческие издания (например, этапный для науки о писателе сборник «Достоевский» 1928 г. со знаменитыми работами С.Н. Дурылина, П.С. Попова, Ф.Ф. Бережкова и др.). В 1929 г. он разработал план Юбилейного собрания сочинений Достоевского в 27 т. в связи с 50-летием со дня смерти писателя в феврале 1931 г.[2] Однако ликвидация ГАХН в 1930–1931 гг. привела

[1] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 775. Л. 4.

[2] См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 99. Л. 6–11.

Чулкова к вынужденному отказу от этого замысла и переходу к работе над юбилейным однотомником великого писателя под редакцией А.В. Луначарского, вышедшим в 1931 г. Это было уже не научное, а массовое издание, по-марксистски идеологизированное, рассчитанное на широкий круг советских читателей, только приобщавшихся к культуре. Чулков вошел в его редколлегию, в этом издании ему принадлежат одна из трех вступительных статей — краткое изложение фактов биографии Достоевского — и комментарий к большинству его произведений.

В личном деле Чулкова в ГАХН, заполненном в 1926–1929 гг., помимо общих биографических сведений, имеются документы, важные для понимания его роли руководителя гахновского достоевсковедения: признание в том, что он «никогда ни к какой политической партии не принадлежал», а после Октябрьской революции «никаким репрессиям не подвергался»[3]; «научной историко-литературной работой» занимался только «последние девять лет» (т. е. примерно с 1917 г.)[4]; являлся «штатным сотрудником» РАХН–ГАХН, имевшим удостоверение, находившимся «на государственном снабжении» и получавшим регулярную заработную плату[5], а летом уходившим в положенный отпуск[6]. Представляет интерес «Характеристика Г.И. Чулкова», составленная 11 февраля 1929 г. для Цекубу[7] Н.К. Гудзием, председателем подсекции русской литературы Литературной секции ГАХН:

> Г.И. Чулков принадлежит к числу плодовитейших и разностороннейших русских писателей. Им напечатано 29 книг; многие работы его, подготовленные в рукописях, дожидаются печати. Будучи одновременно поэтом, беллетристом, драматургом, литературным критиком и исследователем-историком, Г.И. Чулков во всех этих областях оставил очень заметный след. Первые же его книги стихов «Кремнистый путь» и «Весною на Север» были встречены в большинстве случаев одобрительными отзывами критики. После почти десятилетнего перерыва Чулков снова вернулся к лирике и в 1922 г. опубликовал сборник «Стихотворения», который является значительным достижением на путях поэзии. Одновременно с этим опубликована была поэма «Мария Гамильтон». Последний период

[3] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 691. Л. 10–11.
[4] Там же. Л. 12.
[5] Там же. Л. 19.
[6] Там же. Л. 27.
[7] Центральная комиссия по улучшению быта ученых (1921–1931).

в творчестве Чулкова характеризуется решительным отказом от всякого импрессионизма и настойчивым исканием пушкинской ясности и «прекрасной соразмерности». Стихи Чулкова неоднократно переводились на иностранные языки.

Тот же путь от импрессионизма к реализму, от лирической аморфности к стройной композиционной структуре совершил Чулков и в плане повествовательном, оставаясь, однако символистом. Д.Н. Овсянико-Куликовский в своей обстоятельной статье, посвященной первым книгам поэта, уже заметил его основную художественную тенденцию. «Чулков, — пишет он, — прежде всего реалист в искусстве, он не выдумывает, а воспроизводит несомненные факты действительности… Превращая свои образы в символы, он этим не искажает их: символика только вносит сюда элемент обобщения и художественного истолкования… Этот крупный художник очень хорошо делает, что не соблазняется легкостью изобретения схематических образов, а создает образы вполне реальные: его герои и героини — в большинстве — взяты из жизни со всею бытовою обстановкою, и их психология воспроизведена так, что мы имеем право сказать: да, это живые люди»...

Известны также драматические опыты Чулкова, из коих некоторые ставились на сценах московских и ленинградских театров. В своих критических статьях о русских и западных писателях, собранных в трех книгах, Чулков также чужд того импрессионизма, какой является обычно уделом эстетической критики. Будучи и здесь по своему миросозерцанию последовательным символистом с широкими культурно-философскими перспективами, Чулков в то же время чужд всякой отвлеченности и того, что можно определить термином «абстрактный идеализм» — в том его понимании, какое усвоено ему кантианством и вообще немецкой метафизикой. Точнее всего критическую позицию Чулкова можно определить как позицию «реалистического символиста». В качестве критика Чулков сотрудничал почти во всех главных наиболее значительных и авторитетных журналах, но больше всего — символистских органах — «Перевал», «Золотое руно», «Новый путь», «Вопросы жизни». В организации и ведении двух последних журналов Чулкову принадлежала очень существенная роль. К этому времени относится сближение Чулкова с Вяч. Ивановым. В 1906 г. оба писателя совместно опубликовали книгу об анархизме, вызвавшую шумную полемику, перебросившуюся даже на страницы иностранных журналов. Не ограничиваясь печатным общением со своей читательской аудиторией, Чулков прочитал несколько десятков публичных

лекций и докладов в разных городах России. В последнее десятилетие Чулков, не оставляя своей поэтической работы, сосредоточился на историко-литературных трудах. Он особенно много работает по изучению Тютчева и Достоевского. В отношении первого Чулкову, как исследователю, биографу и текстологу, принадлежит теперь бесспорно первое место. В результате большой архивной работы Чулков подготовил несколько лет назад полное критическое собрание сочинений Тютчева, которое, к сожалению, все еще дожидается своего опубликования. Как легко, однако, видеть из перечня работ Г.И. Чулкова, он успел все же опубликовать по Тютчеву немало очень ценного текстологического материала и дать ряд новых разысканий в области биографии и творчества гениального поэта. Без тщательного ознакомления с трудами Чулкова по Тютчеву невозможна дальнейшая работа по изучению этого писателя.

Ряд историко-литературных статей написано Г.И. Чулковым и о Достоевском. Плодотворная работа по Достоевскому ведется также в возглавляемой Г.И. Чулковым комиссии по изучению Достоевского при Литературной секции ГАХН.

В заключение необходимо указать на весьма содержательные мемуарные работы Чулкова. Обращают на себя внимание также две его книги, представляющие собой опыты психологических характеристик исторических фигур прошлого: «Мятежники 1825 года» и «Императоры». Обе книги, написанные с присущим Чулкову стилистическим дарованием, дают серию очень удачно нарисованных, выразительных и хорошо продуманных портретов. Вторая книга в текущем году появилась в Париже на французском языке в изд. Пэйо.

За свой тридцатилетний литературный путь Чулков успел создать много ценного и полезного как для самой художественной литературы, так и для исторического и критического ее осмысления[8].

Как видим, здесь прежде всего сказано о Чулкове-писателе, причем положительно оценена его принадлежность к «реалистическому символизму» и творческая близость к Вяч.И. Иванову, к тому времени уже почти пять лет жившему за границей, что несколько выбивается из нашего представления об атмосфере в СССР конца 1920-х гг. По-видимому, ГАХН действительно оставалась в это время оазисом творческой свободы. Также подчеркнуто органическое единство в личности Чулкова писателя, критика и литературоведа,

[8] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 691. Л. 28–29.

отмечена его «плодотворная работа» в Комиссии по изучению Достоевского. В самом деле, совмещение в одном лице непредсказуемого, вдохновенного литератора и трезвого, рационального ученого не могло не повлиять на литературоведческие исследования Чулкова, придавая им глубинное понимание психологии творчества, артистизм и стилистическое изящество. Вспомним, что идеал «художника в науке» был выдвинут самим Достоевским еще в 1840-е гг.[9] С ним перекликалась концепция ГАХН, что отразилось даже в ее названии, включавшем словосочетание «художественные науки». Да и роль Чулкова в становлении и развитии достоевсковедения на первоначальном этапе не просто велика, но во многом уникальна — ведь он соединил в себе два принципиально различных периода в освоении наследия Достоевского: религиозно-философский, в том числе символистский, в 1890–1910-е гг. (В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, А.Л. Волынский, С.Н. Булгаков, Вяч.И. Иванов, Н.А. Бердяев и др.) и научно-филологический с конца 1910-х – в 1920-е гг. (Л.П. Гроссман, А.С. Долинин, В.Л. Комарович, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Энгельгардт, В.С. Нечаева, В.В. Виноградов, М.М. Бахтин и др.). По наблюдению К.В. Мочульского, именно в 1920-е гг. произошло новое «открытие» Достоевского: «первое» было сделано символистами, которые увидели в нем «великого религиозного мыслителя» и «философа», «второе» — научным литературоведческим сообществом, показавшим его как «художника» [9, с. 220].

Чулков внес вклад в оба «открытия». Будучи с 1900-х гг. в центре символистского движения, отдав дань религиозно-философскому постижению Достоевского в 1900–1910-е гг.[10], в 1920-х он воспринял веяния новой эпохи, уделив значительное внимание поэтике, текстологии и эдиции любимого писателя, но не оставив при этом работы со смыслами его текстов. Именно такой синтетичности отвечала новая органическая поэтика, видевшая в художественном произведении «живой организм»[11] и принятая в ГАХН, в том числе — в гахновском изводе достоевсковедения, возглавляемого Чулковым. Но об этом чуть ниже.

В 1920-е гг. исследователи Достоевского действовали в СССР в нескольких взаимосвязанных центрах: Ленинградском университе-

[9] Имеется в виду Ордынов, герой повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка» (1847).

[10] См.: *Кремнев Б.* [*Чулков Г.И.*]. Достоевский и судьба России // Огни: литературный альманах. М.: [Семенцов], 1918. С. 133–148; *Чулков Г.И.* Достоевский и революция // *Чулков Г.И.* О мистическом анархизме / со вступ. ст. Вяч. Иванова «О неприятии мира». СПб.: Факелы, 1906. С. 32–44; *Чулков Г.И.* О Достоевском // *Чулков Г.И.* Сочинения. СПб.: Шиповник, 1912. Т. 5: Статьи 1905–1911 гг. С. 145–155.

[11] См.: *Сакулин П.Н.* К вопросу о построении поэтики // Искусство. 1923. Кн. 1. С. 79–93.

те, Государственном институте истории искусств (ГИИИ), Пушкинском Доме, самообразовательных кружках Хельфернак, «Братство преп. Серафима Саровского», «Воскресения», а также в ГАХН. Как видим, в основном эти научно-творческие центры располагались в Петрограде-Ленинграде, и только ГАХН в 1920-е гг. — в Москве, где к ней примыкали, помимо ставшего москвичом с 1917 г. Чулкова, Л.П. Гроссман, В.С. Нечаева и др. Именно ГАХН стала инициатором создания в 1928 г. первого Литературно-мемориального музея Достоевского в Московской Мариинской больнице, где прошли детство и ранняя юность великого писателя и куда, после ликвидации ГАХН в 1930 г., переместился московский центр изучения Достоевского.

Учрежденная под марксистской шапкой с преобладанием социологического метода исследований (А.В. Луначарский, П.С. Коган, В.М. Фриче), в реальности ГАХН собрала цвет научной, художественной и литературной мысли, который постоянно выбивался из строгих рамок по адаптации культурного наследия прошлого и произведений настоящего к организационно-идеологическим задачам советского государства. В итоге создавалось то, что Н.А. Богомолов назвал «другим литературоведением» [4, с. 461]. При этом ГАХН также противостояла формалистским течениям Ленинграда, прежде всего в ГИИИ, тяготея к так называемой органической поэтике: «научная продукция ГАХН при взгляде из сегодняшнего дня являет целый спектр подчас методологически враждебных течений, взятых не только в единстве момента, но и в схожих установках на целостность и органический анализ — в противовес “механическому” — у петроградских формалистов» [6, с. 121].

В самом деле, «литературоведением занимались в академии в рамках трех ведущих центров»: на Философском отделении, в Литературной комиссии на Социологическом отделении и в собственно Литературной секции с несколькими подсекциями (см.: [6, с. 106]). Центральной, «промежуточной» фигурой гахновского литературоведения можно назвать П.Н. Сакулина, который «пытался одновременно оставаться в пределах имманентной поэтики и всецело учитывать принцип социологического монизма», другими словами — «адаптировать социологический метод и марксизм к академическому “мейнстриму”» [6, с. 114]. Специфику литературы, по Сакулину, выражал «не функциональный эстетический подход, как у формалистов (когда один и тот же факт мог получать признаки литературности или терять их в последующей эволюции), но принцип органической и целостной данности» [6, с. 115]: «Художественное произведение — организм», оно вытекает из «души»

художника и имеет телеологическое «задание»[12]. Эта «установка на *органическое* понимание искусства оказывается близка большинству специалистов ГАХН» [6, с. 116], «для самых разных течений внутри Академии художественных наук (от Сакулина до Горнунга) характерным оказывается поиск органической поэтики: понятие образа, а не “приема”, установка на анализ целостного художественного предмета, а не функциональной “сделанной вещи”. <…> Вокруг этой интуиции целостности и складывалась в 1920-е годы в рамках Академии неустойчивая область взаимодействия марксистов, идеалистов-платоников (вроде Лосева), гуссерлианцев круга Шпета, маститых литературоведов старшего поколения (вроде Сакулина и Пиксанова), фольклористов и социолингвистов (братья Соколовы, Розалия Шор)» [6, с. 118].

Отметим, что тенденции к «целостности» придерживался и Чулков, а с ним — бóльшая часть гахновского достоевсковедения, участники которого, повторим, стремились также к идеалу «художников в науке», впоследствии утраченному в советском литературоведении. Характерно в этой связи название одного из последних докладов Чулкова в ГАХН, прочитанного 29 марта 1928 г., — «Критическое и органическое в художественной диалектике Достоевского»[13].

Когда в 1921 г. при социологическом отделении ГАХН возникла Литературная секция с несколькими подсекциями, среди которых с 27 мая 1922 г. действовала и Комиссия по изучению Ф.М. Достоевского, то последнюю первоначально возглавил В.Ф. Переверзев. Неудивительно, что при ее реформировании в декабре 1923 г. и переходу под председательство Г.И. Чулкова (подробнее см.: [11, с. 91]) в ней, в поле притяжения «органической поэтики», сохранялся и социологический вектор.

Итак, Чулков приступил к заведованию Комиссией по изучению Достоевского в 1924 г. и осуществлял его до закрытия ГАХН в 1930 г. Его торжественные речи, произнесенные в ГАХН в честь дня рождения Достоевского, помечены числами, близкими к этой дате, начиная с 12 ноября 1924 г.: «Достоевский и Пушкин» (1924), «Достоевский и современность» (1925), «Достоевский и Запад» (1926)[14]. Также им прочитаны доклады: «Достоевский и Тургенев как культурные типы» (1924), «Достоевский и Белинский» (1926), «Критическое и органическое в художественной диалектике Достоевского» (1928)

[12] См.: *Сакулин П.Н.* К вопросу о построении поэтики // Искусство. 1923. Кн. 1. С. 92–93.

[13] См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 691. Л. 34.

[14] РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1).

и др.[15] В 1926–1927 гг. Чулковым подготовлены к печати статьи: «Достоевский и Тургенев», «Некрасов и Достоевский»[16], «Достоевский и революция», «Достоевский и утопический социализм»[17], «Последнее слово Достоевского о Белинском» (из них были опубликованы только две последние[18]). Также велись протоколы многочисленных заседаний Комиссии в 1924–1929 гг. Остановимся на них подробнее.

По сохранившимся спискам и протоколам заседаний можно установить личности докладчиков и названия докладов. В качестве примера приведем научные сезоны 1924/1925 и 1925/1926 гг. Так, с октября 1924 по октябрь 1925 г. прошли 11 заседаний, на которых выступили с докладами: М.А. Дынник («“Хозяйка” Достоевского и Гоголь»), П.С. Попов («Я и Оно в творчестве Достоевского»), Н.К. Пиксанов («Достоевский о Добролюбове»), В.С. Нечаева («Молодой Достоевский и Бальзак»), Л.П. Гроссман («Достоевский в работе над Бакуниным»), С.Н. Дурылин («К вопросу о литературных источниках романа “Братья Карамазовы”»), И.И. Гливенко («Раскольников в творческой истории “Преступления и наказания”»), А. Глаголев («Журналы Достоевского “Время” и “Эпоха”»), В.Л. Комарович («Заимствованный сюжет в “Братьях Карамазовых”»). На каждом заседании проходили прения по прочитанным докладам, иногда прениям отдавалось все время целиком. Одно из заседаний было посвящено дню рождения писателя — прозвучали вступительное слово П.Н. Сакулина, речь Г.И. Чулкова «Достоевский и Пушкин» и чтение произведений Достоевского артистами МХАТ В.И. Качаловым, В.В. Лужским, И.М. Москвиным[19].

С октября 1925 г. по октябрь 1926 г. Комиссия под руководством Чулкова провела 13 заседаний, на которых выступили с докладами: Ф.Ф. Бережков («Основные линии современного изучения и оценки Достоевского на Западе»), В.С. Нечаева («О посещении Дарового»), В.Г. Сахновский («Достоевский и театр»), Б.Ю. Айхенвальд («Своеволие у Достоевского»), С.Н. Дурылин («К. Леонтьев и Лесков о Достоевском»), В.П. Скворцов («Художник живой жизни»), Ф.Ф. Бережков («Неизданное письмо Достоевского»), И.И. Гливенко («Рукописи “Преступления и наказания”»), Г.Н. Поспелов («Анализ стиля перевода “Евгении Гранде”»), В.С. Нечаева («Введение в анализ стиля

[15] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 691. Л. 34.

[16] РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 185.

[17] РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 173. Одноименная статья.

[18] *Чулков Г.И.* Достоевский и утопический социализм // Каторга и ссылка. 1929. № 2 (51). С. 11–35; № 3 (52). С. 134–151; *Чулков Г.И.* Последнее слово Достоевского о Белинском // Достоевский: сб. ст. / под ред. Г.И. Чулкова. М.: ГАХН, 1928. С. 61–81.

[19] См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 27.

молодого Достоевского (перевод “Евгении Гранде”)»), А.Л. Цейтлин («Массовые сцены у Достоевского»), Г.И. Чулков («Последнее слово Достоевского о Белинском»), С.Н. Дурылин («Об одном символе у Достоевского»), И. Эйгес («Достоевский и Тютчев»), В.Н. Ланина («Опыт привлечения некоторых модификаций психического к характеристике героев “Братьев Карамазовых”»), Н.Ф. Бельчиков («Достоевский и Тургенев»), Г.И. Чулков («Об организации музея при больнице имени Достоевского»). На одном из заседаний 16 ноября 1926 г. был вечер памяти Достоевского. В программе: вступительное слово Чулкова, речь В.Г. Сахновского и чтение произведений Достоевского артистами МХАТ[20].

Более полное представление о характере заседаний Комиссии можно получить по двум опубликованным протоколам № 9 и № 10 за 1925–1926 гг.[21] Обычно в них даются развернутые тезисы докладов и приводятся подробные прения по ним присутствовавших лиц. Состав последних можно установить как по протоколам, так и по явочным листам. Вот далеко не полный перечень: помимо самого Чулкова, — П.П. Перцов, В.В. Вересаев, К.С. Станиславский, А.Ф. Лосев, Ю.Н. Верховский, И.А. Новиков, Г.О. Винокур, Я.О. Зунделович, Г.А. Рачинский, А.К. Горский-Горностаев, Н.К. Пиксанов, Ф.Ф. Бережков, С.Н. Дурылин, В.С. Нечаева, Л.П. Гроссман и десятки других.

Таким образом, в 1924–1930 гг. в ГАХН развивалось то, что, перефразируя Н.А. Богомолова, можно назвать «другим достоевсковедением» по сравнению с окончательно возобладавшим с начала 1930-х гг. марксистско-социологическим подходом к великому писателю, а также с авторитетной в 1920-е гг. «формальной школой». Его представители, становясь «художниками в науке», стремились к «органической поэтике».

В Приложении к статье впервые публикуется по авторизованной машинописи одна из торжественных речей Г.И. Чулкова в честь дня рождения Достоевского. Имеется автограф, написанный в старой орфографии черными чернилами с многочисленными авторскими правками, и три идентичных экземпляра машинописи с одинаковой авторской правкой от руки черными чернилами. В публикацию внесены дополнения из автографа, также по автографу исправлены опечатки и неразборчивые места. Повторы убраны, орфография

[20] См.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 42.

[21] Материалы заседаний Комиссии по изучению Ф.М. Достоевского в ГАХН (подготовила Н.А. Дровалева). URL: https://servekdost.imli.ru/files/attachment/2214.pdf (дата обращения: 26.07.2025).

и пунктуация даны по современным нормам. Подчеркивания и зачеркивания в тексте статьи принадлежат Г.И. Чулкову. Однако в ряде случаев сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации, передающие своеобразие эпохи (итти, коей, варьянты, исповедаемые и проч.). Слово «бог» в машинописи написано со строчной буквы, хотя известно, что именно в 1920-е гг. Чулков стал глубоко верующим православным христианином [10].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Чулков Г.И.
Достоевский и Пушкин[22]

Речь 12 ноября 1924 г. на торжественном заседании
Академии Художественных Наук

В своем слове, посвященном памяти Пушкина, Достоевский сказал, между прочим: «Не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере, не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью»…

Эта мысль, впрочем, высказывалась и другими, например Аполлоном Григорьевым. В самом деле, художник, ежели он хотел итти прямым путем, большаком русской поэзии, не мог пройти мимо Пушкина. Иного пути ему не было. Из этого источника надлежало черпать живую воду, потому что без этой целительной влаги сердце поэта изнемогало в тщетной борьбе с маревами нашей истории и нашего быта.

И сам Достоевский, как художник, утолял свою жажду из того же источника. Его отношение к Пушкину надо рассматривать в двух планах. Первый план — это круг некоторых общих им тем, идей, а иногда и даже поэтических приемов. Второй план — это духовные пути поэтов. Эти пути, такие противоположные, как будто, скрестились на единый миг.

На этом перекрестке надо поставить веху. А ежели позволительно сравнить русскую жизнь с морем, то и встречу Пушкина с Достоевским надлежит ознаменовать эмблемой маяка, ибо этим светом мы пользуемся, как мореплаватели, когда ищем свободного пути среди опасных скал.

[22] РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1). Л. 46–57.

Итак, рассмотрим оба эти плана. Зависимость Достоевского, как художника, от поэзии Пушкина, на первый взгляд, может показаться столь отдаленной, что правомерен даже вопрос: надо ли вообще ставить и обсуждать эту тему?

Влияние на Достоевского таких художников, как Гофман, Гоголь, Бальзак, Диккенс, Виктор Гюго, представляется таким очевидным, что приходится рассуждать лишь о степени этого влияния. Иное дело Пушкин. Легко указать на некоторые приемы повествования, развития интриги, или на типы, скажем, Диккенса, отметив сходство этих приемов и этих типов с таковыми же у Достоевского. И такой сравнительный анализ будет, конечно, плодотворен в пределах формальной науки. Но Пушкин? Его изумительный кларизм; его язык точный, как кристалл; его композиционная стройность; его божественная легкость; его безоблачная солнечность: что общего между ним и Достоевским, в романах которого владычествует загадочный сумрак, — где герой говорит таким же взволнованным языком, как автор, — где не всегда можно найти ключ к композиционному плану, — где ночные люди изнемогают под тяжким бременем грехов и страстей.

Различие этих художественных натур слишком очевидно, и если мы все-таки решаемся искать каких-то общих тем и мотивов в их творчестве, то по причине особой важности.

У других писателей Достоевский учился внешним приемам художества, у Пушкина учился он внутреннему постижению той или иной поэтической темы. Вот почему так трудно взять на учет, если позволительно так выразиться, конгениальность Пушкина и Достоевского.

«Предвестия тем Достоевского в поэзии Пушкина» — это предмет академического исследования, это обширная программа для ученого доклада.

Сегодня у меня иное задание: Я не буду утомлять вашего внимания формальным анализом сюжетных и прочих параллелизмов. Я только позволю себе кратко напомнить некоторые мотивы Пушкинской поэзии, которые нашли в Достоевском нового истолкователя.

Такие мотивы были, несмотря на то, что общий тон Пушкинской живописи совсем не похож на рембрандтовские краски Достоевского.

Рассматривая второй план отношений этих великанов нашей художественной литературы, я вернусь еще раз к той теме, а пока не стану предрешать выводов из наших наблюдений.

Итак — вот факты. Исследователи указывали на них. Вглядимся пристально в героя «Пиковой Дамы». Разве этот безумец

и мечтатель, загипнотизированный одной идеей, и, как сомнамбула, против своей воли влекущийся к убийственному поединку с судьбою, — разве этот пасынок петербургского ампира в иных личинах не возник чудотворно в романах Достоевского? Конечно, здесь речь идет не о простом повторении типа, даже не о новой его метаморфозе, а лишь о каком-то воспоминании, однако настолько властном, что оно заставляет сердце биться чаще, как это бывает при встрече с человеком, которого считал погибшим, мертвецом, — и вдруг видишь живым. В Пушкинском Германне есть уже предчувствие Раскольникова, с его навязчивой идеей. И старуха-графиня, которой открыл тайну трех карт Сен-Жермен, так же определяет судьбу Германна, как старуха-процентщица судьбу Раскольникова. А разве игра Германна с Чекалинским не напоминает игры подростка в одном из петербургских игорных домов или знаменитых сцен из повести «Игрок»? Но не это важно. Разительно сходство той петербургской атмосферы, в которой живет Германн, с тем туманом, которым дышат Раскольников и прочие петербургские герои Достоевского.

В повести «Гробовщик» действие происходит в Москве, но персонажи этой гофманиады очень напоминают «маски» Достоевского, которые появляются у него где-нибудь на Гороховой, в петербургской распивочной, где в хмельном монологе какого-нибудь фантастического чиновника или ремесленника можно расслышать тончайшую диалектику самого Достоевского.

А «Египетские ночи» — повесть, в замысле коей у Пушкина было явное намерение перенести тему древнего мира в нашу современность? «Карамазовщина» Достоевского не есть ли развитие той же пушкинской темы? Духовные потомки воспетой Пушкиным египетской царицы — герои Достоевского, «в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием пауковой самки, съедающей своего самца»…

Наконец галерея богоборцев Достоевского — все эти Раскольниковы, Иваны Карамазовы, Ставрогины — все их вопросы, требования и сомнения — все это предвосхитил Пушкин в своем трагическом театре. Так, трагедия творчества и таланта — «Моцарт и Сальери» — начинается словами богоборца:

Все говорят: нет правды на земле,
Но правды нет и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.

В «Скупом» и в «Каменном госте» все та же тема, все тот же спор с богом. В чем пафос «Скупого»?

Это пафос бунта, пафос самоопределяющегося человека, стремящегося стать сверхчеловеком без бога, без его благодатной свободы. Это все та же гордая личность, извечное «Я», мечтающее себя поставить во главу угла.

Пушкинский рыцарь не потому — скупой, что он жаждет богатства, как скряга, а потому что в нем есть духовная скупость: ему, рыцарю с головы до ног, готовому всегда старый меч «рукой дрожащей обнажить», невместно быть рабом золота. Он не меценат, не буржуа. Золото ему нужно как средство, как орудие. А цель — власть, гордыня власти, его уединенное «Я».

Что не подвластно мне? Как некий демон
Отселе править миром я могу…

На что ему золото? Пушкинский «Скупой» едва ли вовсе не бескорыстен. Прислушайтесь к его признаниям:

Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен:
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья…

«Подросток» Достоевского рассуждает совершенно так же, как пушкинский «Скупой»: «В том-то и “идея” моя, — признается он, — в том-то и сила ее, что деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество».

«Мне не нужно денег, или, лучше, мне не деньги нужны, даже и не могущество; мне нужно лишь то, что приобретается могуществом, и чего никак нельзя приобрести без могущества: это уединенное и спокойное сознание силы!»

Вся пятая глава первой части «Подростка» посвящена этой теме, и Достоевский даже влагает в уста своего героя Пушкинские слова:

…с меня довольно
Сего сознанья…

И Подросток, и Скупой рыцарь — в сущности, бескорыстны.

Так бескорыстен и Сальери. Он не ревнует к славе Моцарта. Ему важно иное. Он требует отчета у бога. Ему одному предъявляет

он свой счет, свой вексель, когда незримый должник, по мнению бунтаря, расточает дары, предназначенные ему, Сальери, за его уединенный и страшный подвиг труда.

…О, небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений, послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного.

Так бескорыстен и Дон Гуан. Поцелуи Донны-Анны ему нужны не потому, что он, всегдашний обольститель, еще не сыт страстью, а потому, что он, Дон Жуан, соперничает с таинственною неведомою силою, которая стоит преградою между ним, дерзающим искателем неизведанной и загадочной любви, и тем, другим, мертвецом, на чьей стороне какой-то неизвестный закон, какой-то грозный запрет. И потому только звучит трагически ужасная шутка Дон Жуана:

Я, командор, прошу тебя притти
К твоей вдове, где завтра буду я…

Но какова развязка Пушкинской трагедии? Дон Жуан погибает, ибо пред ним раскрылась могила, на тайну и право которой он посягнул.

Скупой бросает перчатку своему сыну, «безумному расточителю», ибо ему нанесли оскорбление как рыцарю. И хотя поединок не состоялся, ему, оскорбленному, жить уж не имеет смысла. Он умирает.

Погибает и Сальери — морально и внутренне. Он погибает потому, что Моцарт уносит с собою в могилу тайну гения:

…Ты заснешь
Надолго, Моцарт… Но ужель он прав,
И я не гений. Гений и злодейство
Две вещи несовместные…

Итак, какой же смысл демонического опыта Скупого, Сальери и Дон Жуана — что это такое? Бесплодное и соблазнительное горение духа или это великое испытание, за коим следует духов-

ное освобождение и очищение? Владеют ли нами слепые страсти до конца, или у нас в душе есть какая-то иная правда, за которую стоит пожертвовать всем и жизнью даже, если того потребует судьба.

Ответ на этот вопрос дал Достоевский в своей Публичной речи в 1880 году, да и сам Пушкин недвусмысленно ответил на него в «Пире во время чумы», <~~где посредственную драматическую поэму Вильсона он вознес на высоту гениального творения~~.>[23]

Здесь уже целиком предугадана тема Достоевского, вечный конфликт между пирующим миром и нашей совестью. В самом деле, старец Зосима, Алеша Карамазов или загадочный князь Мышкин — каждый из них может сказать, обращаясь к хмельным безумцам словами Пушкина:

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертию распространенной…

И далее:

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души…

Пушкин — великая страна. Дивное солнце сияет в этом многообразном мире. Злаки и цветы, благоухая, тянутся к слепительным лучам. И нас в Пушкине прежде всего поражает этот ликующий свет. Откуда он? Достоевский утверждал, что источник этого пушкинского света — в великой нравственной идее, в нем заключенной. Эта нравственная идея не была в Пушкине отвлеченным началом. Она была — живая реальность. Тому доказательство — образ Татьяны.

Сегодня я не буду останавливаться на этой мысли. Она достаточно развита и обоснована в Пушкинской речи Достоевского, всем известной.

[23] Восстановлено по автографу. РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1). Л. 29.

Но вот что примечательно: сам Достоевский как мыслитель принял безоговорочно нравственный идеал Пушкина, но как художник, он прежде всего приник не к ясным и дневным темам его поэзии, а к иным темам, ночным и темным, к его мечтаниям, думам и гаданиям, которые тайно терзали сердце поэта.

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю…

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!

Вот это признание Пушкина — стало лейтмотивом всего творчества Достоевского.

Здесь уже приходится перейти к рассмотрению касаний Пушкина и Достоевского во втором плане. Здесь художество и поэзия переплеснулись в жизнь, надо представлять себе Пушкина и Достоевского не как великих писателей, а как необычайных людей, чья судьба связана с судьбою народа и, значит, всех нас.

Как не похожи они друг на друга, эти люди, Пушкин и Достоевский! Но как они внутренне связаны и как они друг друга дополняют!

Пушкин — апофеоз русского ампира, певец Петра Великого, завершитель Александровской культуры, свидетель мощи, правда уже призрачной, Николаевской монархии. Он был венцом и славою российской державы. Он монументален и незыблем.

Тысячелетняя история великого народа, с ее тремя культурными периодами, нашла свое достойное завершение в гении Пушкина.

Иная судьба Достоевского. Он пришел в эпоху, когда самодержавная монархия дрогнула в самом основании.

И Пушкин, и Достоевский — символичны. На свитках истории они как надписи, огненными иероглифами начертанные. Прочесть их — это значит понять смысл истории.

Представьте себе вечер у петрашевцев. Несмотря на разнообразие настроений и взглядов тогдашних социалистов, увлекавшихся Фурье, перед всеми с одинаковой остротой возникал вопрос о ближайшей преграде к осуществлению[24] политических и социальных чаяний — вопрос о крепостном праве. Представьте себе Федора

[24] Исправлено по автографу. РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1). Л. 33.

Михайловича Достоевского. Ему двадцать семь лет. Он читает «Деревню» Пушкина. Читает он, по свидетельству очевидцев, как-то особенно — с какой-то странной страстью, заражая слушателей своим волнением, скандируя стихи нараспев, мудро храня все особенности ритма.

Представьте себе, как должен был тогда звучать этот голос и эти Пушкинские стихи:

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца;
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

И далее:

Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя…

Кто-то спрашивает:

— Ну, а если бы освободить крестьян оказалось невозможным, иначе, как через восстание?

Тогда Достоевский, бледнея и стукнув кулаком по столу, крикнул: — Так хотя бы через восстание!

Величавый Пушкин, в его аполлоновском свете, с его чудотворною гармонией, тотчас исчезает, становится историей, былым великолепием…

А живая действительность была вот какая.

Двадцать третьего апреля 1849 года Достоевский воротился домой после одного собрания в четвертом часу ночи, лег спать и тотчас же заснул. Потом, сквозь сон, он услышал, как брякнула сабля. Он привстал.

— Что случилось?

— По повелению…

Федора Михайловича Достоевского, смущавшего товарищей своей верой во Христа, народолюбца и патриота, отвезли в крепость.

В нумере «Русского инвалида» от 22 декабря 1849 года напечатано было следующее: «Пагубные учения, породившие смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожале-

нию, в некоторой степени и в нашем отечестве»… «Горсть людей, совершенно ничтожных, большею частью молодых и безнравственных, мечтали о возможности попрать священнейшие права религии, закона и собственности»…

Спустя двадцать пять лет Достоевский, полемизируя с «Русским миром», снова заявил твердо о нравственном достоинстве петрашевцев. Но тогда было не до полемики. Тогда были крепость, а потом Семеновский плац. День был морозный. На эшафот взошел аудитор и прочел приговор: «приговорены к смертной казни расстрелянием»… Приговоренных привязали к столбам. Взвод солдат взял ружья на прицел.

Достоевский в эти мгновения упорно смотрел на золотой купол Семеновской церкви, где горели яркие солнечные лучи. «Ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он через какие-нибудь три минуты сольется с ними». Что если бы не умереть! Что если бы воротить жизнь! Какая бесконечность!

Но вот махнули платком, ударили отбой. «Его Императорское величество дарует жизнь»…

«Зачем такое ругательство, безобразное[25], ненужное, напрасное?... — спрашивает один из героев романа Достоевского. — Нет, с человеком так нельзя поступать».

После такого опыта можно или сойти с ума, как это случилось с одним из приговоренных, или, напротив, духовно прозреть: это случилось с Достоевским.

Воистину он мог сказать, как пушкинский «Пророк»:

И внял я неба содроганье
И горний ангелов полет…

Достоевский принял последнее посвящение, предвосхитил смерть, «лежал в пустыне как труп», чтобы в урочный час восстать, повинуясь высшей воле, дабы глаголом жечь сердца людей.

То, что было у Пушкина подспудным — начало пророческое — в Достоевском стало явным. Свои прозрения Пушкин подчинил норме и закону. Пушкин хотел «свободной душой закон боготворить». И даже революционный «кинжал», по мысли поэта, уместен лишь там, где «дремлет лик закона», там, где «главою поник закон».

Достоевский, напротив, колеблет закон и расторгает всякие нормы, ибо он пророчествует. Пушкинская Россия была позади его, но

[25] Исправлено по автографу. РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 172 (1). Л. 36.

эта Россия оставила великое наследие. Достоевский закончил свою Пушкинскую речь словами: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот, мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Какую же тайну завещал нам Пушкин?

Достоевский думал, что поэт завещал нам правду о всечеловеке, правду о всемирности. Не в сознании Пушкина, не в идее его была эта правда о всемирности, а в самом факте его бытия, в гениальной отзывчивости его на все сердца, на зовы всех культур и всех наций.

Весь пафос Достоевского в этой вере во всемирное.

Но гений Достоевского не был отвлеченным гением. Достоевский был — по его собственному признанию — «реалистом в высшем смысле». Поэтому идея всемирности у него нашла себе выражение в правде о земле, земле живой и в существе своем святой — той земле, которую целовал Алеша после кончины старца Зосимы, рыдая, и которую клялся любить вовеки веков.

Над ним тогда необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною. «О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и не стыдился исступления сего»… «Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом»…

Таким бойцом был и сам Достоевский, рыцарем, как благороднейший и мудрейший Дон-Кихот, как князь Мышкин, кому трезвые буржуа со злорадством дали прозвище идиота.

Он имел одно виденье
Непостижное уму…

Достоевский увидел в пушкинской поэзии реальный залог всемирного братства, какого-то чудесного единения всего человечества. Но Достоевский также прекрасно понимал, что это желанное единство еще не наступило, что весь мир во вражде, расколе, противоречиях. Единство человечества предполагает в нем некую живую и единую душу, некую Психею. Но эта Психея пока лишь пленница, несчастная узница, оскорбленная и обреченная на гибель. Но она должна воскреснуть… Такова была его вера.

Достоевский, подобно демиургу, мыслил вещами. Поэтому его Психея была для него не только идеей, но воплощалась в земных личинах.

Так явилась она в странном обличии Настасьи Филипповны.

Как страшно было лицо этой Настасьи Филипповны и как пленительно вместе с тем! Эта ослепляющая красота бледного лица была невыносима. Таинственная красота! И в самом деле, красота этого лица была так ослепительна и так невыносима, что некто не выдержал и закрыл его, чтобы уже никто не видел этих страдающих глаз. Закрыть это лицо выпало на долю Рогожина. Припомните, как это было.

Рогожин ввел князя в спальню. На постели кто-то спал, «совершенно неподвижным сном». Спавший был закрыт с головой белой простыней. «В ногах сбиты были в комок какие-то кружева, и, выглядывая из-под простыни, обозначался кончик обнаженной ноги; он ужасно был неподвижен»…

«В комнате было тихо. Вдруг зажужжала проснувшаяся муха и пронеслась над кроватью. Князь и Рогожин вышли из спальни.

— Стой, слышишь? — прошептал Рогожин: — Слышишь?

— Нет! — с испугом сказал князь.

— Ходит. Слышишь?

Оба стали слушать.

— Слышу, — пробормотал князь».

Так и мы все, как этот убийца и его странный друг и соперник, прислушиваемся теперь к безмолвию ночного сумрака. Мы думаем, что за соседней стеной никого живого нет, что кто-то убил ту, чья красота была ослепительна и невыносима, и все же мы с мучительным страхом вглядываемся в тяжелую и неподвижную дверь. Мы знаем, что одно трепетное движение нашей души — и беззвучно отворится дверь и станет на пороге та, которую мы сами убили, как убил Рогожин, в гневе и в страсти.

Итак, все творчество Достоевского — один пророческий вопль о том, что человечество должно быть едино, что оно должно преодолеть все противоречия, весь мучительный ущерб свой и, наконец, страшную крестную смерть для того, чтобы воскреснуть в новом единстве. Тогда мир найдет, наконец, утраченную им Психею.

Так верил Достоевский. В этой своей вере — я должен повторить это — Достоевский был истинным Дон-Кихотом, то есть рыцарем с головы до ног. И, как настоящий рыцарь, он должен был столкнуться с мещанским миром, которому, конечно, не было никакого дела до Психеи.

Ни Пушкину, ни Достоевскому так называемое общество не могло простить их гениальности.

Вовлеченный в борьбу, Достоевский стал последовательным и непримиримым врагом буржуазного мира.

Но что он разумел под буржуазностью? Он разумел под ней самодовольное и ограниченное приятие этого мира, с его слепою косностью, алчностью, лицемерием, предательством, компромиссами и бездушием.

Буржуа тот, кто полагает предел человеку в корыстном владении земными материальными благами, кто ограничивает человека ближайшими и внешними целями, кто не чувствует ответственности за все и за всех, кто не видит в истории трагедии и не понимает Голгофы.

Буржуа всех типов и категорий ненавидели и боялись Достоевского. Они чувствовали и чувствуют, что он обладает какой-то наиреальнейшею правдою, таинственною и недоступною для них. А ведь люди все прощают, кроме того, что пугает их своею непонятностью. Мещане всему знают границу. Для них весь мир арифметика. А Достоевский (в письме к Майкову в 1867 году) признавался: «Везде-то и во всем я до последнего предела доходил, всю жизнь за черту переходил».

Как такого человека вместить в буржуазную арифметику!

Достоевский думал, что русскому человеку свойственна по преимуществу мечта о всемирности, о братстве народов, о единении всего человечества. Наблюдая западноевропейскую жизнь, он видел в ней начала, противоборствующие идее всемирности. И он метал молнии своего гнева, иронии и презрения против этих европейских буржуа. Достоевскому казалось, что его тема непонятна им. Однако в 1877 году он писал о буржуа: «В последнее время они что-то даже поняли. Они поняли, что мы чего-то хотим, чего-то им страшного и опасного»…

Достоевский пророчествовал, что буржуазное общество поплатится в недалеком будущем за свое духовное ничтожество, за свое самодовольное безбожие. Готовится возмездие.

Правопорядок сам по себе, лишенный духовного содержания — по мысли Достоевского, — не может быть прочным. Всегда может грянуть «красный бунт». А бунтари «прежде всего ищут своего дела, т. е. торжества четвертого сословия и равенства в распределении прав в пользовании благами жизни, а под какими знаменами — это уж как там придется, все равно»… (1877).

За год до своей смерти Достоевский писал: «Грядет четвертое сословие, стучится и ломится в дверь, и, если ему не отворят, сломает дверь. Не хочет оно прежних идеалов, отвергает всяк доселе бывший

закон. На компромиссы, на уступки не пойдет, подпорочками не спасете здания. Уступочки только разжигают, а оно хочет всего. Наступит нечто такое, что никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедаемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, все это рухнет в один миг и бесследно»…

Такое возмездие пророчит мещанскому порядку Достоевский. Обсуждать по существу это пророчество мы сейчас не можем. Это выходит за пределы нашего сегодняшнего задания.

Впрочем, разрешите, заканчивая мое слово, напомнить вам, что значение всякого пророчества не в предсказывании внешних событий и точных сроков, а в той внутренней силе, которая опаляет сердца и души и очищает их, как огонь.

Литература

1. *Богданова О.А.* Г.И. Чулков — биограф Ф.М. Достоевского // *Чулков Г.И.* Жизнь Достоевского / сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. О.А. Богдановой. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 4–31.

2. *Богданова О.А.* Петербург Достоевского в повести Г.И. Чулкова «Осенние туманы» (1916) // Ф.М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX – первой трети XX в. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 98–115.

3. *Богданова О.А.* Эволюция концепта «земля» в работах Г.И. Чулкова о Ф.М. Достоевском // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 317–330.

4. *Богомолов Н.А.* Другое литературоведение: занятия подсекции истории русской литературы ГАХН 1925–1929 // Русская литература и философия: пути взаимодействия / отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 461–474.

5. *Грякалова Н.Ю.* Тайная свобода «последнего символиста»: Георгий Чулков в 1930-е годы // *Грякалова Н.Ю.* Человек модерна: биография — рефлексия — письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 149–167.

6. *Дмитриев А.* Литературоведение в ГАХН между философией, поэтикой и социологией // Логос. 2010. № 2 (75). С. 105–121.

7. *Михайлова М.В.* «Бесы» Ф.М. Достоевского в художественном освоении и теоретическом осмыслении Г.И. Чулкова // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации / отв. ред. А.А. и Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2013. С. 278–292.

8. *Михайлова М.В.* Г.И. Чулков и Ф.М. Достоевский // Достоевский и мировая культура: альманах. М.: Раритет; Классика плюс, 1999. Вып. 12. С. 193–201.

9. *Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество // *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 219–562.

10. Переписка Г.И. Чулкова — Н.Г. Чулковой 1901–1938 гг. // *Рампаццо К.* Г.И. Чулков: проблемы научной биографии писателя с 1879 г. до Октябрьской революции (на материале неизданной семейной переписки 1901–1938 гг.): дис. … д-ра

филологии. Падуя, 2022. С. 373–814. URL: https://www.v-ivanov.it/files/4/4_rampacco.chulkov.disertaciya.pdf (дата обращения: 26.07.2025).

11. *Римонди Дж.* А.Ф. Лосев о Ф.М. Достоевском. О деятельности Лосева в литературной секции ГАХН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 89–102.

Research Article and Publication of Archival Documents

Georgy Chulkov and the Commission for the Study of Dostoevsky in the GAKhN

© 2025. Olga A. Bogdanova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract: The article considers a little-known stage in the history of Fyodor Dostoevsky studies, particularly the activities of the special Commission at the State Academy of Art Sciences (GAKhN) under the leadership of Georgy Chulkov from 1924 to 1930. Chulkov was a symbolist writer in the 1900s and 1910s, and a philologist and literary critic in the 1920s, who combined two epochs of mastering Dostoevsky's legacy: religious-philosophical, which clarified the writer's worldview, and scientific-philological, which dealt with his poetics, textual criticism, and editorship. The article shows that Chulkov, as an "artist in science" (with a deep understanding of creative psychology, artistry, and elegance of style), created another manner of Dostoevsky studies within the framework of the GAKhN compared to both the official Marxist-sociological approach and the authoritative formal school in the 1920s, attracting numerous followers to it. Another methodological basis of Dostoevsky studies was the organic poetics common to the entire GAKhN as a desire for a holistic analysis of the work born of the author's soul. After the liquidation of the GAKhN in 1930–1931, the ideal of an "artist in science" and organic poetics had disappeared from Soviet Dostoevsky studies for decades. The article relies on archival documents. The appendix contains for the first time published Chulkov's speech "Dostoevsky and Pushkin" (1924).

Keywords: G.I. Chulkov, F.M. Dostoevsky, Dostoevsky studies, 1920s, GAKhN, "organic poetics," "artist in science," archival materials, speech "Dostoevsky and Pushkin."

Information about the author: O.A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7004-498X

E-mail: olgabogda@yandex.ru

For citation: Bogdanova Olga A. "Georgy Chulkov and the Commission for the Study of Dostoevsky in the GAKhN." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 471–496. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-471-496

References

1. Bogdanova, O.A. “G.I. Chulkov — biograf F.M. Dostoevskogo” [“G.I. Chulkov as a Biographer of F.M. Dostoevsky”]. Chulkov, G.I. *Zhizn’ Dostoevskogo* [*The Life of Dostoevsky*], ed. by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 4–31. (In Russ.)

2. Bogdanova, O.A. “Peterburg Dostoevskogo v povesti G.I. Chulkova ‘Osennie tumany’ (1916)” [“Dostoevsky’s Petersburg in G.I. Chulkov’s Novel ‘Autumn Mists’ (1916)”]. *F.M. Dostoevskii v literaturnykh i arkhivnykh istochnikakh kontsa XIX – pervoi treti XX v.* [*F.M. Dostoevsky in Literary and Archival Sources of the Late 19th – First Third of the 20th Century*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 98–115. (In Russ.)

3. Bogdanova, O.A. “Evoliutsiia kontsepta ‘zemlia’ v rabotakh G.I. Chulkova o F.M. Dostoevskom” [“The Evolution of the Concept of ‘Earth’ in G.I. Chulkov’s Works About F.M. Dostoevsky”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, issue 13, 2015, pp. 317–330. (In Russ.)

4. Bogomolov, N.A. “Drugoe literaturovedenie: zaniatiia podsektsii istorii russkoi literatury GAKhN 1925–1929” [“Another Literary Studies: Classes in the Subsection of the History of Russian Literature of the GAKhN, 1925–1929”]. Takho-Godi, E.A., editor. *Russkaia literatura i filosofiia: puti vzaimodeistviia* [*Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction*]. Moscow, Vodolei Publ., 2018, pp. 461–474. (In Russ.)

5. Griakalova, N.Iu. “Tainaia svoboda ‘poslednego simvolista’: Georgii Chulkov v 1930-e gody” [“The Secret Freedom of the ‘Last Symbolist’: Georgy Chulkov in the 1930s”]. Griakalova, N.Iu. *Chelovek moderna: biografiia — refleksiia — pis’mo* [*Man of Modernity: Biography, Reflection, Writing*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008, pp. 149–167. (In Russ.)

6. Dmitriev, A. “Literaturovedenie v GAKhN mezhdu filosofiei, poetikoi i sotsiologiei” [“Literary Criticism in the GAKhN Between Philosophy, Poetics and Sociology”]. *Logos*, no. 2 (75), 2010, pp. 105–121. (In Russ.)

7. Mikhailova, M.V. “‘Besy’ F.M. Dostoevskogo v khudozhestvennom osvoenii i teoreticheskom osmyslenii G.I. Chulkova” [“F.M. Dostoevsky’s ‘Demons’ in the Artistic Development and Theoretical Understanding of G.I. Chulkov”]. Takho-Godi, A.A., and E.A. Takho-Godi, editors. *F.M. Dostoevskii i kul’tura Serebrianogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [*F.M. Dostoevsky and the Culture of the Silver Age: Traditions, Interpretations, Transformations*]. Moscow, Vodolei Publ., 2013, pp. 278–292. (In Russ.)

8. Mikhailova, M.V. “G.I. Chulkov i F.M. Dostoevskii” [“G.I. Chulkov and F.M. Dostoevsky”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura: al’manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*], issue 12. Moscow, Raritet Publ., Klassika plius Publ., 1999, pp. 193–201. (In Russ.)

9. Mochul’skii, K.V. “Dostoevskii. Zhizn’ i tvorchestvo” [“Dostoevsky. Life and Creative Work”]. Mochul’skii, K.V. *Gogol’. Solov’ev. Dostoevskii* [*Gogol. Solovyov. Dostoevsky*]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 219–562. (In Russ.)

10. “Perepiska G.I. Chulkova — N.G. Chulkovoi 1901–1938 gg.” [“Correspondence Between G.I. Chulkov and N.G. Chulkova in 1901–1938”]. Rampatstso, K. *G.I. Chulkov: problemy nauchnoi biografii pisatelia s 1879 g. do Oktiabr’skoi revoliutsii (na materiale neizdannoi semeinoi perepiski 1901–1938 gg.)* [*Chulkov: Issues of the Writer’s Scientific Biography from 1879 to the October Revolution (Based on Unpublished*

Family Correspondence, 1901–1938): PhD Dissertation]. Padova, 2022, pp. 373–814. Available at: https://www.v-ivanov.it/files/4/4_rampacco.chulkov.disertaciya.pdf (Accessed 26 August 2025). (In Russ.)

11. Rimondi, Dzh. "A.F. Losev o F.M. Dostoevskom. O deiatel'nosti Loseva v literaturnoi sektsii GAKhN" ["A.F. Losev on F.M. Dostoevsky. About Losev's Activities in the Literary Section of the GAKhN"]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Filosofiia*, vol. 25, no. 1, 2021, pp. 89–102. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.08.2025
Одобрена после рецензирования: 22.09.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 01.08.2025
Approved after reviewing: 22.09.2025
Date of publication: 25.12.2025

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-497-507
https://elibrary.ru/TSDRYK

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Александр Парнис — исследователь Хлебникова. К 60-летию литературной деятельности

© 2025, Хенрик Баран
Университет штата Нью-Йорк в Олбани

Аннотация: В конце 2025 года исполняется шестьдесят лет с появления первой публикации А.Е. Парниса о Велимире Хлебникове (1885–1922). Настоящая статья представляет собой обзор многосторонней работы А. Парниса над биографией и творческим наследием поэта-футуриста, уникального вклада в хлебниковедение. Отмечены деятельность исследователя по выявлению рукописей и документов (в том числе материалов востоковеда Р.П. Абиха, товарища поэта по Ирану), по собиранию и публикации воспоминаний современников поэта, по истолкованию отдельных произведений, по прояснению различных «темных мест» в биографии Хлебникова, по раскрытию связей его творчества с ранним русским авангардом и культурой начала XX в. в целом. Важной вехой деятельности А. Парниса был подготовленный им вместе с В.П. Григорьевым сборник «Творения» (1986) — именно благодаря этому изданию, вышедшему массовым тиражом, Хлебников стал впервые доступен широкой читательской аудитории. Другим важным вкладом в развитие науки о Хлебникове был подготовленный им совместно с Вяч.Вс. Ивановым и З.С. Паперным обстоятельный том «Мир Велимира Хлебникова» (2000), включивший как примеры откликов современников поэта на его творчество, так и широкий спектр современных российских и иностранных исследований.

Ключевые слова: Велимир Хлебников, хлебниковедение, А.Е. Парнис, Н.Л. Степанов, Н.И. Харджиев, Р.О. Якобсон, В.Ф. Марков, Вяч.Вс. Иванов, В.П. Григорьев, Р.П. Абих

Информация об авторе: Хенрик Баран — заслуженный профессор (Professor Emeritus), Университет штата Нью-Йорк в Олбани, Dept. of Languages, Literatures, and Cultures, University at Albany, 1400 Washington Ave., Albany, 12222 NY, USA.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4306-3522

E-mail: hbaran2@gmail.com; hbaran@albany.edu

Для цитирования: *Баран Х.* Александр Парнис — исследователь Хлебникова. К 60-летию литературной деятельности // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 497–507. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-497-507

Александр Парнис. Фото 2018 г.
Aleksandr Parnis in 2018

Трудно найти филолога, который на протяжении шестидесяти лет остался верен одной, магистральной теме. Но именно это и есть случай Александра Ефимовича Парниса, который в первой половине 1960-х гг. разыскал и уговорил малоизвестную поэтессу и танцовщицу Екатерину Неймаер написать о своих встречах с Велимиром Хлебниковым. Публикация ее воспоминаний о поэте, появившаяся в киевском журнале «Радуга» в ноябре 1965 г., положила начало пути в науке Александра Парниса, моего соавтора и друга.

При жизни Хлебников — глава группы «Гилея», Председатель Земного шара, Будетлянин — поражал своих соратников как смелостью своих поэтических новаций, своей устремленностью в «родину творчества — будущее», так и своей оторванностью от быта, в значительной мере способствовавшей мифологизации его биографии. В 1913 г. в одной из своих заметок поэт требовал «расширения пределов русской словесности»; А. Парнис, как бы подхватив этот лозунг, больше шестидесяти лет занимается «расширением пределов» науки о Хлебникове: поиском рукописей и документов, собиранием воспоминаний современников, истолкованием отдельных произведений, порой действительно герметичных, а порой прослывших таковыми по дурной традиции, прояснением многочисленных «темных мест» в биографии поэта, восстановлением различных сторон участия Хлебникова в раннем русском авангарде, а также его взаимодействия с литературно-художественной элитой начала XX века. «Остров Хлебникова», первый том его избранных работ о поэте, должен появиться в ближайшее время.

В каком состоянии находилось хлебниковедение в 1960 г. (тогда, кажется, не было этого термина), когда молодой киевлянин Саша Парнис открыл для себя поэта, терпимого в русской советской литературе из-за его близости к Маяковскому, но, тем не менее, вытесненного на ее обочину? Оно зиждилось на двух довоенных изданиях: «Собрании произведений» (СП), подготовленном Юрием Тыняновым и Николаем Степановым[1], и «Неизданных произведениях» (НП), составленных Николаем Харджиевым и Теодором Грицем[2]. В пятитомник вошел основной корпус произведений Хлебникова, как опубликованных при его жизни, так и извлеченных из его неизданных беловых и черновых рукописей. Несмотря на весьма скудный научный аппарат этого издания и общую установку на изоляцию поэта от футуризма, к нему на протяжении десятилетий обращались читатели, а также те немногие исследователи, рискнувшие отправиться, по определению итальянского слависта Анджело Рипеллино, в глубь «материка Хлебникова». Составители НП не только значительно дополнили корпус текстов Хлебникова, но и, благодаря обширнейшим комментариям, вписали творчество и биографию поэта в контекст литературы и искусства начала XX века, тем самым заполняя многие лакуны пятитомника. К сожалению, дальнейшего существенного развития работа Н. Харджиева и Т. Грица не получила, а со временем СП и НП стали библиографической редкостью[3].

Отдельных работ о Хлебникове было крайне мало. До сих пор свою ценность сохранили вышедшие в 1920-х – 1930-х гг. небольшая монография Романа Якобсона[4], статьи Григория Винокура[5], Юрия Тынянова[6] и Дмитрия Святополка-Мирского[7]. Внимания заслуживает критическая рецензия Харджиева и Тренина на СП[8], а также

[1] *Хлебников В.* Собр. произведений: в 5 т. / под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928–1933.

[2] *Хлебников В.* Неизданные произведения / ред. и коммент. Н. Харджиева и Т. Грица. М.: ГИХЛ, 1940. 492 с.

[3] Н. Степанов также подготовил несколько других изданий Хлебникова: Избранные стихотворения. М., 1936; Стихотворения. Л., 1940; Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С последнего сборника, вышедшего в малой серии «Библиотеки поэта», по словам А. Парниса, «все началось» [14, с. 16]. См. там же библиографию А. Парниса.

[4] *Якобсон Р.* Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Прага: Тип. «Политика», 1921. 68 с.

[5] *Винокур Г.* О Хлебникове // Русский современник. 1924. № 4. С. 222–226.

[6] *Тынянов Ю.* О Хлебникове // *Хлебников В.* Собр. произведений: в 5 т. / под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928. Т. 1. С. 17–30.

[7] *Святополк-Мирский Д.* Хлебников. † 1922 // Версты (Париж). 1928. № 3. С. 144–146.

[8] *Харджиев Н.*, *Тренин В.* Ретушированный Хлебников // Литературный критик. 1933. № 6. С. 142–150.

небезынтересная статья Виктора Гофмана[9]. Эталоном науки о Хлебникове, на который долго равнялись начинающие хлебниковеды, являлись комментарии в НП, многие из которых представляли собой небольшие, но цельные историко-литературные наброски. Однако впоследствии в творчестве Харджиева стали преобладать другие темы, особенно — Маяковский, а его отдельные публикации о Хлебникове, начавшиеся во второй половине 1960-х гг. и выходившие то за границей, то в России[10], уступали работам довоенного времени.

Ситуация меняется в шестидесятые годы, в первую очередь благодаря литературоведу и поэту Владимиру Маркову (1920–2013). Бывший ленинградец, после окончания войны оказавшийся в Западной Германии, а оттуда перебравшийся в Америку, в 1957 г. окончил аспирантуру Калифорнийского университета в Беркли и стал профессором Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Интерес Маркова к футуризму определился рано[11] и побудил его написать диссертацию о поэмах Хлебникова: в ней он попытался проанализировать и объяснить все произведения, принадлежавшие к данному жанру и реконструировать биографию Хлебникова в рамках культуры Серебряного века[12]. Спустя несколько лет после выхода его книги о Хлебникове Марков публикует первую историю русского футуризма[13]; естественно, главе будетлян в ней было отведено место, соответствующее его роли в становлении литературного авангарда.

Во второй половине шестидесятых годов выходит важнейшая хлебниковедческая работа Вячеслава Всеволодовича Иванова о стихотворении «Меня проносят на слоновых...»[14]. В этой статье — образце структурного анализа — ученый, один из ведущих представителей Московско-Тартуской школы, раскрыл роль индийской миниатюры

[9] *Гофман В.* Языковое новаторство Хлебникова // Звезда. 1935. № 6. С. 209–236. Перепеч.: *Гофман В.* Язык литературы. Л.: ГИХЛ, 1936. С. 185–241.

[10] *Харджиев Н.* Маяковский и Хлебников // To Honor Roman Jakobson. The Hague; Paris: Mouton, 1967. Vol. 3. P. 2301–2327; *Харджиев Н., Тренин В.* Поэтическая культура Маяковского. М.: Искусство, 1970. С. 96–126; *Харджиев Н.* Новое о Велимире Хлебникове [пятнадцать заметок] // Russian Literature (Amsterdam). 1975. № 9 (частичная перепечатка: *Харджиев Н.* Новое о Велимире Хлебникове // День поэзии 1975. М., 1975). Перепеч.: [15, т. 2].

[11] *Марков В.* О Хлебникове: Попытка апологии и сопротивления // Грани. 1954. № 22. С. 126–145. Перепеч.: [6, с. 170–213].

[12] Диссертация была опубликована: *Markov V.* The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1962. 273 p.

[13] *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1968; [5].

[14] *Иванов Вяч.Вс.* Структура стихотворения Хлебникова «Меня проносят на слоновых...» // Труды по знаковым системам. III. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1967. С. 156–171. Перепеч.: [12, с. 245–257].

бога Вишну как ключа к осмыслению поэтического текста. Тем самым Иванов подтвердил, что изучение интертекстуальных связей в произведениях Хлебникова обещает быть перспективным, а заодно и опроверг укоренившиеся представления о заведомо непонятном, «заумном» характере его творческого наследия.

Одновременно с книгами Маркова и статьей Иванова появляются первые публикации А. Парниса, с которых начинаются три основных направления его хлебниковедческих трудов. Упомянутая выше публикация воспоминаний Екатерины Неймаер — начальный результат его работы по собиранию свидетельств современников, соратников, друзей и знакомых Хлебникова[15]. Статья «Сберечь дом поэта»[16] — первая из многих попыток установить точные факты биографии поэта, имя которого было окружено анекдотами, легендами и мистификациями; через несколько лет последует ряд статей о подлинном месте рождения Хлебникова[17]. Отметим, что поиск достоверных биографических сведений связан со стремлением исследователя увековечить память о поэте, возбудить интерес к нему в тех местах, с которыми он был связан, и, естественно, вызвать интерес к его творчеству среди широкой читательской аудитории. А публикация нескольких стихов из красноармейской газеты «Красный воин» (Астрахань), как и публикация по беловому автографу исправленного текста стихотворения «С утробой медною...» (ранее известного под неверным заглавием «Испаганский верблюд»)[18], свидетельствуют о его успехах по выявлению и введению в научный оборот неизвестных произведений Хлебникова, наследие которого, казалось бы, давно уже было описано и изучено.

За первыми шагами последовали многие другие — публикация за публикацией, статья за статьей. При этом нельзя забывать, что автору, долго находившемуся вне официальных академических структур, публиковаться было более чем сложно: до второй половины 1980-х гг. статьи о Хлебникове принимали неохотно и лишь в результате больших усилий исследователю удавалось кое-что напечатать.

---

[15] *Неймаер Е.* О Велемире Хлебникове / вступ. заметка, публ. А. Парниса // Радуга (Киев). 1965. № 11. С. 135–138.

[16] *Парнис А., Заварова А.* Сберечь дом поэта // Учительская газета. 1967. № 77. 29 июня. С. 6.

[17] См., напр.: *Парнис А.* «Про конецарство, ведь оттуда я…» // Теегин герл / Свет в степи (Элиста). 1976. № 1. С. 135–151.

[18] *Хлебников В.* Воля всем; Жизнь / [публ. А. Парниса] // Простор (Алма/Ата). 1966. № 7. С. 91; *Парнис А.* Хлебников в революционном Гиляне (новые материалы) // Народы Азии и Африки. 1967. № 5. С. 156–164.

Перечислим некоторые работы, которые нам кажутся особенно важными. В середине 1970-х гг. Парнис публикует по найденному им беловому автографу полный текст поэмы «Марина Мнишек»[19]; до того был известен лишь фрагмент произведения. В этот же период, сначала заграницей, а потом и в России (в расширенном варианте), он публикует выявленный и атрибутированный им рассказ «Закаленное сердце (Из черногорской жизни)», напечатанный Хлебниковым в 1913 г. в газете «Славянин» под псевдонимом «В-кій». Анализ рассказа раскрыл целый пласт заимствований из языка и культуры черногорцев и подтвердил, вслед за статьей Иванова, необходимость изучения потенциальных источников творчества Хлебникова[20]. В 1980 г. выходит большая работа о сотрудничестве Хлебникова в газете «Красный воин», сопровождаемая публикацией текстов, напечатанных поэтом также под различными псевдонимами и анонимно[21]. Пять лет спустя, к юбилею Хлебникова, А. Парнис публикует обширную подборку собранных им воспоминаний — Д. Бурлюка, Я. Лаврина и др.[22], а в 1988 г. — поэму «Председатель чеки», извлеченную из Гроссбуха, конторской книги, хранящейся в фонде Хлебникова в ЦГАЛИ (РГАЛИ) и раньше запрещенную по политическим мотивам[23]. Тогда же начинают появляться публикации Парниса о взаимосвязях творчества Хлебникова с творчеством Павла Филонова, в которых он сочетает мастерское знание биографического фона с тонким анализом визуальных текстов и книжной графики[24]. С начала нулевых годов исследователь регулярно обращается к чрезвычайно важной для Хлебникова теме Азии и раскрывает различные ее аспекты. Так, в одной из наших совместных статей, продолжая линию исследований, начатую в шестидесятых годах, он рассматривает персидские элементы в его поздних текстах [1], а в других публикациях прослеживает возникновение и эволюцию хлебниковской мифологемы о «единой Азии»

[19] *Хлебников В.* Зверь + число; Марина Мнишек / публ., послесл. А. Парниса // Звезда. 1975. № 11. С. 199–205.

[20] *Парнис А.* Неизвестный рассказ Хлебникова // Russian Literature Triquarterly. (Ann Arbor, Michigan). 1975. № 13. P. 468–475; *Парнис А.* Южнославянская тема Велимира Хлебникова: Новые материалы к творческой биографии поэта // Зарубежные славяне и русская культура. Л.: Наука, 1978. С. 223–251.

[21] *Парнис А.Е.* Хлебников — сотрудник «Красного воина» // Литературное обозрение. 1980. № 2. С. 105–112.

[22] «Пророческая душа»: В. Хлебников в воспоминаниях современников: к 100-летию со дня рождения поэта / вступ. ст. Д. Самойлова; вступ. заметка, подгот. текстов, публ. и примеч. А. Парниса // Лит. обозрение. 1985. № 12. С. 93–104.

[23] *Хлебников В.* «Председатель чеки»: новое о поэте / вступ. ст., публ., коммент. А. Парниса // Новый мир. 1988. № 10. С. 147–152.

[24] Завершающая этот ряд работа: [11].

[9; 10]. В статьях, посвященных пребыванию Хлебникова в Баку в 1920–1921 гг., А. Парнис воссоздает картину жизни и творчества поэта в этом городе и решает важный вопрос относительно уникального машинописного сборника «Мір и остальное» [8]. В 2012 г., в монографии, посвященной другу Хлебникова художнику В. Ермилову и вышедшей под редакцией А. Парниса, он публикует ценные документальные материалы об их отношениях, реконструирует ряд эпизодов харьковского периода жизни поэта[25]. А в 2019 г., в шестом томе энциклопедического «Словаря русских писателей», выходит написанная вместе с автором этих строк большая биографическая статья о Хлебникове, являющаяся некоторым подведением итогов — отнюдь не окончательным! — проводимой десятилетиями работы по реконструкции биографии и творческого пути поэта[26].

Достижения А. Парниса как исследователя творчества Хлебникова, его исключительный авторитет среди специалистов по русскому авангарду, в значительной степени связаны с его изначальной установкой на выявление и сбор новых материалов — то есть, на то, чем Н. Харджиев почти перестал заниматься после НП, а большинство других специалистов по Хлебникову не занимается и поныне. На протяжении нескольких десятилетий Александр Ефимович разыскивает людей, имевших какое-то, пусть даже малейшее, отношение к Хлебникову, проявляя фантастическое умение их находить и установить с ними контакты. Где бы они ни проживали, в России или заграницей, он с ними переписывался — и это в годы, когда мало кто позволял себе общаться с иностранцами! — задавая вопросы, уточняя и проверяя имевшиеся сведения, уговаривая зафиксировать свои воспоминания на бумаге. Как бы следуя примеру Хлебникова, охваченного «голодом пространства», А. Парнис отправлялся в экспедиции по России, делая это на свой страх и риск и, естественно, за свой счет[27]. Многие из этих поездок увенчались успехом — сбором документов, воспоминаний, и даже рукописей поэта. Наиболее значительные — найденный в Баку в подвале одного из домов архив востоковеда и товарища Хлебникова по Ирану Рудольфа Абиха, а также приобретенный у вдовы искусствоведа Д.П. Гордеева тифлисский архив А. Крученых, в котором оказались рукописи В. Хлебникова.

[25] См.: [3, с. 72–128].

[26] См.: [2]. Пользуюсь случаем, чтобы выразить от имени обоих авторов искреннюю благодарность редактору нашей статьи И.Б. Роднянской.

[27] Об этом, как и о биографии и достижениях А. Парниса в целом, см.: [4]; см. также: [13].

Некоторые из этих материалов опубликованы и причислены к хлебниковскому канону, другие, к сожалению, еще ждут своей очереди.

С достижениями А. Парниса как хлебниковеда тесно связана его деятельность как составителя и редактора изданий Хлебникова. В результате переписки с В. Марковым, в 1968 г. предпринявшим републикацию СП и НП в немецком издательстве «Wilhelm Fink Verlag»[28], он принимает участие в третьем томе этого издания: Марков отдает должное «неоценимой помощи», оказанной ему А. Парнисом, и отмечает, что его «с полным правом можно считать вторым редактором этого тома»[29]. В 1986 г. тиражом в 200 000 экземпляров вышел объемистый сборник Хлебникова «Творения»: он был подготовлен Парнисом вместе с Виктором Петровичем Григорьевым[30]. Именно это издание, включившее значительное количество текстов вместе с обширными комментариями, сделало творчество Хлебникова доступным для нового поколения читателей в России и за рубежом.

А. Парнис является одним из инициаторов, редакторов и авторов масштабного сборника «Мир Велимира Хлебникова» [7], вышедшего на рубеже тысячелетий. Сборник состоит из двух разделов. В первом были собраны воспоминания и статьи современников о Хлебникове (Р. Якобсона, А. Крученых, Н. Асеева и др.); некоторые из них были ранее опубликованы А. Парнисом. Во втором же разделе были подобраны хлебниковедческие исследования тридцати современных российских и зарубежных филологов[31]. То, что в 2000 году подобная подборка — и в таком объеме! — оказалась возможной, показывало, насколько продвинулась изучение наследия Хлебникова. В этом процессе А. Парнис сыграл огромную роль — и, как видно по его новейшим работам, включенным в настоящий сборник, весьма успешно продолжает обогащать наши знания о Хлебникове.

Наконец, немного личного. Я познакомился с Сашей Парнисом зимой 1972 г. на квартире математика и семиотика Юры Левина и его жены художницы Ирины Глинки. Он был одним из тех, к кому

[28] *Хлебников В.* Собр. соч.. Gesammelte Werke. München: Wilhelm Fink Verlag, 1968–1972. Bd. I–IV.

[29] Там же. Т. III. С. XI. Третий том, куда вошел пятый том СП (см. примеч. 1), был дополнен многими несобранными и неопубликованными произведениями Хлебникова, а также библиографией литературы о поэте.

[30] *Хлебников В.* Творения / общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева и А. Парниса. М.: Сов. писатель, 1986. В.П. Григорьев (1925–2007) — лингвист, крупнейший специалист по языку русской поэзии XX в., творчеству Хлебникова. Нередко полемизировал по разным вопросам с А. Парнисом и другими хлебниковедами.

[31] Вяч.Вс. Иванов, М.Л. Гаспаров, М.И. Шапир, Г.А. Левинтон, В.Л. Скуратовский, Е.Р. Арензон, Д.В. Сарабьянов, Ю.А. Молок и др.

в преддверии моей первой поездки в Россию меня направили мои учителя — К. Тарановский, Р. Якобсон и Кристина Поморска. Разумеется, Сашино имя мне уже было известно, так как его статья «В. Хлебников в революционном Гиляне (новые материалы)»[32], наряду с упомянутой выше работой Вяч.Вс. Иванова, укрепила меня в моем решении заниматься всерьез этим малопонятным, «странным» поэтом-футуристом.

В те годы у Саши не было ни постоянного жилья, ни московской прописки. Приходилось встречаться у Левиных и у других общих друзей; в госархиве мы делали вид, что друг с другом не знакомы. Часто гуляли по Москве и беседовали: однажды Саша заявил, что к нам прицепился хвост и удивился, что я мог этого не заметить. Вскоре он уехал в Киев, где числился секретарем Виктора Некрасова.

Наше первое знакомство затем переросло в дружбу, несмотря на крайне редкие встречи в доперестроечное время и несмотря на мое неумение, в отличие от Саши, вести активную переписку. Где-то с конца восьмидесятых — начала девяностых мы стали общаться по разные стороны океана: к тому времени я нашел свой путь к Хлебникову — близкий, но отличающийся от Сашиных разысканий и исследований. Еще позже мы стали соавторами, что привело к регулярным спорам: то как прочитать недописанное или зачеркнутое слово в черновой рукописи, то как оценить отдельные биографические факты (совместная работа в очередной раз подтвердила Сашино поразительное знание подробностей жизни не только Хлебникова, но и остальных поэтов и художников его круга), то как сформулировать окончательные выводы из проработанного нами материала. Иногда мы работали у Саши в Бусинове, но чаще у покойной Елены Петровны Шумиловой, чья квартира в 1-м Щипковском переулке на протяжении двух десятилетий была моим убежищем в Москве. Гостеприимная хозяйка терпела нас, кормила, иногда злилась и требовала, чтобы оба автора, известные своей медлительностью, работали быстрее: не будь ее морального давления, некоторые из наших совместных публикаций так и не состоялись бы.

Р. Якобсон, перу которого принадлежит немало очерков о его знаменитых предшественниках и современниках в области лингвистики и семиотики, охотно пользовался английским термином «searcher», не вполне стандартным в данном контексте. Искатель, русский эквивалент этого слова, как нельзя лучше применим к личности и многолетней самоотверженной деятельности Саши Парниса.

[32] См.: Народы Азии и Африки. 1967. № 5. С. 159–164.

Название сборника работ А. Парниса, «Остров Хлебникова», восходит к реплике из последней части крупного довоенного произведения «Дети Выдры»: «На острове вы. Зовется он Хлебников» [16, т. 6, с. 279]. Сейчас на карте этого «острова» все еще немало белых пятен, но железнодорожное полотно проложено куда дальше вглубь, чем можно было себе представить тогда, в начале шестидесятых годов, когда после двадцатилетнего перерыва был переиздан небольшой томик Хлебникова в малой серии «Библиотеки поэта»». И это стало возможным в первую очередь благодаря Александру Парнису, однажды в Киеве открывшему этот томик и после испытанного им шока от текстов Хлебникова решившему, «что нужно профессионально заниматься изучением поэзии, чтобы разобраться во всем этом» [14, с. 16–17]. Как Велимиру Хлебникову, как нам всем — читателям поэта, почитателям и исследователям его творчества — повезло!

Литература

1. *Баран Х., Парнис А.* «Анабасис» Велимира Хлебникова: заметки к теме // Евразийское пространство: звук, слово, образ. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 267–298.

2. *Баран Х., Парнис А.Е.* Хлебников Велимир // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб.: Большая Российская Энциклопедия; Нестор-История, 2019. Т. 6: С–Ч. С. 523–534.

3. Василий Дмитриевич Ермилов, 1894–1968: Материалы к творч. биографии: статьи, письма, дневники, воспоминания; каталог произведений художника / вступ. ст., общ. ред., сост. и науч. ред. Александра Парниса. М.: Галерея «Проун», 2012. 536 с.

4. *Лавров А.В.* «Знакомый хлебниковед в Киеве»: К 85-летию А.Е. Парниса // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 246–257. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-246-257

5. *Марков В.Ф.* История русского футуризма / пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетейя, 2018. 438 с.

6. *Марков В.* О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное / сост. Е. Белодубровского, предисл. Ю. Линника. СПб.: Изд. Чернышева, 1994. С. 170–213.

7. Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования. 1911–1998 / сост. Вяч.Вс. Иванов, З.С. Паперный, А. Парнис; под общ. ред. А. Парниса. М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.

8. *Парнис А.* Велимир Хлебников: «Когда я жил в Баку, в стране огня…»: К 125-летию со дня рождения поэта // Про книги. 2010. № 4 (16). С. 13–27.

9. *Парнис А.* «Евразийские» контексты Хлебникова: от «калмыцкого мифа» к мифу о «единой Азии» [1-я часть] // Евразийское пространство: звук, слово, образ. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 299–344.

10. *Парнис А.* К дешифровке одной мифологемы Хлебникова: от «острова высокого звездного духа» к «священному острову» Ассу [2-я часть] // Russian Literature. Amsterdam, 2004. Vol. 55. P. 353–370.

11. *Парнис А.Е.* О метаморфозах мавы, оленя и воина: к проблеме диалога Хлебникова и Филонова // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования. 1911–1998. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 637–695.

12. Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. 320 с.

13. *Тименчик Р.Д.* Александру Парнису — восемьдесят пять // Знамя. 2023. № 4. URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=8642 (дата обращения: 31.08.2024).

14. Футуролог: к юбилею Александра Парниса. Беседу с юбиляром вел Иван Толстой // Авангард и остальное: сб. ст. к 75-летию Александра Ефимовича Парниса. М.: Три квадрата, 2013. С. 13–34.

15. *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде: в 2 т. М.: RA, 1997.

16. *Хлебников В.* Собр. соч.: в 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2006.

Research Article

Aleksandr Parnis, Khlebnikov Scholar. For the 60th Anniversary of His Literary Work

© 2025. Henryk Baran
University at Albany, State University of New York

Abstract: The end of 2025 marks sixty years since the appearance of Aleksandr Efimovich Parnis' first publication on Velimir Khlebnikov (1885–1922). The present article contains an overview of A. Parnis' multifaceted work on the Futurist poet's biography and creative heritage — of his exceptional contribution to Khlebnikov studies. Parnis' successful attempts to discover and bring into circulation unknown manuscripts and documents (most notably, materials belonging to Rudolph Abikh, the poet's comrade in Iran) are noted, as are his efforts to collect and publish the memoirs of the poet's contemporaries. Of great importance for the field have been his interpretations of individual texts by Khlebnikov, his clarifications and solutions of various biographical obscurities and puzzles, as well as his illuminating studies on the connections between Khlebnikov's poetic craft and the early Russian avantgarde, as well as early 20th century culture as a whole. A significant milestone of Aleksandr Parnis literary work was his joint preparation with V.P. Grigor'ev of the one-volume commented edition of Khlebnikov's *Tvoreniia* [*Creations*] (1986) — thanks to this publication, which came out in a large print run, Khlebnikov first became available and more accessible to a broader audience. Another major contribution by Parnis to the development of Khlebnikov studies was his joint publication, together with Viach.Vs. Ivanov and Z.S. Papernyi, of a massive scholarly volume, *Mir Velimira Khlebnikova* [*The World of Velimir Khlebnikov*] (2000). It included a selection of

significant criticism by the poet's contemporaries, and of a wide range of contributions by present-day Russian and foreign scholars.

Keywords: Velimir Khlebnikov, Khlebnikov studies. A.E. Parnis, N.L. Stepanov, N.I. Khardzhiev, R.O. Jakobson, V.F. Markov, Viach.Vs. Ivanov, V.P. Grigor'ev, R.P. Abikh.

Information about the author: Henryk Baran, O'Leary Professor Emeritus at the University at Albany, SUNY, Dept. of Languages, Literatures, and Cultures, University at Albany, 1400 Washington Ave., Albany, 12222 NY, USA.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4306-3522

E-mail: hbaran2@gmail.com; hbaran@albany.edu

For citation: Baran, H. "Aleksandr Parnis, Khlebnikov Scholar. For the 60th Anniversary of His Literary Work." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 497–507. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-497-507

References

1. Baran, Kh., and A. Parnis. "'Anabasis' Velimira Khlebnikova: zametki k teme" ["Velimir Khlebnikov's 'Anabasis': Notes on a Theme"]. *Evraziiskoe prostranstvo: zvuk, slovo, obraz* [*Eurasian Space: Sound, Word, Image*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 267–298. (In Russ.)

2. Baran, Kh., and A. Parnis. "Khlebnikov Velimir" ["Khlebnikov Velimir"]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 6: S–Ch [S–Ch]. Moscow, St. Petersburg, Bol'shaia Rossiiskaia Entsiklopediia Publ., Nestor-Istoriia Publ., 2019, pp. 523–534. (In Russ.)

3. *Vasilii Dmitrievich Ermilov, 1894–1968: Materialy k tvorcheskoi biografii: stat'i, pis'ma, dnevniki, vospominaniia; katalog proizvedenii khudozhnika* [*Vasilii Dmitrievich Ermilov, 1894–1968: Materials for a Creator's Biography: Articles, Letters, Diaries, Reminiscences; Catalogue of the Artist's Works*], introd., overall ed., comp. and scholarly ed. by Aleksandr Parnis. Moscow, Galereia "Proun" Publ., 2012. 536 p. (In Russ.)

4. Lavrov, A.V. "'Znakomyi khlebnikoved v Kieve': K 85-letiiu A.E. Parnisa" ["A Khlebnikov Scholar-Acquaintance in Kiev": For the 85th Anniversary of A.E. Parnis"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 246–257. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-246-257 (In Russ.)

5. Markov, V.F. *Istoriia russkogo futurizma* [*A History of Russian Futurism*], trans. from English by V. Kucheriavkin and B. Ostanin. St. Petersnurg, Aleteiia Publ., 2018. 438 p. (In Russ.)

6. Markov, V.F. *O svobode v poezii: Stat'i, esse, raznoe* [*On Freedom in Poetry: Articles, Essays, Varia*], ed. by E. Belodubrovskii, introd. by Iu. Linnik. St. Petersburg, Chernyshev Publ., 1994, pp. 170–213. (In Russ.)

7. *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniia. 1911–1998* [*The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Studies. 1911–1998*], comp. by Viach.Vs. Ivanov, Z.S. Papernyi, A. Parnis, overall ed. by A. Parnis. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 880 p. (In Russ.)

8. Parnis, A. "Velimir Khlebnikov: 'Kogda ia zhil v Baku, v strane ognia…': K 125-letiiu so dnia rozhdeniia poeta" ["Velimir Khlebnikov: 'When I Lived in Baku,

in the Land of Fire…': For the 125th Anniversary of the Poet's Birth"]. *Pro knigi*, no. 4 (16), 2010, pp. 13–27. (In Russ.)

9. Parnis, A. "'Evraziiskie' konteksty Khlebnikova: ot 'kalmytskogo mifa' k mifu o 'edinoi Azii'." ["Khlebnikov's 'Eurasian' Contexts: From the 'Kalmyk Myth' to the Myth of a 'United Asia'."] *Evraziiskoe prostranstvo: zvuk, slovo, obraz* [*Eurasian Space: Sound, Word, Image*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 299–344. (In Russ.)

10. Parnis, A. "K deshifrovke odnoi mifologemy Khlebnikova: ot 'ostrova vysokogo zvezdnogo dukha' k 'sviashchennomu ostrovu' Assu [2-ia chast']" ["Towards Deciphering a Khlebnikov Mythologem: From the 'Island of High Starry Spirit' to the 'Sacred Island' Assu (Part 2)"]. *Russian Literature*, vol. 55, Amsterdam, 2004, pp. 353–370. (In Russ.)

11. Parnis, A. "O metamorfozakh mavy, olenia i voina: k probleme dialoga Khlebnikova i Filonova" ["On the Metamorphoses of the Mava, the Deer and the Warrior: Towards the Problem of Dialogue between Khlebnikov and Filonov"]. *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniia. 1911–1998* [*The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Studies. 1911–1998*]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 637–695. (In Russ.)

12. *Russkaia slovesnost': Ot teorii slovesnosti k structure teksta. Antologiia* [*Russian Literature: From Theory of Literature to Structure of the Text. An Anthology*]. Moscow, Academia Publ., 1997. 320 p. (In Russ.)

13. Timenchik, R.D. "Aleksandru Parnisu — vosem'desiat piat'" ["Aleksandr Parnis is Eighty Five"]. *Znamia*, no. 4, 2023. Available at: https://znamlit.ru/publication.php?id=8642 (Accessed 31 August 2024). (In Russ.)

14. "Futurolog: k iubileiu Aleksandra Parnisa. Besedu s iubiliarom vel Ivan Tolstoi" ["Futurologist: For Aleksandr Parnis' Jubilee. Ivan Tolstoy's Conversation with the Celebrant"]. *Avangard i ostal'noe: sbornik statei k 75-letiiu Aleksandra Efimovicha Parnisa* [*Avantgarde and the Rest: Collection of Articles for the 75th Anniversary of Aleksandr Efimovich Parnis*]. Moscow, Tri Kvadrata Publ., 2013, pp. 13–34. (In Russ.)

15. Khardzhiev, N.I. *Stat'i ob avantgarde: v 2 t.* [*Articles on the Avant-Garde: in 2 vols.*]. Moscow, RA Publ., 1997. (In Russ.)

16. Khlebnikov, V. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Collected Works: in 6 vols.*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2000–2006. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.09.2025
Одобрена после рецензирования: 27.10.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 02.09.2025
Approved after reviewing: 27.10.2025
Date of publication: 25.12.2025

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2025 № 4 (38)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25А. стр. 1
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Л.И. Савич
Подписано в печать 15.12.2025
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 32

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н